Фрэнк Херберт

Еретики Дюны

ФРЭНК

ХЕРБЕРТ

ЕРЕТИКИ ДЮНЫ

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ
ФАНТАСТИКА
XX века
****

Пол АНДЕРСОН
Кеннет БАЛМЕР
Джеймс БЛИШ
Джеймс БАЛЛАРД
Джон БРАННЕР
Мэрион Зиммер БРЭДДИ
Альфред ВАН ВОГТ
Стенли ВЕЙНБАУМ
Джин ВУЛФ
Джек ВЭНС
Гордон ДИКСОН
Абрахам МЕРРИТ
Ларри НАЙВЕН
Андрэ НОРТОН
Брайан ОЛДИСС
Эдгар ПАНГБОРН
Фредерик ПОЛ
Джерри ПУРНЕЛЛЬ
Джоана РАСС
Фред САБЕРХАГЕН
Роберт СИЛЬВЕРБЕРГ
Джек УИЛЬЯМСОН
Филипп Хосе ФАРМЕР
Фрэнк ХЕРБЕРТ
Пирс ЭНТОНИ

Frank HERBERT

****

Heretics of Dune

«Amber, Ltd»
1995

Фрэнк ХЕРБЕРТ

****

Еретики Дюны

роман

«Амбер, Лтд»
1995

ББК 84.7.США
Х39

Херберт Фрэнк
Еретики Дюны./Пер. с англ.
Ангарск. «Амбер, Лтд»,
1995 г.— 512 стр.

Печатается с разрешения литературного агента.
Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом без разрешения запрещена. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с ведома издателя.

В оформлении книги использованы репродукция с иллюстрации Тэрри Оакса.

Издание осуществлено при участии издательств: «Сигма-пресс», г. Москва, и «Сидумет», г. Минск.

470310100 — 02
Х И 22 (03) — 95 Без объявления

ISBN 5—88358—044—0

© F. Herbert, 1985 г.
© «Амбер, Лтд», 1995 г.
© Перевод издательства «Сигма-пресс», 1995 г.

КОГДА Я ПИСАЛ «ДЮНУ»

...В моем уме не оставалось места для беспокойства об успехе или провале книги. Было только лишь желание работать над ее созданием.

Шесть лет исследований предшествовали тому дню, когда я решил собрать воедино мою историю. И увязывание множества сюжетных ходов, которые были мною задуманы, достигло той степени концентрации мысли, которой я никогда прежде не испытывал.

Эта история должна разрабатывать миф о Мессии.

Действию предстоит предложить другой взгляд на населенные человечеством планеты и энергетические устройства.

Также следует вскрыть взаимосвязи политики и экономики.

В ней обязательно должен присутствовать наркотик, пробуждающий самосознание, и рассказ, к чему приводит зависимость от него.

Питьевая вода должна быть только аналогией нефти, самой воды и других природных веществ и ресурсов, которые исчезают день за днем.

Это должен быть экологический роман, а значит, среди многих сюжетных линий, это должна быть, в не меньшей степени, история о людях, их радостях и заботах, об отношении к общечеловеческим ценностям, и я должен проследить каждую из этих линий на каждой стадии книги.

В моей голове не было места для мыслей о чем-нибудь еще.

Отзывы издателей после первой публикации были нескорыми и, как выяснилось, неточными. Критики всыпали книге по первое число. Более двенадцати издателей отвергли рукопись, прежде чем она была опубликована. Не было никакой рекламы. И все-таки что-то происходило.

Не прошло и двух лет, как я был завален жалобами книготорговцев и читателей, что они не могут достать мою книгу. Она удостоилась похвалы «Всемирного полного каталога».

Мне все время звонили люди, спрашивая, не собираюсь ли я учредить новый культ.

Мой ответ: «О Господи, нет!»

То, что я описываю, это — медленное осознание успеха. К тому времени, когда первые книги «Дюны» были

закончены, не оставалось почти никаких сомнений, что работа стала популярной — одной из самых известных в истории, как мне говорили,— с проданными по всему миру приблизительно десятью миллионами экземпляров.

Теперь самый частый вопрос, который люди мне задают: «Что означает для вас успех?» Он меня удивляет. Хотя, признаться, я и не ожидал провала.

Это была моя работа, и я ее сделал. Части «Мессии Дюны» и «Детей Дюны» были написаны до того, как была завершена сама «Дюна». Они все больше обрастали плотью во время писания, но суть рассказанной истории осталась нетронутой.

Я был писателем, я писал. Успех означал, что я могу отдать еще больше времени моему занятию.

Оглядываясь назад, я осознаю, что подсознательно поступил верно. Пишешь не для результата и успеха не ждешь. Это отвлекает часть твоего внимания от собственного творчества.

Если ты готов творить, то все, что тебе надо делать — это писать.

Негласное соглашение между тобой и читателем. Если кто-нибудь заходит в книжный магазин и тратит кровно заработанные деньги на твою книгу, ты обязан сколько-нибудь занять этого человека, ты должен стараться изо всех сил.

Это и в самом деле все время было моим желанием.

Основная часть дисциплинирующей выучки — это ее скрытая часть, предназначенная не освобождать, но ограничивать. Не спрашивай: «Зачем?». Будь осторожен с «как?». «Зачем?» ведет к неумолимому парадоксу. С «как?» ты попадешь в ловушку причинно-следственного мироздания. И то и другое отрицает безграничность.

Апокрифы Арракиса

— Тараза ведь рассказала тебе, что мы уже израсходовали одиннадцать гхол Данкана Айдахо? Этот — двенадцатый.

Говоря с намеренной желчностью, старая Преподобная Мать Шванги смотрела с галереи третьего этажа на одинокого мальчика, игравшего на закрытой лужайке. Яркий дневной свет планеты Гамму солнечными зайчиками отплясывал на белых стенах внутреннего дворика, наполняя все пространство ниже Преподобных Матерей таким сиянием, как будто на юного гхолу был специально направлен луч театрального софита.

«Израсходовали!» — подумала Преподобная Мать Луцилла. Она позволила себе кивнуть, заметив, каким же холодным безразличием веет от манер Шванги и от выбираемых ею слов.

«Мы израсходовали наш запас — пришлите нам еще!»

Мальчику на газоне было приблизительно двенадцать стандартных лет, но у гхол, с еще не пробужденной памятью об их исходной жизни внешность может быть очень обманчива.

Мальчик на мгновение отвлекся и поглядел на наблюдавших за ним с галереи. Крепыш, с прямым взглядом, настойчиво смотрящим из-под черной шапочки каракулевых волос. Желтый свет ранней весны отбрасывал небольшую тень у его ног. Он был загорелым почти дочерна, но, когда при легком движении голубой стилсъют чуть соскользнул с его плеча, там обнажилась бледная кожа.

— Эти гхолы не только до́роги, они еще и очень опасны для нас,— сказала Шванги.

Ее голос звучал ровно и бесцветно, обретая от этого еще бо́льшую властность — голос Преподобной Матери Наставницы, говорящей с послушницей. Для Луциллы это было дополнительным напоминанием, что Шванги входила в ярую оппозицию проекту гхолы.

Тараза заранее предостерегала Луциллу: «Она постарается переманить тебя на свою сторону».

— Одиннадцати неудач достаточно,— удрученно сказала Шванги.

Луцилла посмотрела в морщинистое лицо Шванги, вдруг подумав: «Когда-нибудь я тоже стану старой и усохшей. И может быть, приобрету такой же вес в Бене Джессерит».

Шванги была невысокой, приметы ее старости стали приметами долгого служения Ордену.

Из изученных ею заранее сведений Луцилла знала, что под форменной черной абой Шванги скрывается костлявое тельце, которое редко кому-либо доводилось видеть, кроме обшивавших ее послушниц и скрещивавшихся с ней мужских особей. Широкий рот Шванги с двух сторон ограничивали старческие морщины, спускавшиеся к выпяченному подбородку.

В ее манерах было много суховатой резкости, которую непосвященные часто принимали за гнев. Командующая Оплотом Гамму больше других Преподобных Матерей заботилась о том, чтобы принадлежать самой себе.

Луцилле снова захотелось, чтобы она смогла ознакомиться в целом со всем проектом гхолы. Хотя Тараза достаточно ясно провела границу: «Шванги не следует доверять там, где дело касается безопасности гхолы».

— Мы считаем, что сами же тлейлаксанцы и убили большинство из одиннадцати предыдущих,— сказала Шванги.— Одно это свидетельствует о многом.

Луцилла в тон Шванги выбрала манеру спокойного, почти безмятежного выжидания. Поза ее будто говорила: «Я, может быть, намного младше тебя, Шванги, но я тоже полная Преподобная Мать». Она ощущала на себе пристальный взгляд Шванги.

Шванги видела голографические изображения этой Луциллы. Но они не шли ни в какое сравнение с самим оригиналом. Геноносительница высшего уровня, в этом нет никаких сомнений. Синие глаза без маскирующих линз кажутся пронзительными, и это хорошо сочетается с ее длинным овальным лицом. Сейчас, когда капюшон ее черной абы откинут, видны каштановые волосы, собранные в тугой узел и широко спадающие по спине. Даже самое жесткое облачение не способно полностью скрыть пышных грудей Луциллы. Она происходила из генетических линий, знаменитых своими материнскими данными, и уже подарила Ордену трех детей, двух — от одного и того же про-

изводителя, эта каштановолосая чаровница с полными грудями и расположенностью к материнству.

— Ты очень мало говоришь,— сказала Шванги.— Из этого мне ясно, что Тараза настроила тебя против меня.

— Есть у тебя причины считать, что убийцы постараются уничтожить и этого гхолу? — спросила Луцилла.

— Они уже пытались.

«Странно, отчего на ум приходит мысль о ереси, когда думаешь о Шванги,— подумала Луцилла. Может ли существовать ересь среди Преподобных Матерей?»

Религиозные оттенки этого слова казались неподходящими в среде Бене Джессерит. Откуда взяться еретическим движениям среди тех, кто во всех религиозных делах видит лишь средство манипулирования?

Луцилла обратила взор на гхолу, который решился в этот момент пройтись колесом по лужайке. Затем он остановился и посмотрел на женщин, стоящих на галерее.

— Как он хорошо крутит колесо,— язвительно усмехнулась Шванги. Ее старческий голос не мог полностью скрыть затаенную жестокость.

Луцилла поглядела на Шванги. «Ересь», «диссидентство» — слова неподходящие. Слово «оппозиция» не охватывает впечатления, вызываемого старухой. Есть в ней что-то, способное подорвать основы Бене Джессерит. Бунт против Таразы, против Верховной Преподобной Матери? Немыслимо! Верховные Матери взращивались и воспитывались как монахини. Если уж Тараза собрала совет, выслушала мнения, а потом вынесла свое собственное решение — весь Орден обязан был подчиниться.

— Сейчас не время для создания новых проблем! — сказала Шванги.

Значение ее слов было ясно: возвращаются люди Рассеяния и намерения некоторых Затерянных угрожают Ордену.

«Преподобные Черницы». До чего похоже на «Преподобные Матери».

Луцилла решилась закинуть удочку:

— Значит, по-твоему, мы должны сосредоточиться на проблеме этих Преподобных Черниц из Рассеяния?

— Сосредоточиться?.. Они не обладают нашими возможностями. Они не проявляют здравого смысла. И они не владеют меланжем. Наши знания, полученные благодаря спайсу,— вот что они хотят заполучить!

— Возможно,— допустила Луцилла. Ей не хотелось соглашаться с таким заявлением, не имея веских доводов.

— Верховная Мать Тараза отвлекается от настоящих дел ради пустой возни с этими гхолами,— сказала Шванги.

Луцилла промолчала. Проект гхолы определенно вызывал зловещее раздражение у Ордена. Даже от отдаленной вероятности получить еще одного Квизаца Хадераха мурашки страха пробегали по рядам Ордена.

Связываться с замурованными в червях осколками сознания Тирана! Крайне опасно.

— Нам вообще не следует перевозить этого гхолу на Ракис,— пробормотала Шванги.— Не будите спящих червей.

Луцилла опять перенесла свое внимание на мальчика-гхолу.

Он повернулся спиной к высокой галерее, на которой стояли две Преподобные Матери, но что-то в его позе говорило: он понимает, что разговор о нем, и ожидает их реакции.

— Ты, несомненно, сознаешь, что тебя призвали рано, когда он еще слишком юн,— сказала Шванги.

— Я никогда не слышала о глубоком кодировании столь юного,— согласилась Луцилла.

Она намеренно подпустила легкую самоиронию в свои интонации, зная, что Шванги, расслышав этот оттенок, неправильно его истолкует. Бене Джессерит — высшие специалисты в целенаправленном управлении всем, касающемся продолжения рода человеческого.

«Используй любовь, но сама ее избегай» — вот о чем подумает сейчас Шванги.

Аналитики Ордена понимают, где коренится любовь. Они докопались до этого еще на самых ранних стадиях развития Ордена, но никогда не смели заключать ее из направленного скрещивания. Терпи любовь, но будь настороже — вот главное правило. Знай, что она заложена в самую глубь человеческой генетики — сеть безопасности, обеспечивающая продолжение рода. Ты используешь ее, когда необходимо, закрепляя отобранные личности (иногда друг поверх друга) ради целей Ордена, с сознанием, что такие личности будут присоединены могучими связующими линиями, не всегда легко постижимыми для обычного разума. Другие способны, может быть, наблюдать такое движение и прорабатывать последствия, но, скованные единой цепью, будут танцевать под музыку бессознательного.

— Я не думаю, что кодирование его будет ошибкой,— сказала Шванги, неправильно истолковав молчание Луциллы.

— Мы делаем, что нам приказывают,— проворчала Луцилла. Пусть Шванги сама решит, что означают эти слова.

— Значит, ты нисколько не возражаешь против перевода гхолы на Ракис,— сказала Шванги.— Интересно, продолжала бы ты и дальше беспрекословно повиноваться, если бы знала все от и до?

Луцилла сделала глубокий вдох. Не откроется ли ей сейчас полный замысел, связанный с гхолами Данкана Айдахо?

— На Ракисе есть девочка по имени Шиана,— продолжала Шванги.— Она обладает даром управлять гигантскими червями.

Луцилла скрыла свое возбуждение. «Гигантские черви. Не Шаи Хулуд. Не Шайтан. Гигантские черви». Наездница Песков, предсказанная Тираном, наконец появилась!

— Я не просто поддерживаю пустой разговор,— сказала Шванги, когда Луцилла вновь промолчала.

«Разумеется, нет,— подумала Луцилла.— И ты называешь их, исходя из внешнего вида, а не из сути внутреннего мистического значения. Гигантские черви. А в самом деле думаешь о Тиране Лито II, чей бесконечный сон несут жемчужинки сознания в каждом из этих червей. По крайней мере, нам приходится в это верить».

Шванги кивнула на ребенка на лужайке под ними.

— По-твоему, их гхола будет способен повлиять на девочку, повелевающую червями?

«Вот, наконец, все и выплывет наружу»,— подумала Луцилла. Вслух она сказала:

— У меня нет необходимости отвечать на такой вопрос.

— Ты и в самом деле осторожна,— сказала Шванги.

Луцилла выгнула спину и потянулась. «Осторожна? Да, разумеется».

Тараза ее предостерегала: «Там, где дело касается Шванги, ты должна действовать и крайне осторожно, и очень быстро. Временное окно, внутри которого мы только и можем достичь успеха». «Успеха в чем?» — удивилась Луцилла.

Она искоса взглянула на Шванги:

— Я не понимаю, как Тлейлакс смог благополучно расправиться с одиннадцатью гхолами, как они просочились сквозь все наши защитные порядки!

— Сейчас у нас есть башар,— сказала Шванги.— Может быть, он сможет предотвратить несчастье.— Ее тон говорил, что она в это не верит.

Верховная Мать Тараза говорила: «Ты Геноносительница, Луцилла. Когда прибудешь на Гамму, ты разберешься в общей структуре. Но для достижения твоей цели не обязательно знать план целиком».

— Подумай о цене! — продолжала Шванги, угрюмо глядя на гхолу, который сейчас присел на корточки и вырывал кустики травы.

Луцилла понимала, что цена не имеет никакого отношения к этому, открытое признание неудач — вот что было намного сложнее. Орден не мог выдать своего провала. Но то, что Геноносительница призвана рано — это факт. Тараза же знала, что Геноносительница все поймет и составит представление об этой части общего плана.

Шванги указала костлявой рукой на ребенка, вернувшегося к своей одинокой игре, прыгая и кувыркаясь на траве.

— Политика,— сказала Шванги.

«Нет сомнений — именно политика Ордена лежит в самой основе ЕРЕСИ ШВАНГИ»,— подумала Луцилла.

Оценить сложность противоречий внутри Ордена можно по назначению настоятельницей Оплота на Гамму именно Шванги.

Те, кто противостоят Таразе, отказываются сидеть на обочине.

Шванги повернулась и пристально поглядела на Луциллу. Сказано уже достаточно. Достаточно услышано и достаточно пропущено через тренированные умы Бене Джессерит. Дом Соборов с огромным старанием выбирал эту Луциллу.

Луцилла чувствовала как прощупывает и изучает ее старуха, но не позволяла этому повлиять на ту глубокую сосредоточенность, которая помогает каждой Преподобной Матери справиться со стрессом. «Вот оно. Пусть смотрит на меня во все глаза». Луцилла повернулась и, безмятежно улыбнувшись, стала разглядывать крышу напротив.

Вышел мужчина в мундире, вооруженный тяжелым лазерным пистолетом, кинул взгляд на двух Преподобных Матерей, а затем сосредоточил его на ребенке внизу на лужайке.

— Кто это? — спросила Луцилла.

— Патрин — доверенный подчиненный башара. Он утверждает, что всего лишь денщик башара. Но надо быть слепым дураком, чтобы в это поверить.

Луцилла с огромным интересом стала разглядывать человека на противоположной стороне галереи. Так вот он каков, Патрин. Уроженец Гамму, как сказала ей Тараза. Выбран для выполнения этой задачи самим башаром Худой и светловолосый, уже слишком стар для строевой службы, но по настойчивому призыву башара присоединился к старому командиру, во всем ему помогая.

Шванги увидела, как Луцилла с неподдельной озабоченностью перевела взгляд с Патрина на гхолу. Да, если башар опять призван охранять Оплот, значит гхола действительно в крайней опасности.

Луцилла вздрогнула от внезапного удивления.

— Но почему... Он...

— Приказание Майлса Тега,— проговорила Шванги, называя башара по имени.— Все игры гхолы являются одновременно и его тренировками. Мускулы должны быть подготовлены ко дню его возвращения в свое истинное «я».

— Но он выделывает сейчас не совсем простое физическое упражнение,— заметила Луцилла. Она почувствовала, как ее собственные мускулы тоже откликаются, узнавая знакомые движения.

— Гхоле не позволено изучать только аркану Ордена,— сказала Шванги.— Почти все остальное из запасников наших познаний в его распоряжении.

Интонация Шванги говорила, что Преподобная Мать считает это неправильным.

— Но ведь, наверняка, никто не верит, будто этот гхола способен стать новым Квизацем Хадерахом,— возразила Луцилла.

Шванги пожала плечами.

Луцилла сохраняла полную неподвижность и спокойствие, размышляя. Возможно ли, чтобы этот гхола мог развиться в мужской вариант Преподобной Матери? Способен ли этот Данкан Айдахо обрести способность проникновения в такие глубины своего «я», куда не осмеливается заглянуть ни одна Преподобная Мать?

Шванги заговорила, голос ее напоминал порыкивающее бормотание:

— Замысел этого проекта... У них опасный план. Они могли бы совершить ту же самую ошибку...— она осеклась.

«Они,— подумала Луцилла.— Их гхола».

— Много бы я отдала, чтобы знать наверняка, какое место занимают в этом Икс и Рыбословши,— сказала Луцилла.

— Рыбословши! — Шванга покачала головой при одной мысли об остатках женской армии, служившей только Тирану.— Они верят в правду и справедливость.

Луцилла переборола внезапный комок в горле. Шванги — в твердой оппозиции, не достает только открытого признания. Да, она здесь командует. Политическое правило простое: те, кто противится проекту, должны наблюдать за ним, чтобы можно было пресечь его при первом же признаке осложнений. Но здесь на лужайке истинный гхола Данкана Айдахо. Сравнительный анализ клеток и Видящая Правду это подтвердили.

Тараза ей говорила, провожая: «Тебе предстоит обучить его любви во всех ее формах».

— Он так юн,— Луцилла не отводила взгляда от гхолы.

— Да, юн,— сказала Шванги.— Полагаю, что пока ты пробудишь в нем только ответную привязанность ребенка на материнскую любовь. Позже...— Шванги пожала плечами.

Луцилла ничем не проявила своих чувств. Бене Джессерит повинуется. «Я — Геноносительница. Значит...» Распоряжения Таразы и специальная подготовка Луциллы определили особый курс, которым все должно пойти.

Луцилла сказала Шванги:

— Есть кто-то похожая на меня как две капли воды, говорящая моим голосом. Я — ее зеркальное отражение. Могу я спросить, кто это?

— Нет.

Луцилла опять промолчала. Она и не ожидала откровенности, но не раз отмечалось ее потрясающее сходство с главой Отдела Безопасности Преподобной Матерью Дарви Одрейд. «Юная Одрейд». Луцилла не раз слышала эти слова. И Луцилла и Одрейд происходили, конечно, от линии Атридесов с сильным генным влиянием потомков Сионы. Рыбословши не имели монополии на эти гены! Но Иные Памяти Преподобной Матери, несмотря на их жесткую избирательность и ограниченность предками только с женской стороны, давали важные ключики к пониманию широкого размаха проекта гхолы. Луцилла, опиравшаяся на жизненный опыт обитавшей в ней Джессики, жившей пять тысяч лет тому назад и появившейся в результате

генетических манипуляций Ордена, испытывала глубокое чувство страха, исходящее от этой жизни-памяти.

Знакомая модель и исходящее от нее такое напряженное ощущение рока вынудили Луциллу автоматически начать произносить литанию против страха, какую она выучила еще при первом посвящении в Обряды Ордена: «Я не должна бояться. Страх — это убийца разума. Страх — это маленькая смерть, несущая полное уничтожение. Я должна встретить мой страх лицом к лицу. Я должна позволить ему пройти через меня и сквозь меня. И когда он пройдет и останется позади, я обращу внутренний взгляд, чтобы увидеть его тропу. Когда страх уйдет, не будет ничего. Только я сама останусь».

К Луцилле возвратилось спокойствие.

Шванги подметила, что с Луциллой что-то происходит, и позволила своей настороженности немного ослабеть. Луцилла не тупица, не «особая» Преподобная Мать, не титулованная пустышка, которая едва может работать так, чтобы не ставить постоянно Орден в неловкое положение. Луцилла — настоящая, и некоторые реакции нельзя от нее скрыть, даже реакции другой Преподобной Матери. Очень хорошо, пусть она узнает полный размах оппозиции этому «опасному» проекту!

— По-моему, гхола не доживет до того, чтобы увидеть Ракис,— сказала Шванги.

Луцилла пропустила это мимо ушей.

— Расскажи мне о его друзьях,— сказала она.

— У него нет друзей, только учителя.

— Когда я с ними встречусь? — она задержала взгляд на противоположной стороне галереи, где Патрин небрежно облокотился на низкую балюстраду, тяжелый лазерный пистолет наготове. Луцилла внезапно поняла, что Патрин наблюдает за ней. У Патрина — приказ башара! Шванги наверняка видит и понимает. «Мы охраняем его!»

— Я так понимаю, тебе особенно хочется увидеться именно с Майлсом Тегом? — спросила Шванги.

— Среди прочих.

— Не хочешь ли сперва войти в контакт с гхолой?

— Я уже вошла с ним в контакт,— Луцилла кивнула на внутренний двор, где ребенок опять стоял неподвижно и глядел на нее.— Он из задумчивых.

— Об остальных гхолах я знаю только по докладам,— сказала Шванги,— но, подозреваю, этот — наиболее задумчивый из всей серии.

Луцилла подавила непроизвольную дрожь, так яростно ее подмывало открыто восстать против отношения и слов Шванги. Ни единого намека, что мальчик внизу — такой же, как и все.

Облака затмили солнце, пока Луцилла размышляла над этим. Над стенами Оплота задул холодный ветер, закруживший вихрями по внутреннему двору. Мальчик отвернулся и ускорил свои физические упражнения, согреваясь за счет возросшей активности.

— Куда он уходит, когда хочет побыть один? — спросила Луцилла.

— В основном в свою комнату. Он несколько раз совершал весьма опасные вылазки, но мы это пресекли.

— Он, должно быть, сильно нас ненавидит.

— Я в этом уверена.

— Мне надо будет сразу же взяться за него.

— Наверняка, у Геноносительницы нет сомнений в своей способности перебороть эту ненависть.

— Я думаю о Гиэзе,— Луцилла метнула на Шванги осведомленный взгляд,— меня весьма удивляет, что ты позволила Гиэзе совершить такую ошибку.

— Я не вмешиваюсь в нормальный процесс обучения гхолы. Если одна из его учительниц привязывается к нему искренней любовью — это не моя проблема.

— Привлекательный ребенок,— сказала Луцилла.

Преподобные Матери немного постояли, наблюдая за упражнениями гхолы Данкана Айдахо. Они обе ненадолго задумались о Гиэзе, одной из первых учительниц, привезенных сюда ради проекта гхолы. Подход Шванги был прост: «Гиэза, определенно, была неудачей». А Луцилла думала: «Шванги и Гиэза усложнили мою задачу». Ни Шванги, ни Луцилла ни на секунду не задумались над тем, как эти мысли подкрепляют их верность тем или иным принципам.

Наблюдая за ребенком во внутреннем дворе, Луцилла начала по-новому постигать, чего на самом деле достиг Тиран — Бог-Император. Лито II использовал этих гхол бесчисленное количество — тридцать пять сотен лет сменялись гхолы Данкана один за другим. Бог-Император Лито II не был обыкновенным от природы. Он был величайшим Джаггернаутом человеческой истории, катящимся повсюду — давящим социальные системы, естественную и искусственную ненависть, формы правления, обряды (и табу, и мандаринаты), религии легкие и религии аскетич-

ные. Сокрушающий вес его колесницы не оставил ничего без своих отметин, даже Бене Джессерит.

Лито II называл это Золотой Тропой, и этот Данкан Айдахо, типовой гхола, которого она видела сейчас там внизу, был заметной фигурой в этом наводящем благоговейный ужас движении. Луцилла изучала отчеты Бене Джессерит — возможно самые лучшие во всем мироздании. Даже сегодня на большинстве планет Старой Империи до сих пор разбрызгивают капли воды на восток и на запад, произнося местные варианты: «Пусть твое благословение снизойдет на нас за это подношение, о Бог бесконечной силы и бесконечного милосердия».

Добиться такого повиновения — задача Бене Джессерит и их прирученного жречества. Но это обрело свою инерцию, ставшую назойливым принуждением. Даже самые сомневающиеся из верующих говорили: «Что ж, вреда это причинить не может». Это было достижение, которое самые лучшие религиозные конструкторы Защитной Миссионерии Бене Джессерит наблюдали с восхищением, страхом и разочарованием. Тиран превзошел лучших из Бене Джессерит. Пятнадцать сотен лет прошло со времени смерти Тирана, но Орден до сих пор беспомощен распутать главный узел этого устрашающего достижения.

— Кто отвечает за религиозную подготовку? — спросила Луцилла.

— Никто,— сказала Шванги,— к чему беспокоиться? Если он будет вновь пробужден к своей исходной памяти, то вернется и к своей изначальной вере. Мы будем иметь дело с ней, если когда-либо до этого дойдет.

Время тренировки мальчика закончилось. Он покинул внутренний двор, не оглянувшись, и удалился в широкую дверь слева. Патрин тоже оставил свою позицию наблюдателя, даже не взглянув на Преподобных Матерей.

— Пусть тебя не одурачат люди Тега,— сказала Шванги.— У них глаза на затылке. Ведь мать Тега с рождения была одной из нас. Он учит гхолу такому, чего ему вообще никогда не следовало бы знать!

Взрывы также можно считать сжатиями времени. Все доступные наблюдению перемены в человеческой истории до некоторой степени и с некоей точки зрения являются взрывными — иначе бы вы их не заметили. Плавная непрерывность перемен, если ее доста-

точно замедлить, протекает незамеченной для тех, чей срок наблюдения слишком короток. Отсюда, говорю вам, я видел перемены, которых вы никогда бы не узрели.
Лито II

Высокая и гибкая женщина стояла в утреннем свете планеты Дом Соборов перед столом, за которым сидела Верховная Преподобная Мать Альма Тараза. Длинная черно-мерцающая аба, облекавшая посетительниц от плеч до пола, не могла скрыть грацию, проявлявшуюся в каждом движении тела.

Тараза наклонилась вперед в своем песьем кресле и проглядывала перекладные досье — глифы Бене Джессерит,— проецируемые над поверхностью стола только для ее глаз.

«Дарви Одрейд» — так дисплей определил стоявшую перед ней женщину, а затем последовала сжатая биография. Она была уже знакома Таразе до мелочей. Дисплей служил нескольким целям: всегда надежная памятка для Верховной Матери, позволявшей порой взять паузу для раздумий, когда делаешь вид, словно изучаешь характеристики, и он же снабжал решающими доводами, если в ходе беседы всплывет что-нибудь нежелательное.

«Одрейд принесла Бене Джессерит уже девятнадцать детей»,— вчитывалась Тараза в информацию, возникавшую перед ее глазами. Каждый ребенок от другого отца, в этом необычного мало. Но даже такое интенсивное материнство не нарастило на Одрейд ненужной плоти. Лицо ее с длинным носом и угловатыми щеками от природы имело высокомерный вид. Все лицо сужалось к узкому подбородку. Пухлые губы — обещание страсти.

«Мы всегда можем положиться на гены Атридесов»,— подумала Тараза.

Позади Одрейд затрепетала оконная занавеска, она оглянулась. Они были в утренней комнаты Таразы — небольшой, элегантно обставленной, отделанной в зеленых тонах. Только яркая белизна песьего кресла Таразы выделялась на общем фоне. Окна эркера смотрели на восток — на сад, лужайку и отдаленные снежные вершины гор планеты Дом Соборов, похожие на театральные декорации.

Тараза сказала, даже не посмотрев на нее:

— Я обрадовалась, когда ты и Луцилла приняли назначение. Это намного облегчает мою задачу.

— Я бы хотела встретиться с этой Луциллой,— сказала Одрейд, глядя на макушку Таразы. Голос Одрейд был мягким контральто.

Тараза откашлялась.

— Нет надобности. Луцилла — одна из наших Геноносительниц. Вы обе получили идентичное либеральное образование, обусловившее вашу подготовленность.

Было что-то оскорбительное в небрежном тоне Таразы, и только их давнее знакомство уняло вспыхнувшее вдруг раздражение Одрейд. Частично — из-за слова «либеральное», разобралась она. Предки-Атридесы взбунтовались в ней при этом слове. Словно все ее накопленные женские воспоминания накинулись на бессознательные выводы и поверхностные предубеждения, скрывающиеся за этим словом.

«Только либералы на самом деле мыслят. Только либералы разумны. Только либералы понимают нужды своих собратьев. Сколько же зловредности скрыто за этим словом! — подумала Одрейд.— Как же сильно тайное «я» требует ощущения своего первенства».

Одрейд напомнила себе, что Тараза, несмотря на свой небрежный до оскорбительности тон, использовала этот термин только в католическом смысле: общее образование Луциллы полностью соответствовало образованию Одрейд.

Тараза откинулась, устраиваясь поудобнее, не отрывая взгляда от дисплея. Свет из окон, выходящих на восток, осветил лицо невысокой женщины — чуть-чуть старше Одрейд,— положив тени под носом и подбородком. Тараза сохранила часть красоты, благодаря которой она когда-то была самой надежной при скрещивании с трудными мужскими особями. Ее лицо — длинный овал с мягко закругляющимися щеками, черные волосы собраны в большой тугой пучок на затылке, полностью обнажая лоб, рот едва открывался, когда она говорила,— полнейший контроль за движениями. Внимание наблюдателя все время привлекали ее глаза: повелительные и затопленные синевой. Ее лицо производило впечатление маски вежливости, из-под которой не проглянут разоблачающие истинные переживания.

Одрейд знала, в каком случае Верховная Мать принимает такую позу. Вскоре Тараза забормочет себе под нос. Ну точно, именно как Одрейд и ожидала, Тараза что-то забормотала про себя.

Верховная Мать размышляла, следя за выдающим информацию дисплеем с большим вниманием. Многое занимало ее мысли.

Это успокаивало Одрейд. Тараза не верит, что существует некая благотворная сила, руководящая человечеством. Защитная Миссионерия и Намерения Ордена — вот что хоть как-то ценно в мире Таразы. Все служащее этим целям, даже происки давно умершего Тирана, должно почитаться благом. Все остальное есть зло. Чужеродные вторжения из Рассеяния — особенно эти возвращающиеся потомки Рыбословш, называющие себя Преподобными Черницами,— никак не заслуживают доверия. Собственная паства Таразы, и даже противостоящие ей в Совете, это, в конечном итоге, Бене Джессерит — единственное, чему можно доверять.

Так и не поднимая глаз, Тараза заговорила:

— Ты знаешь, что если сравнивать тысячелетия, предшествующие Тирану, с прошедшими после его смерти, то уменьшение крупных конфликтов феноменально. Со времени Тирана их число стало меньше чем два процента от того, что было прежде.

— Насколько мне известно...— ответила Одрейд.

Тараза метнула на нее беглый взгляд и сразу опустила глаза.

— Что?

— Невозможно получить сведения, сколько войн велось за пределами нашего обитания. Есть ли у тебя статистика от людей Рассеяния?

— Конечно, нет!

— Ты говоришь о том, что именно Лито укротил нас,— сказала Одрейд.

— Если тебе этого хочется, пусть будет так.

Тараза отметила что-то увиденное на дисплее.

— Следует ли приписать это заслугам нашего любимого башара Майлса Тега? — спросила Одрейд.— Или его талантливым предшественникам?

— Этих людей выбирали мы,— ответила Тараза.

— Не понимаю, уместна ли сейчас дискуссия по военным вопросам,— сказала Одрейд.— Что она имеет общего с нашей нынешней проблемой?

— Есть кое-кто, полагающий, что мы можем вляпаться в скверную историю и впадем в состояние хуже, чем было до Тирана...

— Ну да? — Одрейд поджала губы.

— Некоторые отряды возвращающихся Затерянных продают оружие всякому, кто хочет или может купить.

— Какое именно оружие? — спросила Одрейд.

— Современное оружие стекается на Гамму, и нет сомнений, что тлейлаксанцы накапливают некоторые самые опасные вооружения.

Откинувшись назад и потерев висĸи́, Тараза заговорила тихим, почти задумчивым голосом:

— Мы считаем, что принимаем решение величайшего значения и исходим из высочайших принципов.

Одрейд и раньше это знала. Она сказала:

— Верховная Мать сомневается в правоте Бене Джессерит?

— Сомневаюсь? О нет. Но я действительно испытываю разочарование. Мы работали изо всех сил ради этих высокоутонченных целей, а что получаем в итоге? Обнаруживается, что многое, чему мы посвятили наши жизни, проистекает из ничтожных предпосылок: жажды личных удобств или благополучия, не имеющих ничего общего с нашими высокими идеалами. Что в самом деле поставлено на карту — соглашение всех Способных принимать решения для пользы всего человечества.

— Я слышала, ты называешь это политической необходимостью,— заметила Одрейд.

Тараза заговорила, взяв себя под жесткий контроль и опять перенеся при этом взгляд на дисплей.

— Если мы станем основывать наши суждения не на созданной жесткой системе, то это верный путь к исчезновению Бене Джессерит.

— Ты не найдешь ничтожных решений в моей биографии,— сказала Одрейд.

— Я ищу источники слабостей, изъянов.

— Их ты тоже не найдешь.

Тараза скрыла улыбку. Она узнала, поняла это эксцентричное замечание: способ Одрейд подпускать шпильки Верховной Матери. Хороша была Одрейд, когда, нетерпеливая на вид, на самом деле погружалась в поток терпения, не торопя время.

Когда Тараза не клюнула на эту наживку, Одрейд вернулась к своему спокойному ожиданию — легкое дыхание, уравновешенный ум. Терпение втекало в нее без усилия над собой. Орден давным-давно научил ее, как разделять прошлое и настоящее на одновременные потоки. Наблюдая за всем окружающим, она в то же время способна была выхватывать крохи прошлого и жить ими, будто прошлое и настоящее накладывались на один экран.

«Работа памяти»,— подумала Одрейд. Было время,

когда Одрейд жила так, как и большинство детей: в доме, где были мужчина и женщина,— если и не настоящие родители, то растившие ее вполне по-родительски. Все другие дети, которых она тогда знала, жили так же: у них были папы и мамы. Порой один папа работал далеко от дома. Иногда на работу ходила только мама. В случае Одрейд женщина оставалась дома — никакая приходящая нянька не сидела с ребенком в рабочие часы. Много позже она узнала, что родившая ее мать уплатила большую сумму денег, чтобы обеспечить такой уход за своей девочкой, спрятанной у всех на виду подобным образом.

«Она спрятала тебя, потому что любила,— объяснила женщина, когда Одрейд стала достаточно взрослой, чтобы понимать.— Вот почему ты не должна никогда никому открывать, что мы не твои настоящие родители».

Как позже поняла Одрейд, любовь не имела с этим ничего общего. Преподобные Матери не действовали из таких земных мотивов. А настоящая мать Одрейд принадлежала к Бене Джессерит.

Все это узнала Одрейд, согласно исходному плану. Ее имя: Одрейд. Дарви — так ее всегда звали равнодушные к ней или рассерженные. Юные приятельницы, естественно, сократили это имя до Дар.

Не все, однако, соответствовало первоначальному плану. Одрейд вспоминала узкую кровать в комнате, которой придавали жизнерадостный вид картинки животных и фантастические пейзажи на пастельно-голубых стенах. Белые шторы трепетали в окошке под мягкими ветерками. Одрейд помнила, как прыгает на узкой кровати,— восхитительно счастливая игра. Много смеха. Руки, ловившие ее посреди прыжка и крепко обнимавшие. Руки мужчины. Круглое лицо с небольшими усиками, которые щекотали ее так, что она начинала смеяться. Кровать стукалась о стену от ее прыжков, и на стене от этого остались вмятины.

Одрейд хранила эти воспоминания, не желая выбрасывать их в колодец холодной рациональности. Отметина на стене. Отметка смеха и радости. До чего же они малы и как о многом свидетельствуют.

Странно: почему в последнее время она все больше и больше стала думать о папе? Не все ее воспоминания счастливые. Были времена, когда он ходил печально сердитым, предостерегал маму не слишком вмешиваться. На лице его отражалось много разочарований. Его голос прилаивал, когда у него было плохое настроение. Тогда мама

двигалась тихо, ее глаза наполнялись беспокойством. Одрейд ощущала тревогу и страх и негодовала на мужчину. Женщина знала, как лучше всего с ним поладить. Она целовала его в затылок, поглаживала по щеке и шептала ему на ухо.

Эти древние «естественные» чувства заставили немного потрудиться аналитиков Бене Джессерит, прежде чем удалось их изгнать из Одрейд. Даже сейчас оставался в ней сор прошлого, который надо было из нее вытащить и выбросить. Даже сейчас, Одрейд знала, до конца это в ней не истреблено.

Наблюдая за тем, с какой тщательностью Тараза изучает биографическое досье, Одрейд подумала: не этот ли изъян увидела Верховная Мать?

«Им наверняка известно, что я способна на переживания тех ранних времен».

Все это было так давно, и все равно она должна была признать, что память о мужчине и женщине покоится в ней, что, возможно, ее никогда не удастся полностью стереть. Особенно память о маме.

Преподобная Мать, родившая Одрейд, оказалась в крайнем положении и по причинам, теперь отлично понятным Одрейд, укрыла дочку в потайное убежище на Гамму. Одрейд не таила никаких обид. Это было необходимо, чтобы они обе остались в живых. Проблемы пришли с другой стороны: приемная мать дала Одрейд то, что большинство матерей дают своим детям и чему так не доверяет Орден,— любовь.

Когда прибыли Преподобные Матери, приемная мать не стала сражаться, чтобы удержать своего ребенка.

Преподобные Матери вошли в сопровождении проктопов: мужчин и женщин. Прошло много времени, прежде чем Одрейд осознала все значение этого щемящего момента. В глубине своего сердца женщина знала, что наступит день разлуки. Это лишь вопрос времени. И все равно, по мере того как дни превращались в годы — почти в шесть стандартных лет,— женщина осмеливалась надеяться.

Затем прибыли Преподобные Матери со своими дюжими прислужниками. Они лишь ждали до тех пор, пока не наступит безопасный момент, пока не удостоверятся, что никаким охотникам и шпионам не известно, что Одрейд — отпрыск рода Атридесов, запланированный Бене Джессерит.

Одрейд увидела, как Преподобные Матери передают

огромную сумму денег. Женщина швырнула эти деньги на пол. Но ни один голос не возвысился, чтобы ее за это укорить. Взрослые участники этой сцены знали, где лежит истинная сила.

Вызывая в памяти свои сдерживаемые переживания, Одрейд и сейчас видела женщину, как она садится на стул с прямой спинкой возле окна на улицу, как охватывает себя руками и начинает раскачиваться вперед-назад, не издавая ни единого звука.

И Голос тоже использовали Преподобные Матери, и другие продуманные уловки вместе с дымом наркотических трав, и сам подавляющий фактор своего присутствия, чтобы заманить Одрейд в ждущий граундкар.

«Всего лишь ненадолго. Нас послала твоя настоящая мать».

Одрейд почувствовала ложь, но любопытство взяло в ней верх. Моя настоящая мать!

Последний раз она увидела женщину — единственную существовавшую у нее мать — раскачивающейся в окне с несчастным выражением на лице и руками вокруг тела.

Позже, когда Одрейд заговорила о возвращении к этой женщине, ее память-видение стала частью существенного урока Бене Джессерит.

«Любовь ведет к несчастью. Любовь — это очень древняя сила, в свое время служившая своим целям, но для сохранения человечества она больше не нужна. Запомни ошибку этой женщины — боль».

Одрейд предавалась мечтам, пока не достигла почти двадцати лет. Она действительно наконец вернется, когда станет полной Преподобной Матерью. Она вернется и найдет ту любящую и надежную женщину, найдет, хоть она и не знает никаких имен, кроме мама и Сибия. Одрейд вспомнила смех взрослых приятельниц, называвших эту женщину Сибией. Мама Сибия.

Орден, однако, разглядел в ней мечтательность и стал доискиваться до источника. Это тоже было включено в очередной урок.

«Мечтания, грезы наяву — это первое пробуждение того, что мы называем одновременным потоком. Это существенный элемент рационального мышления. Так можно очистить свой ум ради лучшего мышления».

«Одновременный поток». Одрейд сосредоточила взгляд на Таразе, сидящей за столом в этой утренней комнате. Травма детства должна быть упрятана в отведенное ей

отдаленное местечко-память. Все это было далеко, на Гамму, планете, которую люди Дана перестроили после времен Великого Голода и Рассеяния. Люди Дана — в прежние дни Келадана. Одрейд твердо взяла в руки рациональное мышление, опираясь на Иные Памяти, хлынувшие в ее сознание во время Спайсовой Агонии, когда она на самом деле стала полной Преподобной Матерью.

Одновременный поток. Фильтрация сознания... Иные Памяти.

Какие же могучие инструменты дал ей Орден! Какие опасные инструменты! Все эти другие жизни таятся прямо за занавесом сознания, инструменты, предназначенные для выживания, а не для удовлетворения праздного любопытства.

Тараза говорила, считывая возникавший перед ее глазами материал:

— Ты слишком много копаешься в своих Иных Памятях. Это высасывает энергию, которую лучше сохранять.

Синие глаза Верховной Матери впились в Одрейд буравящим взглядом.

— Ты порой подходишь прямо к самой черте того, что способна вынести плоть. Это может навлечь на тебя преждевременную смерть.

— Я осторожна со спайсом, Мать.

— Еще бы тебе не быть! Тело вынесет лишь определенное количество меланжа, лишь определенное количество блужданий в прошлом!

— Нашла ты мой изъян? — спросила Одрейд.

— Гамму! — одно слово, равное целой речи.

Одрейд поняла: никуда не деться от травмы тех лет на Гамму. Те годы — слабое звено, которое должно удалить с корнем, низвести до разумно допустимого уровня.

— Но меня посылают на Ракис,— сказала Одрейд.

— И смотри, помни об афоризмах умеренности. Помни, кто ты есть!

Тараза опять наклонилась к своему дисплею.

«Я — Одрейд!» — подумала Одрейд.

В школах Бене Джессерит, где первые имена обычно терялись, списки учащихся составлялись по последнему имени. Подруги и приятельницы переняли обычай употреблять имя, стоявшее в списках. Они рано усвоили эту древнейшую уловку — сопричастность к секрету личного имени раскрывает силки, в которые ловится душевная привязанность человека.

Тараза, тремя классами старше Одрейд, была назна-

чена «опекать» младшую ученицу — тандем, специально созданный учителями.

«Опекать» — значило руководить младшей, а также то, что при взаимоотношениях равенства некоторые самые необходимые основы закладываемых знаний усваивались лучше. Тараза, имевшая доступ к личному досье подопечной, начала называть младшую Дар. Одрейд в ответ на это стала называть Таразу Тар. Два эти имени приобрели некую неразрывную связь — Дар и Тар. Даже после того как Преподобные Матери их услышали и сделали им выговор, они порой допускали такую ошибку, хотя бы ради собственного удовольствия.

Одрейд, взглянув на Таразу, сказала:

— Дар и Тар.

Углы рта Таразы дрогнули в улыбке.

— Что есть такого в моем досье, что ты еще не изучила по нескольку раз? — спросила Одрейд.

Тараза откинулась и подождала, пока ее песье кресло приспособится к ее новой позе. Она положила сцепленные руки на стол и посмотрела на младшую.

«А ведь на самом деле она и не так уж моложе меня»,— подумала Тараза.

Однако со школьных времен Тараза воспринимала Одрейд только как принадлежащую младшей возрастной группе, и возрастную пропасть между ними не скрыть никаким проходящим годам.

— Осторожнее поначалу, Дар,— сказала Тараза.

— Этот проект уже давно прошел начальную стадию,— ответила Одрейд.

— Но твоя роль в нем начинается только сейчас. А затеяли мы такое, чего раньше никто и не пытался.

— Узнаю ли я теперь полностью проект, связанный с этим гхолой?

— Нет.

Вот и все. Вся видимость высокого доверия и «надобности понимать» отменена единым словом. Но Одрейд поняла, что таков порядок, изначально заведенный еще с первого Дома Соборов Бене Джессерит, претерпевший за тысячелетия только очень небольшие изменения. Подразделения Бене Джессерит разделяются твердыми вертикальными и горизонтальными барьерами на изолированные группы, отсюда, с вершины, тянутся к ним нити единого командования. Обязанности — «предписанные роли» — распределены и исполняются отдельными ячейками. Задей-

ствованные в одной ячейке не знают, что делают их современники внутри других параллельных ячеек.

«Но я знаю, что в параллельной ячейке находится Преподобная Мать Луцилла,— подумала Одрейд.— Это подсказывает логика».

Она понимала необходимость такой, скопированной с древнейших тайных революционных обществ структуры — Бене Джессерит всегда рассматривал себя как постоянных революционеров. Эта революция была заторможена лишь Тираном — Лито II.

«Заторможена, но не отменена и не остановлена»,— напомнила себе Одрейд.

— Насчет того, к чему ты приступаешь,— сказала Тараза.— Оповести меня, если ощутишь какую-либо непосредственную опасность для Ордена.

Это было одним из тех особенных пожеланий Таразы, смысл которых Одрейд схватывала интуитивно, без слов — а уж потом находила словесное воплощение для этого смысла. Она быстро ответила:

— Бездеятельность будет для нас еще хуже.

— Мы приходим к выводу, что может возникнуть опасность,— сказала Тараза.

Она говорила сухим голосом. Таразе не нравилось пробуждать в Одрейд талант инстинктивного ясновидения, которым она обладала от неподконтрольных воздействий своей генетической линии — Атридесы с их опасными талантами. Была специальная пометка в генетическом досье Одрейд: «...тщательное изучение всего потомства». Двое из этого потомства были тихо умерщвлены.

«Мне не следовало пробуждать сейчас талант Одрейд ни на единый миг»,— подумала Тараза. Но иногда искушение было слишком велико.

Тараза отправила проектор под крышку стола и заговорила, глядя на пустой стол.

— Находясь вдали от нас, даже если ты найдешь идеального отца-производителя, ты не должна скрещиваться без нашего разрешения.

— Ошибка моей настоящей матери,— высказала предположение Одрейд.

— Ошибку твоей настоящей матери следовало распознать еще в то время, когда она скрещивалась!

Одрейд и раньше не раз это слышала. Это было то, что в линии Атридесов требовало самого тщательного наблюдения со стороны Разрешающих Скрещивание. Талант,

безусловно. Она знает о своем таланте, происходившим от генетической линии, с одинаковой силой давшей мироздание и Квизаца Хадераха, и Тирана. К чему, однако, Разрешающие Скрещивание стремятся теперь? Насколько отрицательно их отношение? Больше никаких опасных рождений! Она никогда не видела никого из своих детей после их рождения — вовсе не такая уж странность для Ордена. И она никогда не увидит ни единой записи своего генетического досье. Здесь тоже Орден оперирует, тщательно разграничивая силы. «И эти более ранние запреты на некоторые мои Иные Памяти!»

Она обнаружила незаполненные места в своих Памятях и открыла их. Вероятно, только Тараза да еще, может быть, двое членов Совета (Беллонда, вероятней всего, и еще одна старая Преподобная Мать) владели сверхчувствительным доступом к подобной информации о происхождении.

Действительно ли Тараза и другие поклялись умереть, прежде чем выдать секретную информацию постороннему? В конце концов, есть точный ритуал преемственности на случай, если ключевая Преподобная Мать умирает, находясь далеко от Сестер и не имея возможности сразу передать им хранимые в себе жизни-памяти. Этот ритуал много раз задействовали за время правления Тирана. Ужасная Эра! Понимание, что революционные ячейки Ордена для него — как на ладони! Чудовище! Она знала, что Сестры никогда не обманывались насчет того, что Лито II якобы воздерживался от уничтожения Бене Джессерит только из одной глубоко коренившейся в нем верности своей бабушке, леди Джессике.

«Естественно, Джессика».

Одрейд ощутила, как что-то отдаленно встрепенулось у нее внутри.

Грех одной из Преподобной Матерей: «Она позволила себе впасть в любовь!» Такая малость, но приведшая к таким великим последствиям! Тридцать пять сотен лет тирании!

Золотая Тропа. Бесконечность? А как насчет всех этих Затерянных, многих триллионов, ушедших в Рассеяние? Какую угрозу представляют Затерянные, возвращающиеся сейчас?

Тараза, словно прочтя мысли Одрейд, проговорила:

— Люди Рассеяния где-то рядом, во внешнем мире... Просто выжидают, чтобы нанести удар.

Одрейд слышала уже такие доводы: с одной стороны, опасность, с другой — нечто магнетически притягательное. Так много великолепного и неизвестного. Орден, таланты которого уже не одно тысячелетие пестуются меланжем: доступны ли будут ему эти новые необъятные ресурсы человечества? Подумать только об имеющихся там несчетных генах! О потенциальных талантах, свободно парящих за пределами космоса, где они могут навсегда сгинуть!

— Как раз незнание и порождает величайшие ужасы,— сказала Одрейд.

— И величайшее самолюбие,— проговорила Тараза.

— Значит, я еду на Ракис?

— Конечно. Я нахожу тебя вполне соответствующей.

— Иначе бы меня не назначили.

Как же привычна им подобная перепалка словами, уходящая корнями в их школьные дни. Тараза спохватилась, однако, что поддалась на это бессознательно — слишком много воспоминаний связывают их: Дар и Тар. Надо следить за этим!

— Помни, в чем твой долг верности,— сказала Тараза.

Существование не-кораблей создает возможность уничтожения целых планет, не понеся при этом кары. На планету может быть направлен большой объект, астероид или равный ему. Или люди могут быть натравлены друг на друга через подрывную работу сексуальности, а затем им будет дано оружие для самоуничтожения. Похоже, эти Преподобные Черницы предпочитают последнюю технику.

Анализы Бене Джессерит

Снизу из внутреннего дворика Данкан внимательно, даже когда внешне этого и не было заметно, следил за наблюдавшими за ним с галереи. Вон, как всегда, Патрин, но он не считается. В расчет надо брать Преподобных Матерей на противоположной от Патрина стороне галереи — слишком они к нему приглядываются. «Новенькая»,— подумал он, увидев Луциллу. От этой мысли испытал прилив возбуждения, которое разрядил в физических упражнениях.

Он проделал первые три упражнения игры-тренировки, которые приказал ему выполнить Майлс Тег, рассеянно думая, что Патрин доложит, насколько хорошо он порабо-

тал. Данкан любил Тега и старика Патрина и ощущал их взаимную любовь. Присутствие новой Преподобной Матери сулило интересные перемены. Во-первых, она моложе остальных. Во-вторых, не старается спрятать глаза, сразу же выдающие ее принадлежность к Ордену Бене Джессерит. При первой встрече со Шванги Данкан познакомился с контактными линзами, скрывающими истинный цвет ее глаз и симулирующими нормальные зрачки и слегка налитые кровью белки. Он услышал однажды, как одна из послушниц Оплота говорила, что линзы Шванги еще и исправляют «разрешенную ей генетическую близорукость, которая ничто, по сравнению с теми качествами, какие она передает своему потомству».

В то время бóльшая часть этого замечания прозвучала для Данкана невразумительно, но он обратился к библиотеке Оплота и просмотрел все, что там было на эту тему — сведения и скудные, и слишком урезанные. Сама Шванги отвела все его расспросы на эту тему, но по поведению учителей в последующие дни он понял, что она разозлилась. Для нее было обычным делом срывать свою злость на других. Он заподозрил, что подлинным поводом ее дурного настроения стал его вопрос: не она ли является его настоящей матерью?

Много лет прошло с тех дней, когда Данкан понял, что он — что-то необычное. Были места в этой изощренной постройке Бене Джессерит, куда вход ему был запрещен. Он находил тайные способы избежать таких запретов и часто вглядывался из открытых окон на широкие просторы расчищенной земли, которые в любой момент могли быть накрыты продольным огнем из размещенных в стратегических точках огневых бункеров. Майлс Тег лично обучал его распознавать значение продольного огня.

Сейчас эта планета называлась Гамму. Некогда она была известна как Гиди Прайм, но некто, по имени Гурни Хэллек, изменил ее. Это очень древняя история. Скукота. Почва планеты все еще хранила слабый запах горькой нефти. Как объясняли ему учителя, планету изменили тысячелетия целенаправленных зеленых насаждений. Часть этих насаждений видна из Оплота, повсюду вокруг хвойные и другие леса.

Приглядываясь к двум Преподобным Матерям, Данкан несколько раз прошелся колесом. Он изгибал свои напряженные мускулы при движении точно так, как учил его Тег.

Тег заведовал планетарной обороной. Гамму была окружена вращающимися вокруг нее спутниками наблюдения, членам экипажей не разрешалось держать свои семьи на борту. Эти семьи оставались здесь, на Гамму, заложниками неусыпной бдительности орбитальных пограничников. Среди кораблей где-то блуждают и корабли-невидимки — не-корабли,— команды которых полностью составлены из людей башара и Сестер Ордена Бене Джессерит.

«Я бы не принял этого назначения, если бы не получил в свои руки всю организацию обороны полностью»,— объяснял Тег.

Данкан осознавал, что он и есть это «назначение». У Тега есть здешний Оплот — для того, чтобы защищать его, и орбитальные системы наблюдения, включая некорабли, защищающие Оплот.

Это было частью воинского образования, элементы которого почему-то оказывались уже известными Данкану. Изучая, как оборонять уязвимую на поверхностный взгляд планету от нападений из космоса, он заранее знал, что все оборонительные системы поставлены верно. Как целое, они являлись крайне сложными, но все составные части были узнаваемы и доступны его пониманию. Например, постоянное наблюдение за атмосферой и составом крови обитателей Гамму. Бене Джессерит везде держала докторов Сакк.

«Заразные болезни — это оружие,— говорил ему Тег.— Нашу защиту против болезней должно тонко отрегулировать».

Зачастую Тег восставал против пассивной обороны, он называл ее «остаточным продуктом психологии осады, давно известной тем, что порождает смертоносные слабости».

Когда Тег обучал его военной науке, Данкан слушал внимательно. Патрин и библиотечные сведения подтверждали, что ментат-башар Майлс Тег был знаменитым полководцем Бене Джессерит. Патрин часто вспоминал их совместную службу, и всегда Тег представал героем.

«Подвижность — это ключ к военному успеху,— говорил Тег.— Если ты связан крепостями, даже размером с целую планету, ты, по сути своей, уязвим».

Тег не очень-то беспокоился за Гамму.

«Я вижу, что ты уже знаешь, что это место некогда называлось Гиди Прайм. Харконенны, правившие здесь,

кое-чему научили нас. Благодаря им мы лучше представляем, до каких ужасных зверств могут докатиться люди».

Припоминая это, Данкан заметил, что Преподобные Матери на галерее явно говорят о нем.

«Не становлюсь ли я чьим-то еще новым «назначением»?»

Данкану не нравилось, когда за ним наблюдали. Он подумал, что на вид новая Преподобная Мать не слишком сурова, не то что Шванги.

Продолжая свои упражнения, Данкан соизмерил их ритм с личным заклятием: «Будь ты проклята, Шванги! Будь ты проклята, Шванги!»

Он ненавидел Шванги с девяти лет — уже четыре года. Он надеялся, что она не знает о его ненависти. Она, вероятно, забыла о том случае, который породил эту ненависть.

Когда ему едва исполнилось девять лет, он умудрился проскользнуть мимо внутренней охраны через туннель, который вел к одному из огневых бункеров. Запах плесени в туннеле. Тусклые огни. Сырость. Он вглядывался через орудийные щели дота, когда его поймали и оттащили назад в самую сердцевину Оплота.

Это вызвало бурное назидание от Шванги, отдаленной и угрожающей фигуры, приказы которой должны были выполняться. Он до сих пор так ее и воспринимал, хотя с тех пор узнал о приказывающем Голосе Бене Джессерит — тонком голосовом инструменте, который мог согнуть волю неподготовленного.

Ей должны были подчиняться все.

— Ты навлек наказание на все подразделение охраны,— сказала Шванги.— Они понесут суровую кару.

Это были самые страшные ее слова. Данкану нравились некоторые охранники, и они, случалось, от души заманивали его поиграть, посмеяться или покувыркаться. Его шалость — вылазка к огневому бункеру — навредила его друзьям.

Данкан знал, что такое «понести кару». «Будь ты проклята, Шванги! Будь ты проклята, Шванги!..»

После разговора со Шванги Данкан побежал к своей главной наставнице того времени Преподобной Матери Тамалан, еще одной увядшей старухе с холодными и отчужденными манерами, с белоснежными волосами над узким лицом и морщинистой кожей. Он настойчиво желал знать от Тамалан, что́ за кару понесут его охранники.

Тамалан впала в удивительно грустное настроение, ее голос стал напоминать песок, скребущий по дереву:

— Наказание? Ну-ну!

Они были в том маленьком учебном кабинете при большом гимнастическом зале, где Тамалан проводила каждый вечер, готовясь к урокам следующего дня. Там полно было пузырьковых и катушечных устройств для чтения и других приспособлений хранения и извлечения информации. Данкану это место нравилось больше библиотеки, но ему не позволялось находиться в учебном кабинете одному. Это была освещенная множеством глоуглобов на суспензорных буйках комната. При его вторжении Таламан отвернулась от разложенных ею уроков.

— Есть всегда что-то от жертвенного пиршества в наших высших карах,— сказала она.— Охрана, конечно же, понесет высшую кару.

— Пиршество? — Данкан был удивлен.

Тамалан совершила полный оборот на своем крутящемся сиденье и поглядела прямо в его глаза. Ее стальные зубы сверкнули в ярком освещении.

— История редко добра к тем, кто должен понести кару,— сказала она.

Данкана передернуло от слова «история». Он знал, чтó у Тамалан за ним стоит,— она собирается преподать ему урок, еще один скучный урок.

— Наказания Бене Джессерит не забываются!

Данкан пристально поглядел на старческий рот Тамалан, резко ощутив, что она говорит из болезненного личного опыта. Он вот-вот узнает что-то интересное!

— Наши наказания несут неизбежный урок,— сказала Тамалан.— Это намного больше, чем боль.

Данкан сел на пол у ее ног. Из этого положения Тамалан выглядела черной и зловещей фигурой.

— Мы не наказываем крайним страданием,— сказала она.— Страдание — это то, что приберегается для перехода через спайс в ранг Преподобной Матери.

Данкан кивнул. Он знал из сведений в библиотеке о Спайсовой Агонии — таинственном испытании, порождавшем Преподобную Мать.

— И при всем том главные наказания болезненны,— сказала она.— Они также эмоционально болезненны. Эмоция, пробуждаемая наказанием, всегда является той, которую мы разглядели как главную слабость повинного — и поэтому наказание усиливается.

Страх вошел в Данкана. Что они сделают со стражами? Он не мог говорить, но в том и нужды не было. Тамалан еще не закончила.

— Наказание всегда завершается десертом,— сказала она и хлопнула руками по коленям.

Данкан нахмурился. Десерт? Это часть пиршества, как может пиршество быть наказанием?

— Это не на самом деле пиршество, но идея пиршества,— сказала Тамалан. Ее костистая рука описала круг в воздухе.— Приходит десерт, что-то абсолютно неожиданное. Наказуемый думает: «Ага, я наконец прощен!» Ты понимаешь?

Данкан покачал головой из стороны в сторону. Нет-нет, он не понимал.

— В этом и есть сладость момента,— сказала она.— Ты прошел через все, причиняющее боль пиршества, и достиг в конце чего-то, что ты способен смаковать. Но! Пока ты смакуешь это, и приходит самый болезненный момент из всех — понимание, что это не удовольствие напоследок. Нет, разумеется. Это — главная боль самого главного наказания. Это накрепко связано с преподносимым Бене Джессерит уроком.

— Но что она сделает с охраной? — Данкан с трудом заставил себя произнести эти слова.

— Я не могу сказать, как именно накажут каждого. Мне нет нужды это знать. Я могу тебе только сказать, что для каждого из них это будет по-разному.

Тамалан ничего больше не скажет. Она вернулась к лежащему перед ней уроку на завтрашний день.

— Завтра мы продолжим,— сказала она,— изучать происхождение различных акцентов и разговорного галаха.

Никто больше не ответит на его вопросы о наказаниях. Даже охранники, когда он потом их повстречал, отказались говорить о своих испытаниях. Некоторые реагировали сухо на его заискивания, и никто с ним больше не хотел играть. Не было прощения среди наказанных. Хоть это было абсолютно ясно.

«Будь ты проклята, Шванги! Будь ты проклята, Шванги!..» Оттуда-то и началась его глубокая ненависть к ней. Его ненависть к ней разделили все старые мегеры. Будет ли эта молодая, как все старые?

«Будь ты проклята, Шванги!»

Тогда он потребовал от Шванги:

— Зачем тебе было их наказывать?

Шванги некоторое время помолчала, не зная, что ему ответить, затем сказала:

— Здесь, на Гамму, для тебя опасно. Есть люди, желающие причинить тебе вред.

Данкан не спрашивал почему. Это была еще одна область вопросов, на которые ему еще никогда не отвечали. Даже Тег не ответит, хотя само присутствие Тега подчеркивало тот факт, что ему грозит опасность.

Майлс Тег был ментатом, который должен знать много ответов. Данкан часто замечал, как глаза старика поблескивают, говоря о том, что его мысли блуждают где-то далеко. Но ментат не давал ответа на такие вопросы, как: «Почему мы здесь, на Гамму?», «От кого ты меня охраняешь?», «Кто хочет причинить мне вред?», «Кто мои родители?».

При всех этих вопросах он натыкался на молчание, или иногда Тег мог проворчать:

— Мне нельзя тебе отвечать.

Библиотека была бесполезна. Он выяснил это, когда ему было восемь лет и главной его наставницей была неудавшаяся Преподобная Мать по имени Луран Гиэза — не такая древняя, как Шванги, но уже достаточно в годах: за сотню ей перевалило в любом случае.

Библиотека поставляла ему информацию о Гамму: Гиди Прайм, Харконенны и их падение, различные конфликты, во время которых Тег был командующим. Ни одна из этих битв не обернулась большой кровью. Некоторые комментаторы писали о «бесподобных дипломатических способностях» Тега. Но один факт вел к другому, Данкан узнал о времени Бога-Императора и об укрощении его подданных. Эта эпоха на недели завладела вниманием Данкана. Он отыскал среди материала библиотеки старую карту и спроецировал ее на фокусную стену. Накладываемый голос комментатора сообщил ему, что этот самый Оплот был Центром Управления Рыбословш, покинутым во время Рассеяния.

Рыбословши!

Данкану захотелось жить в то время, служить одним из советников-мужчин в женской армии, поклонявшейся Богу-Императору.

«О, если б только жить на Арракисе в те дни!»

Тег с удивительной охотой шел на разговоры о Боге-Императоре, всегда называя его Тираном. Замóк библиотеки открылся, и информация об Арракисе-Ракисе хлынула на Данкана.

— Увижу ли я когда-нибудь Ракис? — задал он Гиэзе вопрос.

— Тебя и готовят для жизни там.

Этот ответ его изумил. Он в новом свете увидел все то, чему его учили об этой отдаленной планете.

— Почему я буду жить там?

— На этот вопрос я ответить не могу.

Данкан с возобновленным интересом вернулся к изучению этой загадочной планеты и ее жалкой церкви Шаи-Хулуда, Разделенного Бога. Черви. Бог-Император стал этими червями! Сама мысль об этом наполняла Данкана благоговейным трепетом. Может быть, здесь и есть что-то достойное поклонения. Эта мысль нашла живой отклик в его душе. Что заставило человека по своей воле пойти на такую ужасную метаморфозу?

Данкан знал, что думает охрана и все остальные в Оплоте о Ракисе и о главных жреческих институтах тамошней религии. Насмешливое замечание и смех объяснили ему все. Тег сказал ему:

— Мы никогда, наверное, не узнаем полную правду, юноша, но мое тебе слово — это не религия для солдата.

Последнюю точку поставила Шванги:

— Ты должен выучить все о Тиране, но никак не верить в его религию. Это ниже тебя, это достойно презрения.

Данкан жадно погружался во все, что давала ему библиотека: Святая Книга Разделенного Бога, Сторожевая библия, Оранжевая Католическая библия и даже Апокрифы. Он узнал о давно исчезнувшем бюро веры и о «Жемчужине, Которая Есть Солнце Понимания».

Сама идея червей его привораживала. Их размер! Большой червь мог бы вытянуться от одного конца Оплота до другого. Во времена до Тирана люди ездили на червях, но сейчас жрецы Ракиса запретили это.

Данкан с большим увлечением читал доклады археологической экспедиции, обнаружившей примитивную непалату Тирана на Ракисе. Это место называлось Дар-эс-Балат. Отчеты главы экспедиции археологов Хади Бенотто были помечены: «Доступ закрыт, согласно распоряжению ракианских жрецов». Шифром сведений по этой теме Архива Бене Джессерит была вытянутая в длину единица. То, что обнаружила Бенотто, просто завораживало.

— Ядрышко самосознания Бога-Императора в каждом черве? — спросил он Гиэзу.

— Так утверждают. Но, даже если это правда, черви имеют лишь сознание, но не разум. Сам Тиран говорил, что погрузится в бесконечный сон.

Без особой лекции не обходилось ни одно занятие, а также без объяснения взглядов Бене Джессерит на религию, до тех пор, пока он наконец не добрался до хроник, называемых «Девять дочерей Сионы» и «Тысяча сыновей Айдахо».

Глядя прямо в лицо Гиэзе, он требовательно спросил:

— Меня тоже зовут Данкан Айдахо. Что это значит?

Гиэза всегда двигалась так, как будто навечно осталась в тени своей неудачи — длинная голова опущена, бесцветные глаза устремлены в землю. Этот разговор состоялся почти вечером в длинном холле перед гимнастическим залом. Гиэза побледнела.

Когда она ему не ответила, он вопросил:

— Происхожу ли я от Данкана Айдахо?

— Ты должен спрашивать у Шванги,— она говорила так, как будто слова причиняли ей боль.

Этот набивший оскомину ответ его разозлил. Она ведь понимает — ему скажут что-то, лишь бы заткнуть рот, почти не давая никаких сведений.

Шванги, однако, оказалась более открытой, чем он ожидал.

— Ты одной крови с Данканом Айдахо.

— Кто мои родители?

— Они давно мертвы.

— Как они умерли?

— Ты попал к нам сиротой. Я не знаю.

— Тогда почему же люди стараются причинить мне вред?

— Они страшатся того, что ты можешь сделать.

— А что я могу сделать?

— Выучить наши уроки. Со временем тебе все станет ясно.

Не задавай вопросов и учись? Еще один знакомый ответ.

Он повиновался, потому что уже научился узнавать, когда двери перед ним заперты. Но теперь его пытливый разум встречал другие отчеты про времена Голода и Рассеяния, про не-палаты и не-корабли, которые нельзя было проследить даже с помощью самых мощных ясновидческих умов во всем мироздании. Потом он столкнулся с фактом, что потомки Данкана Айдахо и Сионы — людей, служив-

ших Тирану, Богу-Императору,— были невидимы для пророков и провидцев. Даже кормчий Космического Союза, глубоко погруженный в меланжевый транс, не мог засечь таких людей. Сиона, как говорилось в отчетах, по прямой линии происходила из рода Атридесов, а Данкан Айдахо был гхолой.

Гхола?

Он стал искать в библиотеке более подробные объяснения этого странного слова. Гхола. Библиотека предложила ему лишь самые скупые сведения: «Гхолы — люди, выведенные из кадавровых клеток в акслольтных чанах Тлейлакса».

Акслольтные чаны?

— «Тлейланское устройство для воспроизведения живого человеческого существа из клеток кадавра».

— Опиши гхолу,— потребовал он.

— «Невинная плоть, опорожненная от всех воспоминания своего исходного «я».

Акслольтные чаны.

Данкан научился читать между строк, открывать недосказанное людьми Оплота. На него снизошло озарение. Он знает! Ему только десять лет, а он уже понял!

«Я — гхола».

К концу дня в библиотеке вся эзотерическая машинерия вокруг отступила на задний план его восприятий. Десятилетний мальчик безмолвно сидел перед сканером, крепко вцепившись в знание о самом себе.

«Я — гхола».

Он не мог припомнить акслольтные чаны, где его клетки развивались до уровня новорожденного. Его первые воспоминания — Гиэза, берущая его из колыбели, живой интерес во взрослых глазах, который очень скоро истаял до настороженности и скрытной сдержанности.

Это было, как если бы вся информация, которую ему с таким трудом удавалось вытягивать из людей Оплота и материалов библиотеки, обрела наконец единый фокус — Он Сам.

— Расскажи о Бене Тлейлаксе,— потребовал он от библиотеки.

— «Это народ самоподразделяющийся на Лицевых Танцоров и Господинов. Лицевые Танцоры — бесплодные мулы и подчинены Господинам».

«Почему они со мной это сделали?» — думал он.

Информационные устройства библиотеки стали вне-

запно чуждыми и опасными. Он боялся не того, что его вопрос опять наткнется на глухую стену, а того, что получит ответы.

«Почему я настолько важен для Шванги и других?»

Он почувствовал, что с ним сделали что-то неправильное, даже Майлс Тег и Патрин. Разве это правильно — брать клетки человека и производить гхолу?

С огромным колебанием он задал следующий вопрос:

— Может ли гхола когда-либо вспомнить, кем он был?

— «Это осуществимо».

— Как?

— «Психологическая идентификация гхолы через пробуждение тех или иных глубинно сохраняемых рефлексов его исходного «я», которую возможно спровоцировать нанесением травмы».

Это вообще никакой ответ!

— Но как?

Здесь вмешалась Шванги, без уведомления войдя в библиотеку. Значит, что-то в его вопросах пробудило ее тревогу!

— Со временем тебе все станет ясно,— сказала она.

Она разговаривала с ним свысока! Он ощутил в этом несправедливость и отсутствие правды. Что-то внутри его говорило, что в его неразбуженном человеческом «я» больше мудрости, чем в тех, кто притворялись, будто они выше его. Его ненависть к Шванги достигла высшего накала. Она была воплощением тех, кто терзал и доводил его до отчаяния, отказываясь отвечать на вопросы.

Теперь у него разыгралось воображение. Он способен вернуть себе свою исходную память! Он ощущал, что это правда. Он вспомнит своих родителей, свою семью, своих друзей, своих врагов. Он спросил об этом Шванги:

— Вы произвели меня из-за моих врагов?

— Ты уже научился молчанию, дитя,— полагайся на это знание.

«Очень хорошо, вот так я и буду сражаться с тобой, проклятая Шванги,— буду молчать и учиться, не покажу тебе, что по-настоящему чувствую».

— Ты знаешь,— сказала она,— по-моему, мы воспитываем стоика.

Она ему покровительствует! Данкан не желал, чтобы ему покровительствовали, он желал сражаться с ними со всеми — вооружаясь молчанием и наблюдательностью. Данкан убежал из библиотеки и закрылся в своей комнате.

Впоследствии он получил множество подтверждений, что является гхолой. Даже ребенок понимает, когда жизнь вокруг него идет необычным порядком. Случалось, он видел других смеющихся и перекликающихся детей, гуляющих за стенами по окаймлявшей Оплот дороге.

Он нашел в библиотеке рассказы о детях. Взрослые не приходили к этим детям и не загружали их суровыми тренировками, которыми обременяли его. У других детей не было Преподобной Матери Шванги, которая постоянно бы вмешивалась даже в мелочи их жизни.

Его открытие повлекло за собой еще одну перемену: Гиэза была отозвана и не вернулась.

«Она не должна была допускать, чтобы я узнал о гхолах».

Правда была сложней — как объяснила Шванги Луцилле, когда они в день приезда Луциллы наблюдали за Данканом с галереи.

— Мы знали, что наступит неизбежный момент. Он узнает о гхолах, начнет целенаправленно выспрашивать.

— Самая пора была, чтобы все его образование взяла на себя полная Преподобная Мать Гиэза.

— Ты сомневаешься в моем суждении? — огрызнулась Шванги.

— Разве твое суждение столь совершенно, что в нем никогда нельзя усомниться? — мягкий голос Луциллы задал этот вопрос как пощечину.

Шванги почти минуту сохраняла молчание, затем сказала:

— Гиэза находила гхолу очаровательным ребенком. Она плакала и говорила, что будет тосковать без него.

— Разве ее не предупреждали насчет этого?

— У Гиэзы не было нашей подготовки.

— Тогда-то ты и заменила ее на Тамалан. Я не знаю Тамалан, но, думаю, что она весьма стара.

— Весьма.

— Какова была его реакция на устранение Гиэзы?

— Он спрашивал, куда она делась. Мы не ответили.

— Как обстоит дело с Тамалан?

— На третий день пребывания с нею, он очень спокойно сказал: «Я тебя ненавижу. Ты именно этого и рассчитывала добиться?»

— Слишком быстро!

— Как раз сейчас он наблюдает за тобой и думает: «Я ненавижу Шванги. Придется ли мне возненавидеть и

эту новенькую?» А еще он думает, что ты не похожа на других старых мегер. Ты молода. Он поймет, что это наверняка очень важно.

Людям жить лучше всего, когда у каждого есть свое определенное место, когда каждый знает, в какой задуманный порядок он вписан и чего может достичь. Разрушь отведенное место — и ты разрушишь личность.

Учение Бене Джессерит

Майлс Тег не желал этого назначения на Гамму. Оружейный наставник, полностью отвечающий за мальчика-гхолу? Пусть даже за такого, как этот, со всей историей, переплетенной вокруг него. Это было нежелательное вхождение в хорошо отлаженный быт отставника Тега.

Но он прожил всю жизнь как военный-ментат, повинующийся воле Бене Джессерит, и любой акт неповиновения даже входить не мог в его компутацию[1].

«Quis custodiet ipsos custodiet?» «Кто будет охранять охранников?» Кто проследит за тем, чтобы охранники не совершили никаких нарушений?

Этот вопрос, над которым Тег не раз как следует задумывался. Отсюда и возникла одна из главных основ его верности Бене Джессерит. Чтобы там ни говорили об Ордене, а он проявляет восхитительно последовательную целеустремленность.

«Моральная целеустремленность» — так окрестил это Тег.

Моральные цели Бене Джессерит полностью отвечали принципам Тега. То, что эти принципы заложил в него Бене Джессерит, не имело никакого значения. Рациональное мышление, особенно рациональность ментата, не может вынести иного суждения.

Тег довел эту мысль до абсолюта: «Если даже лишь один-единственный человек следует таким руководящим принципам, наше мироздание становится лучше». Это никогда не вопрос справедливости. Справедливость требует обращения к закону, а закон может оказаться ветре-

[1] Компутация — метод работы мозга ментата, человека-компьютера.

ной дамочкой, потому что всегда идет на поводу у законников. Нет, это вопрос честности, концепции более глубокой. Приговоренные должны ощущать справедливость вынесенного им приговора.

Заявления типа «Буква закона должна соблюдаться» представляли опасность руководящим принципам Тега. Честность требует соглашения, предсказуемого постоянства и, свыше всего прочего, верности вверх и вниз по иерархии. Для руководства, управляемого такими принципами, не требуется никакого внешнего контроля. Ты выполняешь свои обязанности потому, что это справедливо. И ты повинуешься не потому, что это предсказуемо правильно. Ты делаешь это, потому что так справедливо именно для данного момента. Предсказание, предвидение вообще ничего общего с этим не имеют.

За Атридесами прочно закрепилась репутация провидцев, но подобные умозаключения имели мало места в его мировоззрении. Принимай мироздание таким, каким оно тебе является, и прилагай свои принципы там, где это возможно. Подчиненный обязан безоговорочно исполнять приказы, отданные сверху. Не то чтобы Тараза подала это как беспрекословный приказ, но было ясно, что под всем подразумевалось.

— Ты идеальный человек для выполнения этой задачи.

Он прожил долгую жизнь, в которой было множество высочайших достижений, и на покой ушел с почетом. Тег знал, что стар, медлителен, что старость вот-вот возьмется подтачивать всеми своими червоточинами его ум, но живо откликнулся на призыв к исполнению долга, даже при том, что ему пришлось перебарывать желание сказать «нет».

Назначение Тараза привезла ему лично. Могущественная повелительница всего (включая Защитную Миссионерию) выбрала именно его. Не просто Преподобная Мать, но Верховная Преподобная Мать.

Тараза прибыла в его убежище на Лернаусе, где он жил после отставки,— большой почет, и он это осознавал. Она ждала его у дома, не предупредив предварительно о своем прибытии, сопровождаемая только двумя послушницами и небольшим отрядом охраны. Он узнал некоторые лица. Тег сам готовил этих людей. Она прибыла утром, вскоре после завтрака. Тараза, зная распорядок его жизни, понимала, что он бодрее всего именно в этот час — так она хотела застать его пробужденным и во всей полноте его способностей.

Патрин, старый денщик Тега, провел Таразу в гостиную восточного крыла, в небольшое элегантное помещение, где была только основательная настоящая мебель. Нелюбовь Тега к песьим креслам и другой живой мебели была хорошо известна. Какой был у Патрина кислый взгляд, когда он провел в эту комнату облаченную в черное Верховную Мать. Тег сразу же понял значение этого взгляда. Длинное и бледное лицо Патрина, покрытое старческими морщинами, могло представляться другим неподвижной маской, но Тег не проглядел углубившихся морщин в углах его рта, застывшего взгляда старых глаз. Значит, Тараза сказала нечто потревожившее Патрина. Через высокие скользящие двери толстого плаза открывался вид на восток — на длинный травянистый склон до деревьев вдоль реки.

Тараза остановилась, едва войдя в комнату, залюбовавшись открывшимся из нее видом.

Тег без предварительной просьбы коснулся кнопки. Шторы закрыли вид, зажглись глоуглобы. Действия Тега дали понять Таразе, что он высчитал, что им необходимо остаться наедине. Он подчеркнул это, распорядившись Патрину:

— Пожалуйста, проследи за тем, чтобы нас не потревожили.

— Нужны распоряжения для Южной фермы, сэр,— осмелился заметить Патрин.

— Пожалуйста, пригляди за этим сам. Ты и Фирус знаете, чего я хочу.

Уходя, Патрин чуть резковато закрыл дверь — крохотный сигнал, многое поведавший Тегу.

Тараза прошлась по комнате, осматривая ее.

— Цвет липовой зелени,— заметила она.— Один из моих любимых цветов. У твоей матери был чудесный вкус.

Тег потеплел при этом замечании. Он был глубоко привязан к этому зданию, к этой земле. Его семья обитала здесь только три поколения, но уже наложила отпечаток на это место. Многое, в чем ощущались руки и вкус его матери, так и оставалось нетронутым.

— Это безопасно — любить землю и места,— сказал Тег.

— Мне особенно нравятся жгуче-рыжие ковры в холле и витражное стекло входной двери,— сказала Тараза.— Этот витраж действительно древний, я уверена.

— Ты наверняка прибыла не для того, чтобы говорить об интерьерах,— сказал Тег.

Тараза ухмыльнулась.

У нее был пронзительный голос, а подготовка Ордена научила ее использовать его наиболее эффектно. Это был не тот голос, который легко проигнорировать, даже когда он кажется абсолютно небрежным, вот как сейчас. Тег видывал ее на Советах Бене Джессерит. Там ее манера была могущественной и убеждающей, каждое слово — показатель злорадного ума, руководящего ее решениями. Он мог ощутить важность решения, стоящего за ее нынешним поведением.

Тег указал на кресло с зеленой обивкой слева от себя, она посмотрела, еще раз метнув взгляд по комнате, и подавила улыбку.

Она бы взялась, конечно, поспорить, что в доме не найдется песьего кресла. Тег был древностью, окружившей себя древностями. Она уселась и расправила складки своего облачения, ожидая, когда Тег усядется в точно такое же кресло напротив нее.

— Я сожалею о необходимости обращаться к тебе, когда ты уже в отставке по возрасту, башар,— сказала она.— К несчастью, обстоятельства не оставляют мне выбора.

Тег оперся своими длинными руками на подлокотник кресла — ментат, погруженный в размышления, его поза говорила: «Наполни мой ум данными».

Тараза на миг была обескуражена. Внушительное это было зрелище. В облике Тега сохранялась прежняя царственность. Высокий, с большой головой, увенчанной седыми волосами. Она знала, что ему не хватает четырех стандартных лет до трех сотен. Даже учитывая, что стандартный год был короче так называемого примитивного года, это все равно был впечатляющий возраст, и с таким опытом службы Бене Джессерит, чтобы она относилась к нему с уважением. На Теге, отметила она, светлой-серый мундир без знаков отличия. Тщательно пошитые брюки и куртка, белая рубашка с открытым воротом, обнажавшим покрытую глубокими морщинами шею. Золото поблескивает на поясе — она узнала солнце с лучами башара, полученное им при уходе с действительной службы. До чего же в духе практичного Тега! Он подвесил эту золотую штучку себе на пряжку пояса. Это ее успокоило. Тег поймет ее проблему.

— Нельзя ли мне выпить воды? — спросила Тараза.—

Путешествие было долгим и утомительным. Последний участок пути мы прошли на одном из наших транспортов, который следовало бы заменить еще пять сотен лет назад.

Тег встал с кресла, подошел к стенной панели и извлек бутылку охлажденной воды и стакан из шкафчика за панелью. Он поставил все это на низкий столик у правой руки Таразы.

— У меня есть меланж,— предложил он.

— Нет, спасибо, Майлс. У меня с собой мой собственный.

Тег опять уселся в свое кресло, и она подметила в нем некоторую скованность. Учитывая его года, он был замечательно подвижен.

Тараза налила себе полстакана воды, выпила одним глотком и с изысканной осторожностью поставила стакан на боковой столик. Как же подступиться? Поведение Тега ее не удивило.

Он не желает вылезать из своего спокойного убежища. Ее аналитики предостерегали об этом. Со времени отставки Тег выказал более чем праздный интерес к фермерству. Его обширные земли здесь, на Лернаусе, были по сути своей экспериментальными участками.

Она подняла глаза и неприкрыто стала его рассматривать. Квадратные плечи подчеркивали узкую поясницу Тега. Значит, он до сих пор поддерживает форму. Это длинное лицо, резкие черты которого формируются рельефной костью: типично атридесовское. Тег заметил ее взгляд, как он делал это всегда — требуя внимания, но открытый всему, что может сказать Верховная Мать. Его узкий рот приоткрыт в легкой усмешке, обнажая ровные и светлые зубы.

«Он понимает, что мне не по себе! — подумала она.— Проклятие! Он почти столько же времени слуга Ордена, как и я!»

Тег не задавал ей наводящих вопросов. Его поведение оставалось безупречным, странно отстраненным. Она напомнила себе, что это вообще характерно для ментатов, никаких других выводов из этого не следует.

Резко встав, Тег прошел к серванту слева от Таразы. Он повернулся, скрестил руки на груди, и, откинувшись на сервант, поглядел на нее.

Таразе пришлось повернуть кресло, чтобы оказаться лицом к нему. Черт его возьми! Тег не собирался облегчить

ее задачу. Все Преподобные Матери отмечали, как трудно заставить Тега присесть во время разговора. Он предпочитал стоять, плечи напряжены с военной жесткостью, взгляд устремлен вниз. Немногие Преподобные Матери достигали его роста — более двух метров. Эта его привычка стоять — на чем сходились все аналитики — была способом Тега (может быть бессознательным) выражать протест против своего подчинения Ордену. Ни в чем другом этот протест не сказывался. Тег всегда был самым надежным военачальником, когда-либо состоявшим на службе Ордена.

Несмотря на кажущуюся простоту, главные связующие силы этого многообщественного мироздания взаимодействовали достаточно сложно, и надежные военные командующие ценились даже не на вес меланжа, а во много раз больше. Религиозная и мирская память об имперской тирании всегда присутствовала в переговорах, но все, в конечном итоге, определяла экономика, и военную монету можно было учесть на чьем угодно арифмометре. Это присутствовало во всех переговорах и будет присутствовать до тех пор, пока торговую систему движет необходимость получения товаров (таких, как спайс и продукты технологии Икса), необходимость в специалистах (таких, как ментаты и доктора́ Сакк) и все другие заземленные нужды, для которых существует рынок: рабочая сила, строители, инженеры, организующие жизнь, художники, экзотические удовольствия...

Ни одна юридическая система не могла увязать такую сложность в единое целое, с очевидностью порождая еще одну необходимость — постоянную нужду в авторитетных арбитрах. Преподобные Матери естественно подходили на эту роль внутри экономической паутины, и Майлс Тег это знал. Он понимал также, что его вновь извлекают, как ходовую монету. Доставит ли эта роль ему удовольствие при переговорах — в расчет не бралось.

— Похоже, у тебя здесь нет такой семьи, чтобы удерживать на месте,— проговорила Тараза.

Тег молчал. Да, его жена умерла тридцать восемь лет назад. Все его дети выросли и за исключением единственной дочери разлетелись из гнезда. У него много личных интересов, но не семейных обязанностей. Это верно. Тараза напомнила ему о его долгой и верной службе Ордену, припомнила несколько заслуг. Она знала, что

похвала мало на него подействует, но это открывало ей необходимый прямой путь к тому, что должно было последовать.

— Твое семейное сходство вполне оценено,— сказала она.

Тег наклонил голову не больше чем на миллиметр.

— Твое сходство с первым Лито Атридесом, дедом Тирана, просто удивительно,— продолжала Тараза.

Тег ничем не дал понять, что слышал или согласен. Это просто факт, нечто уже отложенное в его объемистой памяти. Он знал, что несет в себе гены Атридесов. Он видел изображение Лито I на Доме Соборов. До чего же это оказалось странным, словно он смотрел на себя в зеркало.

— Ты чуть повыше,— сказала Тараза.

Тег продолжал пристально глядеть на нее.

— К черту все это, башар,— сказала Тараза,— разве ты не можешь мне, во всяком случае, постараться помочь?

— Это приказание, Верховная Мать?

— Нет, не приказание.

Тег медленно улыбнулся. Сам факт, что Тараза позволила себе у него на глазах такой взрыв, говорил ему очень о многом. Она не поведет себя так с людьми, к которым относится с недоверием. И она, наверняка, не позволит себе такой эмоциональный всплеск перед человеком, которого считает просто мелким подчиненным.

Тараза опять откинулась в своем кресле и широко улыбнулась Тегу.

— Ладно,— сказала она.— Ты развлекся. Патрин сказал, что ты будешь очень недоволен, если я призову тебя назад, к исполнению долга. Уверяю тебя, что это критически важно для наших планов.

— Для каких планов, Верховная Мать?

— На Гамму мы выращиваем гхолу Данкана Айдахо. Ему почти шесть лет, он созрел до обучения военному делу.

Тег позволил своим глаза раскрыться.

— Это будет для тебя, в самом деле, утомительной работой,— сказала Тараза,— но я хочу, чтобы ты взялся за его подготовку и защиту как можно скорее.

— Мое сходство с герцогом Атридесом,— проговорил Тег.— Вы воспользуетесь мной, чтобы пробудить его исходную память.

— Да, через восемь — десять лет.

— Так долго! — покачал головой Тег.— Почему Гамму?

— Его наследственность — прана-бинду — изменена Бене Тлейлаксом, согласно нашему заказу. Его рефлексы соответствуют по скорости любому, рожденному в наше время. Гамму... истинный Данкан Айдахо родился и вырос там. Из-за перемен в его клеточной наследственности мы должны поддерживать все остальное как можно ближе к первоначальным условиям.

— Зачем вы это делаете? — это была интонация ментата, требующего данных для осмысления.

— На Ракисе обнаружена девочка, способная управлять червями. У нас там будет, как использовать гхолу.

— Вы их скрестите?

— Я призываю тебя не как ментата. То, что нам нужно — твои воинские таланты и сходство с Лито I. Ты знаешь, как извлечь исходную память, когда придет время.

— Значит, на самом деле вы возвращаете меня на службу в качестве дядьки-мечевластителя.

— По-твоему, это понижение для того, кто когда-то был Верховным Башаром всех наших сил?

— Верховная Мать! Ты приказываешь, а я повинуюсь. Но я не приму этого поста без полного подчинения мне всех оборонных систем Гамму.

— Это уже устроено, Майлс.

— Ты все время знала, как работает мой ум.

— Я всегда была убеждена в твоей верности.

Тег оттолкнулся от серванта и секунду стоял неподвижно.

— Кто даст мне всю информацию?

— Беллонда из Архивов, точно так же, как и прежде. Она снабдит тебя шифром, чтобы обеспечить безопасную связь между нами.

— Я дам тебе список людей,— сказал Тег,— старые соратники и дети некоторых из них. Я хочу, чтобы все они уже ждали на Гамму, когда я туда прибуду.

— Ты не думаешь, что некоторые из них откажутся?

Его взгляд сказал: «Не будь глупой!»

Тараза хмыкнула и подумала: «Это то, чему давние Атридесы нас накрепко научили — как производить тех, кто внушает высочайшие преданность и верность к себе».

— Набором займется Патрин,— сказал Тег,— он, я знаю, не примет звания, но должен будет получать полное жалованье и почести подполковника.

— Ты теперь будешь восстановлен в звании Верховного Башара,— сказала она.— Мы...

— Нет. У вас есть Бурзмали. Не надо ослаблять его, ставя над ним прежнего командира.

Она минуту пристально изучала его взглядом и наконец произнесла:

— Мы еще не назначили Бурзмали...

— Я хорошо об этом знаю. Мои прежние товарищи держат меня полностью в курсе политики Ордена. Но я и ты, Верховная Мать, мы знаем, что это только вопрос времени: Бурзмали — лучший.

Тараза могла это только принять. Это было больше, чем оценка военного-ментата. Это была оценка Тега. Иная мысль потрясла ее.

— Значит, ты уже знал о нашем споре на Совете? — обвиняюще проговорила она.— И ты позволяешь мне...

— Верховная Мать, если бы я думал, что вы пытаетесь произвести на Ракисе чудовище, я бы так и сказал. Вы принимаете свои решения, а я — свои.

— Черт возьми, Майлс мы слишком долго были вдали друг от друга,— Тараза встала.— Я чувствую себя спокойнее просто от сознания, что ты опять в упряжке.

— Упряжка,— сказал он.— Да. Дайте мне должность башара по особым поручениям. Таким образом, когда весть об этом дойдет до Бурзмали, не будет не нужных вопросов. Тараза протянула Тегу пачку ридуланской бумаги, которую извлекла из-под абы.

— Я уже все это подписала. Сам впиши свое звание. Все остальные предписания, подорожные и так далее здесь. Все приказы тебе отдаю лично я. Мне ты и будешь повиноваться. Ты ведь МОЙ башар, понимаешь?

— Разве я не был им всегда? — спросил он.

— Сейчас это намного важнее, чем раньше. Храни этого гхолу в безопасности и хорошо его тренируй. Он отдан под твою ответственность. Я поддержу тебя в этом против кого угодно.

— Я слышал, на Гамму настоятельницей Шванги.

— Против кого угодно, Майлс. Не доверяй Шванги.

— Понимаю. Ты отобедаешь с нами? Моя дочь приготовила...

— Прости меня, Майлс, но мне как можно скорее нужно возвращаться. Я сразу же пришлю Беллонду.

Тег вышел с ней из дома, перекинулся несколькими

фразами со своими старыми учениками и проводил их. На дорожке стоял их наземный бронетранспорт, одна из новых моделей, явно привезенная с собой. Его вид вызвал у Тега тяжелое чувство.

СРОЧНОСТЬ!

Тараза прибыла лично — сама Верховная Мать стала собственной рассыльной, понимая, как много это ему поведает. Тег, хорошо знакомый с образом действия Ордена, действительно понял из этого очень важную вещь: спор в Совете Бене Джессерит зашел намного дальше, чем предполагали его осведомители.

«Ты — МОЙ башар»

Тег посмотрел на пачку оставленных Таразой предписаний и поручительств, скрепленных ее печатью и подписью. Подразумеваемое этим доверие накладывалось на все другое, понятное ему и немало добавлявшее к его беспокойству.

«Не доверяй Шванги».

Он убрал бумаги в карман и отправился на поиски Патрина. Патрина надо будет проинструктировать, да и успокоить тоже. Надо обсудить с ним, кого привлечь к этому заданию. Он начал мысленно составлять список. Опасные обязанности впереди. Для этого требуются самые лучшие люди. Проклятие! Надо полностью ввести Фируса и Димелу в курс управления имением. Так много мелочей! Размашисто шагая к дому, он почувствовал, как участился его пульс. Проходя мимо вахтенного по дому, одного из своих бывших солдат, Тег заметил:

— Мартин, отмени все назначения на сегодня. Разыщи мою дочь и передай, чтобы пришла ко мне.

Сообщение разошлось по дому, было передано на все имение. Слуги и семья, знавшие, что сама Верховная Мать только что лично беседовала с Тегом, машинально подняли защитный экран, чтобы ничто не отвлекало Тега. Его старшая дочь Димела резко его перебила, когда он попытался перечислить все подробности, необходимые для проведения в жизнь его экспериментальных фермерских проектов.

— Отец, я не малое дитя!

Они были в небольшой теплице, пристроенной к его кабинету, остатки обеда Тега оставались на уголке рабочего стола. Записная книжка Патрина засунута между стеной и обеденным подносом.

Тег внимательно смотрел на дочь. Димела пошла в него внешностью, но не ростом. Слишком угловата, чтобы быть

красавицей, но жена из нее вышла хорошая. У них уже трое чудесных детей, у Димелы и Фируса.

— Где Фирус? — спросил Тег.

— Руководит перемещением Южной фермы.

— О да, Патрин упоминал об этом.

Тег улыбнулся. Он был доволен, что Димела отвергла Орден, предпочтя выйти замуж за Фируса, коренного жителя Лернауса, и остаться в свите своего отца.

— Я знаю только, что они опять призывают тебя на службу,— сказала Димела.— Это опасное назначение?

— Ну, знаешь ли, ты говоришь в точности, как твоя мать,— заметил Тег.

— Значит, это опасно! Черт их возьми, неужели ты недостаточно на них потрудился?

— Очевидно, нет.

Она двинулась к выходу как раз тогда, когда в дальнем конце теплицы показался вошедший Патрин. Тег услышал, как она на ходу обратилась к нему:

— Чем он старше становится, тем больше сам уподобляется Преподобной Матери.

«А чего еще она могла ожидать!» — подивился Тег. Сын Преподобной Матери, отец — мелкий чиновник КХОАМа, он вырос в доме, который жил в ритме Ордена. С раннего возраста он ясно видел, как верность его отца межпланетной торговой сети КХОАМа исчезает, если у матери бывали возражения.

Этот дом был домом его матери, до самой ее смерти менее года назад. Через год после смерти отца. На всем вокруг оставлена печать ее вкусов.

Перед Тегом остановился Патрин.

— Я за своей записной книжкой. Ты дописал в нее имена?

— Несколько. Тебе лучше сразу этим заняться.

— Да, сэр! — Патрин принял молодцеватый вид и отправился обратно тем же путем, которым пришел, похлопывая записной книжкой по ноге.

«Он тоже это ощущает»,— подумал Тег.

Тег снова посмотрел вокруг. Этот дом так и оставался местом его матери. После стольких лет, прожитых здесь, выращенной им здесь семьи! И все равно — ее дом. О да, он построил эту теплицу, но этот кабинет был прежде ее личной комнатой.

Жанет Роксбро из лернаусских Роксбро. Мебель, отделка — во всем эта комната по-прежнему принадлежит

ей. Тег с женой заменили несколько не главных деталей, но суть Жанет Роксбро оставалась. В ее происхождении, никаких сомнений, кровь Рыбословш. Какой же огромной ценностью она была для Ордена! Странно то, что она вышла замуж за Лоше Тега и прожила здесь всю жизнь. В голове не укладывается, пока не поймешь, насколько далеко, на поколения вперед, составлены Программы выведения Бене Джессерит.

«Они опять это сделали,— подумал Тег.— Все эти годы они продержали меня за кулисами именно для теперешнего момента».

Неужели все эти тысячелетия религия не предъявляет патент на творение?
Тлейлаксанский Вопрос, из речений Муад Диба

Воздух Тлейлакса был кристаллиновым, скованным той неподвижностью, что частично происходит от утреннего морозца, а частично — словно сама жизнь выжидающе затихла там, за окном, во граде Бандалонге, жизнь приникшая и плотоядная, которая не шелохнется, пока не воспримет его личного сигнала. Махай, Тилвит Вафф, Господин Господинов ценил этот час больше любого другого времени дня. Сейчас, когда он смотрел в открытое окно, город принадлежал ему. «Бандалонг очнется к жизни только по-моему повелению»,— говорил он себе. Страх, улавливаемый им там, был его опорой в любой ситуации, которая могла возникнуть в этом огромном инкубаторе жизни: здесь зародилась цивилизация Тлейлакса и затем далеко распространила свою мощь.

Они, его подданные, ждали этого времени многие тысячелетия. Теперь Вафф смаковал этот момент. Пройдя через все дурные времена Пророка Лито II (не Бога-Императора, но Посланца Господня), через все время Голода и Рассеяния, через все болезненные поражения от рук меньших творений, через все муки, Тлейлакс терпеливо копил силы для этого момента. «Мы достигли нашего времени, о Пророк!»

Город, раскинувшийся под его высоким окном, виднелся ему символом, крупной меткой на странице тлейлаксанского атласа. Другие планеты, другие великие города, взаимосвязанные, взаимозависимые, преданность которых

сводится к этому центру — к Богу Ваффа и его городу, ждут сигнала, который — все они знают — должен скоро последовать. Двойные силы Танцоров и Машейхов, готовясь к космическому броску, собрали воедино свою мощь. Тысячелетние ожидания вскоре завершатся.

Вафф думал об этом как о «долгом начале».

Да. Он кивнул себе, глядя на затихший город. С самой начальной стадии, с бесконечно малого зародыша идеи правители Бене Тлейлакса понимали опасности столь огромного плана — всеобъемлющего, хитросплетенного, тонкого. Он изведали необходимость проходить по самой кромке катастрофы, терпеть то и дело разящие потери, подчиненность и униженность.

Все это, и намного больше, делалось для сотворения особого образа Бене Тлейлакса. За тысячелетия они сотворили миф.

— Греховные, отвратительные грязные тлейлаксанцы! Глупые тлейлаксанцы! Предсказуемые тлейлаксанцы! Импульсивные тлейлаксанцы!

Даже креатура Пророка пала жертвой этого мифа. Пленная Рыбословша стоя в этой комнате, кричала на тлейлаксанского Господина:

— Долгое притворство создает реальность! Ты и в самом деле греховен!

Вот они и убили ее, и Пророк ничего им не сделал.

Немногие среди всех чуждых миров и людей понимали сдержанность тлейлаксанцев. Порывистость? Они еще передумают после того, как Бене Тлейлакс покажет, сколько тысячелетий был способен ждать своего господства.

— Спаннунгсбоген!

Вафф покатал это древнее слово по языку: «Натяжение лука!» Как далеко ты натягиваешь лук перед тем, как выпустить стрелу. Эта стрела войдет глубоко!

— Машейхи ждали больше, чем кто-либо другой,— прошептал Вафф. Здесь, в своей крепкой башне, он осмелился произнести это слово вслух только для самого себя: «Машейхи».

Крыши под ним сверкали в восходящем солнце. Он услышал, как начала шевелиться жизнь в городе. Сладостная горечь запахов Тлейлакса потянулась в воздухе к его окну. Вафф вдохнул глубоко и закрыл окно.

Он почувствовал себя обновленным после этого момента одинокого наблюдения. Отвернувшись от окна, он

облачился в белое одеяние — хилат почета, перед которым обязан склоняться весь Домель. Длинный хилат полностью скрыл его короткое тело, вызвав у него острое чувство, будто он облачился в доспех.

— Мы — народ Ягиста,— напомнил он своим советникам всего только вчера вечером.— Все остальное — пограничные области. Мы с единственной целью все эти тысячелетия лелеяли миф о наших слабости и темных кознях.

Девять его советников, сидевших в глубокой сагре без окон под защитным полем не-пространства, улыбнулись тогда, одобряя его слова. Всё они понимают. Сцена, на которой тлейлаксанцы определяли свою судьбу, всегда была для них кехлем с его законом гуфрана.

Так надлежало, чтобы даже Вафф, самый могущественный из всех тлейлаксанцев, не мог покинуть свой мир, быть впущен в него заново, не пройдя обряда самоуничижения через гуфран, прося прощения за контакты с невообразимыми грехами неверных. Даже самого сильного способно запятнать общение с повиндой. Хасадары, надзирающие за всеми границами Тлейлакса и охраняющие женщин Селамлика, вправе подозревать даже Ваффа. Он — один из людей Кехля, но все равно должен подтверждать это каждый раз, когда оставляет и возвращается в родной мир — и, разумеется, всякий раз, когда входит в селамлик для пожертвования своей спермы.

Вафф подошел к высокому зеркалу и рассмотрел себя и свое одеяние. Он знал, что для повинды представлялся чем-то наподобие эльфа. Едва ли полтора метра роста, глаза, волосы и кожа — различные оттенки серого, все должно работать на общее впечатление от овального лица с крохотным ртом и линией острых зубок. Лицевые Танцоры могли копировать его жесты и позы, могли дезинтегрироваться по повелению Машейха. Но ни Машейхов, ни Хасадаров нельзя одурачить. Лишь повинду это способно обмануть.

«Кроме Бене Джессерит!»

От этой мысли его лицо сделалось угрюмым. Что ж, этим мегерам еще предстоит встретиться с одним из новых Лицевых Танцоров!

«Ни один другой народ не овладел языком генетики так, как Бене Тлейлакс,— успокоил он себя.— Мы правы, называя этот язык «языком Бога», поскольку сам Бог дал нам эту великую силу».

Вафф подошел к двери и стал ждать утреннего коло-

кола. Нет способа описать испытываемую им гамму переживаний. Время развернулось перед ним. Он не спрашивал, почему правдивое послание Пророка было услышано только Бене Тлейлаксом. Это — Господне Деяние, и в этом Пророк — Мышца Господня.

«Ты приготовил их для нас, о Пророк».

И этот гхола на Гамму — нынешний гхола — в настоящий момент стоил всех ожиданий.

Пробил утренний колокол, и Вафф прошел в зал, вместе с другими, облаченными в белое фигурами, вышел на восточный балкон приветствовать солнце. Как Махай и Абдль своего народа, он мог теперь олицетворять себя со всем народом Тлейлакса.

«Мы живем законом Шариата, единственные оставшиеся во всем мироздании».

Никогда и нигде, кроме закрытых палат его братьев-малик, не мог он раскрыть этот секрет. Но теперь работа этой тайной мысли, разделяемой сейчас каждым вокруг него, в равной степени была заметна и в Машейхах, и в Домеле, и в Лицевых Танцорах. Парадокс родства и ощущения социальной общности, пронизывающий весь Кехль от Машейхов до самых низов Домеля, не был парадоксом для Ваффа.

«Мы работаем на единого Бога».

Лицевой Танцор, в личине Домеля, склонился и открыл двери балкона. Вафф, выходящий на солнечный свет со многими спутниками вокруг него, улыбнулся, узнав Лицевого Танцора. Еще и Домель! Семейная шуточка — но Лицевые Танцоры не кровные члены семьи. Они — конструкции, инструменты, точно так же, как гхола на Гамму — это инструмент, созданный языком Бога, на котором говорят только Машейхи.

Вместе с другими, теснившимися вокруг него Вафф совершил намаз перед солнцем. Он испустил крик Абдля и услышал, как этот крик разнесся далеко, до самых крайних точек города.

— Солнце не Бог! — закричал он.

Нет, солнце было только символом бескрайних господних мощи и милосердия — еще одна конструкция, еще один инструмент. Чувствуя себя очищенным гуфраном, через который прошел вчера вечером, и оживленный утренним ритуалом Вафф мог теперь подумать о путешествии в мир повинды, из которого он только что вернулся, пройдя обряд гуфрана. Другие верующие освободили ему дорогу, когда он пошел назад во внутренние коридоры и по спус-

копроводу в центральный сад, где назначил сбор своим советникам.

«Успешный выдался рейд, рейд среди повинды»,— подумал он.

Покидая внутренний мир Бене Тлейлакса, Вафф каждый раз ощущал себя в лашкаре — боевом походе ради высшей мести, которая на тайном языке его народа называлась Бодал (всегда с большой буквы и всегда заново подтверждаемая в гуфране и кехле). Последний лашкар был очень успешным.

Вафф попал из спускопровода в центральный сад, залитый солнечным светом через призматические рефлекторы, установленные на окружающих крышах. В самой середине присыпанного гравием круга небольшой фонтан исполнял фугу для зрения. Низкий белый палисад ограждал коротко стриженную лужайку, пространство вполне достаточное чтобы фонтан освежал воздух, но чтобы плеск воды не мешал беседе, ведущейся тихими голосами. На этом газончике стояли десять узких скамей из древнего пластика, девять из них — полукругом, лицом к поставленной чуть отдельно десятой.

Вафф, помедлив перед газончиком, огляделся, удивляясь, почему он никогда раньше не испытывал того радостного наслаждения при виде этого места. Сам материал скамей был синий, они не были крашеными. За века употребления в скамьях появились плавные изгибы, округлые впадины от бесчисленных ягодиц, но в сносившихся местах цвет был все также ярок.

Вафф уселся, обернувшись лицом к девяти советникам, подбирая слова, которые должен был произнести. Документ, привезенный им из последнего лашкара и послуживший основным поводом для него оказался ко времени. Его название и текст содержали очень важное послание для Тлейлакса.

Из внутреннего кармана Вафф извлек тонкую пачку ридуланского хрусталя. Он заметил необычный интерес у своих советников: девять лиц, подобных его собственному, Машейхи, сердцевина кехля — выражали ожидание, они все читали в кехле этот документ: «Манифест Атридесов». Они провели ночь в размышлениях над содержанием Манифеста. Затем это надо было обсудить. Вафф положил документ на колени.

— Я предлагаю распространять этот текст вдаль и вширь,— сказал Вафф.

— Без изменений? — это спросил Мирлат, советник, ближе всего подошедший к гхоло-трансформации. Мирлат, вне сомнений, метит на место Абдля и Махая.

Вафф сосредоточил взгляд на широких челюстях советника, где за века вырос выступающий хрящик, видимая примета огромного возраста его нынешнего тела.

— Именно таким, каким он попал в наши руки,— сказал Вафф.

— Опасно,— заметил Мирлат.

Вафф повернулся вправо, его детский профиль выделялся на фоне фонтана так, что его могли видеть все советники. Рука Господня мне порука! Небеса над нами — словно полированный карнеол, словно бы Бандалонг, самый древний город Тлейлакса, выстроен под одним из гигантских искусственных укрытий, возводившихся, чтобы укрыть первопроходцев на тяжелых для жизни планетах. Когда Вафф опять перевел взгляд на своих советников, лицо его хранило прежнее выражение.

— Для нас не опасно,— возразил он.

— Как посмотреть,— сказал Мирлат.

— Тогда давайте сравним наши точки зрения,— сказал Вафф.— Должны ли мы бояться Икса или Рыбословш? Разумеется, нет! Они наши, хотя этого не знают.

Вафф сделал паузу, чтобы его слова отчетливо были слышны всем и чтобы всем здесь было известно, что новые Лицевые Танцоры сидят в высочайших советах Икса и Рыбословш и что подмена эта не разоблачена.

— Космический Союз не выступит против нас и не окажет нам противодействия, потому что мы — единственный надежный источник меланжа,— продолжал Вафф.

— А как насчет Преподобных Черниц, возвращающихся из Рассеяния? — осведомился Мирлат.

— Мы с ними разберемся, когда это потребуется,— сказал Вафф.

— И нам помогут потомки тех, кто по собственной воле отправились в Рассеяние.

— Время в самом деле представляется удачным,— пробормотал другой советник.

Это, отметил Вафф, проговорил Торг-младший. Прекрасно! Вот один голос и обеспечен.

— Бене Джессерит! — проворчал Мирлат.

— Я думаю, Преподобные Черницы устранят мегер с нашего пути,— сказал Вафф. Они уже рычат друг на друга, как звери на арене для боев.

— А что если будет установлен автор этого Манифеста? — вопросил Мирлат.— Что тогда?

Некоторые советники закивали головами. Вафф отметил их: люди, которых надо еще привлечь на свою сторону.

— В наш век опасно носить имя Атридес,— сказал он.

— Кроме, может быть, как на Гамму,— сказал Мирлат.— И документ этот подписан именем Атридеса.

«Как странно»,— подумал Вафф.

Представитель КХОАМа на той самой конференции повинды, ради которой Вафф вынужден был покинуть родные планеты Тлейлакса, подчеркнул именно этот пункт. Но большинство КХОАМа — скрытые атеисты, на все религии смотрят с подозрением, а Атридесы, безусловно, были в свое время мощной религиозной силой. Беспокойство КХОАМа было почти осязаемо.

Теперь Вафф докладывал об этой реакции КХОАМа.

— Этот КХОАМовский клеврет, проклятие его безбожной душе, прав,— настаивал Мирлат.— Документ с подковыркой.

«С Мирлатом надо будет разобраться»,— подумал Вафф. Он поднял документ с колен и прочел вслух первую строку:

— «Сначала было слово, и слово было Бог».

— Прямо из Оранжевой Католической библии,— сказал Мирлат. И все опять в тревожном согласии закивали головами.

Вафф, коротко улыбнувшись, обнажил свои остренькие зубки.

— Есть ли среди вас такие, кто допускает, будто среди повинды имеются подозревающие о существовании Шариата и Машейхов?

Он почувствовал, что правильно сделал, задав вслух этот вопрос, напоминая собравшимся, что только здесь, в самой глубине Тлейлакса старые слова и старый язык сохраняются без изменений. Разве Мирлат или кто-нибудь еще из присутствующих страшатся, что слова Атридесов могут ниспровергнуть Шариат?

Вафф задал этот вопрос и сразу увидел встревоженно нахмуренные лица.

— Есть ли среди вас думающий, будто хоть один повинда знает, как мы пользуемся языком Бога? — спросил Вафф.

«Вот вам! Поразмыслите-ка теперь над этим!» Здесь они периодически пробуждаются к новой жизни в очеред-

ной плоти гхолы. Непрерывность плоти в этом Совете, которую не достигал больше никто из людей. Сам Мирлат видел Пророка собственными глазами. Скайтейл говорил с Муад Дибом! Научившись возобновлять плоть и восстанавливать память, они сконцентрировали эту силу в едином правительстве. Основа его мощи хранилась за семью замками, иначе на них стали бы отовсюду давить, чтобы они поделились источником этой мощи. Только мегеры обладали сходным хранилищем опыта, из которого черпали, с боязливой осторожностью делая каждый ход, приходя в ужас от одной мысли, что могут произвести еще одного Квизаца Хадераха!

Вафф изложил все это своим советникам, потом добавил:

— Наступило время действий.

Когда все выразили согласие, Вафф сказал:

— У этого Манифеста есть один автор. На этом сходятся все аналитики, Мирлат?

— Написано одним человеком, и этот человек — истинный Атридес, никакого в том сомнения,— согласился Мирлат.

— На конференции повинды все это подтвердили,— сказал Вафф.— С этим согласен даже Кормчий Космического Союза Третьей Ступени.

— Но этот один человек создал то, что вызовет жесткую реакцию среди самых разных народов,— возразил Мирлат.

— Разве мы когда-нибудь сомневались в таланте Атридесов сеять раскол и смуту? — спросил Вафф.— Когда повинда показала мне этот документ, я понял, что Бог посылает нам сигнал.

— Мегеры до сих пор отрицают авторство? — спросил Торг младший.

«Как же он умеет попадать в цель»,— недоумевал Вафф.

— Все великие религии повинды ставятся под сомнение этим Манифестом,— проговорил Вафф.— Каждая вера, кроме нашей, оказывается подвешенной в преддверии ада.

— Именно в этом и проблема! — сделал выпад Мирлат.

— Но только мы об этом знаем,— сказал Вафф.— Кто еще хотя бы подозревает о существовании Шариата?

— Космический Союз,— сказал Мирлат.

— Они никогда об этом не заговаривали и никогда не заговорят. Они знают, каков будет наш ответ.

Вафф поднял стопочку ридуланской бумаги со своих колен и стал читать вслух:

— «Силы, которые мы не способны понять, проникают всюду в наше мироздание. Мы видим тени этих сил, когда они проецируются на экран доступных нам восприятий, но при этом мы никак их не понимаем».

— Атридес, написавший это, знает о Шариате,— промолвил Мирлат.

Вафф продолжил как будто никто его и не перебивал:

— «Понимание требует слов. Есть нечто, что не может быть ограничено до слов. Есть нечто, что может быть испытываемо только бессловесно».

Вафф опустил документ на колени, обращаясь с ним, словно со святой реликвией. Так тихо, что слушателям пришлось наклониться к нему и даже поднести сложенные ковшиком ладони к ушам, Вафф проговорил:

— Это — утверждение волшебности нашего мироздания. Того, что все выводимые сознанием аксиомы мимолетны и подвержены волшебным переменам. Наука нас привела к таковом толкованию, словно бы поместив нас в колею, из которой нам нельзя выпасть.

Он дал слушателям секунду, чтобы они как следует переварили услышанное, затем продолжил:

— Ни один ракианский Жрец Разделенного Бога, никакой другой шарлатан повинды не способен этого принять. Только мы это знаем, потому что наш Бог — это волшебный Бог, языком которого мы говорим.

— Нас обвинят в том, что мы сами — авторы этого Манифеста,— сказал Мирлат. Говоря это, Мирлат резко покачал головой из стороны в сторону.— Нет! Понимаю-понимаю, что ты имеешь в виду.

Вафф молчал. Он видел, что все они сейчас задумались над своим происхождением суфи, припоминал Великую Веру и Дзенсунни, породивших Бене Тлейлакс. Люди этого кехля знали богоданные факты своего происхождения, но поколения секретности давали им гарантии, что ни один повинда не причастен к этому знанию.

Через ум Ваффа безмолвно неслись слова.

«Предубеждения, основанные на понимании, содержат веру в абсолютную почву, из которой все произрастает, как растения произрастают из семян».

Зная, что его советники тоже припоминают сейчас этот катехизм Великой Веры, Вафф напомнил им о предостережении Дзенсунни:

— «Под такими условностями лежит вера в слова, в которых повинда не сомневается. Только Шариат сомневается, и мы делаем это безмолвно».

Его советники в унисон закивали.

Вафф наклонил голову и продолжил:

— Сам факт провозглашения существования того, что нельзя описать словами, потрясает мироздание, в котором слово является верховной верой.

— Яд повинды! — воскликнули советники.

Он всех перетянул на свою сторону, и окончательную точку в одержанной победе поставил вопросом:

— Каково кредо суфи-дзенсунни?

Им нельзя было произносить этого вслух, но все они это припомнили:

— «Когда достигаешь ситори, не нужно уже никакого понимания, ситори существует без слов, даже без названия».

Они одновременно подняли глаза и обменялись взглядами. Мирлат взял на себя процитировать мольбу Тлейлакса:

— «Я могу сказать «Бог», но это не есть мой Бог. Это только шум, не могущественней любого другого шума».

— Я вижу теперь, что все вы ощущаете, какая сила попала в наши руки,— проговорил Вафф.— Многие миллионы копий уже гуляют по рукам среди повинды.

— Кто этим занимается? — спросил Мирлат.

— А кому какое дело? — возразил Вафф.— Пусть повинда преследует их, ищет истоки, старается пресечь распространение, проповедует против них. А любое такое действие повинды будет наполнять эти слова еще большей силой.

— Не следует ли и нам проповедовать против этих слов? — спросил Мирлат.

— Только если этого потребуют конкретные обстоятельства,— сказал Вафф.— До скорого! — он похлопал бумагами по коленям.— Мышление повинды основано на сильнейшей тяге к целеустремленности и в этом их слабость. Мы должны обеспечить, чтобы этот Манифест разошелся как можно шире.

— Волшебство нашего Бога — это единственный мост,— напевно процитировали советники.

Во всех них, заметил Вафф, он укрепил надежность опоры на краеугольный камень Веры. Это ему удалось. Ни один Машейх не разделял дурости хнычущей повинды:

«В твоей бесконечной милости, Боже, почему я?» Одной фразой повинда и утверждает бесконечность, и отрицает ее, никогда даже не обращая внимания на собственную дурость.

— Скайтейл,— проговорил Вафф.

Самый молодой, с детским личиком среди всех советников, сидевший на самой последней скамье слева, как ему и было положено, наклонился вперед.

— Вооружи верных,— сказал Вафф.

— Я дивлюсь тому чуду, что Атридесы дали нам это оружие,— сказал Мирлат.— И откуда только в Атридесах способность всегда хвататься за тот идеал, который завербует себе миллиарды последователей.

— Это не Атридесы, это Бог,— ответил Вафф. Затем он поднял руки и проговорил ритуальные завершающие слова:

— Машейхи собрались в кехле и ощутили присутствие своего Бога.

Вафф закрыл глаза и стал ждать когда другие удалятся.

Машейхи! Как хорошо нам называть самих себя на своих секретных совещаниях на языке исламиата, на котором ни один тлейлаксанец не говорит во внешнем мире. Даже Лицевые Танцоры не говорят на нем. Нигде в Вехте Яндольском, ни даже в самых дальних пределах тлейлаксанского Ягиста нет живого повинды, который знает этот секрет.

«Ягист,— подумал Вафф, поднимаясь со своей скамьи.— Ягист — страна неуправляемых».

Ему показалось: он ощущает документ, вибрирующий в его руке. Этот Манифест Атридесов — как раз то, что направит повинды к их року.

Одни дни как меланж, другие как горькая грязь.
Ракианский афоризм

На третий год своего пребывания у жрецов Ракиса девочка Шиана лежала, вытянувшись во весь рост, на вершине высокой изгибающейся дюны. Она смотрела на просторы, охваченные утром, откуда доносился мощный звук, громыхающий и грохочущий. Призрачный серебряный свет подернул горизонт прозрачной льдистой дымкой. Песок все еще был по-ночному холоден.

Она знала, что жрецы наблюдают за ней из безопасного убежища — окруженной водой башни — приблизительно в двух километрах за ее спиной, но это ее мало заботило. Дрожь песка требовала ее полного внимания.

«Этот велик,— подумала она.— По меньшей мере — семьдесят метров. Замечательно большой».

Серый стилсъют, облегая, льнул к коже. На нем не было ни одной залатанной потертости, какие были на той ветоши, что она носила прежде, еще не попав под опеку жрецов. Она испытывала благодарность за чудесный стилсъют и за плотный, белый с пурпурным, плащ поверх него, но больше всего она испытывала возбуждение от самого нахождения здесь. Нечто торжественное и тревожное переполняло ее в подобные моменты.

Жрецы не понимали происходящего. Она это знала. Они трýсы. Она поглядела через плечо на отдаленную башню и увидела, как вспыхивает солнечный свет на линзах окуляров.

Девочка, развитая не по годам,— одиннадцать стандартных лет — тонкая и смуглая, с солнечными стрелками в каштановых волосах. Она зримо представляла, как все эти жрецы смотрят в подглядывающие бинокли.

«Они видят, как я делаю то, чего они сами не осмеливаются. Они видят меня на пути Шайтана. Я кажусь такой маленькой на песке, а Шайтан — таким огромным. Они уже могут его разглядеть».

Слыша скребущие звуки, она понимала, что скоро увидит гигантского червя. Шиана не думала о приближавшемся чудовище как Шаи-Хулуде, Боге песков, воспеваемом каждое утро жрецами в знак почтения к перлам сознания Лито II, спрятанным в каждом из этих многорубчатых правителей пустыни. Она в основном думала о червях, как «о тех, кто меня щадит» или как о Шайтане.

Они теперь принадлежали ей.

Эта была взаимосвязь, начавшаяся чуть более трех лет назад, в месяц, на который приходился ее восьмой день рождения, месяц игат по старому календарю. Ее деревенька — бедное поселение первопроходцев, возведенное далеко за пределами таких границ безопасности, как кварталы и кольцевые каналы Кина. Только ров с сырым песком ограждал такие поселения первопроходцев. Шайтан избегал воды, но блуждающая песчаная форель быстро высасывала любую влагу. Драгоценная влага, собранная в ловушки, должна была пополняться. Ее деревушка была

скоплением хижин и лачуг с двумя небольшими ветроловушками, которых хватало для добывания питьевой воды, но лишь иногда способных производить излишки, которые могли быть пожертвованы на создание преграды от червя.

В то утро — так похожее на это, ночной морозец все еще пощипывал нос и легкие, горизонт затягивала призрачная дымка — большинство деревенских детей разбрелось по пустыне в поисках малых крох меланжа, оставляемых порой проходящим Шайтаном. Двух больших Шайтанов в ту ночь слышали неподалеку. На меланж, даже при современных упавших ценах, можно было купить достаточно глазурованных кирпичей на третью ветроловушку.

Каждый ищущий ребенок выглядывал не только спайс, но и приметы, которые могли бы навести на след одной из старых крепостей — съетчей прежних Свободных. От них оставались только развалины, но каменная преграда намного лучше защищала от Шайтана. Было известно, что в развалинах некоторых съетчей можно найти запрятанные хранилища меланжа. Каждый деревенский житель мечтал о таком открытии.

Шиана в своем залатанном стилсъюте и тонком верхнем облачении пошла в одиночку на северо-восток, к дальнему кургану, дрожащее марево над которым подсказывало, что прогретые солнцем ветерки возносят влажные испарения богатого водой великого города Кина.

Искать кусочки меланжа в песке — дело, в основном, напряженно внимательного принюхивания. Это была форма концентрации, которая оставляла лишь частичку сознания восприимчивой к шуршащему звуку песка, уведомляющему о приближении Шайтана. Мускулы ног автоматически двигались неритмично — чтобы звук шагов сливался с естественными звуками пустыни.

Сначала Шиана не слышала воплей, так они совпадали по тону со звуком мечущегося ветра, гонящего песок по барханам, закрывавшим деревню от ее взгляда. Потихоньку этот звук проник в ее сознание, а затем привлек полное внимание.

ВОПЛЬ МНОЖЕСТВА ГОЛОСОВ!

Шиана отвергла осторожную неритмичность передвижения по пустыне. Двигаясь со всем проворством, на которое были способны ее детские силы, она залезла на бархан и посмотрела в направлении ужасающего звука. Она успела как раз вовремя, чтобы увидеть то, что положило конец воплям.

С дальней стороны деревни ветер и песчаная форель проложили в защитном барьере широкую брешь сухого песка. Шиане видно было пятно другого цвета. Дикий червь появился через это открывшееся место. Он кружил внутри, вплотную к сырому кольцу. Гигантская пасть, окутанная отблесками пламени, поглощала людей и хижины в быстро сужавшемся круге.

Шиана видела, как последние уцелевшие цеплялись друг за друга посреди уже освобожденного от грубых построек и сокрушенных остатков ветряных ловушек пространства. Еще она увидела, как некоторые старались убежать в пустыню. Среди отчаявшихся бегунов Шиана узнала отца. Никто не спасся. Огромная пасть поглотила всех, перед тем, как сравнять с поверхностью пустыни остатки деревни.

Оставался лишь дымящийся песок, и НИЧЕГО больше от крохотной деревушки, осмелившейся притязать на клочок земли в царстве Шайтана. Место, где только что была деревушка, не сохранило ни одного следа людского пребывания — став таким же, каким было до прихода сюда людей.

Шиана судорожно вдохнула, вдох через нос, чтобы сохранить влагу тела, как это делал любой ребенок пустыни. Она обвела взглядом горизонт, ища других детей, но след Шайтана оставил огромные петли и извилины всюду вокруг дальней стороны деревни. Никого не встретил ее взгляд. Она закричала пронзительным криком, далеко разнесшимся в сухом воздухе. Никто не откликнулся ей в ответ.

ОДНА.

Она словно в трансе пустилась по гребню дюны — туда, где прежде была деревня. Когда она подошла, в нос ей ударила волна коричного запаха, доносимого ветром, до сих пор взметавшим пыль по верхушкам дюн. И тогда она осознала, что произошло. Деревня была расположена прямо над местом предспайсового выброса. Когда огромный запас в глубине песков созрел, произошел меланжевый взрыв и пришел Шайтан. Каждый ребенок знал, что Шайтан не сможет выстоять против спайсового выброса.

Шиану стали наполнять ярость и дикое отчаяние. Не соображая, что делает, она припустила с дюны к Шайтану, настигла червя сзади, когда он выскальзывал через сухое место, отворившее ему вход в деревушку. Ни о чем не думая, она метнулась вдоль хвоста червя, вскарабкалась

на него и побежала по огромной рубчатой спине. У бугра позади его пасти она скорчилась и заколотила кулачками по неподдающейся поверхности.

Червь остановился.

Ее гнев внезапно превратился в ужас. Шиана перестала молотить по червю. Только теперь она осознала, что плачет. Ей овладело ужасное чувство одиночества и беззащитности. Она не понимала, как попала сюда, зная только, где находится, и это стиснуло ее агонией страха.

Червь недвижимо покоился на песке.

Шиана не знала, что делать. В каждое мгновение червь мог или перевернуться и задавить ее, или зарыться в песок, оставив ее на поверхности, чтобы проглотить на досуге.

По червю вдруг прошел резкий трепет — по всей его длине, от хвоста до того места, где позади его пасти находилась Шиана. Червь пришел в движение. Он описал широкую дугу и, набирая скорость, устремился на северо-восток.

Шиана наклонилась вперед и схватилась за ведущую кромку кольцевого рубца на спине червя. Она испугалась, что в любую минуту червь скользнет в глубь песка. Что ей тогда делать? Но Шайтан не зарывался в песок. Шла минута за минутой, а он двигался через дюны все по тому же прямому пути, без всяких отклонений. Шиана постепенно обрела способность соображать. Она знала об этой езде. Жрецы Разделенного Бога запрещали это, но и писаная и Устная истории говорили, что в древности Свободные разъезжали таким способом на червях. Свободные стояли во весь рост на спине Шайтана, опираясь на тонкие шесты с крючьями на концах. Жрецы провозглашали, что это делалось до того, как Лито II разделил свое святое самосознание с Богом пустыни. Теперь не дозволялось ничего, что могло бы унизить разрозненные частички Лито II.

С изумлявшей ее скоростью червь нес Шиану к подернутым туманом очертаниям Кина. Великий город представал миражом на искаженном горизонте. Заношенное облачение Шианы хлестало по тонкой поверхности ее залатанного стилсъюта. Пальцы девочки ныли от боли, так сильно она стискивала ведущую кромку гигантского кольца.

При сменах ветра ее овевало запахами корицы, жженого кремния и озона, вырабатываемого внутренними топками червя.

Впереди нее Кин начал приобретать более ясные и четкие очертания.

«Жрецы увидят меня и рассердятся»,— подумала она.

Она разглядела низкие кирпичные строения, отмечавшие первую линию кванатов, и закрытый изогнутый желоб поверхностного акведука позади них. Над строениями возвышались стены идущих террасами садов и высокие профили гигантских ветроловушек. Потом шел комплекс храма, окруженный своими собственными водяными барьерами.

Дневной переход по открытому песку меньше чем за час!

Ее родители и деревенские соседи много раз ходили в город торговать и на праздники, но Шиана лишь дважды их сопровождала. Она запомнила танцы и случившееся после них побоище. Размеры Кина наполняли ее благоговейным трепетом. Как много зданий! Как много людей! Шайтан не может причинить вреда подобному месту.

Но червь двигался прямо вперед, словно мог перебраться через кванат и акведук. Шиана смотрела на город, вздымавшийся перед ней все выше и выше. Восхищение подавило ее ужас. Шайтан не собирался останавливаться!

Червь резко стал.

Внешние тубулярные отдушины кваната были не более чем в пятидесяти метрах от распахнутой пасти. Она ощутила жаркий запах корицы от выхлопов червя, услышала глубокое рокотание внутренних топок Шайтана.

Ей стало ясно, что путешествие наконец-то завершилось. Шиана медленно разжала пальцы, отпуская кольцо. Она встала, ожидая, что в любой момент червь продолжит свое движение. Шайтан оставался недвижим. Осторожно она соскользнула со своего насеста и спрыгнула на песок. Там она задержалась. Сдвинется ли он теперь? У нее смутно брезжила мысль рвануться со всех ног ко кванату, но червь ее привораживал. Скользя по потревоженному песку, Шиана зашла червю спереди и заглянула в его устрашающую пасть. За обрамлением хрустальных зубов перекатывались взад и вперед языки пламени. Иссушающие выдохи червя обдавали ее своими запахами.

Сумасшествие первого броска с дюны на спину червя опять охватило Шиану.

— Проклятие тебе, Шайтан! — вскричала она и потрясла кулачком перед ужасающей пастью.— Что мы тебе только сделали?

Эти слова она слышала как-то от матери, та произносила их, когда был разрушен их трубный сад. Шиана ни

разу не задумывалась, ни откуда это имя — Шайтан,— ни над яростью своей матери. Она была из беднейшего слоя, в самом низу ракианской сословной пирамиды, и знала это. Люди верили сначала в Шайтана, а затем уже в Шай-Хулуда. Черви — это черви и часто что-то еще намного хуже. Не было справедливости в открытой пустыне. Только опасность там таилась. Бедность и страх перед жрецами могли заставить людей уходить в грозящие смертельной опасностью дюны. Но даже тогда ими двигала гневная настойчивость, некогда направлявшая Свободных.

На этот раз, однако, Шайтан победил.

Тут до сознания Шианы дошло, что она стоит на тропе смерти. Ее мысли не до конца еще утряслись, она осознавала только, что совершила нечто сумасшедшее. Много позже, когда учение Бене Джессерит отшлифовало ее самосознание, она поняла, что тогда ее одолел ужас одиночества. Она желала, чтобы Шайтан воссоединил ее с погибшими родными.

Из-под червя донесся скрежещущий звук.

Шиана сдержала вскрик.

Сперва медленно, потом быстрее, червь подался от нее на несколько метров вспять. Потом он развернулся и, набирая скорость, двинулся назад в пустыню по собственному следу — по вмятине, окаймленной насыпями с двух сторон. Скрежет его движения с расстоянием становился все тише. Шиана услышала другой звук. Она посмотрела в небо. Это было «твок-твок» жреческого орнитоптера, кружащего над ней, отбрасывая на нее свою тень. Летный аппарат сверкал в утреннем солнце, двигаясь вслед за червем в глубь пустыни.

Тогда Шиану охватил более знакомый страх.

ЖРЕЦЫ!

Взгляд ее был прикован к орнитоптеру. Тот завис на расстоянии, затем вернулся и легко опустился на песок неподалеку, на укатанную вмятину, оставшуюся от червя. До Шианы донесся запах смазочных масел и едкого топлива. Словно гигантское насекомое приземлилось на песке, готовясь броситься на нее.

Распахнулся люк.

Шиана расправила плечи, принимая все как есть. Очень хорошо — они ее поймали. Она знала, чего теперь ожидать. Бегством ничего не выиграешь. Только жрецы пользуются орнитоптерами и могут добраться куда угодно и увидеть что угодно.

Два жреца в богатых облачениях — бело-золотых с пурпурными каймами — вылезли и побежали к ней через песок. Они рухнули на колени перед Шианой — так близко, что она узнала запах пота и мускусное благоухание меланжа, распространявшееся от их одежд. Они были молоды, но в остальном очень похожи на всех других виденных ею жрецов: мягкие очертания лиц, руки без мозолей, беззаботное расточительство влаги тела. Ни на одном из них под облачением не было стилсъюта.

Жрец слева от нее, глаза на уровне глаз Шианы, заговорил:

— Дитя Шаи-Хулуда, мы видели, как Твой Отец привез тебя из Своих мест.

Эти слова не представляли для Шианы никакого смысла. Жрецы — это люди, которых надо опасаться. Ее родители и все взрослые, которых она когда-либо знала, крепко заложили это в нее и словами, и поступками. Жрецы обладают орнитоптерами. Жрецы могут скормить тебя Шайтану за малейшую провинность и без всякой провинности, просто по своей жреческой прихоти. Ее народ знал тому много примеров.

Шиана попятилась от коленопреклоненных мужчин и метнула взгляд вокруг. Куда ей бежать?

Тот, что заговорил, умоляюще поднял руку.

— Оставайся с нами.

— Вы плохие! — голос Шианы надламывался от переживаний.

Оба жреца распростерлись на песке.

Вдали на городских башнях вспыхнули на подзорных линзах блики солнечного света. Шиана их увидела — и поняла, что это такое. В городах жрецы всегда наблюдают за тобой. Когда ты видишь вспышку подзорных линз, это сигнал быть незаметным, «быть хорошим».

Шиана стиснула руки, чтобы унять дрожь. Она поглядела налево и направо, затем на простертых жрецов. Что-то здесь не так.

Оба жреца, зарывшись головами в песок, содрогались от страха и ждали. Никто из них не заговаривал.

Шиана не понимала, как реагировать. Обвал нежданных событий не мог быть переварен ее восьмилетним умом. Она знала, что ее родители и все соседи взяты Шайтаном. Она видела это собственными глазами. И Шайтан привез ее сюда, отказавшись поглотить в свой ужасный пламень. Он ее пожалел и пощадил.

Это было слово, которое она понимала. ЕЕ ПОЩАДИЛИ. Ей это объяснили, когда она заучивала ритуальную песню.

«Пощади, Шаи-Хулуд, отведи Шайтана...»

Медленно, чтобы не волновать распростертых жрецов, Шиана начала шаркающие неритмичные движения танца. Памятная музыка стала нарастать у нее внутри, свободным взмахом она раскинула руки. Ноги ее высоко поднимались в царственных движениях. Она крутилась — сперва медленно, а потом все быстрее, по мере возрастания танцевального экстаза. Ее длинные каштановые волосы били по лицу.

Жрецы осмелились приподнять головы. Это странное дитя исполняет танец! Они узнали эти движения: ТАНЕЦ УМИРОТВОРЕНИЯ. Она просила Шаи-Хулуда пощадить его народ. Она просила Бога простить ИХ! Они, повернув головы, поглядели друг на друга, одновременным движением поднялись на колени. Затем стали хлопать в ладоши: освященный временем ритуал, попытка отвлечь танцора. Их ладони хлопали в ритм музыки, они нараспев произносили древние слова:

Наши отцы ели манну в пустыне,
В жарких песках разрушительной бури!

Жрецы отрешились от всего, кроме этой девочки. Они видели худышку с жилистыми мускулами, с тонкими руками и ногами. Роба и стилсъют заношены и залатаны, как у самых бедных. Скулы высоки и отбрасывают тень на оливковую кожу. Карие глаза, заметили они, рыжеватые солнечные стрелки в волосах. В ее лице — поджарость экономящих воду — узкие нос и подбородок, широкий лоб, широкий тонкий рот, длинная шея. Она так похожа на портреты Свободных в святая святых Дар-эс-Балата. Конечно! Дитя Шаи-Хулуда именно так и должно выглядеть. И танцевала она хорошо. Даже слабейшего повтора ритма нельзя было усмотреть в ее танце.

Ритм был, но он был восхитительно растянут — по меньшей мере, сотня движений перед каждым повтором. Она держала его, а солнце поднималось все выше и выше. Был уже почти полдень, когда она в изнеможении упала в песок.

Жрецы встали и поглядели в пустыню, куда ушел Шаи-Хулуд. Притаптывание ее танца не призвало ЕГО назад. Их простили!

Вот так началась новая жизнь Шианы.

Старшие жрецы очень долго обсуждали вопрос о Шиане. И наконец представили свои суждения и доклады Верховному Жрецу Туеку. Собрание состоялось в полдень. В Зале Малых Собраний присутствовали Туек и шесть высших советников. С фрески на них благосклонно смотрел Лито II, человеческое лицо на огромном теле червя.

Туек уселся на каменную скамью, перевезенную из Ветроломного съетча. Считали, что когда-то сам Муад Диб сидел на этой скамье. А одну из ее ножек до сих пор украшала резьба с изображением ястреба Атридесов. Советники расселись напротив него на скамеечках поменьше и посовременней.

Верховный Жрец был величествен — шелковистые седые волосы, гладкозачесанные и ниспадающие до плеч, подходящее обрамление для лица с широким полным ртом и тяжелым подбородком. Глаза Туека хранили природную белизну белков, окружавших темно-синие зрачки. Косматые, взъерошенные седые брови нависали над глазами.

Состав Совета был очень пестр. Отпрыски старых жреческих фамилий, каждый носит в своем сердце веру, что дела бы шли намного лучше, если бы на скамье Туека сидел ОН.

Костлявый, с крысиным личиком Стирос играл роль голоса оппозиции.

— Она — только лишь бедная сирота пустыни. И она ехала на Шаи-Хулуде. Это запрещено, и за это должна быть наказана.

Другие заговорили немедленно:

— Нет-нет, Стирос. Ты неправильно подходишь! Она не стояла на спине Шаи-Хулуда, как это делали Свободные. У нее не было ни крючьев Созидателя, ни...

Стирос старался их перекричать. Туек заметил: они зашли в тупик — трое на трое, и Умпфруд, толстый жизнелюб, сторонник «осмотрительного решения».

— У нее не было никакого способа управлять Шаи-Хулудом,— доказывал Умпфруд.— Мы все видели, как она безбоязненно слезла с него на песок и заговорила с ним.

Да, все это видели. Либо непосредственно в тот самый момент, либо на голографической записи, сделанной сообразительным наблюдателем. Сирота или нет, но она стояла перед Шаи-Хулудом и говорила с Ним. И Шаи-Хулуд ее не поглотил, он ее пощадил. Червь Бога попятился по приказанию этой девочки и вернулся в пустыню.

— Мы ее испытаем,— сказал Туек.

На следующий день управляемые жрецами орнитоптеры, доставившие ее из пустыни, увезли Шиану далеко за пределы Кина.

Жрецы оставили ее на вершине дюны, установили на песке тщательно воспроизведенную копию тампера Свободных. Когда отомкнули держатель тампера, тяжелый стук побежал через пустыню — древний призыв Шаи-Хулуда. Жрецы убежали к топтеру и наблюдали сверху, а пришедшая в ужас Шиана стояла в одиночестве в двадцати метрах от тампера: сбылись ее худшие предчувствия.

Явились два червя. Они были не самыми большими из всех, которых доводилось видеть жрецам, не более двадцати метров в длину. Один из них проглотил тампер, и тот замолчал. Вместе они закружили на параллельных курсах и остановились в шести метрах от Шианы.

Она стояла покорная судьбе. Кулаки сжаты, руки опущены. Так всегда поступают жрецы: скармливают тебя Шайтану.

Жрецы как зачарованные наблюдали из своего низко парящего топтера. Их линзы транслировали зрелище для таких же завороженных наблюдателей в покоях Верховного Жреца в Кине. Все они и прежде видели подобные события. Это было стандартное наказание, подручный способ устранять мешающих из подвластного жречеству населения или открыть путь для приобретения новой наложницы. Никогда раньше они не видели, чтобы жертвой оказывалась сирота-девочка. И какая девочка!

После первой остановки черви Бога медленно поползли вперед. Затем, оказавшись в трех метрах от Шианы, они опять словно окаменели.

Решив покориться судьбе, Шиана не побежала. Скоро, совсем скоро, думала она, я увижусь с родителями и друзьями. Но, поскольку черви оставались недвижимыми, ее ужас сменился гневом. Плохие жрецы оставили ее здесь! Она слышала их топтер над головой. Жаркий запах спайса от червей наполнял воздух вокруг нее. Она резко подняла правую руку и показала на топтер.

— Подходите, съешьте меня. Вот чего они хотят!

Жрецам не было слышно слов, но жесты им были видны: она разговаривает с двумя Червями Господа. Палец, указующий вверх, на них, не сулил хорошего.

Черви не сдвинулись.

Шиана опустила руку.

— Вы убили мою мать, моего отца и всех моих друзей! — обвинила она. Шагнув вперед, она пригрозила им кулаком.

Черви подались назад, сохраняя прежнее расстояние.

— Если вы меня не хотите, убирайтесь, откуда пришли! — она махнула им рукой в сторону пустыни.

Черви быстро попятились еще дальше и одновременно развернулись.

Жрецы в топтере наблюдали за ними, пока они опять не исчезли в песке, более чем в километре от места встречи с Шианой. Только тогда наполненные страхом и трепетом жрецы вернулись. Они подобрали дитя Шаи-Хулуда из песка и вместе вернулись в Кин.

Ночью посольство Бене Джессерит в Кине получило полный доклад. На следующее утро новость уже находилась в пути на Дом Соборов.

Это, наконец-то, случилось!

Горе с некоторыми видами военных действий (и, будьте уверены, Тиран это знал, потому что это подразумевается в данном им уроке), они разрушают моральные устои в слабых личностях. Войны такого типа вываливают морально разрушенных уцелевших в невинное население, которое даже представить себе не может, на что способна такая вернувшаяся солдатня.
Учение Золотой Тропы, Архивы Бене Джессерит

Вот одно из детских воспоминаний Майлса Тега. Он сидит за обедом со своими родителями и младшим братом Сабитом. Тегу было тогда только семь лет, но память его все сохранила неизгладимо: столовая на Лернаусе, яркие пятна свежесрезанных цветов, низкий свет желтого солнца, просеянный сквозь древние жалюзи. Голубая яркая посуда и поблескивающее серебро украшают стол. Послушницы стоят наготове, потому что его мать всегда может быть вызвана со спецзаданием, но нельзя оставить на это время сына без наставницы Бене Джессерит, что, обычно, исполняла она сама. Жанет Роксбро-Тег, ширококостая женщина, настоящая гранд-дама, со своего конца стола пристально следит, чтобы не было ни малейшего нарушения в правилах подачи обеда. Лоше Тег, отец Майлса, всегда взирает на это с веселой иронией. Он —

худой человек с высоким лбом, лицо такое узкое, что темные глаза как будто бы выпячиваются в стороны. Его черные волосы контрастируют с белокурыми волосами жены.

Над приглушенными звуками за столом и густым запахом сдобренного спайсом супа из эду мать Тега учит отца, как вести дела с назойливым Свободным Торговцем.

Когда она произносит «Тлейлакс», то сразу привлекает внимание Майлса. В своих занятиях он как раз дошел до Тлейлакса.

Даже Сабит, которого много лет спустя отправят на Ромо, слушает, стараясь, насколько возможно, понять своим четырехлетним умишком. Сабит преклоняется перед братом, как перед героем. Все, что занимает внимание Майлса, интересно и Сабиту. Мальчики безмолвно слушают.

— Этот человек — прикрытие Тлейлакса,— говорит Жанет.— Я слышу это по голосу.

— Я не сомневаюсь в твоих способностях определять такие вещи, дорогая моя,— отвечает ей Лоше Тег.— Но что мне делать? У него кредитные доверенности, и он желает приобрести...

— Заказ на рис в данный момент неважен. Никогда не воображай, что Лицевой Танцор будто бы хочет приобрести на самом деле то, что ему нужно.

— Я уверен, он не Лицевой Танцор. Он...

— Лоше! Я знаю, мое руководство не прошло даром и ты можешь определить Лицевого Танцора. Я согласна, Свободный Торговец не из них. Лицевые Танцоры у него на корабле. Они знают, что я здесь.

— Тогда они знают, что не могут тебя одурачить. Да, но...

— Тлейлаксанская стратегия всегда вплетена в паутину стратегий, каждая из которых могла бы быть настоящей стратегией. Они научились этому от нас.

— Дорогая моя, если мы имеем дело с тлейлаксанцами, а я ни капли не сомневаюсь в твоих суждениях, то отсюда напрямую возникает вопрос меланжа.

Леди Жанет покачала головой. Разумеется! Даже Майлс знает о прямой связи Тлейлакса со спайсом. Это одна из причин, которая привораживает его внимание к Тлейлаксу. На каждый миллиграмм меланжа, который добыт на Ракисе, чаны Бене Тлейлакса вырабатывают полновесные тонны. Потребление меланжа возросло соответственно новым возможностям поставок, и даже Космический Союз преклонил колени перед этой силой.

— Но рис...— осмеливается заметить Лоше Тег.

— Мой дорогой муж, у Бене Тлейлакс нет необходимости в таком количестве риса понджи в нашем секторе. Он нужен им для перепродажи. Нам надо выяснить, кто на самом деле нуждается в рисе.

— Ты хочешь, чтобы я потянул время,— говорит он.

— Именно. Это нам и требуется, и ты в этом неподражаем. Не говори этому Свободному Торговцу ни «да» ни «нет». Если он подготовлен Лицевыми Танцорами, то как должное воспримет твои уловки.

— Мы выманим Лицевых Танцоров из корабля, в то время как ты начнешь повсюду наводить справки.

Леди Жанет улыбается.

— Ты чудесен, когда читаешь мои мысли.

Они смотрят друга на друга понимающими взглядами.

— В этом секторе ему не найти другого поставщика,— говорит Лоше Тег.

— Он никак не захочет доводить до ненужного конфликта и будет избегать этого,— говорит леди Жанет, похлопывая по столу.— Тяни, тяни и еще раз тяни время. Ты должен вытащить Лицевых Танцоров из корабля.

— Они, конечно, могут.

— Да, мой дорогой, и это опасно. Ты должен всегда встречаться с ними на нашей земле и чтоб охрана была рядом.

Майлс Тег припоминает, что отец, конечно, вытащил Лицевых Танцоров из корабля. Мать взяла Майлса в досмотровый зал, откуда он увидел помещение с медными стенами, где его отец правил ходом сделки, на которую были высочайшие рекомендации КХОАМа и богатый кредит.

Это были первые Лицевые Танцоры, которых он увидел в своей жизни. Два небольших человечка, похожие, словно близнецы. Почти без подбородков, круглые лица, вздернутые носы, крохотные ротики, глаза, как черные кнопочки, коротко остриженные белые волосы торчат на головах, как щетка. Одеты эти двое точно так же, как и Свободный Торговец — в черные туники и брюки.

— Иллюзия, Майлс,— сказала его мать.— Их путь — иллюзия. Напустить тумана ради достижения настоящих целей — вот как действуют тлейлаксанцы.

— Как фокусник в зимнем шоу? — спросил Майлс, его взгляд был прикован к экрану наблюдения, к этим малюсеньким фигуркам.

— Да,— очень-очень похоже,— согласилась его мать.

Произнося это, она тоже смотрела на экран, но одной рукой оберегающе обняла сына за плечи.

— Ты смотришь на зло, Майлс. Внимательно в него вглядись. Эти лица, которые ты видишь, могут измениться в мгновение ока. Лицевые Танцоры могут стать выше, увесистее. Они могут воспроизвести твоего отца так, что только я смогу заметить подмену.

Рот Майлса Тега изобразил беззвучное «о». Он уставился на экран, слушая объяснения отца, что цена КХОАМа на рис понджи опять излишне подскочила.

— И самое ужасное из всего,— продолжала мать,— что некоторые из новых Лицевых Танцоров могут через прикосновения к плоти жертвы впитывать многие из ее воспоминаний.

— Они читают умы? — Майлс посмотрел на мать.

— Не совсем. Мы думаем, они снимают отпечаток воспоминаний. Почти как процесс голофотографии. Они еще не знают, что нам это известно.

Майлс все понял. Он ни с кем больше не будет об этом говорить, даже с отцом или с матерью. Мать научила его секретности Бене Джессерит. Тег внимательно присматривался к фигурам на экране.

На слова отца Лицевые Танцоры не выказали никакой ответной реакции, но глаза их, похоже, заблестели чуть ярче.

— А как они стали этим злом? — спросил Майлс.

— Они — коллективные существа, выведенные только для того, чтобы принимать любую форму или лицо. Во что они сейчас превратятся — мне на руку. Они знают, что я за ними наблюдаю. Они расслабились и приняли свою природную коллективную форму. Запомни это хорошенько.

Майлс наклоняет голову набок и внимательно изучает Лицевых Танцоров. Они показались ему бледными и безобидными.

— У них нет чувства собственного «я»,— объясняла мать.— У них только инстинкт самосохранения, кончающийся там, где начинается приказ умереть за хозяев.

— И они выполняют этот приказ?

— Уже множество раз его выполняли.

— Кто их хозяева?

— Люди, которые изредка покидают планеты Бене Тлейлакса.

— У них есть дети?

— У Лицевых Танцоров — нет. Они мулы, то есть сте-

рильны. Но их хозяева могут размножаться. Мы заполучили нескольких из них, но потомство от них со странностями. Рождается очень мало девочек, и мы даже не можем проверить их Иные Памяти.

Майлс нахмурился. Он знал, что его мать Бене Джессерит. Он знал, что сами Преподобные Матери — замечательные хранилища Иных Памятей, проходящих через все тысячелетия Ордена. Он даже кое-что знал об их Программе выведения: Преподобные Матери отбирают определенных мужчин для заведения от них потомства.

— А каковы тлейлаксанские женщины? — спросил Майлс.

Это был умный вопрос, наполнивший леди Жанет гордостью. Да, ее сын на сто процентов потенциальный ментант. Разрешающие Скрещивание правильно оценили генетический потенциал Лоше Тега.

— Никто и никогда не говорил, что видел тлейлаксанку,— ответила леди Жанет.

— Они существуют, или все тлейлаксанцы попросту выведены из чанов?

— Они, конечно, существуют.

— А есть среди Лицевых Танцоров женщины?

— Они могут становиться и мужчинами, и женщинами по своему выбору. Внимательно следи за ними. Они знают, что делает твой отец, и это их злит.

— Они попробуют причинить зло моему отцу?

— Не осмелятся. Мы приняли меры предосторожности, и они это знают. Видишь, как один из них, слева, двигает челюстями. Это признак злобы.

— Ты сказала, что они коллективные существа.

— Как общественные насекомые, Майлс. Они не имеют собственного «я», поэтому заходят далеко за пределы морали. Верить нельзя ничему из того, что они говорят и делают.

Майлс вздрогнул.

— Нам никогда не удавалось определить их этический код,— проговорила леди Жанет.— Это механизированная плоть. Без своего «я», им нечем дорожить, не в чем сомневаться. Они способны только на то, чтобы повиноваться своим хозяевам.

— Им приказали направиться сюда и купить рис.

— Им велено достать его, а другого места, где это можно сделать в этом секторе, нет.

— Они должны купить его у отца?

— Это их один-единственный источник. Как раз сейчас они платят меланжем. Видишь?

Майлс увидел, как переходит из рук в руки высокая стопка оранжево-коричневых фишек спайса, которую один из Лицевых Танцоров достал из чемоданчика.

— Цена намного выше той, чем они ожидали,— сказала леди Жанет.— Они оставят след, по которому легко будет пройти.

— А почему?

— Кто-то обанкротится, совершив такую покупку. Мы считаем, что знаем, кто купит. Кто бы он ни был, мы выясним. И тогда поймем, чем же здесь в самом деле торговали.

Потом леди Жанет указала на некоторые мелочи, выдающие тренированным глазам и ушам Лицевого Танцора. Это были тонкие приметы. Майлс схватывал с лету. Мать сказала ему, что, думает, он мог бы стать ментатом... вероятно, даже чем-то большим.

Незадолго до его тринадцатого дня рождения Майлса Тега послали в высшую школу Бене Джессерит, в Оплот Лампадас, где подтвердилась оценка, данная ему матерью. Ей написали: «Ты дала нам того воина-ментата, на которого мы надеялись».

Тег узнал об этой записке только после смерти матери, когда разбирал ее архив. Слова, начертанные на листочке ридуланского хрусталя с оттиском Дома Соборов под ними, перенесли его во времени. Внезапно память унеслась назад на Лампадас, где любовь и благоговение, которые он испытывал к своей матери, были умело перенесены на собственно Орден — как предварительно и планировалось. Он стал понимать это во время своей дальнейшей подготовки на ментата, но и понимание немного чего изменило. А то, что изменилось,— лишь еще крепче привязало его к Бене Джессерит. Это подтверждало, что Орден должен быть одним из источников его силы. Он уже знал, что Орден Бене Джессерит — одна из самых могущественных сил в мироздании: как минимум, равен Космическому Союзу, выше Совета Рыбословш, унаследовавшего ядро старой Империи Атридесов, намного выше КХОАМа и уравновешиваемый каким-то образом фабрикаторами Икса и Бене Тлейлаксом. Малый показатель далеко идущей власти Ордена можно было увидеть в том, что он сохранял эту власть, несмотря на меланж тлейлаксанских чанов, нарушивший ракианскую монополию на спайс — точно так, как навигационные механизмы икшианцев покончили с моно-

полией Космического Союза на межпланетные путешествия.

К тому времени Майлс Тег уже отлично знал историю. Навигаторы Союза больше не были единственными, кто способен направлять корабли через подпространства, только сейчас в этой галактике — и уже в отдаленной, не успеешь и глазом моргнуть.

Школьные наставницы почти ничего от него не скрывали. Это они ему впервые рассказали об его атридесовском происхождении. Пришлось открыть ему, чтобы объяснить, почему его подвергают определенным тестам. Они явно испытывали его на дар ясновидения. Способен ли он, как навигатор Союза, опознавать смертоносные препятствия? Он провалился. Потом они проверили, не воспринимает ли он не-помещения и не-корабли. Он был так же слеп к этим устройствам, как и остальное человечество. Для этого теста они испытывали его увеличенными дозами спайса, и он почувствовал пробуждение своего ИСТИННОГО «Я».

«Ум в своем начале» — вот как обучающая Сестра назвала это, когда он попросил объяснения на возникшее странное чувство.

Некоторое время спустя, пока он смотрел новым видением, мироздание представлялось чудесным. Сознание стало кру́гом, а за́тем шаром. Условные формы сделались быстро преходящи. Он без предупреждения впадал в транс, пока Сестры не показали, как это контролировать. Они дали ему прочитать о святых и мистиках и заставили от руки начертить круг — какой он хочет рукой, следуя линии своего сознания.

К концу того семестра его сознание вернулось в общественное русло к нормальным обозначениям вещей, но память о чуде никогда его не оставляла. Эта память для него — источник силы в самые трудные моменты.

Приняв новое назначение и став чем-то наподобие дядьки и воинского наставника гхолы, Тег начал ощущать в себе эту волшебную память. Это оказалось полезным при первом контакте со Шванги в Оплоте Гамму. Они встретились в кабинете Преподобной Матери со стенами из сияющего металла да с бесчисленными приборами, несущими, по большей части, видимый отпечаток Икса. Даже стул, на котором она сидела (в свете раннего солнца, льющегося в окно позади нее, лицо было плохо различимым), был одной из икшианских самоприспосабливающихся («песьих»)

форм. Он был вынужден усесться в песье кресло, хотя понимал, что она знает, до какой степени он не любит такое унизительное использование любых форм жизни

— Ты выбран, потому что в самом деле похож на старого дядьку-воспитателя,— сказала Шванги. Солнце в виде короны сияло вокруг ее головы. УМЫШЛЕННО! — Твоя мудрость завоюет любовь и уважение ребенка.

— У меня нет способа стать для него похожим на отца.

— Если верить Таразе, ты имеешь именно те характеристики, которые ей нужны. Я знаю, сколь дорогое для нас стоит за каждым из твоих славных шрамов.

Это только подтвердило его предыдущий вывод ментата: «Они задумали это заранее. Для этого они и скрещивали. Я сам был выведен для этого. Я — часть их большого плана». Но произнес он лишь только:

— Тараза ждет, что это дитя станет образцовым воином, когда вернется к своему исходному «я».

Шванги, глядя на него секунду, сказала:

— Ты не должен отвечать на любой из вопросов о гхолах, если он вдруг затронет эту тему. Даже словом этим не пользуйся, пока я тебе не разрешу. Мы предоставим все данные гхолы, которые будут нужны для исполнения долга.

Взвешивая каждое слово, чтобы резче его подчеркнуть, Тег ответил:

— Может быть, Преподобная Мать не осведомлена, что я отлично искушен в науке тлейлаксанских гхол. Я встречался с тлейлаксанцами в боях.

— По-твоему, ты знаешь достаточно о серии Айдахо?

— Айдахо имеют репутацию замечательных военных стратегов,— сказал Тег.

— Тогда, быть может, великий башар не знает других характеристик нашего гхолы.

В ее голосе, несомненно, слышалась насмешка. И вдобавок еще ревность и плохо скрываемый сильный гнев. Мать Тега научила его способам читать скрытое под ее собственными личинами — запретной науке, которую он всегда опасался. Он был раздосадован и пожал плечами.

Весьма очевидно, что Шванги знает, что он башар Таразы. Черта подведена.

— По желанию Бене Джессерит,— сказала Шванги,— Тлейлакс внес значительные изменения в этот образец Айдахо. Его нервно-мускульная система модернизирована по последним данным.

— Без изменения его исходного «я»? — Тег очень вежливо задал вопрос. Ему нужно определить, как далеко она зашла в своих откровениях.

— Он — гхола, а не клон!

— Понимаю.

— Правда? Он нуждается в самой тщательной тренировке прана-бинду на всех стадиях.

— В точности приказания Таразы,— сказал Тег.— И мы все будем повиноваться им.

Шванги наклонилась вперед, не скрывая своего гнева.

— Тебя попросили подготовить гхолу, чья роль в определенном плане очень опасна для всех нас. Я думаю, что ты даже приблизительно не можешь представить, ЧТО именно будешь готовить!

«ЧТО ты будешь готовить,— подумал Тег. НЕ КОГО. Этот мальчик-гхола НИКОГДА НЕ БУДЕТ КТО для Шванги или для любой другой, противостоящей Таразе. Вероятно, гхола ни для кого не будет КТО, пока не будет возвращено его исходное «я», пока ему не будет накрепко отдана исходная личность Данкана Айдахо.

Тег теперь ясно увидел, что у Шванги за пазухой. Это больше чем камень скрытых оговорок против проекта гхолы. Она была в активной оппозиции — точно так, как и предупреждала Тараза. Шванги — враг, а приказания Таразы недвусмысленны: «Этого ребенка ты будешь хранить и защищать от любой грозящей ему опасности».

Десять тысяч лет прошло с тех пор, как Лито II начал свою метаморфозу из человека в песчаного червя Ракиса, а историки до сих пор спорят о его мотивах. Желал ли он долгой жизни? Он прожил в десять с лишним раз больше нормального жизненного срока в триста стандартных лет, но подумайте над уплаченной им ценой. Была ли то приманка власти? Его очень оправданно называют Тираном, но что власть дала ему такого, чего не мог бы пожелать человек? Двигало ли им желание спасти человечество от него самого? У нас есть только его слова о Золотой Тропе, чтобы ответить на это, и я не могу признать самоапологичных записей из Дар-эс-Балата. Могли ли это быть другие вознаграждения, которые доступны постижению только лишь с

позиций его опыта? Без дополнительных данных вопрос остается спорным. Мы зажаты лишь установками: «Он это сделал!», но сам физический факт и неопровержим.

Метаморфоза Лито II. Десятитысячелетняя годовщина, заключительная речь Гауса Андауда

Вафф понял, что он вновь в лашкаре. На этот раз ставки были высоки до крайнего предела. Преподобная Черница из Рассеяния искала встречи с ним. Повинда из повинд. Потомки Тлейлакса из Рассеяния говорили ему все, что могли, об этих жутких женщинах.

— Намного хуже, чем Преподобные Матери Бене Джессерит,— сообщали они.

«И намного многочисленнее»,— напомнил себе Вафф. Он не до конца доверял вернувшимся потомкам Тлейлакса. У них был чудной выговор, еще чуднее манеры, соблюдение ритуалов сомнительно. Как можно было позволить им вернуться в великий кехль? Вообразим ли такой обряд гуфрана, что очистит их всех от скверны? Даже поверить нельзя, что многие поколения они сохраняли секреты Тлейлакса.

Они не считались больше братьями-малик, но все же были для Тлейлакса единственным источником информации об этих возвращающихся теперь ЗАТЕРЯННЫХ. О каких же захватывающих вещах они поведали! И эти потрясающие знания были заложены в гхол Данкана Айдахо — такое стоило риска отравиться злом повинды. Встреча с Преподобной Черницей была якобы на нейтральном икшианском корабле, вращавшимся на строгой орбите огромной газообразной планеты из взорвавшейся солнечной системы Старой Империи. Сам Пророк исчерпал остатки богатства этой системы. И хоть новые Лицевые Танцоры в личине икшианцев были внедрены в корабельную команду, Ваффа до сих пор пробирали мурашки при воспоминании об этой первой встрече. Если эти Преподобные Черницы и в самом деле ужаснее всех Преподобных Матерей Бене Джессерит, не раскусят ли они замену икшианской команды Лицевыми Танцорами?

Выбор места для встречи и приготовления к ней внесли напряжение на Тлейлакс. Безопасно ли это? Вафф успокаивал себя, что у него есть двойное оружие, тайное, никогда прежде не виданное вне планет Тлейлакса, результат долгих трудов его создателей: два крохотных дротикомета, спрятанных в рукавах. Он тренировался с

ними долго, до тех пор, пока выстрел отравленными дротиками при взмахе рук не стал почти безусловным рефлексом.

Стены конференц-каюты были медного цвета — это явное доказательство их непроницаемости для икшианских шпионских устройств. Но какие приборы, далеко обгоняющие мастерство икшианцев, придумали люди Рассеяния?

Вафф нерешительно вошел в комнату. Преподобная Черница была уже там и сидела в подвесном кресле.

— Ты будешь меня называть так, как меня называют все остальные,— такими были ее первые слова.— Преподобная Черница.

Он поклонился, как его научили. «Преподобная Черница».

Ни намека на скрытую силу в ее голосе. Низкое контральто, в переливах которого звучит презрение к Ваффу. Внешность состарившейся спортсменки или акробатки, до сих пор сохранявшей тонус своих мускулов и часть былого мастерства. От тонкогубого рта веяло высокомерием. Беседуя, она цедила каждое слово, словно отпускала его низшей расе.

— Что ж, заходи и садись! — распорядилась она, взмахом руки указывая на подвесное кожаное кресло напротив себя.

Вафф услышал шипение закрывавшегося люка. Он остался наедине с ней! На ней был слипер. Он заметил, как тянется в ее левое ухо ведущий поводок снупера. Его дротикометы были «промыты» против снуперов, став для них незасекаемыми, затем их на необходимые пять стандартных лет поместили в радиационную ванну, охлажденную до минус 40 градусов по Кельвину, чтобы закалить дополнительно. Хватит ли этого?

Вафф молча опустился в кресло.

Подцвеченные оранжевым контактные линзы прятали глаза Преподобной Черницы, придавая им дикарский вид. Она устрашала с головы до ног. А ее одежда! Красная под темно-синей накидкой. Наружная сторона накидки украшена каким-то жемчужным материалом, изображающим арабески и изображения драконов. Она сидела в своем кресле, словно на троне. Ее руки легко покоились на подлокотниках.

Вафф быстро оглядел комнату. Его люди осмотрели это место с икшианскими работниками надзора и представителями Преподобных Черниц.

«Мы сделали что могли»,— подумал он и попытался расслабиться.

Преподобная Черница рассмеялась.

Вафф смотрел на нее с таким спокойствием, какое только мог изобразить.

— Ты смеешься сейчас надо мной,— обвинил он теперь.— Ты говоришь сама себе, что можешь направить против меня огромнейшие ресурсы — и тонкие, и те инструменты, которые выполняют твои распоряжения.

— Не говори со мной таким тоном,— слова ее были тихими и бесстрастными, но так налиты жгучей злобой, что Вафф чуть не отпрянул.

Он поглядел на развитые мускулы ног женщины, на густо-красное трико, которое так обтягивало ее кожу, будто срослось с ней.

Время встречи подогнано так, чтобы для каждого было позднее утро — их часы пробуждения отрегулированы по пути следования, но Вафф чувствовал себя не в своей тарелке, так что преимущество здесь не за ним. Что если рассказы его осведомителей верны? У нее безусловно есть при себе оружие.

Она улыбнулась ему без всякого юмора.

— Ты пытаешься запугать меня,— сказал Вафф.

— И преуспеваю в этом.

Вафф рассердился.

Но он не дал гневу места в своем голосе.

— Я прибыл по твоему приглашению.

— Я, надеюсь, ты не собирался вступать в конфликт, в котором, конечно, проиграешь,— сказала она.

— Я прибыл выковать те звенья, что нас объединят,— сказал он.

И удивился: «Что им нужно от нас? Безусловно, ведь им что-то нужно».

— Что может нас соединить? — спросила она.

— Будешь ли ты строить здание на песке?

— Ха! Соглашения могут быть нарушены и часто нарушаются.

— На основе чего будет идти наш торг? — спросил он.

— Торг? Я не торгуюсь. Меня интересует тот гхола, которого вы изготовили для мегер.— Ее голос ничто не выдавал, но у Ваффа при этом вопросе убыстрился пульс.

В одной из своих жизней гхолы Вафф учился у ментата-отступника. Способности ментата оказались выше его способностей, и кроме того, убеждение требует слов. Им

пришлось убить ментата-повинду, но кое-что ценное Вафф тогда для себя приобрел. Вафф скорчил гримасу при этом воспоминании, но припомнил и толковое наставление: «Нападай — и пользуйся данными, которые выдает это нападение!»

— Ты ничего не предлагаешь мне взамен! — обвинил он громким голосом.

— Воздаяние на мое собственное усмотрение,— сказала Преподобная Черница.

На лице Ваффа появилась язвительная гримаса.

— Ты играешь со мной?

Она обнажила в дикой ухмылке белые зубы.

— Ты не выживешь в этой моей игре, да и не хочешь этого, как я посмотрю.

— Значит, я должен полагаться на твою добрую волю!

— Полагаться! — она так сказала это слово, словно у него был очень плохой вкус.— Почему вы продаете этих гхол мегерам, а затем сами их и убиваете?

Вафф, поджав губы, промолчал.

— Вы каким-то образом изменили этого гхолу, сохранив, вероятно, у него возможность вернуться к памяти исходного «я»,— сказала она.

— Как же много ты знаешь! — воскликнул Вафф.

Не совсем насмешка, и он, кажется, ни словом не обмолвила. ШПИОНЫ! У нее есть шпионы среди мегер! И предатели! В самом сердце Тлейлакса?

— Есть еще девочка на Ракисе, фигурирующая в планах мегер,— сказала Преподобная Черница.

— Откуда ты знаешь это?

— Нам известен каждый их шаг! По-твоему, шпионы не могут знать, как далеко простерты наши руки?!

Ваффа охватило уныние. Способна ли она читать в уме? Было ли что-то порождено в Рассеянии? Дикий талант, появившийся там, где нельзя следить за развитием исходных семян человечества?

— Как вы изменили этого гхолу? — спросила она.

ГОЛОС!

Вафф, даже вооруженный против таких уловок своим учителем-ментатом, все равно машинально чуть не ответил. Эта Преподобная Черница владела кое-какими секретами мегер! Настолько неожиданно было услышать Голос от нее. От Преподобных Матерей всего ожидаешь — и всегда наготове. Ему понадобился миг, чтобы вновь обрести равновесие. Вафф поднял руки перед подбородком.

— У тебя есть интересная возможность,— сказала она.

На лице Вaффа отразилось выражение азартного мальчишки. Он знал, насколько безобидным, этаким эльфом, может казаться.

НАПАДЕНИЕ!

— Мы знаем, как многому научились вы от Бене Джессерит,— сказал он.

На лице ее вспыхнула ярость и погасла.

— Они нас ничему не научили!

Вафф заговорил умоляющим тоном, залебезил.

— Но ведь это никак не сделка.

— Разве? — она была искренне удивлена.

Вафф опустил руки.

— Ну-ну, Преподобная Черница. Ты интересуешься этим гхолой. Ты говоришь о происходящем на Ракисе. За кого ты нас принимаешь?

— За дешевку! И каждую секунду твоя ценность все уменьшается.

Вафф почувствовал механическую логику в ее ответе. Нет, это была не логика ментата,— но что-то жестокое. «Она способна убить меня прямо здесь!»

Где оружие? Может, ей вообще не нужно оружия? Ваффу не понравился вид этих жилистых ног, загрубелых мозолей на ее руках, охотничьего сверкания в оранжевых глазах. Способна ли она догадаться (или даже знать) о дротикометах в его рукавах?

— У нас возникла проблема, которую нам не разрешить с помощью логики,— сказала она.

Вафф в шоке на нее уставился. Так мог бы сказать дзенсуннитский Господин! Вафф сам не раз пользовался такой фразой.

— Ты, по всей вероятности, никогда не задумывался над такой возможностью? — спросила она.

При этих словах Вафф будто увидел ее без маски. Он внезапно разглядел за этими жестами расчетливую личность. Не считает ли она его каким-то грубым дурачком, могущим только дерьмо за слигом собирать?

Сделав свой голос озадаченным и нерешительным, он спросил:

— Как же может быть решена такая проблема?

— От нее избавляет природный ход событий,— ответила она.

Вафф все еще продолжал пялиться на нее, притворяясь

озадаченным. В ее словах ни грана не было откровенности. И все равно то, что подразумевалось! Он промямлил:

— Я запутался в твоих словах.

— Человечество стало безграничным,— сказала она.— Вот истинный дар Рассеяния.

Вафф справился со смятением, вызванным этими словами.

— Бесконечные мироздания, бесконечное время — всякое может случиться,— сказал он.

— Ах ты, смышленый гномик,— проговорила она.— Как можно допускать что угодно. Это нелогично.

«У нее интонации,— подумал Вафф, как у древних вождей Бутлерианского Джихада, которые пытались избавить человечество от механических умов. Эта Преподобная Черница очень несовременна».

— Наши предки искали ответы на это с компьютерами,— рискнул заметить он. «Прощупаем ее отсюда!».

— Ты уже знаешь, что у компьютеров нет возможности бесконечно накапливать информацию,— ответила она.

И опять ее слова смутили Ваффа. Правда ли, что она способна читать мысли? Не вид ли это считывания умов? То, что делают тлейлаксанцы с Лицевыми Танцорами и гхолами, могли бы точно так же сделать и другие. Он выключил свое сознание и сконцентрировался на икшианцах, на их дьявольских машинах. Машины повинны!

Преподобная Черница обвела взглядом комнату.

— Правы ли мы, доверяя икшианцам? — спросила она.

Вафф сидел затаив дыхание.

— Я не думаю, что ты полностью им доверяешь,— продолжала она.— Ну-ну, человечек, я предлагаю тебе мою добрую волю.

Вафф с опозданием начал понимать, что она собирается разыгрывать дружелюбие и искренность, очевидно отказавшись от своей предыдущей личины раздраженного превосходства. Осведомители Ваффа среди Затерянных сообщали, что Преподобные Черницы в своем подходе к сексу очень схожи с Бене Джессерит. Не попытается ли она заняться совращением? Но она ведь ясно ПОНИМАЕТ — и слабость логики видна ей самой. Это очень смущает!

— Наш разговор ходит кругами,— сказал он.

— Совсем наоборот. Круги замкнуты. Круги ограничены. Пространство, в котором растет человечество, больше не имеет границ.

Вновь она туда же! Он сухо промолвил:

— Как говорится, то, чем не можешь управлять, надо принимать.

Она наклонилась вперед, с напряжением вглядываясь оранжевыми глазами в его лицо.

— Допускаешь ли ты, что Бене Тлейлакс может постичь необратимая катастрофа?

— Если бы дело было в этом, то меня бы здесь не было.

— Когда логика проигрывает, то должен быть использован другой инструмент.

Вафф ухмыльнулся.

— Это логично звучит.

— Не насмехайся надо мной! Как ты смеешь!

Вафф защищающе поднял руки и произнес умиротворяющим тоном:

— Какой инструмент могут дать Преподобные Черницы?

— Энергию!

Такой ответ удивил его.

— Энергию? В какой форме и сколько?

— Ты требуешь логических ответов? — спросила она.

С чувством печали Вафф признал, что она вовсе не дзенсуннитка. Преподобная Черница лишь играет словами на кружевных оборочках нелогичного, воедино их собирая, но иголкой для этого служит логика.

— Рыба тухнет с головы,— сказал он.

Она словно и не заметила его слов.

— Есть невостребованная энергия в глубинах каждого человека, и мы, по нашей милости, ее раскрепощаем,— она вытянула палец-скелет перед его носом.

Вафф вдавился в кресло, и ждал, когда она опустит руку. Затем сказал:

— Не то же ли самое говорил Бене Джессерит до того, как произвел своего Квизаца Хадераха?

— Они контролировали и себя, и его — съязвила она.

«И опять она старается логически осмыслить нелогичное»,— подумал Вафф. Как же много он понял из сделанных ею маленьких ошибок. Ему приоткрылась вероятная История Преподобных Черниц. Одна из случайно получившихся, САМОПРОИЗВОЛЬНЫХ Преподобных Матерей, возникшая среди Свободных Ракиса, ушла в Рассеяние. Самые разные люди бежали на не-кораблях сразу же после Времен Голода. Где-то не-корабль и высадил мегеру с ее

концепциями. Посеянное семя вернулось в виде этой оранжевоглазой охотницы.

Снова пользуясь Голосом, она спросила:

— Что вы сделали с этим гхолой?

На этот раз Вафф был наготове — и только пожал плечами. Эту Преподобную Черницу нужно отвлечь совсем в другую сторону или, если это возможно, убить. Он многое из нее выведал, но невозможно сказать, сколько она вычитала из него с помощью своих, кто его знает каких, талантов.

«Они сексуальные чудовища,— сообщали его осведомители.— Они закабаляют мужчин силами секса».

— Как же мало ты знаешь о радости, которую я могла бы тебе дать,— сказала она. Ее голос обвил его хлыстом. Очень искушающе! Очень соблазнительно!

Вафф проговорил, защищаясь:

— Скажи мне, почему вы...

— Мне нет необходимости что-либо тебе говорить!

— Значит, сделка не состоялась,— печально проговорил он.

Те, другие, не-корабли засеяли те, другие, мироздания гнильцой. Вафф ощущал тяжкое бремя. А что если у него не получится ее убить?

— Как ты смеешь все время предлагать сделку с Преподобной Черницей? — спросила она.— Понимаешь ли ты, что цену назначаем мы?

— Мне не ведомы ваши обычаи, Преподобная Черница,— сказал Вафф.— Но по вашим словам я думаю, что я оскорбил вас.

— Принимаю извинение.

«О никаком извинении и не помышлялось!» Он вкрадчиво на нее посмотрел. По ее поведению можно было предсказать многое. Пользуясь своим тысячелетним опытом, Вафф мысленно подвел итог всему, что выяснил: эта женщина из Рассеяния пришла к нему из-за жизненно важной для нее информации. Значит, у нее нет другого ее источника. Он чувствовал в ней отчаяние. Хорошо замаскированное, но определенно присутствующее. Ей необходимо подтверждение или опровержение чего-то, чего она страшится.

Как же она похожа на орла, со своими когтистыми руками, так расслабленно брошенными на подлокотники кресла! «Рыба тухнет с головы». Он сказал это, она не расслышала. Понятно, атомарное человечество продолжает взрывообразно накатываться на это Рассеяние Рассеяний.

Люди, представляемые Преподобной Черницей, не изобрели способа засекать не-корабль. Вот в чем в итоге дело. Она так же охотится за не-кораблями, как и Бене Джессерит.

— Ты ищешь способ уничтожить невидимость некорабля,— проговорил он. Это заявление от такого эльфоподобного манекенчика, сидящего напротив, было для нее крайне опасным.

Он заметил на ее лице страх, сменявшийся сперва гневом, а потом решимостью. Затем она закрылась непроницаемой маской хищницы. Она, правда, понимала, что он видел.

— Значит, вот что вы проделали с вашим гхолой,— сказала она.

— Это то, чего хотел Бене Джессерит,— солгал Вафф.

— Я тебя недооценила,— сказала она в ответ.— Ты допустил такую же ошибку?

— Я так не думаю, Преподобная Черница. Проект выведения, породивший вас, явно грозен. Я так понимаю, ты можешь убить меня ударом ноги, не успею я и глазом моргнуть. Мегеры вам и в подметки не годятся.

Довольная улыбка смягчила ее черты.

— Станут ли тлейлаксанцы нашими слугами добровольно или подвергнутся наказанию, понесут кару?

Он и не старался скрыть свое негодование.

— Ты предлагаешь нам рабство?

— Это один из ваших выборов.

Теперь она его! Высокомерие — вот ее слабость. Покоряясь, он спросил:

— Что вы нам прикажете?

— Ты возьмешь с собой в качестве гостей двух молодых Преподобных Черниц. Им надо будет скреститься с тобой и... научить тебя нашим путям к экстазу.

Вафф раза два вздохнул и выдохнул.

— Стерилен ли ты?

— Только наши Лицевые Танцоры являются мулами.

Она наверняка уже знает. Это известно всем.

— Ты называешь себя Господином,— сказала она.— Но ты и самому себе не господин.

«Побольше тебя, шлюха Преподобная! И я называюсь Машейхом — вот что еще может тебя уничтожить».

— Две Преподобные Черницы, которых ты возьмешь с собой, осмотрят на Тлейлаксе все и возвратятся ко мне с отчетом,— сказала она.

Он вздохнул, будто уступая.

— Эти молодые женщины миловидны?

— Преподобные Черницы? — поправила она его.

— Это что, единственное имя, которое вы употребляете?

— Если они сочтут нужным сообщить тебе имена, то это их привилегия, а не твоя,— она наклонилась и постучала костлявым суставом пальца левой руки по полу. В ее руке заблестел металл. У нее есть способ сообщения за границами комнаты!

Люк отворился, вошли две женщины, одетые точно так же, как Преподобная Черница. Меньше узоров на их черных капюшонах, и обе они моложе. Вафф вгляделся в них. Они обе... Вафф старался не выказать восхищения, но знал, что это ему не удалось. Неважно. Пусть старшая решит, что он восторгался красотой этих женщин. По признакам, знакомым только Господинам Тлейлакса, он узнал в одной из вошедших Лицевого Танцора новой модели. Хорошая замена проведена — и эти, из Рассеяния, ее не раскусили! Тлейлакс успешно преодолел барьер! Будет ли Бене Джессерит так же слеп в отношении новых гхол?

— Ты будешь разумно покладист и будешь за это вознагражден,— сказала старшая Преподобная Черница.

— Я признаю твою силу, Преподобная Черница,— ответил он. Это было правдой. Вафф опустил голову, чтобы скрыть решимость в глазах, которую нельзя сдержать внутри себя.

Она подала знак вошедшим.

— Они будут сопровождать тебя. Их малейшая прихоть — приказ для тебя. Обращайся с ними со всем уважением и почетом.

— Конечно, Преподобная Черница,— не поднимая головы, он вскинул обе руки, как бы салютуя и подчиняясь ей. Из каждого рукава со свистом вырвался дротик. Освобождая дротики, Вафф резко отклонился в кресле, но немного опоздал. Взлетевшая правая нога старшей Преподобной Черницы попала ему в левое бедро, отшвырнув назад.

Это было последним движением в жизни Преподобной Черницы. Дротик из его левого рукава угодил ей в горло и вышел через открытый рот, так и оставшийся изумленно разинутым. Наркотический яд не дал ей даже вскрикнуть. Лицевой Танцор ударом по горлу задержал возможный крик второй Преподобной Черницы, а другой дротик поразил ее в правый глаз.

Две Черницы упали замертво.

Испытывая боль, Вафф кое-как высвободился из кресла и поправил его, вставая на ноги. Его бедро болезненно пульсировало, чуть-чуть сильнее — и она сломала бы ему бедро! Он понял, что ее реакция не проходила через центральную нервную систему. Как и у некоторых насекомых, атака начиналась с периферии мускульной системы. Эту находку следовало еще исследовать!

Его сообщница прислушалась у отворенного люка, затем шагнула в сторону, чтобы пропустить еще одного Лицевого Танцора в личине икшианского охранника.

Вафф массировал свое поврежденное бедро, пока Лицевые Танцоры раздевали мертвых женщин. Псевдоикшианец положил свою голову на голову мертвой Преподобной Черницы. Далее все произошло мгновенно. Вскоре не стало икшианского охранника, а были лишь точная копия старшей Преподобной Черницы и ее помощница, Преподобная Черница помоложе. Вошел еще один псевдоикшианец и скопировал другую убитую Преподобную Черницу. Вскоре там, где лежала мертвая плоть, остался лишь пепел. Новая Преподобная Черница смела пепел в мешочек и спрятала его под своей накидкой.

Вафф тщательно все осмотрел. По нему пробежала дрожь, когда он подумал о последствиях увиденного здесь. Такое высокомерие — наверняка от наличия чудовищной силы. Эту силу надо прощупать. Он задержал Лицевого Танцора, скопировавшего старшую Преподобную Черницу.

— Ты снял с нее оттиск?

— Да, хозяин, конечно. Ее бодрствующая память была еще жива, когда я снимал отпечаток.

— Передай ей,— он указал на того, кто был прежде икшианским стражником. Они сошлись лбами на несколько мгновений, потом опять разошлись.

— Готово,— сказала та, что постарше.

— Сколько мы еще сделали копий этих Преподобных Черниц?

— Четыре, Господин.

— Никто их не засек?

— Никто, Господин.

— Эти четверо должны вернуться в родной мир Преподобных Черниц и узнать там все, что только можно о них выведать. Одна из них вернется с докладом о всем узнанном.

— Господин, это невозможно.

— Невозможно? Почему?

— Они отрезали себя от своего источника. Это их метод действий, Господин. Они — новая ячейка и обосновались на Гамму.

— Но, наверняка, мы могли бы...

— Прошу прощения, Господин. Координаты их местонахождения в Рассеянии находились только в рабочих системах не-корабля, и все стерты.

— Их следы полностью скрыты? — в его голосе было отчаяние и уныние.

— Полностью, хозяин.

КАТАСТРОФА! Он заставил себя справиться со своими мыслями, сдерживая их от внезапного яростного броска.

— Они не должны узнать о том, что мы здесь сотворили,— пробормотал он.

— От нас они не узнают, Господин.

— Какие таланты они в себе развили? Какие силы? Быстро!

— Они — то, что можно предположить в Преподобных Матерях Бене Джессерит, но без меланжевых жизней-памятей.

— Ты уверен?

— Ни намека на это. Как ты знаешь, Господин, мы...

— Да-да. Знаю,— он махнул рукой, чтобы она примолкла.— Но эта старуха была так высокомерна, так...

— Прошу прощения, Господин, но время не ждет. Эти Преподобные Черницы довели до совершенства удовольствия секса так, как раньше этого и близко не достигалось.

— Значит, наши осведомители правы.

— Они вернулись к примитивному Тантрику и развили собственные пути сексуальной стимуляции, Господин. Так они завоевывают почитание своих последователей.

— Почитание,— он выдохнул это слово.— Они превосходят Разрешающих Скрещивание Бене Джессерит?

— Сами Преподобные Черницы думают так, хозяин. Следует ли нам демонтировать...

— Нет! — узнав такое, Вафф сбросил свою маску эльфа, лицо его обрело выражение грозного Господина.

Лицевые Танцоры закивали покорно. На лице Ваффа появилось выражение бурной радости. Возвращающиеся из Рассеяния тлейлаксанцы рассказывали правду! Простым снятием оттиска с разума он удостоверился в существовании нового оружия у этих людей!

— Каковы твои приказания, Господин? — задала вопрос старшая из Преподобных Черниц.

Вафф снова стал похож на эльфа.

— Мы проведем полное исследование только тогда, когда вернемся в сердце Тлейлакса, в Бандалонг. А пока даже Господин не отдает приказа Преподобным Черницам. Это вы МОИ Госпожи, пока мы не освободимся от шпионящих глаз.

— Само собой разумеется, Господин. Следует ли мне теперь передать твои приказы находящимся снаружи?

— Да, и вот мои приказания: этот не-корабль никогда не должен вернуться на Гамму. Ему необходимо бесследно исчезнуть. Ни одного выжившего.

— Господин, все будет выполнено.

Технология, как и другие роды деятельности, стремится к избежанию риска для инвесторов. Сомнительное, если есть возможность, исключается. Капитальные вложения следуют этому правилу, поскольку люди, как обычно, предпочитают предсказуемое. Лишь некоторые распознают, сколь это может быть пагубно, как жестко ограничивает изменчивость и так делает население целых народов фатально ранимым перед тем, насколько обескураживающе наше мироздание может метнуть свои кости.

Оценка Икса. Архивы Бене Джессерит

На следующее утро после своего испытания в пустыне, Шиана проснулась в жреческом комплексе и обнаружила, что ее кровать окружили люди, облаченные в белое. «Жрецы и жрицы!»

— Она проснулась,— сказала одна из жриц.

Шиану охватил страх. Она натянула одеяло прямо до подбородка, не отводя глаз от этих напряженных лиц. «Не собираются ли они опять отвезти меня в пустыню?» Она спала сном крайней усталости в мягчайшей постели и на чистейшем белье, какое только бывало у нее за восемь лет ее жизни, но она поняла: все, что делают жрецы, может иметь двоякий смысл. Им не должно доверять!

— Ты хорошо спала? — задала вопрос та же жрица, что произнесла и первые слова.

Это была седая пожилая женщина, лицо ее окаймлено капюшоном белой рясы с пурпурной отделкой. Голубые водянистые глаза, старые, но живые. Нос — вздернутая кнопка над узким ртом и выступающим подбородком.

— Ты поговоришь с нами? — настаивала женщина.— Я — Каниа, твоя ночная служанка, помнишь? Я помогала тебе лечь.

Во всяком случае, тон голоса успокаивал. Шиана присела и получше присмотрелась к окружающим. Они ее боялись! Нос ребенка пустыни умел распознать едва уловимые, но разоблачительные запахи. Для Шианы это был простой и непосредственный сигнал. «Этот запах всегда равняется страху».

— Вы думали, что вы мне повредите? — спросила она.— Почему вы это сделали?

Люди вокруг посмотрели друг на друга с ужасом.

Страх Шианы развеялся. Она ощутила новый порядок вещей, а вчерашнее испытание в пустыне означало и дальнейшие перемены. Она вспомнила раболепие этой пожилой женщины... Каниа? Накануне вечером она почти пресмыкалась перед Шианой. Шиана поняла, что люди, пережив угрозу смерти, со временем достигают нового эмоционального равновесия — страхи становятся преходящими. Это новое состояние было интересным.

Голос Кании затрепетал, когда она ответила:

— Воистину, дитя Бога, мы не хотим тебе причинить вреда.

Шиана разгладила одеяло у себя на коленях.

— Меня зовут Шиана,— это вежливость пустыни.— Каниа уже назвала свое имя. А кто остальные?

— Их уберут, если ты не желаешь их видеть... Шиана.— Каниа указала на женщину с цветущим лицом слева от себя, одетую в рясу, подобную собственной:— Всех, кроме Алхозы, конечно. Она будет днем обслуживать тебя.

Алхоза сделала реверанс.

Шиана всмотрелась в пухлое лицо с отечными тяжелыми чертами, нимб пушистых светлых волос. Резко переведя взгляд, Шиана поглядела на мужчин. Они наблюдали за ней с тяжелящей веки напряженностью, у некоторых было выражение трепетного подозрения. Запах страха все еще был силен.

Жрецы!

— Уберите их,— Шиана махнула рукой на жрецов.—

Они — харам! — Это было слово низов, самое грубое для обозначения наибольшего зла.

Жрецы потрясенно отпрянули.

— Удалитесь! — приказала Каниа. Злобная радость, без сомнения, отразилась на ее лице: Каниа не включена в число носителей зла. Но эти жрецы стояли явно заклейменные как харам! Они, может быть, совершили что-то чудовищно отвратительное перед Богом, что он послал ребенка-жрицу их наказать. Каниа вполне в это поверила. Жрецы редко обращались с ней так, как она этого заслуживала.

Сворой побитых собачонок жрецы низко склонились и попятились прочь из покоев Шианы. Среди выставленных в переднюю комнату были и историк-локутор по имени Дроминд, смуглый человек с вечно занятым умом, склонным намертво вцепляться в идею, как клюв хищной птицы впивается в кусочек мяса. Когда дверь покоев за ними закрылась, Дроминд заявил своим трясущимся сотоварищам, что имя Шиана есть модернизированная форма древнего имени Сиона.

— Вы все знаете о месте Сионы в истории,— напомнил он.— Она служила Шаи-Хулуду в Его переходе из обличия человека в Разделенного Бога.

Стирос, морщинистый старый жрец с темными губами и бледными поблескивавшими глазами, недоверчиво взглянул на Дроминда.

— Очень занятно,— сказал Стирос.— Устная История гласит, что Сиона была инструментом в Его переходе из Одного во Множество. Шиана. По-твоему...

— Давайте не станем забывать слова Бога, переведенные Хади Бенотто,— перебил другой жрец.— Шаи-Хулуд многократно ссылается на Сиону.

— Не всегда благосклонно,— ответил им Стирос.— Вспомните ее полное имя: Сиона ибн Фуад ал-Сейфа Атридес.

— Атридес,— прошипел другой жрец.

— Нам нужно с осторожностью ее изучать,— пояснил Дроминд.

Юный гонец-послушник торопливо подошел к жрецам, вглядываясь в них до тех пор, пока не увидел Стироса.

— Стирос,— сказал гонец,— скорее освободите это место.

— Почему? — раздался негодующий голос из толпы отвергнутых жрецов.

— Ее переводят в апартаменты Верхового Жреца,— ответил гонец.

— По чьему приказанию? — спросил Стирос.

— Верховный Жрец Туек самолично об этом распорядился,— сказал гонец.— Они слушали,— он махнул рукой в том направлении, откуда пришел.

Все в группе поняли. В помещении были приспособления, через которые голоса могли передаваться в другие места, и всегда их кто-нибудь прослушивал.

— Что они услышали? — задал вопрос Стирос. Его старческий голос задрожал.

— Она спросила, самым ли лучшим является ее помещение. Ее как раз переселяют, и она не хочет видеть здесь никого из вас.

— Но что нам теперь делать? — спросил Стирос.

— Ее необходимо изучать — ответил Дроминд.

Холл тотчас освободили.

Жрецы занялись изучением Шианы. Таким образом была задана модель, определившая характер их поведения на последующие годы. Сложившаяся вокруг Шианы, обстановка привела к переменам, которые ощущались на самых дальних границах влияния религии Разделенного Бога. Два слова сделались законом перемен: «Изучать ее».

«До чего ж она наивна,— думали жрецы.— До чего ж занятно наивна. Но она умеет читать и проявляет пристальный интерес к Святым книгам, которые нашли в покоях Туека. Теперь это ее апартаменты».

Далее пошли-поехали перемены сверху вниз. Туек переехал в помещение своего первого заместителя, и процесс пошел дальше вниз.

С Шианы сняли мерку. Для нее был изготовлен самый изящный стилсъют. Она надела новое верхнее облачение жреческих цветов: белое с золотом и пурпурной каймой.

Люди стали обходить стороной историка-локутора Дроминда. У него вошло в привычку прилипать как банный лист, бесконечно пережевывая историю о той далекой Сионе, как будто это могло сказать что-то важное о теперешней носительнице древнего имени.

— Сиона была подругой святого Данкана Айдахо,— напоминал Дроминд всякому готовому слушать.— Их потомки повсюду.

— Ну да? Извини, что не слушаю тебя дальше, но я в самом деле спешу по неотложнейшему поручению.

Сначала Туек был с Дроминдом терпеливее других: история была интересной, ее уроки очевидны.

— Бог послал нам новую Сиону,— сказал Туек.— Все нужно уточнить.

Дроминд удалился и вернулся с новыми, добытыми им крохами истории.

— Сведения из Дар-эс-Балата приобретают теперь новое значение,— сказал Дроминд Верховному Жрецу.— Не следует ли нам провести дальнейшие испытания и сравнительные обследования этого ребенка?

Дроминд заарканил с этим Верховного Жреца сразу же после завтрака. Остатки трапезы еще долго оставались на служебном столике, стоявшем на балконе. Через раскрытое окно им было слышно движение наверху, в помещениях Шианы.

Туек предостерегающе поднес к губам палец и тихо начал говорить, внушая собеседнику быть потише:

— Святое Дитя по своему выбору навещает пустыню,— он подошел к карте и указал на область к юго-западу от Кина.— Очевидно, вот эта область представляет для нее интерес или... Я бы сказал, зовет ее.

— Мне говорили, она очень часто пользуется словарями,— сказал Дроминд.— Наверняка ведь это не может быть...

— Она проверяет НАС,— заметил Туек.— Не обманывайся.

— Но, Владыка Туек, она задает детские вопросы Кании и Алхозе.

— Ты сомневаешься в моем суждении, Дроминд?

Дроминд с опозданием понял, что перешел разрешенные границы. Он умолк, но выражение его лица подсказывало, что внутри него подавлено еще много слов.

— Бог послал нам ее, чтобы выполоть зло, проникшее в ряды помазанных,— сказал Туек.— Ступай! Молись и спрашивай себя: не зло ли нашло приют внутри тебя.

Когда Дроминд ушел, Туек вызвал доверенного помощника.

— Где Святое Дитя?

— Она удалилась в пустыню, чтобы общаться со своим Отцом.

— На юго-запад?

— Да, Владыка.

— Дроминда нужно отвезти далеко на восток и выса-

дить там. Поместите в том месте несколько тамперов, чтобы быть уверенными, что он никогда не возвратится.

— Дроминда, Владыка?

— Дроминда, да.

Но и после того, как Дроминд был «переведен» в пасть Бога, жрецы продолжали следовать по тому же направлению, по которому он их повел. Они изучали Шиану.

Шиана тоже изучала.

Постепенно, так постепенно, что она не могла бы определить точку отсчета, она осознала свою огромную власть над всеми ее окружавшими. Поначалу это была игра, вечный День Ребенка, когда взрослые по первому ее слову выполняли любой детский каприз. Представлялось, что нет желания, которое трудно исполнить.

Хотела ли она редкого фрукта для своего стола? Фрукт ей подавали на золотом блюде.

Замечала ли она ребенка далеко внизу, на людных улицах, и требовала, чтобы этот ребенок стал ее товарищем по играм? Этого ребенка сразу же приводили в Храм в апартаменты Шианы. Когда страх и потрясение проходили, ребенок даже мог присоединиться к ее игре, которую жрецы и жрицы постоянно наблюдали. Невинное скакание по саду на крыше, похихикивающие шепотки — все это подвергалось внимательному анализу. Шиана тяготилась благоговением таких детей. Она редко звала того же самого ребенка назад, узнавать новое от новых товарищей по играм было легче.

Священники не пришли к согласию насчет безвредности подобных встреч. Детей, игравших с Шианой, подвергали устрашающим допросам, пока Шиана этого не обнаружила и не обрушилась с яростью на своих опекунов.

Слух о Шиане неизбежно распространился по всему Ракису и за пределы планеты. Скапливались отчеты и у Ордена Бене Джессерит. Проходили годы все такого же автократичного распорядка, похожие на неперестающую изумлять диковинку. Никто из ее непосредственной прислуги не думал об этом как об образовании: Шиана учила жрецов Ракиса, а они учили ее. Бене Джессерит, однако, подмечал этот аспект жизни Шианы и тщательно за ним наблюдал.

— Она в хороших руках. Оставьте ее там, пока она для нас не созреет,— поступило распоряжение Тараза.— Держите ударные отряды в постоянной готовности. Проследите, чтобы я получала регулярные отчеты.

Шиана ни разу не открыла ни своего истинного происхождения, ни того, что сделал Шайтан с ней самой. Она думала о своем молчании, как о плате за то, что ее пощадили.

Кое-что потеряло для Шианы вкус. Все реже становились ее вылазки в пустыню. Любопытство оставалось прежним, но становилось очевидным, что объяснения поведению Шайтана по отношению к ней нельзя найти на песке. И хотя она знала о существовании на Ракисе посольств других сил, шпионы Бене Джессерит среди ее прислуги заботились, чтобы Шиана не проявляла очень большого интереса к Ордену. Успокоительные ответы, чтобы погасить такой интерес, отпускались и отмерялись Шиане по необходимости.

Послание Таразы наблюдателям на Ракисе было прямым и четким: «Поколения подготовки стали годами развития. Мы выступим только в нужный момент. Не должно быть больше никаких сомнений, что этот ребенок — ТОТ самый».

Думается, что реформаторы творили и творят больше несчастий, чем любая другая сила в истории человечества. Покажите мне кого-нибудь, утверждающего: «Надо что-то сделать!» — и я укажу вам голову, полную порочных устремлений, которые могут привести только к вредным результатам. То, за что мы должны всегда бороться,— выявить природное влечение и следовать ему.

Преподобная Мать Тараза. Запись устной беседы БД ПАПКА GS XIX MAT9

Бесконечное небо уходило ввысь, и в него карабкалось солнце Гамму, извлекая и конденсируя влагу из трав и окружающих лесов, и вместе с влагой вознося их запахи.

Данкан Айдахо стоял у Заповедного Окна и вдыхал эти запахи. Этим утром Патрин сказал ему:

— Тебе сегодня пятнадцать лет, теперь ты юноша. Ты больше не ребенок.

— Это мой день рождения?

Они были в спальне Данкана, куда Патрин только что вошел со стаканом цитрусового сока.

— Я не знаю твоего дня рождения.

— У гхол есть дни рождений?

Патрин отмолчался — с гхолой не разрешалось разговаривать о гхолах.

— Шванги говорит, что тебе нельзя отвечать на этот вопрос,— сказал Данкан.

Патрин проговорил с замешательством:

— Башар желает, чтобы я передал тебе, что утренняя тренировка будет попозже. Он желает, чтобы ты выполнял упражнения для ног и коленей до тех пор, пока тебя не позовут.

— Я выполнял это вчера!

— Я просто передаю тебе решение башара,— Патрин забрал пустой стакан и оставил Данкана одного.

Данкан быстро оделся. Его ждут к завтраку... «Чтоб их всех!» Не нужен ему их завтрак. Чем же так занят башар? Почему он не может вовремя начать занятия? «Упражнение для ног и коленей!» Это просто, чтобы не дать ему бездельничать, потому что у Тега есть какое-то неотложное дело. Данкан гневно посмотрел на дорогу к Заповедному Окну. «Пусть эти проклятые стражи будут наказаны!»

Запахи, долетавшие до него через открытое окно, были знакомы, но он никак не мог вспомнить, что же таилось в дальних уголках его сознания, будоража его память. Он знал, что это — жизни-памяти. Данкан и тянулся к этому, и одновременно боялся, как будто он ходил по самому краю обрыва или пытался открыто бросить непокорный вызов Шванги. Но он никогда этого не делал. «Если он рассматривал голографические картинки в книге с изображением обрыва, то это давало непонятную реакцию — у него сводило живот. Что до Шванги, он частенько воображал сердитое неповиновение и переживал такую же физическую реакцию.

«В моем сознании живет кто-то другой»,— подумал он.

Не просто в его сознании: В ЕГО ТЕЛЕ. Он чувствовал эти другие жизненные опыты так, как ощущаешь, проснувшись, какой-то сон, не в силах, однако же, этот сон вспомнить. Эта материя снова взывала к тому его сознанию, которым, как он знал, он не мог обладать.

И все же он им обладал.

Он знал названия некоторых деревьев, запахи которых доносились до него, но эти названия были знакомы ему не из книг библиотеки.

Заповедное Окно. Оно называлось так потому, что ему

было запрещено к нему приближаться — оно было прорублено во внешней стене Оплота и могло открываться. Оно бывало открыто, как сейчас, для проветривания. К окну можно попасть из его комнаты по балконным перилам и через вентиляционную отдушину кладовой. Он изловчился проделывать весь этот путь — от перил до вентиляционной шахты,— ничем себя не выдавая. Очень рано ему стало понятно, что воспитанные Бене Джессерит способны считывать даже самые малые знаки. Он мог и сам прочесть некоторые из этих знаков, благодаря обучению Тега и Луциллы.

Стоя в глубокой тени верхнего прохода, Данкан вглядывался в округлые ступени верхних склонов, покрытых лесом, взбирающихся к скалистым острым вершинам. Лес властно звал его. Вершины над ним обладали почти магической силой. Легко было представить, что там никогда не ступала нога человека. Как хорошо спрятаться там, оказаться наедине с самим собой. Не беспокоясь о человеке, находящемся внутри него. Об этом постороннем.

Данкан со вздохом отвернулся и прошел в комнату по своему тайному маршруту. Когда он опять оказался в безопасности в своей комнате, он позволил себе признать, что сделал это еще один раз. Никого за это не накажут.

Наказание и боль, висевшие, словно аура, вокруг мест, запрещенных для него, заставляли Данкана быть настороже, когда он нарушал правила.

Ему не нравилось думать о боли, которую Шванги могла причинить ему, найдя его у запретного Окна. Даже самая сильная боль, однако же, не заставила б его закричать. Он никогда не кричал, даже когда она делала что-нибудь похуже. В ответ он просто смотрел на нее неотрывным взглядом, ненавидя, но усваивая урок. Для него урок Шванги был ясен: изощряй свои способности, чтобы двигаться незамеченным, невидимым и неслышимым, не оставляя следа, способного выдать, что ты здесь проходил.

В своей комнате Данкан присел на край кровати и стал осматривать пустую стену перед ним. Однажды, когда он вот так обозревал стену, на ней возник образ — молодая женщина с волосами цвета светлого янтаря и округленными чертами. Она смотрела на него со стены, улыбаясь. Ее губы беззвучно шевелились. Однако же Данкан, уже научившийся читать по губам, ясно разобрал слова:

— Данкан, мой сладкий Данкан.

«Была ли это его мать? Его настоящая мать?»

Даже у гхол были настоящие матери, когда-то давным-давно. Потерянная в незапамятных временах среди акслольтных чанов, существовала живая женщина, выносившая и любившая его. Да, любившая его, потому что он был ее ребенком. Если это лицо на стене было лицом его матери, то как же могла она явиться к нему? Он не мог опознать это лицо, ему хотелось думать, что это его мать.

Этот опыт напугал его, но страх не отнял желания, чтобы это еще раз повторилось. Кто бы ни была эта женщина, ее мимолетное явление терзало его. Тот, чужой внутри него, знал эту молодую женщину. Данкан был в этом уверен. Иногда ему хотелось бы на секунду стать чужаком — лишь на то время, чтобы вытащить на свет все свои скрытые воспоминания,— но он страшился этого желания. «Я потеряю свое подлинное «я»,— думал он,— если этот чужак войдет в мое сознание. Не на смерть ли это похоже?»

Данкан увидел смерть, когда ему не исполнилось еще и шести лет. Его стражи отбивались от нападения, одного из стражей убили. Погибли и четверо нападавших. Данкан увидел, как пять тел занесли в Оплот — обмякшие мускулы, руки волочились по земле.

Что-то главное ушло из них. Ничего не осталось, чтобы воззвать — к собственным или чужим — памятям.

Этих пятерых унесли куда-то глубоко внутрь Оплота. Позже он слышал, как стражник сказал, что четверо нападавших были напичканы шиэром. Это было первой встречей с понятием об Икшианской Пробе.

— Икшианская Проба позволяет считывать ум даже мертвого человека,— объяснила Гиэза.— Шиэр — это наркотик, который от этого защищает. До того как прекращается действие наркотика, клетки полностью погибают.

Данкан, наловчившись подслушивать, узнал, что четверо нападавших были проверены и другими способами. Об этих «других способах» ему не говорили, но он подозревал, что это, должно быть, какие-то тайные штучки Бене Джессерит. Он думал об этом, как об еще одном страшном приемчике Преподобных Матерей. Они, как пить дать, оживляют мертвых и выкачивают информацию из костных тканей. Данкан ясно воображал, как мускулы потерявшего душу тела покорно следуют воле дьявольской наблюдательницы.

Этой наблюдательницей всегда бывала Шванги.

Такие образы заполонили ум Данкана, несмотря на все

усилия его учителей рассеять «глупости, порожденные невежеством». Его учителя говорили, что эти безумные истории ценны лишь тем, что порождают среди непосвященных страх перед Бене Джессерит. Данкан не верил, что он один их посвященных. Глядя на Преподобных Матерей, он всегда думал: «Я НЕ ОДИН ИЗ НИХ!»

Луцилла была в последнее время крайне настойчива.

— Религия — это источник энергии,— говорила она.— Ты должен познать эту энергию. Ты сможешь направлять ее на достижение собственных целей.

«На их цели, а не мои»,— думал он.

Он фантазировал, воображая те цели, которых хотел достичь, видя себя триумфально одерживающим победу над Орденом, особенно над Шванги. Данкан осознавал, что такие изображения самого себя порождались в нем глубинной реальностью обитавшего в нем чужака. Он научился делать вид, что тоже находит такую религиозную доверчивость забавной.

Луцилла разглядела в нем эту противоречивую двойственность.

Она сказала Шванги:

— Он считает, что мистических сил следует опасаться и по возможности избегать. До тех пор, пока он упорствует в этой вере, его нельзя научить пользоваться нашими самыми сокровенными знаниями.

Они встретились для того, что Шванги называла «регулярная оценочная сессия», когда они только вдвоем собирались в кабинете Шванги. Время было вскоре после легкого ужина. Звуки Оплота были редкими и быстрогаснущими — ночное патрулирование начиналось, свободная от работы прислуга сейчас наслаждалась одним из коротких периодов незанятого времени. Кабинет Шванги не был полностью изолирован от всего окружения, и это было специально предложено проектировщиками Ордена: тренированные восприятия Преподобной Матери способны понять многое из доносящихся звуков.

Шванги чувствовала себя потерянной на этих «оценочных сессиях». Все яснее становилось, что Луциллу нельзя переманить на сторону противостоящих Тразе. Луцилла была неуязвима и для манипулирующих уверток любой Преподобной Матери. И, что хуже всего, совместное влияние Луциллы и Тега приводило к тому, что гхола с лету схватывал самые опасные способности, опасные до крайности. Вдобавок ко всем другим проблемам Шванги начала

испытывать возрастающее уважение к Луцилле.

— Он думает, что мы в своей работе используем оккультные силы,— сказала Луцилла.— Откуда у него взялась такая странная идея?

Шванги почувствовала, что этот вопрос ставит ее в невыгодное положение. Луцилла уже знала, что такие мысли были внушены гхоле, чтобы его ослабить. Она проговорила:

— Неповиновение — это преступление против нашего Ордена!

— Если он захочет нашего знания, он, наверняка, получит его от тебя,— сказала Шванги. Неважно, как это вредно с точки зрения Шванги, но наверняка правда.

— Его стремление к знанию — вот мой наилучший рычаг,— сказала Луцилла,— но мы обе знаем, что этого недостаточно.

В голосе Луциллы не было упрека, но Шванги все равно его ощутила.

«Проклятие. Это она меня старается заполучить на свою сторону!» — подумала Шванги. Некоторые ответы возникли в ее уме. «Я не нарушала данные мне приказания». Отвратительная отговорка! «Гхола получает стандартное образование по учебным принципам Бене Джессерит». Несоответствует правде. И гхола не был стандартным объектом для образования. В нем были глубины, равные только глубинам потенциальной Преподобной Матери. В этом-то и была проблема!

— Я допустила ошибки,— сказала Шванги.

«Вот так!» Обоюдоострый ответ, который может оценить другая Преподобная Мать.

— Ты причинила ему вред не по ошибке,— сказала Луцилла.

— Я никак не могла предвидеть, что другая Преподобная Мать сможет обнаружить в нем изъяны,— возразила Шванги.

— Он хочет обладать нашими силами только для того, чтобы от нас ускользнуть — промолвила Луцилла.— Он думает: «Однажды я узнаю столько же, сколько и они, тогда я сбегу от них».

Когда Шванги не ответила, Луцилла сказала:

— Это умно. Если он убежит, нам придется охотиться за ним и самим его уничтожить.

Шванги улыбнулась.

— Я не сделаю твоей ошибки,— сказала Луцилла.—

Я говорю тебе открыто, что все понимаю — ты бы это разглядела. Я знаю теперь, почему Тараза послала Геноноситсльницу к нему так рано.

Улыбка Шванги исчезла.

— Что ты делаешь?

— Я привязываю его к себе точно так, как наши наставницы привязывают к себе послушниц. Я обращаюсь с ним с искренностью и верностью, как с одним из наших.

— Но он мужчина!

— Значит он будет лишен только Спайсовой Агонии, но ничего другого, он — из чутких.

— А когда придет время для основного этапа генного запечатления? — спросила Шванги.

— Да, это будет щепетильный момент. Ты думаешь, что это его уничтожит. Таков, конечно, был твой план.

— Луцилла, Орден не единодушен в принятии проекта Таразы, связанного с этим гхолой. Ты наверняка это знаешь.

Это был самый мощный довод Шванги. И тот факт, что она выложила его именно тогда, говорил о многом. Страхи, что они могут произвести нового Квизаца Хадераха, пустили в Ордене глубокие корни, и разногласия среди Бене Джессерит были довольно мощными.

— Он из элементарной генетической породы и выведен не для того, чтобы стать Квизацем Хадерахом,— сказала Луцилла.— Но Тлейлакс что-то сделал с его генетическим наследием!

— По нашим приказаниям. Они убыстрили его нервные и мускульные реакции.

— И это все, что они сделали? — спросила Шванги.

— Ты же видела результаты его клеточного исследования,— ответила Луцилла.

— Если бы мы умели делать то же, что и Тлейлакс, мы не нуждались бы в них,— сказала Шванги.— У нас нашлись бы свои акслольтные чаны.

— По-твоему, они от нас что-то утаили? — спросила Луцилла.

— Он был у них девять месяцев постоянно без нашего контроля!

— Я уже слышала все эти доводы,— сказала Луцилла.— Преподобная Мать, он — полностью твой, и все последствия лежат на тебе.

— Но ты не спровадишь, не удалишь меня с моего поста, и неважно, что ты там доложишь на Дом Соборов.

— Удалить тебя? Разумеется, нет. Я не хочу, чтобы твои сподвижники прислали кого-нибудь неизвестного нам.

— Есть предел обидам, которые я могу от тебя вынести,— проговорила Шванги.

— И есть предел тому, сколько предательства может вынести Тараза,— сказала Луцилла.

— Если мы получим еще одного Пола Атридеса или, Боже упаси, еще одного Тирана, это будет работа Тарази,— зашипела Шванги.— Передай ей, что я так сказала.

Луцилла поднялась.

— Ты можешь точно так же узнать, что Тараза полностью оставила на мое усмотрение количество меланжа в рационе нашего гхолы. Я уже начала увеличивать ему долю спайса.

Шванги двумя кулаками бухнула по столу.

— Вы нас еще погубите!

Секрет Тлейлакса, скорее всего, в их сперме. Наши анализы удостоверяют, что их сперма не передает напрямую генетические коды. Бывают провалы. Каждый тлейлаксанец, которого мы обследовали, прятал от нас свое внутреннее «я». Естественно, они неуязвимы для Икшианского Тестирования! Секретность на глубочайших уровнях — вот их основные щит и меч.

Анализы Бене Джессерит. Код архива: BT XX441

Шел четвертый год пребывания Шианы в священном убежище жречества, когда от тамошних шпионов Бене Джессерит поступило донесение, вызвавшее особый интерес орденских наблюдательниц на Ракисе.

— Она была на крыше, ты говоришь? — спросила Мать Настоятельница Ракианского Оплота.

Это Настоятельница Тамалан прежде служила на Гамму и знала лучше подавляющего большинства, на что Орден здесь рассчитывает. Доклады шпионов не дали закончить завтрак Тамалан, состоявший из цитрусового конферита, сдобренного меланжем. Посланница непринужденно стояла перед столом, ожидая, пока Тамалан доедала и перечитывала доклад.

— Да, на крыше, Преподобная Мать,— ответила посланница.

Тамалан взглянула на Кипуну, посланницу, Кипуна — уроженка Ракиса — была особо подготовлена для деликатной работы на своей родной планете. Проглотив конферит, Тамалан спросила:

— «Привезите их назад!» Это ее точные слова?

Кипуна кивнула, она поняла вопрос. Были ли слова Шианы по существу приказом?

Тамалан снова вернулась к отчету, в поисках тонких красноречивых деталей. Она радовалась, что Вестницей была избрана Кипуна. Тамалан уважала способности этой ракианки. У Кипуны были мягкие округлые черты и легкие, как пух, волосы, довольно обычные для жреческого сословия Ракиса, но мозги под этими волосами были совсем не похожи на пушинки.

— Шиана была недовольна,— проговорила Кипуна.— Топтер пролетел совсем близко от крыши, и она очень ясно увидела двух заключенных в наручниках. Шиана поняла, что их везут на смерть в пустыню.

Тамалан положила отчет и улыбнулась.

— Итак, она распорядилась, чтобы заключенных привезли назад, к ней. Я нахожу ее выбор слов прекрасным.

— «Привезите их назад»? — спросила Кипуна.— Это кажется самым обычным приказом, что ж тут прекрасного.

Тамалан восхитилась, как открыто эта послушница выказывает свой интерес. Кипуна никогда не упускала случая побольше узнать, как работает мысль настоящей Преподобной Матери.

— Не это в ее поведении меня привлекло,— сказала Тамалан. Она наклонилась к отчету и прочла вслух: — «Вы слуги Шайтана, а не слуги слуг».— Тамалан взглянула на Кипуну.— Ты ведь слышала все сама?

— Да, Преподобная Мать. Мы рассудили: важно, чтобы я доложила тебе об этом лично, на случай, если у тебя появятся другие вопросы.

— Она до сих пор называет его Шайтаном,— сказала Тамалан.— Как же это должно уязвить их! Конечно, сам Тиран сказал: «Меня Шайтаном будут называть».

— Я видела отчеты из хранилища, обнаруженного в Дар-эс-Балате,— сказала Кипуна.

— Два заключенных были доставлены к ней? Бег задержан? — спросила Тамалан.

— Сразу же, как только послание было передано на топтер, Преподобная Мать. Они вернулись очень быстро.

— Значит, за ней все это время наблюдали и слыша-

ли ее слова. Хорошо. Шиана не показывала виду, что знает этих заключенных? Не было между ними обмена знаками?

— Я уверена, они не были знакомы, Преподобная Мать. Два обычных представителя низшего сословия, довольно грязные и бедно одетые. От них воняло грязью пригородных трущоб.

— Шиана распорядилась, чтобы с них сняли наручники, а затем обратилась к этой чумазой паре. И теперь ее точные слова. Что она сказала?

— «Вы — мой народ».

— Чудесно-чудесно,— радовалась Тамалан.— Затем Шиана распорядилась, чтобы этих двоих вымыли и выдали им новые одежды, а затем освободили. Поведай мне своими собственными словами, что произошло затем.

— Она вызвала Туека, который явился вместе со своими тремя советниками-помощниками. Это было... Похоже на спор.

— Войди в мнемотранс, прошу тебя,— попросила Тамалан.— Проиграй передо мной весь разговор.

Кипуна закрыла глаза и погрузилась в мнемотранс. Потом она заговорила:

— Шиана: «Мне не нравится, когда людей скармливают Шайтану». Советник Стирос: «Мы приносим жертву Шаи-Хулуду». Шиана: «Шайтан!». Шиана топает ногой в гневе. Туек: «Довольно, Стирос. С меня довольно этих сектантских разногласий». Шиана: «Когда вы усвоите?» Стирос старается заговорить, но грозный взгляд Туека заставляет его замолчать. Туек говорит: «Мы усвоили, Святое Дитя». Шиана говорит: «Я хочу...»

— Достаточно,— прервала ее Тамалан.

Послушница молча открыла глаза и стала ждать.

Вскоре Тамалан заговорила:

— Возвращайся на свой пост, Кипуна. Ты на самом деле очень хорошо справилась.

— Благодарю, Преподобная Мать.

— Среди жрецов будет просто паника,— сказала Тамалан.— Пожелание Шианы — для них приказ, потому что Туек в нее верит. Они перестанут использовать червей в качестве инструмента кары.

— Двое заключенных,— заметила Кипуна.

— Да, очень хорошо с твоей стороны, эти двое расскажут, что с ними произошло. История будет искажена. Люди станут говорить, что Шиана защищает их от жрецов.

— Разве она не именно так поступает, Преподобная Мать?

— Нет, но ты только подумай, какой выбор встает перед жрецами. Им необходимо шире прибегать к альтернативным видам кар — бичеванию и конфискациям. В то же время страх перед Шайтаном ослабеет из-за Шианы, страх перед жрецами будет возрастать.

Не прошло и двух месяцев, как в донесениях Тамалан на Дом Соборов появилось подтверждение этих слов.

«Урезание рационов, особенно урезание водного рациона, стали основным видом наказания,— докладывала Тамалан.— Управляемые слухи дошли до самых отдаленных местечек на Ракисе и скоро со всей определенностью достигнут и многих других планет».

Тамалан вдумчиво размышляла, какие выводы последуют из ее отчетов. Его увидит множество глаз, включая и глаза не сочувствующих Таразе. Любая Преподобная Мать способна будет живо представить, что происходит на Ракисе. Многие на Ракисе видели приезд Шианы на диком черве из пустыни. Жрецы с самого начала повели себя не так, как следовало, создавая завесу секретности вокруг Шианы. Неудовлетворенное любопытство порождало собственные ответы. Догадки часто опасней, чем факты.

В предыдущих донесениях сообщалось о детях, которых приводили играть с Шианой. Сильно искаженные рассказы этих детей распространялись и дополнялись и, соответственно, в таком виде передавались на Дом Соборов. Двое заключенных, возвратившись на улицы в новой роскошной одежде, только способствовали разрастанию мифа. Бене Джессерит, мастерицы мифологии, обладали на Ракисе готовой силой, оставалось ее только расширить и направить.

«Мы вскормили в населении веру в исполнение желаний»,— докладывала Тамалан. Перечитывая свой последний отчет, она подумала о фразах, бенеджессеритских по сути. «Шиана — именно та, кого мы так долго ждали».

Это было достаточно простое заявление, для того чтобы его значение разошлось без искажений. «Дитя Шаи-Хулуда идет покарать жрецов!»

Это создавало чуть больше осложнений. Несколько жрецов погибли на темных аллеях в результате народной горячности, что возбудило в ответ новую озабоченность корпуса порядка — можно было предсказать несправедливости, которые обрушатся на население.

Тамалан подумала о жреческой делегации, смятенных советниках Туека, посетивших Шиану. Семеро, во главе со Стиросом, влетели к Шиане, завтракавшей с ребенком улиц. Ожидая чего-либо подобного, Тамалан была подготовлена, и ей доставили секретную запись этого инцидента. Было слышно каждое слово, видно каждое выражение лица, все мысли читались как на ладони для глаз Преподобной Матери.

«Мы жертвуем Шаи-Хулуду!» — ратовал Стирос.

«Туек велел вам не спорить со мной об этом»,— сказала Шиана.

Как же заулыбались жрицы, когда она так ответила Стиросу и другим жрецам!

«Но Шаи-Хулуд...» — заикнулся Стирос.

«Шайтан!» — поправила его Шиана. На ее лице легко читалось: «Неужели эти безмозглые жрецы ничего не поняли?»

«Мы всегда думали...»

«Вы были не правы!!» — Шиана топнула ногой.

Стирос сыграл, будто ему нужно, чтобы она его просветила:

«Следует ли нам верить, что Шаи-Хулуд, Разделенный Бог, является также и Шайтаном?»

До чего же он законченный дурак, думала Тамалан. Даже едва сложившаяся девочка может его побить, что Шиана весьма успешно и проделала.

«Всякий уличный ребенок знает это, едва научится ходить!» — назидательно проговорила Шиана.

«Откуда ты знаешь, как думают уличные дети?» — хитро осведомился Стирос.

«Ты Зло, раз во мне сомневаешься!» — обвинила Шиана.

Это был ответ, которым она научилась много раз пользоваться, зная, что все дойдет до Туека и вызовет тревогу.

Стирос тоже слишком хорошо это знал. Он подождал с опущенным взором, пока Шиана очень терпеливо, будто рассказывая старую басенку ребенку, объясняла ему, что либо Бог, либо дьявол, либо оба вместе могут обитать в черве пустыни. Людям остается это только принять. Не людям дано решать такие вещи.

За подобную ересь Стирос ссылал людей в пустыню. Его лицо (так тщательно записанное для аналитиков Бене Джессерит) явно выражало: «Такие нелепые мысли всегда возникают в самых отбросах ракианского общества». Но

теперь! Он вынужден был примириться с настояниями Туека, что Шиана вещает правду, как Евангелие!

Проглядывая запись, Тамалан решила, что каша заваривается именно как надо. Это она и донесла на Дом Соборов. Стироса терзают сомнения. Сомнения всюду, кроме преданного Шиане народа. Близкие к Туеку шпионы передавали, что даже он начал колебаться в правильности своего решения «перевести» историка Дроминда в пустыню.

— Не был ли Дроминд прав, сомневаясь в ней? — вопрошал Туек окружавших его.

— Невозможно,— отвечали льстецы.

Что еще могли они сказать? Верховный Жрец никак не может ошибаться в таких решениях, Господь этого не дозволит. Шиана, однако же, явно сбила его с толку. Она ниспровергала в жестокое преддверие ада воззрения многих предыдущих Верховных Жрецов. Отовсюду требовалось новое истолкование.

Стирос продолжал наседать на Туека.

— Что мы на самом деле о ней знаем?

Тамалан получила доклад о последнем столкновении. Стирос и Туек наедине проспорили глубоко за полночь, считая себя (напрасно!) в одиночестве в апартаментах Туека, комфортабельно устроившись в редких голубых песьих креслах с приправленными меланжем конфетами под рукой. Голографическая запись этой беседы, имевшаяся у Тамалан, показывала единственный желтый глоуглоб, блуждавший на своих суспензорах, совсем близко над этой парой, свет притушен, чтобы не резать уставшие глаза.

«Может быть, в тот первый раз, когда мы оставили ее в пустыне с тампером, испытание было некачественным?» — спросил Стирос.

Это был хитрый ход. Туек известен своей простоватостью.

«Некачественный? Что только ты имеешь в виду?»

«Возможно, Бог желал бы, чтобы мы проделали другие испытания».

«Ты сам видел! Множество раз в пустыне она говорила с Богом!»

«Да! — Стирос чуть не подпрыгнул. Он, конечно, рассчитывал именно на такой ответ.— Если она способна стоять невредимой в присутствии Бога, то, может быть, она может научить других этому».

«Ты знаешь, что она гневается, когда мы это просим».

«Может быть, мы не так подходили к этой задаче?»

«Стирос! Что если девочка права? Мы служим Разделенному Богу. Я думал об этом долго и серьезно. С чего бы Богу разделяться? Разве это не наивысшее испытание Бога?»

Стироса явно раздражало, что Туек вошел в колею как раз тех умствований, которых партия Стироса и боялась. Он постарался отвлечь Верховного Жреца на другую тему, но Туека нелегко было сдвинуть, если он начинал рассуждать о своей любимой метафизике.

«Наивысшее испытание,— настаивал Туек.— Видеть доброе во зле и злое в добром».

Выражение лица Стироса можно было описать только как глубочайший ужас. Туек — Верховный Помазанник Божий. Ни одному жрецу не позволено сомневаться в этом! Выступи Туек открыто с такой концепцией — и может произойти то, что потрясает самые основы жреческой власти! Стирос явно задавался сейчас вопросом, не наступило ли время ПЕРЕВЕСТИ Верховного Жреца?

«Я никогда не предполагал, что смогу обсуждать столь глубокие идеи с моим Верховным Жрецом,— сказал Стирос.— Но может быть, я могу выдвинуть такое предложение, которое поможет разрешить многие сомнения».

«Тогда выдвинь»,— сказал Туек.

«В ее одеяниях можно было бы спрятать незаметные устройства так, чтобы мы могли ее слушать, когда она разговаривает с...»

«По-твоему, Бог не узнает, что мы делаем?»

«Такая мысль никогда не приходила мне в голову!»

«Я не прикажу отвести ее в пустыню»,— сказал Туек.

«Но если ей самой захочется туда отправиться? — Стирос напустил на себя самое вкрадчивое выражение.— Она делала это много раз».

«Но не последнее время. У нее будто отпала необходимость советоваться с Богом».

«Разве мы не можем предложить ей?» — спросил Стирос.

«Например?»

«Шиана, когда ты наконец, опять поговоришь со своим Отцом?.. Ты не жаждешь еще раз предстать пред Его очами?»

«Это больше звучит как понукание, чем как предложение».

«Я только предполагаю, чтобы...»

«Святое Дитя не простушка! Она говорит с Богом, Стирос. Бог может нас жестоко наказать за такую дерзость».

«Разве Бог не послал ее сюда, чтобы мы ее изучали?» — спросил Стирос.

По мнению Туека, это было слишком близко к ереси Дроминда.

Он метнул на Стироса суровый взгляд.

«Я имею в виду,— сказал Стирос,— что Господом наверняка предначертано, чтобы мы учились от нее».

Туек сам говорил это множество раз, никогда не слыша в собственных словах курьезного эха слов Дроминда.

«Ею нельзя понукать и испытывать ее»,— сказал Туек.

«Боже, упаси! — сказал Стирос.— Я буду сама святая осторожность. И все, что я узнаю от Святого Ребенка, будет немедленно тебе доложено».

Туек просто кивнул. У него свои возможности всегда быть уверенным, что Стирос ему не лжет.

Последующие коварные подначки и испытания сразу же докладывались на Дом Соборов через Тамалан и ее подчиненных.

«Шиана выглядит задумчивой»,— сообщала Тамалан.

Среди Преподобных Матерей на Ракисе и тех, кому это докладывалось, задумчивый вид Шианы имел объяснение. Происхождение девочки было вычислено давным-давно. От колких намеков Стироса девочка страдала ностальгией. Шиана хранила молчание, но явно много думала о своей жизни в деревушке первопроходцев. Даже несмотря на все страхи и опасности, для нее то время было явно счастливым. Она припоминала смех, угадывание погоды по установке места в песке, охоту за скорпионами в трещинах, деревенские хижины, вынюхивание спайсовых выбросов. По числу повторяющихся путешествий Шианы в определенную область пустыни Орден верно вычислил, где располагалась ее сгинувшая деревня и что с ней произошло. Шиана много раз смотрела на одну из старых карт Туека на стене своих апартаментов.

Как и ожидала Тамалан, однажды утром Шиана ткнула пальцем в то место на стенной карте, которая постоянно привлекала ее внимание.

— Отвезите меня туда,— распорядилась Шиана своим прислужницам.

Был вызван топтер.

Жрецы с интересом слушали в кружившем высоко над пустыней топтере, как Шиана снова звала из песков свою судьбу. Тамалан и ее советницы, настроенные на волну приема жрецов, наблюдали с не меньшей живостью.

Даже самого отдаленного воспоминания о деревушке не сохранилось в покрытой дюнами пустыне, где Шиана приказала себя высадить. Однако на этот раз она использовала тампер. Еще одно из язвительных предложений Стироса, сопровождаемое тщательными инструкциями о том, как пользоваться древним средством вызова Разделенного Бога.

Пришел червь.

Тамалан, наблюдавшая по собственному каналу, подумала, что червь этот,— средних размеров. «Около пятидесяти метров в длину»,— прикинула Тамалан. Шиана стояла всего в трех метрах от его распахнутой пасти. Наблюдателям были хорошо видны всполохи пламени из внутренних топок червя.

— Скажешь ты мне, зачем ты это сделал? — осведомилась Шиана.

Она не отпрянула от огненно-жгучего дыхания червя. Песок поскрипывал под чудовищем, но она ничем не показывала, что слышит это.

— Ответь мне! — приказала Шиана.

Червь ничего ей вслух не ответил, но Шиана, как будто прислушивалась, склонила голову набок.

— Тогда ступай, откуда пришел,— сказала Шиана, отсылая червя взмахом руки назад.

Червь покорно повернулся и ушел в глубь песков.

Целыми днями, пока Орден с большим весельем наблюдал за ними, жрецы обсуждали эту лаконичную беседу. Шиану спрашивать нельзя, иначе она узнает, что ее подслушивали. Как и прежде, она отказывалась обсуждать что-либо связанное с посещением пустыни.

Стирос не прекращал свои коварные происки. И результат был именно таков, какого ожидал Орден: без всякого предупреждения Шиана могла однажды проснуться и сказать:

— Сегодня я отправляюсь в пустыню.

Порой она использовала тампер, порой танцем призывала червя. Из песков, далеко за видимостью из Кина или другого населенного места, к ней шли черви. Шиана в одиночестве стояла перед червем, разговаривала с ним, пока другие слушали. Тамалан получала отчеты, прохо-

дившие через ее руки перед отправкой на Дом Соборов, и считала их восхитительными.

— Мне бы следовало тебя ненавидеть!

Какое же смятение это вызывало среди жрецов! Туек мечтал затеять открытую дискуссию: «Следует ли нам всем ненавидеть Разделенного Бога и в то же время любить его?»

Стиросу кое-как удалось не допустить этого, ссылаясь на то, что пожелания Бога не были высказаны достаточно ясно.

Одного из своих гигантских посетителей Шиана спросила:

— Позволишь ли ты мне опять проехаться на тебе?

Когда она приблизилась к червю, тот подался назад и не позволил ей взобраться на себя.

В следующий раз она спросила:

— Должна ли я оставаться со жрецами?

Этому червю она задавала множество вопросов и среди них: «Куда деваются люди, когда ты их проглатываешь?», «Почему люди лживы со мной?», «Следует ли мне карать плохих жрецов?».

Тамалан рассмеялась при последнем вопросе, подумав, какое смятение он вызовет среди людей Туека. Ее шпионы, как положено, доложили об испуге и унынии среди жрецов.

— Как он ей отвечает? — спрашивал Туек.— Кто-нибудь слышал ответ Бога?

— Может быть, он говорит ей прямо в душу,— осмелился заметить советник.

— Вот оно! — Туек ухватился за это предложение.— Мы должны спросить ее, что Бог велит ей делать.

Но Шиана не давала втянуть себя в подобные обсуждения.

— Она отлично оценивает свои силы,— докладывала Тамалан.— Она не собирается слишком часто бывать в пустыне, несмотря на подстрекательства Стироса. Как мы и могли ожидать, притяжение слабело. Страх и восторг будут нести ее как раз до того, как это потускнеет. Она, однако, обучилась и эффектному приказанию: «Убирайся прочь»!

Орден отметил это, как главное достижение — раз даже Разделенный Бог подчиняется, то никакой жрец или жрица не будут сомневаться в ее праве на такое приказание.

— Жрецы строят башни в пустыне,— докладывала Тамалан.— Они хотят больше безопасных мест, из которых могли бы следить за Шианой, когда она в пустыне.

Орден предвидел такой ход событий и даже сам несколько подстрекнул к тому, чему следовало случиться, у каждой башни были свои собственные ветроловушки, штат обслуги, водяной барьер, сады и другие элементы цивилизации. Каждая была небольшой общиной, распространяющей населенные области Ракиса дальше и дальше в царство червя.

Деревушки первопроходцев перестали быть необходимыми, и заслуга этого приписывалась Шиане.

— Она — НАША жрица,— говорили в народе.

Туек и его советники балансировали на острие иглы. ШАЙТАН и Шаи-Хулуд в одном теле?

Стирос жил в ежедневном страхе, что Туек открыто такое провозгласит. Советчики Стироса после всех дискуссий отвергли предложение, что Туека следует ПЕРЕВЕСТИ. Еще одно предложение — чтобы со Жрицей Шианой произошел несчастный случай — было встречено всеми с ужасом, и даже Стирос счел его слишком рискованным.

— Даже если мы устраним эту занозу, Бог может нас подвергнуть более коварному вторжению,— сказал он. И предостерег: — Самые старые книги говорят, что нас подведет малое дитя.

Стирос совсем недавно оказался среди тех, кто взирал на Шиану как на нечто, вовсе бессмертное. Не только Каниа, но и другие окружающие заметили, что начали ее любить — она была так простодушна, так жизнерадостна и отзывчива.

Многие наблюдали, что возраставшая с каждым днем привязанность к Шиане переходит даже на Туека.

Для людей, затронутых этой силой, у Ордена было твердое определение. Бене Джессерит дал ярлык этому древнему эффекту — «распространяющееся поклонение». Тамалан докладывала о глубинных переменах, происходящих на Ракисе по мере того, как люди на всей планете начинали молиться Шиане вместо Шайтана или даже Шаи-Хулуда.

Тамалан докладывала:

— Шиана на стороне слабых, помогает им. Все идет как должно. Когда пришлете гхолу?

Внешняя поверхность надувного шара больше центра этой треклятой штуковины! В этом самая суть Рассеяния!

Ответ Бене Джессерит на предложение икшианцев о засылке новых разведывательных отрядов к Затерянным

Самый быстрый лайтер Ордена доставил Майлса Тега на транспорт Союза, зависший на орбите Гамму. Ему было не по душе оставлять Оплот в такой момент, но он ясно видел, насколько это важно. У него было и внутреннее предчувствие, что ждет его в этой вылазке. За триста лет своего жизненного опыта Тег научился доверять внутреннему чутью. Дела на Гамму складывались не достаточно хорошо. Каждый патруль, каждый доклад сенсоров дальнего слежения, сообщения шпионов Патрина из городов — все подогревало беспокойство Тега.

Выкладки ментата Тега делали для него неощутимым движение сил внутри и вокруг Оплота. Его подопечный — гхола — под угрозой. Но приказ явиться на борт транспорта Союза, будучи готовым к использованию силы, исходил от самой Таразы. Шифр-индикатор ее личности на посланиях не давали места сомнениям.

На лайтере, уносящем его вверх, Тег ждал боя и готовился к нему. Все приготовления, которые он мог сделать, уже сделаны. Луцилла предупреждена. Он испытывал доверие к Луцилле. Шванги — другое дело. Тег был намерен обсудить с Таразой некоторые важные переделки в Оплоте Гамму, но прежде, вероятно, ему надо выиграть очередную битву. Тег не имел ни малейших сомнений о готовящейся тяжелой схватке.

Когда его лайтер вошел в погрузочный отсек, Тег выглянул из иллюминатора и увидел огромный икшианский символ внутри завитка Союза на темной стороне транспорта: корабль переоборудован Союзом под икшианский механизм, заменявший традиционного навигатора. Значит, на борту будут икшианские техники, которые обслуживают оборудование. Подлинный навигатор Союза тоже там будет. Союз так и не научился на сто процентов доверять навигаторским машинам, пусть даже переделывал под них транспорты.

Тег ощутил слабый крен, сотрясение при посадке и сделал успокаивающий вдох. У него были чувства точно такие, как перед битвой: избавлен от всех лживых фанта-

зий. Холить их — поражение. Разговоры часто ни к чему не приводят, и спор разрешается кровью, если только этого так или иначе не предотвратить. Битвы в эти дни нечасто были массовыми. Но смерть, тем не менее, в них присутствовала. Она показывала устойчивый вид неудачи. «Если мы не можем мирно уладить наши различия, мы становимся нечеловечными...»

Прислужник, говоривший с явным икшианским акцентом, провел Тега в помещение, где ждала Тараза. Всюду по коридорам и пневмотрубам, когда он шел к Таразе, Тег различал приметы, подтверждающие секретное предупреждение, посланное Верховной Матерью. Все казалось безмятежным, обыденным — прислужник с необходимым уважением держался впереди башара.

— Я был среди офицеров Тирога в битве при Анжу,— сказал сопровождающий, напоминая одну из тех почти состоявшихся битв, которую Тег сумел предотвратить.

Они подошли к обыкновенному овальному люку в стене обыкновенного коридора. Люк открылся, и Тег вошел в белопанельное помещение — подвесные кресла, низкие боковые столики, глоуглобы, отлаженные на желтый свет. Люк скользнул, закрываясь сзади него с увесистым стуком, оставив охранника в коридоре.

Послушница Бене Джессерит отодвинула кружевные занавески, которые открывали проход справа от Тега. Она кивнула ему. Его увидели — Тараза уведомлена.

Тег подавил дрожь в ногах.

ПРИМЕНЕНИЕ СИЛЫ!

Он не ошибся в толковании секретного предостережения Таразы. Принятые им меры достаточны ли?

Справа от него были черное подвесное кресло, длинный стол перед ним и еще одно кресло в конце стола. Тег отошел к этой стороне помещения и стал ждать, прислонясь спиной к стене. Он отметил: коричневая пыль Гамму до сих пор на носках его сапог.

Особый запах в комнате. Он принюхался, ШИЭР! Вооружалась ли Тараза и ее попутчики против Икшианской Пробы? Тег принял положенную капсулу шиэра перед посадкой на лайтер. Слишком много знаний в его голове, которые могли бы оказаться полезными для врага. То, что Тараза оставила здесь запах шиэра, имел другое значение: сигнал, что за ними наблюдает кто-то, от чьего присутствия она не может никак отделаться.

Тараза вышла из-за кружевных занавесок. «Усталый у

нее вид»,— подумал Тег. Для него это было красноречивым сигналом, потому что Сестры способны не показывать утомления до тех пор, пока просто с ног не валятся. Правда, что она совсем падает с ног — или это еще один жест ради скрытых наблюдателей?

Помедлив на самом пороге помещения, Тараза внимательно вгляделась в Тега. «Башар словно бы сильно изменился с того времени, когда мы в последний раз виделись, постарел»,— подумала Тараза. Обязанности на Гамму оказали свое действие, но она находила это успокаивающим — очень хорошо, Тег делает свою работу.

— Твоя быстрая реакция высоко оценена, Майлс,— сказала она.

«Высоко оценена!» Это их пароль: «За нами наблюдает коварный враг».

Тег кивнул, а взгляд его проследовал к занавескам, из-за которых вышла Тараза.

Тараза улыбнулась и прошла в помещение. Нет признаков меланжевого цикла в Теге, отметила она. Преклонный возраст Тега всегда вызывал подозрение, что он прибегнет к действию спайса. Ничто в нем не выдавало ни малейшего признака, ДАЖЕ намека на то, что он мог бы быть меланжеманом, хотя сильнейшие, чувствуя, что их жизнь подходит к концу, прибегали к спайсу. На Теге был его старый мундир башара, но без золотых звезд на плече и воротнике. Это был сигнал, который она распознала. Он как бы говорил: «Помни, как я заслужил это на твоей службе. Я не подвел тебя и в этот раз».

Глаза, изучавшие ее, были безмятежны, даже намека на какое-либо волнение не проскальзывало в них. Весь его вид говорил о внутренней уверенности, он расценивал происходившее сейчас, как одну из вариаций возможного. Он ждал только ее сигнала.

— Исходная память нашего гхолы должна быть пробуждена при первой же возможности,— сказала она и махнула рукой, чтобы заставить его замолчать, когда он захочет ответить,— Я видела отчеты Луциллы и знаю, что он очень молод. Но мы принуждены действовать.

Она говорила это для наблюдателей. Следует ли верить ее словам?

— Я теперь отдаю тебе приказ: пробудить его,— сказала она и изогнула левое запястье — жест, который обозначал подтверждение на их тайном языке.

Таким образом, это правда, Тег посмотрел на зана-

вески, закрывавшие проход, откуда появилась Тараза. Кто там подслушивает?

Он включился в решение этой проблемы как ментат. Были пропущенные фрагменты, но они ему не мешали. Ментат мог работать и не имея каких-то кусочков, если у него достаточно информации, чтобы выстроить общую модель. Иногда достаточно самых общих очертаний — они позволят увидеть скрытую форму. Затем он может использовать недостающие фрагменты, чтобы воссоздать все в целом. Ментат нечасто обладает всеми необходимыми данными, но он натренирован ощущать модель, узнать ее системы и ценности. Сейчас Тег напомнил себе, что он также совершенно натренирован и в военном смысле: его еще рекрутом тренировали обращаться с оружием, ПРАВИЛЬНО НАЦЕЛИВАТЬ ОРУЖИЕ.

Тараза сейчас его нацеливает. Его оценка ситуация получила подтверждение.

— Перед тем, как мы должны будем пробудить нашего гхолу, будут предприняты отчаянные попытки убить его или захватить,— сказала она.

Он узнал этот тон — холодный анализ — предлагающий данные для ментата. Она увидела, что он включился в ментатный ключ.

Ум его, заработав в ключе ментата, погрузился в поиск модели. Главное, их гхола вписан в определенный проект, в основном неизвестный Тегу, но проходящийся каким-то образом вокруг той девочки с Ракиса, способной (как говорят) повелевать червями. Данкан Айдахо — такая очаровательная личность — что заставляла и Тирана и Тлейлакс воспроизводить его гхол бессчетное количество раз. Данканы гуртом! Какую же службу мог нести этот гхола, чтобы Тиран не разрешал ему успокоиться среди мертвых? И тлейлаксанцы: они тысячелетиями извлекали гхол Данкана Айдахо из своих акслольтных чанов даже после смерти Тирана. Тлейлакс продавал гхол Айдахо Ордену двенадцать раз, и Орден платил за них в самой твердой валюте: меланжем из своих собственных драгоценных запасов. Интересно, почему Тлейлакс принимал в уплату то, что сам мог хорошо воспроизвести? Очевидно, чтобы подорвать запасы Ордена,— исключительная форма жадности. Тлейлаксанцев подкупает превосходство — игра на силу!

Тег сконцентрировался на спокойно ждущей Преподобной Матери.

— Тлейлаксанцы убивали наших гхол, чтобы контролировать наш временной график,— сказал он.

Кивнув, Тараза не заговорила. Следовательно, за этим еще что-то есть.

Тег опять переключился на мышление ментата.

Бене Джессерит — это ценный рынок сбыта тлейлаксанского меланжа, но Тлейлакс не один-единственный источник, потому что всегда есть ручеек с Ракиса. Не слишком разумно Тлейлаксу отдалять от себя столь ценный рынок сбыта. Может быть, он обзавелся рынком поценнее? Кто еще может быть заинтересован в деятельности Бене Джессерит? Несомненно, икшианцы. Но икшианцы — это не льготный рынок для меланжа. Присутствие икшианцев на этом не-корабле показывает их независимость. Так как икшианцы и Рыбословши объявляют союз, Рыбословш можно не считать по этой модели.

Какая же великая сила или объединение сил в нашем мироздании обладает...

Тег похолодел от этой мысли, словно, надавив на тормозные рычаги топтера, дал возможность своему уму свободно парить, пока он сортирует другие соображения.

«Не в нашем мироздании».

Модель обросла формой. Богатство Гамму приобрело новый смысл в его ментатных выкладках. Гамму была давным-давно ободрана Харконненами, брошена, как обглоданный скелет, который и восстановили данианцы. Было, думается, время, когда на Гамму исчезли надежды. Без надежды не могло быть мечтаний. Карабкаясь из этой навозной ямы, население училось лишь самому низменному прагматизму. «Если это срабатывает, значит, это отлично».

Богатство.

При своем первом знакомстве с Гамму он отметил количество банковских домов. Многие из них даже были помечены, как сейфы Бене Джессерит. Гамму служила точкой опоры для манипуляций несметным богатством. Банк, в который он зашел, чтобы изучить его пригодность в случае опасности, полностью вошел в его сознание ментата. Он сразу понял, что это место не ограничивает себя чисто планетарными делами. Это был всем банкам банк.

Непросто богатство, но Богатство.

До разработки первомодели ум Тега не годился, но для проверочной проекции у него было достаточно предпосылок. Богатство не нашего мироздания. ЛЮДИ ИЗ РАССЕЯНИЯ.

Все эти раскладки ментата — всего лишь один миг. Достигнув опорной точки, Тег расслабился, освободил мускулы и нервы, лишь раз взглянув на Таразу, и пошел через помещение к скрытому входу. Он отметил, что Тараза не подает ему сигнала опасности при этих передвижениях. Резко распахнув занавески, Тег столкнулся с человеком, таким же высоким, как он сам: скрещенные пики на петличках воротника, одежда военного образца. Лицо было тяжелым, челюсти тоже, зеленые глаза. Взгляд был и удивленным, и настороженным, одна рука выше кармана, где явно лежало оружие.

Тег улыбнулся человеку, опустил занавески и пошел обратно к Таразе.

— За нами наблюдают люди из Рассеяния,— сказал он ей.

Тараза расслабилась. Тег превосходный ментат.

Занавески со свистом распахнулись. Стеклянное выражение гнева свело лицо вошедшего.

— Я предупреждал тебя, чтобы ты ничего не говорила! — голос был баритоном, в нем слышался скрипучий, незнакомый Тегу акцент.

— А я предупреждала тебя о силах ментата-башара,— отрезала Тараза. Отвращение мелькнуло на ее лице.

Человек подался в сторону, и тень страха промелькнула на его лице.

— Преподобная Черница, я...

— Не смей меня так называть,— тело Таразы застыло в боевой позе, в которой Тег никогда ее раньше не видел и не представлял.

Мужчина слегка склонил голову.

— Дорогая леди, здесь не ты контролируешь ситуацию. Я напоминаю тебе, что я приказываю здесь.

Тег слышал уже достаточно.

— Поверь мне, здесь она контролирует ситуацию,— сказал он.— Перед тем как отправиться сюда, я привел в действие определенные защитные силы. Это...— он посмотрел, перенес взгляд на чужака, лицо которого сейчас обрело выражение пугливой настороженности,— не является не-кораблем. В этот самый миг два наших корабля-монитора держат вас под прицелом.

— Вы и сами не останетесь в живых! — рявкнул мужчина.

Тег дружелюбно улыбнулся.

— Никто на этом корабле не останется в живых.

Стиснув челюсти, он нажал на установленный в нерве сигнал и привел в действие пульсосчетчик в своем мозгу, начавший проигрывать графические сигналы перед его глазами.

— А теперь у вас очень мало времени, чтобы принять решение.

— Скажи мне, как ты догадался, что нужно сделать? — спросил чужак.

— У нас с Преподобной Матерью есть собственные средства связи,— сказал Тег.— Более того, у нее и не было надобности меня предупреждать. Ее появления было достаточно. Верховная Мать на транспорте Союза в такие времена? Невозможно!

— Невероятно,— сказал мужчина.

— Допустим,— сказал Тег.— Но ни Союз, ни Икс не рискнут предпринять тотальную и всеобъемлющую атаку на Бене Джессерит, силами которого руководит подготовленный лично мной полководец. Я говорю о башаре Бурзмали. Ваша поддержка будет развеяна и исчезнет.

— Я ничего этого не говорила,— сказала Тараза.— Ты просто-напросто являешься свидетелем работы ментата-башара, которому, не сомневаюсь, не найдется равного в вашем мироздании. Подумай об этом, если хочешь выступить против Бурзмали — человека, подготовленного этим ментатом.

Чужак перевел взгляд с Таразы на Тега, затем опять на Таразу.

— Есть выход из нашего кажущегося тупика,— сказал Тег.— Верховная Мать Тараза и ее свита уходят вместе со мной. Ты должен решать немедленно. Время истекает.

— Ты блефуешь,— в словах не было уверенности.

Тег повернулся лицом к Таразе и склонился в поклоне.

— Для меня было великой честью служить вам, Преподобная Мать. Прощайте навсегда.

— Может быть, смерть нас и не разлучит,— ответила Тараза.

Это было традиционное прощание Преподобной Матери с равной ей Сестрой.

— Ступайте! — мужчина с тяжелыми чертами лица повернулся к люку коридора и открыл его, увидев там двух икшианцев стражников с удивленными лицами.

Хриплым голосом мужчина дал команду:

— Отведите их на лайтер.

Все также расслабленно и спокойно Тег сказал:

— Собери своих людей, Верховная Мать.— И обратился к мужчине, стоявшему возле люка: — Ты очень дорожишь своей шкурой, чтобы быть хорошим солдатом. Никто из моих людей не допустил бы такой ошибки.

— На борту этого корабля находятся настоящие Преподобные Черницы,— огрызнулся мужчина. Я дал клятву защищать их.

Тег скорчил гримасу и повернулся в сторону примыкающего помещения, откуда Тараза вывела свою свиту из двух Преподобных Матерей и четырех послушниц. Тег узнал одну из Преподобных Матерей: Дарви Одрейд. Он видел ее до этого только на расстоянии, но овальное лицо и красивые глаза привораживали — как похожа на Луциллу.

— Есть у нас время на взаимное представление? — задала вопрос Тараза.

— Конечно, Верховная Мать.

Тег кивнул и пожал руку каждой женщине по мере того, как Тараза их представляла.

Когда они уходили, Тег повернулся к незнакомцу в мундире.

— Всегда надо много наблюдать, учитывать,— проговорил Тег.— Иначе мы не останемся до конца людьми.

Только когда они оказались в лайтере и Тараза села рядом с ним, а ее свита поблизости, Тег задал самый главный вопрос:

— Как они вас захватили?

Лайтер резко пошел вниз к планете. Экран перед Тегом показывал, что космический корабль с клеймом Икса, повинуясь его команде, задержится на орбите до тех пор, пока они не окажутся в пределах планетарных систем обороны.

Тараза не успела ответить, как Одрейд нагнулась через проход и сказала:

— Я отменила приказание башара об уничтожении космического корабля, Верховная Мать.

Тег резко дернул головой и обдал Одрейд гневным взглядом.

— Но они захватили вас в плен и...— он сурово нахмурился.— Откуда вы знаете, что я...

— Майлс!

В голосе Таразы был подавляющий упрек. Он просто ухмыльнулся. Да, она знала его почти так же, как он себя сам... В некоторых отношениях — даже лучше.

— Они просто захватили нас, Майлс,— ответила Тараза.— Мы позволили себя захватить. Я якобы сопровождала Дар на Ракис. Мы оставили не-корабль на Узловой Станции и затребовали быстрый транспорт Космического Союза. Весь мой Совет, включая Бурзмали, сошелся на том, что эти, вторгшиеся из Рассеяния, подменят транспорт и доставят нас к тебе, рассчитывая собрать все кусочки проекта гхолы.

Тег был поражен ужасом. Вот так риск!

— Мы надеялись и знали, что ты нас освободишь,— сказала Тараза.— Бурзмали выжидал, на случай, если у тебя это не получится.

— Этот космический корабль, который вы пощадили,— сказал Тег,— призовет на помощь и нападет на нашу...

— Они не нападут на Гамму,— сказала Тараза.— На Гамму собрано много непохожих друг на друга сил Рассеяния. Они не решатся погубить столь многих.

— Я бы хотел быть уверенным не меньше тебя.

— Будь уверен, Майлс. Кроме того, есть и другие причины не разрушать космический корабль. Иксу и Союзу приходится лавировать. Это будет плохо для бизнеса, а им нужно все, что они могут получить.

— Если только более важные заказчики не предоставят им больше выгод!

— Ах, Майлс,— она проговорила задумчивым голосом.— Чего Бене Джессерит последних дней в самом деле старается достигнуть — так это более спокойного тона, уравновешенности. Ты это знаешь.

Тег согласился, что это правда, но его внимание было занято одним выражением: «Последних дней». От этих слов веяло ощущением подведения итогов перед смертью. Перед тем, как он смог задать этот вопрос, Тараза продолжила:

— Нам нравится улаживать самые накаленные конфликты, не допуская их военного разрешения. Я должна согласиться, что нам нужно благодарить Тирана за такой подход. Я предполагаю, что ты не думал о себе, как о продукте выведения Тирана, Майлс, но это так и в самом деле.

Тег принял это без комментариев. Это был фактор, влиявший на все человеческое общество. Ни один ментат не мог избежать этого как данности.

— Это качество, Майлс, и тянет к тебе в первую очередь,— сказала Тараза.— Ты можешь быть чертовски

занудливым по временам, но мы не хотели бы иметь тебя никаким другим.

По тонким откровениям в голосе и поведении Тег понял, что Тараза говорит не только для его похвалы, но эти слова также адресованы и ее свите.

— Имеешь ли ты хоть какое-нибудь понятие, какое сумасшествие слушать тебя, Майлс, когда ты выступаешь за обе стороны в споре с равной силой? Но твое сопереживание — это могучее оружие. Некоторые наши враги приходили в ужас, обнаружив, что ты противостоишь им там, где они и не думали о твоем появлении!

Улыбнувшись, Тег поглядел на женщин, сидевших через проход от него. Почему Тараза адресует такие слова этой группе?

Дарви Одрейд вроде бы отдыхала: голова откинута, глаза закрыты. Другие болтали между собой. Только Тараза была сосредоточена и внимательна. Любая послушница Бене Джессерит проходила несколько ступеней подготовки, чтобы научиться думать одновременными потоками мыслей. Он опять обратился к Таразе.

— Ты действительно ощущаешь так, как ощущает враг,— проговорила Тараза.— Вот что я имею в виду. И конечно, когда ты в этом состоянии ума, то для тебя не существует врага.

— Нет, существует, существует!

— Не понимай неправильно моих слов, Майлс. Мы никогда не сомневались в твоей верности. Но просто сверхъестественно, как ты заставляешь нас видеть то, что иначе мы увидеть не можем. Иногда бывает — ты и есть наши глаза.

Тег заметил, что Дарви Одрейд открыла глаза и посмотрела на него. Очаровательная женщина. Что-то тревожащее в ее внешности. Как и Луцилла, она напоминала ему кого-то из его прошлого. До того как Тег успел проследить эту мысль, Тараза опять заговорила.

— У гхолы тоже есть способность балансировать между противоположными силами? — спросила она.

— Он мог бы быть ментатом,— ответил Тег.

— Он и был именно ментантом в каком-то из своих воплощений, Майлс.

— Ты в самом деле хочешь пробудить его таким молодым?

— Это необходимо, Майлс, это слишком необходимо.

Основная промашка КХОАМа? Очень просто они игнорируют тот факт, что на обочинах их деятельности поджидают более крупные коммерческие силы, могущие проглотить их, как слиг заглатывает отходы. Главная угроза Рассеяния — и им, и всем нам.

Заметки Совета Бене Джессерит. Архивы XX90CH

Одрейд принимала разговор только частью сознания — их лайтер был маленьким, пассажирский отсек тесным. Она поняла, что наверняка в этом лайтере используется атмосферика для приглушения скорости при посадке, и готовилась к тряске. Пилот не станет прибегать к суспензорам ради экономии энергии.

Она использовала эти моменты, как тратила сейчас все подобное время: сосредоточиться для близкого исполнения необходимого долга. Время поджимало, ею правил особый отсчет времени. Она смотрела на календарь перед отбытием с Дома Соборов, пойманная, как часто с ней бывало, настойчивостью времени и его языка: секунды, минуты, часы, дни, недели, месяцы, годы... стандартные годы, если быть точной. Настойчивость — неподходящее определение для этого феномена. Нерушимость — вот, что больше подходило. Традиция. Никогда не трогать традицию. У нее были твердые сравнения в уме, древний поток времени, наложенный на планету, которая не шла в соответствии с примитивными человеческими часами. Недели из семи дней. Из семи! До чего же сильным остается это число. Мистическим. Оно прославлено как святыня в Оранжевой Католической библии. Господь сотворил мир за шесть дней, «и на седьмой день Он отдыхал».

«И правильно поступил! — подумала Одрейд.— Всем нам следует отдохнуть после великих трудов».

Одрейд слегка повернула голову в проход и взглянула на Тега. Он и понятия не имел, как много воспоминаний о нем она имела. Сейчас ей было понятно, как годы обошлись с этим сильным лицом — обучение гхолы истощило его силы. Этот ребенок в Оплоте Гамму, должно быть, впитывает все, как губка.

«Майлс Тег, знаешь ли ты, как мы тебя используем?» — подумала она.

Пришедшая мысль была из ослабляющих, но Одрейд, почти с вызовом позволила ей задержаться в сознании. Как легко было бы полюбить этого старика! Не как супруга,

разумеется... Но все-таки любить. Она опознала чувство, притягивающее ее к нему, на тонкой грани своих способностей Бене Джессерит. Любовь, проклятая любовь, ослабляющая любовь.

Одрейд чувствовала притяжение с самым первым, кого ей было поручено соблазнить. Забавное ощущение. За годы в Бене Джессерит она стала относиться к этому с осторожностью. Ни одна из ее прокторш не дозволяла ей такого непрошеного тепла, и в свое время она поняла причину. Но вот она была послана Разрешающим Скрещивание с приказом войти в близость с определенным индивидуумом, разрешить ему войти в нее.

Все медицинские данные были вне сознания, и она ясно видела сексуальное возбуждение своего партнера, хоть и себе дозволила его испытать. Безусловно, как раз для этого ее тщательно готовили со спарринг-мужчинами, которых Разрешающие Скрещивание отбирали и специально готовили для подобных тренировочных упражнений.

Одрейд вздохнула и, отведя взгляд от Тега, закрыла глаза, погружаясь в воспоминания. Тренировочные партнеры никогда не допускали, чтобы проявления их эмоций выходили за ту грань, где вступала самозабвенность, приковывающая людей друг к другу. Это был нужный изъян в сексуальном образовании.

Первое соблазнение, на которое она была послана,— она оказалась полностью неподготовленной к обволакивающему экстазу одновременного оргазма, к этой совместимости и сопричастности, такой же старой, как человечество... нет, старше! Мощь этого чувства могла одолеть любой разум. Выражение лица ее партнера, его сладостный поцелуй, то, как он с последней самозабвенностью отбрасывал все свои защитные барьеры, делаясь незащищенным и предельно уязвимым... Ни один спарринг-мужчина такого не делал! В отчаянии она стала цепляться за уроки Бене Джессерит. Через эти уроки она увидела суть этого мужчины на его лице. Всего лишь на мгновение она отдалась ему с равной силой, испытывая новую высоту экстаза, о достижимости которой ни один из ее учителей никогда даже не намекал. В этот момент она поняла, что произошло с леди Джессикой и остальными неудачами Бене Джессерит.

Это чувство было ЛЮБОВЬ!

Сначала она испугалась силы этого чувства. Разрешающие Скрещивания заранее знали, что так и будет, и

она спряталась за тщательный самоконтроль, воспитанный Бене Джессерит — под маской удовольствия скрыла мгновенно промелькнувшее неестественное выражение лица, пустила в ход отработанные ласки, хотя неопытность была бы натуральной, но менее эффективной.

Мужчина реагировал, как и ожидалось, глупо. Мысли о нем, как о глупце, очень помогли.

Ее второе соблазнение прошло легче. Однако, она до сих пор могла вызвать в памяти черты того, первого — иногда не без черствого чувства удивления. Иногда его лицо приходило к ней само по себе без всякой видимой причины.

О других мужчинах, с которыми ее посылали спариваться, отметки памяти были другими. Ей приходилось охотиться за своим прошлым, чтобы увидеть их. Чувственные записи пережитого с ними остались совсем неглубокими. Не то что с тем, первым!

Такова была опасная сила любви.

И посмотрите на беды, которые эта потайная сила на тысячелетия причинила Бене Джессерит. Леди Джессика с ее любовью к своему герцогу была только одним примером среди бессчетных. Любовь затмевала рассудок. Она отвращала Сестер от их обязанностей. Любовь могла быть терпима только там, где она непосредственно и явно не сбивала с пути или где она служила более великим целям Бене Джессерит.

Ее следовало избегать в других случаях.

В любом случае любовь всегда оставалась объектом беспокойной настороженности.

Одрейд открыла глаза и опять посмотрела на Тега и Тараву.

Верховная Мать перешла к другой теме. Как же раздражал по временам голос Таразы! Одрейд закрыла глаза и прислушалась к разговору, прикованная чем-то неразрывным к этим двум голосам.

— Очень немногие люди осознают насколько инфраструктура цивилизации является инфраструктурой взаимозависимости, — говорила Тарава. — Мы из этого получили хороший урок.

«Любовь, как инфраструктура взаимозависимости», — подумала Одрейд. Почему Тараза набросилась на эту тему именно сейчас? Верховная Мать редко что-то делала без серьезных мотивов.

— Инфраструктура взаимозависимости — это термин,

охватывающий все нужное для человеческой популяции, чтобы сохраниться в существующем либо увеличенном размере,— сказала Тараза.

— Меланж? — спросил Тег.

— Конечно, но большинство людей смотрит на спайс и говорит: «Как же чудесно, что мы его имеем и можем продлевать свои жизни намного дольше жизненных пределов, дарованных нашим предкам».

— При условии, что они могут себе это позволить.— В голосе Тега была небольшая подковырка, заметила Одрейд.

— До тех пор, пока никакая монопольная сила не контролирует весь рынок спайса, большинству людей он вполне по карману,— сказала Тараза.

— Я экономику усваивал с материнским молоком,— сказал Тег.— Еда, вода, годный для дыхания воздух, жилое пространство, незараженное ядами,— есть много видов денег, и ценности изменяются, когда меняются обстоятельства.

Слушая его, Одрейд чуть не кивнула, соглашаясь. Ее реакция была такой же самой. «Не переливай из пустого в порожнее, Тараза! Переходи к сути».

— Я хочу, чтобы ты четко и ясно вспомнил, чему тебя учила твоя мать,— сказала Тараза. «До него же мягок стал его голос!» И тут же резко изменившимся голосом Тараза сказала: — Водный деспотизм!

«Она хорошо сейчас сместила ударение»,— решила Одрейд.

Память выдала данные, как внезапно открытый на полную силу кран. Энергетический деспотизм: централизованный контроль за существенной энергией — водой, электричеством, топливом, лекарствами, меланжем... Служи контролирующей централизованной силе, иначе поступления энергии к тебе перекроют, и ты умрешь!

Тараза заговорила вновь:

— Есть еще одна полезная концепция, которой, я уверена, твоя мать тебя научила,— ключевое бревно.

Одрейд теперь стало очень любопытно. Тараза направляла эту беседу к чему-то важному. Ключевое бревно: в самом деле, древняя концепция, досуспензорных дней, когда лесорубы сплавляли поваленный лес вниз по рекам к центральным лесопилкам. Порой из бревен делался большой затор и призывался опытный человек, чтобы найти то единственное ключевое бревно, при удалении которого весь затор

сразу же рассасывался. Тег, она знала, обладал умозрительным знанием этого термина, но она и Тараза могли действительно призвать в свидетели Иные Памяти и увидеть, как закипает вода и летят щепки, когда устранена преграда.

— Тиран был ключевым бревном,— сказала Тараза.— Он сначала создал затор, а потом его освободил.

Лайтер резко задрожал, войдя в первые слои атмосферы Гамму. Одрейд несколько секунд чувствовала напряженность удерживающих ее ремней, потом полет судна стал более устойчивым. Разговор прервался на это время, затем Тараза продолжила:

— Кроме так называемых естественных взаимозависимостей, существуют так называемые религиозные, созданные психологически. Даже физические необходимости могут содержать такой подпольный компонент.

— Тот факт, который очень хорошо понимает Защитная Миссионерия,— сказал Тег. И опять Одрейд услышала скрытый оттенок глубокого возмущения в его голосе. Тараза тоже наверняка расслышала. Зачем она это делает? Она может ослабить Тега!

— Ах да,— сказала Тараза.— Наша Защитная Миссионерия. Люди испытывают величайшую необходимость в том, чтобы структура их собственной веры была «истинной верой». Если это приносит удовольствие или чувство безопасности и если замыкает в свою структуру веры, как же могуча взаимозависимость этого творения.

Лайтер попал в очередную воздушную яму, и Тараза опять умолкла.

— Хотелось бы мне, чтобы он воспользовался своими суспензорами! — пожаловалась Тараза.

— Он бережет топливо,— ответил Тег.— Меньше зависимости.

Тараза хихикнула.

— О да, Майлс, ты хорошо понимаешь урок. Узнаю руку твоей матери. Проклятие плотине, когда ребенок вырвался в опасном направлении.

— Ты думаешь обо мне, как о ребенке? — спросил он.

— Я думаю о тебе, как о том, у кого только что произошла непосредственная встреча с происками так называемых Преподобных Черниц, первая встреча.

«Так вот оно что»,— подумала Одрейд. И с внезапным болезненным удивлением Одрейд осознала, что разговор Таразы адресован не только Тегу, и он не так прост, этот разговор.

«Она обращается и ко мне».

— Эти Преподобные Черницы, как они себя называют,— сказала Тараза,— свели воедино культовый и сексуальный экстаз. Сомневаюсь, что они подозревали об опасности подобного единства когда-нибудь.

Одрейд открыла глаза и поглядела через проход на Верховную Мать. Устремленный на Тега взгляд Таразы был напряженным, лицо непроницаемо, вот только глаза горели, говоря Тегу, насколько необходимо его понимание.

— Опасности,— продолжала Тараза.— Огромная масса человечества имеет собственную объединенную — общечеловеческую — личность. Человечество может быть едино, тогда оно способно действовать, как один организм.

— Так говорил Тиран,— возразил Тег.

— Так Тиран нам и продемонстрировал! Он свободно манипулировал Групповой Душой. Случается, Майлс, когда выживание требует, чтобы одна душа общалась с другой. Души, ты знаешь, всегда ищут лазы во внешнее.

— Разве общение с душой устарело в наши времена? — спросил Тег. Одрейд не понравилась насмешка в его голосе, и она отметила, что эта насмешка пробудила ответный гнев в Таразе.

— Ты думаешь, я говорю о религиозных модах? — осведомилась Тараза, ее пронзительный голос был настойчиво резок.— Мы оба знаем, как можно сотворить религию! Я говорю об этих Преподобных Черницах, которые слизали у нас сверху сливки, но ничего не взяли из наших глубинных познаний. Они осмеливаются ставить в центр поклонения самих себя!

— То, чего всегда избегал Бене Джессерит,— сказал Тег.— Моя мать говорила, что те, кто поклоняются, и те, кому поклоняются, объединены верой.

— И они могут быть разъединены!

Одрейд увидела, что Тег внезапно переключился на модуль ментата: рассредоточенный взгляд, безмятежное лицо. Она теперь частично узнала, что делала Тараза. «Ментат едет по-римски — каждая нога на другом коне. Каждая нога стоит в другой реальности, пока длится его скачка поиска внутренних структур. Ему необходимо двигаться в разных реальностях к единой цели».

Тег заговорил бесцветным, задумчивым голосом ментата:

— Разделенные силы будут сражаться за превосходство.

Тараза с удовольствием, почти чувственно вздохнула, естественно выразив свою радость:

— Инфраструктура взаимозависимости,— сказала Тараза.— Эти люди Рассеяния будут контролировать разные силы, все эти силы будут отчаянно биться за лидерство. Военный офицер на космическом корабле рассказывал о Преподобных Черницах и с благоговением; и с ненавистью. Я уверена, ты расслышал это в его голосе, Майлс. Я знаю, твоя мать тебя отлично обучила.

— Расслышал,— Тег опять сосредоточил взгляд на Таразе, ловя каждое ее слово, как и Одрейд.

— Взаимозависимости,— сказала Тараза.— Как же просты они могут быть, и как сложны. Возьмем, например, зубную боль!

— Зубную боль!

Тег был выбит из своей ментатской колеи. Одрейд, наблюдавшая за ним, увидела, что именно это и требовалось Таразе. Тараза очень умело и тонко играла своим ментатом-башаром.

«И мне сейчас предстоит следить за этим и учиться»,— подумала Одрейд.

— Зубная боль,— повторила Тараза.— Простая имплантация при рождении предотвращает это проклятие для большинства человечества. И все равно мы должны чистить зубы и всячески о них заботиться. Для нас это так просто, что мы редко об этом задумываемся. Приспособления, которые мы считаем совершенно естественными составляющими нашего окружения. И все же эти приспособления, материалы, инструкторы, обучающие следить за зубами, мониторы Сакк.— все это связано во взаимосцепленное родство.

— Ментату не нужно объяснять взаимозависимости,— сказал Тег. В его голосе все еще было любопытство, но был и определенный оттенок негодования.

— Именно,— сказала Тараза.— Это природная среда для мыслительного процесса ментата.

— Но тогда зачем ты разводишь все эти разговоры?

— Ментат, просмотри известное тебе об этих Преподобных Черницах и скажи мне, в чем их изъян.

Тег сказал без колебаний:

— Они могут выжить, только если будут продолжать усиливать зависимость тех, кто им благоволит. Это тупик наркомана.

— Именно. И в чем опасность?

— Они могут увлечь в свое падение слишком большую часть человечества.

— В этом была проблема Тирана, Майлс. Я уверена, он это понимал. Теперь слушай меня с огромным вниманием. И ты тоже, Дар,— Тараза поглядела через проход и встретилась взглядом с Одрейд.— Оба слушайте меня. Мы, люди Бене Джессерит, сплавляем в людской поток очень могущественные... стихии. Они могут образовать затор. Это безусловно принесет большой урон, и мы...

Опять лайтер попал в полосу тяжелой тряски в воздушных ямах. Разговаривать было невозможно, пока они цеплялись за сиденья и прислушивались к рокоту и потрескиванию около них. Когда эта помеха прошла, Тараза опять заговорила:

— Если мы выживем в этой проклятой машине и высадимся на Тамму, ты должен потолковать с Дар наедине, Майлс. Ты видел «Манифест Атридесов». Она расскажет тебе о нем и подготовит тебя. Это все.

Тег повернулся и посмотрел на Одрейд. Вновь что-то смутно зашевелилось в его памяти при виде этого лица: необыкновенное сходство с Луциллой — и что-то еще. Он отодвинул это в сторону, «Манифест Атридесов?» Он читал его, потому что указание прочесть его было среди прочих инструкций, которые ему дала Тараза. «Подготовить меня? К чему?»

Одрейд заметила вопросительный взгляд Тега. Теперь она поняла мотивы Таразы. Распоряжения Верховной Матери обрели новый смысл, как и слова самого Манифеста.

«Точно так, как мироздание было сотворено при участии сознания, человек-провидец доводит эту творческую способность до ее крайнего предела. В этом и есть непонятная сила атридесовского бастарда, сила, которую он передал своему сыну — Тирану».

Одрейд знала эти слова назубок — так, как их может знать только автор, но они возвратились к ней теперь, словно она прежде не встречалась с ними.

«Черт тебя возьми, Тар! — подумала Одрейд.— А что если ты не права?»

На квантовом уровне мироздание можно рассматривать как неустоявшееся место, статистически предсказуемое только тогда, когда задействованы очень большие числа. Между таким мирозданием и сравнительно предсказуемым, где движение единичной планеты может быть узнано с точностью до пикосекунды, вступают в игру другие силы. Поскольку этот внутримежду космос нашего повседневного обитания ПО ВАШЕМУ ГЛУБОКОМУ УБЕЖДЕНИЮ есть главная сила. Ваши верования выстраивают в систему происходящие повседневные события. Если верующих набирается слишком много, то наша вера может сделать реальностью существование чего-то нового. Структуры веры делают фильтр, через который процеживается хаос, становясь порядком.

Анализы Тирана. Досье Таразы. Архивы Бене Джессерит

Мысли Тега были в смятении, когда он возвратился на Гамму с космического корабля. Он шагнул из лайтера на опаленную дочерна кромку закрытого посадочного поля Оплота и поглядел вокруг так, словно видел все это впервые. Почти полдень. Так мало времени прошло, и многое изменилось.

До каких пределов дойдет Бене Джессерит в преподнесении существенного урока, размышлял он. Тараза выбила его из привычных процессов работы в ментатском модуле. Он чувствовал, что весь инцидент на корабле Союза был разыгран специально для него. Он был сбит с предсказуемого курса. Какой же странной мерещилась ему Гамма, когда он двигался по охраняемой полосе к выходам.

Тег повидал много планет, изучил не только их обычаи, но и отпечаток, накладываемый обычаями на их обитателей. Некоторые планеты имели большое желтое солнце, которое низко висело над ними и делало все живое теплым, развивающимся, растущим. Несколько планет владели маленькими мерцающими солнцами, висящими высоко в темном небе, и их свет затрагивал эти планеты очень мало. Вариации существовали внутри и даже вне этого размаха. Гамму была желто-зеленым вариантом, с днем в тридцать один стандартный час и двадцать семь стандартных минут, продолжительностью года в два и шесть десятых стандартного года. Тег считал, что знает Гамму.

Когда Харконненам пришлось ее покинуть, на ней

высадились колонисты, отпавшие от Данианской группы уходивших в Рассеяние, и назвали эту планету во время грандиозной переписи звездных карт в честь Гурни Хэллека. В те дни эти колонисты назывались не данианцами, а каледанцами,— но ведь известно, что искажаются названия, проходя через тысячелетия.

Тег помедлил у защитных отвалов входа, уводившего с поля вниз под Оплот. Тараза и ее свита двигались позади него. Он видел, как Тараза напряженно разговаривала с Одрейд.

«Манифест Атридесов»,— подумал он.

Даже на Гамму мало кто признавался в происхождении от Харконненов или от Атридесов, хотя генотипы были видны повсюду — особенно доминировал генотип Атридесов: длинные заостренные носы, высокие лбы и чувственные рты. Часто эти кусочки встречались порознь — рот на одном лице, буравящие глаза на другом, и так в бесконечных смещениях. Иногда, один человек мог иметь все признаки, и тогда можно было видеть гордость, внутреннее осознание: «Я — ОДИН ИЗ НИХ!».

Улицы Гамму учитывали и уважали это, но немногие решались провозглашать.

Подо всем этим лежало наследство, оставленное Харконненами,— генетические линии, которые прослеживаются до самой зари человечества, до времен греков, парфян и мамелюков — тени древней истории, которые немногие, кроме профессиональных историков, подготовленных Бене Джессерит, знали даже по названиям.

Тараза и ее сопровождение поравнялись с Тегом. Он услышал, как она говорила Одрейд:

— Ты должна все это рассказать Майлсу.

Да, конечно, она ему расскажет. Он повернулся и направился мимо внутренних охранников к длинному коридору под дзотами в собственно Оплот.

«Черт возьми этих Бене Джессерит! — подумал он.— Что они на самом деле делают на Гамму?»

Множество знаков присутствия Бене Джессерит было на этой планете: обратное скрещивание, закрепляющее селекционные свойства; эта работа то и дело проступала явной подчеркнутостью соблазнительных женских глаз.

Тег ответил на салют капитанши охраны, даже не оглянувшись. «Да, глаза». Он отметил это вскоре после своего прибытия в Оплот и слишком наглядно — во время своей инспекционной поездки по планете. Он видел это часто и

припомнил то, что много раз говорил Патрин: «Трудно обольстить такие глаза, как у тебя, башар-гаммутянин!»

«Немногие уделяют должное внимание важности глаз в вопросах соблазнения»,— считал Тег. Нужна закалка Бене Джессерит, чтобы это углядеть. Большие груди у женщин, крепкие чресла у мужчин, подобранные мускулистые ягодицы — все это, естественно, важно в сексуальных спариваниях. Но без глаз все остальное нисколько не стоит. Глаза — это самая суть. Он уже давно постиг, что глаза нужного типа способны так затянуть, что ты в них просто тонешь и уже не осознаешь, что происходит, пока напрягшееся влагалище не стиснет пенис.

Он обратил внимание на красивые глаза Луциллы после их прибытия на Гамму и стал очень осторожен. Нет сомнения в том, как Орден использует ее таланты.

А вот и Луцилла, ждущая в центральной палате досмотра. Она очень быстрым жестом показала, что с тхолой все в порядке. Тег расслабился и еще раз отметил, как Луцилла и Одрейд похожи лицами, несмотря на разницу в возрасте. Отличие — в их телосложении: Луцилла выглядела поплотнее на фоне гибких форм Одрейд.

Капитанша охраны с маслеными глазами подошла к Тегу и наклонилась вплотную к нему.

— Шванги только что узнала, кого ты привез с собой,— сказала она, кивая на Таразу.— Ага, она уже здесь.

Шванги вышла из шахты лифта и направилась к Таразе, метнув лишь один гневный взгляд на Тега.

«Тараза хотела увидеть тебя,— размышлял он.— Мы все знаем почему».

— Судя по тебе, ты не особенно счастлива меня видеть,— сказала Тараза, обернувшись к Шванги.

— Я УДИВЛЕНА, Верховная Мать,— сказала Шванги.— Я и понятия не имела.— Она опять со жгучей злобой взглянула на Тега.

Одрейд и Луцилла продолжали осматривать друг друга.

— Я, конечно, слышала об этом,— сказала Одрейд.— Но все равно просто ошарашивает, когда в лице другой отражаешься сама.

— Я предостерегала тебя,— сказала Тараза.

— Каковы твои распоряжения? — спросила Шванги.

Это было самым близким, поскольку она могла осведомиться о цели визита Таразы.

— Я хотела бы побеседовать наедине с Луциллой,— ответила Тараза.

— У меня готовы для тебя богатые покои,— предложила Шванги.

— Не хлопочи,— сказала Тараза.— Я не останусь. Майлс уже организовал мой транспорт. Долг требует от меня быть на Доме Соборов, мы с Луциллой пройдем во внутренний дворик,— Тараза поднесла палец к щеке.— Да, и я бы хотела несколько последить за Гхолой. Уверена, Луцилла способна это устроить.

— Он хорошо справляется с возрастающей нагрузкой своих занятий,— сказала Луцилла, когда она и Тараза двинулись к шахте лифта.

Тег перенес внимание на Одрейд. Когда его глаза скользнули по лицу Шванги, он отметил ее раздражение, которое она и не старалась скрывать.

«Была ли Луцилла сестрой или дочерью Одрейд?» — задумался Тег. Ему внезапно пришло в голову, что таким сходством Бене Джессерит преследовал какие-то цели. Да, конечно! Луцилла — Геноносительница!

Справившись со своим раздражением, Шванги с любопытством поглядела на Одрейд.

— Я как раз собиралась сесть за обед, Сестра,— сказала Шванги.— Не желаешь ли присоединиться ко мне?

— Я должна перемолвиться словечком с башаром наедине,— ответила Одрейд.— Если все в порядке, то нам можно ведь будет поговорить здесь? Гхола не должен меня видеть.

Шванги насупилась, не стараясь больше скрывать свое разочарование в Одрейд. Эти, на Доме Соборов, хранят верность своей стороне. Ни одна... никому! Не удалить ее с командного поста, дающего возможность наблюдать. Оппозиция имеет свои права!

Ее мысли были ясны даже Тегу. Он отметил, как холодно выпрямилась Шванги, когда их покидала.

— Плоко, когда Сестра идет против Сестры,— промолвила Одрейд.

Тег подал капитанше охраны знак оставить помещение. Одрейд ведь сказала: НАЕДИНЕ, ЗНАЧИТ, ОСТАЕМСЯ НАЕДИНЕ. Одрейд он сказал:

— Это одна из моих зон. Здесь за нами не могут проследить ни шпионы, ни какие-либо технические средства.

— Я так и думала,— произнесла в ответ Одрейд.

— Но там у нас есть служебная комната,— Тег кивнул

налево.— Мебель, даже песьи кресла, если ты предпочитаешь.

— Терпеть не могу этих песьих кресел, пытающихся подладиться под твою форму,— сказала она.— Не можем ли мы поговорить здесь? — она взяла Тега за руку.— Может, мы немного пройдемся. У меня все онемело от сидения в этом лайтере.

— Что тебе предписано мне рассказать? — спросил он, когда они двинулись.

— Мои жизни-памяти не являются выборочно отфильтрованными,— отметила она.— Я владею ими всеми — конечно, лишь по женской линии.

— Вот как? — Тег поджал губы. Это было не то вступление, которого он ожидал. Одрейд теперь похожа на ту, что берет быка за рога.

— Тараза говорит, ты прочел «Манифест Атридесов». Хорошо. Ты знаешь, что это вызвало растерянность, большую растерянность во многих местах.

— Шванги уже обратила его в средство борьбы против вас, Атридесов.

Одрейд торжественно и серьезно на него взглянула. Как сообщали все доклады, Тег оставался сильной фигурой, но она знала это и без докладов.

— Мы оба Атридесы, ты и я,— сказала Одрейд.

Тег стал весь внимание.

— Твоя мать объяснила это тебе во всех подробностях,— сказала Одрейд,— когда ты вернулся на Лернаус, домой, на свои первые школьные каникулы.

Тег остановился и поглядел на нее. Откуда ей это известно? Насколько он знал, он раньше не встречал некую далекую Дарви Одрейд и не беседовал с ней. Может, о нем были особые разговоры на Доме Соборов? Он промолчал, заставляя Одрейд самой поддерживать разговор.

— Я перескажу тебе беседу между мужчиной и моей матерью по рождению,— сказала Одрейд.— Они — в постели, мужчина говорит: «Я породил нескольких детей, когда впервые сбежал из тесных уз Бене Джессерит, считая себя в то время независимым, вольным по собственному выбору поступать на службу и воевать где угодно».

Тег и не пытался скрыть удивления. Его собственные слова! Память ментата подсказала, что Одрейд произнесла их с точностью механического записывающего устройства. Даже интонация!

— Еще? — спросила она, так как он продолжал неот-

рывно на нее смотреть.— Отлично. Мужчина говорит: «Это было, конечно, до того, как меня отправили в школу ментатов. Как же это мне открыло глаза! Я никогда ни на секунду не был вне пределов видимости Ордена! Я никогда не был свободным».

— Даже когда я говорил те слова,— сказал Тег.

— Верно,— держа его под руку, она стиснула его локоть, увлекая дальше по залу.— Все дети, отцом которых ты был, принадлежали Бене Джессерит. Орден не желает, чтобы наш генотип использовался так, как угодно случаю.

— Пусть мое тело хоть к Шайтану попадет, но их драгоценный генотип останется на попечении Ордена,— заявил он.

— На моем попечении,— сказала Одрейд.— Одна из твоих дочерей — это я.

Он снова заставил Одрейд остановиться.

— Я думаю, ты знаешь, кто моя мать,— сказала она. Она подняла руку, призывая его к молчанию, когда он попытался ответить.— Называть имена не стоит.

Тег внимательно разглядывал лицо Одрейд, узнавая знакомые черты. Сильнейшее сходство между матерью и дочерью, но кто же тогда Луцилла?

Словно услышав его вопрос, Одрейд сказала:

— Луцилла из параллельной линии выведения. Просто замечательно, чего можно добиться, если правильно провести скрещивание!

Тег откашлялся. Он не чувствовал эмоциональной привязанности к этой заново обретенной дочери. Ее слова и другие важные сигналы поведения — вот что ждало первоочередного внимания.

— Это не пустой разговор,— сказал он.— Это все, что ты должна мне открыть? Но... Верховная Мать сказала...

— Есть и кое-что еще,— проговорила Одрейд.— Манифест. И я — его автор. Я работала над ним по распоряжению Таразы и следовала ее подробным инструкциям.

Тег окинул взглядом огромное помещение, удостоверяясь, что их никто не подслушивает. Он проговорил, понизив голос:

— Тлейлаксанцы распространяют его везде, где только могут.

— Именно на это мы и надеялись.

— Зачем ты мне все рассказываешь? Тараза сказала, что ты должна будешь подготовить меня к...

— Придет время, когда ты узнаешь нашу цель. Желание Тараза — с этого времени ты принимаешь собственные решения и, без сомнения, делаешься свободным в своих действиях.

Еще не замолчав, Одрейд заметила стеклянный блеск ментата в его глазах.

Тег вздохнул. «Взаимозависимости и ключевые бревна!» Чутьем ментата он уловил модель большого размера, уже за пределами накопленных им данных. Он и на секунду не мог поверить, что Одрейд пошла на откровенность из-за какой-то кровной привязанности. В ней была фундаментальная, догматичная и ритуальная сущность, воспитанная тренировками Бене Джессерит. Одрейд, дочь из его прошлого, была полной Преподобной Матерью с грандиозными силами мышечного и нервного контроля и полная жизнями-памятями по женской линии! Она была одной из особенных! Она знала такие уловки жестокости, о которых лишь немногие когда-либо вообще подозревали. Конечно, это сходство, эта сущность оставались, а ментат всегда такое видит. Что ей нужно?

«Подтверждение моего отцовства? У нее, безусловно, уже есть все подтверждения, которые она только может иметь».

Наблюдая сейчас, как Одрейд терпеливо ждет, когда его мысли придут к какому-нибудь решению, Тег вспомнил, что часто и вполне правдиво говорилось, что Преподобные Матери больше уже не члены человеческой расы, они движутся где-то вне главного течения, может, параллельно к нему, может быть, периодически ныряя в него ради собственных целей, но они навсегда отстранены от человечества. Они самоотстранились. Это опознавательный знак Преподобной Матери — ощущение сверхличности, которое делает их ближе к давно умершему Тирану, чем к тому человеческому стаду, из которого они произошли.

Манипулирование. Вот их примета. Манипулирование всем и вся.

— Я должен стать глазами Бене Джессерит,— сказал Тег.— Тараза хочет, чтобы я решил за всех вас.

Явно довольная Одрейд стиснула его руку.

— Отец! Какой же ты у меня!..

— У тебя действительно есть отец? — спросил он и пересказал ей то, что подумал сейчас о Бене Джессерит, о том, как они устранились из человеческого общества?

— Вне человечества,— сказала она.— До чего же

занятная идея. А навигаторы Союза тоже вне своего исходного человеческого?

Он подумал над этим. Навигаторы Союза имели сильные различия с человечеством в его обычной форме. Рожденные в космосе, проводящие свои жизни в чанах меланжевого газа, искажающих исходную форму, они вытягиваются, у них перестраиваются конечности и внутренние органы. Но молодой навигатор, будучи в этрусе и до погружения в чан, способен скрещиваться с обычной женщиной. Это уже демонстрировалось. Они становились нелюдьми, но не так, как Бене Джессерит.

— Навигаторы не родня вам по мышлению,— сказал он.— Они думают по-человечески. Проведение корабля сквозь космос, даже владение ясновидением для прозрения безопасного пути — все равно модель их мышления такая, что ее может воспринять человек.

— Ты не принимаешь нашу модель?

— Принимаю, насколько могу, но где-то в вашем развитии вы вышли за пределы исходной человеческой модели. Думаю, вы даже можете очень хорошо представлять проявления совести, чтобы казаться людьми. Вот и ты сейчас так держишь меня под руку, как будто ты и в самом деле моя дочь.

— Я твоя дочь, но я не понимаю, почему ты так мало думаешь о нас.

— Совсем наоборот, я стою перед тобой в благоговении.

— Перед своей собственной дочерью?

— Перед любой Преподобной Матерью.

— Значит, мы существуем лишь для того, чтобы манипулировать меньшими творениями?

— По-моему, вы больше по-настоящему не чувствуете себя людьми. Есть в вас какой-то пробел, нехватка чего-то, что-то устранено. Вы теперь не из нас.

— Спасибо,— сказала Одрейд.— Тараза говорила мне, что ты не заколеблешься говорить правдиво, но я и сама знала это.

— К чему вы меня приготовили?

— Ты узнаешь, когда это случится... вот и все, что я могу сказать... И все, что мне разрешено сказать.

«Опять манипулирование,— подумал он.— Черт их возьми!»

Одрейд хмыкнула. Она собиралась еще что-то сказать, но промолчала и пошла с Тегом в обратный путь.

Хотя она и заранее знала, что наверняка скажет Тег, его слова ее ранили. Она хотела сказать ему, что она — одна из тех, кто до сих пор чувствует себя человеком, но с его суждением об Ордене нельзя не считаться.

«Мы приучены отвергать любовь. Мы можем изобразить ее, но каждая из нас способна закончить представление в любой момент».

Сзади них раздались какие-то звуки. Они остановились и обернулись. Луцилла и Тараза выходили из шахты лифта, небрежно обсуждая свои наблюдения за гхолой.

— Ты абсолютно права, обращаясь с ним, как с одной из нас,— сказала Тараза.

Тег слышал, но не делал своих выводов, пока они ждали приближения двух женщин.

«Он знает,— подумала Одрейд.— Он не спросил меня о моей матери по рождению. Там не было уз, не было простого кодирования. Да, он знает».

Одрейд закрыла глаза, и память с поразительной силой воспроизвела перед ней живописное полотно. Эта картина висела на стене утренней комнаты Таразы. Благодаря мастерству икшианцев, прекрасная герметичная рама и покрытие из невидимого глазу плаза полностью сохраняли картину. Одрейд часто задерживалась перед картиной, каждый раз с ощущением, что, стóит лишь протянуть руку — и действительно коснешься древнего холста, столь хитроумно сохраненного икшианцами.

«Домики в Кордевилле». Это название, данное картине художником, как и имя художника, сохранилось на начищенной табличке: Винсент Ван Гог.

Эта вещь была датирована временем столь древним, от которого лишь редкие остатки — такие, как эта картина,— уцелели, донося физическое восприятие о тех эпохах. Прежде она старалась вообразить путешествия, совершенные этой картиной, ту цепь случайностей, которые привели ее, неповрежденной, в комнату Таразы.

При реставрации и консервации картины икшианцы проявили себя во всем блеске. Зритель мог прикоснуться к темному пятну в нижнем левом углу рамы. И немедленно до глубины души поражала истинная гениальность еще и икшианца, отреставрировавшего и спасшего гениальную работу. Имя этого икшианца было на раме: Мартин Буро. Это пятнышко, едва его коснешься пальцем, делается проекцией чувств — блаженство побега от той технологии, что сделала и Икшианскую Пробу. Буро восстановил не

только картину, но и душу художника — зритель, приложивший палец, познавал, с каким чувством наносил Ван Гог каждый мазок. Все было поймано в этих мазках кисти, запечатлено при помощи человеческих движений.

Одрейд так часто, полностью поглощенная, простаивала перед этой картиной, что у нее возникало чувство, будто она могла бы сама ее заново воспроизвести.

Сейчас, на фоне обвинений Тега, Одрейд припомнила, что она испытывала перед картиной, и сразу же поняла, почему память воспроизвела этот образ, почему картина до сих пор ее очаровывала. На короткое время она всегда осознавала себя полностью человеческой, ощущала домики, как места обитания настоящих людей, чувствовала всю полноту живой цепи человечества, которое остановилось перед личностью сумасшедшего Винсента Ван Гога, остановилось, чтобы запечатлеть себя.

Тараза и Луцилла остановились приблизительно в двух шагах от Тега и Одрейд. От Таразы попахивало чесноком.

— Мы чуть задержались, чтоб перекусить,— сказала Тараза.— Вы ничего не хотите?

Это был самый что ни на есть ненужный вопрос. Одрейд высвободила руку из руки Тега. Она быстро повернулась и вытерла глаза манжеткой. Опять поглядев на Тега, она заметила удивление на его лице. «Да-да,— подумала она,— эти слезы настоящие!»

— Мне думается, мы здесь сделали все, что могли,— сказала Тараза.— Тебе пора двигаться на Ракис, Дар.

— Пора-пора, конечно,— ответила Одрейд.

Жизнь не может найти разумных доводов для подкрепления тому, может быть источником пристойного взаимоуважения, если каждый из нас не полон решимости вдохнуть в нее необходимые качества.

Ченоэ: «Беседы с Лито II»

Харкедли Туек, Верховный Жрец Разделенного Бога, пылал от все возраставшего гнева на Стироса. Стирос, сам слишком старый, чтобы надеяться занять скамью Верховного Жреца, имел сыновей, внуков, многочисленных племянников, и перенес свои личные амбиции на семью. Циничный человек этот Стирос. Он представлял могуще-

ственное направление в жречестве, так называемое «научное сообщество», влияние которого было лукаво и навязчиво. Их отклонения опасны, близки к ереси и вредны.

Туек напомнил себе, что не раз уже бывали прискорбные и несчастные случаи — Верховный Жрец находился в пустыне. Стироса и его единомышленников хватит на то, чтобы сотворить подобный несчастный случай.

В Кине был полдень. Стирос только что ушел в сильном расстройстве. Стирос хотел, чтобы Туек отправился в пустыню и лично понаблюдал там за очередной вылазкой Шианы. Питая подозрение насчет этого приглашения, Туек его отклонил.

Последовал странный спор, состоящий из едких намеков, смутных ссылок на поведение Шианы и словесных нападок на Бене Джессерит. Стирос, всегда полный подозрений насчет Ордена, сразу же невзлюбил новую настоятельницу Оплота Бене Джессерит на Ракисе, эту... как же ее звать? Ах да, Одрейд. Странное имя, но ведь Сестры нередко принимают странные имена. Такова их привилегия. Сам Бог никогда не выступал против благодетельной основы Бене Джессерит. Против отдельных Сестер — да, но ведь Орден в целом был сопричастен к Святому видению Божью.

Туек не любил, как Стирос говорит о Шиане. Туек, в конце концов, цинично заставил Стироса остыть, заговорив с ним так, как подобает говорить в Святая Святых пред высоким алтарем и образами Разделенного Бога. Призматические передатчики лучей отбрасывали тонкие клинья яркого света сквозь блуждающий аромат тлеющего меланжа на двойную линию высоких колонн, ведущих к алтарю. Туек предполагал, что сказанное в такой обстановке восходит непосредственно к Богу.

— Господь действует через нашу нынешнюю Сиону, — сказал Туек Стиросу и заметил смятение на лице старого советника. — Шиана — это живое воплощение Сионы, того человеческого инструмента, что содействовал переводу Его в Разделение.

Стирос впал в ярость, наговорив такого, что не осмелился бы повторить перед полным Советом. Он очень уж полагался на свои давние отношения с Туеком.

— Говорю тебе, она окружена взрослыми, которые намерены присягнуть ей и...

— И Богу! — Туек не мог позволить такому слову быть пропущенным.

Стирос проскрежетал, наклонясь почти вплотную к Верховному Жрецу:

— Она в центре образовательной системы, доставляющей все, чего ни захочет ее воображение, мы не отказываем ей ни в чем!

— Нам и не следует!

Словно Туек ничего и не сказал, Стирос заявил:

— Я там снабдил ее записями из Дар-эс-Балата!

— «Я — Книга Судьбы»,— нараспев процитировал Туек собственные слова Бога из хранилища в Дар-эс-Балате.

— Именно! И она прислушивается к каждому слову!

— Почему это тебя тревожит?— самым безмятежным тоном осведомился Туек?

— Мы не проверяем ее знания, она проверяет наши!

— Значит, Господь этого желает.

Туек ждал, пока старый советник, на лице которого отразился лютый гнев, выдвинет новые доводы. Возможности для таких доводов были, безусловно, огромные. Туек этого и не отрицал. Все дело в том, как что истолковывать. Вот почему объяснение всегда должно принадлежать исключительно Верховному Жрецу. Несмотря на их взгляд на историю (а может быть, из-за), жречество знало много о том, как Бог обосновался на Ракисе. Они обладали самим Дар-эс-Балатом со всем содержимым — самой ранней из всех известных не-палат. Тысячелетиями, пока Шаи-Хулуд превращал зеленевшую планету Арракис в пустыню Ракис, Дар-эс-Балат ждал под песками. Из этого святого хранилища жречество получило собственный голос Бога, Его отпечатанные слова и даже его голографические изображения. Они уверены, что пустынная поверхность Ракиса воспроизводит первоначальный облик планеты — самое начало,— когда она была одним-единственным известным источником святого спайса.

— Она спрашивает о семье Бога,— сказал Стирос.— С чего бы ей спрашивать о...

— Она экзаменует нас. Представляем ли мы Им Их надлежащие места? От Преподобной Матери Джессики к ее сыну Муад Дибу и к его сыну Лито II— святая Троица небесная.

— Лито III,— пробормотал Стирос.— Как по поводу того Лито, что умер от рук сардаукаров? Как насчет него?

— Осторожнее, Стирос,— предостерег Туек.— Ты

знаешь, чтó мой прапрадед провозгласил в ответ на этот вопрос с этой самой скамьи. Наш Разделенный Бог — воплощенная часть и Его, пребывающего на небесах, стал посредником земной власти. Эта часть его осталась безымянной и всегда должна быть Истинная Суть Бога!

— Ну да?

Туек расслышал страшный цинизм в голосе старика. Слова Стироса как будто дрожали в дышащем ароматами воздухе, требуя сурового возмездия.

— Тогда почему она интересуется, как Лито превратился в Разделенного Бога? — спросил Стирос.

Сомневается ли Стирос в святой метаморфозе? Туек пришел в ужас. Он сказал:

— В свое время она нас просветит.

— Наши объяснения наполнят ее разочарованием,— съязвил Стирос.

— Ты заходишь слишком далеко, Стирос!

— Да неужели? Ты не находишь просвещающим то, что она спрашивает, как это песчаная форель поглотила бóльшую часть вод Ракиса и заново воздвигла пустыню?

Туек постарался скрыть нараставший гнев. Стирос и в самом деле представлял опасное направление в жречестве, но его тон и слова поднимали вопросы, на которые Верховным Жрецом был дан ответ давным-давно. Метаморфоза Лито II породила бессчетную песчаную форель, каждая была наделена частицей Его. От песчаной форели к Разделенному Богу — известная последовательность, которой поклоняются. Сомневаться в ней — отрицать Бога.

— Ты сидишь здесь и ничего не делаешь! — обвинил Стирос, — мы пешки в...

— Довольно! — Туек достаточно наслушался цинизма этого старика. Со всем подчеркнутым достоинством своего сана Туек повторил слова Бога: — «Твой Владыка очень хорошо знает, что у тебя на сердце. Достаточно заглянуть к себе в душу, чтобы она выступила против тебя обвинительницей. Мне нет надобности в свидетелях. Ты не прислушиваешься к своей душе, но прислушиваешься вместо этого к своим гневу и ярости».

Стирос удалился в испуге и смятении.

В тягостном размышлении Туек надел самое подходящее парадное облачение — белое, с золотом и пурпурным — и отправился навестить Шиану.

Шиана была в саду на крыше центрального жреческого

комплекса, вместе с Канией и еще двумя — молодой жрицей по имени Балдик, личной служанкой Туека, и жрицей-послушницей по имени Кипуна, которая, по мнению Туека, вела себя, очень уж подражая Преподобным Матерям. Орден имеет здесь, конечно, шпионов, то Туеку не нравилось, когда это бросалось в глаза. Кипуна занималась в основном физической подготовкой Шианы, и между девочкой и жрицей-послушницей установилось взаимопонимание, возбуждавшее ревность Кании. Однако даже Каниа не могла перечить приказаниям Шианы.

Все четверо стояли рядом с каменной скамьей, почти в тени вентиляционной башни. Кипуна взяла правую руку Шианы и стала двигать ее пальцы. Шиана все подрастает, отметил Туек. Уже шесть лет она была на его попечении. Он разглядел как под ее одеянием проступают маленькие, едва развившиеся груди. Не было ни ветерка на крыше, и воздух тяжело входил в легкие Туека.

Туек оглядел сад — лишний раз убедиться в прилежном исполнении его распоряжения о мерах безопасности. Никогда не знаешь, откуда придет опасность. Четверо из личной охраны Туека, хорошо вооруженные, но скрывавшие оружие, располагались по четырем углам крыши. Парапет, окружавший сад, был высоким, как раз чтобы высовывались лишь головы охранников. Значительно более высоким сооружением, чем эта жреческая башня, была первая ветроловушка Кина, около тысячи метров к западу.

Хотя все и свидетельствовало, что его приказы о мерах безопасности выполняются, Туек почувствовал опасность. Не Бог ли его предостерегает? Мысли Туека до сих пор бередил цинизм Стироса. Правильно ли давать Стиросу так много воли?

Шиана увидела приближающегося Туека и прервала странное упражнение по разработке пальцев, которое она исполняла под руководством Кипуны. С видом всепонимающего терпения девочка застыла молча и устремила взгляд на Верховного Жреца, заставив своих спутниц посмотреть туда же, куда и она.

Для Шианы Туек не был кем-то, внушавшим страх. Она, скорее, даже любила старика, несмотря на то, что некоторые его вопросы были слишком путаными. А его ответы! По полной случайности она открыла тот вопрос, который очень досаждал Туеку: «Почему?»

Некоторые из присутствовавших жрецов посчитали этот вопрос как: «Почему вы в это верите?»

Шиана немедленно ухватилась за такое толкование, и впоследствии ее пробы Туека и других приобрели неизменную форму: «Почему в это верят?»

Туек остановился приблизительно в двух шагах от Шианы и поклонился.

— Доброе утро, Шиана,— он нервно дергал шеей над воротником своего облачения. Солнце припекало плечи, и он подивился, почему девочка так любит приходить сюда.

Шиана неотрывно смотрела на Туека испытующим взглядом. Она знала, что этот взгляд смущает его.

Туек откашлялся. Когда Шиана вот так глядела на него, он всегда гадал: «Не Бог ли это смотрит на меня ее глазами?»

Заговорила Каниа:

— Шиана сегодня спрашивает про Рыбословш.

Самым елейным голосом Туек ответил:

— Собственная Святая Армия Бога.

— Вся армия из женщин? — спросила Шиана. Она произносила слова так, будто не могла в них поверить. Для тех, кто находился в самом низу ракианского общества, Рыбословши были названием из древней истории, развеянным во Времена Голода.

«Она испытывает меня»,— подумал Туек. Рыбословши. Современные носительницы этого названия — всего лишь небольшая торгово-шпионская делегация на Ракисе, состоящая из мужчин и женщин. Их древние корни не имели никакого значения для нынешней деятельности, руководимой в основном Иксом.

— В армии Рыбословш всегда были советники-мужчины,— сказал Туек. Он зорко приглядывался, как отреагирует на это Шиана.

— И еще всегда были Данканы Айдахо,— сказала Каниа.

— Да-да, конечно, Данканы Айдахо,— Туек постарался не выдать своего недовольства. Всегда эта женщина суется! Туеку не нравилось, когда ему говорили об этом аспекте исторического присутствия Бога на Ракисе. Возобновляемые гхолы и их положение в Святой Армии — это некая индульгенция Бене Тлейлаксу. Но нельзя уйти от факта, что Рыбословши охраняли Данканов от любого вреда. Они действовали по приказанию Бога. Данканы были святыми, нет в этом сомнения, но святыми особого рода. Бог сам повествует, что лично убил нескольких Данканов, когда переправлял их прямо в рай.

— Кипуна рассказывала мне о Бене Джессерит,— проговорила Шиана.

Ум этой девочки в ужасных метаниях!

Туек откашлялся, сознавая свое собственное противоречивое отношение к Преподобным Матерям. Почтение требовалось к тем, которые были «возлюбленными Бога», таким, как святая Ченоэ или святая Хви Нори, Невеста Божья — тайная Преподобная Мать. Почитая эти обстоятельства, жречество испытывало излишне угнетающую ответственность перед Бене Джессерит, которая материально выражалась в основном в продаже Ордену меланжа по смехотворно низким ценам в сравнении с теми, что заламывал Тлейлакс. Шиана самым простодушным голосом промолвила:

— Расскажи мне о Бене Джессерит, Хедли.

Туек кинул резкий взгляд на взрослых вокруг Шианы, не улыбнулся ли кто? Он не знал, как относиться к тому, что Шиана называет его по имени. С одной стороны, это было унизительно, с другой — она оказывала ему почет личным к нему обращением.

«Бог тяжко меня испытывает»,— думал он.

— Преподобные Матери — хорошие люди? — задала Шиана вопрос.

Туек вздохнул. Все отчеты говорили, что Бог сохранял осторожность насчет Ордена. Слова Бога тщательно изучались и были в конце концов вверены истолкованию Верховного Жреца. Бог не допустит, чтобы Орден угрожал его Золотой Тропе.

— Многие из них — хорошие,— сказал Туек.

— А где ближайшая Преподобная Мать? — спросила Шиана.

— В посольстве Ордена, здесь, в Кине,— ответил Туек.

— Ты ее знаешь?

Туек не ответил на вопрос, а проговорил:

— Много Преподобных Матерей в Оплоте Бене Джессерит.

— Что такое Оплот?

— Это то, что считается их домом здесь.

— Какая-то одна Преподобная Мать должна быть старшей. Туек, ты знаешь, какая из них?

— Я знал ее предшественницу, Тамалан, но эта — новенькая. Она недавно прибыла. Ее зовут Одрейд.

— Какое смешное имя.

Туек и сам так думал, но вслух произнес:

— Один из историков говорил мне, что это видоизменение имени Атридес.

Шиана задумалась. Атридесы. Это была семья, из которой произошел на свет Шайтан. До Атридесов здесь были только Свободные и Шаи-Хулуд. Устная История, которую народ хранил, несмотря на все запреты жречества, содержала перечень родословных самых значительных семей Ракиса. В деревне Шианы не раз произносили эти имена.

«Муад Диб родил Тирана. А Тиран родил Шайтана».

Шиане не хотелось спорить и доказывать правду Туеку. Да и вид у него сейчас усталый. Она просто сказала:

— Приведи мне эту Преподобную Мать Одрейд.

Кипуна подняла руку ко рту — скрыть торжествующую злорадную улыбку.

Туек отпрянул, полный ужаса. Как мог он повиноваться такому требованию? Даже ракианское жречество не может повелевать Бене Джессерит! А что если Орден ему откажет? Может ли он предложить дар меланжа? Это могло бы стать признаком слабости! Преподобные Матери могли начать торговаться! На свете тяжело отыскать более прижимистых торгашей, чем холодноглазые Преподобные Матери Ордена. Эта новенькая, Одрейд, казалась как раз одной из худших.

Все эти мысли промелькнули в уме Туека в одно мгновение.

Вмешалась Каниа, предоставив Туеку нужную подсказку.

— Может быть, приглашение Шианы могла бы передать Кипуна,— сказала Каниа.

Туек метнул взгляд на юную жрицу-послушницу. Да! Многие подозревали (и Каниа явно среди них), что Кипуна — шпионка Бене Джессерит. Разумеется, каждый на Ракисе шпионил за каждым. Туек с самой любезной улыбкой кивнул Кипуне:

— Ты знаешь кого-нибудь из Преподобных Матерей, Кипуна?

— Некоторые из них мне известны, мой Владыка Верховный Жрец,— ответила Кипуна.

«По крайней мере, она все еще проявляет должное почтение!»

— Замечательно,— сказал Туек.— Не была бы ты

столь добра передать это небесное приглашение Шианы в посольство Ордена?

— Я постараюсь изо всех моих ничтожных сил, мой Владыка Верховный Жрец.

— Я знаю, что ты постараешься!

Кипуна начала горделиво поворачиваться к Шиане, осознание успеха зрело в ней. До смешного легко было, используя технику Ордена, спровоцировать это желание Шианы. Кипуна улыбнулась и открыла рот, чтобы что-то сказать. Движение на парапете, приблизительно в сорока метрах позади Шианы, привлекло внимание Кипуны. Что-то там блеснуло в солнечном свете. Что-то маленькое и...

Со сдавленным криком Кипуна схватила Шиану, откинула ее потрясенному Туеку и закричала:

— Бегите! Скорее!

После этого Кипуна метнулась по направлению к быстрому яркому пятнышку — крохотному самонаводчику, за которым тянулась длинная шиговировая нить.

В молодые годы Туек играл в лапту. Он вначале поймал Шиану, а потом осознал опасность. Повернувшись с извивающейся и кричащей девочкой в руках, Туек кинулся к открытой двери башенной лестницы. Он услышал, как дверь захлопнулась за ним и быстрые шаги Кании у него за спиной.

— Что это? Что это? — крича, Шиана била кулачками по груди Туека.

— То, Шиана, то! — Туек приостановился на первой лестничной площадке. Отсюда в сердцевину здания вели и спусковой желоб, и суспензорный спуск.

Каниа остановилась рядом с Туеком. Она запыхалась, в маленьком пространстве ее дыхание звучало тяжело и громко.

— Это убило Кипуну и двух твоих охранников,— выдохнула Каниа.— Разрезало их! Я видела. Боже, спаси нас!

Ум Туека был в смятении. И спусковой желоб, и система суспензорного прыжкового спуска — закрытые трубчатые пространства, идущие сквозь башни, их легко перекрыть. Нападение на крыше могло быть только частью обширного замысла.

— Отпусти меня! — настаивала Шиана.— Что случилось?

Туек поставил ее на пол, но продолжал крепко держать за руку. Он наклонился к ней:

— Шиана, дорогая, кто-то хочет сделать вам больно.

Рот Шианы изобразил безмолвное «о», затем она выдохнула:

— Они убили Кипуну?..

Туек посмотрел на дверь крыши. Не орнитоптер ли ему слышится? Стирос! Заговорщики так просто могут вывезти трех уязвимых людей в пустыню!

Каниа обрела дыхание вновь.

— Я слышу топот,— сказала она.— Не нужно ли нам бежать отсюда?

— Мы спустимся вниз по лестнице!— крикнул Туек.

— Но...

— Делай, как я говорю!

Крепко держа Шиану за руку, Туек повел ее вниз, на следующую лестничную площадку. Вдобавок к спусковому желобу и суспензорному устройству эта лестничная площадка имела еще и дверь в извивающийся холл. Всего лишь несколько коротких шагов — и там вход в апартаменты Шианы. Прежде — апартаменты самого Туека. И опять он заколебался.

— Что-то происходит на крыше,— прошептала Каниа.

Туек поглядел на испуганную девочку. Ее ручка вспотела.

Да, на крыше что-то происходило: крики, шипение огнеметов, топот беготни. Дверь крыши, скрытая теперь от их глаз, громко распахнулась, и это все решило для Туека. Он быстро отворил двери в холл и кинулся туда, попав прямо в плотно сформированный клин облаченных в черное женщин. С каким же чувством поражения Туек узнал женщину, стоявшую в острие этого клина: Одрейд!

Кто-то выхватил у него Шиану и запихнул ее внутрь плотно стоявших черных фигур. Ни Туек, ни Каниа не успели запротестовать, как им крепко зажали рты. Другие руки прижали их к двери холла. Несколько черных фигур вышли через дверь и направились вверх по лестнице.

— Девочка в безопасности, вот все, что важно в данный момент,— прошептала Одрейд. Она взглянула в глаза Туека.— Не поднимай шума.

Он убрал руку ото рта.

Используя Голос, она промолвила:

— Расскажи мне, что там на крыше!

Туек безоговорочно подчинился:

— Самонаводчик, тянущий длинный шиговир. Он летел через парапет. Кипуна увидела его...

— Где Кипуна?

— Мертва. Это видела Каниа,— Туек описал храбрый бросок Кипуны навстречу опасности.

«Кипуна мертва!» — подумала Одрейд. Она скрыла ярость гневных чувств утраты. Какая же потеря. Конечно, нужно только гордиться такой славной смертью, но какая утрата! Ордену необходимы отвага и преданность, но еще он нуждался в генетическом здоровье, имевшемся в Кипуне. «Погибла, убита этими безмозглыми олухами!»

По знаку Одрейд рука со рта Кании была убрана.

— Расскажи мне, что ты видела,— сказала Одрейд.

— Самонаводчик захлестнул шиговир на шее Кипуны и...— Лицо Кании передернуло.

Глухой хлопок взрыва эхом отдался над ними. Потом — тишина. Одрейд взмахнула рукой. Женщины в черном облачении рассыпались по холлу, двигаясь тихо, скрываясь из видимости за поворотом. Только Одрейд и еще двое — обе помоложе Одрейд, с ледяными глазами и напряженными лицами — остались вместе с Туеком и Канией. Шианы нигде не было видно.

— В этом, думается, замешаны икшианцы,— сказала Одрейд.

Туек в мыслях согласился. «Такое количество шиговира...»

— Куда вы увели девочку? — спросил он.

— Она под нашей защитой,— ответила Одрейд.— Будьте спокойны,— она вскинула голову, прислушиваясь.

Из-за угла торопливо подошла фигура в черном и зашептала на ухо Одрейд. На лице Одрейд показалась натянутая улыбка.

— Все кончено,— сказала Одрейд.— Мы пойдем к Шиане.

Шиана сидела в мягком голубом кресле с подушками в главной комнате своих покоев. Облаченные в черное женщины стояли сзади нее, защищающей дугой. Девочка совершенно оправилась от шока нападения и бегства, но ее глаза поблескивали от возбуждения и незаданных вопросов. Взгляд Шианы был устремлен на что-то справа от Туека. Он остановился и посмотрел туда — дыхание у него перехватило.

В странном скрюченном положении у стены лежало обнаженное мужское тело, голова вывернута так, что подбородок сместился за левое плечо. Глаза отрыты и пялились с пустотой смерти.

Стирос!!!

Изодранные в клочья одеяния Стироса, насильно с него содранные, неряшливой грудой лежали у ног трупа.

Туек взглянул на Одрейд.

— Он был в этом замешан,— проговорила она.— С икшианцами были Лицевые Танцоры.

Туек постарался сглотнуть сухим горлом.

Каниа прошаркала к телу. Туеку не было видно ее лица. Присутствие Кании напомнило ему, что было что-то между Канией и Стиросом в дни их молодости. Туек двинулся, интуитивно вставая между Канией и сидевшей девочкой.

Каниа задержалась перед телом и пнула его ногой. Затем она повернулась к Туеку с выражением злорадного торжества на лице.

— Я должна была увериться, что он и правда мертв,— сказала она.

Одрейд посмотрела на одну из своих спутниц.

— Уберите тело немедленно.

Она поглядела на Шиану. Для Одрейд это была хорошая возможность повнимательней приглядеться к девочке с того момента, как она возглавила боевые силы, двинув их для отражения налета на храмовый комплекс.

Туек проговорил позади Одрейд:

— Преподобная Мать, не могла бы ты объяснить...

Одрейд, не обернувшись, перебила его:

— Позже.

При словах Туека Шиана оживилась.

— Я так и думала, что ты — Преподобная Мать!

Одрейд просто кивнула. До чего же прелестная девочка. Одрейд испытывала те же чувства, что и перед живописным полотном в покоях Таразы. Что-то от того огня, перешедшего в произведение искусства, вдохновляло сейчас Одрейд. Дикое вдохновение! Вот о чем говорит ей сумасшедший Ван Гог. Хаос, приведенный в бесподобный порядок. Разве это не входило в кодекс Ордена?

«Эта девочка — мой холст,— подумала Одрейд. Она почувствовала, как у нее покалывает в руке от ощущения древней кисти. Ее ноздри раздулись от запаха масла и красок.

— Оставьте меня наедине с Шианой,— приказала Одрейд.— Все выйдите.

Туек начал было возражать, но был остановлен, когда одна из спутниц Одрейд сильно схватила его за руки. Одрейд обдала его жгучим взглядом.

— Бене Джессерит и раньше тебе служил,— сказала она.— На этот раз мы спасли тебе жизнь.

Женщина, державшая Туека за руку, потянула его назад.

— Ответь на его вопросы,— сказала Одрейд.— Но сделай это где-нибудь еще.

Каниа сделала шаг по направлению к Одрейд.

— Эта девочка на моем...

— Удались! — рявкнула Одрейд, обратясь ко всем силам Голоса.

Каниа стояла как вкопанная.

— Вы чуть не потеряли девочку, уступив случайному сборищу заговорщиков! — сказала Одрейд, сурово глядя на нее.— Мы подумаем, можно ли и дальше вам заниматься с Шианой.

Слезы показались в глазах Кании, но приговор Одрейд обсуждать не положено. Повернувшись, Каниа выскочила вслед за остальными.

Одрейд перенесла свой взгляд на смотревшую во все глаза девочку.

— Мы уже очень давно тебя ждем,— проговорила Одрейд.— Мы не предоставим этим глупцам еще одной возможности потерять тебя.

Закон часто принимает ту или иную сторону на основе принудительной силы. Мораль и юридические точности ничего не значат, когда вопрос ставится ребром: у кого рычаги влияния?

Заседание Совета Бене Джессерит: Архивы ХОХ232

После того как Одрейд и сопровождавшие ее покинули Гамму, Тег энергично взялся за работу. Нужно перестроить внутренний режим Оплота так, чтобы держать Шванги подальше от гхолы — это распоряжение Таразы.

— Она может наблюдать, за чем ей будет угодно. Ей дотрагиваться нельзя.

Несмотря на огромное количество неотложной работы, у Тега часто выдавались странные моменты, когда он в забытьи глядел в никуда, становясь жертвой возникающего из ничего беспокойства. История со спасением отряда Таразы с корабля, приписанного к Союзу и странные вы-

сказывания Одрейд не укладывались ни в одну из намечаемых им схем.

«Зависимости... Ключевые бревна...»

Тег приходил в себя в своем рабочем кабинете; график назначений проецировался перед ним, он видел перестановки, которые собирался сделать, но, случалось, он и там выпадал из времени и действительности. Ему было нужно мгновение подумать, чтобы заново себя сориентировать.

Позднее утро. Тараза и ее сопровождавшие уехали два дня назад. Он в одиночестве. Да, Патрин взял на себя сегодняшние уроки с Данканом и освободил Тега для принятия командных решений.

Тег почувствовал себя чужаком в этой комнате. Да, когда он смотрел на все по отдельности, то каждая вещь знакома и привычна. Вот его персональный стационарный дисплей с банком данных. Его форменный китель аккуратно повешен на спинку стула рядом с ним. Он попытался войти в модуль ментата, но нашел, что его ум этому сопротивляется. Он не сталкивался с таким феноменом со дня своего ученичества.

Дни ученичества. Тараза и Одрейд удалось каким-то образом отбросить его назад, в какую-то форму ученичества.

Самообразование.

Безотчетно память подсунула ему их давний-предавний разговор с Таразой. Как же это знакомо! Пойманный сетями своей памяти, он унесся вдаль.

Они с Таразой тогда очень устали после принятия важных решений и после различных мероприятий по предотвращению кровавого столкновения — инцидента Гарандика. Сейчас все это стало частью истории, но в то время потребовало объединения всех их усилий.

После подписания соглашения Тараза пригласила его в небольшую приемную своих личных покоев на не-корабле. Она говорила небрежно, хваля его мудрость, то, как он разглядел те слабости, которые смогли привести к компромиссу.

Они были на ногах и активны около тридцати часов, и Тег был рад, что можно посидеть, пока Тараза набирала код на аппарате питания. Из него, как и требовалось, показались два стакана с кремово-коричневой жидкостью.

Тег узнал запах, когда она дала ему стакан. Это был быстрый восстановитель энергии, взбадриватель, который Бене Джессерит редко делил с посторонними. Но Тараза

уже не считала его посторонним. Запрокинув голову, Тег сделал долгий глоток этого питья и устремил взгляд на потолок небольшой приемной Таразы. Этот не-корабль был старой модели, построенный в те времена, когда больше внимания уделялось отделке — тяжелые карнизы, барочные фигуры, вырезанные на каждой поверхности.

Вкус питья перенес его память в детство, таково тяжелое воздействие меланжа...

— Моя мать готовила это для меня, когда я был слишком измотан,— сказал он, глядя на стакан в своей руке. Он уже почувствовал, как сила растекается по его телу.

Тараза уселась со своим стаканом в песье кресло напротив него — пушистый предмет живой мебели, привыкший к ней и сразу же принявший ее форму.

Тегу она предложила обычное кресло с зеленой обивкой, но видела, как его взгляд быстро скользнул по песьему креслу, и улыбнулась Тегу.

— У всякого свой вкус, Майлс,— она пригубила питье и сказала: — О Господи, до чего же изматывающая, но славная работа. Случалось, когда дело доходило до грани очень скверного оборота.

Тег обнаружил, что его трогает ее расслабленность. Никакой позы, ни готовой маски, чтобы разделить их и четко обозначить различие положений в иерархии Бене Джессерит. Она была очень дружелюбной и без намека на соблазнительность. Конечно, выглядело это так — вот и все, что можно сказать при общение с любой Преподобной Матерью.

В восторге Тег выяснил, что он здорово наловчился читать Альму Мавис Таразу, даже когда она прикрывалась какой-либо маской.

— Твоя мать научила тебя большему, чем ей было велено,— продолжала Тараза.— Мудрая женщина, но еще одна еретичка. Хотя все мы, наверное, склоняемся к этому в эти дни.

— Еретичка? — он испытал мгновенное возмущение.

— Есть в Ордене такая приватная штучка,— сказала Тараза.— Нам предписано следовать приказаниям Верховной Матери с полной преданностью. Мы так и делаем, кроме тех случаев, когда не согласны.

Тег улыбнулся и сделал слишком большой глоток своего питья.

— Странно, но во время этого небольшого противостояния я обнаружила, что реагирую на тебя так, как реагировала бы на одну из наших Сестер,— сказала Тараза.

Тег ощутил, как питье согревает его желудок. От него оставалось покалывание в ноздрях. Он поставил стакан на боковой столик и сказал, глядя на него:

— Моя старшая дочь...

— То есть Димела, да? Ты бы позволил нам заполучить ее, Майлс.

— Тут решал не я.

— Но одно словечко от тебя...— Тараза пожала плечами.— Ладно, все это в прошлом. Так что по поводу Димелы?

— Она думает, что я часто слишком похож на одну из вас.

— Слишком похож?

— Она яростно предана мне, Верховная Мать. Она, вероятно, не понимает наших отношений...

— Каковы наши отношения?

— Ты командуешь, я подчиняюсь.

Тараза посмотрела на него, направив взгляд поверх края своего стакана. Поставив стакан, она произнесла:

— Да, ты никогда по-настоящему не был еретиком, Майлс. Может быть... Однажды...

Он быстро заговорил, чтобы отвлечь Таразу от этих мыслей.

— Димела считает, что долгое использование меланжа делает многих людей похожими на вас.

— Вот как? Разве не странно, Майлс, что у нашего гериатрического зелья так много побочных эффектов?

— Я не нахожу это необычным.

— Нет, возможно, ты не счел бы это странным,— она допила свой стакан и отставила его в сторону.— Я сейчас говорю о том, что очень длинная жизнь приводила кое-кого из людей, тебя в том числе, к доскональному знанию человеческой природы.

— Мы живем дольше и наблюдаем больше,— отметил он.

— Я не думаю, что это настолько просто. Некоторые люди никогда ничего не наблюдают. Жизнь для них просто происходит. Они живут, цепляясь за косность своего существования, отвергая с гневом и возмущением все, что может возвысить их над этой ложной безмятежностью.

— Я никогда не был в состоянии рассчитать приемлемый баланс всех «за» и «против» спайса,— сказал он, имея в виду обычный для ментата процесс сортировки данных.

Тараза кивнула. Явно, у нее те же трудности.

— Мы, Сестры, более склонны двигаться к одной колее, чем ментаты,— сказала она.— У нас есть способы забирать из нее свой ум, но воспитание очень сказывается.

— Наши предки разбирались с этой проблемой,— сказал он.

— До спайса это было по-другому,— сказала она.

— Но жизни были так коротки.

— Пятьдесят, сто лет — это думается, не слишком долго но, все же..

— Наверное, они до упора уплотнят отведенное им время?

— О, по временам они были просто неистовы.

Он понял, что она делится с ним наблюдениями из своих Иных Памятей. Не впервые он причащался к этой древней науке. Его мать иногда делилась такими знаниями, но всегда как уроком. Что же делает сейчас Тараза? Учит его чему-то?

— Меланж — это многорукое чудовище,— сказала она.

— Не желаешь ли ты — порок, чтобы мы его не открывали никогда?

— Без него не существовал бы Бене Джессерит.

— И Космический Союз.

— Но не было бы и Тирана, не было бы Муад Диба. Спайс дает одной рукой и забирает другими.

— В какой руке находится то, чего мы хотим? — спросил он.— Разве этот вопрос стоял не всегда?

— Ты чудо, ты знаешь это, Майлс? Ментаты редко погружаются в философию. Я думаю, это одна из твоих сильных сторон. Ты, конечно, способен на сомнение.

Майлс пожал плечами. Этот поворот разговора растревожил его.

— Ты невесел,— сказала Тараза.— Но все равно — цепляйся за свои сомнения. Сомнения необходимы для философа.

— Так заверяют нас дзенсунниты.

— На этом сходятся все мистики, Майлс. Не нужно недооценивать силу сомнений. Очень убедительно. Стори держит сомнения и уверенность в одной руке.

Весьма удивленный, он задал вопрос:

— Так что, Преподобные Матери практикуют ритуалы дзенсунни?

Раньше он этого даже и не подозревал.

— Всего лишь однажды,— ответила она,— мы дости-

гаем экзальтированной и тотальной формы стори. Она включает каждую клетку.

— Спайсовая Агония,— решил он.

— Я была уверена, что мать тебе говорила. Очевидно, она никогда не объясняла тебе родства с дзенсунни.

Тег сглотнул комок в горле. Очаровательно! Она открывает ему новый взгляд на Бене Джессерит. Это изменит всю его концепцию, включая образ собственной матери. Они находятся от него на недостижимом месте, куда он никогда не сможет последовать. Иногда они могут думать о нем, как о сотоварище, но он никогда не может войти в их интимный круг. Он может притворяться, но не более. Он не будет схож с Муад Дибом или Тираном никогда.

— Предвидение,— сказала Тараза.

Это слово привлекло его. Она и меняет тему и не меняет ее.

— Я как раз думал о Муад Дибе,— сказал он.

— Ты считаешь, что он предсказывал будущее? — спросила она.

— Таково учение ментата.

— Я слышу сомнение в твоем голосе, Майлс. Предсказывал он его или творил? Предвидение бывает смертоносно. Люди, требующие предсказаний от оракула, на самом деле хотят знать цену китового меха на следующий год или нечто, столь же приземленное. Никто из них не хочет, чтобы ему предсказали всю его личную жизнь по минутам.

— Никаких неожиданностей.

— Именно. Если обладаешь таким знанием заранее, то твоя жизнь становится невыразимой скукой.

— Разве жизнь Муад Диба была скучной?

— И жизнь Тирана тоже. Мы думаем, что все их жизни были посвящены тому, чтобы вырваться из цепей, которые они для себя сотворили сами.

— Не они верили...

— Помни о своих философских сомнениях, Майлс. Остерегайся! Ум верующего застаивается. Он оказывается неспособным расти вовне, в неограниченный и бесконечный космос.

Тег мгновение сидел без движения. Он вдруг ощутил усталость, которая завладевала им поверх мгновенной встряски от питья, ощутил также тот путь, по которому направлены его мысли вторжением новых концепций.

Были вещи, которые, как его учили, ослабляют ментата, и безусловно он чувствовал, как они его усиливают.

«Она учит меня,— подумал он.— Она дает мне урок».

Словно спроецированное в его мозг и очерченное там огнем, увещевание дзенсуннитов, которое изучают начинающие студенты в школе ментатов, сфокусировало на себе все его внимание: «По твоей вере объединенные единичности ты отрицаешь все движение — эволюционное или обращенное вспять. Вера фиксирует гранулированные мироздания и приводит к тому, что это мироздание сопротивляется. Ничему не дозволено переменяться, потому что при любой перемене исчезнет недвижимое мироздание. Но оно движется само по себе, пока ты не движешься. Оно ширится свыше тебя и делается для тебя более недостижимым».

— Самое странное из всего,— в тон заданному ей самой настроению сказала Тараза,— то, что ученые Икса не могут видеть, насколько их вера главенствует в их мироздании.

Тег внимательно посмотрел на нее, он молчал.

— Верования икшианцев полностью подчинены выбору, который они делают, как именно они будут смотреть на свое мироздание,— сказала Тараза.— Их космос не действует сам по себе, но представляется в виде тех опытов, которые они выбирают.

Вздрогнув, Тег пришел в себя от этих воспоминаний, и, очнувшись, нашел, что он в Оплоте Гамму. Он так и сидел в привычном кресле своего кабинета. Осмотревшись, он заметил, что ничего не сдвинуто с места, но комната и то, что в ней находилось, больше не представлялись чуждыми ему. Он нырнул и вынырнул по модулю ментата.

ВОССТАНОВЛЕН.

Вкус и запах того питья, которым так давно угостила его Тараза, до сих пор щипал язык и ноздри. Он знал, что переключась на миг в модуль ментата будет способен вызвать в памяти сцену еще раз — приглушенный свет затененных глоуглобов, ощущение кресла под собой, звуки голосов. Это все возникнет снова, замороженное во времени-капсуле изолированного воспоминания.

Повторение этого строго воспоминания творило даже волшебное мироздание, где его способности увеличивались больше смелых ожиданий. Атомов не существовало в этом его волшебном мироздании, только волны и мощнейшее движение повсюду вокруг. Он вынужден там откидывать

все барьеры, возведенные из веры и понимания. Это мироздание прозрачно. Он проходил сквозь него без промежуточных экранов, на которые проецируется форма. Волшебное мироздание сводит «я» до зернышка воображения, где его собственные способности создания образов только экран, на котором можно ощутить любую проекцию.

«Вот оно. Я одновременно и исполнитель, и инструмент исполнения! Постоянство вокруг».— Тег колебался уходя и возвращаясь в чувственную реальность. Он ощутил, как его сознание ужимается и как при этом цель заполняет все мироздание. Он распахнут в бесконечности.

«Тараза сделала это умышленно,— подумал он.— Она увеличила меня».

Тега заполнило граничащее с ужасом благоговение. Он понял, откуда его дочь Одрейд взяла такие силы, чтобы создать для Таразы «Манифест Атридесов». Его силы ментата погрузились в эту более великую модель.

Таразе потребуется от него исполнение, наводящее страх. Такая необходимость манит и ужасает. Это может вполне значить даже конец Ордена.

Главное правило таково: «Никогда не поддерживай слабость, а поддерживай силу».

Кодекс Бене Джессерит

— Как это можно приказать всем этим жрецам? — задала вопрос Шиана.— Ведь это их место.

Одрейд ответила, как бы небрежно, но аккуратно подбирая слова, чтобы они соответствовали уровню знаний и пониманий Шианы.

— Корни жрецов — в Свободных. У тех всегда где-то поблизости были Преподобные Матери. Но ведь, дитя, ты ведь ими тоже повелеваешь.

— Это совсем другое.

Одрейд подавила улыбку.

Прошло меньше трех часов с тех пор, как ее ударные отряды отразили нападение на храмовый комплекс. На это время Одрейд устроила свой центр в покоях Шианы, руководя оттуда всем необходимым для оценки и предварительного возмездия, при этом все время давая объяснения Шиане и наблюдая за ней.

«Параллельный поток».

Одрейд оглядела помещение, которое выбрали под

командный пункт. Клочок от изодранных одежд Стироса так и остался валяться у стены. «Чловеческие потери». У этой комнаты странная форма. Нет двух параллельных стен. Одрейд фыркнула — до сих пор сохранила запах озона от снуперов, с помощью которых ее люди обеспечили уединенность этих апартаментов.

С чего бы такая странная форма? Здание древнее, часто перестраивавшееся и достраивавшееся, но это не объяснение для такой комнаты. Приятная шероховатость кремовой штукатурки на стенах и потолке. Вычурные занавески из волокон спайса, окаймлявшие две двери. Сейчас ранний вечер, и солнце, проходящее сквозь решетчатые ставни, испещрило рябью стену напротив окон. Серебряно-желтые глоуглобы, витавшие под потолком, настроены в соответствии с солнечным светом. Приглушенные уличные шумы слышатся через вентиляторы под окнами. Мягкие узоры оранжевых ковриков и серых плиток показывают удобство и безопасность, но чувство безопасности у Одрейд вдруг исчезло.

— Мать Настоятельнице, Союзу, Иксу и Тлейлаксу послания отправлены,— заявила она.

Одрейд отозвалась и сказала, что поняла.

Связная вернулась к своим обязанностям.

— Что ты делаешь? — вопросила Шиана.

— Кое-что изучаю.

Одрейд в задумчивости пожала губы. Их проводники по храмовому комплексу провели их сквозь лабиринты коридоров и лестниц, сквозь арочные окошки, иногда мелькали виды внутренних двориков. Затем — превосходная икшианская система суспензорных шахт, по которой они перенеслись в другой коридор, и снова там были лестницы, извивающиеся проходы... Наконец, эта комната.

И опять Одрейд окинула взглядом комнату.

— Ну почему ты изучаешь эту комнату? — спросила Шиана.

— Тс-с, девочка!

Комната составляла неправильный многогранник с меньшей стороной слева, приблизительно тридцать пять метров в длину, в ширину вдвое меньше. Множество узеньких диванчиков и кресел, различной степени удобности. Шиана сидела по королевски величественно на ярко-желтом кресле с мягкими подлокотниками. Ни одного песьего кресла в этом месте. Много коричневых, голубых и желтых тканей. Одрейд поглядела на белую решетку вентиляции над картиной, изображав-

шей горы, на широкой стороне комнаты. Холодный ветерок веял из вентилятора под картиной.

— Эта была комната Хедли,— сказала Шиана.

— Почему ты его раздражаешь, зовя его просто по имени, девочка?

— Разве это его раздражает?

— Не играй со мной в словесные игры, девочка! Ты знаешь, что это его раздражает, и вот поэтому ты делаешь это.

— Тогда почему ты спросила?

Одрейд проигнорировала вопрос, тщательно изучая комнату. Стена напротив той, на которой висит картина, под косым углом к внешней стене. Теперь она поняла. Да, умно! Комната была сооружена так, что даже шепоток доносился до того, кто дежурил за верхним вентилятором. Нет сомнений, что картина закрывала еще один воздушный коридор, чтобы доносить любой звук из этой комнаты. Ни снупер, ни снифер, никакой другой инструмент не засек бы это приспособление. Ничто не «бибикнуло» бы, уловленное выслеживающим глазком или ухом. Только настороженное чутье отлично подготовленного в обманах могло такое разоблачить.

Подав рукой сигнал ждущей послушнице, Одрейд быстро обратилась к ней на языке жестов, пальцы так и мелькали: «Выясните, кто подслушивает за этим вентиляционным отверстием». Она кивнула на вентилятор за картиной: «Позвольте им продолжать. Мы должны знать, кому они докладывают».

— Откуда вам стало известно, что надо прийти и спасти меня? — спросила Шиана.

«У девочки прекрасный голос, но он нуждается в тренировке»,— подумала Одрейд. Была в нем, однако, твердость, из которой выковывается могущественный инструмент.

— Ответь мне! — приказала Шиана.

Властная интонация потрясла Одрейд, возбудив в ней быстрый гнев, который она сумела подавить. Исправления нужно внести немедленно!

— Утихомирься, девочка,— сказала Одрейд. Она отдала ей команду в точно выбранном тоне и увидела, что это пошло той на пользу.

Но Шиана опять ее потрясла:

— Это еще один вид Голоса, ты стараешься успокоить меня. Кипуна рассказала мне о Голосе все

Одрейд повернулась и посмотрела прямо в лицо Шиане. Первая печаль Шианы прошла, но в ней был гнев, когда она говорила о Кипуне.

— Я занята тем, что готовлю наш ответ на это нападение,— сказала Одрейд.— Почему ты меня отвлекаешь? Я думаю, ты хочешь, чтобы их наказали.

— Что вы с ними сделаете? Скажите мне, что вы сделаете?

«На удивление мстительное дитя,— подумала Одрейд.— Это следует отшлифовать. Злоба так же опасна, как и любовь. Способность ненавидеть — это способность испытывать противоположное чувство».

Одрейд ответила:

— Я послала Союзу, Иксу, Тлейлаксу послание, которое мы всегда отправляем, когда рассержены. Два слова — «Вы заплатите».

— Каким образом они заплатят.

— Со стороны Бене Джессерит сейчас разрабатывается соответствующая кара. Они почувствуют последствия своего поведения.

— Вы что-нибудь сделаете?

— Может, ты и узнаешь со временем. Ты, может, даже узнаешь, как мы осуществим наше наказание. А сейчас тебе нет необходимости знать это.

На лице Шианы возникло угрюмое выражение. Она сказала:

— Вы даже не разгневаны. Рассержены. Ты сама так сказала.

— Сдержи свое нетерпение, девочка! Есть вещи, которых ты не понимаешь.

Преподобная Мать из комнаты связи возвратилась, кинула взгляд на Шиану и адресовалась к Одрейд.

— Дом Соборов подтверждает получение твоего послания. Они одобряют твой ответ.

Когда Преподобная Мать из комнаты связи осталась стоять, Одрейд спросила:

— Еще что-нибудь?

Быстрый взгляд на Шиану говорил о том, что связная чувствует себя стесненной. Одрейд подняла правую ладонь — сигнал к безмолвному разговору. Преподобная Мать ответила, ее пальцы с неприкрытым возбуждением заплясали, говоря языком жестов: «Послание Таразы: Тлейлакс — это главный элемент. Союз должен дорого поплатиться за меланж. Прекратить для них ракианские

поставки. Отбросить и союз с Иксом. Они и так перенапрягутся в безнадежном соперничестве с Рассеянием. Пока что игнорировать Рыбословш. Они завязаны с Иксом. Господин Господинов ответил нам с Тлейлакса. Он движется на Ракис. Поймать его в ловушку».

Одрейд улыбнулась мягко, показывая, что все поняла. Она проследила за покидающей комнату связной. Дом Соборов согласен с действиями, которые предприняли на Ракисе, соответствующая кара Бене Джессерит разработана с огромной скоростью. Явно, Тараза и ее Советницы предчувствовали такой поворот событий.

Одрейд позволила себе испустить вздох облегчения. Послание на Дом Соборов было сжатым: доклад в общих чертах о нападении, список потерь Ордена, результаты опознания, личностей нападавших и сообщение Таразе, которое подтвердило, что Одрейд уже отправила требующиеся предупреждения виновным: «Вы заплатите».

Да, эти нападавшие олухи сейчас узнали, что растревожили гнездо шершней. Это породит страх — существенную часть наказания.

Шиана скорчилась в своем кресле. Ее поза показывала, что сейчас она попробует новый подход.

—. Кто-то из твоих людей сказал, что там были Лицевые Танцоры,— она подбородком показала в сторону крыши.

«До чего бездонный колодец невежества эта девочка»,— размышляла Одрейд. Это пустота, которую следует заполнить. ЛИЦЕВЫЕ ТАНЦОРЫ! Одрейд подумала об осмотренных ими телах. Тлейлакс, в конце концов, запустил в действие своих новых Лицевых Танцоров. Это было, безусловно, испытание Бене Джессерит. Этих новых крайне трудно распознать. Но они все так же издают свой очень характерный запах. Одрейд вскочила сообщение об этом в свой доклад на Дом Соборов.

Трудность теперь была в том, как сохранить в тайне знания Бене Джессерит. Одрейд позвала связную. Указывая на вентилятор быстрым взмахом глаз, Одрейд безмолвно заговорила с ней пальцами: «Убейте подслушивающих!»

— Ты очень уж интересуешься Голосом, девочка,— обратилась Одрейд к сидевшей в кресле Шиане.— Молчание — самый ценный инструмент для обучения.

— Но не могу ли я научиться Голосу? Я хочу научиться ему.

— Говорю тебе, будь молчаливой и учись молчанием.

— Я приказываю тебе научить меня Голосу!

Одрейд вспомнила доклады Кипуны: Шиана утвердила эффективный голосовой контроль над большинством своего окружения. Девочка научилась этому самостоятельно. Средний уровень Голоса для ограниченной аудитории. Для нее это было естественным. Туек, Каниа и другие запуганы Шианой. Религиозная фантазия вносила свой вклад страха, но владение Шианой высотой и тональностью голоса доказывало прекрасную бессознательную избирательность.

Одрейд видела со всей очевидностью, как именно надо вести себя с Шианой — честно. Честность не раз срабатывала, как наилучшая приманка.

— Я здесь, чтобы научить тебя многому,— сказала Одрейд,— но не буду делать этого по твоему распоряжению.

— Мне все повинуются! — закричала Шиана.

«Она едва достигла половой зрелости, и уже на этом уровне аристократка,— подумала Одрейд.— Господи, Создатель! Кем она может стать?»

Шиана слезла с кресла и встала перед Одрейд с угрожающим выражением лица. Глаза девочки были на уровне плеч Одрейд. Шиана станет высокой, от нее будет веять властностью. Если она выживет.

— Ты отвечаешь на некоторые из моих вопросов, но почему-то не отвечаешь на другие? — спросила Шиана.— Ты говоришь, что вы давно уже меня ждете, но не объясняешь. Почему ты не будешь мне повиноваться?

— Глупый вопрос, дитя мое.

— Почему ты все время зовешь меня «дитя»?

— А ты разве не дитя?

— У меня уже есть менструации.

— Но все равно ты еще дитя.

— Жрецы мне повинуются.

— Они тебя боятся.

— А ты не боишься?

— Я — нет.

— Хорошо! Это так надоедает, когда люди только боятся тебя.

— Жрецы думают, будто ты появилась от Бога.

— А ты так не думаешь?

— С чего бы мне? Мы...— Одрейд осеклась, она увидела, что входит послушница-связная. Пальцы послушницы заплясали, передавая ей безмолвное сообщение: «Подслушивали четверо жрецов, они убиты, все — подчиненные Туека».

Одрейд взмахом руки отослала связную прочь.

— Она разговаривает пальцами,— сказала Шиана.— Как это у нее получается?

— Ты задаешь много ненужных вопросов, дитя. И ты еще не сказала мне, почему я должна считать тебя орудием Божьим.

— Шайтан меня жалеет. Я хожу по пустыне, и когда приходит Шайтан, я с ним разговариваю.

— Почему ты его называешь Шайтаном, а не Шаи-Хулудом?

— Всякий задает этот неумный вопрос!

— Тогда дай мне твой неумный ответ.

На лице Шианы опять проступила угрюмость.

— Это из-за того, что мы встретились.

— А как вы встретились?

Шиана запрокинула голову набок и мгновение смотрела на Одрейд, а затем сказала:

— Это моя тайна.

— И ты знаешь, как хранить тайны?

Шиана выпрямилась и кивнула, но Одрейд увидела неуверенность в ее движении. Девочка размышляет, когда ее пытаются завести в тупик!

— Отлично! — сказала Одрейд.— Умение хранить тайну — одно из самых основных в науке Преподобной Матери. Я довольна, что с этим нам не придется долго с тобой возиться.

— Но я хочу изучить все!

Такая же непосредственность в ее голосе. Очень слабый эмоциональный контроль.

— Ты должна научить меня всему! — просила Шиана.

«Время для хлыста»,— думала Одрейд. Шиана рассказала и продемонстрировала много, чтобы даже послушница пятой ступени окончательно и безошибочно раскусила, какие средства применить, чтобы контролировать девочку.

Используя всю мощь Голоса, Одрейд закричала:

— Не принимай со мной такого тона, дитя! Нет, если ты хочешь чему-либо научиться!

Шиана застыла как вкопанная. Она стояла больше минуты, переваривая то, что с ней произошло. Вскоре она

улыбнулась, на лице появилось теплое, открытое выражение.

— О, я так рада, что вы пришли! Последнее время здесь было очень скучно.

Человеческий ум ничего не может превзойти по сложности.

Лито II: из записей в Дар-эс-Балате

Уже два часа на Гамму стояла ночь, так живо наполняющаяся в этих широтах дурными предчувствиями. Сгущающиеся тучи затмили Оплот. По распоряжению Луциллы Данкан возвратился во внутренний двор для интересных самостоятельных упражнений.

Луцилла смотрела на него с того парапета, с которого когда-то впервые увидела его.

Данкан передвигался резкими и крученными рывками восьмикратных боевых движений Бене Джессерит, перебрасывая тело по траве, перекатываясь с бока на бок, взмывая вверх и вниз.

«Он великолепно овладел внесистемными увертками»,— думала Луцилла. Она не могла усмотреть никакого предсказуемого образца в его движениях, а скорость была слишком ошеломляющей. Ему уже почти шестнадцать стандартных лет, и его потенциальная одаренность в прана-бинду уже начинала раскрывать свои основные возможности.

Тщательно контролируемые движения его тренировочных упражнений открывали очень много! Он живо отзывался, когда она назначила ему эти вечерние занятия. Начальный шаг инструкции Таразы выполнен. Гхола ее любит, в этом нет сомнения. Он считает ее за мать. Это было достигнуто без серьезного его ослабления, хоть и возбудило настороженность Тега.

«Моя тень лежит на этом гхоле, но он не проситель и не зависимый последователь,— успокоила она самою себя.— Озабоченность Тега за него не имеет причины».

Как раз утром она сказала Тегу:

— Он свободно владеет своим телом, где бы ни потребовалось приложение сил.

«Тегу стоило бы сейчас на это взглянуть»,— думала

она. Новые движения, выполняемые Данканом, были его изобретением.

Луцилла подавила возглас одобрения при слишком проворном прыжке, который перенес Данкана на середину внутреннего двора. Гхола достиг нервно-мышечного равновесия, и это, вероятно, может привести к такому психическому равновесию, которое, по меньшей мере, будет равно равновесию Тега. Культурное влияние такого достижения будет иметь феноменальную силу. Стоит только посмотреть на тех, кто интуитивно тянется к Тегу и через Тега — к Ордену.

«За все это нам следует больше всего благодарить Тирана»,— считала она.

До Лито II никакая система культурных приспособлений не могла просуществовать достаточно долго, чтобы достичь того баланса, который Бене Джессерит рассматривал как идеал. Подобно тончайшему равновесию — «протеканию по лезвию меча» — это завораживало Луциллу. Вот поэтому она безоговорочно отдалась проекту, цельный замысел которого не знала, но который требовал от нее исполнить то, что было отталкивающим для ее инстинктов.

«Данкан очень юн!»

Последующе ее требование Ордена в полной мере изложено Таразой: сексуальное кодирование.

Только сегодня Луцилла позировала обнаженной перед зеркалом, принимая позы и совершая движения лица и тела, которые она использует для выполнения распоряжения Таразы. В искусственной расслабленности Луцилла увидела свое лицо лицом доисторической богини любви — пышная плоть, предвещавшая ласки, одно обещание которых может заставить распаленного мужчину броситься к ней.

Во время обучения Луцилла заметила статуи Первых Времен — каменные фигуры женщин с большими бедрами и обвислыми грудями, которые обеспечивали изобилие молока для сосунков. По своей воле Луцилла могла совершать юношескую мимикрию этой древней формы.

Во внутреннем дворике под Луциллой Данкан на миг задержался, как будто размышляя над своими следующими движениями. Вдруг он кинул себя, высоко подпрыгнув, и перевернулся в воздухе, приземлившись на одну ногу, наискось ей оттолкнулся и опять пролетел во вращательном движении, сходном с танцем, а не с выпадом.

Луцилла поджала рот с выражением решимости.

СЕКСУАЛЬНОЕ КОДИРОВАНИЕ.

«Секрет секса вовсе не является секретом»,— подумала она. Корни его уходят в саму жизнь. Это объясняло, конечно, почему лицо первого, соблазненного ею по распоряжению Ордена мужчины осталось в памяти. Разрешающие Скрещивание говорили ей, что этого следует ожидать и не стоит волноваться. Но Луцилла поняла, что сексуальное кодирование является обоюдоострым мечом. Можно научиться скользить по острию лезвия, но это не исключает возможности об него обрезаться. Иногда, когда это мужское лицо её первого соблазнения-приказа неожиданно возникало в памяти, Луцилла чувствовала себя пораженной этим. Видение так часто приходило в самый высший момент интимности, что ей приходилось прилагать большие силы, чтобы это скрыть.

— Ты усиливаешь себя таким образом,— успокаивали ее Разрешающие Скрещивание.

Все равно, бывали времена, когда она ощущала, что низводит до обыденного уровня то, что лучше хранить в тайне.

Чувство горечи от того, что она должна сделать, охватило Луциллу. Эти вечера, когда она следила за тренировками Данкана были ее любимым временем. Развитые мускулы юноши показывали весьма определенный прогресс — в росте и чувствительности мускулов и нервных звеньев — все чудеса прана-бинду, которыми так славится Орден. Оставалось сделать следующий — последний — шаг, и нельзя больше откладывать это.

Она знала, что скоро придет Майлс Тег. Тренировки Данкана возобновятся в гимнастическом зале с более смертоносным вооружением.

Тег.

И опять Луцилла подумала о Теге. Она неоднократно замечала, как ее привлекает к нему тем особенным образом, который она немедленно распознавала. Геноносительницы обладали относительной свободой в выборе своих партнеров для скрещивания при условии, что это не войдет в противоречие с приказами и нет более первоочередных задач. Тег стар, но, судя по его досье, он еще может находиться в стадии половой зрелости. Ребенка от него ей, конечно, нельзя будет сохранить, но ведь она давно научилась обходить это.

«Почему бы и нет?» — спросила она себя.

Ее план был очень прост. Закончить кодирование

гхолы, затем, согласовав официально свои желания с Таразой, зачать ребенка от доблестного Майлса Тега. Она уже опробовала на практике вводное соблазнение, но Тег не поддался, с циничностью ментата застав ее однажды днем в раздевалке Зала Вооружений.

— Дни моего скрещивания миновали, Луцилла. Ордену следует удовлетвориться тем, что я ему дал уже.

Тег, облаченный только в черное тренировочное трико, как раз вытер полотенцем пот с лица и бросил полотенце в корзину для грязного белья. Он сказал, не глядя на нее:

— Не будешь ли ты теперь так добра меня покинуть?

«Значит, он поддался на мое искушение!»

Ей бы следовало это предвидеть, ведь Тег — это Тег. Луцилла знала, что она все еще может соблазнить его: ни одна Преподобная Мать с ее уровнем подготовки не потерпит поражения, несмотря даже на очевидные силы ментата Тега.

Луцилла миг стояла в нерешительности, ее ум машинально прикидывал, как обойти этот предварительный отказ. Что-то ее сдерживало. Не гнев на отказ, не отдаленная возможность, что он в самом деле может оказаться неуязвим для ее чар. Гордость и возможность поражения (ведь всегда остается такая возможность) имели мало общего.

ДОСТОИНСТВО.

В Теге было тихое достоинство, и она обладала твердым знанием того, что его удаль уже принесла Ордену. Не совсем уверенная в своих мотивах Луцилла отвернулась от него. Вероятно, это скрытая благодарность, которую Орден чувствует к нему. Соблазнить Тега сейчас было бы унизительно, не только для него, но для нее самой. Она не могла заставить себя это осуществить без приказания напрямую.

Кое-какие из этих мыслей затмили ее чувства, пока она стояла на парапете. Потом она заметила движение в тенях прохода из Оружейного Крыла. Оттуда мог возникнуть Тег. Луцилла взяла себя в руки и удержала взгляд на Данкане. Гхола пока оставил свои жестко контролируемые кувырки по лужайке. Он тихо стоял, глубоко дыша, его взгляд устремлен вверх, на Луциллу. Она заметила пот на его лице и темные пятна на светло-голубом стилсъюте.

Перегнувшись через перила, Луцилла крикнула ему:

— Очень хорошо сегодня, Данкан. Завтра я начну учить тебя новым комбинациям нога — кулак.

Слова эти вырвались у нее помимо воли, и она сразу почувствовала почему — они предназначались Тегу, стоявшему в затемненном дверном проеме, а не гхоле. Она как бы говорила Тегу: «Вот видишь! Ты не единственный, кто учит его смертоносному искусству».

Луцилла после осознала, что Тег глубже проник в ее психику, чем ей следовало дозволять. Она метнула тяжелый взгляд на высокую фигуру, проявившуюся из теней возле двери. Данкан уже бежал к башару.

Луцилла не отрывала от Тега сосредоточенного взгляда — и вдруг в ней сработало что-то из самых глубинных и значительных реакций Бене Джессерит. Последовательность этой реакции проявилась позже: «Что-то не так! Тревога! Тег — это не Тег!» В этом озарении, однако, ни один шаг не был отдален от другого. Она тут же отреагировала и крикнула что было сил:

— Данкан! Ложись!

Данкан ничком упал на траву, заострив внимание на фигуре Тега, появившейся из Оружейного Крыла с полевым лазерным пистолетом в руках.

«Лицевой Танцор!» — озарило Луциллу. Только сверхчуткость позволила ей опознать его. ОДИН ИЗ ЭТИХ НОВЫХ!

— Лицевой Танцор! — закричала Луцилла.

Данкан рывком отлетел в сторону и подпрыгнул, распластавшись в воздухе, по меньшей мере в метре над землей. Скорость этой реакции потрясла Луциллу. Она и не думала, что кто-либо способен двигаться так быстро! Первый выстрел лазерного пистолета ударил ниже Данкана, когда он будто парил в воздухе.

Луцилла побежала к парапету и соскочила, ухватясь за подоконник нижнего этажа. Еще не остановившись, она выбросила руку и нащупала выступ дождевого водостока, который, как она помнила, должен там находиться. Ее тело изогнулось в сторону, и она соскочила на подоконник следующего уровня. Безнадежность вела ее вперед, хотя она и понимала, что опоздает.

Что-то треснуло в стене над ней. Она отметила, как огненная линия прорезала воздух в ее направлении, когда она устремилась влево, переворачиваясь и летя на лужайку. Ее взгляду открылась вся сцена вокруг нее, как единая вспышка, когда она приземлилась.

Данкан надвигался на нападавшего, увиливая и ныряя в

этом ужасном повторении своей тренировки. Быстрота его движения!

Луцилла увидела нерешительность на лице фальшивого Тега.

Она метнулась к Лицевому Танцору, почувствовав мысли этого создания: «Их двое на меня одного!»

Неудача была, право, неизбежной, и Луцилла знала это, даже пока бежала. Лицевому Танцору надо только перевести свое оружие на ближний радиус действия и включить на полную мощность, тогда он все вокруг себя закроет огненными кружевами. Ничто не сокрушит такую защиту. Она отчаянно искала в уме какой-нибудь способ сразить нападавшего, когда увидела красный дымок, появившийся в груди ложного Тега. Красная линия вырвалась вперед под косым углом через мускулы руки, державшей лазерный пистолет. Рука отлетела, как кусок, отколотый от статуи. Плечо дернулось вверх, отрываясь от торса, брызнула фонтаном кровь. Фигура заколебалась и, расчленяясь еще больше в красном дыме и брызгах крови, на ходу распалась на кусочки. Все — темного желто-коричневого и подкрашенного голубым красного.

Остановившись, Луцилла почувствовала запах Лицевого Танцора. Данкан подошел и встал рядом с ней. Он глядел мимо мертвого Лицевого Танцора на движение в коридоре за дверью.

Еще один Тег явился сзади мертвого. На этот раз — подлинный, Луцилла безошибочно признала: «Да, это сам Тег».

— Вот башар,— сказал Данкан.

Луцилла испытала небольшой прилив радости, что Данкан уже так хорошо усвоил искусство опознавать друзей, даже когда их почти не видно. Она указала на мертвого Лицевого Танцора.

— Понюхай его.

Данкан вдохнул.

— Да, я чувствую запах, но он был не очень хорошей копией, и я раскусил его так же быстро, как и ты.

Тег появился во внутреннем дворике, тяжелый лазерный пистолет пристроен на его левой руке, правой рукой твердо держа приклад и курок. Он взглянул на внутренний двор, потом внимательно посмотрел на Данкана и Луциллу.

— Уведи Данкана внутрь,— сказал Тег.

Это был приказ боевого командира, полагавшегося

только на высшее знание того, что следует делать в случае опасности. Луцилла повиновалась не задав ни одного вопроса.

Данкан не заговаривал, когда она уводила его за руку от кровавого месива, считавшегося Лицевым Танцором, в Оружейное Крыло. Только оказавшись внутри, он посмотрел на залитую кровью кучку и спросил:

— Кто его впустил?

«Не спрашивает, как он проник внутрь»,— заметила она. Данкан уже видел те неувязки, которые лежали в самой сердцевине этой проблемы.

Тег широкими шагами шел впереди них к своим апартаментам. Он остановился у двери, заглянул и позвал к себе Луциллу и Данкана.

В спальне Тега стоял густой запах сожженной плоти, струйки дыма над угольями мясного жаркого, и Луцилла сразу узнала этот запах: горелое человеческое мясо! Фигура в одном из мундиров Тега валялась на полу, где она скатилась с его кровати.

Тег перевернул фигуру носком сапога, открыв лицо: застывшие глаза, как бы ухмылявшийся рот. Луцилла узнала одного из охранников стен, одного из тех, кто, по досье Оплота, прибыл сюда вместе со Шванги.

— Их наводчик,— сказал Тег.— Патрин побеспокоился о нем, и мы одели его в один из моих мундиров, но этого оказалось достаточно, чтобы одурачить Лицевых Танцоров, потому что мы не дали им разглядеть лица до того, как на них напали. Им не хватило времени, чтобы снять с него отпечаток памяти.

— Ты знал об этом? — Луцилла стояла потрясенная.

— Беллонда предоставила мне всю информацию!

Луцилла тут же поняла и все остальное, вытекавшее из этих слов Тега. Она подавила быструю вспышку гнева.

— Как же это ты разрешил одному из них проникнуть во внутренний двор?

Спокойным голосом Тег ответил:

— Здесь шли неотложные действия. Я должен был сделать выбор, в итоге оказавшийся верным.

Она не скрывала гнева.

— Предоставить Данкану самому заботиться о себе, вот твой выбор, да?

— Выбор был: либо положиться на тебя, либо разрешить нападавшим закрепиться внутри Оплота. У Патрина и меня — плохое время при очистке этого крыла. У нас

забот полон рот,— Тег посмотрел на Данкана.— Он справился с этим очень хорошо благодаря нашей подготовке.

— Это... Эта штуковина чуть в него не угодила!

— Луцилла! — Тег покачал головой.— Все время у меня было точно рассчитано. Вы двое могли продержаться по меньшей мере минуту. Я знал, что, если надо, ты бросишься наперерез этой штуковине и пожертвуешь собой ради Данкана. Еще двадцать секунд.

При этих словах Тега Данкан, блеснув взором, взглянул на Луциллу.

— Ты бы в самом деле это совершила?

Когда Луцилла не ответила, ответил Тег:

— Она бы это сделала.

Луцилла не отрицала. Однако теперь она припомнила невероятную скорость, с которой двигался Данкан, ошеломляющие повороты при его нападении.

— Решение, принимаемое в бою,— сказал Тег, взглянув на Луциллу.

Она это приняла. Как обычно, Тег сделал верный выбор. Она знала, что ей надо срочно связаться с Таразой. Развитие прана-бинду в этом гхоле было свыше всего, чего она и ожидала. Она замерла, когда Тег, напрягшись, насторожился, следя за дверью позади него. Луцилла повернулась всем телом.

Там стояла Шванги. Позади нее — Патрин, в руке у него еще один лазерный пистолет. Его сопло, заметила Луцилла, направлено на Шванги.

— Она настаивала,— сказал Патрин.

Гнев застыл на лице старого помощника Тега. Глубокие морщины по краям рта ярко выделялись.

— Цепочка тел тянется до восточного дзота,— сказала Шванги,— ваши люди не позволяют мне пройти туда, чтобы проверить. Я приказываю тебе: немедленно отмени свои распоряжения.

— Не до тех пор, пока не закончат мои очистные команды,— сказал Тег.

— Они все еще убивают там людей! Я это слышу! — дикая злоба прорезалась в голосе Шванги. Она грозно взглянула на Луциллу.

— Мы еще и допрашиваем там людей,— продолжил Тег.

Шванги обдала Тега полыхающим взглядом.

— Если здесь слишком опасно, тогда мы переведем... ребенка в мои покои. Сейчас же!

— Мы этого не сделаем,— возразил Тег. Голос его был тихим но непреклонным.

Недовольная Шванги застыла, костяшки пальцев Патрина побелели на прикладе его лазерного пистолета. Шванги метнула взгляд на пистолет, а потом на одобряющий взгляд Луциллы. Две женщины посмотрели прямо в глаза друг другу.

Тег позволил секунду сохраниться напряженности, а затем сказал:

— Луцилла, отведи Данкана в мою гостиную,— он кивнул на дверь позади себя.

Луцилла повиновалась, все это время подчеркнуто держась между Шванги и Данканом.

Едва оказавшись за закрытой дверью, Данкан сказал:

— Она чуть не назвала меня гхолой. Она в самом деле расстроена.

— Шванги разрешила, чтобы кое-что ускользнуло от ее внимания,— сказала Луцилла.

Она оглядела гостиную Тега, впервые видя эту часть ее обиталища: внутреннее святилище башара. Это напоминало ее собственные покои — такая же смесь упорядоченности и небрежного беспорядка. Катушки для чтения — грудой на небольшом столике рядом со старомодным креслом, обитым мягкой черной материей. Проектор для этих катушек отброшен в сторону, будто бы его хозяин просто отошел на секунду, намереваясь скоро вернуться. Черный китель мундира башара брошен через ближайший стул, на нем стоит открытая коробочка с шитьем. На манжете кителя аккуратно поставленная заплатка.

«Он сам занимается всеми такими делами»,— думала она.

Это была такая сторона знаменитого Майлса Тега, которой она не ожидала. Если бы она задумалась об этом, то наверняка решила бы, что подобными делами ведает Патрин.

— Шванги впустила нападавших внутрь, правда? — спросил Данкан.

— Ее люди впустили,— Луцилла и не старалась скрыть свой гнев.— Она зашла очень уж далеко. Сговор с тлейлаксанцами!

— Патрин ее убьет?

— Не знаю, но мне на это наплевать!

За дверью Шванги говорила гневным голосом, громким и отчетливо слышным:

— Мы что, собираемся просто ждать здесь, башар?

— Ты можешь уйти, когда захочешь,— отвечал Тег.

— Но мне не дают войти в южный тоннель!

Голос Шванги звучал обидчиво: Луцилла уже знала по опыту, что к такому голосу старуха прибегала умышленно. Что же она замышляет? Тег сейчас должен быть очень осторожен, он был очень умен, открыв Луцилле упущения в контроле Шванги, но они еще не полностью перекрыли все ее возможности. Луцилла задумалась: не следует ли ей оставить Данкана здесь и вернуться на подмогу Тегу?

— Ты можешь идти сейчас, но я советую тебе не возвращаться в твои помещения,— сказал Тег.

— А почему бы и нет,— голос Шванги был в самом деле удивленным, и удивление плохо скрывалось.

— Один момент,— сказал Тег.

Луцилла услышала выстрел на расстоянии, тяжело бухнул взрыв где-то совсем поблизости, а затем другой вдали. Пыль взметнулась на карнизе над дверью гостиной Тега.

— Что это было? — опять Шванги, ее голос перекрыл грохот.

Луцилла подошла и встала между Данканом и стеной коридора. Данкан смотрел на дверь. Тело в позе бойца.

— Первый взрыв — это то, чего я от них ожидал,— опять сказал Тег.— Второй, боюсь,— то, чего они не ожидали.

Рядом прозвучал свисток, достаточно громкий, чтобы заглушить ответ Шванги.

— Все как есть, башар! — это ответил Патрин.

— Что происходит? — спросила Шванги.

— Первым взрывом, дражайшая Преподобная Мать, нападавшие на нас полностью уничтожили твои покои. Второй взрыв произведен нами, и он уничтожил нападавших.

— Я только что получил сигнал, башар! — это снова голос Патрина.— Мы захватили их всех. Они приземлились на флаттере с не-корабля. Так, как ты и предполагал.

— Не-корабль? — голос Тега был суровым и требовательным.

— Уничтожен тотчас же, когда вышел из подпространства. Никто не выжил.

— Вы олухи! — завопила Шванги.— Вы хоть понимаете, что вы наделали?

— Я выполнил отданный мне приказ защищать мальчика от любого нападения,— сказал Тег.— Кстати, разве

не предполагалось, что ты сейчас должна быть в своих покоях?

— Что? Что ты сказал?

— Они охотились за тобой, когда взорвали твои апартаменты. Тлейлаксанцы очень опасны, Преподобная Мать.

— Я не верю тебе!

— Я тебе предлагаю пойти и взглянуть. Патрин, пропусти ее.

Слушавшая Луцилла понимала все, что стояло за произносимым вслух. Ментату-башару доверяли здесь больше, чем любой Преподобной Матери, и Шванги знала это. Она была в отчаянии. Она верила и не верила, что охотились за ней, разрушая ее покои. Больше всего в мозгу Шванги сейчас понимания того, что Луцилла и Тег раскусили ее причастность к нападению. Нельзя сказать, кто еще об этом догадывается, но Патрин, конечно, понимает.

Данкан посмотрел на закрытую дверь, наклонив голову слегка вправо. На его лице было выражение, будто он видел сквозь дверь и наблюдал за людьми, находящимися за ней.

Шванги заговорила, контролируя свой голос:

— Я не верю, что мои покои разрушены,— она знала, что Луцилла слушает.

— Есть единственный способ убедиться в этом,— сказал Тег.

«Очень умно! — подумала Луцилла.— Шванги не может принять решения до тех пор, пока не удостоверится, что тлейлаксанцы, в самом деле, действовали по-предательски».

— Тогда ждите меня здесь! Это приказ!

Луцилла услышала резкий звук, исходящий от одеяний Шванги, когда Преподобная мать удалялась.

«Очень слабый эмоциональный контроль,— подумала Луцилла. Так же тревожило и открывшееся в Теге: — Он сделал это для меня!» Тег вывел Преподобную Мать из равновесия.

Дверь перед Данканом раскрылась. Там стоял Тег, одну руку держа на задвижке двери.

— Быстро! — проговорил он.— Мы должны убраться из Оплота до того, как она вернется.

— Из Оплота? — Луцилла не скрывала своего удивления.

— Быстро, я говорю! Патрин приготовил путь для нас.

— Но я должна...

— Ничего ты не должна! Ступай так, как есть. Следуй за мной, или мы заставим тебя идти с нами.

— Ты на самом деле считаешь, что мы сможем...— Луцилла осеклась. Сейчас перед ней стоял новый Тег, и она знала, что он не станет угрожать просто так, если только он не действительно готов на руках вынести ее отсюда.— Отлично,— сказала она, взяла Данкана за руку и последовала за Тегом из его апартаментов.

Патрин стоял в коридоре и смотрел направо.

— Она ушла,— доложил старик. Он поглядел на Тега.— Ты знаешь, что делать башар?

— Пат!

Луцилла никогда прежде не слышала, чтобы Тег называл своего денщика уменьшительным именем.

Патрин ухмыльнулся, растянул в улыбке рот.

— Извини, башар. Возбуждение, знаешь ли. Тогда все это оставляю на тебя. У меня есть своя роль, я должен ее сыграть.

Тег велел Луцилле и Данкану следовать за ним по коридору направо. Она повиновалась и услышала, что Тег идет прямо по пятам за ней. Рука Данкана в ее руке вспотела. Он вырвался и зашагал рядом с ней, не оглядываясь.

Суспензорный спуск в конце коридора охраняли двое личных людей Тега. Он кивнул им.

— Больше никого не пропускать.

— Есть, башар,— был ответ.

Входя в спуск вместе с Данканом и Тегом, Луцилла поняла, что она выбрала сторону в этом споре, подоплеку которого до сих пор так и не выяснила. Она воспринимала движение политики Ордена, как поток воды, затопляющий все вокруг нее. Обычно движение оставалось мягкой волной, омывающей берег, но сейчас она ощущала огромный гибельный поток, готовившийся обрушить на нее свои валы.

Данкан заговорил, когда они спускались в сортировочную камеру южного дзота.

— Нам необходимо вооружиться,— сказал он.

— Мы вооружимся очень скоро,— ответил Тег.— И, думаю, ты будешь готов убить любого, кто захочет нас остановить.

Знаменательно вот что: ни одну женщину Бене Тлейлакса никогда не видели вне убежища их родных планет. Лицевые Танцоры, способные преображаться в женщин, в этом анализе не рассматриваются; от них нельзя получить потомство. Тлейлаксанцы прячут своих женщин подальше от нас. Таково первое умозаключение. Наверняка при этом тлейлаксанцы делают это, чтобы сохранить в тайне свои самые сокровенные секреты.

Анализы Бене Джессерит: код архива X0XTM99...041

— Вот мы и встретились,— сказала Тараза.

Она окинула взглядом два метра пустого пространства между ее креслом и креслом Тилвита Ваффа. Личные аналитики заверили ее, что этот человек действительно является тлейлаксанским Господином Господинов. До чего же эльфоподобная фигурка, чтобы обладать такой огромной властью! Предубеждения насчет внешности должны быть здесь отброшены, сказала она самой себе.

— Некоторые не поверили бы, что это возможно,— произнес Вафф.

У него попискивающий голосок, заметила Тараза, и это тоже надо мерить другими мерками.

Они сидели на нейтральной территории не-корабля Космического Союза, мониторы Бене Джессерит и Тлейлакса облепили корпус космического корабля как хищные птицы — труп крупного животного. Союз был слишком озабочен тем, чтобы умилостивить Бене Джессерит.

«Вы заплатите».

Союз понял. Они уже и раньше платили сполна. Небольшая овальная каюта, в которой они встретились, была обита медными панелями, непроницаемыми для шпионажа. Тараза ни на минуту в это не верила. Она считала также, что узы между Союзом и Тлейлаксом, выкованные меланжем, до сих пор не закреплены на сто процентов.

Вафф и не пытался заблуждаться насчет Таразы. Это женщина намного опасней любой Преподобной Черницы. Если он убьет Таразу, она тут же будет заменена кем-нибудь столь же опасным, кем-то, кто до последней капли будет владеть всей существенной информацией, которой обладает нынешняя Верховная Мать.

— Мы находим ваших новых Лицевых Танцоров очень занятными,— сказала Тараза.

Вафф улыбнулся непроизвольно. Да, значительно, зна-

чительно опасней Преподобных Черниц, которые до сих пор даже не обвинили тлейлаксанцев в потере целого некорабля.

Тараза посмотрела на небольшие двухсторонние цифровые часы на низеньком боковом столике справа от нее, стоявшие так, что циферблаты были хорошо видны каждому из них. На стороне, повернутой к Ваффу, шло его, тлейлаксанское планетное время. Она заметила, что оба счетчика внутреннего времени находятся в пределах десяти секунд синхронизации от условного полдня. Это была одна из учтивостей этой встречи, когда даже расположение и расстояние между креслами специально оговаривали.

Они были в одиночестве в овальной каюте, приблизительно шести метров в длину и наполовину меньше в ширину. Они занимали одинаковые подвесные кресла из дерева, собранного на колышках, обтянутых оранжевой тканью. Помимо кресел, в каюте был лишь боковой столик с часами. У столика тонкая черная крышка, сделанная из плаза, и три тоненьких деревянных ножки. Каждого из участников этой встречи тщательно досмотрели снуперами. У каждого было по три личных охранника за единственным входным люком в каюту. Тараза не думала, что тлейлаксанцы осмелятся на подмену Лицевыми Танцорами, но при существующих обстоятельствах!

«ВЫ ЗАПЛАТИТЕ».

Тлейлаксанцы также отдавали себе полный отчет в своей уязвимости, особенно теперь, когда им известно, что Преподобные Матери могут спокойно выявлять их новых Лицевых Танцоров.

Вафф откашлялся.

— Я не ожидаю, что мы достигнем соглашения,— отметил он.

— Тогда зачем ты прибыл?

— Я хочу получить объяснение посланию, которое отправлено вами из вашего Оплота на Ракисе. За что, по-вашему, мы должны заплатить?

— Очень прошу тебя, Вафф, брось в этой комнате свое дурацкое притворство. Существуют факты, известные нам обоим, и от них никуда не денешься.

— Какие, например?

— Ни одна женщина Бене Тлейлакса не представлялась нам для скрещивания.

Она подумала: «Пусть он попотеет из-за этого!»

Было чертовски обидно не иметь тлейлаксанских Иных Памятей для исследований Бене Джессерит. Вафф это, конечно, понимает.

Вафф насупился.

— Конечно, ты ведь не считаешь, что я поведу торг жизнями...— он осекся и покачал головой.— Я не могу поверить, что это та плата, которую вы потребуете.

Когда Тараза промолчала, Вафф продолжил:

— Это идиотское нападение на ракианский храм было предпринято независимыми людьми, находившимися на месте. Их уже покарали.

«Ожидавшийся гамбит номер три»,— подумала Тараза. Такой вариант предусматривался в многочисленных анализах и составленных досье (если так их можно назвать) перед этой беседой.

Проанализировано было, казалось, все. Слишком мало известно об этом тлейлаксанском Господине, этом Тилвите Ваффе. Некоторые очень важные положения для выбора поведения были только умозаключениями (если их правдивость подтвердится). Самым плачевным было то, что самые интересные данные исходили из ненадежных источников. Однако один факт сомнению не подлежал: эльфоподобная фигурка, сидевшая напротив, на самом деле была смертельно опасна.

«Гамбит номер три» Ваффа занял все ее внимание. Наступило время для ответа. Тараза изобразила знающую улыбку.

— Это именно тот вид лжи, который мы от вас и ожидали,— сказала она.

— Начинаем с оскорблений? — проговорил он без всякого выражения.

— Тон задал ты. Позволь же мне предостеречь тебя, что с нами не удастся обойтись так, как вы разобрались с этими развратницами из Рассеяния.

Застывший взгляд Ваффа убедил Таразу продолжить рискованный ход. Умозаключения Ордена, основанные частично на исчезновении икшианского корабля для переговоров, были точны! Сохраняя всю ту же улыбку, она последовала по этой линии выбранных догадок. Так, будто это было точно известным фактом.

— По-моему, развратницам будет приятно узнать, что среди них есть Лицевые Танцоры,— заметила она.

Вафф подавил свой гнев: «Ох, эти проклятые мегеры! Они узнали! Каким-то образом, но узнали!» Его советники

проявляли крайние сомнения по поводу этой встречи, кое-кто выступал против нее. Эти мегеры были так... просто дьяволицами. А их возмездие!

«Время переключить его внимание на Гамму,— решила Тараза.— Все время надо держать его в напряжении».

Вслух Тараза сказала:

— Если вы даже собьете с пути еще одну из нас, как вы сделали со Шванги на Гамму, то все равно не выведаете ничего ценного!

— Она думала... Думала нанять нас словно банду наемных убийц! Мы только преподали ей урок!

«Ага, здесь взыграла его гордость,— подумала Тараза.— Интересно. Такая гордость подразумевает, что за ней должна существовать некая структура морали, это нуждается в расследовании».

— Вы никогда по-настоящему не проникали в наши ряды,— заметила Тараза.

— А вы никогда не проникали в среду тлейлаксанцев! — Вафф произнес эту похвальбу с относительным спокойствием.

«Ему нужно время подумать, составить план!»

— Может быть, тебе захочется узнать цену нашего молчания,— сказала Тараза. Окаменевший взгляд Ваффа она приняла за знак согласия и добавила: — Во-первых, вы поделитесь с нами тем, что вам известно о тех развратницах, отродье Рассеяния, называющих себя Преподобными Черницами.

Вафф содрогнулся всем телом. Многие предположения подтвердились при убийстве Преподобных Черниц. Сексуальные осложнения! Только самая сильная психика могла сопротивляться паутине вызываемого ими экстаза. Потенциал такого оружия огромен! Должен ли он поделиться этим с мегерами?

— Всем, что вы узнали о них,— настаивала Тараза.

— Почему вы называете их развратницами?

— Они стараются подражать нам, но при этом они продаются ради силы и превращают в насмешку все, что мы представляем. Преподобные Черницы!

— Они превосходят вас по численности — по крайней мере десять тысяч к одной! Мы видели тому свидетельства.

— Всего лишь одна из нас может нанести поражение им всем,— высказала мысль Тараза.

Вафф замолчал, изучая ее. Что это, просто бахвальство? Никогда нельзя быть уверенным, когда дело доходит

до мегер Бене Джессерит. Они делают то, что делают, это так. Темная сторона волшебного мироздания принадлежит им. Не однократно мегеры ставили подножку Шариату. Не Божья ли это воля, чтобы правоверные прошли еще через одно испытание?

Тараза позволила молчанию длиться, чтобы в нем само по себе накапливалось напряжение. Она чувствовала смятение Ваффа. Это напомнило ей о предварительном совещании в Ордене при подготовке нынешней беседы. Беллонда тогда задала вопрос обманчивой простоты: «Что мы на самом деле знаем о тлейлаксанцах?»

Тараза почувствовала, как этот вопрос проникает в мысли каждого из собравшихся за столиком конференции Дома Соборов. «Мы можем знать наверняка только то, что они сами хотят, чтобы мы знали».

Никто из ее аналитиков не мог избежать подозрения, что тлейлаксанцы специально создают ложный образ самих себя. Ум тлейлаксанца надо измерять тем, что они одни владеют секретом акслольтных чанов. Был ли это счастливый случай, как это предполагают некоторые? Тогда почему все другие не могут повторить это достижение за прошедшие тысячелетия?

ГХОЛЫ.

Не используют ли тлейлаксанцы процесс выведения гхол для своего бессмертия? Она смогла выявить весьма явные намеки в действиях Ваффа. Ничего определенного, но все весьма и весьма подозрительно.

На конференции на Доме Соборов Беллонда неоднократно возвращаясь к этому подозрению, вдалбливая в них: «Все это... Все это, я вам говорю! Все в наших архивах может быть мусором, годным лишь на корм слигам».

Это напоминание заставило передернуться некоторых расслабившихся было Преподобных Матерей.

Слиги! Эти медленно ползающие гибриды гигантских слизняков и свиней могли поставлять мясо для самых утонченных трапез в мироздании, но сами по себе эти создания воплощали все, что было отталкивающим для Ордена в тлейлаксанцах. Слиги — одни из самых ранних предметов торговли Бене Тлейлакса — продукт, выведенный в чанах и сформированный по той главной спиральной модели, по которой вся жизнь принимает свои формы. То, что произведены они были Тлейлаксом, добавляло ощущения непотребства от этого творения, многочисленные рты которого могли постоянно перемалывать почти любой

мусор, быстро превращая в экскременты, не только воняющие свинарником, но и склизкие.

«Самое чудесное мясо по эту сторону рая»,— процитировала Беллонда.

«И происходит оно из непотребства»,— добавила Тараза.

НЕПОТРЕБСТВО.

Глядя на Ваффа, Тараза думала об этом. Ради каких только причин целый народ мог накинуть на себя маску непотребства? Гнев Ваффа как-то не очень вписывался в этот образ.

Вафф слегка кашлянул в ладонь. Он ощущал, как швы трут в тех местах, где были скрыты два его мощных дротикомета. Некоторые среди его советников настаивали: «Как и с Преподобными Черницами, победителем в этой встрече с Бене Джессерит будет тот, кто возвратится домой с самой секретной информацией. Смерть противника гарантирует успех».

«Я мог бы убить ее, но что потом? Еще три полных Преподобных Матери ждут за люком. Безусловно, у Таразы есть сигнал, который она должна подать в ту секунду, когда откроется люк. Без этого сигнала, действительно, последуют побоище и катастрофа». Он ни на секунду не верил, что его новые Лицевые Танцоры способны одолеть находящихся там Преподобных Матерей. Мегеры будут начеку. Они раскусят природу охранников Ваффа.

— Мы присоединимся,— сказал Вафф.

Признание, подразумеваемое в этой фразе, ранило его, но он знал, что выбора у него нет. Похвальба Таразы по поводу их превосходства казалась чрезмерной именно из-за крайности ее заявления, но за этим чувствовалась правда. У него, однако, не было иллюзий, что может последовать, если Преподобные Черницы узнают о том, что на самом деле произошло с их посланницами. Мало ли почему мог исчезнуть корабль, тлейлаксанцев тут не обвинишь. Корабли пропадают. Преднамеренное истребление — совсем другое дело. Преподобные Черницы наверняка постараются стереть с лица земли такого недруга. Хотя бы как образец. Тлейлаксанцы, вернувшиеся из Рассеяния, поведали о них немало. Повидав Преподобных Черниц, Вафф верил теперь их словам.

Тараза сказала:

— Второе, что интересует меня в нашей беседе — это гхола.

Вафф скорчился в подвесном кресле.

У Таразы вызывали омерзительное чувство крохотные глазки Ваффа, его круглое личико со вздернутым носиком и слишком острыми зубками.

— Вы убивали наших гхол, чтобы взять под контроль ход проектов, в которых вы выступали как поставщик одной-единственной детали,— обвинила Тараза.

Вафф еще раз подумал: не пора ли убить ее? Неужели ничего нельзя спрятать от этих ужасных мегер? Вероятность, что у Бене Джессерит есть осведомитель в самой сердцевине Тлейлакса тоже нельзя снять со счетов. Откуда бы еще им знать?

— Заверяю тебя, Верховная Преподобная Мать, что гхола...— начал он.

— Мне твои заверения ни к чему! Мы во всем удостоверяемся сами,— печально глядя, Тараза медленно покачала головой.— И, по-вашему, мы не ведаем, что вы продали нам испорченную вещь.

Вафф быстро проговорил:

— Он отвечает каждому требованию, которое включено в наш контракт!

Снова Тараза покачала головой. Этот крохотный тлейлаксанский Господин понятия не имел, сколько всего он ей сейчас выдал!

— Вы заложили свою собственную схему в его психику,— заметила Тараза,— предостерегаю тебя, что если изменение помешает нашему проекту, то мы повредим вам больше, чем вы думаете.

Вафф поднес руку к лицу, почувствовав, как на лбу у него выступает пот. Проклятые мегеры! Но она не знала всего: тлейлаксанцы, вернувшиеся из Рассеяния, и Преподобные Черницы, которых она так зло обзывает, снабдили Тлейлакс оружием сексуального заряда, которым он не поделится, несмотря на то, что ему будут обещать!

Тараза безмолвно обдумала реакцию Ваффа и решилась на дерзкую ложь:

— Когда мы захватили икшианский корабль, который вы хотели уничтожить, то ваши Лицевые Танцоры не слишком быстро умерли. Мы сумели узнать от них немало интересного.

Вафф застыл на самой грани боевой позы.

«В яблочко!» — подумала Тараза.

Дерзко солгав, она выяснила потрясающую истину, и одно из самых невероятных предположений ее Советницы уже можно было считать подтвержденным.

«Намерения Тлейлакса в том, чтобы в полном объеме воспроизвести мимику прана-бинду»,— предположила Советница.

«Полностью?»

Все Сестры на собрании были изумлены этим предположением, ведь оно подразумевало существование техники копирования личности, заходящей намного глубже техники снятия отпечатков памяти, о которой они уже знали.

Советница, Сестра Гестерион, из Архивов была во всеоружии, опираясь на тщательно подобранный ряд доказательств:

«Мы уже знаем — Икшианская Проба делается механистически, тлейлаксанцы делают ее нервами и плотью. Следующий шаг безусловен».

Видя реакцию Ваффа на ее дерзкую ложь, Тараза продолжила тщательное наблюдение за ним — сейчас он наиболее опасен.

На лице Ваффа проступила ярость. То, что известно мегерам, слишком опасно! Он нисколько не сомневался в заявлении Таразы. «Я должен убить ее, чем бы это ни кончилось для меня лично! Мы должны убить их всех. Богомерзость! Вот их собственное слово, и оно идеально их описывает».

Тараза правильно поняла выражение его лица. Она быстро проговорила:

— Вам не грозит от нас никакая опасность, если только вы не станете вредить нашим планам. Ваша религия, ваш образ жизни — все это — ваше собственное дело.

Вафф заколебался — не столько из-за сказанного Таразой, сколько из-за напоминания о ее силах. Известно ли им еще что-либо? Однако опять вернуться к пресмыкательству, отвергнув подобный союз с Преподобными Черницами! Уступить владычество, столь близкое после всех этих тысячелетий... Он впал в глубокое уныние. Некоторые среди его советников, в конце концов, оказались правыми.

«Не может быть никаких уз между нашими народами. Любое согласие с силами повинны — союз, основанный на зле».

Тараза все еще чувствовала в нем потенциальную готовность к применению силы. Не слишком ли она пере-

жала? Она сидела в позе, которая в мгновение ока могла сделаться боевой. Непроизвольное подергивание рук Ваффа ее насторожило.

«Оружие в его руках!» Изобретательность тлейлаксанцев не стоит недооценивать. Ее снуперы ничего не засекли.

— Мы знаем о том оружии, которое при тебе,— решилась сказать она. Еще одна дерзкая ложь.— Если ты сейчас допустишь ошибку, развратницы тоже узнают, как вы пользуетесь подобным оружием.

Три раза вздохнув, Вафф заговорил уже строго себя контролируя:

— Мы не станем вассалами Бене Джессерит!

Тараза ответила ровным успокаивающим голосом:

— Я ни словом, ни жестом не предложила вам такую роль.

Она ждала. Ни малейшего изменения в выражении лица Ваффа, ни на йоту не дрогнул устремленный на нее пристальный взгляд его широко раскрытых глаз.

— Вы угрожаете нам,— пробормотал он.— Вы хотите, чтобы мы поделились всем, что мы...

— Поделились! — хмыкнула она.— Не делишься, если нет равенства отношений.

— А чем бы вы с нами поделились? — спросил он.

Она заговорила тем укоризненным тоном, которым обратилась бы к младенцу:

— Вафф, спроси сам себя, почему ты, один из олигархических правителей Тлейлакса, прибыл на эту встречу?

Все также твердо контролируемым голосом Вафф возразил ей:

— А почему ты, Верховная Мать Бене Джессерит, прибыла сюда?

— Усилить нас,— ответила она мягко.

— Ты не сказала, чем ты с нами поделишься,— обвинил он.— Ты все еще надеешься оказаться в выигрышном положении.

Тараза внимательно за ним следила. Ей редко доводилось чувствовать столько подавленной ярости в одном человеке.

— Проси меня в открытую, чего вы хотите,— сказала она.

— И вы дадите нам от вашей великой щедрости!

— Я буду вести переговоры, обещаю.

— Переговоры ли это, когда ты приказываешь мне... ПРИКАЗЫВАЕШЬ МНЕ, чтобы...

— Ты прибыл сюда с твердой решимостью преступить через любое соглашение, какое бы мы ни заключили,— сказала она.— Вы ни разу и не старались по-настоящему договариваться! Сидя перед кем-то, желающим заключить с вами сделку, вы способны лишь...

— Сделку? — Вафф сразу вспомнил, как при этом слове разозлилась Преподобная Черница.

— Я сказала это,— промолвила Тараза.— Сделка.

Что-то подобное улыбке тронуло углы губ Ваффа.

— По-твоему у меня есть полномочия заключать сделку с тобой?

— Осторожно, Вафф,— сказала она.— У тебя есть верховная власть и полномочия. Все это основано на твоей способности полностью уничтожить соперника. Я этим не угрожала, но ты угрожал,— она посмотрела на его рукава.

Вафф вздохнул. Ну и препятствие. Она ведь повинда! Как же можно вести переговоры с повиндой?

— У нас возникла проблема,— которую нельзя разрешить рациональными средствами,— продолжила Тараза.

Вафф скрыл свое удивление. Те же самые слова, которые употребила Преподобная Черница! Он внутренне съежился, думая о том, что все это может означать. Не заключили ли Бене Джессерит и Преподобные Черницы союз? Резкость Таразы говорила об обратном, но когда можно было доверять проклятым мегерам?

И опять Вафф подумал: осмелится ли он пожертвовать собой, чтобы уничтожить эту мегеру? Чему это послужит? Наверняка, не ей одной среди мегер известно все. Ее смерть только ускорит приближение катастрофы. Да, среди мегер действительно существовали внутренние разногласия — но вдруг и эти разногласия тоже ловушка?

— Ты просишь нас поделиться чем-нибудь,— сказала Тараза.— Что если я предложу тебе некоторые из наших селекционных родов?

Без сомнения, живой интерес пробудился в Ваффе. Он сказал:

— С чего бы нам обращаться к вам за подобным? У нас есть наши чаны, и мы можем добывать генетические образцы почти повсюду.

— Образцы чего? — спросила она.

Вафф вздохнул. Никак нельзя избежать этой проникающей вкрадчивости Бене Джессерит. Это — пронзающий меч. Он догадался, что его поведение было для нее слишком разоблачительным, чтобы она не зря завела раз-

говор на эту тему. Вред уже причинен. Она верно вычислила (или ее шпионы ей доложили!), что дикие садки человеческих генов содержат мало интереса для тлейлаксанцев с их более изощренным знанием самого сущностного языка жизни. Не стоит недооценивать ни Бене Джессерит, ни продукты их Программы выведения. Господь Бог знает, они ведь вывели Муад Диба и Пророка!

— Что еще вы потребуете в обмен на это? — спросил он.

— Наконец-то торг! — ответила Тараза.— Мы оба знаем, конечно, что я предлагаю Выводящих Матерей атридесовской линии.

Про себя она подумала: «Пусть надеется на это! Внешность у них будет Атридесов, но они не будут Атридесами!»

Вафф почувствовал, как у него учащенно забилось сердце. Возможно ли это? Имеет ли она хоть малейшее понятие, что́ тлейлаксанцы могут вызнать, получив такой материал для исследований?

— Нам необходима первая селекция их потомства,— сказала Тараза.

— Нет! Нет!

— А дубль первой селекции?

— Это возможно.

— Что ты имеешь в виду, говоря «возможно»? — она склонилась вперед. Напряженность Ваффа подсказала ей, что она напала на горячий след.

— Что еще вы потребуете от нас?

— Наши Выводящие Матери должны получить беспрепятственный доступ к вашим генетическим лабораториям.

— Ты сошла с ума? — Вафф раздраженно покачал головой. Неужели она думает, что тлейлаксанцы вот так запросто возьмут и отдадут свое сильнейшее оружие?

— А еще мы получим акслольтный чан — целиком, в рабочем состоянии.

Вафф лишь безмолвно на нее посмотрел.

Тараза пожала плечами.

— Я должна была попробовать.

— Да, должна была, разумеется.

Тараза откинулась на своем сиденье и мысленно пересмотрела открывшееся ей. Реакция Ваффа на пробный камешек дзенсуннитского изречения была интересной. «Проблема, которую нельзя разрешить рациональными средствами». Эти слова произвели на него какой-то удиви-

тельный эффект. Он будто бы обратился куда-то внутрь себя, в глазах его появилось вопрошающее выражение. «Господи, сохрани всех нас! Не тайный ли дзенсуннит Вафф?»

Неважно, какими бы это ни грозило опасностями, это стоило расследовать. Одрейд на Ракисе следует вооружить каждым возможным преимуществом.

— Пожалуй, мы сделали все, что могли, на текущий момент,— сказала Тараза.— Подошло время закончить нашу сделку. Единый Господь в своей бесконечной милости дал нам бескрайнее мироздание, где что угодно может случиться.

Вафф хлопнул в ладоши, не успев даже подумать.

— Дар удивления — величайший дар из всех! — заметил он.

«Не просто дзенсуннит,— подумала Тараза.— Еще и суфи! — Она начала перестраивать свой взгляд на Тлейлакс.— Сколько же времени эта вера по-настоящему владеет их сердцами?»

— Время не считает самое себя,— запустила пробный шар Тараза.— Надо только взглянуть на любую окружность.

— Солнца — это окружности,— ответил Вафф.— Каждый космос есть окружность,— он затаил дыхание, ожидая ее ответа.

— Окружности замкнуты,— ответила Тараза, выхватывая нужный ответ из своих Иных Памятей.— Все, что замкнуто и ограничено, должно выставлять себя перед бесконечным.

Вафф поднял руки, показывая ладони, затем уронил руки на подол своего облачения. В его фигуре исчезла напряженность, плечи обмякли.

— Почему ты не сказала всего этого с самого начала? — спросил он.

«Я должна проявлять величайшую осторожность»,— предостерегла себя Тараза. За словами и поведением Ваффа открывалось такое, что требовало внимательного рассмотрения.

— В общении между нами не утаивалось бы меньше, говори мы более открыто,— сказала она.— Ведь даже будучи откровенными, мы пользовались бы лишь словами.

Вафф изучал ее лицо, стремясь прочесть за этой бенеджессеритской маской какое-нибудь подтверждение истинности слов и поведения. Она повинна, напомнил он себе.

Повинде никогда нельзя доверять... но если она разделяет Великую Веру...

— Разве Господь не послал своего Пророка на Ракис, чтобы там испытывать нас и учить нас? — задал он вопрос.

Тараза глубоко погрузилась в свои Иные Памяти. «Пророк на Ракисе? Муад Диб? Нет... это не сходится с верованиями ни суфиев, ни дзенсуннитов... Тиран!»

Она плотно сжала губы, превратившиеся в суровую линию.

— То, что нельзя контролировать, ты должен принять,— отметила она.

— Поскольку, наверняка, это есть деяние Божье,— откликнулся Вафф.

Тараза достаточно видела и слышала. Защитная Миссионерия снабдила ее знаниями о всех известных религиях. Другие Памяти подкрепляли это знание. Она ощутила великую необходимость безопасно выбраться из этого помещения. Надо предостеречь Одрейд!

— Можно мне сделать предложение? — спросила Тараза.

Вафф вежливо кивнул.

— Возможно, мы заложили здесь более крепкие узы, чем воображали,— сказала она.— Я предлагаю тебе гостеприимство нашего Оплота на Ракисе и услуги нашей тамошней Настоятельницы.

— Она Атридес? — спросил Вафф.

— Нет,— солгала Тараза.— Но я, безусловно, подготовлю Выводящих Матерей для твоих нужд.

— А я соберу все, что вы требуете в уплату,— сказал он.— Почему сделка будет совершена на Ракисе?

— Разве это не подходящее место? — спросила она.— Что может быть лживого в доме Пророка?

Вафф откинулся в своем кресле, его руки расслабились на коленях. Тараза, конечно, знает все надлежащие ответы. Это было откровение, которого он не ждал.

Тараза встала.

— Каждый из нас лично прислушивается к Богу,— сказала она.

«И все вместе в Кехле»,— подумал он. Он посмотрел на нее, напоминая себе, что она повинда. Никому из них не нужно доверять. Осторожность! Эта женщина, в конце концов, мегера Бене Джессерит. Известно, что они создают религии ради своих собственных целей. Повинда.

Тараза подошла ко входному люку, открыла его и

подала свой сигнал безопасности. Она снова обернулась к Ваффу, который неподвижно сидел в своем кресле. «Он не проник в наш подлинный замысел,— думала она.— Те, кого мы пошлем к нему, должны быть отобраны очень тщательно. Он никогда не должен заподозрить, что является частью нашей наживки».

Вафф бросил взгляд на нее. Его крохотное личико было спокойно.

«До чего же безмятежным он выглядит,— подумала она.— Но и его можно поймать в ловушку! Союз между Орденом и Тлейлаксом сулит такие новые притягательные возможности. Но на наших условиях!»

— До Ракиса,— сказала она.

Разве социальные наследия ушли вовне с Рассеянием? Мы слишком хорошо знаем эти времена. Мы знаем и умственное, и физическое положение дел. Затерянные унесли с собой мышление, замкнутое, в основном, на людской силе и подручной технике. У них была отчаянная нужда в расширении пространства, порождаемая мифом о Свободе. Бóльшая часть так и не усвоила более глубокий урок Тирана, что насилие налагает свои собственные ограничения. Рассеяние было диким и беспорядочным движением, истолковываемым как экспансия. Его погоняющим бичом был глубинный страх часто бессознательный перед застоем и смертью.

Рассеяние: Анализы Бене Джессерит (Архивы)

Одрейд лежала, вытянувшись на боку во весь рост на выступе эркерного окна, ее щека легко касалась теплого плаза, через который она видела Великую Площадь Кина. Она опиралась спиной на красную подушку, пахнувшую меланжем, точно так же, как пахли здесь на Ракисе, многие вещи. Позади нее были три комнаты, небольшие, но удобные и достаточно удаленные и от Храма, и от Оплота Бене Джессерит. Их переезд в это здание — одно из условий, на которых было заключено соглашение между Орденом и жрецами.

— Шиана должна более надежно охраняться,— настаивала Одрейд.

— Она не останется на попечении только Ордена! — возражал Туек.

— И не на попечении только жрецов,— возразила Одрейд.

Шестью этажами ниже эркерного окна Одрейд распростерся огромный базар, беспорядочным лабиринтом расползавшийся во все стороны, заполняя почти полностью Великую Площадь. Серебристо-желтый свет заходящего солнца омывал эту сцену сверканием, подчеркивая яркие краски торговых навесов, отбрасывая длинные тени по неровной земле. Его лучи зажигали воздух свечением там, где рассеянные кучки людей теснились около заплатанных зонтиков или товаров барахолки.

Великая Площадь не была правильным квадратом. Базар, занимавший ее, уходил на полный километр вдаль от Одрейд и более чем вдвое влево и вправо от нее — огромных размеров прямоугольник утрамбованной земли и древних камней, превращавшихся в едкую жгучую пыль под ногами дневных покупателей, пренебрегавших ужасной жарой в надежде купить повыгодней.

По мере приближения вечера базар все больше оживлялся, людей стекалось очень много, пульс их движения становился учащеннее, лихорадочнее.

Одрейд изогнула голову, стараясь увидеть, что происходит совсем близко к зданию. Кое-кто из торговцев, обосновавшихся под ее окном, расходились по ближайшим кварталам. Они скоро вернутся — после трапезы и короткой сиесты, готовые извлечь пользу из тех драгоценных часов, когда люди выходят на открытый воздух и можно спокойно дышать, не обжигая глотки.

Шиана опаздывает, отметила Одрейд. Жрецы не осмелятся задержать ее намного. Они теперь будут отчаянно работать, выпаливая в нее вопросами, увещевая ее помнить, что она — собственная посланница Бога к его Церкви. Будут напоминать Шиане о многих высосанных из пальца обязательствах верности, которые Одрейд необходимо выведать у Шианы, чтобы выставить в смешном виде и показать всю вздорность и неприглядность.

Одрейд изогнула спину и безмолвно выполняла минуту маленькие упражнения, чтобы снять напряжение. Она позволяла себе испытывать симпатию к Шиане. Мысли девушки как раз сейчас хаотичны. Шиана знает мало или вообще ничего о том, что ждет ее, когда она полностью станет ученицей Преподобной Матери. Безусловно, этот юный ум захламлен мифами и другой ерундой.

«Также был захламлен и мой ум»,— подумала Одрейд.

Но она не могла укрыться от воспоминаний в моменты, подобные этому. Ее непосредственная задача была ясна: очищение не только Шианы, но и самой себя.

Ее память Преподобной Матери, которой она теперь стала, постоянно преследовали давние воспоминания: Одрейд, пятилетняя, в уютном доме на Гамму. Дорога, на которой стоит дом, застроена особняками представителей среднего класса приморских городов планеты — одноэтажные здания на широких проспектах. Эти здания уходят далеко к извилистому берегу моря, где они уже стоят просторней, чем вдоль проспектов. Там, ближе к морю, они становятся подороже, и их владельцы не так жмутся из-за каждого квадратного метра.

Выпестованная Бене Джессерит память Одрейд блуждала по этому отдаленному дому с его обитателями, по проспектам, встречая подружек по играм. Одрейд чувствовала, как у нее сжимается в груди, и это подсказывало ей, как прочно эти воспоминания связаны с прошлым и настоящим.

Детский сад Бене Джессерит в искусственном мире Ал-Дханаба, одной из первых безопасных планет Ордена. Позже она узнала, что в свое время Бене Джессерит даже мечтал превратить всю планету в не-пространство. Это не позволили сделать только очень большие энергетические затраты.

Для девочки с Гамму, оторванной от привычного окружения и подруг, этот детский сад казался фонтаном разнообразия. Образование Бене Джессерит включало в себя интенсивную физическую подготовку. Были постоянные напоминания, что нельзя надеяться стать Преподобной Матерью, не пройдя через сильную боль и множество бесконечно утомительных упражнений, которые кажутся непосильными и невыполнимыми.

Некоторые из учениц не выдержали этой стадии. Они отступили, чтобы сделаться нянями, прислугой, работницами, случайными скрещивательницами. Они заполняли все необходимые Ордену места. Случались времена, когда Одрейд просто мечтала о такой неудаче, чувствуя, что это будет неплохая жизнь: меньшие цели — меньше ответственности. Это было до того, как она закончила первоначальный курс.

«Я думала об этом, как о победоносном окончании, а вышло с другой стороны».

Только для того, чтобы к ней предъявили новые, слишком суровые требования.

Одрейд присела на своем широком подоконнике и откинула подушку в сторону. Она повернулась спиной к базару. На базаре становится шумней. Проклятые жрецы! Они затягивают визит до крайних пределов!

«Я должна думать о моем собственном детстве, потому что это поможет мне с Шианой»,— размышляла она. И немедленно хмыкнула над своей слабостью. Еще одна отговорка!

Некоторым послушницам нужно было по меньшей мере пятьдесят лет, чтобы стать Преподобной Матерью. Основа для этого закладывалась во время Второго Этапа — урока терпения. Одрейд рано проявила склонность к глубокому изучению. Считалось вполне вероятным, что она может стать одним из ментатов Бене Джессерит, а очень возможно, архивистом. Эту идею отбросили, когда выяснилось, что ее таланты устремлены к другому выгодному направлению. На Доме Соборов ее сориентировали на выполнение более деликатных обязанностей.

БЕЗОПАСНОСТЬ.

Дикий талант Атридесов частенько использовался таким образом. Внимание к подробностям, вот что отличало Одрейд. Она понимала, что Сестры, хорошо ее зная, способны предсказать какие-то ее действия. Тараза делала это постоянно. Одрейд слышала объяснение из собственных уст Тразы:

— Личность Одрейд чрезвычайно сказывается на исполнении ею своих обязанностей.

Была шутка на Доме Соборов: «Что делает Одрейд, когда она не при исполнении обязанностей? Она берется за работу».

На Доме Соборов не было необходимости прикрываться масками, которые любая Преподобная Мать машинально использовала при общении с внешним миром. Она могла на секунду показать свои чувства, открыто признавать ошибки свои и других, испытывать печаль или горечь и даже счастье. Мужчины были достижимы, но не для воспроизводства, для периодического умиротворения. Все мужчины такого рода на Доме Соборов Бене Джессерит были крайне обаятельны, и некоторые были даже искренни в своем обаянии. Эти немногие, конечно, пользовались большим спросом.

ЭМОЦИИ.

Понимание этого проскользнуло в уме Одрейд.

«Значит, я опять пришла к тому же, что и всегда».

Спиной Одрейд ощущала тепло вечернего солнца Ракиса. Она знала, где находится ее тело, но мысли были открыты навстречу предстоящей встрече с Шианой.

ЛЮБОВЬ.

Это было бы так легко и столь же опасно.

В этот момент она позавидовала стационарным Матерям — тем, кому позволялось прожить всю жизнь с единственным, выбранным в супруги, скрещивающимся партнером. От такого союза произошел Майлс Тег. Иные Памяти рассказывали, как это было у леди Джессики с ее герцогом. Даже Муад Диб выбрал эту же форму совместной жизни.

«Это не для меня».

Одрейд признавалась себе в горькой зависти, что ей не дозволено вести такую жизнь. Чем компенсируется это в той жизни, в которую ее направляют?

«Жизнь без любви можно активней посвятить Ордену. Мы обеспечиваем посвященным наши собственные формы поддержки. Но тревожься насчет сексуальных развлечений. Это достижимо в любой момент, когда ты почувствуешь в этом необходимость».

С ОБАЯТЕЛЬНЫМИ МУЖЧИНАМИ!

Со времен леди Джессики через времена Тирана и после них изменилось очень многое... Бене Джессерит. Каждая Преподобная Мать это знала.

Глубокий вздох сотряс Одрейд. Она оглянулась через плечо на базар. До сих пор ни признака Шианы.

«Я не должна любить это дитя!»

Вот и все. Одрейд закончила предписываемое Бене Джессерит мнемоническое проигрывание. Она изогнула свое тело и уселась, скрестив ноги, на подоконнике. Ей открывался отличный вид на весь базар, на крыши города и его водный резервуар. Она знала, что немногие оставшиеся холмы к югу — последние остатки Защитной Стены Дюны, высоких хребтов главной горной породы, проломленных Муад Дибом и его легионами на песчаных червях.

Танцующая дымка жары виднелась за кванатом и каналом, защищавшим Кин от вторжения новых червей. Одрейд грустно улыбнулась. Жрецы не находили ничего странного в том, чтобы ограждать свои общины и не позволять Разделенному Богу совершать набеги на них.

«Мы станем поклоняться тебе, Бог, но не докучай нам. Это наша религия, наш город. Ты видишь, мы больше не называем это место Арракин, теперь это Кин. Планета эта больше не Дюна и не Арракис. Теперь она Ракис. Держись на расстоянии, Бог. Ты — прошлое, а прошлое всегда надоедает».

Одрейд посмотрела на отдаленные холмы, танцующие в мерцании жары. Иные Памяти накладывались на этот древний пейзаж. Она знала его прошлое.

«Если жрецы еще немного затянут с возвращением Шианы, я их покараю».

Жара, собранная за день землей и толстыми стенами, окружавшими Великую Площадь, все еще заполняла базар. Воздух над базаром дрожал не только от жары, но и от дыма множества небольших костров, зажженных в окружающих зданиях и под навесами, разбросанными по всей площади. День был жарким, больше тридцати восьми градусов. Но здание — бывший центр Рыбословш — охлаждалось икшианскими механизмами с испарительными бассейнами на крыше.

«Нам здесь будет комфортно».

Здесь они будут в безопасности настолько, насколько это можно обеспечить защитными мерами Бене Джессерит. Преподобные Матери ходят по этим коридорам туда-сюда. У жрецов есть свои представители в этом здании, но никто из них не посмеет себя навязывать, если Одрейд сама не захочет их видеть. Шиана будет здесь встречаться с ними только случайно, но все эти случаи будет позволять исключительно Одрейд.

«Это происходит,— подумала Одрейд.— План Таразы движется вперед».

В памяти Одрейд были еще свежи сообщения последней связи с Домом Соборов. Открытия по поводу тлейлаксанцев наполняли Одрейд возбуждением, которое она старалась скрыть. Этот Вафф, этот тлейлаксанский Господин, будет восхитительным предметом — изучения.

ДЗЕНСУННИТ! И СУФИ!

«Ритуальный образец, замороженный на тысячелетия»,— объясняла Тараза.

Между строк в послании можно прочитать и другое: «Тараза возлагает на меня свое полное доверие». Одрейд почувствовала прилив сил при осознании этого.

«Шиана — это точка опоры. Мы — рычаг. Наша сила проистекает из многих источников».

Одрейд расслабились. Она знала, что Шиана не разрешит жрецам задерживать ее долго. Даже сама Одрейд, умеющая держать себя в руках, не могла справиться с приступами дурных подозрений. Шиане, вероятно, еще труднее.

Они стали заговорщицами — Одрейд и Шиана. Это первый шаг. Для Шианы — чудесная игра. Она рождена и воспитана в недоверии к жрецам. Как же для нее здорово найти, в конце концов, союзника!

Какое-то движение всколыхнуло людей прямо под окном Одрейд. Она с интересом посмотрела вниз. Там пять обнаженных мужчин, взявшись за руки стали в круг. Их одежда и стилсъюты лежали грудой в стороне под охраной темнокожей девушки в длинном коричневом платье из спайсового волокна. Ее волосы были перевязаны красной тряпкой.

ТАНЦОРЫ!

Одрейд читала множество донесений об этом феномене, но наблюдала она это впервые со времени своего прибытия. Среди зрителей она увидела трех высоких жрецов-стражей в желтых шлемах с высокими гребнями. Охранники носили короткие накидки, которые оставляли ноги свободными для действия, у каждого было выкованное из металла копье.

После того как танцоры стали в круг, в толпе зрителей начало явно нарастать напряжение. Одрейд уже поняла, что это такое: скоро последует скандирующий крик неистовства и грандиозная рукопашная. Будут проламываться головы. Польется кровь. Люди будут кричать и метаться вокруг. В конце концов все уляжется без официального вмешательства. Некоторые уйдут плача. Некоторые — смеясь. И охранники-жрецы не будут вмешиваться.

Бесцельное безумие этого танца, его последствия многие века занимали Бене Джессерит. Сейчас оно привлекло жадное внимание Одрейд. Защитная Миссионерия проследила, как этот ритуал переходил из поколения в поколение. Ракианцы называли его «танцем развлечения». Были у него еще и другие названия, и самым значительным среди них — «Сиайнок». Вот во что превратился величайший ритуал Тирана, момент его сопричастия со своими Рыбословшами.

Одрейд хорошо распознала энергию, заложенную в этом феномене, и испытывала уважение к ней. Ни одна

Преподобная Мать не оказалась бы слепа к такой энергии. Одрейд, однако, коробило ее бесплодное расточительство. Такие вещи следует искусственно направлять и концентрировать. Этот ритуал можно использовать для дела. Он сейчас только истощал силы, которые должны бы стать разрушительными для жрецов, если бы пары не выпускали.

В ноздри Одрейд поплыл сладкий фруктовый запах. Она чихнула и посмотрела на вентиляторы возле своего окна. Жар от толпы и согретой земли вызвал восходящий поток воздуха. Он и принес запахи снизу через икшианские вентиляторы. Одрейд прижалась лицом к плазу, чтобы посмотреть вниз. Вот оно: или танцоры, или толпа опрокинули торговую палатку. Танцоры топтались по фруктам. Желтый сок обрызгал их до самых бедер.

Среди наблюдателей Одрейд обнаружила торговца фруктами — знакомое сморщенное лицо, которое она видела несколько раз в этой палатке рядом со входом в здание. Ему словно наплевать было на понесенные убытки. Как и все остальные вокруг него, он сосредоточил свое внимание только на танцорах. Пять обнаженных мужчин двигались разболтанными движениями, высоко вскидывая ноги, неритмичное и на вид не скоординированное представление, которое периодически повторялось — трое танцоров двумя ногами на земле, двое подняты в воздух над своими партнерами.

Это было похоже на древний обычай Свободных — хождение по песку. Этот занятый танец — ископаемое, уходящее корнями в древнюю необходимость двигаться так, чтобы ничем не выдать своего присутствия червю.

Танцоры начали все больше обрастать тесной толпой, собиравшейся вокруг них со всего огромного прямоугольника базара; люди в толпе подпрыгивали как детские игрушки, чтобы поверх голов хоть на секунду бросить взгляд на пятерых обнаженных мужчин.

Затем Одрейд увидела эскорт Шианы, двигавшийся далеко справа, где на площадь выходил широкий проспект. Символы охоты на животных, изображенные на зданиях, говорили, что эта широкая улица является Дорогой Божьей. Согласно историческим источникам, по этому проспекту проходил маршрут Лито II в город из его обнесенного высокими стенами Сарьера, расположенного далеко к югу. Если внимательно приглядеться к деталям,

можно различить некоторые из форм и образцов, которые при Тиране были городом Онн — фестивальным центром, построенным вокруг более древнего города Арракина. Он стер многие отметины Арракина, но кое-какие проспекты остались: некоторые здания были слишком полезны, чтобы заменять их другими. А здания определяли улицы.

Эскорт Шианы остановился там, где проспект растворялся в базаре. Охранники в желтых шлемах двинулись вперед, очищая путь древками своих копий. Охранники были высоки. Когда они ставили свои копья на землю, у самого низкого из них толстое двухметровое древко доходило только до плеча. Даже среди самой беспорядочной толпы нельзя было не заметить охранников-жрецов, но защитники Шианы были самыми высокими из высоких.

Они опять тронулись по направлению к зданию. Их одежды распахивались на каждом шагу, обнажая серый лоск лучших стилсъютов. Они двигались прямо вперед — пятнадцать человек на огромном пространстве, окаймлявшем скоплении палаток.

Разношерстная группка жриц с Шианой в центре шла следом за стражами. Одрейд усмотрела в центре эскорта знакомую фигурку Шианы, пятнышки солнца в ее волосах и гордо вскинутое лицо. Однако больше всего ее интересовали жрецы-охранники. Они перемещались с высокомерием, заложенным в них с детства. Охрана знала, что они лучше простого люда. И простой люд расступался перед ними, открывая путь для сопровождения Шианы.

Все это происходило так непринужденно, что Одрейд увидела за этим древний образец, словно наблюдала другой ритуальный танец, который тоже не изменился за тысячелетия.

Как это часто с ней бывало, Одрейд подумала о себе как об археологе, но не из тех, что просеивают землю ради пыльных остатков столетий, а, скорее, из тех, кто также, как и Орден, часто сосредоточивал свой разум на обычаях, которые люди несли с собой из своего прошлого. Здесь ясно проступал личный замысел Тирана. Приближение Шианы было тем, что заложено самим Богом-Императором.

Пятеро обнаженных мужчин под окном Одрейд продолжали танцевать. Одрейд, однако, среди наблюдающих заметила нечто новое. Никто вроде бы и не поворачивал головы в направлении приближающейся фаланги жрецов-

охранников, но глазеющая на танец толпа их явно уже не высмотрела.

«Животные всегда чуют приближение погонщиков».

Стало видно, как теперь участился пульс беспокойства толпы. Они неподражаемы в своем хаосе! Откуда-то из задних рядов вылетел ком земли и шлепнулся около танцоров. Пятеро не сбились с шага в своем растянутом танце, но их скорость возросла. Количество движений между повторениями говорило о превосходной памяти.

Еще один ком грязи вылетел из толпы и ударил в плечо танцору. Никто из пятерых не вздрогнул.

Толпа начала вопить и скандировать. Некоторые выкрикивали проклятия. Вопли переросли в хлопанье в ладоши, перебивающее ритм движений танцоров.

Но танец не изменился.

Скандирование толпы стало грубым ритмом, отзвуки которого отражались эхом от стен Великой Площади. Толпа стремилась заставить танцоров сбиться с ритма. Одрейд прочувствовала глубокую значимость сцены происходившей перед ней.

Отряд Шианы уже проделал бóльшую часть пути через базар. Они продвигались широкими проходами между палатками и повернули теперь прямо по направлению к Одрейд. До главного скопления толпы эскорту было метров пятьдесят. Охранники шли ровным уверенным шагом с пренебрежением к тем, кто суетился по бокам. Их глаза под желтыми шлемами были устремлены прямо вперед. Ни один из приближавшихся охранников внешне никак не показал, что видит толпу, или танцоров, или любое другое препятствие, которое может его задержать.

Толпа резко прекратила скандировать, будто невидимый дирижер махнул рукой, подавая знак к молчанию. Пятеро продолжали танцевать. Молчание было заряжено такой мощью, что Одрейд почувствовала, как у нее волосы встают дыбом. Прямо под Одрейд трое жрецов-охранников, стоявших среди зрителей, повернулись как один и удалились из пределов видимости в свое здание.

В середине толпы женщина выкрикнула проклятие.

Танцоры никак не отреагировали.

Толпа стала сжиматься, ограничивая пространство вокруг танцоров по меньшей мере наполовину. Девушки, охранявшей стилсъюты и одеяния танцоров, не было видно.

Фаланга эскорта Шианы надвигалась прямо на танцо-

ров — жрицы и их юная подопечная в кольце охраны. Справа от Одрейд началось побоище. Люди принялись дубасить друг друга, описывая в воздухе дуги, в танцующих полетели различные предметы. Толпа возобновила свое скандирование в ускоренном темпе.

Вместе с этим задние ряды толпы расступились, пропуская охранников. Зрители не отрывали своих взглядов от танцоров, не прекращали своего участия во всевозрастающем хаосе, но дорогу освободили.

Захваченная зрелищем Одрейд смотрела вниз. Сколько всего происходило одновременно: побоище, проклинающие и дубасящие друг друга люди, продолжающееся скандирование, безмятежное приближение охранников!

За щитом из жриц было видно, как Шиана смотрит по сторонам, стараясь разглядеть всю суматоху вокруг себя.

В руках у кое-кого из толпы появились дубинки, они стали колотить находившихся рядом, но никто не угрожал ни жрецам, ни любому другому из отряда Шианы.

Танцоры продолжали подпрыгивать внутри сузившегося круга зрителей. Толпа все больше теснила их к стене дома Одрейд, и ей пришлось сильнее прижаться к глазу, чтобы смотреть вниз под очень острым углом.

Охранники, сопровождавшие Шиану, двигались посреди хаоса по освобождающемуся пути. Жрицы не глядели ни влево, ни вправо. Охранники в желтых шлемах смотрели только вперед.

«Презрение — слишком слабое слово, чтобы описать такое»,— подумала Одрейд.

Неправильно было бы сказать, что беснующаяся толпа не обращала внимания на передвижения отряда. Одни признавали присутствие других, но существовали в разделенных мирах, соблюдая строгие правила такого разделения. Только Шиана пренебрегала негласным протоколом, подпрыгивая вверх, чтобы хоть одним глазком увидеть что-нибудь из-за прикрывавших ее тел.

Толпа прямо под Одрейд хлынула вперед. Этот натиск смял танцоров, взметнул, как щепки, подхваченные гигантским водоворотом. Одрейд разглядела мелькание обнаженных тел и то, как их толкали и перепихивали из рук в руки в нараставшем хаосе.

Сосредоточив внимание, Одрейд сумела разобрать звуки, доносившиеся до нее.

Настоящее сумасшествие!

Никто из танцоров не сопротивлялся. Убивают ли их? Жертвоприношение ли это? Анализы Ордена еще ни разу не сталкивались с такой реальностью.

Желтые шлемы под Одрейд направились в сторону, открывая дорогу для Шианы и ее жриц, чтобы войти в здание, затем охранники сомкнули ряды. Они повернулись и составили защитную арку вокруг входа в здание — вертикально опустили пики в горизонтальном положении на уровне поясницы.

Хаос перед ними начинал стихать. Не было видно никого из танцоров, но были видны жертвы: кто-то распростерт на земле, кто-то с трудом волочил ноги. Были видны окровавленные головы.

Одрейд не увидела Шиану и жриц, когда те вошли в здание. Она ушла в себя и постаралась разобраться в том, чему только что была свидетельницей.

Немыслимо!

Ни одна из голографических записей Одрейд нисколько не передавала увиденного ею! Частично в этом сказывалось отсутствие запахов — пыли, пота, создававших концентрацию напряженной человеческой толпы. Одрейд глубоко вздохнула. Она почувствовала, как внутри у нее все дрожит. Толпа распалась на отдельных людей, разбредавшихся с базара. Она увидела плакальщиц. Кто-то проклинал, кто-то смелся.

Дверь позади Одрейд распахнулась. Вошла смеющаяся Шиана. Одрейд обернулась всем телом, мельком увидев в холле собственную стражу и нескольких жриц. Шиана прикрыла дверь.

Темно-карие глаза девочки поблескивали от возбуждения. Ее узкое лицо, в очертаниях которого уже намечалась плавность превращения во взрослое, говорило о напряженно сдерживаемых чувствах. Это выражение угасло, Шиана взглянула на Одрейд.

«Очень хорошо,— подумала Одрейд, наблюдая.— Урок первый о самообладании уже начался».

— Ты видела танцоров? — спросила Шиана, крутясь и подпрыгивая, приближаясь к Одрейд, чтобы остановиться перед ней.— Разве они не прекрасны? По-моему, они так хороши! Каиа не хотела, чтобы я смотрела. Она сказала, что мне опасно принимать участие в Сиайноке. Но мне на это наплевать! Шайтан никогда не съест этих танцоров!

С внезапно нахлынувшим пониманием, которое она испытала лишь однажды во время Спайсовой Агонии,

Одрейд воочию увидела всю схему только что происходившего на Великой Площади. Ей понадобились присутствие и слова Шианы, чтобы все стало просто и понятно.

ЯЗЫК.

Глубоко внутри коллективного сознания этой толпы заложен абсолютно бессознательный язык, которым передается то, что не должно быть понятым другими. Об этом говорили танцоры. На этом языке говорила Шиана. Этот язык составлялся из сложной комбинации тонов голоса, движений, запахов, которая складывалась и развивалась по тем же причинам, что и все другие языки.

Из необходимости.

Одрейд улыбнулась счастливой девочке, стоявшей перед ней. Теперь Одрейд знала, как заманить в ловушку тлейлаксанцев. Теперь она знала больше и о замысле Таразы.

«Мы дождемся прибытия этого тлейлаксанского Господина, этого Ваффа. Мы возьмем его с собой! Я буду сопровождать Шиану при первой же возможности в пустыню».

Воля и Свобода — два сложносоставных понятия. Они уходят корнями к религиозным идеям Свободной Воли и перекликаются с Божественной Властью, подразумеваемой в абсолютных монархах. Без абсолютных монархов, слепленных со Старых Богов и правящих по благоволению веры в религиозное отпущение, Воля и Свобода никогда бы не обрели их прежнего значения. Эти идеалы самим своим существованием обязаны прошлым примерам угнетения. И силы, поддерживающие такие идеи, будут разрушаться, если только их не обновит драматический урок нового угнетения. Вот ключ к моей жизни.

Лито II, Бог-Император Дюны: из Записей в Дар-Эс-Балате

В густом лесу, километрах в тридцати к северо-востоку от Оплота Гамму, Тег заставил Луциллу и Данкана ждать под прикрытием одеяла жизнеутаивающего поля до тех пор, пока солнце не скрылось за высокогорье на западе.

— Завтра мы пойдем в новом направлении,— заявил он.

Уже три ночи он вел их через закрытую деревьями

тьму, мастерски демонстрируя свою память ментата, направляя каждый шаг точь-в-точь по тому следу, который проложил для него Патрин.

— У меня все тело затекло от неподвижности,— пожаловалась Луцилла.— И ночь эта тоже, наверное, будет холодной.

Тег сложил одеяло жизнеутаивающего поля и убрал в рюкзак.

— Вы можете чуть-чуть поразмяться, походить вокруг,— сказал он.— Но мы не двинемся отсюда до полной тьмы.

Тег, усевшись спиной к стволу густоветвистой сосны, посмотрел, как Луцилла и Данкан выбрались на прогалину. В какой-то миг они остановились — морозец, идущий на смену последним летучим остаткам дневного тепла, пробрал их ознобом. «Да, сегодня опять будет холодная ночь»,— промелькнуло у Тега, но у него не будет возможности думать об этом.

НЕПРЕДВИДЕННОЕ.

Шванги никогда не заподозрит, что они до сих пор настолько близки к Оплоту и движутся пешком.

«Таразе следовало бы яснее выражать свои предостережения насчет Шванги»,— думал Тег. Яростное и открытое неповиновение Шванги Верховной Матери было настолько вне всяких традиций Ордена, что логика ментата не воспринимала такое положение без большого количества данных.

Память преподнесла ему присказку его школьных дней, одно из тех предупреждений-афоризмов, которые помогали ментату управлять своей логикой: «Когда виден хвост настолько безупречной логики, что бритве Оккама нечего отсекать, путь следования ментата такой логике может привести к личной катастрофе». Значит, было известно, что логика, случается, никуда не годится.

Его мысли опять обратились к поведению Таразы на корабле Космического Союза и сразу же после. «Она хотела, чтобы я знал, что буду полностью предоставлен самому себе. Я должен смотреть на вещи с моей собственной точки зрения, а не с ее».

Значит, угроза от Шванги — угроза неподдельная, и он ее выявил, встретил лицом к лицу и отвел своими собственными средствами.

Тараза не знала, что из-за всего этого произойдет с Патрином.

«Тараза, на самом деле, не очень-то беспокоится, что произойдет с Патрином. Или со мной. Или с Луциллой. Но как насчет этого гхолы? Вот тут Таразе не наплевать!»

Нелогично, чтобы она... Тег приостановил эту линию выводов. Тараза не хотела, чтобы он действовал логично. Она хотела, чтобы он действовал именно так, как действует, как он всегда действовал, оказываясь в затруднительности положении.

НЕПРЕДВИДЕННОЕ.

Значит, за всеми событиями стоит логическая модель, но участники событий выпадут из гнезда в хаос, если будут следовать логике.

«Из хаоса мы должны извлечь наш собственный порядок».

Печаль заполонила его сознание.

«Патрин! Черт тебя возьми, Патрин! Ты знал, а я нет! Что я буду без тебя делать?»

Тег почти наяву услышал ответ старого помощника — этот жесткий «службистский» голос, которым Патрин всегда пользовался, когда укорял своего командира: «Справишься так, что лучше некуда, башар».

Сильным холодом веяло от железно выводимых друг из друга умозаключений — Тег никогда не увидит Патрина во плоти и не услышит вновь голос старика. И все же... голос оставался. Человек жил в его памяти.

— Не пора ли нам двигаться?

Это Луцилла задала вопрос. Она стояла прямо перед ним под деревом. Данкан ждал рядом с ней. Они оба уже надели на плечи рюкзаки.

Пока он сидел раздумывая, наступила ночь. Небо было усеяно яркими звездами, от которых на прогалине возникали смутные тени. Тег поднялся на ноги, взял рюкзак и, наклонившись, чтобы не налететь на самые низкие ветки, вышел на прогалину. Данкан помог Тегу надеть на плечи его рюкзак.

— Шванги в конце концов до этого додумается,— сказала Луцилла.— Ее охотники будут преследовать нас. Ты это знаешь.

— Нет, до тех пор, пока они не пройдут до самого конца ложного следа и не уткнутся в этот конец,— сказал Тег.— Пойдем.

И он повел их на запад, через просвет между деревьями.

Уже три ночи он вел их по тому, что называл «памятной

тропой Патрина». Сейчас, в эту четвертую ночь, Тег укорил себя за то, что не спроецировал логические последствия поведения Патрина.

«Зная глубину его преданности, я не спроецировал эту преданность до наиболее очевидного результата. Мы так много лет были вместе, что считал, будто знаю его ум, как свой собственный. Патрин, чтоб тебя! Тебе не было необходимости умирать!»

Тут Тегу пришлось признаться себе, что на самом деле такая необходимость была. Патрин ее увидел. А ментат сам помешал себе ее разглядеть. Логика может ослеплять не меньше чем любая другая способность.

«Итак, мы передвигаемся пешком. Шванги этого не ожидает».

Тег был вынужден признать, что пешее передвижение по диким местам Гамму полностью изменило его взгляды.

Всему региону было позволено буйно зарасти флорой во времена Голода и Расоеяния. Позже были сделаны новые посадки.

Тег вообразил Патрина юношей, исследующим это место — скалистый отрог, чуть-чуть видимый в звездном свете за деревьями, покрытый пиками отдаленного леса мыс, тропки, ведущие мимо гигантских деревьев.

«Они будут ждать, что мы попытаемся бежать на некорабль,— на этом сошлись и он, и Патрин, согласовывая свой план.— Приманка должна направить охотников в таком направлении».

Только Патрин не сказал ему, что приманкой будет он сам.

Тег сглотнул комок в горле.

«Данкана нельзя было защитить в Оплоте»,— оправдывался он.

Это была правда.

Луциллу лихорадило весь первый день под одеялом жизнеутаивающего поля, скрывавшим их от обнаружения приборами, ищущими с воздуха.

— Мы должны послать весточку Таразе!

— Когда сможем.

— Что если с тобой что-нибудь случится? Я должна знать все о нашем плане бегства.

— Если со мной что-нибудь произойдет, то ты все равно не сможешь пройти тропой Патрина: нет времени вложить ее в твою память.

Данкан в тот день почти не принимал участия в разговорах. Он молчаливо наблюдал за ними или дремал, просыпаясь резко, с гневным взглядом в глазах.

Только на второй день под одеялом жизнеутаивающего поля Данкан вдруг спросил Тега:

— Почему они хотят меня убить?

— Чтобы разрушить планы Ордена, основанные на тебе,— ответил тот.

Данкан грозно взглянул на Луциллу.

— Какие это планы?

Когда Луцилла не ответила, Данкан проговорил:

— Она знает. Знает, потому что мне, как бы заранее, предписано доверять ей и любить ее!

Тег подумал, что Луцилла очень хорошо скрыла свое разочарование. Все ее планы в отношении гхолы стали хаотическими, их бегство нарушило всю задуманную последовательность.

Поведение Данкана выдвинуло и другую вероятность: не является ли гхола потенциальным Видящим Правду? Какие дополнительные силы заложены в этого гхолу коварными тлейлаксанцами?

В их вторую ночь в этой глуши Луцилла была полна обвинениями:

— Тараза приказала тебе восстановить его исходную память! Когда ты сможешь это сделать? Когда?

— Тогда, когда мы достигнем убежища.

В эту ночь сопровождал их Данкан, молчаливый и чрезвычайно бодрый. В нем обнаружилась новая жизненная сила. Он услышал!

«Ничто не должно повредить Тегу,— думал Данкан.— Где бы ни было это убежище, Тег должен достичь его. Тогда я вспомню все!»

Данкан не знал, что́ именно он вспомнит, но теперь он полностью принимал цену, которую надо за это заплатить. Глушь должна привести к этой цели. Он припомнил, как смотрел на дикие места из Оплота, мечтая оказаться здесь, на свободе. Ощущение неприкосновенной свободы прошло. Глушь была всего лишь тропой к чему-то важному.

Луцилла, идущая в их арьергарде, заставляла себя сохранять спокойствие и живость и принимать то, что она не может изменить. Частично она твердо следовала указаниям Таразы: «Держись поближе к гхоле, а когда придет момент, заверши данное тебе задание».

Шаг за шагом тело Тега отмеряло километры. Это чет-

вертая ночь По расчетам Патрина, им нужно четыре ночи, чтобы добраться до цели.

И КАКОЙ ЦЕЛИ!

План бегства на случай опасности основывался на открытии совсем юного в ту пору Патрина, обнаружившего одну из многих тайн Гамму. Разговор с Патрином всплыл в памяти Тега.

«Под предлогом одиночного разведывательного обхода я два дня назад там побывал. Там ничего не тронуто. Я до сих пор единственный человек, когда-либо туда попадавший»

«Откуда ты можешь быть уверен?»

«Я принял свои собственные меры предосторожности, когда покидал Гамму много лет назад, маленькие штучки, которые были бы потревожены другим человеком. Ничто не было передвинуто».

«Харконненовский не-глоуб?»

«Очень старый, но все палаты так и остались неприкосновенными и работающими»

«Как насчет еды, воды...»

«Все, чего ты только ни пожелаешь, ты найдешь там в нуллентропных ларях в самой сердцевине не-глоуба».

Тег и Патрин составляли свой план, надеясь, что им никогда не придется использовать этот аварийный ход, хотя и тщательно оберегали свой секрет, пока Патрин закладывал в память Тега тайный путь к открытию своего детства.

Позади Тега Луцилла споткнулась о корень и чуть задохнулась.

«Мне бы следовало предостеречь ее»,— подумал Тег. Данкан явно следует за Тегом по звуку. Луцилла — настолько же явно — в основном сосредоточена на своих собственных мыслях.

«Схожесть ее лица с лицом Дарви Одрейд феноменальна»,— сказал сам себе Тег. Там, в Оплоте, увидев двух женщин бок о бок, он рассмотрел и различия, наложенные разницей в возрасте. Юность Луциллы проявлялась в том, что в ней было больше подкожного жира, лицо помягче. Но голоса! Тембр, выговор, нюансировка — общий отпечаток манеры разговаривать Бене Джессерит. В темноте их было не отличить друг от друга.

Зная Бене Джессерит так, как знал он, Тег отлично понимал, что это не случайность. Учитывая, как заботился

Бене Джессерит о дублировании и даже повторном дублировании своих отборных генетических линий ради сохранения ценного материала, где-то у этих женщин должно было быть пересечение общего предка.

«Атридесы все мы»,— подумал он.

Тараза не раскрыла ему своего замысла насчет гхолы, но работа по осуществлению этого замысла дала Тегу доступ к все большему его постижению. Не точная модель, но он уже начинал чувствовать все контуры.

Поколение за поколением Орден вел дела с Тлейлаксом, покупал гхол Айдахо, готовил их здесь на Гамму — только для того, чтобы их убивали. Все время ожидая нужного момента. Это смахивало на жестокую игру — и игра эта достигла своей самой критической точки, потому что на Ракисе появилась девушка, умеющая управлять червями.

Сама Гамму должна быть частью этого замысла. Келадданские приметы по всей планете. Данианская утонченность, наслоившаяся на древнее варварство. Что-то другое, чем население, вышедшее из данианского убежища, где бабушка Тирана, леди Джессика, доживала свои дни.

Тег видел очевидные и неочевидные приметы во время своего первого разведывательного объезда Гамму.

БОГАТСТВО!

Свидетельства ему повсюду — только глаза имей. Оно обволакивало их мироздание, двигаясь как амеба, просачиваясь в любое место, где только можно пристроиться. Богатство из Рассеяния на Гамму, так понимал это Тег. Богатство столь великое, что немногие подозревали (или могли вообразить) его размеры и могущество.

Вдруг он резко остановился. Приметы ландшафта перед его глазами требовали полного внимания. Перед ними был обнаженный выступ голой скалы, определяющие его пометки помещены в память Тега Патрином — это был один из самых опасных переходов.

«Никакие пещеры или густые заросли не скроют вас. Держите наготове одеяла»,— говорил Патрин.

Тег извлек одеяло жизнеутаивающего поля из своего рюкзака и перекинул через руку. Потом показал, что им необходимо продолжить путь. Когда он двинулся, темное плетение полеобразующей ткани защитного одеяла зашелестело с присвистом о его тело.

«Луцилла становится все менее загадочной», — подумал он. Так и хотелось добавлять «леди» перед ее именем.

Леди Луцилла. Нет сомнения, что ей это понравилось бы. Немногие титулованные подобным образом Преподобные Матери встречались сейчас, когда Великие Дома стали возрождаться из долгого упадка, наложенного на них Золотой Тропой Тирана.

Луцилла — соблазнительница, Геноносительница.

Все женщины в Ордене были мастерицами по сексу. Мать Тега еще в юности обучила его тому, как работает эта система, отыскивая местных женщин отборной селекции, развивая и оттачивая его чуткость к приметам, проявлявшимся и в нем, и в женщине. Прививать такую чувствительность без ведома и надзора Дома Соборов не разрешалось, но мать Тега была одной из еретичек Ордена.

«Тебе это понадобится, Майлс».

Несомненно, в ней была некая сила провидения. Она вооружала его против Геноносительниц-специалисток, владеющих искусством бесконечно усиливать оргазм, бессознательными связями привязывая мужчину к женщине.

«Луцилла и Данкан. Оттиск на ней станет оттиском и на Одрейд».

Тег почти услышал, как, щелкнув, плотно соединились друг с другом все кусочки в его мозгу. Тогда что же насчет этой молодой девушки на Ракисе? Научила ли Луцилла ее технике соблазнения закодированного ею ученика, вооружит ли его возможностями заманить ту, что управляет червями?

«Недостаточно данных для первичной компутации».

Тег помедлил в конце опасного открытого прохода через скалы. Он убрал одеяло и закрыл рюкзак. Данкан и Луцилла стояли вплотную позади него. Он испустил тяжелый вздох. Он всегда опасался за одеяло: оно не обладало отражающими силами полного боевого защитного поля, и если в него попадал лазерный луч, то последующий быстрый огонь становился смертоносным.

«Опасные игрушки!»

Вот как теперь Тег классифицировал такие вооружения и механические приспособления. Лучше рассчитывать на свои мозги и тренированное тело, на пять подходов Бене Джессерит, которым научила его мать.

«Пользуйся инструментами только тогда, когда они совершенно необходимы, чтобы усилить плоть» — таково учение Бене Джессерит.

— Почему мы останавливаемся? — прошептала Луцилла.

— Я прислушиваюсь к ночи,— ответил Тег.

Данкан — его лицо казалось призрачным пятном в звездном свете, просеянном сквозь деревья — смотрел на Тега. Тег действовал на него успокаивающе. «Где-то в моей недостижимой памяти хранятся черты этого лица,— думал Данкан.— Я могу доверять этому человеку».

Луцилла заподозрила, что они остановились здесь потому, что старое тело Тега потребовало отдыха, но она не могла заставить себя сказать это. Тег утверждал, что в его плане бегства есть способ доставки Данкана на Ракис. Отлично! Вот все, что в данный момент имело значение.

Она уже сообразила, что убежище, бывшее их целью, окажется чем-то вроде не-корабля или не-палаты. Ничто другое не подходило. Каким-то образом ключом к этому являлся Патрин, который, по намекам Тега, и проложил маршрут бегства.

Луцилла первой уяснила, как Патрин должен будет заплатить за их бегство. Патрин был самым слабым звеном. Он оставался позади, там, где Шванги могла его захватить. Схватить приманку — это неизбежно. Только глупец мог считать, будто Преподобная Мать уровня Шванги будет не в состоянии вытрясти все секреты из простого мужчины. Шванги даже не понадобилось бы тяжелое убеждение. Тонкое использование Голоса и тех болезненных форм допроса, которые остаются монополией Ордена,— коробочка мучений и давление на нервные узлы — вот и все, что ей необходимо.

И Луцилле уже тогда стало ясно, куда заведет Патрина его преданность. Как же Тег мог быть настолько слеп?

ЛЮБОВЬ!

Долгие узы доверия между двумя мужчинами. Шванги будет действовать быстро и жестоко. Патрин это понимал. Тег просто не сделал соответствующих выводов из своего знания Патрина. Крик Данкана вывел ее из задумчивости.

— Топтер! Сзади нас!

— Быстро! — Тег выхватил одеяло из рюкзака и набросил его на них. Они скорчились в пахнущей землей тьме, прислушиваясь к орнитоптеру, пролетающему над ними. Он не приостановился и полетел дальше.

Когда они окончательно убедились, что их не засекли, Тег опять повел их по следу памяти Патрина.

— Это был охотник,— сказала Луцилла.— Или они заподозрили, что мы... или Патрин...

— Побереги свои силы для ходьбы,— огрызнулся Тег.

Она не стала на него давить. Они оба знали, что Патрин мертв. Спор об этом бесполезен.

«Этот ментат глубоко копает»,— сказала сама себе Луцилла.

Тег был сыном Преподобной Матери, и мать подготовила его сверх дозволительных пределов, прежде чем Орден забрал его в свои руки. Неизвестные возможности таились здесь не только в гхоле.

Тропа шла, петляя взад и вперед — тропа дичи, карабкающейся по крутым склонам через густой лес. Звездный свет не проникал сквозь деревья. Только чудесная память ментата безошибочно помогала им идти по тропе.

Луцилла ощутила угольную крошку под ногами. Она прислушивалась к движениям Тега, считывая их, чтобы двигаться, как и он.

«До чего же молчалив Данкан,— размышляла она.— До чего же замкнут». Он повинуется приказам. Он следует туда, куда Тег их ведет. Она чувствовала, на чем основывается покорность Данкана. Он держит совет сам с собой. Данкан подчиняется, потому что его устраивает выполнять чужую волю — это пока. Бунт Шванги посеял некую яростную независимость в этом гхоле. Так что же свое вмонтировали в него тлейлаксанцы?

Тег остановился на ровном месте под высокими деревьями, чтобы передохнуть. Луцилла услышала, как он глубоко дышит. Это еще раз ей напомнило, что ментат — глубокий старик, слишком старый для таких походов. Она тихо проговорила:

— С тобой все в порядке, Майлс?

— Я скажу, если со мной что-то будет не так.

— Сколько нам еще идти? — спросил Данкан.

— Осталось совсем немного.

Вскоре он опять повел их сквозь ночь.

— Мы должны спешить,— сказал он.— Этот седловой хребет — заключительный отрезок пути.

Сейчас, когда он принял факт смерти Патрина, мысли Тега повернулись, как стрелка компаса, к Шванги, к тому, что она должна сейчас испытывать. У Шванги, наверное, ощущение, словно мир рушится вокруг нее. Беглецы выиграли четыре ночи! Люди, которые могли обмануть Преподобную Мать, способны на что угодно! Разумеется, беглецы, скорее всего, уже покинули планету. Не-корабль. Но если...

Мысли Шванги будут полны таких «если».

Патрин был слабейшим звеном, но Патрин хорошо уяснил науку удаления слабых звеньев, усвоил от своего командира — Майлса Тега.

Тег, быстро встряхнув головой, смахнул влагу со своих глаз. Насущная необходимость требовала той глубокой внутренней честности, которой он не мог избежать. Тег никогда не был хорошим лгуном, даже перед самим собой. Еще в самом начале своей подготовки, он осознал: его мать и другие, занятые его воспитанием, укоренили в нем глубинную внутреннюю честность.

«Приверженность кодексу чести».

Сам кодекс, когда он почувствовал его в себе, привлек восхищенное внимание Тега. Он начинался с признания того, что люди не сотворены равными, что врожденные способности у всех различные, что события в жизни с ними случаются самые разные. Это и формирует людей с различными целями и способностями.

Повинуясь этому кодексу, Тег рано понял, что ему необходимо строго соблюдать иераркию, и с достоинством встретить момент, когда не сможет продвигаться дальше.

Воспитание, обусловленное этим кодексом, сидело глубоко внутри него. Он никогда не мог найти его корней. Этот кодекс был частью самой человеческой сущности Тега, что с неимоверной силой ограничивало рамки дозволенного стоящим выше и ниже его в иерархической пирамиде.

«Ключевой символ — это верность».

Верность распространялась вверх и вниз, вокруг, где находила достойное себе пристанище. Такую верность осознавал Тег в себе. Он не на миг не сомневался, что Тараза будет поддерживать его во всем, кроме ситуации, когда потребуется принести его в жертву ради выживания Ордена. И это будет, само собой разумеется, правильным. Это будет тем, на чем, в конце концов, покоится их общая верность.

«Я — башар Таразы». Вот что говорит кодекс.

Это был тот самый кодекс чести, который дал Патрину право жертвовать собой.

«Я надеюсь, ты умер безболезненно, мой старый друг».

И опять Тег задержался под деревьями. Вытащив из ножен в сапоге боевой нож, он оставил маленькую пометку на дереве.

— Что ты делаешь? — спросила Луцилла.

— Это тайная метка,— ответил Тег.— Ее знают только подготовленные мной люди. И Тараза, безусловно.

— Но почему ты...

— Я объясню тебе позже.

Тег направился вперед, остановился у другого дерева, где тоже оставил крохотную, вполне естественную для дикой жизни этих глухих мест, такую, какую могло бы оставить когтем животное.

Прокладывая путь вперед, Тег заметил, что у него сложилось окончательное мнение о Луцилле. Ее планом насчет Данкана следует помешать. Любые рассуждения ментата о безопасности и здравом рассудке Данкана требовали этого. Пробуждение исходной памяти должно произойти раньше любого воздействия, которое наложит на него Луцилла. Трудно помешать ей, это Тег понимал. Чтобы провести Преподобную Мать требуется лучший лжец, чем он когда-либо был.

Нужно, чтобы помехи все время смотрелись случайными, естественным развитием обстоятельств. Луцилла никогда не должна заподозрить злого умысла. Тег не испытывал иллюзий, что сможет провести Преподобную Мать и помешать ей в тесном обиталище. Лучше всего убить ее. Он подумал, что смог бы это сделать. Но последствия! Тараза никогда не посмотрит на такое кровавое дело как на повиновение ее приказам.

Нет, он должен выигрывать время, наблюдать, слушать, выжидать.

Они вышли на небольшую открытую площадку с высоким барьером их вулканических пород прямо перед ними. У барьера росли щетинистые кустарники и низкие колючие деревья, казавшиеся темными пятнами в звездном свете.

Под кустами Тег сумел разглядеть еще более темное пятно узкой впадины.

— Отсюда надо ползти на животе,— сказал Тег.

— Я чувствую запах пепла,— сказал Луцилла.— Здесь что-то сгорело.

— Здесь была наша приманка,— ответил Тег.— Патрин оставил выжженную область слева от нас, подделав следы стартовавшего и оставившего после себя обгорелое место не-корабля.

Тег заметил, как Луцилла сдержала дыхание. Ну и дерзость! Даже если Шванги обратится к следопыту-ясновидцу, чтобы найти следы Данкана (потому что Данкан был единственным среди них, не обладавшим кровью Сионы, скрывающей от ясновидческого поиска), все при-

меты укажут, что они прибыли сюда и улетели с планеты на не-корабль... если только...

— Ты куда нас ведешь? — спросила Луцилла.

— Это харконненовский не-глоуб,— ответил Тег.— Он здесь уже целое тысячелетие, а теперь он наш.

Совершенно естественно, имеющие власть желают подавить «дикие» исследования. Неограниченные поиски знания имеют длительную историю производства нежелательной конкуренции. Наделенные властью мечтают о «безопасной линии исследований», которая будет разрабатывать только доступные контролю продукты и идеи, и, что важнее всего, которая позволит внутренним вкладчикам присваивать бóльшую часть доходов. К сожалению, беспорядочное мироздание, полное изменчивой относительности, никак не гарантирует такую «безопасную линию исследований».

Оценка Икса. Архивы Бене Джессерит

Хедли Туек, Верховный Жрец и номинальный правитель Ракиса, чувствовал, что не соответствует обязанностям, только что возложенным на него.

Ночь пыльным туманом обволокла город Кин, но здесь, в его личной палате аудиенций, сверкание множества глоуглобов рассеивало тени. Но даже здесь, в самом сердце его храма, было слышно отдаленное завывание ветра, сезонных страданий этой планеты.

Палата аудиенций — помещение неправильной формы, семи метров в длину и четырех метров в ширину. Дальний от входа конец почти неощутимо сужался. Потолок в том же направлении тоже шел с мягким наклоном. Занавески из спайсового волокна и хитрые жалюзи желтого и серого оттенков скрывали неправильности. Одна из занавесок закрывала фокусирующий горн, который передавал даже малейшие звуки подслушивающим за пределами этой комнаты.

Только Дарви Одрейд, новая Настоятельница Оплота Бене Джессерит на Ракисе, сидела с Туеком в этой палате приемов. Они смотрели друг на друга через небольшое пространство между их мягкими зелеными подушками.

Туек постарался сдержать гримасу. Это усилие разоблачающе исказило его всегда властные черты. Он очень

тщательно готовился к нынешней встрече. Смотрители гардероба старательно привели в порядок одеяние на его высокой и несколько дородной фигуре. На его длинных ногах были золотые сандалии. Стилсъют под его облачением был чистой бутафорией: никаких насосов или водосборных кармашков, никаких неудобных и отнимающих время приспособлений. Его серебристо-седые волосы зачесаны к плечам — подходящее обрамление для квадратного лица с широким полным ртом и тяжелым подбородком. В его глазах появился благосклонный взгляд — он научился напускать на себя такое выражение у своего деда. Войдя в палату аудиенций, чтобы встретить Одрейд, он чувствовал себя весьма представительным, но теперь внезапно у него возникло ощущение, что он обнажен и растрепан.

«Он и в самом деле довольно пустоголов»,— подумала Одрейд.

А Туек думал: «Я не могу обсуждать с ней этот ужасный Манифест! Ни с тлейлаксанским Господином, ни с этими Лицевыми Танцорами, подслушивающими в другом помещении. Какой Шайтан меня дернул разрешить это?»

— Это ересь, ясно и просто,— сказал Туек вслух.

— Мы всего лишь одна религия среди многих,— возразила Одрейд.— И с людьми, возвращающимися из Рассеяния, с возрастанием количества сект и различных верований...

— Мы — единственная истинная вера,— заявил Туек.

Одрейд подавила улыбку. «Он сказал это точно так, как надо. И Вафф, наверняка, его слышал». Туеком великолепно было управлять. Если Орден прав насчет Ваффа, то слова Туека взбесят тлейлаксанского Господина.

Глубоким и значительным голосом Одрейд сказала:

— Манифест поднимает вопросы, над которыми все должны задуматься — верующие и неверующие — в равной степени.

— Да что все это имеет общего со Святым Ребенком? — спросил Туек.— Ты сказала мне, что мы должны встретиться по делам, касающимся...

— Конечно! Не старайся отрицать, что знаешь, как много людей начинает поклоняться Шиане. Манифест подразумевает...

— Манифест! Манифест! Это еретический документ, который будет уничтожен. Что до Шианы, ей нужно возвратиться под нашу исключительную опеку!

— Нет,— тихо ответила Одрейд.

«До чего же возбужден Туек,— думала она. Его жесткая шея еле-еле шевелилась, когда он поворачивал голову из стороны в сторону, но взгляд упорно возвращался к занавеске справа от Одрейд, словно указывая на это особенное место.— До чего же он прозрачен, этот Верховный Жрец. Он мог бы с таким же успехом просто сознаться, что Вафф подслушивает где-то за этой занавеской».

— А затем вы увезете ее с Ракиса,— сказал Туек.

— Она останется здесь,— ответила Одрейд.— Точно так, как мы тебе обещали.

— А почему она не может...

— Ну-ну! Шиана ясно изложила свои желания. Я уверена, тебе докладывали ее слова. Она хочет стать Преподобной Матерью.

— Она уже является...

— Владыка Туек! Не старайся хитрить со мной. Она ясно изложила свое желание, и мы счастливы угодить ей. С чего тебе возражать? Преподобные Матери служили Разделенному Богу во времена Свободных. Почему бы не сейчас?

— Вы, Бене Джессерит, умеете заставить людей говорить то, чего они не хотят говорить,— обвинил Туек.— Нам не следовало обсуждать это наедине. Мои советники...

— Твои советники только замутили бы наш спор. То, что подразумевается в Манифесте Атридесов...

— Я буду обсуждать только Шиану! — Туек приосанился, принимая, как он считал, позу неколебимо твердого Верхового Жреца.

— Мы ее и обсуждаем,— сказала Одрейд.

— Тогда позволь мне ясно тебе заявить, что мы требуем, чтобы в ее свите находилось больше наших людей. Ее должно охранять со всех...

— Так, как она охранялась в том саду на крыше? — задала вопрос Одрейд.

— Преподобная Мать Одрейд — это Святой Ракис! У вас здесь нет никаких прав, кроме тех, что мы вам даровали!

— Права? Шиана стала мишенью, да, мишенью для многих амбиций, и ты еще желаешь спорить о правах?

— Мои обязанности, как Верхового Жреца, ясны. Святая Церковь Разделенного Бога будет...

— Владыка Туек! Я изо всех стараюсь быть вежливой. То, что я делаю — настолько же для твоего блага, как и для нашего собственного. Предпринятые нами действия...

— Действия? Какие действия? — эти слова вырвались у Туека с хриплым прихрюкиваньем. Это страшные мегеры Бене Джессерит! Тлейлаксанцы позади него и Преподобная Мать перед ним! Туек чувствовал себя мячиком в жуткой игре, отбрасываемым туда-сюда ужасными силами. Мирный Ракис, безопасное место его ежедневных обязанностей, исчез, Туек выкинул на арену, правила игры на которой не совсем ему понятны.

— Я послала за башаром Майлсом Тегом,— сказала Одрейд.— Вот и все. Его передовой отряд скоро будет здесь. Мы собираемся усилить наши оборонные силы на этой планете.

— Вы осмеливаетесь захватить...

— Мы ничего не захватываем. Люди Тега перестроили защитные порядки планеты по просьбе твоего отца. Соглашение, по которому это было сделано, по настоянию твоего отца содержит и пункт, который требует нашей периодической инспекции.

Туек замер, изумленно замолчав. Вафф, этот зловещий маленький тлейлаксанец, слышал все. Будет столкновение! Тлейлаксанцы хотят секретного соглашения, устанавливающего цены на меланж. Они не потерпят вмешательства Бене Джессерит.

Одрейд говорила об отце Туека, и теперь Туек хотел лишь того, чтобы здесь сидел его давно покойный отец. Твердый человека. Он бы знал, как обойтись с этими противостоящими силами. Он-то всегда отлично справлялся с тлейлаксанцами. Туек припомнил, как он подслушивал (точно так же, как сейчас слушает Вафф) тлейлаксанского посла по имени Воуз... И еще одного по имени Пук. Ледден Пук. До чего же странные у них имена!

Перепутанные мысли Туека внезапно метнулись к другому имени. Одрейд только что его упомянула: Тег! Неужели это старое чудовище до сих пор в силе и действует?

Одрейд снова заговорила. Туек попробовал сглотнуть сухим горлом, склоняясь вперед, заставил себя внимательно слушать ее.

— Тег также осмотрит ваши внепланетные линии обороны. После фиаско в саду на крыше...

— Я официально запрещаю вмешиваться в наши внутренние дела,— сказал Туек.— В этом нет надобности. Наша жреческая гвардия вполне годится, чтобы...

— Годится? — Одрейд печально покачала головой.—

До чего же неподходящее слово, учитывая новые обстоятельства на Ракисе.

— Какие же новые обстоятельства? — в голосе Туека был ужас.

Одрейд просто продолжала сидеть, пристально смотря на него.

Туек постарался привести в порядок свои мысли. Знает ли она о подслушивающих за стеной тлейлаксанцах? Невозможно! Он сделал дрожащий вздох. Что по поводу этих оборонных порядков Ракиса? Оборонные порядки безупречны. Они обладают лучшими икшианскими мониторами и не-кораблями. Более того, всем независимым силам выгодно, чтобы Ракис по-прежнему оставался независимым как еще один источник спайса.

«Выгодно всем, кроме тлейлаксанцев с их проклятым перепроизводством меланжа из акслольтных чанов»!

Это была убийственная мысль. Тлейлаксанский Господин слышал каждое слово, произнесенное в этой палате аудиенций!

Туек воззвал к Шаи-Хулуду, Разделенному Богу, чтобы тот защитил. Этот отвратительный человечек, подслушивавший за занавеской, заявил, что говорит также от лица икшианцев и Рыбословш. Он предъявил документы. Не те ли это «новые обстоятельства», о которых сообщила Одрейд? Ничего нельзя надолго утаить от мегер!

Верховный Жрец не мог унять дрожи при мысли о Ваффе: круглая крохотная головка, поблескивающие глазки, этот выдернутый нос и острые зубки, когда он ощеривался улыбкой. Вафф был похож на чуть увеличенное дитя, пока не встретишься взглядом с его глазами и не услышишь, как он говорит своим приквакивающим голосом. Туек припомнил, как его отец жаловался на эти голоса: «Своими детскими голосками тлейлаксанцы говорят такие омерзительные вещи!» Одрейд заерзала на своих подушках. Она думала о подслушивавшем Ваффе. Все ли он слышал? Ее собственные секретные подслушиватели наверняка задаются сейчас тем же вопросом. Преподобные Матери всегда заранее проигрывают такие словесные состязания, размышляя, какие улучшения внести, и как их повернуть при том или ином ходе событий, чтобы выиграть побольше преимуществ для Ордена.

«Вафф слышал достаточно,— сказала себе Одрейд.— Самое время сменить игру».

С самой деловито сухой интонацией Одрейд сказала:

— Владыка Туек, кое-кто весьма важный слушает то, что мы здесь говорим. Вежливо ли заставлять такую персону слушать тайно?

Туек закрыл глаза. Она все знает!

Он открыл глаза и встретился с ничего не выражающим взглядом Одрейд. Она смотрела так, словно у нее есть целая вечность, чтобы дождаться ответа.

— Вежливо? Я... я...

— Пригласи этого тайного слушателя присоединиться к нам,— предложила Одрейд.

Туек провел рукой по влажному лбу Его отец и дед, Верховные Жрецы до него, составили ритуальные обеты на большинство случаев, но ничего на момент, похожий на этот. Пригласить тлейлаксанца сюда? В эту палату, вместе... Туек вдруг вспомнил, что ему противен запах тлейлаксанских Господинов. И отец его на это жаловался: «Они пахнут отвратительной пищей!»

Одрейд встала на ноги.

— Я бы предпочла иметь того, кто слушает мои слова, перед глазами,— сказала она.— Следует ли мне пойти самой и пригласить тайного слушателя...

— Пожалуйста! — Туек продолжая сидеть, поднял руку, останавливая ее.— У меня нет выбора. У него документы от Рыбословш и икшианцев. Он заявил, что поможет нам возвратить Шиану в наше...

— Поможет вам? — Одрейд взглянула на потеющего жреца с жалостью. «И он воображает, будто правит Ракисом?»

— Он с Бене Тлейлакса,— сказал Туек.— Его зовут Вафф и...

— Я знаю его имя и знаю, почему он здесь, Владыка Туек. Что поражает меня, так это то, что ты разрешаешь ему шпионить за...

— Это не шпионаж! Мы ведем переговоры. Я имею в виду: есть новые силы, к которым мы должны приспособить наше...

— Новые силы? Ах да, развратницы из Рассеяния. Привез ли Вафф кого-нибудь из них с собой?

До того как Туек смог ответить, боковая дверь палаты для аудиенций распахнулась и Вафф возник как по подсказке суфлера, позади него двое Лицевых Танцоров.

«Ему же приказали не приводить с собой Лицевых Танцоров!» — подумала Одрейд.

— Только ты! — сказала Одрейд, указывая на Ваф-

фа.— Ведь другие не были приглашены, верно, Владыка Туек?

Туек тяжело поднялся на ноги; заметив близость Одрейд, припомнил все страшные истории о физических способностях Преподобных Матерей. Присутствие Лицевых Танцоров только усиливало его смятение. Они всегда наполняли его такими ужасными дурными предчувствиями.

Повернувшись к двери и стараясь изобразить на лице радушное выражение, Туек вымолвил:

— Только... только, посол Вафф, пожалуйста.

Произносимые слова царапали горло Туека. Это слишком отвратительно! Он чувствовал себя обнаженным перед этими людьми.

Одрейд показала на подушку рядом с собой.

— Это для Ваффа? Будь любезен, проходи и садись.

Вафф кивнул ей так, как будто никогда прежде ее не видел. До чего же вежливо! Сделав жест своим Лицевым Танцорам, чтобы они оставались снаружи, он прошел к указанной подушке, но, ожидая, остался стоять рядом с ней.

Одрейд заметила, что маленький глейлаксанец просто источает напряжение. Что-то похожее на рычание трепетало на его губах. Он так и держит наготове оружие в своих руках. Не хочет ли он нарушить их соглашение?

Одрейд поняла, что сейчас тот момент, когда подозрения Ваффа пробудятся с прежней силой — и даже с большей. Он почувствует, что ухищрения Таразы заманивает его в ловушку. Вафф мечтает завести собственных Выводящих Матерей! Весьма ощутимый запах свидетельствовал о его глубочайших страхах. Следовательно, он держит в уме, что можно выгадать из их соглашения — по крайней мере, формально. Тараза же не рассчитывала, что Вафф действительно поделится всеми знаниями, приобретенными от Преподобных Черниц.

— Владыка Туек сообщил мне, что ты... гм, скажем... ведешь переговоры,— сказала Одрейд. «Пусть он запомнит эти слова!» Вафф знал, в чем заключаются настоящие переговоры. Говоря это, Одрейд опустилась на колени, затем опять на подушку, но ее ноги оставались в таком положении, чтобы она могла тотчас же метнуть свое тело при любом намеке на нападение со стороны Ваффа.

Вафф посмотрел на нее и на подушку, которую она ему указала. Он медленно опустился на подушку, но его руки оставались на коленях, рукава нацелены на Туека.

«Что он делает?» — удивилась Одрейд, движения Ваффа говорили, что он обдумывал свой собственный план.

Одрейд сказала:

— Я старалась внушить Верховному Жрецу важность Манифеста Атридесов для нашего общего...

— Атридесов! — выпалил Туек. Он чуть не упал на свою подушку.— Это не могут быть Атридесы.

— Очень убедительный Манифест,— заключил Вафф, усиливая явные страхи Туека.

«По крайней мере, хоть это идет в соответствии с планом»,— подумала Одрейд. Она сказала:

— Нельзя игнорировать принесение обета ситори. Для многих людей ситори равняется присутствию их Бога.

Вафф метнул на нее удивленный и гневный взгляд.

Туек сказал:

— Посол Вафф сообщает мне, что икшианцы и Рыбословцы озабочены этим документом, но я успокоил его, что...

— Я думаю, мы можем проигнорировать Рыбословцы,— возразила Одрейд.— Им везде чудится их Бог.

Вафф распознал насмешку в ее словах. Не подкалывает ли она его? Она все же права насчет Рыбословцы. Они настолько утратили свои прежние верования и преданность, что сделались маловлиятельны, а то, на что они хоть как-то воздействуют, легко поддается управлению новыми Лицевыми Танцорами, которые ими сейчас руководят.

Туек попробовал улыбнуться Ваффу.

— Ты говорил о том, чтобы помочь нам...

— Об этом попозже,— перебила Одрейд. Она должна была удерживать внимание Туека на документе, который так его волновал. Она процитировала из Манифеста: «Твоя воля и твоя вера — твоя система веры — доминируют над твоим мирозданием».

Туек узнал эти слова. Он читал этот отвратительный документ.

Этот Манифест говорил, что Господь и все его деяния не более чем человеческие творения. Он задумался, как ему следует ответить. Подобное ни один Верховный Жрец не может оставить без ответа.

Прежде чем Туек нашел слова, Вафф перекинулся взглядом с Одрейд и произнес слова, которые, как он понимал, она должна истолковать правильно. Одрейд не может ошибиться, будучи тем, кто она есть.

— Ошибка предвидения,— проговорил Вафф.— Разве это не так называет документ? И разве не в этом месте он говорит, что ум верующего застаивается?

— Именно! — провозгласил Туек. Он испытал чувство благодарности к тлейлаксанцу за его вмешательство. Именно в этом и был корень опасной ереси!

Вафф не взглянул на него, но продолжал пристально смотреть на Одрейд. Бене Джессерит находит свой умысел неуязвимым? Пусть она встретится с более великой силой. Она считает себя такой сильной! Но Бене Джессерит на самом деле не знает, как Господь Всемогущий защитил будущее Шариата!

Туек декларировал без остановки.

— Этот Манифест нападает на все, что мы считаем святым! А его распространяют повсюду!

— Тлейлаксанцы,— подсказал Одрейд.

Вафф понял рукава, наведя свое оружие на Туека. Он заколебался только потому, что увидел, что Одрейд разгадала часть его замыслов.

Туек переводил взгляд с одного из них на другого. Правдоподобно ли обвинение Одрейд? Или это еще один трюк Бене Джессерит?

Одрейд увидела колебания Ваффа и догадалась об их причине. Она быстро перебрала в уме возможности, ища ответ в его мотивах. Какое преимущество получат тлейлаксанцы, убив Туека? Вафф явно старался заменить Верховного Жреца одним из своих Лицевых Танцоров. Но что это даст им?

Одрейд сказала, пытаясь выиграть время:

— Тебе следует быть очень осторожным, посол Вафф.

— Когда это осторожность управляла великими необходимостями? — спросил Вафф.

Туек поднялся на ноги и тяжело пошел по апартаментам, заламывая руки.

— Пожалуйста! Это святые места. Нельзя обсуждать здесь ересь, если только мы не замышляем ее уничтожить,— он поглядел на Ваффа.— Ведь это правда, верно? Вы не являетесь авторами этого жуткого документа?

— Он не наш,— согласился Вафф. «Черт возьми, этого надутого жреца!» Туек отошел в сторону и опять представлял собой движущуюся мишень.

— Я знал это! — воскликнул Туек, вышагивая сзади Ваффа и Одрейд.

Одрейд продолжала смотреть на Ваффа. Он замышлял убийство! Она в этом не сомневалась.

Туек заговорил из-за ее спины.

— Ты не знаешь, как ты не права, Преподобная Мать. Вафф просил, чтобы мы составили нечто вроде меланжевого картеля. Я объяснил, что наша цена для Ордена всегда неизменна, потому что одна из ваших была бабкой Бога.

Вафф выжидающе склонил голову. Жрец опять возвратился в пределы досягаемости оружия. Господь не допустит промаха.

Туек стоял позади Одрейд, глядя на Ваффа. Трепет пробежал по жрецу. Тлейлаксанцы так... так отталкивающе аморальны. Им нельзя доверять. Насколько можно верить отрицательному ответу Ваффа?

Не отрывая от Ваффа задумчивого взгляда, Одрейд проговорила:

— Но, Владыка Туек, разве перспектива увеличения доходов не привлекает тебя?

Она увидела, как рука Ваффа чуть повернулась, нацелившись на нее. Его намерения делались ясными.

— Владыка Туек,— проговорила Одрейд,— этот тлейлаксанец замышляет убить нас обоих.

При этих ее словах Вафф рывком вскинул обе руки, пытаясь поразить одновременно обе трудные мишени. Но Одрейд опередила его. Она услышала слабый звук выпущенного дротика, но не почувствовала укола. Ее левая рука могучим рубящим ударом обрушилась на правую руку Ваффа. Правой ногой она сломала ему левую руку.

Вафф взвыл.

Он никогда не предполагал такой скорости у воспитанниц Бене Джессерит. Это было сильнее того, что продемонстрировала Преподобная Черница на икшианском корабле Конференций. Даже через свою боль он осознал, что должен доложить об этом. Преподобные Матери владеют синаптической обводкой, если из к тому вынуждают!

Дверь позади Одрейд распахнулась. Лицевые Танцоры Ваффа ворвались в палату. Но Одрейд уже стояла сзади Ваффа, обеими руками держа его за горло.

— Остановитесь или он умрет! — закричала она.

Лицевые Танцоры застыли на месте.

Вафф корчился в ее руках.

— Стой спокойно! — приказала она. Одрейд взглянула на Туека, распростертого на полу правее нее,— один из дротиков достиг своей цели.

— Вафф убил Верховного Жреца,— произнесла Одрейд для своих тайных подслушивателей.

Оба Лицевых Танцора продолжали смотреть на нее в нерешительности. Она видела: они не сообразили заранее, как все это сыграет на руку Бене Джессерит. Конечно, тлейлаксанцы попали в ловушку!

Одрейд заговорила с Лицевым Танцором.

— Удалитесь в коридор вместе с телом и закройте дверь. Ваш хозяин совершил глупый поступок. Вы будете нужны ему позже.— И добавила Ваффу: — В данный момент ты нуждаешься во мне больше, чем в своих Лицевых Танцорах. Отправь из назад.

— Уходите,— приквакнул Вафф.

Увидев, что Лицевые Танцоры продолжают на нее смотреть, Одрейд сказала:

— Если вы не удалитесь, я сначала убью его, а затем уничтожу вас обоих.

— Выполняйте! — завопил Вафф.

Лицевые Танцоры восприняли это как приказ повиноваться своему хозяину. Одрейд расслышала в голосе Ваффа нотки самоубийственной истерики, из которой его следует вывести.

Оказавшись опять наедине с ним, Одрейд достала использованное оружие из его рукавов и спрятала к себе в карман — следует попозже подробно изучить. Она почти ничего не смогла сделать с его сломанными костями, кроме того, чтобы ненадолго смягчить боль и вправить их. Из подушек она сделала импровизированные шины и нарвала полосок зеленой материи из обивки мебели Верховного Жреца.

Вафф быстро пришел в себя. Он застонал, посмотрев на Одрейд.

— Ты и я теперь союзники,— сказала Одрейд.— Все, что происходило в этой палате, слышали мои люди и представители той фракции, которые хотели заменить Туека одним из своих.

Для Ваффа все произошло слишком быстро. Ему понадобился один миг, чтобы усвоить сказанное ей. Как бы то ни было, но его ум зацепился за самое важное.

— Союзники?

— Я так представляю, с Туеком непросто было вести дела,— сказала она.— Предложи ему очевидные выгоды — и он наверняка заколебался бы. Ты оказал услугу некоторым из жрецов.

— Они сейчас подслушивают? — прикваснув, спросил Вафф.

— Конечно. Давай обсудим предложенную тобой спайсовую монополию. Этот незадачливый покойный Верховный Жрец говорил, что ты упоминал об этом. Давай посмотрим, смогу ли я вычислить размах твоего предложения.

— Мои руки,— простонал Вафф.

— Ты все-таки остался жив,— возразила она.— Благодари мою осторожность, я могла бы убить тебя.

Он отвернулся от нее.

— Это было бы только к лучшему.

— Не для твоего Бене Тлейлакса и, следовательно, не для моего Ордена,— сказала она.— Давай посмотрим. Да, ты обещал поставить нам на Ракис много спайсовых харвестеров, новых, летающих по воздуху, лишь касающихся пустыни своими сбороголовками.

— Ты подслушивала! — обвинил Вафф.

— Нисколько. Очень заманчивое предложение, поскольку, я уверена икшианцы поставят харвестеры бесплатно, по своим собственным причинам. Следует ли мне продолжать?

— Ты же сказала, что мы союзники.

— Монополия заставит Космический Союз закупать больше икшианских навигаторских машин,— сказала она.— И вы будете держать Космический Союз в своей власти, согласные раздавить его в любой момент.

Вафф повернул голову, чтобы посмотреть на нее. От этого движения по его сломанным рукам пробежала мучительная боль, и он застонал. Несмотря на боль, он изучал Одрейд сквозь опущенные веки. Правда ли, что мегеры полагают: таков размах тлейлаксанского плана? Он едва ли мог рассчитывать, Бене Джессерит идет в столь неверном направлении.

— Разумеется,— это не был твой главный план,— продолжила Одрейд.

Глаза Ваффа вдруг резко открылись. Она читает его мысли!

— Я опозорен,— сказал он.— Когда ты спасла мою жизнь, ты спасла бесполезную вещь,— он откинулся навзничь.

Одрейд глубоко вздохнула. «Время использовать результаты исследований Дома Соборов». Она наклонилась к Ваффу и прошептала ему в ухо:

— Шариат в тебе все еще нуждается.

Вафф поперхнулся.

Одрейд откинулась назад. Этот жест все ей сказал. Исследования подтвердились.

— Ты думаешь, что люди из Рассеяния — лучшие союзники,— сказала она.— Эти Преподобные Черницы и другие гетеры такого рода. Я спрашиваю тебя: заключает ли слиг союз с поглощаемым им мусором?

Вафф услышал этот вопрос, который задавали вслух только в кехле. Он побледнел и задышал часто и неглубоко. То, что подразумевается в этих словах! Он заставил себя забыть о боли в руках. Союзники, говорит она. Она знает о Шариате! Откуда только это возможно?

— Как не понимать пользы от союза между Бене Тлейлаксом и Бене Джессерит? — спросила Одрейд.

«Союз с мегерами повинны?» Ум Ваффа был охвачен смятением. И ему стóит напряжения всех сил сдерживать мучительную боль в руках. До чего же хрупок этот миг! Он ощутил жгучий желчный привкус на корне языка.

— Ага,— заметила Одрейд.— Ты слышишь? Жрец Крутансик и его единомышленники прибыли и стоят за нашей дверью. Они предложат, чтобы один из твоих Лицевых Танцоров принял личину покойного Хедли Туека. Любой другой ход событий вызовет слишком сильное смятение. Крутансик на самом деле мудрый человек, до сих пор державшийся в тени. Его дядя Стирос хорошо его воспитал.

— Что выигрывает Орден от союза с нами? — едва смог выговорить Вафф.

Одрейд улыбнулась. Теперь она могла говорить правду. Это всегда намного легче, это самый могущественный аргумент.

— Наше выживание стоит перед лицом бури, зарождающейся среди людей Рассеяния,— сказала она.— И выживание Тлейлакса тоже. Самая отдаленная цель наших желаний — это та же цель с теми, кто хранит Великую Веру.

Вафф съежился. Она говорит это в открытую! Затем он понял. Что такого, если это услышат другие? Они не сумеют распознать тайного значения этих слов.

— Наши Выводящие Матери готовы для вас,— продолжала Одрейд. Она внимательно посмотрела в его глаза и сделала жест дзенсуннитского жреца.

Вафф почувствовал, как у него отпускает стиснутую грудь. Неожиданное, немыслимое, невероятное было прав-

дой! Бене Джессерит не повинда! Весь мир еще последует за Бене Тлейлаксом в истинную веру! Господь не позволит иного. Особенно здесь, на планете Пророка!

Инициатива частенько уничтожается бюрократией. Мало есть такого, что бюрократы ненавидят сильнее новшеств, особенно когда новшество дает результат лучше, чем заведенный прежде порядок. Из-за улучшений находящиеся на вершине над массой начинают казаться не у дел. А кому это понравится?

Руководство по Испытаниям и Ошибкам в Правлении. Архивы Бене Джессерит

Донесения, резюме, различные информационные сводки грудой лежали на длинном столе, за которым сидела Тараза. Весь дом Соборов вокруг нее спал, кроме ночных дозоров и самых необходимых служб. Только лишь знакомые звуки, поддерживающие жизнеобеспечение, проникали в ее личные покои. Два глоуглоба нависали над ее столом, окутывая темную деревянную поверхность и ряды ридуланской хрустальной бумаги желтым светом. Окно за ее столом казалось темным зеркалом, отражавшим комнату.

АРХИВЫ!

Графический проектор помаргивал, продолжая воспроизводить изображение над ее столом — все новые крохи и кусочки заказанной ею информации.

Тараза не доверяла архивариусам и осознавала, что в самом этом недоверии заложено противоречие, поскольку нельзя одновременно не понимать глубокую необходимость в обладании данными. Но архивы Дома Соборов могли рассматриваться только как джунгли привиатур, специальных сносок, котированных вставок и примечаний. Этот материал очень часто предполагал участие ментата для его перевода или, что еще хуже, во время сильной усталости требовал погружения в Иные Памяти. Все архивариусы безусловно были ментатами, но это не успокаивало Таразу. Никогда нельзя просто заглянуть в архивный источник. Бóльшая часть источников имела множество интерпретаций и ссылок, в которых разбирались только специалисты, к которым приходилось обращаться за толкованием (до чего ненавистно!). Убыстряли дело услуги

автоматических систем поиска. Это в свою очередь вызывало зависимость от тех, кто управлял этой системой и давало функционерам больше власти, чем хотелось бы Тарзе им предоставлять.

ЗАВИСИМОСТЬ!

Тараза ненавидела зависимость. Это печальное напоминало ей, что не все, что представлялось, сбудется именно так, как хотелось бы и требовалось. Даже лучшие из проекций ментатов делаются ошибочными... дай только побольше времени.

И все равно для каждого того хода Ордена, каждой обычной сделки необходимы консультации с архивами, бесконечные исследования. Это часто раздражало Тарзу. Следует ли создать такую-то группу? Подписать такое-то соглашение?

И всегда наступал момент во время совета, когда она была вынуждена огласить решение: «Анализ архивариуса Гестерион принят». Или: «Доклад архивариуса отвергнут, неуместен».

Тараза наклонилась, чтобы изучить голопроекцию: «Возможный план скрещивания для субъекта Ваффа».

Он сверила номера, генетические планы образцов клеток, доставленных Одрейд. Обрезки ногтей редко представляли достаточный материал для надежного анализа, но Одрейд очень хорошо поработала под предлогом излечения сломанных костей Ваффа. Тараза покачала головой, глядя на данные. Потомство, без сомнения, будет таким же, как и все предыдущие, которые Бене Джессерит затевал с Тлейлаксом: женщины будут неуязвимы к пробам памяти, мужчины, конечно, будут непроницаемым и отталкивающим хаосом. Тараза откинулась в своем кресле и вздохнула. Когда дело доходило до записей выведения, стремительное перекрестные отсылки приобретали искажающие пропорции. Официально это называлось «институт генетической совместимости». ИГС для архивариусов. Сестры в разговоре использовали термин «книга племенного учета», что, хотя и было точным, не очень вписывалось в архивные заголовки. Она запросила проекции Ваффа на три сотни поколений, легкая и очень просто выполнимая задача, достаточная для всех практических целей. Триста основных генетических линий (таких как Тег, его побочные линии, его братья и сестры) доказывали, что они надежны на тысячелетия. Инстинкт подсказал ей, что терять больше времени на проекцию Ваффа будет бесполезно.

В Таразе росла усталость. Она опустила голову на руки и отдохнула секунду, чувствуя, прохладу дерева.

«Что если я не права насчет Ракиса?»

Доводы оппозиции нельзя смахнуть в архивную пыль. «Проклятие этой зависимости от компьютеров!» Орден хранил сведения о своих главных линиях в компьютерах, память которых уходила даже в запретные дни Бутлсаринского Джихада, устроившего дикое избиение «думающих машин». Наши, «более просвещенные», дни не склонны задаваться вопросами о бессознательных мотивах, которые вызвали эту древнюю оргию разрушения.

Иногда принимаем весьма ответственные решение по бессознательным причинам. Слишком часто сознательный поиск в архивах или Иных Памятях не дает никаких гарантий». Тараза подняла руку и похлопала ею по крышке стола. Ей не хотелось иметь дело с архивариусами, семенившими к ней с ответами на ее вопросы. Весьма неприятный народец, полный тайных шуточек. Она слышала, как они сравнивали свою работу по выведению с фермами, на которых скрещивают и выводят новые виды животных. Черт возьми их шуточки! Верное решение сейчас намного важнее, чем они только могут вообразить. Эти услужливые Сестры всего лишь повинуются приказам и не несут на себе такой ответственности, как Тараза.

Она подняла голову и посмотрела на нишу, в которой стоял бюст Сестры Ченоэ, той древней Сестры, что встречалась и разговаривала с Тираном.

«Ты знала,— подумала Тараза.— Ты никогда не была Преподобной Матерью, но тем не менее ты знала. Об этом говорили твои отчеты. Как же ты решила принять правильное решение?»

Запрос Одрейд о военной поддержке требовал немедленного ответа. Временные рамки сильно ограничены. Но с исчезновением Тега и Луциллы с гхолой следует ввести в действие запасной план.

«Черт возьми Тега!»

Еще одна из его неожиданностей. Он, конечно, не мог оставить гхолу в опасности. Действия Шванги можно было предусмотреть.

Где же Тег? Отправился ли он, чтобы затаиться, в леса или в один из больших городов Гамму? Нет. Если бы это был город, то Тег сообщил бы о себе через одного из тайных агентов, которых они подготовили. У него полный список этих агентов, и с некоторыми из них Тег знаком

лично. Конечно, Тег не доверял им полностью. Он что-то заметил во время своей инспекционной поездки, заметил что-то такое, о чем не доложил даже через Беллонду.

Необходимо призвать Бурзмали и дать ему наставления. Бурзмали — самый лучший, он подготовлен самим Тегом, первый кандидат на звание Верховного Башара. Бурзмали должен быть послан на Гамму.

«Я играю по наитию»,— думала Тараза.

Но если Тег затаился, то след должен начинаться на Гамму. Правда, там же может и пропасть. Да, послать Бурзмали на Гамму. Ракис должен подождать. Есть, конечно, и очевидная привлекательность в таком ходе: это не насторожит Космический Союз, да и тлейлаксанцы и люди из Рассеяния, без сомнения, клюнут на эту наживку. Если Одрейд не удастся поймать в ловушку тлейлаксанцев... Но нет, Одрейд никак не допустит провала. Это можно считать надежным на сто процентов.

НЕОЖИДАННОЕ.

«Ты видишь, Майлс, я в самом деле научилась этому от тебя».

Ничто не подавит оппозицию внутри Ордена.

Тараза положила обе руки ладонями на стол и прижала к столу, словно пытаясь здесь, на Доме Соборов, ощутить тех людей, кто разделяет взгляды Шванги. Громкая оппозиция была подавлена, но тихая всегда держала наготове насилие.

«Что же мне делать?»

Считали, что в кризисные моменты Верховная Мать не должна быть уязвима нерешительностью. Но сейчас связь с тлейлаксанцами выводила из равновесия данные их исследований. Некоторые из рекомендаций для Одрейд представлялись очевидными и уже были ей переданы. Этот план ясен и прост.

Взять Ваффа в пустыню, подальше от нежелательных глаз. Создать там экстремальную ситуацию и затем воспользоваться религиозным опытом по старой и надежной модели, разработанной Защитной Миссионерией. Проверить, действительно ли тлейлаксанцы использовали процесс гхолы для создания своего собственного вида бессмертия. Одрейд сможет прекрасно выполнить этот неоднократно выверенный план. Но многое, однако же, зависело от молодой девушки Шианы.

«Червь сам по себе — неизвестность».

Тараза вспомнила, что нынешние черви не аборигены

древнего Арракиса. Несмотря на проявленную Шианой способность повелевать червями, они все же остаются непредсказуемыми. Как бы сказали в архивах, у них нет обратных записей. Тараза почти не сомневалась, что Одрейд сделала точное наблюдение по поводу ракианцев и их танцев. Это можно считать плюсом.

«Язык. Но мы все еще не говорим на нем. Это минус. Я должна принять решение сегодня же!»

Взгляд Таразы стал блуждать по комнате, в то время как вся неразрывная линия Верховных Матерей, все женские памяти, заключенные в хрупкой оболочке ее самой и двух других, Беллонды и Гестерион, мучительно двигались сквозь Иные Памяти, от которых она так уставала, когда следовала им. Самым крайним следом были наблюдения Муад Диба, атридесовского бастарда, который два раза потряс мироздание, сначала завладев Империей с помощью орд своих Свободных, а затем породив Тирана.

«Если мы на этот раз потерпим поражение, это будет конец всем нам,— думала она.— Тогда, безусловно, нас поглотят эти отродья из Рассеяния».

Альтернатива представлялась сама собой: девочку с Ракиса нужно привезти в самую сердцевину Ордена на пределе досягаемости полета не-кораблей.

И многое зависит от Тега. Потерпел он поражение на службе Ордену или нашел неожиданный способ спрятать гхолу?

«Мне нужно найти предлог для отсрочки,— подумала Тараза.— Мы должны предоставить Тегу время связаться нами. Одрейд необходимо одной вытягивать наш план на Ракисе». Это очень опасно, но должно быть сделано.

Тараза поднялась из своего песьего кресла и подошла к темному окну. Дом Соборов лежал во тьме с тенями от звездного света. Убежище — планета Дом Соборов. Такие планеты теперь были без названий, только номера где-то в архивах. Эта планета уже четырнадцать сотен лет наблюдала, как ее занимает Бене Джессерит, но даже такой срок стóит рассматривать как временный. Тараза размышляла о сторожевых не-кораблях, кружащих по орбите над головой: собственная оборонная система, созданная Тегом, и тем не менее, Дом Соборов оставался уязвимым.

У проблемы есть название: «Случайное обнаружение».

Это вечный изъян. Там, в Рассеянии, человечество значительно разрослось, затопляя безграничное пространство. Золотая Тропа Тирана, наконец, защищена. Защищена

ли? Наверняка, Червь Атридес планировал большее, чем просто выживание человечества.

«Он сделал с нами что-то, до чего мы еще не докопались, даже после всех этих тысячелетий. Мне думается, я знаю, что он сделал. Но мои противники утверждают обратное».

Преподобной Матери всегда трудно раздумывать над путами, от которых они страдали под Лито II, и он, как хлыстом, подгонял свою Империю по Золотой Тропе целых тридцать пять сотен лет.

«Мы спотыкаемся, когда оглядываемся на те времена».

Заметив свое отражение в темном плазе окна, Тараза посмотрела на себя. Лицо мрачное, и усталость легко заметна.

«Я имею полное право быть усталой и мрачной!»

Она знала, что тренированное сознание специально приводит ее к негативным моделям — такова была ее система защиты, ее сила. Она становилась отстраненной от всех человеческих взаимосвязей, даже от соблазна, который представляла для Разрешающих Скрещивание. Тараза была вечным «адвокатом дьявола», это стало главной силой в целом Ордене, естественным следствием ее возвышения до Верховной Матери. Противники легко развивались в такой питательной среде.

Как говорят суфи: «Рыба всегда тухнет с головы».

Почему-то они не упоминают, что некоторые виды гниения являются благородными и полезными.

Теперь она убаюкивала себя более приятными мыслями: Рассеяние разнесло уроки Тирана по всей человеческой популяции, изменило неузнаваемым образом, но, в конце концов, поддастся распознаванию. Со временем найдут способ уничтожить невидимость не-кораблей, но Тараза не думала, что его уже нашли люди из Рассеяния — во всяком случае, не те, что сейчас возвращаются в места своего изначального происхождения.

Не было совершенно безопасного курса через конфликтующие силы, но она считала, что Орден вооружен настолько хорошо, настолько способен. Проблема была родственна той, что решают навигаторы Космического Союза, ведя свой корабль сквозь подпространство так, чтобы избежать столкновения и ловушки.

Западни — вот в чем ключ, и Одрейд расставляет западни Одрейд на тлейлаксанцев.

Когда Тараза думала об Одрейд, что часто с ней случа-

лось в напряженные моменты, их долгая взаимосвязь утверждала себя. Это было, как если бы она смотрела на выцветший гобелен, на котором некоторые фигуры все еще остаются яркими. Самой яркой из всех, подтверждая положение Одрейд близко к креслам управляющих Орденом, была ее способность отсекать детали и извлекать удивительную сердцевину любого из конфликтов. Эта была форма того, что являлось опасным атридесовским предвидением внутри нее. Использование этого скрытого таланта, было тем, что настораживало большинство оппозиции, и был единственный довод, что Таразе известна наибольшая весомость. То, что работало глубоко под поверхностью, его скрытые передвижения, обозначаемые только внешними всплесками беспокойства — вот что было действительным!

— Использовать ее, но быть наготове ее устранить,— доказывала Тараза.— Нам все еще будет нужна бо́льшая часть потомства.

Тараза знала, что может опереться на Луциллу... если, конечно, Луцилле удалось найти убежище где-то вместе с Тегом и Гхолой. Всякие убийцы обитают в Оплоте на Ракисе, разумеется. Оружие может быть скоро запущено в действие.

Тараза испытала внезапное внутреннее смятение. Иные Памяти советовали наивысшую осторожность. Никогда больше не терять контроль над линиями скрещивания! Да, если Одрейд избегнет попытки ее устранить, то она будет отчуждена навсегда. Одрейд — полная Преподобная Мать, и некоторые из них должны до сих пор оставаться в Рассеянии, не среди Преподобных Черниц, которых наблюдал Орден... но все же...

«Никогда больше!» — таков лозунг всей оперативной работы. Никогда больше нового Квизаца Хадераха или еще одного Тирана.

Бери под контроль порождающих, бери под контроль их потомство.

Преподобные Матери не умирают, когда умирает их плоть. Они погружаются все глубже и глубже в самую живую сердцевину Бене Джессерит, пока их случайное назидание и даже их бессознательное наблюдение не станет частью продолжающегося Ордена.

«Не наделай ошибок с Одрейд! Я знаю, что ты думаешь обо мне, Дар, с твоим «ограниченным теплом, направленным на подругу старых школьных дней. Ты думаешь, что я

потенциально опасна для Ордена, но что я могу быть спасена от себя самой наблюдательными друзьями».

Тараза чувствовала, что некоторые из ее советниц разделяют мнение Одрейд, тихо слушая и придерживая свои суждения. Большинство из них до сих пор следуют руководству Верховной Матери, но многие знают о диком таланте Одрейд и распознали ее сомнения. Только одно это удерживает всех Сестер в узде. Тараза не пытается самообманываться на этот счет.

В основе всех действий любой Верховной Матери — глубочайшая верность Ордену. Ничто не должно поставить под угрозу дальнейшее существование Бене Джессерит, даже она сама. В ее точном и резком самосуждении Тараза пояснила свою связь с продолжающейся жизнью Ордена.

Явно нет непосредственной необходимости убирать Одрейд. И все же Одрейд теперь слишком близка к центру замысла с гхолой, и любая мелочь может навести ее на осознание всего целиком, с ее изощренной восприимчивостью. Бóльшая часть неоткрытого ей скоро станет известна. «Манифест Атридесов» — это почти игра наугад. Одрейд, истинный создатель Манифеста, могла только достигнуть более глубокого прозрения, составляя этот документ, но сами слова были наивысшим препятствием для откровения.

Вафф оценил это. Тараза знала.

Отвернувшись от темного окна, Тараза вернулась к своему песьему креслу. Момент главного решения — идти или не идти? — можно и отсрочить, но промежуточные шаги необходимо принять. Она набросала в своем уме послание и изучила его, отправляя распоряжение Бурзмали. Любимый ученик башара должен быть запущен в действие не так, как хочет Одрейд.

Послание Одрейд было очень простым по сути:

«Помощь в пути. Ты на сцене, Дар. Где дело касается безопасности Шианы, пользуйся собственным разумом. Во всех других делах, которые идут вразрез с моими приказами, проводи мой плана».

Вот оно. Так тому и быть. У Одрейд есть инструкции, главные наставления, которые она примет в качестве «плана», даже если разглядит недостатки модели. Одрейд будет повиноваться. «Дар» — чудесный штришок, подумала Тараза. Дар и Тар. Это отверстие к ограниченному теплу Одрейд не будет хорошо защищено от направления Дар и Тар.

Стол сервирован следующем образом: справа жаркое из зайца пустыни в соусе сепеда. Другие яства по часовой стрелке от дальнего конца стола справа: сирианский апломаж, чакка под стеклом, кофе с меланжем (обратите внимание на ястреба Атридесов на электрокофейнике), пот-а-ойе и в хрустальной булутанской бутыли искристое келаданское вино. Обратите внимание на древний опознаватель ядов, скрытый в канделябре.

Дар-эс-Балат. Путеводитель по музейной экспозиции

Тег нашел Данкана в небольшом обеденном алькове, отходящем от маленькой кухоньки не-глоуба. Замешкавшись на подходе к алькову, Тег внимательно присмотрелся к Данкану: они здесь уже восемь дней, и юноша, похоже, наконец оправился от той странной ярости, что охватила его, когда они вступили в переходник не-глоуба.

Сначала они оказались в неглубокой пещере, где стоял мускусный запах местного дикого медведя. Задняя стена пещеры была не цельной скалой, хотя могла бы обмануть любого исследователя. Крохотный выступ в скале — тайный ключ, вход отворялся, если знать этот ключик или случайно наткнуться на него. Поворот — и полностью открывалась задняя стена пещеры.

Переходник, который автоматически освещался ярким светом, как только наглухо закрывался вход позади, на стенах и потолке были изображения грифонов Харконненов. Тег, пораженный, подумал о Патрине, случайно наткнувшемся и впервые попавшем в это место (шок! трепет! восторг!), и упустил из виду реакцию Данкана, заметив ее только тогда, когда тихий рык наполнил закрытое пространство.

Данкан остановился и рычал (это было почти стоном), кулаки стиснуты, взгляд прикован к грифонам Харконненов на правой стене. Выражения ярости и смятения поочередно сменялись на его лице. Он взметнул кулаки и, ударив ими вырисовывавшиеся фигуры, разбил руки в кровь.

— Проклинаю их всех до глубочайших адских ям! — вскричал он.

Это было взрослое ругательство, вылетевшее из такого почти детского рта.

Не успел Данкан договорить, как его охватила непроизвольная дрожь. Луцилла обняла его и погладила по затылку, успокаивая, пока дрожь не улеглась.

— Почему я сделал так? — прошептал Данкан.

— Ты узнаешь, когда восстановится твоя исходная память,— ответила она.

— Харконнены,— сказал Данкан, и кровь прилила к его лицу. Он поглядел на Луциллу.— Почему я так сильно их ненавижу?

— Этого не объяснишь словами,— ответила она.— Ты должен ждать своих воспоминаний.

— Я не хочу воспоминаний! — И Данкан мгновенно кинул испуганный взгляд на Тега.— Нет! Нет, я их очень хочу.

Теперь, увидев Тега, входящего в обеденный альков не-глоуба, Данкан ясно припомнил тот миг.

— Когда, башар?

— Скоро, очень скоро.

Тег огляделся вокруг. Данкан одиноко сидел за автоматически прибирающимся столом, перед ним стояла чашка с коричневой жидкостью. Тег узнал запах: один из щедро приправленных меланжем продуктов из нуллентропных закромов. Закрома были настоящим кладезем экзотической еды, одежды, оружия и других изделий — музей, ценность которого трудно измерить. Все в глоубе было покрыто толстым слоем пыли, но ничего из сделанных запасов нисколько не испортилось. Все продукты до последней крошки сдобрены меланжем, не до уровня меланжемана-обжоры, но очень ощутимо. Даже консервированные фрукты были присыпаны спайсом.

Коричневая жидкость в чашке Данкана была одним из тех продуктов, который Луцилла сначала попробовала сама, прежде чем разрешила съесть их для поддержания жизни. Тег точно не знал, как это удается Преподобным Матерям, но и его собственная мать обладала такой способностью. Они определяли пригодность еды и питья с одной пробы.

Посмотрев на разукрашенные часы, укрепленные на стене в закрытом конце алькова, Тег понял, что сейчас позже, чем он думал,— далеко за третий час их условного полдня. Данкану нужно было пока еще находиться в хитроумно оборудованном зале для физических упражнений, но они оба заметили, как Луцилла поднялась на верхние уровни глоуба, и Тег усмотрел в этом возможность побеседовать наедине.

Пододвинув кресло, Тег уселся по другую сторону стола.

— Мне ненавистны эти часы! — закричал Данкан.

— Ты все здесь ненавидишь,— сказал Тег, тотчас взглянув на часы. Это была еще одна древность: круглый циферблат с двумя стрелками и цифровым счетчиком секунд. Обе стрелки были приапическими — обнаженные фигуры: мужчина с огромным фаллосом и женщина с широко расставленными ногами. Всякий раз, когда стрелки часов встречались, мужчина словно бы вводил свой фаллос в женщину.

— Мразь,— согласился Тег. Он указал на питье Данкана.— Тебе оно нравится?

— Нормальное, сэр. Луцилла считает, мне следует выпивать это после упражнений.

— Моя мать постоянно готовила мне похожий напиток после тяжелых упражнений,— сказал Тег. Он наклонился вперед и вздохнул, припомнив вкус, сохранившийся в его памяти, насыщенность меланжа в ноздрях.

— Сэр, как долго мы здесь пробудем? — задал вопрос Данкан.

— До тех пор, пока нас не найдут нужные люди, или до тех пор, пока мы не будем уверены, что нас не найдут.

— Но... отрезанные здесь от мира, как мы об этом узнаем?

— Когда я посчитаю, что подошло время, я накину одеяло жизнеутаивающего поля и отправлюсь в наружный дозор.

— Я ненавижу это место!

— Это так. Но разве ты нисколько не научился терпению?

— Данкан изобразил на лице гримасу.

— Сэр, почему вы стараетесь не допустить, чтобы я оставался наедине с Луциллой?

У Тега при этих словах Данкана перехватило дыхание. Он знал, конечно, что этот юноша заметил. А если Данкан — то, значит, и Луцилла!

— По-моему, Луцилла не видит, что вы делаете, сэр,— сказал Данкан,— но это становится крайне очевидным,— он огляделся вокруг.— Если бы это место не отвлекало так много ее внимания... куда это она так рванула?

— Кажется, она в библиотеке.

— Библиотека!

— Согласен, это примитивно, но и привлекает,— Тег поднял взгляд к резьбе на потолке кухни. Подошел ответственный момент. Нельзя полагаться на то, что внимание

Луциллы еще долго будет отвлечено. Тег, однако же, был захвачен не меньше, чем она. В этих чудесах легко было потеряться. Весь комплекс не-глоуба — около двух сотен метров — был окаменелостью, сохранившейся в неприкосновенности со времени Тирана.

Луцилла заговорила с ним подсевшим шепотом:

— Послушай, а ведь Тиран, должно быть, знал об этом месте.

Ментатное мышление Тега быстро заинтересовалось этим предположением. «Почему Тиран позволил семье Харконненов растратить на эту затею огромную часть остатков их прежнего богатства? Возможно, как раз по этой самой причине — чтобы окончательно их разорить».

Цены на взятки и на перевозки с икшианских фабрик на кораблях Союза должны были достигать астрономических цифр.

— Знал ли Тиран, что однажды нам будет нужно это место? — спросила Луцилла.

Тег согласился, что тут не избежать сил провидения, которые Лито II так часто демонстрировал.

Взглянув на Данкана, сидевшего напротив него, Тег почувствовал, как у него волосы дыбом встают на затылке. Было что-то сверхъестественное в этом убежище Харконненов, словно бы сам Тиран мог здесь побывать. Что же случилось с Харконненами, построившими это? Ни Тег, ни Луцилла не нашли абсолютно никаких объяснений, почему был оставлен этот глоуб.

Никто из них не мог бродить по не-глоубу, не испытывая острого чувства прикосновения к истории. Тег постоянно задавался вопросами, на которые не было ответов.

Луцилла и это прокомментировала.

— Куда они делись? В моих Иных Памятях нет ничего, что дало бы хоть малейший намек.

— Не выманил ли их Тиран наружу, и не перебил ли он их?

— Я вернусь в библиотеку. Может быть, сегодня я что-нибудь найду.

Первые два дня их пребывания здесь Луцилла и Тег очень внимательно обследовали весь глоуб. Молчаливый и угрюмый Данкан таскался за ними, словно боялся оставаться один. Каждое новое открытие наполняло их благоговением и поражало. Двадцать один скелет, сохранившийся за прозрачным плазом вдоль стены возле центра глоуба!

Ужасные наблюдатели за всяким, кто проходит мимо них в машинное отделение и к нуллентропным ларям.

Патрин предупреждал Тега о скелетах. При одном из своих первых юношеских посещений глоуба Патрин нашел записи, которые сообщали, что эти мертвецы были мастеровыми, которые построили это место, а затем все были перебиты Харконненами чтобы сохранить тайну.

В целом глоуб был выдающимся техническим достижением, тайником, закрытым и отрезанным от времени, наглухо запертым от внешнего мира.

Несмотря на все прошедшие тысячелетия, его машинерия до сих пор работала бесперебойно, производя мимикрирующее излучение, которое даже самые современные приборы не могли бы отличить от природного фона земли и скал.

— Орден должен получить это место нетронутым! — все время повторяла Луцилла.— Это сокровищница! Здесь — даже родословные книги их семьи!

Это было не все, что здесь сохраняли Харконнены. Тег постоянно испытывал отвращение от соприкосновений с их глоубом. Как эти часы! Одежда, инструменты для поддержания в порядке этой замкнутой среды, для обучения, развлечения — все было отмечено стремлением Харконненов покрасоваться в своем беззаботном чувстве превосходства над другими людьми и над иными стандартами.

Опять Тег подумал о Патрине, который юношей, вероятно не старше гхолы, попал в это место. Что надоумило Патрина так много лет хранить эту тайну даже от своей жены? Патрин никогда не соприкасался с требованиями секретности, но Тег сделал собственные выводы. Счастливое детство. Необходимость в своем собственном тайном месте. Друзья, которые на самом деле не друзья, а люди, жаждущие над тобой посмеяться. Никому другому не позволено прикоснуться к такому чуду. Это принадлежит ему! Это больше чем место собственной безопасности. Это символ личной победы Патрина.

«Я провел здесь много счастливых часов, башар. Все до сих пор работает. Записи древние, но замечательные. Много знаний собрано в этом месте. Но ты это поймешь, когда сам там окажешься. Ты постигнешь многое, о чем я тебе никогда не рассказывал».

Древний гимнастический зал хранил приметы частого использования его Патрином. Тег решил, что это Патрин сменил кодировку оружия на некоторых автоматах. Счет-

чики времени говорили о мучительных для мускулов часах сложных упражнений. Это глоуб объяснял те способности, которые Тег всегда находил такими удивительными в Патрине. Здесь были развиты естественные таланты.

Автоматика не-глоуба — совсем другого плана.

Большей частью она представляла открытой вызов древним запретам на такие устройства. Более того, некоторые из автоматов, предназначенные для удовольствия, подтверждали самые отвратительные истории, которые Тег слышал о Харконненах. Боль в качестве радости! По-своему, эти вещи объясняли жесткую несгибаемую мораль, которую Патрин привез с собой с Гамму: отвращение к извращениям заложило свои собственные стереотипы в его поведение.

Данкан сделал большой глоток питья и поглядел на Тега через край чашки.

— Почему ты пришел сюда, когда я просил тебя закончить последний цикл упражнений? — спросил Тег.

— Упражнения не имеют смысла,— Данкан поставил чашку.

«Что же, Тараза, ты была не права,— подумал Тег.— Он рванулся к полной независимости скорее, чем ты предсказывала».

И к тому же Данкан перестал употреблять «сэр» в обращении к башару.

— Ты меня не слушаешься?

— Не совсем.

— Что же именно ты делаешь тогда?

— Я должен знать!

— Не очень-то тебе понравится, когда ты на самом деле узнаешь.

Данкан удивился.

— Сэр?

«Ага, «сэр» вернулось!»

— Я все время готовил тебя для определенных видов очень сложной жизни,— сказал Тег.— Это необходимо для того, чтобы мы смогли восстановить твою исходную память.

— Боль, сэр?

— Мы не знаем, к сожалению, другого способа вернуть первоначального Данкана Айдахо — того, кто умер.

— Сэр, если вы способны это сделать, я не буду испытывать ничего, кроме благодарности.

— Ты так говоришь. Но я могу показаться тебе еще

одним хлыстом среди всех прочих, повторно вызывавших тебя к жизни.

— Разве не лучше знать, сэр?

Тег поднес тыльную сторону ладони ко рту.

— Если ты возненавидишь меня... я не смогу тебя осудить за это.

— Сэр, как бы вы себя чувствовали, будь вы на моем месте? — поза Данкана, интонации голоса, выражение лица — все показывало трепетное смятение.

«Пока что все хорошо»,— подумал Тег. Процесс восстановления шел по тщательно разработанному графику, но каждый ответ гхолы требовал взвешенности и осторожности. В Данкане чувствовалась неуверенность. Он хотел чего-то и боялся этого.

— Я только твой учитель, а не твой отец! — сказал Тег.

Данкан отпрянул от этого резкого тона.

— Разве вы не мой друг?

— Это дорога с двусторонним движением. Истинный Данкан Айдахо должен будет ответить на этот вопрос для себя сам.

Данкан взглянул на Тега затуманенным взором.

— Буду ли я помнить это место, Оплот, Шванги и...

— Все будешь помнить. Твоя память как бы расслоится на некоторое время, но затем ты вспомнишь все.

На лице Данкана появилось страдальческое выражение, а когда он заговорил, в его голосе прозвучала горечь.

— Так что вы и я — станем товарищами?

Тег точно следовал инструкциям по пробуждению, сохраняя достоинство и повелительные интонации башара.

— Я не особенно-то заинтересован, чтобы стать твоим товарищем,— он направил испытующий взгляд на лицо Данкана.— Я думаю, вполне возможно, когда-нибудь ты станешь башаром — ты сделан из нужного теста. Но я к тому времени уже давным-давно буду мертв.

— Ты товарищ только башарам?

— Патрин был моим товарищем, а он никогда не поднимался выше командира отряда.

Данкан посмотрел в пустую чашку, а потом на Тега.

— Почему ты не закажешь себе что-нибудь выпить? Ты ведь тут тоже как следует поработал.

«Умный вопрос». Не следует недооценивать этого юнца. Он знает, что совместная трапеза — один самых древних ритуалов Союза.

— Запаха твоего питья мне вполне хватает,— ответил Тег.— Старые воспоминания. Мне они в данный момент не нужны.

— Зачем же тогда ты спустился сюда?

Вот оно — и надежда, и страх,— юношеский голос предательски дрогнул. Он хочет, чтобы Тег сказал что-то особенное.

— Мне нужно тщательно оценить, насколько удаются тебе эти упражнения,— сказал Тег.— Мне необходимо было спуститься сюда и посмотреть на тебя.

— Почему так тщательно?

«Надежда и страх!» Как раз время направить разговор в нужное русло:

— Я никогда прежде не учил гхолу.

Гхола. Это слово как бы висело между ними среди кухонных запахов, с удалением которых не справлялись фильтры глоуба.

Гхола! Это слово приправлено пряностью спайса, которым пахло от пустой чашки Данкана. Данкан наклонился вперед, не сказал ни слова. Выражение его лица стало жадным. На память Тегу пришло наблюдение Луциллы: «Он знает, как пользоваться молчанием».

Когда стало ясно, что Тег не станет развивать эту простую мысль, Данкан, разочарованный, опять откинулся к стене. Левый угол его рта поник, у него стал обиженно-раздраженный вид. Все концентрировалось внутри, как тому и следовало быть.

— Ты спустился сюда не для того, чтобы побыть одному,— сказал Тег.— Ты спустился сюда, чтобы спрятаться. Ты все еще прячешься и думаешь, что никогда тебя не найдет.

Данкан поднес руку ко рту. Это был тот условно-бессознательный жест, которого все время ожидал Тег. Инструкции на этот момент просты: «Гхола хочет, чтобы его исходная память была пробуждена и ужасно этого боится. Это главный барьер, который необходимо преодолеть».

— Убери руку ото рта! — приказал Тег.

Данкан уронил руку, будто обжегшись. Он уставился на Тега, как попавшее в ловушку животное.

«Говори правду,— предупреждали Тега инструкции.— В этот момент, когда все чувства полыхают, гхола будет видеть прямо в твоем сердце».

— Я хочу, чтобы ты знал,— произнес Тег.— То, что

мне приказал Орден сделать с тобой, для меня крайне неприятно.

Данкан словно бы съежился, уйдя в себя.

— Что они тебе приказали сделать?

— Умения, которые мне было приказано тебе передать, неполны.

— ПОЧЕМУ?

— Частично это относится к интеллектуальной подготовке. В этом отношении ты доведен до уровня командира полка.

— Лучше Патрина?

— С чего ты должен быть лучше, чем Патрин?

— Разве он не был твоим товарищем?

— Да.

— Да, ты говорил, что он не поднимался выше командира отряда!

— Патрин был способен полностью взять на себя командование целыми многопланетными силами. Он был магом и волшебником тактики, его мудрость я использовал во многих случаях.

— Но ты говорил, что он никогда...

— Это был его собственный выбор. Низкий чин придавал ему тот оттенок заурядности, который мы оба находили полезным.

— Командир полка? — голос Данкана был лишь чуть громче шепота. Он уставился на крышку стола.

— Ты понимаешь, в чем заключаются твои функции, ты запальчив, но с опытом это обычно сглаживается. И твое умение владеть оружием превосходно для твоего возраста.

Посмотрев на Тега, Данкан спросил:

— Что насчет моего возраста, сэр?

Точно так, как предостерегали инструкции: «Гхола будет кружить вокруг главной темы. «Что насчет моего возраста?» То есть сколько лет по-настоящему гхоле?»

Холодным обвиняющим голосом Тег задал вопрос:

— Ты хочешь знать возраст гхолы, почему просто так не спросишь об этом?

— Ка... каков этот возраст, сэр?

Этот юношеский голос был до того подавленно-несчастным, что Тег ощутил, как слезы подступают к глазам. И об этом его тоже предупреждали. «Не проявлять слишком много сострадания!» Тег скрыл свое состояние, откашлявшись. Он сказал:

— Это вопрос, на который только ты можешь ответить.

Инструкции были недвусмысленными: «Обращать все это на него! Держать сосредоточенным на самом себе. Эмоциональная боль очень важна для процесса, не меньше чем физическая».

Глубокий вздох вырвался у Данкана, сотрясая его. Он плотно закрыл глаза. Когда Тег только сел напротив него за стол, Данкан подумал: «Не наступил ли момент? Что он теперь будет делать?» Но обвиняющий тон Тега, словесные нападки были совершенно неожиданными. А сейчас Тег говорил покровительственным голосом.

«Он покровительствует мне!»

Айдахо закипел гневом. Неужели Тег считает его таким болваном, которого можно поставить только на самый заурядный уровень командования? «Одним лишь голосом и отношением можно порабощать волю другого». Однако же Данкан ощутил что-то другое за этим покровительственным тоном: пластальное ядрышко, которое никак не раскусишь. Целостность... целенаправленность. Данкан отметил и проступившие слезы, и скрывающий их жест.

Открыв глаза и глядя прямо на Тега, Данкан сказал:

— Я не собираюсь быть неуважительным, неблагодарным или грубым, сэр. Но мне невозможно дальше жить без ответов.

У Тега были четкие инструкции: «Распознать, когда гхола достигнет точки отчаяния. Ни один гхола не может этого скрыть. Это неотъемлемо от их психики. Распознать это можно по его голосу и позе».

Данкан почти достиг критической точки, молчание было теперь необходимым условием для Тега. Необходимо заставить Данкана задавать свои вопросы, выбирать свой собственный курс.

Данкан спросил:

— Ты знаешь, что однажды я думал убить Шванги?

Тег открыл рот и закрыл его, не издав ни звука. Молчание! Но этот юноша серьезен!

— Я боялся ее,— проговорил Данкан.— А я не люблю, когда боюсь,— он опустил взгляд.— Ты однажды сказал мне, что мы ненавидим только то, что на самом деле опасно для нас.

«Он будет подходить к этому и отступать, подходить и отступать. Жди, пока он не нырнет со всего размаху».

— Я ненавижу тебя,— сказал Данкан, опять поглядев

на Тега.— Я вознегодовал, когда ты мне в лицо бросил: «Гхола». Но Луцилла права, нам никогда не следует сердиться на правду, даже если она ранит.

Тег потер свои губы. Желание заговорить переполняло его, но время для необратимого броска еще не наступило.

— Разве тебя не удивляет, что я помышлял об убийстве Шванги? — спросил Данкан.

Тег крепко держал себя в руках. Даже покачивание головой можно было истолковать как ответ.

— Я думал подсунуть что-нибудь в ее питье,— сказал Данкан.— Но это был бы путь труса, а я не трус. Кем бы я ни был, но я не трус.

Тег неподвижно безмолствовал.

— По-моему, тебя в самом деле волнует, что случится со мной, башар,— сказал Данкан.— Но ты прав, мы никогда не будем друзьями. Если я выживу, я превзойду тебя. Потом... нам будет слишком поздно становиться друзьями... ты сказал правду.

Тегу не удалось сдержать глубокий вздох из-за пришедшего к нему понимания ментата: признаки силы в гхоле неизбежны. Может быть, как раз в этом алькове, как раз сейчас этот юноша из ребенка превращался в мужчину. Осознание этого опечалило Тега. Все произошло так быстро! Не было нормального постепенного перехода.

— Луциллу на самом деле не заботит, что происходит со мной, так, как заботит тебя,— сказал Данкан.— Она просто следует приказаниям этой Верховной Матери Таразы.

«Еще не пора!» — предостерег себя Тег. Он облизнул губы.

— Ты все время противился действиям Луциллы,— сказал Данкан.— Что, по-твоему, она должна со мной сделать?

Долгожданный момент наступил.

— А что, по-твоему, она должна сделать? — требовательно вопросил Тег.

— Я не знаю!

— Истинный Данкан Айдахо знал бы.

— Ты знаешь! Почему ты мне не скажешь?

— От меня требуется только помочь тебе воссоздать твою исходную память.

— Тогда сделай это!

— На самом деле, сделать это можешь только ты.

— Я не знаю как!

Тег передвинулся вперед на самый край своего кресла, но не заговорил. «Точка броска». Он почувствовал, что отчаяние Данкана не дошло еще до предела.

— Вы знаете, что я могу читать по губам, сэр? — спросил Данкан.— Однажды, я поднялся на наблюдательную башню. Я видел, как Луцилла и Шванги стоят внизу и разговаривают. Шванги сказала: «Неважно, что он так юн! Ты сама знаешь, что обязана выполнить».

Погрузившись в напряженное молчание, Тег пристально поглядел на Данкана. Это было так похоже на Данкана — тихонько передвигаться по всему Оплоту, подглядывая, выискивая знания. И он опять бессознательно занимался тем же — сам подглядывал и высматривал... но совсем другим образом.

— Я не думаю, что ей необходимо убить меня,— сказал Данкан.— Но ты знаешь, что ей следует сделать, потому что ты ей препятствовал,— Данкан стукнул кулаком по столу.— Ответь мне, черт тебя возьми!

«Ага, полное отчаяние!»

— Я могу сказать тебе, лишь что ее намерения идут вразрез с моими приказами. Мне было приказано самой Таразой укрепить твою личность и охранять от вреда.

— Но ты говоришь, что в моей подготовке был... был изъян!

— По необходимости. Это было сделано, чтобы подготовить тебя к восстановлению исходной памяти.

— Что я, как предполагается, должен сделать?

— Ты уже знаешь.

— Говорю тебе, не знаю! Пожалуйста, научи меня!

— Ты делаешь многое, не будучи этому научен. Разве мы учили тебя неповиноваться?

— Пожалуйста, помоги мне! — это был вопль отчаяния.

Тег заставил себя соблюдать ледяное спокойствие.

— А чем же еще, ко всем дьяволам, я занимаюсь?

Данкан стиснул оба кулака и грохнул ими по столу так, что чашка запрыгала. Он посмотрел на Тега полыхающим взглядом. Вдруг на лице Данкана явилось странное выражение — ПОНИМАНИЕ чего-то в его глазах.

— Кто ты? — прошептал Данкан.

КЛЮЧЕВОЙ ВОПРОС!

Голос Тега был как хлыст, внезапно бьющий по беззащитной жертве:

— А кто я, по-твоему?

Лицо Данкана исказилось в сильнейшем отчаянии. Он только задыхался, заикаясь:

— Ты... ты...

— Данкан! Прекрати эту глупость! — Тег вскочил на ноги и поглядел на Данкана с напускной яростью.

— Ты...

Правая рука Тега словно выстрелила по дуге — открытая ладонь резко ударила Данкана по щеке.

— Как ты смеешь ослушиваться меня? — И удар левой ладонью, такая же оглушительная пощечина.— Как ты смеешь?

Данкан отреагировал так быстро, что Тег пережил настоящий шок, как от удара электрического тока. Ну и скорость! Хотя в нападении Данкана были отдельные элементы, но все слилось в одно молниеносное движение: бросок вперед, обе ноги на стуле и прыжок со стула, используя это движение, чтобы нанести удар правой рукой в чувствительные нервы предплечья Тега.

Натренированно увернувшись в сторону, Тег взметнул левую ногу над столом, нанося удар в пах Данкану. И все же Тег не успел ускользнуть. Ребро ладони Данкана продолжило движение и попало почти по колену левой ноги Тега. Нога онемела.

Данкан распластался на столе, пытаясь соскользнуть назад. Тег левой рукой ухватился за стол, опираясь на него, другой рукой рубанул по основанию позвоночника Данкана, по той связке, что была специально ослаблена упражнениями последних дней.

Данкан простонал, когда парализующий огонь прострелил все его тело. Другой человек просто остался бы неподвижно кричащим, но Данкан лишь застонал, продолжая в своем нападении тянуться к Тегу.

С жестокой необходимостью Тег продолжал причинять все большую боль своей жертве, следя за тем, чтобы Данкан неотрывно, в каждую секунду своей величайшей муки, смотрел ему в лицо.

«Следи за его глазами!» — наставляла инструкция. И Беллонда, подкрепляя это наставление, предупредила: «Его глаза будут смотреть как будто сквозь тебя, но звать он тебя будет Лито».

Позже Тег затруднился бы вспомнить во всех подробностях свои переживания во время процедуры пробуждения Данкана. Он знал, что продолжал действовать, как было ему приказано, но память затуманилась, оставив

плоть свободной выполнять приказания. Очень странно, но всплыл другой акт неповиновения: мятеж на Церболе, когда сам он был в среднем возрасте, но уже башар с грозной репутацией.

Он надел свой лучший мундир без медалей (такая тонкость) и направился по обожженным полуденной жарой, перепаханным битвами полям Цербола. Совсем не вооруженный, наперерез надвигавшимся мятежникам! Многие из нападавших были обязаны ему своими жизнями. Бо́льшая часть из них некогда служили ему с глубочайшей преданностью. Теперь они были в яростном неповиновении. И присутствие Тега на их пути будто говорило надвигавшимся воинам: «Я не надену медалей, потому что это напомнит вам, что я сделал для вас, когда мы были товарищами. Я не буду ничем, что говорило бы что я один из вас. На мне только мундир, показывающий, что я все еще ваш башар. Убейся меня, если ваш протест зашел так далеко».

Когда большинство нападавших бросили свое оружие и подошли вплотную, некоторые командиры преклонили колени перед старым башаром, и он им возразил:

«Раньше вам никогда не надо было склоняться передо мной или вставать на колени! Ваши новые вожди научили вас плохим привычкам».

Позже он сказал мятежникам, что с некоторыми их обидами он согласен: на Церболе жестоко злоупотребляли. Но он также предостерег их.

«Одна из самых опасных вещей в мироздании — это невежественные люди с реальными поводами для обид. Нигде это так не приближается к опасности, как в образованных и разумных обществах. Зло, которое мстительный разум может принести, невозможно себе даже представить. Тиран покажется добрейшим отцом по сравнению с тем, что вы вот-вот могли натворить!»

Все это — правда, но мало могло помочь в том, что ему приказано было сделать с гхолой Данкана Айдахо — вызвать умственную и физическую муку в почти безжизненной жертве.

Легче всего вспоминался взгляд глаз Данкана. Они не стали расфокусированными, глядели прямо в лицо Тега, даже в мгновения последнего вопля:

«Проклятие тебе, Лито! Что ты делаешь?»

«Он назвал меня Лито».

Тег, хромая, отошел на два шага. Нога его покалывала и ныла там, где ее поразил Данкан. Тег заметил, что

дышит тяжело и находится на пределе своих сил. Он был слишком стар для таких упражнений, да и проделанное вызывало в нем чувство глубокого омерзения к самому себе.

Но завершение пробуждения полностью сохранилось в его сознании.

Он знал, что над пробужденным гхолой тяготеет бессознательное проклятие убить того, кого он любит. Разбитая психика гхолы восстанавливается с никогда не заживающими шрамами. Но пробуждение становится тяжелым испытанием и для того, кто проводит его.

Двигаясь медленно, наперекор измотанным мучениями нервам и мускулам, Данкан соскользнул со стола и встал, прислонясь к своему стулу, дрожа и грозно взирая на Тега.

Инструкции гласили: «Необходимо стоять очень спокойно. Не двигаться. Пусть он смотрит, сколько ему угодно».

Тег стоял неподвижно, как было ему предписано. Память о мятеже на Церболе покинула его ум: он знал, что было проделано тогда, а что сейчас. До некоторой степени эти два события были схожи — как тогда, так и сейчас, он мог сказать: «Это сделано для твоего собственного блага».

Но в самом ли деле во благо то, что они делают с этим гхолой Данкана Айдако?

Тег гадал, что происходит в сознании Данкана. Тегу много рассказывали, и он много чего знал об этих моментах, но все слова были бессильны описать увиденное. Глаза и лицо Данкана выражали последнюю степень внутреннего смятения — кошмарное подергивание рта и щек, взгляд, прыгавший во все стороны.

Медленно, изощренно долго в своей медлительности лицо Данкана расслабилось, но тело все еще дрожало. Он чувствовал болезненную пульсацию во всем теле, отдаленную ноющую и колющую боль, которая находилась как бы в ком-то другом. Однако было четкое ощущение пребывания в этом непосредственном моменте — что бы и где бы это ни было. Его память рвалась из сетей. Он вдруг ощутил неуместность своего пребывания в таком юном теле, неподходящем для его жизни еще до гхолы. Метания и перекручивания сознания были его внутренним состоянием.

Инструкторы Тега говорили: «У него были налагаемые гхолой шоры на воспоминания жизни до гхолы. Некоторые из этих первоначальных воспоминаний хлынут в него

широким потоком, другие же будут возвращаться медленнее. Хотя никакой путаницы не возникнет до тех пор, пока он не вспомнит момент своей первой смерти». Беллонда сообщила Тегу известные подробности этого фатального момента.

— Сардаукар,— прошептал Данкан. Он поглядел вокруг себя на символы Харконненов, которыми был переполнен не-глоуб.— Имперская группа вторжения в мундирах Харконненов! — волчья улыбка искривила его рот.— Как они должны были это ненавидеть!

Тег сохранял бдительное молчание.

— Они убили меня,— проговорил Данкан. Это прозвучало простой констатацией факта, и тем бóльшим холодом повеяло от этой фразы, произнесенной ровным, бесчувственным голосом. По нему пробежала и утихла жестокая дрожь.— Наверное, дюжина их в маленьком помещении,— он посмотрел прямо на Тега.— Один из них обрушился на меня, как мясник прямо на мою голову,— он заколебался, его глóтка судорожно работала. Взгляд не отрывался от Тега.— Я предоставил Полу достаточно времени, чтобы спастись?

«Отвечать на все его вопросы правдиво».

— Он спасся.

Теперь они подошли к главному, решающему моменту. Откуда взяли тлейлаксанцы клетки Айдахо? Тесты Ордена показывали, что клетки исходные, но подозрения оставались. Тлейлаксанцы сделали что-то особенное с этим гхолой. Его воспоминания могли стать ценным ключом к этому.

— Но Харконнены...— проговорил Данкан. Его воспоминания об Оплоте тоже распутались.— О да. О да! — его сотряс звериный смех. Он испустил оглушающий победоносный рык над давно мертвым бароном Владимиром Харконненом.— Я расплатился с тобой, барон! Да, я расплатился с тобой за всех, кого ты уничтожил!

— Ты помнишь Оплот и то, чему мы тебя научили? — задал вопрос Тег.

Айдахо озадаченно нахмурился, по его лбу пролегли глубокие морщины.

Данкан ощутил незавершенность. Что-то внутри него оставалось подавленным. Пробуждение было неполным. Он сердито поглядел на Тега. Есть ли что-то большее? Тег был с ним просто зверем. Необходимое зверство? Вот, значит, как нужно восстанавливать гхолу?

— Я...— Данкан покачал головой из стороны в сторону, как огромное раненое животное перед охотником.

— Ты обладаешь всеми своими воспоминаниями? — спрашивал Тег.

— Всеми? Да. Я помню Гамму, когда она была Гиди Прайм пропитанная, как губка маслом, пропитанная, как губка кровью, дьявольская дыра Империи! Да, конечно, башар. Я был прилежным учеником. Полковой командир! — он опять рассмеялся, странно по-взрослому для такого юного тела, запрокинув голову.

Тег вдруг почувствовал прилив глубокого удовлетворения, намного глубже, чем облегчение. Все сработало так, как ему говорили.

— Ты ненавидишь меня? — спросил он.

— Ненавижу тебя? Разве я не говорил тебе, что буду благодарен?

Данкан резко поднял руки и посмотрел на них, провел взглядом по всему своему юному телу.

— Какое же искушение! — крикнул он, уронил руки и сосредоточил взгляд на лице Тега, ища опознаваемые признаки.

— Атридесы,— сказал он.— До чего же вы все чертовски похожи!

— Не все,— сказал Тег.

— Я говорю не о внешнем сходстве, башар,— его взгляд стал туманным.— Я спрашивал о моем возрасте,— долгое молчание, а потом: — Боги великие! Сколько же времени прошло!

Тег сказал то, что ему было предписано сказать:

— Орден нуждается в тебе!

— В этом незрелом теле? Что я должен сделать?

— Я и вправду не знаю, Данкан. Тело созреет, и я так предполагаю, что Преподобная Мать объяснит тебе все.

— Луцилла?

Данкан резко взглянул вверх на разукрашенный потолок, затем на альков и скабрезные часы там. Он припомнил, как входил сюда с Тегом и Луциллой. Место было тем же самым, но оно стало другим.

— Харконнены,— зашептал он. Он устремил на Тега полыхающий взгляд.— Ты знаешь, скольких из моей семьи Харконнены пытали и убили?

— Одна из архивариусов Таразы предоставила мне записи об этом.

— Записи? По-твоему, слова могут об этом поведать?

— Нет. Но этот единственный ответ, который есть у меня на твой вопрос.

— Черт тебя возьми, башар! Почему вы, Атридесы, всегда были до такой степени правдивыми и честными?

— Я думаю, это выведено в нашей породе!

— Совершенно верно,— голос принадлежал Луцилле и доносился из-за спины Тега.

Тег не обернулся. Что она услышала? Как давно здесь находится?

Луцилла подошла и встала рядом с Тегом, но взгляд ее был прикован к Данкану.

— Я вижу, ты это сделал, Майлс.

— Буквальное выполнение приказаний Таразы...— сказал Тег.

— Ты оказался очень умен, Майлс,— заметила она.— Намного умнее, чем я тебя когда-либо считала. Твоя мать была бы жестоко наказана за твое обучение.

— А! Луцилла-соблазнительница,— сказал Данкан. Он взглянул на Тега и опять перевел взгляд на Луциллу.— Да, теперь я могу ответить на мой другой вопрос — что ей предполагалось со мной сделать.

— Они называются Геноносительцы,— сказал Тег.

— Майлс,— сказала Луцилла,— если ты усложнишь мою задачу, не допуская выполнить то, что мне велено, я поджарю тебя на вертеле.

От звука ее голоса дрожь пробежала по телу Тега. Он знал, что ее угроза была метафорой, но все, что подразумевалось за этой угрозой, было реальностью.

— Пиршество наказаний! — вскричал Данкан.— Как же мило.

Тег обратился к Данкану:

— Нет ничего романтичного в том, что мы с тобой сделали, Данкан. Я и раньше помогал Бене Джессерит в делах, которые оставляли у меня омерзительное чувство, но никогда раньше не чувствовал себя таким запачканным, как сейчас.

— Тихо! — приказала Луцилла. В этом приказании Голос использовался на полную мощь.

— Те из нас, кто принесли истинную клятву верности Ордену, имеют только одну заботу — выживание Бене Джессерит. Выживание не какой-то личности, но выживание всего Ордена. Обманы, плутни — все это пустые слова, когда вопрос стоит о выживании Бене Джессерит.

— Ох, проклятие твоей матери, Майлс! — то, что

Луцилла не скрывала своей ярости, являлось комплиментом.

Данкан внимательно уставился на Луциллу. Кто она? Луцилла? Он почувствовал, как взбудоражена его память. Луцилла не тот же самый человек... совсем не тот же самый и все же... Кусочки и крохи были те же самые. Голос. Черты. Он резко увидел опять лицо женщины, которое мелькнуло перед ним на стене комнаты Оплота.

«Данкан. Мой сладкий Данкан».

Из глаз Данкана хлынули слезы. Это его собственная мать — еще одна жертва Харконненов. Замученная пытками... кто знает, чем еще? Никогда он не увидит ее вновь, ее «сладкий Данкан».

— Боже, как бы я хотел убить одного из них прямо сейчас,— простонал Данкан.

И опять он сосредоточил взгляд на Луцилле. Сквозь слезы ее черты расплылись, и это облегчило сравнение. Лицо Луциллы имело те же черты, что и лицо леди Джессики, возлюбленной Лито Атридеса. Данкан посмотрел на Тега, опять на Луциллу, стряхнув этим движением слезы с глаз. Лица из памяти расплывались и сливались в эту настоящую Луциллу, стоявшую перед ним. Сходство... но никогда не то же самое. Никогда не то же самое.

ГЕНОНОСИТЕЛЬНИЦА.

Он догадался. Чистая ярость Данкана Айдахо вспыхнула в нем.

— То, чего ты хочешь, это мой ребенок в твоем чреве, Геноносительница? Я знаю, вы не просто так называетесь Матерями.

Луцилла ответила, голос ее был холоден:

— Мы обсудим это в другое время.

— Давай обсудим это в подходящем месте,— сделал предложение Данкан.— Может быть, я спою тебе песенку. Не такую хорошую, как мог бы спеть Гурни Хэллек, но достаточно хорошую, чтобы приготовить тебя к маленькому развлечению в постели.

— Ты находишь это забавным? — спросила она.

— Забавным? Нет, но я вспомнил о Гурни. Скажи мне, башар, его тоже воскрешали из мертвых, да?

— Во всяком случае, мне это не известно,— ответил Тег.

— Вот был певец! — воскликнул Данкан.— Он мог убить вас, распевая, и при этом ни разу не сфальшивить.

Сохраняя все ту же ледяную манеру, Луцилла сказала:

— Мы, Бене Джессерит, научились избегать музыку. Она пробуждает слишком ненужные чувства. Чувства памяти, разумеется.

«Вполне понятно, что она хочет вызвать пугливое благоговение, косвенно напоминая таким образом об Иных Памятях и других силах Бене Джессерит».

Но Данкан только громче расхохотался.

— Просто стыд,— сказал он.— Вы так много теряете в жизни.

И он начал мурлыкать старый мотив Хэллека:

«Взгляни на друзей, на дружбу давних дней...»

Его ум возвращался к этим новым ощущениям возрожденных воспоминаний, и опять он почувствовал жадное прикосновение чего-то очень сильного, что лежало захороненным внутри его. Что бы это ни было, это было жестоким, и касалось это Луциллы, Геноносительницы. В своем мозгу он ярко увидел ее мертвой и тело ее — плавающим в крови.

Люди всегда мечтают о чем-то большем: непосредственной радости или более глубоком чувстве, называемом ими счастьем. Это один из секретов, при помощи которых мы проводим в жизнь наши проекты. Это ЧТО-ТО БОЛЬШЕЕ, предположительно, увеличивает власть над людьми, не способными дать ему имя или (что намного чаще) даже не знающими о его существовании. Большинство людей бессознательно реагирует на такие скрытые силы. Таким образом, нам надо только вызвать к существованию просчитанное ЧТО-ТО БОЛЬШЕЕ, определить его и придать ему форму, и тогда люди будут следовать за ними.

Секреты Руководящей Роли Бене Джессерит

Вместе с молчаливым Ваффом, идущим примерно в двадцати шагах впереди, Одрейд и Шиана шли рядом с хранилищем спайса по дороге, густо поросшей по краям сорняками. Все они переоделись в одеяния пустыни — поблескивающие стилсъюты. Сквозь ячейки серой нульплазной ограды, окружавшей двор рядом с ними, пробивались пучки травы и ватные семякоробочки растений. Они вызы-

вали у разглядывавшей их Одрейд мысли о жизни, пытающейся пробиться сквозь человеческое вмешательство. Сзади них приземистые здания, которыми оброс Дар-эс-Балат, грелись на солнце раннего дня. Горячий сухой воздух обжигал горло, если она вдыхала слишком глубоко. У Одрейд кружилась голова, и внутри все бунтовало. Ее мучила жажда. Она шла, как бы балансируя на краю пропасти. Ситуация, которую она сотворила по приказанию Таразы, могла взорваться в любой момент.

«До чего же все хрупко!»

Пока три силы уравновесились, не поддерживая друг друга, но объединенные мотивами, при изменении которых рухнул бы весь союз. Воины, посланные Таразой, не успокаивали Одрейд. Где же Тег? Где Бурзмали? И кстати, раз уж об этом речь, где гхола? Он уже должен быть знать. Почему ей приказано затормозить все?

Сегодняшняя затея точно все притормозит! Хотя на ней благословение Таразы. Одрейд подумала, что эта вылазка в пустыню к червям, может задержать ее навечно. Да еще и Вафф. Если он выживет, достаточно ли он наберет данных, из которых сложится картина?

Несмотря на обработку лучшими ускорителями заживления тканей, используемых Орденом, Вафф говорил, что его руки до сих пор болят в тех местах, где Одрейд их перебила. Он не жаловался, он просто сообщал информацию. Он представлялся принявшим их хрупкий союз, даже изменения, которые были наложены жрецами Ракиса. Без сомнения, он спокоен, пока один из его Лицевых Танцоров занимает место Верховного Жреца под личиной Туека. Но Вафф твердо настаивал на ускорении получения обещанных Бене Джессерит Выводящих Матерей, задерживая выдачу своей части в их сделке.

— Всего лишь небольшая заминка, пока Орден рассмотрит новое соглашение,— объясняла ему Одрейд.— Тем временем...

Сегодня — это и есть «тем временем».

Одрейд отогнала дурные предчувствия, стараясь проникнуться духом их приключения. Ее очень занимало поведение Ваффа, особенно реакция на встречу с Шианой: опасливость, замешанная на благоговении.

«Служанка его Пророка».

Одрейд посмотрела на девушку, шедшую, как положено, рядом с ней. Вот настоящий рычаг для того, чтобы все события развивались по плану Бене Джессерит.

Одрейд была полна возбуждения, наблюдая в этой религиозной обстановке за тлейлаксанцем, чью защитную маску, многие тысячелетия скрывавшую подлинное лицо, удалось приоткрыть Ордену. Наблюдения за фанатичной «истинной верой» Ваффа, все более проявлявшейся с каждым шагом по крупному песку пустыни, наполняли Одрейд радостью удачливого исследователя-натуралиста.

«Нам нужно было бы догадаться раньше,— заключила Одрейд.— Манипуляции нашей собственной Защитной Миссионерии должны были бы нас натолкнуть на мысль, что делают тлейлаксанцы: блюдут себя для самих себя, все эти долгие-предолгие тысячелетия не допуская никаких вторжений извне».

Похоже, они не копировали структуру Бене Джессерит. Но вряд ли какая другая сила могла бы сделать такое? Религия. Великая Вера!

«Если только тлейлаксанцы не используют свою систему гхол в качестве бессмертия».

Тараза, должно быть, права. Заново воплощаемые тлейлаксанские Господины различаются с Преподобными Матерями — у них нет Иных Памятей, а только их собственные воспоминания. Но до чего же протяженные во времени!

«Превосходно!»

Одрейд посмотрела вперед, в спину Ваффа. Влачащиеся. Это как будто пришло к нему совершенно естественно. Вскоре подтвердилось проникновение в великую веру Ваффа. Тлейлакс хранил древний язык не только живым, но и не измененным. Вафф назвал Шиану «Алйама», что означало «благословенная».

Хорошо, что Вафф не понимает, что Орден узнал о тех могущественных силах — только религия! — которые все эти годы вели Тлейлакс к цели. «Нам до корней ясна подноготная вашей одержимости, Вафф! Вы делаете нечто похожее на то, что делал Орден. А уж мы-то знаем, как управлять религиозными порывами в собственных целях!»

Сообщение Таразы горело в сознании Одрейд: «План Тлейлакса ясен — владычество. Человеческое мироздание должно быть превращено в тлейлаксанское мироздание. Они не могли надеяться достичь такой цели без помощи Рассеяния. Сделай вывод».

Аргументы Верховной Матери были почти непогрешимы. Даже оппозиция, глубоко зашедшая в своей ереси, угрожавшей единству Ордена, не смела возражать. Но

мысль об огромном количестве людей, находящихся в Рассеянии, их критической, взрывоопасной массе — степень, возведенная в степень, вызывала в Одрейд чувство одинокого отчаяния.

«Нас слишком мало по сравнению с ними».

Шиана наклонилась и подобрала камушек. Она посмотрела на него секунду, потом бросила в ограду. Камушек скользнул сквозь ячейки ограды, не коснувшись их.

Наконец Одрейд смогла справиться со своей нервозностью. Звуки ее собственных шагов по песку, вздуваемому ветром, блуждавшему вокруг этой малоиспользуемой дороги, внезапно показались громовыми. Тонкая нить мощеной дороги, ведущей в пустыню от кольцевого кванта и рва Дар-эс-Балата начиналась в двух сотнях шагов перед ними в конце узкой дорожки.

Шиана проговорила:

— Я иду в пески, потому что ты приказала, Мать. Но я так и не знаю почему.

«Потому что там место тяжелого испытания, которому мы подвергнем Ваффа, и через него придадим новую форму Тлейлаксу!»

— Это демонстрация,— сказала Одрейд.

Это была правда. Не полная правда, но годилась для объяснения.

Шиана шла, опустив голову, устремив вниз напряженный взгляд и внимательно разглядывая, куда сделать следующий шаг.

«Не так ли она всегда приближалась к своему Шайтану? — удивилась Одрейд.— Задумчивой и отстраненной?»

Одрейд услышала слабое чмоканье высоко вверху у них за спинами. Приближались орнитоптеры наблюдения. Они будут сохранять дистанцию, но многие будут наблюдать за этой демонстрацией.

— Я станцую,— проговорила Шиана.— Обычно это вызывает большого.

Одрейд ощутила, как у нее участился пульс. Будет ли этот «большой» продолжать повиноваться Шиане, несмотря на присутствие двух ее спутников?

ЭТО САМОУБИЙСТВЕННОЕ БЕЗУМИЕ!

Но все должно быть сделано: таков приказ Таразы.

Одрейд оглядела обнесенное изгородью спайсовое хранилище рядом с ними. Место представлялось очень знакомым — больше, чем просто ложное воспоминание. Внут-

ренняя уверенность, следствие знаний из Иных Памятей сообщили ей, что это место по сути оставалось неизменным с древних времен. Устройство спайсовых силосных башен во дворе было такое же древнее, как и Ракис: овальные котлы на высоких ножках — огромные насекомые из металла и плаза, ждущие на вскинутых ногах, чтобы броситься на свою жертву. Она подозревала бессознательное послание от древних конструкторов: «Меланж — это и благо, и вместе проклятие».

Под хранилищами находилась песчаная пустошь, где не допускалось никаких растений возле глинобитных зданий — похожего на амебу ответвления Дар-эс-Балата, доходившего почти до границ кваната. Спрятанный не-глоуб Тирана породил разраставшуюся религиозную общину, которая скрывала свою деятельность за стенами без окон и под землей.

«Тайная работа неосознанных желаний!»

Опять Шиана заговорила:

— Туек стал другим.

Одрейд увидела, как Вафф резко поднял голову. Он слышал. Он наверняка думает: «Можно ли что-нибудь скрыть от посланницы Пророка?»

«Слишком много людей уже предполагают, что Туека замещает Лицевой Танцор,— подумала Одрейд.— Кабала жрецов, конечно, верит, что расставила тлейлаксанцам достаточно силков, чтобы в них попался не только Бене Тлейлакс, но заодно и Орден».

Одрейд чувствовала едкие запахи химикалий, которыми пользовались, избавляясь от дикой растительности во дворе спайсохранилища. Эти запахи вернули ее внимание к необходимости. Она не посмела углубиться сейчас в мысленные странствия! Слишком легко может Орден попасться здесь в собственную ловушку.

Шиана споткнулась и чуть вскрикнула — больше от раздражения, чем от боли. Вафф, резко повернув голову, взглянул на Шиану, потом опять перенес свое внимание на дорогу: он увидел, что девочка просто споткнулась о выщербинку в дороге. Наносный песок скрывал трещины. Невесомая структура мощеной дороги впереди казалась твердой. Недостаточно вещественной, чтобы выдержать одного из потомков Пророка, но вполне пригодной для поклоняющегося, чтобы вести его в пустыне.

Вафф думал о себе в основном как о просителе.

«Я иду, как нищий, в страну Твоей посланницы, Господь».

У него были свои сомнения насчет Одрейд. Преподобная Мать завела его сюда, чтобы высосать из него все знания, а затем убить.

«С Божьей помощью, я, может быть, ее еще и удивлю»,— он знал, что его тело защищено от Икшианской Пробы, хотя она, вероятно, не собиралась применять к его личности такой громоздкий метод. Но была сила его личной воли и уверенность в Божьей милости, успокаивавшие Ваффа.

«А что, если рука, которую они нам подали, подана искренне?»

Это тоже будет деянием Бога.

Союз с Бене Джессерит, твердый контроль над Ракисом. Да это же просто мечта! Владычество Шариата, наконец.

Когда Шиана снова споткнулась и опять чуть жалобно привскрикнула, Одрейд сказала:

— Не щади себя.

Одрейд заметила, как напряглись плечи Ваффа,— ему не понравилось такое властное обращение с его «благословенной». Твердую основу в этом человечке Одрейд определила, как силу фанатизма. Даже если червь придет, чтобы убить его, Вафф не сбежит. Вера в волю Божью поведет его прямо к собственной смерти — если только из-под него не выбита его крепкая религиозная опора.

Одрейд подавила улыбку. Она прекрасно понимала течение его мыслей: «Бог вскоре раскроет свой замысел».

Вафф думал о своих растущих клетках, медленно обновлявшихся в Бандалонге. Неважно, что здесь произойдет, его клетки будут храниться для Бене Тлейлакса... и для Бога — и очередной Вафф всегда будет служить Великой Вере.

— Знаете, я чую запах Шайтана,— сказала Шиана.

— Сейчас чувствуешь? — Одрейд поглядела на мощеную дорогу перед ними. Вафф уже сделал несколько шагов по этой изгибающейся поверхности.

— Нет. Чувствую, когда он идет,— сказала Шиана.

— Разумеется, ты можешь его почувствовать, дитя. Всякий мог бы.

— Я могу почуять его издалека.

Одрейд глубоко вздохнула, разбирая запахи, витавшие на фоне главного запаха жженого кремния: легкий запашок меланжа... озон, что-то явно кислое. Она приказала Шиане идти впереди нее. Вафф также сохранял свои твер-

дые двадцать шагов впереди. Мощеная дорога уходила в пустыню приблизительно в шестидесяти метрах от него.

«Я испытаю песок при первой возможности,— подумала Одрейд.— Это мне расскажет о многом».

Когда она вышла на дорогу через водяной ров, она взглянула на юго-запад, на низкий барьер вдоль горизонта. Ее резко подчинила себе властная Иная Память. Не было ничего четкого в увиденном, но она узнала его — смешанные образы из глубочайших внутренних источников.

«Проклятие! — подумала она.— Не сейчас!»

Избежать этого было невозможно. Вторжения Иных Памятей были непрошеным, но неизбежным требованием ее сознания.

«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!»

Она всмотрелась в горизонт, позволив иной Памяти утвердиться в ней: давным-давно... высокий барьер далеко вон там... люди, идущие по его вершине... Невесомый длинный мост, невещественный и прекрасный, под которым текла река. Река Айдахо! Теперь возникший образ обрел и движение: что-то падающее с моста. Это было слишком большое расстояние памяти, чтобы разобраться, но она уже поняла, что́ это за образ. Она знала эту сцену с чувством ужаса и вдохновенного восторга.

Воздушный мост рухнул! Обрушился в реку, текущую под ним.

То, что ей так ясно виделось, было классическое смертоносное покушение, несомое многими Памятями, пришедшими в момент ее Спайсовой Агонии. Тысячи ее предков следили, чтобы не было огрехов в воображаемой реконструкции этой сцены. Не совсем зрительная память, но собрание точных отчетов.

«Вот там все и произошло!» — Одрейд остановилась и позволила проекциям ее воображения самостоятельно проложить путь через ее сознание. Осторожно! Они распознали некую опасность.

То, что представлялось Одрейд сейчас, уже было в истории Атридесов. Лито II, Тиран, перед своим разделением рухнул с воздушного моста. Огромный Червь Ракиса, сам Тиран Бог-Император, упал с этого моста во время своего свадебного шествия.

Вот! Прямо там, в реке Айдахо под разрушенным мостом, началась агония Тирана. Там случилась трансформация, от которой произошел Разделенный Бог — все началось там.

«К чему же это предупреждение?» Мост и река исчезли с лица земли. Высокая стена, окружавшая сухие земли Сарьера Тирана разрушилась и превратилась в условную линию на дрожащем от жары горизонте.

Если сейчас придет червь с заключенном в нем перле всегда спящей памяти Тирана, будет ли эта память опасна? Именно это доказывала оппозиция Таразы в Ордене.

«Он проснется!»

Тараза и ее советники отрицали вероятность этого.

И все равно нельзя было отрицать тревожный сигнал из Иных Памятей Одрейд.

— Преподобная Мать, почему же мы остановились?

Одрейд чувствовала, как ее сознание опять резко вернулось к действительности, требовавшей внимания. В предостерегающее видение о начале бесконечного сна Тирана врывались и иные картины.

Шиана стояла перед ней озадаченная.

— Я смотрела вон туда,— указала Одрейд.— Вон там начался Шаи-Хулуд, Шиана.

Вафф остановился в конце мощеной дорожки, в одном шаге от наступавшего песка, обогнав Одрейд и Шиану почти на сорок шагов. Голос Одрейд вернул его к жесткому, ясному пониманию, но он не обернулся. Одрейд чувствовала неудовольствие в его позе. Ваффу не нравился даже намек на цинизм, направленный на его Пророка. Он всегда подозревал его в Преподобных Матерях. Особенно что касалось религии. Вафф еще не был готов принять, что Бене Джессерит, повинда, могут быть сопричастны его Великой Вере. Эту мысль в нем надо укреплять с осторожностью хорошо испытанным способом, давно изобретенным Защитной Миссионерией.

— Говорят, там была большая река,— сказала Шиана.

Одрейд расслышала звенящую нотку презрения в голосе Шианы. Дитя учится быстро?

Вафф обернулся и угрюмо на них посмотрел. Он тоже слышал. Что он сейчас думает о Шиане? Одрейд взяла одной рукой Шиану за плечо, а другой рукой указала:

— Вон там был мост. Великая стена Сарьера была там открыта, чтобы дать свободу течению реки Айдахо. Мост пересекал эту расщелину.

Шиана вздохнула.

— Настоящая река,— шепнула она.

— Не кванат, и намного больше канала,— сказала Одрейд.

— Я никогда не видела реку,— проговорила Шиана.

— Вон там они обрушили Шаи-Хулуда в реку,— промолвила Одрейд. Она указала налево.— Вон в той стороне, за много километров отсюда был построен его дворец.

— Там ничего нет, кроме песка.

— Дворец был снесен во времена Голода,— сказала Одрейд.— Люди думали, что там запас спайса. Они, безусловно, оказались не правы. Он был слишком умен для этого.

Шиана наклонилась вплотную к Одрейд и прошептала:

— Но там ведь есть огромный спайсовый клад. Я слышала много раз об этом в напевах. Мои... они говорят, что он в пещере.

Одрейд улыбнулась. Шиана, конечно, ссылалась на Устную Историю. И она чуть не сказала «мои родители...», имея в виду, что ее настоящие родители погибли в этой пустыне. Одрейд уже вызнала эту историю у девочки.

Продолжая шептать в ухо Одрейд, Шиана проговорила:

— Почему этот человек идет с нами? Мне он не нравится.

— Это необходимо для демонстрации,— ответила Одрейд.

Вафф выбрал этот момент, чтобы шагнуть с мощеной дороги на первый мягкий склон открытого песка. Он шел осторожно, но без видимых колебаний. Едва оказавшись на песке, он повернулся, глаза его блеснули в жарком свете солнца. Вафф взглянул сначала на Шиану, а потом на Одрейд.

«В нем все еще есть благоговение, когда он глядит на Шиану,— подумала Одрейд.— Он считает, что ему откроются величайшие тайны. Он полностью оправился. А авторитет!..»

Шиана заслонила рукой глаза от солнца и посмотрела на пустыню.

— Шайтан любит жару,— произнесла Шиана.— Люди прячутся от жары, но это то время, когда приходит Шайтан.

«Не Шаи-Хулуд,— подумала Одрейд.— Шайтан! Ты хорошо предсказал это, Тиран. Что еще ты знал о переменных временах?»

Действительно ли Тиран пребывает в вечной спячке во всех своих потомках-червях?

Ни один анализ, из изученных Одрейд, не тянул на достоверное объяснение, что же могло заставить человека

пойти на симбиоз с первоначальным червем Арракиса. Что двигало его умом все эти тысячелетия ужасной метаморфозы? Есть ли хотя бы малый кусочек разума, сохранившийся в червях Ракиса?

— Он близко, Мать,— сказала Шиана.— Ты чуешь его?

Вафф с опасливым ожиданием посмотрел на Шиану.

Одрейд вздохнула глубоко: сильный запах корицы, сквозь который тянет горечью кремния, огонь, сера — отгороженный кристаллами ад Великого Червя. Она наклонилась и взяла щепотку песка, гонимого ветром, на язык. С ней сейчас все одновременно: и Дюна Иной Памяти, и Ракис сегодняшнего дня.

Шиана указала наискосок в том направлении, откуда дул легкий ветерок пустыни.

— Он там. Мы должны спешить.

Не дожидаясь разрешения от Одрейд, Шиана легко побежала по дороге, мимо Ваффа на ближайшую дюну. Там она постояла и подождала, пока Одрейд и Вафф не поравнялись с ней. Она вела их вниз и вверх, с одной дюны на другую. Осыпающийся песок тормозил их передвижение через огромный извилистый бархан, на верхушке которого танцевали тонкие бурунчики взвеваемой пыли. Затем между ними и опоясанной водой безопасностью Дар-эс-Балата возник почти километр.

Шиана вновь остановилась.

Вафф, запыхавшись, стал рядом с ней. Из-под капюшона стилсъюта на его лбу виднелась испарина.

Одрейд остановилась в шаге позади Ваффа. Она глубоко и спокойно дышала, глядя мимо Ваффа туда, куда было приковано внимание Шианы.

Яростный прилив песка несся через пустыню над дюной, где они стояли, несомый штормовым ветром. Скальная порода в основании обнажилась, и открылся ряд огромных валунов, рассеянных и перевернутых, как разбитые строительные камни какого-нибудь безумного Прометея. Через этот дикий лабиринт рекой тек песок, оставляя свои подписи глубокими царапинами и расщелинами, затем, стекая с низких выступов, чтобы слиться с опять начинавшимися дюнами.

— Вон туда,— показала Шиана на обнажившиеся камни. Скользя и карабкаясь в осыпающемся песке, она сошла с их дюны. У подножия она остановилась возле валуна, по меньшей мере вдвое выше се.

Вафф и Одрейд стали прямо позади нее.

Поверхность другого огромного бархана, изогнутого, как спина резвящегося кита, поднялась в серебряно-голубом небе рядом с ними.

Одрейд использовала паузу, чтобы восстановить кислородный баланс. Это бешеная гонка потребовала очень многого от ее плоти. Она заметила, Вафф раскраснелся и глубоко дышал. Кремниево-коричный запах казался густым в этом ограниченном проходе. Вафф чихнул и вытер нос тыльной стороной руки. Шиана поднялась на цыпочки, оглянулась и отпрыгнула шагов на десять от скального основания. Она поставила одну ногу на песчаный склон другой дюны и возвела обе руки к небу. Сначала медленно, затем в возрастающем темпе, она начала танцевать, двигаясь по песку.

Звуки топтера над головой стали громче.

— Слушайте! — окликнула Шиана, не переставая танцевать.

Но она привлекала их внимание не к топтерам. Одрейд повернула голову, чтобы лучше слышать новый звук, вторгшийся в загроможденный скалами лабиринт.

Шипящий свист, подземный, приглушенный песком — он сделался громче с потрясающей быстротой. В нем был жар, и заметное дыхание вихря, закрутившегося по скалистому проходу. Свист наращивал свою силу до рыка. Вдруг окаймленная острыми хрустальными ножами гигантская пасть поднялась над дюной, прямо над Шианой.

— Шайтан! — вскричала Шиана, не прерывая своего танца.— Я здесь, Шайтан!

Поднявшись над дюной, червь склонил свою пасть вниз к Шиане. Песок брызнул вокруг ее ног, заставив прекратить танец. Запах корицы заполнил скалистую впадину. Червь остановился над ними.

— Посланец Господа,— выдохнул Вафф.

Жара высушила пот на обнаженных частях лица Одрейд, ее автоматически герметизируемый стилсъют стал заметно пухнуть. Она глубоко вдыхала, разбирая по составным частям запахи за этим мощным, но объединяющим запахом корицы. Воздух вокруг нее был полон озона и быстро обогащался кислородом. Всеми предельно обостренными чувствами Одрейд накапливала впечатления.

«Если я уцелею»,— подумала она.

Да, это были ценные данные. Может наступить день, когда их используют другие.

Шиана переступила с песка на скалу и продолжала танцевать, двигаясь еще быстрее, крутя головой при каждом повороте. Волосы хлестали ее по лицу всякий раз, когда она поворачивалась, чтобы оказаться лицом к лицу с червем, и кричала: «Шайтан!».

Недоверчиво, словно ребенок на незнакомой земле, червь опять двинулся вперед. Он скользнул через гребень дюны, перекрутился вокруг обнаженной скалы, и его полыхающая пасть оказалась совсем рядом, но чуть выше Шианы.

Когда он остановился, Одрейд услышала глубокий рокот внутренних топок червя. Она не могла оторвать взгляда от сполохов оранжевого пламени внутри этого создания. Это была пещера таинственного огня.

Шиана прекратила танцевать. Она опустила руки со стиснутыми кулаками, прижав их к бокам, и посмотрела на призванное ею чудовище.

Одрейд размеренно дышала — контролируемый ритм Преподобной Матери, концентрирующей все свои силы. Если это конец — что ж, она выполнила приказ Таразы. Пусть Верховная Мать узнает, что сможет, от наблюдателей.

— Привет, Шайтан,— сказала Шиана.— Я привела с собой Преподобную Мать и человека Тлейлакса.

Вафф упал на колени и поклонился.

Одрейд скользнула мимо него и встала рядом с Шианой.

Шиана глубоко дышала. Ее лицо сделалось красным.

Одрейд слышала, как тикают их переработавшие стилсъюты. Жара и насыщенный запахом корицы воздух вокруг них были пронизаны звуками состоявшейся встречи, которые перекрывал рокот полыхавших топок внутри неподвижного червя.

Вафф встал рядом с Одрейд, его заторможенный взгляд не открывался от червя.

— Я здесь,— прошептал он.

Одрейд мысленно его обругала. Нежелательный шум мог навлечь на них этого зверя. Она, однако, понимала, что думает Вафф: ни один тлейлаксанец раньше никогда не стоял так близко к потомку их Пророка. Даже ракианские жрецы такого не делали!

Правой рукой Шиана внезапным жестом указала вниз.

— Опустись перед нами, Шайтан! — крикнула она.

Червь опускал свой раскрытый зев до тех пор, пока эта адская огненная яма не заполнила все скалистое углубление перед ними.

Голосом, чуть громче шепота, Шиана спросила:

— Видишь, как Шайтан повинуется мне, Мать?

Одрейд почувствовала контроль Шианы над червем, пульс скрытого языка между ребенком и чудовищем. Это было сверхъестественно.

Возвысив голос до вызывающего высокомерия, Шиана произнесла:

— Я попрошу Шайтана, чтобы он разрешил нам проехаться на нем! — она вскарабкалась на дюну рядом с червем.

Огромная пасть медленно поднялась, следуя за ее движениями:

— Стой где стоишь! — крикнула Шиана.

Червь остановился.

«Это она не словами командует,— подумала Одрейд.— Это что-то еще... что-то еще...»

— Мать, иди со мной,— окликнула Шиана.

Подталкивая перед собой Ваффа, Одрейд повиновалась. Они взобрались на песчаный склон позади Шианы. Песок, потревоженный их ногами, сыпался рядом с червем, заполнившим все скалистое углубление. Впереди них изгибающийся хвост червя протягивался через весь гребень дюны. Шиана повела их рысцой, скорость которой сбивал вязкий песок, к самой верхушке червя. Там она уцепилась за край ведущего кольца на рубчатой поверхности и влезла на зверя пустыни.

Одрейд и Вафф медленно последовали за ней. Теплая поверхность червя показалась Одрейд не органической, словно это было какое-то икшианское изделие.

Шиана двинулась по спине и присела на корточки, как раз сзади рта, где кольца были толстыми и широкими.

— Вот так,— сказала Шиана. Она наклонилась вперед и ухватилась за край ведущего кольца, слегка его приподняв, чтобы открыть нежную розовую плоть.

Вафф немедленно ей повиновался, Одрейд шла осторожней, накапливая впечатления. Поверхность кольца была твердой, как пласкрит, и покрыта крохотными вкраплениями. Пальцы Одрейд наткнулись на мягкие ткани под ведущим кольцом. Они пульсировали слабо. Поверхность вокруг нее поднималась и опадала в почти неощутимом

ритме. При каждом движении Одрейд слышала тихое скрежетание.

Шиана брыкнула поверхность червя под ней.

— Шайтан, иди! — закричала она.

Червь никак не отреагировал.

— Пожалуйста, Шайтан,— взмолилась Шиана.

Одрейд услышала отчаяние в голосе Шианы. Ребенок был так уверен в своем Шайтане, но Одрейд знала, что девочка смогла проехать на нем только один раз. Девочка уже рассказала Одрейд всю историю ее первой поездки, от желания смерти до смятения священников, но из этой истории никак нельзя было сделать вывод, что произойдет на этот раз.

Вдруг червь пришел в движение. Он слегка приподнялся, изогнулся, сделав резкий поворот влево, выполз из скалистого углубления и заскользил прочь от Дар-эс-Балата в открытую пустыню.

— Мы едем с Богом! — закричал Вафф.

Звук его голоса шокировал Одрейд. Какая дикость! И в то же время она ощутила мощь его веры. «Твок-твок» топтеров следовавшего за ними конвоя раздалось над головой. Ветер быстрой езды, хлеставший Одрейд, был полон озона и запахов горящих топок, разбуженных трением несущегося червя.

Одрейд посмотрела через плечо на топтеры, подумав, что врагам сейчас было бы очень легко расправиться со всей их троицей, разрешив разом кучу проблем. Жрецы, пожалуй бы, смогли решиться на такое дело, в надежде, что ее охранники не успеют вовремя.

Одрейд призналась себе в жгучем любопытстве.

«Куда же эта штука нас везет?»

Наверняка она направляется не к Кину. Она взглянула вверх мимо Шианы. На горизонте прямо перед ними полная скрытого смысла груда скал — место, где Тиран, сорвавшись с воздушного моста, распался на части.

Место, о котором предупреждали Иные Памяти.

Резкое озарение снизошло на Одрейд — все в недавнем видéнии встало на свои места: Тиран сам выбрал место и время своей смерти, он специально направил туда свой свадебный кортеж! Многие погибли вместе с ним, но его смерть была самой великой. Не Шиана приказала червю ехать туда — бесконечный сон Тирана, как магнитом, притягивал червя к месту его начала.

Одного жителя сухих земель спросили, что важнее: литровый кувшин воды или огромный бассейн? Житель сухой земли, подумав секунду, ответил: «Литровый кувшин воды важнее. Никакой человек самолично не может владеть бассейном... Но кувшин можно спрятать под плащом и убежать с ним. Никто и не узнает».

Шутки древней Дюны. Архивы Бене Джессерит

Практическое занятие в тренировочном зале не-глоуба все продолжалось и продолжалось. Полный стальной решимости Данкан пожелал не прерывать череды тренировок, пока его новое тело не овладеет свободно семью главными подходами боевых реакций при отражении нападения с восьми направлений. Его зеленый синглсъют стал темным от пота. Двадцать дней продолжался один этот урок!

Тег знал эту старую науку, которую возрождал здесь Данкан, но под другими названиями и с другими комбинациями приемов. Уже к пятому дню тренировки Тег засомневался в превосходстве современных методов. А теперь он был убежден, что Данкан делает что-то совершенно новое — древнее искусство, замешанное на уроках, полученных в Оплоте.

Тег за пультом управления был и зрителем, и участником. Управление этим тренировочным боем с весьма материальными и опасными «тенями» принуждало Тега к большому мысленному напряжению, но, быстро освоившись, он с ловкостью и даже с вдохновением управлял нападениями.

Начинавшая злиться Луцилла периодически заходила в тренировочный зал. Она наблюдала за ними, а затем удалялась, ничего не сказав. Тег не понимал, что делает Данкан с Геноносительницей, но у него было чувство, что пробужденный гхола играет со своей соблазнительницей. Она не позволит этому долго продолжаться, понимал Тег, но это уже было не в его власти. Данкан теперь уже не «слишком юн» для Геноносительницы. Это молодое тело несло ум зрелого мужчины, и решения он будет принимать на основе собственного богатого жизненного опыта.

Данкан и Тег проводили занятия, делая только один перерыв за утро. Голод смертельно томил Тега, но ему не хотелось прерывать занятий — способности Данкана за сегодняшний день поднялись на новый уровень и все еще продолжали улучшаться.

Тег, сидя в кресле клетки стационарного пульта управления, провел сложный крученый маневр, нападая и слева, и справа, и сверху.

На оружейном складе Харконненов имелось множество экзотического оружия и тренажеров, некоторые Тег видел только в исторических книгах. Но Данкан знал их все — и обращался с ними поразительно легко и привычно. Самонаводчики, проникающие сквозь защитное поле,— часть системы нападения «теней», которой они сейчас пользовались.

— Они автоматически замедляются, чтобы пройти через поле,— объяснил Данкан своим юным-старым голосом.— Конечно, если начнется слишком быстрый удар, поле его оттолкнет.

— Подобные поля почти вышли из моды,— сказал Тег.— В некоторых обществах они сохраняются в качестве спортивной забавы, но никак иначе.

Данкан на огромной скорости парировал удар и сбил на пол трех самонаводчиков так, что им потребовались услуги ремонтных систем не-глоуба. Для того чтобы устранить повреждения, он убрал клетку и приглушил систему, но оставил ее работать, а сам подошел к Тегу, глубоко дыша, но тем не менее легко. Глядя мимо Тега, Данкан улыбнулся и кивнул. Тег обернулся всем телом, но увидел только мелькание одеяний уходившей Луциллы.

— Это как дуэль,— сказал Данкан.— Она старается прорваться сквозь мою оборону, но я делаю контрвыпады.

— Осторожней,— проговорил Тег.— Она ведь полная Преподобная Мать.

— Я ведь знал кое-кого из них в свое время, башар.

И опять Тег обескуражен. Его предостерегали, что придется вновь привыкать к новому Данкану Айдахо, но он не предвидел постоянных умственных усилий, которые потребуются. Взгляд Данкана как раз сейчас был озадаченным.

— Наши роли немножко поменялись, башар,— произнес Данкан. Он взял с пола полотенце и вытер лицо.

— Я не совсем уверен в том, что я могу научить тебя большему,— признался Тег.

Ему хотелось, чтобы Данкан прислушался к его предостережению насчет Луциллы. Не воображает ли Данкан, будто Преподобные Матери тех древних дней идентичны женщинам сегодняшнего дня? Сам Тег считал, что такое маловероятно. Как и все в жизни, Орден постоянно развивался и изменялся.

Тегу стало ясно, что Данкан уже сделал выводы о своем месте в хитросплетениях Таразы. Данкан не просто ждал благоприятного случая. Он тренировал свое тело для достижений лично выбранной вершины и вынес свое суждение о Бене Джессерит.

«Он вынес это суждение из неполноценных данных»,— думал Тег.

Данкан бросил полотенце и с минуту на него смотрел.

— Позволь мне самому судить о том, чему ты можешь меня научить, башар,— он обернулся и пристально поглядел на Тега, усаживавшегося в своей клетке.

Тег вздохнул глубоко. Он почувствовал слабый запах озона от всего этого сработанного на века оборудования Харконненов, механизмы которого наготове и тикают, ожидая, когда Данкан вернется к упражнениям. Но все перебивал горький запах пота гхолы.

Данкан фыркнул, а Тег чихнул.

Эта вездесущая пыль! Иногда ее можно было больше ощутить на вкус, чем увидеть. Алкалин. В воздухе много запахов очистителей и восстановителей кислорода. И какой-то цветочный аромат, вмонтированный в систему воздухоочистки, но Тег не мог узнать цветок. За месяц их обитания здесь, глоуб приобрел все человеческие запахи: пота, кухни, едкий запах переработки отходов. Почему-то они странно задевали Тега. И он все время чихал и прислушивался к звукам их присутствия — нечто большее, чем эхо его собственных шагов по коридору и приглушенное металлическое звяканье, доносившееся с кухни.

Данкан произнес:

— Ты странный человек, башар.

— Почему? Что ты имеешь в виду?

— Твое внешнее сходство с герцогом Лито. Лицо похоже просто сверхъестественно. Он был немного пониже тебя, но внешность...— он покачал головой, думая о замыслах Бене Джессерит, скрытых за этими генетическими отметинами в лице Тега: ястребиный взгляд, складки морщин и внутренняя уверенность в моральном превосходстве.

«Насколько моральное и насколько превосходство?»

Из увиденных в Оплоте отчетов (Данкан был уверен, что они находились там специально для того, чтобы он их нашел) следовало, что репутация Тега была почти вселенской среди всего человеческого общества этого века. В битве при Марконе врагу оказалось достаточно узнать,

что ему противостоит сам Тег, чтобы просить перемирия. Была ли это правда?

Данкан посмотрел на Тега, который сидел у пульта управления, и задал ему этот вопрос.

— Репутация может быть прекрасным оружием,— ответил Тег.— Благодаря ей часто проливается меньше крови.

— Почему при Арбело ты пошел впереди своих войск? — задал вопрос Данкан.

Тег явно удивился.

— Где ты это узнал?

— В Оплоте. Тебя могли бы убить. К чему бы хорошему это привело?

Тег напомнил себе, что это молодое тело возле него обладает древними неведомыми познаниями, которые и диктуют ему направление поиска новых сведений. Как и подозревал Тег, именно эти неизвестные знания Данкана и являлись самой большой ценностью для Ордена.

— В предыдущие два дня мы понесли при Арбело жестокие потери,— сказал Тег.— К несчастью, я ошибочно оценил страх врага и его фанатизм.

— Но риск...

— Мое присутствие впереди говорило моим людям: «Я разделяю ваш риск».

— В источниках Оплота написано, что Арбело была захвачена Лицевыми Танцорами. Патрин рассказывал мне, что, несмотря на настояния помощников, ты запретил очистить всю планету, стерилизовать ее и...

— Тебя там не было, Данкан.

— Я стараюсь понять. Значит, ты пощадил врага вопреки всем настояниям.

— Кроме Лицевых Танцоров.

— Но ты прошел вооруженным через ряды врага, и они сложили оружие.

— Заверив их, что с ними не поступят дурно.

— Это было слишком опасно.

— Было ли? Многие из них перешли на нашу сторону ради решительного штурма Кройнена, где мы разгромили силы, противостоящие Ордену.

Данкан внимательно вгляделся в Тега. Нет, этот старый башар напоминал герцога Лито не только внешностью, в нем был тот же Божий дар Атридесов: легендарная фигура даже для бывших врагов. Тег сказал, что происходит от Ганимы из рода Атридесов, но было в этом и что-то

большее. Данкан почувствовал благоговение перед путями выведения и скрещивания Бене Джессерит.

— Теперь давай вернемся к занятиям,— попросил Данкан.

— Не навреди себе.

— Ты забываешь, башар. Я помню свое тело таким же юным, как это, и как раз здесь, на Гиди Прайм.

— Гамму!

— Планету переименовали, но тело мое помнит изначальное название. Вот почему я послан сюда. Мне понятно это.

«Еще бы ты этого не понял»,— подумал Тег.

Освеженный неожиданной передышкой Тег ввел новые элементы нападения и внезапно направил сжигающие лезвие на левый бок Данкана.

До чего же легко Данкан отбил нападение!

Он использовал странную смесь пяти приемов, и каждая комбинация рождалась будто до того, как она потребуется.

— Каждое нападение — это перышко, парящее на бесконечной дороге,— сказал Данкан. В его голосе не было ни намека на утомление.— Когда перышко приближается, оно отклоняется и удаляется.

Говоря это, он отбил атаку со сменой направления и сделал контрвыпад.

Логика ментата Тега выбирала из всех движений указания на опасные места.

«Зависимости и ключевые бревна!»

Предугадывая направление и опережая нападение, Данкан сделал выпад. Освещенный вспышками и мерцанием приборов, Тег на грани возможностей управлял «теневыми» силами. Ни один из самонаводчиков, ни одно из сжигающих лезвий не коснулось Данкана, неистово извивавшегося в пространстве между ними. Он был выше их, под ними, рядом с ними и, казалось, совершенно не боялся реальной боли, которую это снаряжение могло ему причинить.

И опять Данкан увеличил скорость нападения. Молния боли — от кисти до плеча — вдруг пронзила левую руку Тега.

С резким возгласом Данкан отключил снаряжение.

— Прости, башар. С твоей стороны это была превосходная защита, но возраст тебя подвел.

Он прошел через зал и встал перед Тегом.

— Немного боли в напоминание о той, что я тебе причинил,— проговорил Тег, массируя руку, в которой все звенело и покалывало.

— Вина — из-за горячки момента,— заключил Данкан.— Теперь с нас довольно.

— Нет,— ответил Тег.— Недостаточно усилить лишь твои мускулы.

При этих словах Тега Данкан ощутил настороженность, охватившую тело. Как шевельнулось что-то, оставшееся внутри него — диссонанс, вызванный незавершенностью пробуждения к исходной памяти.

«Что-то скорчилось внутри меня, словно сжатая пружина, ждущая, когда ее освободят»,— подумал Данкан.

— Что больше этого ты мог бы сделать? — задал вопрос Данкан.

— Здесь уравновешивается само твое выживание,— ответил Тег.— Все, что здесь происходит, делается для того, чтобы спасти тебя и доставить на Ракис.

— По причинам Бене Джессерит, которых, как ты говоришь, ты не знаешь!

— Должен ли я понимать, что ты не поедешь на Ракис?

— Ты должен меня понимать так, что я буду принимать свои решения, зная, что же я, собственно говоря, делаю. Я не наемный убийца.

— А я, по-твоему,— наемный убийца, Данкан?

— Я считаю, ты достойный человек — тот, кем следует восхищаться. Предоставь мне судить по моим собственным стандартам чести и долга.

— Ты получил еще один шанс на жизнь и...

— Но ты не мой отец, а Луцилла не моя мать. Геноносительница? К чему она хочет приготовить меня?

— Может быть, и она не знает, Данкан. Она, подобно мне, может быть только частью замысла. Зная, как работает Орден, это вполне вероятно.

— Выходит, что вы двое просто тренируете меня и доставляете на Арракис. Вот на этом и кончаются все ваши обязанности!

— Этот мир многим отличается от того, в котором ты был первоначально рожден,— сказал Тег.— Как и в твои дни, у нас до сих пор есть Великая Конвенция против атомного оружия и псевдоатомных взрывов при встрече лазерных пистолетов с защитным полем. Мы все еще утверждаем, что атаки исподтишка запрещены. Есть вся-

кие бумажонки, развеянные вокруг, под которыми поставлены наши подписи, и мы...

— Но не-корабли изменили саму основу подобных договоров,— возразил Данкан.— По-моему, в Оплоте я неплохо учил историю. Скажи мне, башар, почему сын Пола хотел, чтобы Тлейлакс, возобновляя мое «я», все время снабжал его моими гхолами, сотнями меня! Все эти тысячелетия?

— Сын Пола?

— Хроники Оплота называют его Богом-Императором. Вы называете его Тираном.

— О, я не думаю, что мы знаем, почему он делал так. Вероятно, он был одинок, и ему хотелось кого-нибудь из...

— Вы вернули меня, чтобы я лицом к лицу сошелся с червем? — спросил Данкан.

«Соответствует ли то, что мы делаем, и его предположение действительности?» — задумался Тег. Он еще раз рассмотрел эту вероятность, но это была только возможность, а не перспектива ментата. Если даже и так, то замысел Таразы должен быть крупнее. Тег ощущал это всем своим мозгом ментата. Знает ли Луцилла? Тег не самообманывался: он не сможет выманить полную Преподобную Мать на какие-нибудь откровения. Нет... Он должен будет поймать удобный момент, ждать, наблюдать, вслушиваться... Именно этим явно решил, по-своему, заниматься и Данкан. Это слишком опасный курс, если он пойдет в разрез с намерениями Луциллы!

Тег покачал головой.

— Даю честное слово, Данкан, я не знаю.

— Но ты следуешь приказам.

— Согласно моей клятве Ордену.

— «Обман, нечестность — всё это пустые слова, когда дело касается выживания Ордена»,— процитировал его Данкан.

— Да, я это сказал,— согласился Тег.

— Я доверяю тебе сейчас именно потому, что ты это сказал,— проговорил Данкан.— Но я не доверяю Луцилле.

Тег приуныл. Опасно... Опасно...

Намного медленнее, чем было когда-то, Тег отвлек внимание от подобных мыслей и направился через очистительный процесс ментата, сосредоточиваясь на возложенном на него Таразой долге. «Ты — мой башар».

Данкан с секунду внимательно рассматривал башара. Морщины усталости стали явно заметны на лице старика.

Данкан вдруг вспомнил об огромном возрасте башара, и спросил себя, испытывали ли когда-нибудь люди, подобные Тегу, искушение обратиться за помощью к Тлейлаксу и ожить в виде гхолы. Скорее всего, нет. Они знают, что могут стать марионетками Тлейлакса.

Эта мысль настолько поразила Данкана, застывшего в неподвижности, что Тег, подняв взгляд, сразу заметил:

— Что-то не так?

— Тлейлакс что-то сделал со мной, что-то еще не вышедшее наружу,— осевшим голосом проговорил Данкан.

— И вот этого-то мы и страшились! — это была Луцилла, говорившая от двери позади Тега. Она подошла на два шага к Данкану.— Я все слышала. Вы двое были очень информативны.

Тег быстро заговорил в надежде приглушить гнев, который он почувствовал в Луцилле.

— Он освоил сегодня семь приемов.

— Он поражает как огонь,— сказала Луцилла,— но помни, мы — Орден — течем, как вода, и заполняем каждое место,— она взглянула на Тега.— Разве ты не видишь, что этот гхола шагнул за предел изученных приемов?

— Нет фиксированных позиций, нет приемов,— сказал Данкан.

Тег резко взглянул на Данкана, стоявшего высоко подняв голову: лоб гхолы гладок, взгляд, ответивший Тегу, ясен. Данкан удивительно вырос за короткое время с момента его пробуждения к исходной памяти.

— Черт тебя возьми, Майлс! — пробормотала Луцилла.

Но Тег не отводил взгляда от Данкана. Все тело юноши казалось наполненным какой-то новой разновидностью жизненной энергии. В нем было нечто такое, чего не было прежде.

Данкан перевел взгляд на Луциллу.

— По-твоему, ты не справилась со своим поручением?

— Разумеется, нет,— сказала она.— Ты ведь все равно мужчина.

И она подумала:

«Да, это молодое тело наверняка налито жаркими соками способности к воспроизведению потомства. Конечно, гормональные возбудители целы и невредимы и подвержены возбуждению».

Его теперешнее состояние, однако, и то, как он глядел

на нее, заставило ее перевести свое сознание на новые, требующие большего внимания, уровни.

— Что сделали с тобой тлейлаксанцы? — спросила она.

Данкан ответил небрежно, так как на самом деле не ощущал:

— О Великая Геноносительница, если бы я знал, то сказал бы тебе.

— По-твоему, мы в игрушки играем?

— Я не знаю, во что именно мы играем!

— Но теперь очень уже многие знают, что мы не на Ракисе, куда нам следовало бы убежать,— сказала она.

— На Гамму кишмя кишат люди, возвратившиеся из Рассеяния,— сказал Тег.— У них есть возможности проверить очень многие версии.

— Кто заподозрит существование затерянного со времен Харконненов не-глоуба? — спросил Данкан.

— Каждый, кто установит мысленную связь между Ракисом и Дар-эс-Балатом,— ответил Тег.

— Если ты считаешь это игрой, то подумай над настойчивой необходимостью этой игры,— сказала Луцилла. Она легко повернулась на одной ноге, чтобы посмотреть на Тега.— А ты ослушался Таразы!

— Ты не права! Я делал в точности то, что она мне приказала. Я — ее башар, и ты забываешь, как хорошо она меня знает.

Так резко, что даже лишилась дара речи, Луцилла вдруг осознала все тонкие маневры Таразы.

«Мы — пешки!»

Как же деликатно Тараза всегда касалась тех пешек, которые ей надо передвинуть! Луцилла не чувствовала себя приниженной сознанием, что она — тоже пешка. Это было знание заложенное рождением и обучением в каждой Преподобной Матери Ордена. Даже Тег это знал. Не приниженны, нет. Вершащееся вокруг них широко вошло в сознание Луциллы. Она почувствовала, какой трепет вызвали в ней слова Тега. Каким же мелочным был ее взгляд на внутренние силы, среди которых они оказались — словно она видела только поверхность бурлящей реки, упуская подводные течения. Теперь она почувствовала течение вокруг себя, и, осознав это, она впала в уныние.

«Пешки — это то, чем всегда можно пожертвовать».

Веруя в особенности гранулярной абсолютности, ты отрицаешь движение, даже движение эволюции! Пока ты разрешаешь гранулярному мирозданию настойчиво существовать в своем сознании, ты остаешься слеп к движению. Когда происходит перемена, твое абсолютное мироздание тут же исчезает, больше не достижимое для твоих самоограниченных восприятий. Мироздание ушло свыше тебя.

1-й черновик «Манифеста Атридесов». Архивы Бене Джессерит

Тараза, положа пальцы на виски, ладони — плашмя на глаза, надавила. Даже ее руки ощутили усталость: прямо под ладонями — утомление. Короткое трепетание век, и она погрузилась в расслабляющий транс. Руки, прижатые к голове, стали средоточием материального сознания.

«Сто ударов сердца».

Это было одно из первых умений Бене Джессерит, которому она научилась, будучи ребенком, и с тех пор регулярно практиковала. Ровно сто ударов сердца. После долгих лет практики, ее тело могло следовать за этим упражнением автоматически, как бессознательный метроном.

Когда на счет «сто», она открыла глаза, голове ее стало лучше. Она мечтала получить по меньшей мере еще два часа для работы, прежде чем ее вновь сморит усталость. Эти сто ударов сердца подарили ей лишние годы бодрости, если брать всю ее жизнь.

Однако сегодня, размышляя об этой старой уловке, она устремилась вглубь по спирали своих жизней-памятей. Воспоминания детства поймали, словно Сестра-прокторша, проверявшая по ночам, двигаясь в проходах между кроватями, их сон.

«Сестра Барам — ночная прокторша».

Тараза долгие годы не вспоминала этого имени. Сестра Барам была коротенькой и толстенькой неудавшейся Преподобной Матерью. Не было никакой видимой причины, но медицинские сестры и доктора Сакк что-то такое в ней нашли. Барам было навеки отказано в Спайсовой Агонии. Она всем без утайки рассказывала, что знала о своем дефекте. Это открылось, когда она была еще юной девушкой: периодическая нервная трясучка, которая появлялась, когда она начинала засыпать — симптом чего-то более серьезного, что заставило сделать ей стерилизацию. Эти

нервные приступы не давали Барам спать. Обход коридоров и спальных комнат стал естественным поручением для нее.

У Барам были и другие слабости, не определенные Старшими Сестрами. Девочка, которой не спалось, могла на пути в туалет завлечь Барам в тихую беседу. Наивные вопросы вызывали в основном и наивные ответы, но порой Барам делилась полезным знанием. Она и научила Таразу этому приему с расслаблением.

Одна из девочек постарше однажды утром обнаружила сестру Барам мертвой в ванной комнате. Нервная дрожь ночной прокторши оказалась симптомом смертоносной болезни — фактором, важным для Разрешающих Скрещивание и их бесконечных досье.

Бене Джессерит, как правило, не включал в программу «образование по единичной смерти» до тех пор, пока послушницы не достигали одной из высших ступеней обучения. Сестра Барам была первым мертвым человеком, которого пришлось увидеть Таразе. Тело Сестры Барам было найдено лежащим почти под умывальником, правая щека прижата к кафельному полу, левая рука ухватилась за отводную трубу под раковиной. Она старалась поднять с пола свое ослабевшее тело, и смерть настигла ее при этой попытке, зафиксировав при движении, будто насекомое, пойманное в янтарь.

Когда сестру Барам перевернули, чтобы унести, Тараза усмотрела красную отметину там, где ее щека была прижата к полу. Дневная прокторша объяснила происхождение этой отметины с научной точки зрения. Всякий жизненный опыт превращали в данные для потенциальных Преподобных Матерей, чтобы позже провести курс «Собеседование со смертью».

«Кровоподтек посмертного окоченения».

Сидя сейчас за столом кабинета на Доме Соборов, Тараза с трудом пыталась отвлечься от своих воспоминаний, отдаленных многими годами и сконцентрироваться на предстоящей ей работе. Как же много она помнила! Разложенная на столе работа еще раз придала ей ощущением своей нужности и жизненной наполненности. И Тараза снова с головой погрузилась в работу.

Проклятая необходимость готовить гхолу на Гамму!

Этот гхола достоин таких трудов. Восстановлению исходной памяти всегда предшествует множество грязной работы.

Решение послать Бурзмали на Гамму было мудрым. Если Майлс в самом деле нашел потайное убежище... Если он сейчас появится, ему будет необходима вся помощь, какую он сможет получить. Опять она подумала: не пора ли сыграть в игру предвидения? Слишком опасно! И тлейлаксанцы предупреждены, что может потребоваться новый заменитель гхолы.

«Держите его готовым к рождению».

Ее мысли перешли на проблемы Ракиса. Следовало бы получше приглядывать за этим олухом Туеком. Долго ли еще сможет Лицевой Танцор благополучно его изображать? Однако в решении, принятом на месте Одрейд, не было никакой погрешности. Она поставила тлейлаксанцев в полностью незащищенное положение. Самозванец может быть обнаружен, и это повергнет Бене Тлейлакс в пучину ненависти.

Внутри замысла Бене Джессерит сейчас появились новые, очень тонкие нюансы. Уже многие поколения ракианское жречество ловилось на приманку союза с Бене Джессерит. Но теперь! Тлейлакс должен считать, что они выбраны вместо жрецов. Трехсторонний союз Одрейд... Пусть жрецы воображают, будто каждая Мать принесет клятву покорности Разделенному Богу. У жреческого совета дух перехватит от возбуждения при такой перспективе. Тлейлаксанцы, без сомнения, увидят здесь шанс монополизировать меланж, завладеть наконец, единственным не зависимым от них источником.

Постукивание по двери отвлекло Таразу. Это послушница принесла чай. Таков был заведенный порядок: подавать чай, когда Верховная Мать зарабатывается допоздна. Тараза посмотрела на настольный хронометр: икшианское устройство, настолько точно, что могло бы опоздать или поспешить на одну секунду за целый век — час двадцать три минуты одиннадцать секунд утра.

Она позволила послушнице войти. Девушка, светлая блондинка с холодными наблюдательными глазами, вошла и наклонилась, расставляя рядом с Таразой принесенное на подносе.

Тараза не обращая внимания на девушку, уставилась на работу, остававшуюся у нее на столе. Так много еще необходимо сделать. Работа важнее сна. Но голова ее болела, и привычное ощущение головокружения подсказывало, что чай не даст большого облегчения. Она доработалась до мозгового голодания, которое нужно срочно снять,

иначе она не сможет даже встать. Ее плечи и спина болезненно пульсировали.

Послушница уже хотела уходить, когда Тараза, поманив ее, остановила.

— Помассируйте мне, пожалуйста, спину, Сестра.

Ловкие руки послушницы умело устранили болезненное сжатие на спине Таразы. Милая девушка. Тараза улыбнулась этой мысли. Разумеется, она милая. Если бы она не обладала всеми своими достоинствами, ее бы никогда не отобрали прислуживать Верховной Матери.

После ухода девушки Тараза осталась сидеть безмолвно в глубокой задумчивости. Так мало времени. Она жертвовала каждой минутой своего сна, хотя избежать его невозможно. В конце концов, тело требовало своего. Она уже несколько дней заставляла себя работать так, что непросто будет восстановить силы. Позабыв про чай, накрытый рядом с ней, Тараза встала и ушла через холл в крохотную спальную келью. Там она передала распоряжение ночной страже разбудить ее в одиннадцать утра и устроилась в полной одежде на жесткой койке.

Она тихо регулировала дыхание, уводя и отвлекая чувства и переходя в промежуточное состояние.

Сна не было.

Она проделала заново все упражнения, но сон ускользал от нее. Тараза долго так пролежала, применяя разные техники расслабления, но мозг ее, тем временем продолжал напряженно работать.

Она никогда не находила ракианское жречество центральной проблемой. Жрецами, уже поймавшимися на свою религию, можно управлять с ее помощью. Они рассматривают Бене Джессерит в основном как силу, способную укрепить их догму. Пусть продолжают так считать. Это та наживка, которая их ослепит.

Черт возьми Майлса Тега! Три месяца молчания и никаких благоприятных сообщений от Бурзмали! Выжженная земля, признаки взлетевшего не-корабля. Куда же запропастился Тег? Гхола, может быть, уже мертв. Тег никогда прежде не делал такого. Старик — сама Надежность. Вот почему она выбрала его. Надежность, военное умение, его сходство со старым герцогом Лито — они все в нем заранее подготовили.

Тег и Луцилла. Идеальная команда.

Если гхола жив, то досягаем ли он: не завладел ли им Тлейлакс? Или неприятель из Рассеяния? Возможно мно-

гое. Старая Надежность. Молчит. Не является ли посланием его молчание? Что он пытается этим сказать?

Смерть Шванги и Патрина отдает заговором вокруг Гамму. Мог ли Тег быть подсажен давным-давно врагами Ордена? Немыслимо! Его собственная семья была гарантией против таких сомнений. Дочь Тега в семейной усадьбе озадачена не меньше всех прочих.

Вот уже три месяца и ни словечка.

Осторожность. Она призвала Тега проявлять крайнюю осторожность при защите этого гхолы. Тег разглядел огромную опасность на Гамму. Об этом свидетельствовали доклады Шванги.

Куда же Тег и Луцилла могли деть гхолу?

Где они раздобыли не-корабль? Сговор?

Глубокие подозрения кружили и кружили в голове Таразы. Что делает Одрейд? И кто тогда в заговоре с Одрейд? Луцилла? Одрейд и Луцилла никогда не встречались до их короткого свидания на Гамму. А вдруг встречались? Кто склоняется к Ордену, дыша общим воздухом сгустившихся сплетен? Одрейд и знака не подает, но что это доказывает? В верности Луциллы никогда сомнений не было. Обе работали идеально, как и предписано. Но так всегда и поступают заговорщики.

Факты! Тараза томилась по фактам. Кровать зашуршала под ней, и ее самоотстраненность от мира рухнула, настолько же разбитая заботами, насколько звуком ее движений. С большой неохотой Тараза снова привела себя в состояние подготовки к расслаблению.

Расслабление, а уж потом сон.

Не-корабли из Рассеяния пролетели через затуманенную усталостью воображение Таразы. Затерянные возвращаются на бессчетных не-кораблях. Не там ли Тег достал корабль? Такая возможность тайно проверяется на Гамму и повсюду. Она старалась сосчитать воображаемые корабли, но они разбегались в беспорядке. Тараза, хоть и лежала неподвижно, чутко насторожилась — сна ни в одном глазу.

В самой глубине ее сознания какая-то смутная мысль силилась выйти наружу. Утомленный мозг утрачивал связь с действительностью, но сейчас — она присела, полностью пробужденная.

Какие дела у Тлейлакса с людьми, возвращающимися из Рассеяния? С этими развратницами, Преподобными Черницами, и тлейлаксанскими возвращенцами? Тараза

усмотрела единую конструкцию за всем происходящим. Затерянные возвращаются не из простого любопытства к местам своего исходного происхождения. Одного желания воссоединиться со всем человечеством недостаточно, чтобы привести их назад. Преподобные Черницы открыто лелеят мечту о завоевании.

Может, тлейлаксанцы, ушедшие в Рассеяние, не унесли с собой секретов их акслольтных чанов? Что тогда? Меланж. У развратниц оранжевые глаза — они явно пользуются неадекватной заменой. Люди из Рассеяния могли не разрешить тайну тлейлаксанских чанов. Они мечтают вызнать о них и стараются воспроизвести. Но если они потерпят в этом неудачу — меланж!

Она решила подробней рассмотреть эту сторону проблемы.

Затерянные исчерпывают запасы настоящего меланжа, взятого их предками с собой в Рассеяние. На какие же источники им опереться? Червь Ракиса и родные планеты Бене Тлейлакса. Развратницы не осмелятся сказать в открытую об их подлинном интересе. Их предки верили, что червей нельзя поселить в другое место. Правда ли, что Затерянные нашли подходящую планету для червей? Разумеется, такое возможно. Они могут начать торговаться с Бене Тлейлаксом для отвода глаз, но истинной их целью будет Ракис. Или верно обратное.

«Привезенное богатство».

Она читала доклады Тега о богатстве, накопленном на Гамму. Некоторые из возвращающихся имели и наличную монету, и торговые корабли. Это становилось ясно из бурного развития банковской деятельности.

Какая же, однако, валюта может быть дороже, чем спайс?

Богатство. Вот оно, конечно. И какие бы ни были ставки, торговля началась.

До Таразы донеслись голоса за дверью. Послушница, из охраняющих сон, с кем-то спорила. Голоса были тихими, но Тараза услышала достаточно, чтобы полностью встрепенуться.

— Она оставила приказ разбудить себя поздно утром,— протестовала стражница.

Кто-то другой шепотом отвечал:

— Она говорила мне, чтобы ей сразу доложили о моем возвращении.

— Говорю тебе, она очень устала. Она нуждается...

— Она нуждается в том, чтобы ей подчинялись! Сообщи ей, что я вернулся!

Тараза присела, свесила ноги с края койки и нащупала пол. Боги! Как же болят колени. Еще ей неприятно, что она не может узнать навязчивый шепот человека, споривше-го со стражницей.

«Чьего же возвращения я... Бурзмали!»

— Я не сплю! — крикнула Тараза.

Дверь открылась, и заглянула охранница.

— Верховная Мать, Бурзмали вернулся с Гамму.

— Впустите его тотчас! — Тараза зажгла единствен-ный глоуглоб в головах ее койки. Его желтый свет развеял тьму помещения.

Бурзмали вошел и закрыл за собой дверь. Без напоми-нания Таразы, ткнул звукоизолирующую кнопку на двери — все внешние шумы исчезли.

«Наедине?» Это значит, у него плохие новости.

Она посмотрела на Бурзмали, невысокого, худого муж-чину с резким треугольным лицом, сужающимся к узкому подбородку. Светлые волосы зачесаны назад от высокого лба. Широко расставленные зеленые глаза были бодрыми и настороженными. Он выглядел очень молодым для той ответственности, которая лежала на нем как на башаре, но Тег выглядел даже моложе в битве при Арбело.

«Мы стареем, черт возьми». Она вынудила себя рассла-биться и полностью положиться на этого человека, подго-товленного самим Тегом, выражавшим ему полное дове-рие.

— Выкладывай свои плохие новости,— проговорила Тараза.

Бурзмали откашлялся.

— До сих пор никаких признаков башара и его отряда на Гамму, Верховная Мать,— у него был мужицкий густой голос.

«И это еще не самое худшее»,— подумала Тараза, заметив нервозность Бурзмали.

— Выкладывай до конца все,— распорядилась она.— Вижу, ты закончил обследование руин Оплота.

— Ни одного выжившего,— сказал он.— Нападавшие были основательными людьми.

— Тлейлакс?

— Вероятно.

— У тебя есть сомнения?

— Нападавшие использовали новую икшианскую

взрывчатку: 12-ури. Я... я думаю, она могла быть использована для отвода глаз. К тому же на черепе Шванги механические следы Проб мозга.

— Патрин?

— Именно он, как доложила Шванги. Патрин взорвал себя в корабле-приманке. Его опознали по кусочкам двух пальцев и сохранившемуся глазу. Не оставалось ничего большого, чтобы подвергнуть Пробам.

— Но у тебя есть сомнения! Говори о них!

— Шванги оставила послание, которое удалось прочитать только нам.

— По следам ветхости на мебели?

— Да, Верховная Мать, и...

— Значит, она ждала нападения, но у нее было время оставить послание. Я знаю ее прошлые сообщения о разрушительности нападения.

— Оно было быстрым и во всем превосходящим по силам. Нападавшие не брали пленных.

— Что говорится в этом послании?

— Развратницы.

Хоть Тараза именно этого и ожидала, но ей все равно пришлось сделать усилие, чтобы справиться с шоком и сохранить спокойствие — усилие, почти истощившее ее. Это очень скверно. Тараза позволила себе глубоко вздохнуть. Шванги упорно до конца была в оппозиции. Но, увидев приближение катастрофы, приняла верное решение. Зная, что умрет без возможности передать свои жизни-памяти другой Преподобной Матери, она действовала, исходя из самых основ верности Ордену: если не остается больше никаких возможностей, вооружи своих Сестер знанием и внеси расстройство в стан врага.

«Значит, это действовали Преподобные Черницы!»

— Расскажи мне о ваших поисках гхолы,— приказала Тараза.

— Мы были не первыми, искавшими на этой земле, Верховная Мать. Были и еще сожженные деревья, и скалы, и подлесок.

— Это был не-корабль?

— Следы не-корабля.

Тараза кивнула самой себе. Безмолвное послание Старика Надежности?

— Вы обследовали район внимательно?

— Я лишь перелетал над ним с одного места на другое, проводя визуальный осмотр.

Тараза показала Бурзмали на стул рядом с изножьем ее койки.

— Садись и расслабься. Я хочу, чтобы ты рассказал мне о кое-каких догадках.

Бурзмали бережно опустился на стул.

— Догадки?

— Ты был его любимым учеником. Я хочу, чтобы ты вообразил, будто ты — Майлс Тег. Ты знаешь, что должен увести гхолу из Оплота. Ты не доверяешь никому вокруг себя, даже Луцилле. Что ты сделаешь?

— Разумеется, что-то неожиданное.

— Да, конечно.

Бурзмали потер свой узнкий подбородок... Вскоре он проговорил:

— Я доверяю Патрину. Я доверяю ему полностью.

— Хорошо, ты — Патрин. Что вы делаете?

— Патрин — уроженец Гамму.

— Я сама об этом задумывалась,— сказала она.

Бурзмали посмотрел в пол перед собой.

— Патрин и я намного загодя составим план на случай опасности. Я всегда готовлю запасные пути для разрешения затруднений.

— Очень хорошо. Итак, что за план?

— Почему Патрин убил себя? — спросил Бурзмали.

— Ты уверен, что это было именно самоубийство?

— Ты видела доклады. Шванги и несколько других были в этом уверены. Я это принимаю. Патрин был достаточно верен для того, чтобы пойти на это ради своего башара.

— Для тебя! Ты сейчас — Майлс Тег. Какой план состряпали вы с Патрином?

— Я бы не послал специально Патрина на верную смерть.

— Если б только не?..

— Патрин поступил так по собственной воле. Он мог, если этот план исходил от него, а не от... не от меня. Он мог поступить так, чтобы спасти меня, чтобы быть уверенным, что никто не раскроет этого плана.

— Как мог Патрин призвать не-корабль, чтобы никто — даже мы — не узнали об этом?

— Патрин уроженец Гамму. Его семья живет там еще со дней Гиди Прайм.

Тараза, закрыв глаза, отвернулась от Бурзмали. Значит, Бурзмали в своих предположениях идет тем же путем,

который мысленно проделала она. Мы знаем происхождение Патрина. Важно ли это в связи с происшедшим на Гамму? Беспочвенные догадки, вызванные чрезмерным утомлением, не устраивали Таразу. Она снова смотрела на Бурзмали.

— Ты считаешь, Патрин нашел способ поддерживать тайные контакты с семьей и старыми друзьями?

— Мы проверили все возможные связи, которые смогли найти.

— Наверняка можно сказать, что выследили вы не все до единой.

Бурзмали пожал плечами.

— Разумеется, нет. Я не исходил из сходного предположения.

Тараза глубоко вздохнула.

— Возвращайся на Гамму. Возьми с собой в помощь всех, кого смогут выделить наши силы безопасности. Скажи Беллонде, что таковы мои приказы. Ты станешь насаждать своих агентов повсюду. Выясни, о чем знал Патрин. Живы ли кто-нибудь из его семьи, друзей? Умудрись выйти на них.

— Это могут заметить, как бы мы ни были осмотрительны. Другие узнают.

— Ничего не поделаешь. И вот, Бурзмали!

Он уже был на ногах.

— Да, Верховная Мать?

— Другие ищущие. Ты должен их опередить.

— Можно мне использовать навигатора Союза?

— Нет!

— Но как...

— Бурзмали, а что если Майлс, Луцилла и наш гхола все еще на Гамму?

— Так я ведь уже сказал тебе, что не считаю, будто они улетели на не-корабле!

Тараза очень долго и внимательно рассматривала стоявшего у изножья ее койки мужчину. Подготовлен Майлсом Тегом. Любимый ученик старого башара. Что же предполагает инстинкт Бурзмали?

Она тихим голосом поторопила его:

— Ну?

— Гамму — это прежнее место Харконненов, Гиди Прайм.

— На какие мысли это тебя наводит?

— Они были богатыми, Верховная Мать. Очень богатыми.

— Ну и?..

— Достаточно богатыми, чтобы построить тайное убежище, не-комнаты... или даже большой не-глоуб.

— Об этом не осталось никаких сведений! Икс никогда даже смутно не подозревал о подобном. Они не проводили на Гамму проверок на...

— Взятки, сделки через третьих лиц, большое число посреднических перевозок,— сказал Бурзмали.— Времена Голода были очень разрушительны, а перед этим — все эти тысячелетия Тирана.

— Тогда Харконнены или держали головы пониже, или теряли их. Ладно-ладно, я приму это как возможность.

— Записи могли быть утеряны,— сказал Бурзмали.

— Что наводит тебя на эти мысли?

— Патрин.

— Ну да.

Он быстро заговорил:

— Если бы нечто подобное было обнаружено, уроженец Гамму мог бы об этом знать.

— Слишком многие могли бы знать. По-твоему, можно хранить такой секрет целые... Да! Понимаю, что ты имеешь в виду. Если это было секретом семьи Патрина...

— Я не осмелился спросить об этом никого из них.

— Конечно, нет! Но что бы ты осмотрел... Чтобы никого не насторожить...

— Место на вершине, где остались следы не-корабля.

— Тогда, никуда не денешься, тебе пришлось бы лично туда отправиться!

— Это очень трудно будет утаить от шпионов,— согласился он.— Если только не отправиться туда с очень маленьким отрядом и под другим предлогом.

— Каким?

— Водрузить там мемориальный памятник старому башару.

— Делая вид, будто точно известно о его смерти? Да!

— Ты уже попросила Тлейлакс заменить гхолу.

— Это была необходимая предосторожность, не основанная на... Бурзмали, это очень опасно. Я сомневаюсь, что мы сможем обмануть тех, кто будет следить за тобой на Гамму.

— Скорбь моя и моих людей будет убедительной и достойной доверия.

— То, что кажется достоверным, не обязательно убеждает настороженного наблюдателя.

— Ты не доверяешь моей верности и верности тех людей, которых я возьму с собой?

Тараза в задумчивости поджала губы. Она напомнила себе, что Бене Джессерит давно научился производить людей без остатка преданных Ордену. Бурзмали и Тег — великолепные примеры.

— Это может сработать,— согласилась Тараза. Она задумчиво поглядела на Бурзмали. Любимый ученик Тега, может быть, он и прав!

— Тогда я пойду,— сказал Бурзмали. Он повернулся, чтобы уйти.

— Одну секунду,— остановила его Тараза. Бурзмали повернулся.— Введите все себе шиэр. Если вы будете схвачены Лицевыми Танцорами — этими новенькими! — вы должны сжечь свои головы или полностью их раскроить. Примите меры предосторожности.

Вид вдруг посерьезневшего Бурзмали успокоил Таразу. Он слишком возгордился собой миг назад. Лучше его вовремя одернуть, чтобы не был без нужды безрассудным.

Существует магия, внушающая благоговение мироздaнию: нет никаких атомов, только волны и движение повсюду вокруг. Отсюда ты отвергаешь всякую веру в барьеры к пониманию. Ты отметаешь в сторону само понимание. Это мироздание нельзя увидеть, нельзя услышать, нельзя зафиксировать устоявшимися восприятиями. Это окончательная пустота, где не существует никаких ранее данных экранов, на которые можно проецировать формы. У тебя здесь есть только сознание — экран магии: ВООБРАЖЕНИЕ! Отсюда ты учишься, что значит быть человеком. Ты творец порядка, прекрасных форм и систем, организатор хаоса.
«Манифест Атридесов». Архивы Бене Джессерит

— Господь нас здесь рассудит,— злобно торжествовал Вафф.

Он произносил это несколько раз совершенно неожиданно за время их длительной езды через пустыню. Шиана, казалось, не обращала на это внимания, но Одрейд стал утомлять голос Ваффа и подобные заявления.

Ракианское солнце уже перешло далеко на запад, опускаясь, но червь, несущий их, казался ничуть не утомленным в своем прдвижении через древний Сарьер по направлению к курганам, остаткам Защитной Стены Тирана.

«Почему в этом направлении?» — гадала Одрейд.

Пока ответа не было. Опасность, которую опять представлял фанатичный Вафф, однако, требовала скорой реакции. Она обратилась к нему на тайном языке Шариата, зная, как это подействует:

— Пусть Господь судит, а не люди.

Вафф нахмурился, услышав насмешливую нотку в ее голосе. Он посмотрел на горизонт впереди, потом на орнитоптеры, все время сопровождавшие их.

— Люди должны выполнять работу Господню,— пробормотал он.

Одрейд не ответила. Ваффа теперь обуяли сомнения: действительно ли эти мегеры Бене Джессерит причастны к Великой Вере?

Она в мыслях перебирала все, что знала о ракианских червях. Собственные воспоминания и жизни-памяти сплелись в сумасшедший калейдоскоп. Ей представлялись облаченные в робы Свободные на червях, еще крупнее этого. Каждый наездник наклонялся, опираясь на длинный, заканчивавшийся крюком шест, погруженный в кольца червя, как ее руки сейчас хватались за этого. Она чувствовала ветер, дующий в лицо, робу, хлещущую по голеням. Сегодняшнее и прошлое сливались в один знакомый ряд.

«Много времени прошло с тех пор, когда последний Атридес пользовался этим путем».

Может быть, разгадка их нынешнего положения была видна еще в Дар-эс-Балате? Но там слишком жарко — городок буквально таял от жары,— а сама Одрейд так маялась в ожидании их вылазки в пустыню, что запросто могла упустить из виду что-нибудь крайне важное.

Как и в любой другой общине на Ракисе, во время полуденной жары жизнь в Дар-эс-Балате замирала и пряталась. Одрейд ясно припомнилось раздражение, вызванное стилсъютом, пока она томилась в ожидании групп сопровождения. Эти группы должны были проводить Шиану и Ваффа к Одрейд в целости и сохранности.

Какую же заманчивую мишень она представляет в этот момент! Но нужно было удостовериться в добрых намерениях ракианцев, и поэтому сопровождение Бене Джессерит запаздывало намеренно.

— Шайтан любит жару,— сказала тогда Шиана.

От жары прятались ракианцы, но не черви! Нет ли в этом объяснения, почему червь движется именно в этом направлении?

«Мой ум прыгает, как детский мячик!»

Насколько противоречат маленький тлейлаксанец, Преподобная Мать и своенравная девушка, едущие на черве через пустыню, обычаям ракианцев прятаться в самое жаркое время дня? Это древний образ жизни Ракиса. Древние Свободные были ночными людьми. Их современные потомки тоже в основном полагались на тень, опасаясь самых жарких солнечных лучей.

«ШАЙТАН ЛЮБИТ ЖАРУ».

Любой житель ракианского города знает, что на его границе есть кванат — затененный канал, даже испарения которого улавливаются ветроловушками и возвращаются обратно, но и кванат тоже пересыхает.

Без сомнения, жрецы чувствуют себя в полной безопасности за своими охраняющими рвами, всегда наполненными водой!

«Наши молитвы нас защищают» — так они говорят, но на самом-то деле они очень хорошо знают, чтб действительно защищает их.

«ЕГО СВЯТОЕ ПРИСУТСТВИЕ ВИДНО В ПУСТЫНЕ».

СВЯЩЕННЫЙ ЧЕРВЬ.

РАЗДЕЛЕННЫЙ БОГ.

Одрейд смотрит на кольца червя перед ней. «И в нем тоже есть Он!»

Она вспомнила про жрецов, наблюдавших с топтеров над их головами. Как же они любят шпионить за другими! Глаза, скрытые за высокими прутьями балконов. Глаза, подсматривающие через бойницы в толстых стенах. Глаза, отразившиеся в зеркальном плазе или постоянно преследовавшие из темных мест. Одрейд чувствовала, как они следили за ней в Дар-эс-Балате, когда она ждала прибытия Шианы и Ваффа.

Одрейд заставила себя не думать об опасностях, отмечая течение времени по движению тени стены, под которой она стояла: самые надежные часы в этой стране, где немногие придерживаются другого времени, кроме солнечного.

Напряжение, усиленное необходимостью притворяться беззаботной, возрастало. Нападут ли они? Осмелятся ли зная, что она приняла свои собственные предосторож-

ности? Насколько сердиты жрецы на то, что их заставили присоединиться к Тлейлаксу в этом тайном тройственном союзе? Ее советницы, Преподобные Матери из Оплота, были недовольны, что она, становясь наживкой для жрецов, ставит под угрозу себя лично.

— Позволь быть приманкой одной из нас!

Одрейд была тверда как сталь:

— Они не поверят. Подозрения будут держать их подальше. Кроме того, они наверняка пришлют Альбертуса.

Одрейд ожидали в зеленоватых тенях внутреннего двора шестиэтажного здания в Дар-эс-Балате. Над головой — обрисованный солнцем силуэт здания, кружевные балкончики и балюстрады в зеленых растениях с ярко-красными, оранжевыми и синими цветами, а выше — серебряный прямоугольник неба.

«И таящиеся глаза».

Одрейд ощутила движение у широкой уличной двери справа от нее. Единственная фигура в белом с золотом и пурпурном жреческом облачении возникла во дворе. Она внимательно разглядывала, ища признаки тлейлаксанской подмены еще одним Лицевым Танцором. Но этот человек — жрец, которого она узнала — Альбертус, глава Дар-эс-Балата.

«Именно так, как мы и ожидали».

Альбертус прошел через широкий атриум и внутренний двор, направляясь к ней с достоинством.

«Не таит ли он угрозы? Не подаст ли сигнал своим наемным убийцам?» Одрейд обежала глазами ярусы балконов: слабые помаргивающие движения на верхних этажах. Приближавшийся жрец был не одинок.

«Но и я не одна!»

Альбертус приостановился в двух шагах от Одрейд, подняв на нее глаза, которые до этого он держал устремленными на сложные переплетения узоров золота и пурпура на изразцовом полу внутреннего двора.

«Он слаб в костях»,— думала Одрейд.

Она никак его не приветствовала. Альбертус — один из тех, кто знал, что Верховный Жрец замещен Лицевым Танцором.

Альбертус откашлялся и сделал дрожащий вдох.

«Слабая кость! Слабая плоть!»

Хотя эта мысль и позабавила Одрейд, но осторожность ее не уменьшилась. Привычно отмечая изъяны наслед-

ственности, которые Орден мог бы устранить в случае необходимости в потомках, Одрейд старалась запомнить Альбертуса. Несмотря на плохое образование — ракианское жречество сильно деградировало по сравнению с прежними днями Рыбословш, и Альбертуса смогла бы побить любая послушница первого года обучения — он так тихо и уверенно взошел к верхним ступеням власти, что могло потребоваться дополнительное исследование ценности его генетического материала.

— Почему ты здесь? — спросила Одрейд с возможно большей обвинительной интонацией.

Альбертус задрожал.

— У меня послание от твоих людей, Преподобная Мать.

— Тогда говори!

— Произошла небольшая задержка: слишком многим известен маршрут.

Это, по крайней мере, та история, которую они хотели подкинуть жрецам. Но на лице Альбертуса легко читалось и другое выражение. Секреты, разделенные с ним, опасно близки к разоблачению.

— Я почти хочу приказать тебя убить,— сказала Одрейд.

Альбертус отпрянул на пару шагов. Глаза его сделались пустыми, словно он уже умер прямо здесь, перед ней. Ей хорошо знакома такая реакция. Альбертус вошел в ту стадию полного разоблачения, когда страх стискивает мошонку. Он знал, что эта ужасная Преподобная Мать Одрейд могла бы совершенно небрежно вынести ему смертный приговор или убить его собственными руками. Ничего из сделанного или сказанного им не избежит ее сверхпристального внимания.

— У тебя в голове, как бы убить меня и как разрушить наш Оплот в Кине,— обвинила Одрейд.

Альбертус отчаянно боялся.

— Почему ты говоришь такое, Преподобная Мать? — в его голосе послышалось разоблачительное хныканье.

— Не пытайся этого отрицать,— проговорила Одрейд.— Я просто диву даюсь, как легко мне и многим другим читать твои мысли. Ты по должности должен быть хранителем тайн и уж никак не расхаживать со всеми секретами, написанными у тебя на лице!

Альбертус упал на колени, пресмыкаясь перед ней.

— Но меня послали твои же люди!

— И ты был только счастлив прибыть сюда и решить, можно ли меня убить.

— С чего бы нам...

— Тихо! Тебе не нравится, что мы контролируем Шиану. Ты боишься Тлейлакса. Все дела могут быть забраны из ваших жреческих рук и то, что сейчас запущено в действие, вас страшит.

— Преподобная Мать! Что же нам делать? Что нам делать?

— Вы будете нам повиноваться! Вы будете повиноваться Шиане! Вы боитесь того, что мы затеваем сегодня? У вас есть более высокие цели чтобы бояться!

Она покачала головой в насмешливом отчаянии, зная, какой эффект произведет на бедного Альбертуса. Он скорчился под тяжестью ее гнева.

— Встань на ноги! — приказала Одрейд.— И помни, что ты — жрец и от тебя требуется правда!

Альбертус, опустив голову, с трудом встал на ноги. Она заметила, как он сник, приняв решение отбросить все увертки. Какое же это должно быть для него испытание! Обязанный блюсти себя перед Преподобной Матерью, которая насквозь его видела, он должен еще и должным образом быть почтителен к ее религии. Он должен предстать перед высшим парадоксом всех религий: «Бог знает!»

— Ты ничего не спрячешь от меня и ничего — от Шианы, ничего — от Бога,— грозно проговорила Одрейд.

— Прости меня, Преподобная Мать.

— Простить тебя? Не в моей власти прощать тебя, и не у меня ты должен просить прощения. Ты жрец!

Он поднял глаза на пылающее лицо Одрейд.

Парадокс полностью завладел сознанием Альбертуса. Бог наверняка есть! Но Бог обычно бывал очень далеко — и столкновения можно было избежать. Завтра — это еще один день жизни. Только и всего. И вполне можно было допустить несколько небольших грешков, может быть, одну-другую ложь. Просто на текущий момент. Или большой грех, если искушения очень уж велики. Предполагалось, что Боги более внимательны с великими грешниками. И всегда оставалось время принести покаяние.

Одрейд всмотрелась в Альбертуса сверлящим взглядом Защитной Миссионерии.

«Ах, Альбертус,— подумала она.— Сейчас ты стоишь перед таким представителем рода человеческого, для кото-

рого не существует секретов между тобой и твоим Богом».

Для Альбертуса его теперешнее положение мало чем отличалось от смерти — та же невозможность избежать высшего и окончательного приговора своего Бога. Это лишило его сил, отняло волю. Все его религиозные страхи пробудились и сфокусировались на Преподобной Матери.

Самым сухим тоном, не прибегая даже к Голосу, Одрейд проговорила:

— Я хочу, чтобы этот фарс немедленно закончился.

Альбертус попытался сглотнуть. Он понял всю безнадежность лжи, хотя у него и промелькнула шкодливая мыслишка: а не соврать ли? Он покорно поглядел на лоб Одрейд, где край головного убора ее стилсъюта туго впился в кожу, и проговорил голосом, немногим превышавшим шепот:

— Преподобная Мать, это только потому, что мы чувствуем себя обездоленными. Ты и тлейлаксанец отправляетесь в пустыню с нашей Шианой. Вы оба научитесь от нее и...— его плечи поникли.— Почему ты берешь тлейлаксанца?

— Так хочет Шиана,— солгала Одрейд.

Альбертус открыл и закрыл рот и ничего не сказал. Она увидела, как его затопляет понимание того, что есть.

— Ты вернешься к своим товарищам с моим предупреждением,— сказала Одрейд.— Само выживание Ракиса и вашего жречества зависит только от того, хорошо ли вы будете мне повиноваться. Вы не будете нам ни в чем препятствовать! Что до этих пустых измышлений против нас — Шиана же открывает нам все ваши злые замыслы!

Вот тогда Альбертус ее увидел! Он качнул головой и испустил глухой смешок. Одрейд уже успела заметить, что многие из жрецов находят удовольствие в поражении, но она не подозревала, что они могут саркастически улыбаться даже над своими собственными неудачами.

— Я нахожу твой смех надуманным,— сказала она.

Альбертус пожал плечами и постарался вернуть прежнее выражение своего лица, прежнюю маску. Одрейд различала на нем уже несколько таких масок. Фасады. Он носил их слоями.

Но глубоко под всеми этими защитными слоями скрыт осторожный себялюбец, истинный лик которого сумела разглядеть Одрейд.

«Я должна усилить его себялюбие»,— подумала Одрейд и резко оборвала его, когда он попытался заговорить.

— Ни слова больше! Ты будешь ждать моего возвращения из пустыни. Пока что ты мой посланник. Доставь мое послание в точности, тогда ты получишь награду, даже бóльшую, чем можешь себе вообразить. Не сумеешь этого сделать — переживешь муки Шайтана!

Одрейд внимательно наблюдала, как Альбертус поспешно покидал двор: плечи сникли, голова склонилась вперед, словно он быстрее хотел преодолеть расстояние, после которого его слова станут слышны родне. Одрейд подумала, что в целом это сделано хорошо: рассчитанный риск и очень опасно для нее лично. Она была уверена, что убийцы на балконах наверху ждут сигнала от Альбертуса. Сейчас страх, уносимый им с собой, так же опасно заразен, как любая чума, с чем Бене Джессерит прекрасно знаком за тысячелетия своих манипуляций. Учение Ордена называло это «направленной истерией». И сейчас Одрейд нацелила ее прямо в сердце ракианского жречества. На страх можно положиться, особенно теперь. Жрецы покорятся. Осталось бояться только нескольких еретиков, не боящихся заразиться страхом.

Мы знаем, что на предметы нашего осязаемого чувственного опыта можно повлиять по выбору: и по сознательному выбору, и по бессознательному. Это является доказанным фактом, который не требует от нас веры в то, будто некая сила внутри нас протягивает руку и касается мироздания. Я обращаюсь к прагматическим взаимосвязям между верой и тем, что мы определяем как «реальности». Все наши суждения страдают от тяжелого груза древних верований, перед которым мы, Бене Джессерит, склонны быть уязвимей большинства людей. Не достаточно то, что мы осознаем это и настораживаем себя против этого. Альтернативные интерпретации должны всегда удостаиваться нашего пристального внимания.

Верховная Преподобная Мать Тараза.
Довод на Совете

— То, что ты делаешь — очень опасно,— сказал Тег.— Мне приказали защитить тебя и укрепить. Я не могу позволить этому продолжаться.

Тег и Данкан стояли в длинном, отделанном деревянными панелями холле на входе в гимнастический зал не-

глоуба. Была вторая половина дня по их условному времени, с которым они сжились. Луцилла только что удалилась в гневе после яростной перепалки.

Последнее время почти каждая встреча Данкана и Луциллы была похожа на битву. В этот раз она стояла в дверях гимнастического зала,— плотная фигура, плавные формы делали ее стройнее, обоим мужчинам очевидна соблазнительность движений.

— Долго ли, по-твоему, я буду ждать, чтобы выполнить то, что приказано мне?

— До тех пор, пока ты или кто-нибудь еще не скажет мне, что я...

— Таразе требуется от тебя такое, чего никто из нас, находящихся здесь, не знает! — крикнула Луцилла.

Тег постарался унять накапливающуюся с обеих сторон злость:

— Пожалуйста. Разве не достаточно того, что Данкан продолжает совершенствовать свое мастерство бойца? Через несколько дней я начну нести бессменное дежурство снаружи. Мы сможем...

— Ты можешь перестать влезать в мои дела, чтоб тебя! — огрызнулась Луцилла. Она повернулась всем телом и зашагала прочь.

Сейчас, увидев жесткую решимость на лице Данкана, Тег почувствовал, как яростно сопротивляется его мозг — мозг ментата — вынужденному бездействию. Если бы только он мог все спокойно обдумать, все бы встало на свои места!

— Почему ты сдерживаешь дыхание, башар?

Голос Данкана будто пронзил Тега, ему потребовалось собрать силу воли, чтобы вернуться к нормальному дыханию. Он ощущал чувства Данкана и Луциллы в этом неглоубе, как приливы и отливы, временно огражденные от других сил.

«ДРУГИЕ СИЛЫ».

Даже ментат может показаться идиотом в присутствии других сил, несущихся через мироздание. В мироздании могут существовать люди, чьи жизни соединены силами, которые он не способен вообразить. Перед такими силами он будет соломинкой, плывущей в пене диких потоков.

Кто способен кинуться в такое смятение и невредимым выбраться из его волн?

— Что может сделать Луцилла, если я продолжу ей сопротивляться? — спросил Данкан.

— Пробовала ли она на тебе Голос? — спросил Тег. Его собственный голос показался ему чужим.

— Однажды.

«Ты устоял?» — отдаленно удивился где-то внутри себя Тег.

— Я научился этому от самого Пола Муад Диба.

— Она способна парализовать тебя и...

— Я так понимаю, ей не разрешили насилие.

— Что такое насилие, Данкан?

— Я иду в душ, башар. Ты идешь?

— Через несколько минут,— Тег глубоко вдохнул, ощутив как близок он к истощению. Этот день в гимнастическом зале и все последующее выжало его, как тряпку. Он смотрел, как уходит Данкан. Где же Луцилла? Что она планирует? Как долго сможет ждать? Вот главный вопрос, еще более усиленный их отрезанностью от времени.

И опять он почувствовал эти приливы и отливы, влиявшие на три их жизни.

«Я должен поговорить с Луциллой! Куда она пошла? В библиотеку? Нет! Но прежде я должен еще кое-что сделать».

Луцилла была в комнате, которую она выбрала под свои личные покои: небольшое помещение с резной кроватью, занимавшей нишу в одной из стен, пастельно-голубые тона с более темными оттенками синего. Непристойные, с грубыми намеками узоры вокруг нее говорили о том, что это была комната любимой гетеры Харконненов. Она легла на кровать и закрыла глаза, чтобы не видеть сексуально непристойные фигуры на потолке алькова.

«С Тегом необходимо будет разобраться».

Это надо сделать так, чтобы не оскорбить Таразу и не ослабить гхолу. Тег — трудная проблема, особенно его способность мыслить категориями, почти такими же, какими пользуются Бене Джессерит.

«Преподобная Мать, родившая его, разумеется!»

Что-то передалось от такой матери такому ребенку. Это началось в утробе и, возможно, не кончилось даже тогда, когда они окончательно разделились. Он никогда не подвергался этой всепожирающей трансмутации, производящей богомерзости... Нет, не то. Но он обладал тонкими и настоящими силами. Рожденные от Преподобных Матерей заучивают вещи, невозможные для других.

Тег хорошо знал, как Луцилла смотрит на любовь во

всех ее проявлениях. Она заметила это однажды на его лице в апартаментах Оплота.

«Расчетливая ведьма!»

Он с меньшим успехом мог бы произнести это вслух.

Она припомнила, как наградила его благосклонной, с выражением превосходства усмешкой. Это была ошибка, унижавшая их обоих. Она ощутила в таких мыслях зачаток симпатии к Тегу. Где-то внутри ее брони были трещинки, несмотря на всю тщательную подготовку Бене Джессерит. Учителя не раз предостерегали ее от этого.

— Для того чтобы внушить настоящую любовь, ты тоже должна ее чувствовать, но только временно. И одного раза вполне достаточно!

Отношение Тега к гхоле Данкана Айдахо было слишком красноречиво. Тега и притягивал, и отталкивал его юный воспитанник. «Как и меня».

Скорей всего, было ошибкой не соблазнить Тега.

Во время сексуального обучения Луциллы, учителя делали упор на исторические сопоставления, анализируя Иные Памяти Преподобных Матерей, позволявшие черпать из полового сношения новые силы, не теряясь и не расслабляясь в нем.

Луцилла сконцентрировала свои мысли на мужском в Теге, ощутив при этом отклик ее женского «я», ее плоть захотела, чтобы Тег был рядом с ней, доведенный до сексуального пика — готовый для момента тайны.

Легкая шаловливость пробудилась в сознании Луциллы. Не оргазм. Не научные ярлыки! Это был чистейшей воды жаргон Бене Джессерит — «момент тайны» — высшая специализация Геноносительницы. Погружение в длинную непрерывность Бене Джессерит требовало такой концепции. Луцилла была выучена глубоко верить в одновременность действия научных знаний, под руководством Разрешающих Скрещивание и «момента тайны», превосходящего любое знание. История и наука Бене Джессерит сообщали о неизменном присутствии института продления рода в психике. Лишение биологического рода этого инстинкта грозит его гибелью.

«Сеть безопасности».

Луцилла собирала сейчас свои сексуальные силы так, как может делать только Геноносительница Бене Джессерит. Она сфокусировала все свои мысли на Данкане. Сейчас он пойдет под душ и будет думать о вечерней тренировке со своей учительницей, Преподобный Матерью.

«Я скоро пойду к моему ученику,— думала она.— Важный урок должен быть им выучен, или он не будет во всем объеме подготовлен для Ракиса».

Таковы были инструкции Таразы.

Луцилла полностью сосредоточила свои мысли на Данкане. Она уже почти видела его, стоявшего обнаженным под душем.

Как же мало он понимает, чему он может научиться!

Данкан один сидел в раздевалке рядом с душевыми, примыкавшими к гимнастическому залу. Он был погружен в глубокую печаль, вновь переживая памятную боль тех старых ран, которую никогда не ведала его нынешняя молодая плоть.

Кое-что никогда не меняется! Орден вновь играет в свои старые-престарые игры.

Он осмотрел это место Харконненов, отделанное темными панелями. Арабески, вырезанные в стенах и на потолке, странные узоры мозаики пола. Чудовища и восхитительные человеческие тела, переплетенные вдоль одних и тех же определяющих линий, которые невозможно отделить, не приглядевшись.

Данкан посмотрел на свое тело, изготовленное для него тлейлаксанцами с их асклольтными чанами. Он до сих пор по временам чувствовал себя странно. В смертный миг своей исходной жизни, который он отлично помнил — он сражался с полчищами сардаукаров, предоставляя своему юному герцогу шанс спастись — он был зрелым человеком, давно возмужавшим во множестве испытаний.

Его герцог! Пол был тогда на старше, чем эта плоть Данкана. Воспитанный, впрочем, так, как всегда были воспитаны Атридесы: верность и честь превыше всего остального.

«После спасения от Харконненов, они и меня воспитали таким».

Что-то внутреннее не разрешало ему отклониться от этого древнего долга. Он знал источник этого, знал, каким образом это было в него заложено.

И это оставалось.

Данкан взглянул на кафельный пол. Слова были выложены в кафеле вдоль бортика, ограждавшего коробочку душа. И это была надпись, в которой одна часть его «я» узнавала древность со времен старых Харконненов, а другая часть видела надпись на слишком хорошо знакомом галахе:

«МОЙСЯ ВДОВОЛЬ, МОЙСЯ ДО БЛЕСКА, МОЙСЯ ДОЧИСТА, МОЙСЯ».

Древняя надпись повторялась по всему периметру помещения, словно эти слова могли сами по себе изменить что-то в Харконненах, которых Данкан вспомнил.

Над дверью в душ еще одна надпись:

«ИСПОВЕДАЙ СВОЕ СЕРДЦЕ И ПРИОБРЕТИ ЧИСТОТУ».

Религиозные увещевания в крепости Харконненов? Изменились ли Харконнены за столетия, прошедшие после его смерти? Данкану было трудно в такое поверить. Эти слова те, что, вероятно, строители просто нашли подходящими.

Он скорее ощутил, чем услышал Луциллу, входившую в комнату позади него. Данкан встал и застегнул тунику, которую подобрал себе в нуллентропных ларях. (Но только после того, как спорол все харконненовские знаки отличия!).

Не оборачиваясь, он спросил:

— Ну, что еще, Луцилла?

Она погладила ткань туники вдоль его левой руки.

— У Харконненов были богатые вкусы.

Данкан спокойно выговорил:

— Луцилла, если ты еще раз коснешься меня без моего разрешения, я постараюсь убить тебя. Я так сильно постараюсь, что тебе, вероятно, придется убить меня.

Она отпрянула обиженная.

Он взглянул ей в глаза.

— Я не какой-нибудь чертов племенной жеребец!

— По-твоему, именно этого мы от тебя хотим?

— Никто мне до сих пор так и не сказал, чего же вы от меня ждете, но твои действия очевидны!

Он покачался на пальцах ног. Что-то непробуженное внутри него шевельнулось, и заставило пульс участиться.

Луцилла внимательно его разглядывала. «Проклятие Майлсу Тегу!» Она не ожидала, что сопротивление примет такую форму. Не было сомнения в искренности Данкана. Словами тут ничего не добиться, и он не уязвим для Голоса.

ПРАВДА.

Это была единственная возможность, которая осталась у нее.

— Данкан, я не знаю точно, что Тараза ожидает от тебя на Ракисе. Я могу предположить, но моя догадка может оказаться неправильной.

— Предположи тогда.

— На Ракисе есть юная девушка, едва переступившая детский возраст. Ее зовут Шиана. Ей подчиняются черви Ракиса. Каким-то образом Орден должен заполучить ее талант в свое хранилище способностей.

— Да, что я только могу...

— Если бы я знала, я бы наверняка это сейчас тебе сказала.

Он расслышал ее искренность под неприкрытой отчаянностью.

— А что ее талант может иметь общего с этим? — осведомился он.

— Это знает только Тараза и ее советницы.

— Они хотят создать что-то удерживающее меня, что-то, от чего я не смогу убежать!

Луцилла уже пришла точно к такому же заключению, но не ожидала, что и он так быстро это разглядит. Юношеское лицо Данкана скрывало ум, который работал неведомыми ей путями. Мысли Луциллы, быстро понеслись в ее уме.

— Контролируй червей, и ты сможешь оживить старую религию,— это был голос Тега от двери, сзади от Луциллы.

«Я не слышала, как он появился!»

Она повернулась всем телом. Тег стоял там с одним из древних лазерных пистолетов Харконненов, небрежно держа его пристроенным на левой руке, сопло пистолета наведено на нее.

— Это гарантия того, что ты будешь меня слушать,— произнес он.

— Как долго ты уже слушаешь здесь?

Его гневный взгляд не изменился.

— С того момента, как ты призналась, что не знаешь, чего Тараза ожидает от Данкана,— сказал Тег.— Не знаю и я. Но я могу сделать несколько предположений ментата — ничего определенного, но весьма вероятно. Скажи мне, если я не прав.

— О чем?

Он посмотрел на Данкана.

— Одно из того, что тебе было велено сделать с ним — это сделать его неотразимым для большинства женщин.

Луцилла постаралась скрыть свое глубокое разочарование. Тараза предостерегала ее, чтобы она таила это от Тега возможно дольше, теперь скрывать стало ни к чему.

Тег прочитал ее поведение с помощью своих дьявольских способностей, заложенных в него его чертовой матерью!

— Накапливается большое количество энергии, нацеленной на Ракис,— произнес Тег. Он прямо поглядел на Данкана.— Неважно, что тлейлаксанцы в него заложили, он несет отпечаток древнего человечества в своих генах. Это то, в чем нуждаются Разрешающие Скрещивание?

— Чертов племенной жеребец Бене Джессерит! — крикнул Данкан.

— Что ты собираешься делать с этим оружием? —спросила Луцилла. Она кивнула на древний лазерный пистолет в руках Тега.

— С этим? Я даже не вставил в него зарядную обойму,— он опустил лазерный пистолет и отложил его в угол рядом с собой.

— Майлс Тег, ты будешь наказан! — проскрежетала Луцилла.

— С этим придется повременить,— сказал он.— Снаружи почти ночь. Я был на поверхности под прикрытием жизнеутаивающего поля. Бурзмали здесь побывал. Он оставил мне знак, что прочел мое послание, которое я оставил ему под видом следов животных на стволах деревьев.

В глазах Данкана блеснули искры бодрости.

— Что ты будешь делать? — спросила Луцилла.

— Я оставил новые отметины, назначающие свидание. А теперь мы все отправимся в библиотеку. Мы как следует изучим карты. Мы запечатлим их в нашей памяти. По крайней мере, нам хоть следует знать, где будем находиться, когда побежим.

Она коротко кивнула.

Данкан наблюдал за ее движением лишь одной частью своего сознания. Его ум уже переметнулся на древнюю экипировку в библиотеке Харконненов. Он — тот самый, кто способен показать Луцилле и Тегу, как правильно пользоваться ей, как вызывать древние карты Гиди Прайм, датированные тем временем, когда строился этот не-глоуб.

С исходной памятью Данкана как путеводителем и своими собственными современными знаниями об этой планете Тег попытался привести карту в современный вид.

«Станция лесной охраны» стала «Оплотом Бене Джессерит».

— Вначале это была часть харконненовских охотничьих угодий,— сказал Данкан.— Они охотились на чело-

века, как на дичь, которую выращивали и готовили специально для этой цели.

Под осовременивающей рукой Тега исчезли города. Некоторые города оставались, но они изменила названия. Ясай, самый близкий из больших городов, на древней карте был обозначен прежним названием Барони.

У Данкана от воспоминаний взгляд стал жестким.

— Вот там они меня и пытали.

Вспомнив о планете все возможное, Тег отметил на карте неизвестное и символическими обозначениями Бене Джессерит места, где, по уверению людей Таразы, они могли бы найти временное убежище.

Эти самые места Тег и хотел доверить только памяти.

Еще уводя их в библиотеку, Тег произнес:

— Я сотру карту, когда мы ее заучим. Неизвестно, кто может найти это место и изучить ее.

Луцилла рванулась мимо него.

— Это на твоей ответственности, Майлс! — заявила она.

Тег парировал в ее удалявшуюся спину:

— Ментат говорит тебе, что я сделал все, что от меня требовалось.

Она проговорила не оборачиваясь:

— До чего же логично!

В этом зале воссоздается кусочек пустыни Дюны. Песчаный краулер прямо перед вами датируется временами Атридесов. Вокруг него по часовой стрелке налево от вас небольшой харвестер, карриялл, примитивная фабрика спайса и другое оборудование обеспечения. Объяснения даны для каждой стадии. Обратите внимание на светящуюся над экспонатами цитату: «Поскольку высосут они изобилие морей и сокровище песка». Это древняя религиозная цитата часто повторялась знаменитым Гурни Хэллеком.

Экскурсовод в Музее Дар-эс-Балата

Червь не замедлял своего беспрестанного движения вплоть до самых сумерек. К тому времени Одрейд перебрала в уме все свои вопросы и до сих пор не имела на них ответов. Как же Шиана контролирует червей? Шиана рассказывала, что не ориентировала своего Шайтана в

этом направлении. Каков же этот потайной язык, на который откликается чудовище пустыни? Одрейд знала, что ее Сестры-охранницы в топтерах, следовавшие за ними, будут до одури задавать себе те же самые вопросы и плюс еще один: почему Одрейд позволяет продолжаться этой езде?

Они могут даже предложить наугад несколько ответов: «Она не призывает нас спуститься, потому что мы можем потревожить зверя», «Она не доверяет нам забрать своих спутников с его спины».

Правда была намного проще: любопытство.

Шипящее движение червя казалось вздымающимся судном, пересекавшим моря. Сухие кремниевые запахи перегретого песка, долетавшие до них с попутным ветерком, говорили об обратном. Только открытая пустыня простиралась сейчас вокруг них. Как на китовой спине, километр за километром они поглощали расстояние, перебираясь с дюны на дюну, чередовавшихся в пространстве с правильностью океанских волн.

Вафф уже долго безмолвствовал. Он скорчился, воспроизводя в миниатюре позу Одрейд, его взгляд был устремлен вперед, с безразличным выражением на лице. Последним его заявлением было такое:

— Бог охраняет верных в час испытания!

Одрейд воспринимала его как живое доказательство возможности сохранения на целые века достаточно сильного фанатизма. Дзенсунни и прежние суфи сохранились в тлейлаксанцах. Это было подобно смертоносному микробу, который тысячелетия пробыл в спячке, ожидая подходящего хозяина, чтобы начать развиваться.

«Что произойдет с тем, что я посеяла в ракианском жречестве? — задумалась она.— То, что появится святая Шиана, это наверняка».

Шиана сидела на кольце своего Шайтана, ее одеяние развевалось, обнажая худые голени. Она обеими руками вцепились в кольцо между своих ног.

Она говорила, что первый червь довез ее прямо до города Кина. Почему туда? Вез ли червь ее просто к ее собственному роду?

Тот червь, что нес их сейчас, безусловно имел другую цель. Шиана не стала задавать вопросов, когда Одрейд велела ей погрузиться в молчание и практиковаться в тихом трансе. Это, по крайней мере, обеспечит возможность легко извлечь из ее памяти каждую подробность их

испытания. Если существует скрытый язык между Шианой и червями, это обнаружится позже.

Одрейд взглянула на горизонт. Основа древней стены, окружавшей Сарьер, виднелась в нескольких километрах впереди. Длинные тени от нее ложились на дюны, говоря Одрейд, что остатки стены выше, чем она думала сначала. Это была разбитая и изломанная линия с огромными валунами, раскатившимися вокруг нее. Место, где Тиран сорвался с моста в реку Айдахо, лежало от них далеко справа, по меньшей мере в трех километрах от направления их движения. Никакой реки там теперь не было.

Рядом с ней задвигался Вафф.

— Я внемлю призыву Твоему, Господи,— сказал он.— Это Вафф Энтийский, тот, кто молится в Твоем святом месте.

Одрейд перевела на него взгляд, не поворачивая головы. ЭНТИЙСКИЙ? Ее иные памяти знали Энтио, вождя племени в Великом странствии дзенсунни задолго до Дюны. Был ли он тем самым? Какие древние воспоминания сохранялись живыми у этих тлейлаксанцев?

Шиана нарушила молчание:

— Шайтан замедляет движение.

Остатки древней стены загораживали им путь. Она возвышалась, по меньшей мере, на пятьдесят метров над самыми высокими дюнами. Червь слегка повернул вправо и двинулся между двумя огромными валунами, возвышавшимися над ними. Потом он остановился. Его длинная рубчатая спина лежала параллельно к сохранившемуся в неприкосновенности основанию стены.

Шиана встала и взглянула на препятствие.

— Что это за место? — спросил Вафф. Он возвысил голос, чтобы перекрыть звук топтеров, круживших над их головами.

Одрейд ослабила свою утомительно жесткую хватку за червя и размяла пальцы. Она все еще стояла на коленях, осматривала то, что их окружало. Тени от раскатившихся валунов отбрасывали жесткие линии на песчаные насыпи и на скалы поменьше. Поглядев вверх, не больше чем на двадцать метров вперед, она увидела обнажившиеся в стене трещинки и выемки, темные отверстия в древнем основании.

Вафф встал и сделал массаж своим рукам.

— Почему мы сюда завезены? — спросил он слегка жалобным голосом.

Червь дернулся.

— Шайтан хочет, чтобы мы слезли,— ответила Шиана.

«Откуда она знает?» — удивилась Одрейд. Движение червя было недостаточным, чтобы кто-нибудь из них хотя бы слегка потерял равновесие. Это мог быть его какой-то личный рефлекс после долгого путешествия.

Но Шиана посмотрела на основание древней стены, присела на изгибе червя и соскользнула. Она комочком спрыгнула на мягкий песок.

Одрейд и Вафф двинулись вперед и с восхищением наблюдали, как Шиана тяжело пробирается по песку к передней части чудовища. Там Шиана положила обе руки на бедра и лицом к лицу оказалась с распахнутой пастью. Спрятанные языки пламени отбрасывали оранжевый свет на ее юное лицо.

— Шайтан, зачем мы здесь? — вопросила Шиана.

Червь опять весь содрогнулся.

— Он хочет, чтобы слезли все! — крикнула Шиана.

Вафф посмотрел на Одрейд.

— Если Господь хочет, чтобы ты умер, она направляет твои шаги к месту твоей смерти.

Одрейд ответила ему цитатой из древнего жаргона Шариата:

— «Повинуйся посланцу Господню во всем».

Вафф вздохнул. На лице его ясно читались сомнения. Но он повернулся и первым соскользнул с червя, спрыгнув прямо впереди Одрейд. Они последовали примеру Шианы, подошли к пасти создания. Все чувства Одрейд были напряжены, взгляд устремлен на Шиану.

Перед распахнутой пастью было слишком жарко. Знакомый привкус меланжа наполнял воздух вокруг них.

— Мы здесь, Господи,— сказал Вафф.

Одрейд, начавшая все больше уставать от его религиозного благоговения, посмотрела вокруг: разбитые скалы, обветренный барьер, поднимавшийся в сумеречное небо, песок, уходивший от искореженных временем камней и медленные опаляющие «пыф-пыф» внутреннего пламени червя.

«Ну, где это мы? — удивилась Одрейд.— Что особенное связано с этим местом, что червь привез нас именно сюда?»

Четыре топтера сопровождения пролетели в линию над их головами. Звук их крыльев и шипение реактивных двигателей на миг заглушили внутреннее рокотание червя.

«Не призвать ли мне их вниз? — подумала Одрейд.— Понадобится только сигнал рукой».

Вместо этого она подняла обе руки, подавая знак, чтобы наблюдатели оставались наверху.

По песку теперь струился вечерний холод. Одрейд содрогнулась и настроила свой организм на новые требования. Она была уверена, что червь не поглотит их, пока рядом с ними Шиана.

Шиана повернулась спиной к червю.

— Он хочет, чтобы мы остались здесь,— произнесла она.

Ее слова были командой: червь отвернул от них голову и скользнул через узкие и длинные разбросы гигантских валунов. Они услышали, как он набирает скорость, удаляясь в пустыню.

Одрейд повернулась лицом к основанию древней стены. Скоро на них опустится тьма, но высокий сумеречный свет еще достаточно долго будет царить в пустыне, чтобы они успели найти какое-нибудь объяснение, почему червь доставил их именно сюда. Высокая расщелина в скале справа от них казалась таким же хорошим местом для исследования, как и любое другое место. Продолжая частью сознания прислушиваться к Ваффу, Одрейд взобралась по песчаному склону к темному пролому. Шиана двигалась рядом.

— Мать, почему мы здесь?

Одрейд покачала головой. Она слышала, как за нами следует Вафф.

Расщелина перед ней оказалась глубоким отверстием, уводившим в темноту. Одрейд остановилась и поддержала Шиану рядом с собой. Она прикинула, что пролом приблизительно метр в ширину и раза в четыре больше в высоту. Стороны скалы были странно гладкими, словно отполированные человеческими руками. Песок струился в отверстие. Свет заходящего солнца отражался на песке, погружая часть трещины в поток золота.

Сзади раздался голос Ваффа.

— Что это за место?

— Здесь много старых пещер,— сказала Шиана.— Свободные прятали в пещерах свой спайс,— она глубоко вздохнула носом.— Ты чувствуешь его запах, Мать?

Да, здесь чувствовался отдаленный запах меланжа, согласилась Одрейд. Вафф двинулся мимо Одрейд и вошел

в расщелину. Он повернулся там, чтобы посмотреть на стены, которые сходились над ним под острым углом. Стоя лицом к Одрейд и Шиане, он подался глубже, глядя на стены. Одрейд и Шиана шагнули ближе к нему. С резким свистом осыпался, песок и Вафф исчез из виду. В то же мгновение песок всюду вокруг Одрейд и Шианы заструился по направлению пролому, волоча их обеих за собой. Одрейд схватила Шиану за руку.

— Мать! — вскрикнула Шиана.

Звук отразился от невидимых скальных стен, пока они скользили по длинному наклону насыпи по тьму. Песок снес их и остановился мягким толчком. Одрейд по колено в песке вылезла сама и вытащила Шиану на твердую поверхность.

Шиана хотела заговорить, но Одрейд остановила ее:

— Тсс! Слушай!

Слева от них слышалось какое-то царапанье и шевеление.

— Вафф?

— Я в песке по пояс,— в его голосе был ужас.

Одрейд сухо произнесла:

— Это Господь захотел так. Аккуратней себя вытаскивай. Похоже, под нашими ногами скала. Поспокойней теперь! Нам не нужно еще одного обвала.

По мере того как глаза ее привыкали к темноте, Одрейд вглядывалась в песчаный склон, по которому они соскользнули. Отверстие, в которое они вошли, казалось далекой щелью темного золота высоко над ними.

— Мать,— прошептала Шиана.— Я боюсь.

— Проговори литанию против страха,— приказала Одрейд.— И будь спокойней. Наши друзья знают, что мы здесь. Они помогут нам выбраться наружу.

— Господь привел нас в это место,— проговорил Вафф.

Одрейд ему не ответила. В тишине она подобрала губы и пронзительно присвистнула, прислушиваясь к отдавшемуся звуку. Эхо раскатилось по большому пространству и невысокому препятствию перед ними. Она повернулась спиной к узкой расщелине и еще раз свистнула.

Низенький барьерчик находился приблизительно в ста метрах от них.

Одрейд высвободила руку из руки Шианы.

— Стой прямо здесь, пожалуйста, Вафф?

— Я слышу топтеры,— сказал он.

— Мы тоже их слышим,— сказала Одрейд.— Они приземляются. Скоро к нам придут на помощь. Тем временем, пожалуйста, стойте, где стоите, и молчите. Мне необходима тишина.

Посвистывая и прислушиваясь к эху, осторожно делая каждый шаг, Одрейд стала пробираться все глубже во тьму. Ее вытянутая рука встретила грубую поверхность камня. Она обшарила ее. Только по пояс. Выше ничего не обнаружила.

Отдававшееся эхо ее свистков указывало, что за этим барьерчиком пространство поменьше, частично закрытое.

Высоко сверху позади нее прозвучал голос:

— Преподобная Мать! Вы здесь?

Одрейд обернулась, сложила рупором руки у рта и крикнула в ответ:

— Держитесь там! Мы соскользнули в глубокую пещеру. Принесите свет и длинную веревку.

Крохотная темная фигурка отошла от отверстия в отдалении. Свет над ними стал тускнеть. Одрейд поднесла сложенные ладони ко рту и заговорила во тьму:

— Шиана? Вафф? Подойдите ко мне на десять шагов и останьтесь там.

— Где мы, Мать? — спросила Шиана.

— Терпение, дитя мое.

От Ваффа слышалось тихое бормотание. Одрейд узнала древние слова исламиата. Вафф молился, отбросив все попытки скрыть свое происхождение. Вот и хорошо. «Она-то уж владеет искусством скармливания верующих Защитной Миссионерии».

Это место, куда их доставил червь, вызывало интерес Одрейд. Нащупывая одной рукой дорогу вдоль каменного барьера, она двинулась влево, исследуя его. Вершина барьера была местами совершенно гладкой. Она уходила вглубь, прочь от нее. Иные Памяти предложили ей внезапную проекцию.

Водосборник!

Это был резервуар Свободных для сбора воды. Одрейд глубоко вдохнула, пробуя носом воздух на влажность. Воздух был кремниево сух.

Рассеивая тьму, из отверстия грянул резкий свет. Донесся голос, Одрейд узнала одну из своих Сестер:

— Мы видим вас.

Одрейд сделала шаг от низкого барьерчика и обернулась, осматривая все вокруг. Вафф и Шиана стояли при-

близительно в шестидесяти метрах от нее, внимательно приглядываясь к тому, что их окружало. Пещера представляла собой грубую окружность около двух сотен метров в диаметре. Каменный купол возвышался высоко над их головами. Она увидела низкий барьерчик перед ней: да, водосборник Свободных. Она разобрала небольшой скалистый островок в его центре, где всегда наготове содержали пойманного песчаного червя перед тем, как бросить его в воду. Иные Памяти восстановили перед ней судороги той мучительной смерти, что производила спайсовый яд для оргий Свободных.

Низкая арка окаймляла темное пространство на дальней стороне водосборника. Ей был виден водосток, через который из ветроловушки поступали вода. Там должны быть и еще водосборники, целый комплекс, предназначенный для того, чтобы хранить богатство влаги для древнего племени. Теперь она знала название этого места.

— Съетч Табр,— прошептала Одрейд.

При этих словах на нее нахлынул целый поток полезных воспоминаний. Это было место Стилгара по времени Муад Диба.

«Почему червь привез нас именно в съетч Табр?»

Червь привез Шиану в город Кин. Чтобы люди о ней узнали? Значит, и сюда он их привез, чтобы они что-то узнали. Нет ли людей внутри этой тьмы? Одрейд не могла уловить никаких признаков жизни в том направлении.

Ее мысли перебила Сестра, стоявшая над отверстием.

— Нам пришлось послать за веревкой в Дар-эс-Балат! Люди из музея говорят, что это, возможно, съетч Табр! Они думали, что он разрушен!

— Спустите мне светильник, чтобы я могла осмотреться! — крикнула Одрейд.

— Жрецы просят, чтобы мы оставили его нетронутым!

— Спустите мне светильник! — настойчиво повторила Одрейд.

Вскоре темный предмет упал на склон небольшого песчаного оползня. Одрейд послала Шиану поискать его. Прикосновение к кнопке — и яркий луч пронзил темный арочный проход позади водосборника.

«Да, там еще водосборники». Рядом с этим водосборником узкая лестница, прорубленная в скале. Ступеньки вели вверх, поворачиваясь и уходя из поля зрения.

Одрейд наклонилась и прошептала на ухо Шиане:

— Внимательно наблюдай за Ваффом. Если он направится за нами, окликни.

— Да, Мать. Куда мы идем?

— Я должна взглянуть на это место. Я одна из тех, кто завезен сюда явно с какой-то целью,— она возвысила голос и обратилась к Ваффу.— Вафф, пожалуйста, жди здесь веревку.

— О чем это вы только что шептались? — требовательно осведомился он.— Почему я должен ждать? Что вы делаете?

— Я помолилась,— ответила Одрейд.— Теперь я должна продолжить это паломничество одна.

— Почему одна?

И она ответила ему на старом языке исламиата:

— Так сказано в Писании.

ЭТО ЕГО ОСТАНОВИЛО!

Одрейд быстрым шагом направилась к каменной лестнице.

Шиана, неторопливо шедшая рядом с Одрейд, проговорила:

— Мы должны рассказать людям об этом месте. Пещеры старых Свободных безопасны от Шайтана.

— Спокойнее, дитя,— сказала Одрейд.

Она направила луч света на лестницу. Лестница, прорубленная в скале, уходила под резким углом вверх и направо. Одрейд заколебалась. Чувство опасности, предупреждавшее ее с самого начала этого приключения, вернулось, еще больше усилившись. Оно стало почти осязаемым.

ЧТО ЖЕ ТАМ ЕСТЬ?

— Жди здесь, Шиана,— сказала Одрейд.— Не позволяй Ваффу следовать за мной.

— Как я могу его остановить? — Шиана боязливо оглянулась туда, где стоял Вафф.

— Скажи ему, что такова Господня воля, чтобы он оставался на месте. Скажи ему это так...— Одрейд наклонилась вплотную к Шиане и повторила эти слова на древнем языке Ваффа, затем добавила:— Больше ничего не говори. Стой на его пути и повторяй это, если он попытается пройти мимо тебя.

Шиана тихо повторила новые слова. Одрейд увидела, что она их уже запомнила наизусть. Эта девочка схватывала все на лету.

— Он тебя боится,— сказала Одрейд.— Он не посмеет причинить тебе зла.

— Да, Мать,— Шиана повернулась, скрестила руки на груди и взглянула на Ваффа.

Направив луч света вперед, Одрейд двинулась по каменной лестнице. «Съетч Табр? Какой сюрприз Ты оставил нам здесь?»

Длинный узкий коридор после лестницы. Одрейд встретила первые мумифицированные пустыней тела. Их было пятеро: два мужчины и три женщины без опознавательных знаков или одежды на них. Раздеты догола и оставлены на сохранение иссушающего воздуха пустыни. Полное обезвоживание туго натянуло кожу и плоть на их костях. Тела были уложены в ряд, их ноги протягивались через проход. Одрейд пришлось перешагивать через эти ужасные препятствия.

Она наводила свой ручной фонарик на каждое тело, проходя мимо них. Они были заколоты почти одним и тем же способом: рассекающее лезвие пронзило их снизу вверх, под грудной клеткой.

«Ритуальное убийство?»

Усохшая плоть скрывала следы ран, оставив свидетельством от них только темные пятнышки. Эти тела были не из времен Свободных, поняла Одрейд. Для водосборников смерти Свободные тела сжигали, чтобы высвободить всю воду.

Одрейд пошарила светом впереди и замедлила ход, чтобы осмыслить свое положение. Увиденные тела усилили ощущение опасности. «Мне бы следовало захватить с собой оружие. Но это возбудило бы подозрения у Ваффа».

Нельзя закрывать глаза на настойчивость ее внутреннего предупреждения. Эти остатки съетча Табр слишком опасны.

Луч света открыл перед ней еще одну лестницу и в конце ее — зал. Одрейд осторожно двинулась вперед. На первой ступеньке она опять посветила впереди лучом света. Невысокие ступеньки. Всего лишь небольшая дорога вверх, еще одна скала — и более широкое пространство там. Одрейд повернулась и провела светом по всему помещению. Осколки и отметины гари испещрены стены. И опять она посмотрела на лестницу.

«Что же там есть?»

Ощущение опасности сгустилось до предела.

Очень медленными шажками, все время останавливаясь, Одрейд стала подниматься по лесенке. Она вошла в коридор побольше, прорубленный в цельной скале. Ее

встретили еще тела, брошенные в беспорядке в последние моменты их жизни. И опять она увидела только мумифицировавшуюся плоть, с которой содраны все одежды. Двадцать тел валялось по всему широкому проходу. Одрейд, петляя, прошла среди трупов. Некоторые из них были заколоты точно так же, как и пятеро на нижнем этаже. Иные были зарублены ножом или топором или сожжены лучами лазерных пистолетов. Один был обезглавлен, и обтянутый кожей череп валялся у стены в проходе, как мяч, выброшенный из какой-то кошмарной игры.

Этот новый проход шел прямо мимо отверстий к помещениям поменьше, расположенным по обеим сторонам. Одрейд не увидела ничего ценного там, куда направляла испытующий свет своего фонарика: немного развеянных волокон спайсового волокна, мелкие брызги расплавленной скалы — плавленые пузырьки то и дело на полу, на стенах, на потолке.

«Какое же кровавое побоище случилось здесь?»

На полах были заметны пятна, о многом свидетельствующие. Пролитая кровь? В одном месте валялась в углу маленькая горстка коричневых тряпок. Обрывки изодранной материи, разбросанные под ногами Одрейд.

И лежала пыль. Повсюду. Ее ноги вздымали клубы пыли на каждом шагу.

Проход кончался аркой, выводившей на обширный уступ. Она направила свет за него: огромное помещение, намного больше, чем то, что внизу. Его вырубленный потолок был так высок, что должен был подниматься до самого верха основных скальных пород под Великой Стеной. Широкие и высокие ступени вели с выступа в зал. Одрейд в нерешительности стала спускаться. Она осветила лучом все вокруг. Из этого огромного помещения вели другие проходы. Некоторые, она увидела, завалены камнями, огромные глыбы рассыпаны на выступе и на полу.

Одрейд понюхала воздух. В нем чувствовалась пыль, которую будоражила ее ноги, но кроме этого присутствовал отчетливый запах меланжа. Этот запах переплелся с ее ощущением опасности. Ей захотелось бежать и возвратиться назад, к остальным. Но опасность — путеводный маяк. Ей хотелось знать, куда манит ее этот огонек.

Однако сейчас она знала, где находилась. Это была большая палата собраний съетча Табр, место многочисленных спайсовых оргий Свободных и Советов племени. Здесь главенствовал наиб Стилгар. Здесь бывал Гурни Хэллек.

И леди Джессика. Пол Муад Диб. Чани, мать Ганимы. Здесь Муад Диб готовил своих бойцов. Здесь был настоящий Данкан Айдахо... И первый гхола Айдахо!

«Почему мы завезены сюда? Опасно ли здесь?»

Опасность витала в воздухе, прямо здесь! Она чувствовала ее.

В этом месте Тиран спрятал запас спайса. Отчеты Бене Джессерит сообщали, что запас заполнял всю палату до самого потолка и занимал еще многие прилегавшие коридоры.

Одрейд повернулась всем телом, следя взглядом за лучом света. Вон там виден выступ наибов. А вот здесь выступ поглубже, королевский, который принадлежал Муад Дибу.

«И вот там арка, через которую я вошла».

Она направила свет на пол, замечая места, где рубили и сжигали, скалу, выискивая легендарный запас спайса Тирана. Бóльшую часть этого меланжа забрали Рыбословши, потайное место было открыто гхолой Айдахо, супругом знаменитой Сионы. Летописи гласили, что потом были обнаружены другие ниши, скрытые за ложными стенами и полами. Было много проверенных отчетов и доказательства Иных Памятей. Эти стены во Времена Голода видели жестокость бесстрашных охотников за спайсом, пролагавших путь к этому месту. Этим могли объясняться мертвые тела. Многие сражались здесь за получение шанса обыскать съетч Табр.

Одрейд была обучена следовать за ощущением опасности и постаралась сейчас воспользоваться этим умением. Неужели флюиды совершенных здесь насилий цепляются к этому месту на протяжении всех этих тысячелетий? Не об этом было ее предчувствие. Оно предупреждало о чем-то близком. Левая нога Одрейд наткнулась на неровность в полу. Свет выхватил темную линию впереди. Она ногой разметала пыль и нашла букву, а затем ей открылось целое слово, выжженное в каменном полу.

Одрейд прочитала его сначала про себя, потом вслух.

— «Арафел».

Она знала это слово. Преподобная Мать времен Тирана запечатлела это слово в сознании Бене Джессерит, проследив его корни до самых древних источников.

«Арафел — это облачная тьма при конце мира».

Одрейд почувствовала наибольшее обострение ее интуиции. Все сосредоточилось на этом единственном слове.

— Святой суд Тирана,— вот как жрецы называют его.— Облачная тьма Святого Страшного Суда!

Она двинулась вдоль слова, всматриваясь в него, отметила изгиб на его конце, который складывался в небольшую стрелку. Она поглядела туда, куда указывала стрела. Кто-то еще видел эту стрелку и прорубил в ту сторону выступ. Одрейд подошла к тому месту, где лазер охотника за спайсом оставил голую темную впадину расплавленного камня на полу помещения. Потоки такого камня разбегались паутинообразно от уступа, каждая нить тянулась от глубокой дыры, выжженной в камне выступа.

Наклонясь, Одрейд внимательно изучила каждую дыру, освещая ее, но ничего. Она ощутила, как поверх почти овладевшего ею страха нарастает также возбуждение охотницы за сокровищами. Размеры богатства этого помещения некогда потрясали воображение. Когда времена были страшнее всего, количество спайса, спокойно уносимое в руках, могло оказаться достаточным для покупки целой планеты. И Рыбословци разбазарили этот запас, растранжирили на склоки, нерасчетливые замыслы, на обыденные глупости,— на такую ерунду, которой нет места в анналах истории. Они были рады вступить в союз с икшианцами, когда Тлейлакс сокрушил их монополию на меланж.

«Нашли ли искатели весь запас? Тиран был невероятно умен».

«АРАФЕЛ».

«В конце мироздания».

Не оставил ли он послания, чтобы его прочитали спустя эпохи бенеджессеритки сегодняшнего дня?

Она снова провела лучом своего фонарика по всему помещению, затем посветила вверх.

Потолок над ее головой показался почти идеальной полусферой. Он был задуман, она поняла, как модель ночного неба, как оно видно от входа в съетч Табр. Но еще во времена Льета Кайнза, первого здешнего планетолога, звезды, изображенные первоначально на этом потолке, пропали, исчезли от небольших землетрясений, осыпаясь с потолка от каждодневных мелких разрушающих воздействий времени.

У Одрейд участилось дыхание. Чувство страха стало слишком сильным. Опасный огонек маяка светился внутри нее! Она быстро направилось прямо к ступеньками, по которым спускалась на этот уровень. Остановившись там,

она обратилась в мыслях к Иным Памятям, чтобы воскресить картину во всей полноте прежнего вида. Иные Памяти пришли нехотя, с трудом пробираясь сквозь чувство обреченности, от которого у Одрейд зашлось сердце. Направив луч фонарика вперед и глядя в его направлении, Одрейд спроецировала подсказки Иных Памятей, точно восстанавливая существовавший некогда узор звезд.

«Кусочки отраженного сверкания!»

Иные Памяти расставили по местам звезды в давно исчезнувшем небе и — прямо вон там! Серебряно-желтый полукруг ракианского солнца. Она знала, что это знак заката.

«День Свободных начинается ночью».

«Арафел!»

Держа луч фонаря на символе заката, она опять поднялась по ступеням и прошла по выступу вдоль всего помещения, точно к тому месту, которое показала ей проекция Иных Памятей.

Ничего не сохранилось от древней солнечной арки. Там, где она прежде была, охотники за спайсом искромсали всю стену. Пузырьки расплавленного камня блестели, где сжигающий луч прокладывал себе путь вдоль стены, но в первоначальной скале не образовалось никаких трещин.

По тому как у нее стиснуло грудь, Одрейд поняла, что она подкрадывается к самому краешку опасного открытия. Ее внутренний маячок вел ее сюда!

«Арафел: на краю мироздания. Позади заходящего солнца!»

Она посветила фонариком вправо и влево. Слева от нее открылся еще один проход. Камни, загромождавшие его прежде, лежали разбросанные на выступе. С громко колотящимся сердцем Одрейд прошла вперед и увидела небольшое помещение, завершавшееся расплавленным камнем. Справа от себя, прямо позади того места, где был символ заката, она обнаружила небольшую палату, в которой стоял густой запах меланжа. Одрейд вошла туда и заметила следы поисков, сожженные стены и потолок. Чувство опасности стало здесь подавляющим. Она начала повторять литанию против страха одними губами, водя фонариком по всему помещению, которое было почти квадратным, приблизительно по два метра в каждую сторону. Потолок нависал над ее головой. Коричный запах пульсировал в ноздрях. Она принюхалась и, прищурившись, увидела крохотные изменения цвета на полу рядом с порогом.

Еще одно свидетельство древних охотников за спайсом?

Низко склонившись и держа свет фонарика сбоку под острым углом, она углядела сначала лишь тень чего-то почти скрытого из виду, прорезанного глубоко в скале. Она встала на колени и отгребла пыль в сторону — очень тонкая и глубокая прорезь. Что бы это ни было, оно делалось для того, чтобы сохраниться. Финальное послание сгинувшей Преподобной Матери? Известный прием Бене Джессерит. Она прижала чувствительные кончики пальцев к прорези и воспроизвела в уме все ее очертания.

Понимание резко ворвалось в ее сознание — одно лишь слово, начертанное на чакобсе: «здесь».

Это было не обычное «здесь», чтобы обозначить обыкновенное место, но красноречивое и выразительное «здесь», говорившее: «Вы меня нашли!» Яростно колотившееся сердце подтверждало это.

Одрейд положила свой фонарик на пол у правого колена и стала изучать пальцами порог рядом с древним посланием. Каменная кладка на глаз была не нарушена, но ее пальцы определили крохотный разрыв в ней. Она нажала на этот разрывчик, повернулась, сменила несколько раз угол давления и вновь повторила свою попытку.

Ничего.

Опять поднявшись на ноги, Одрейд обдумала ситуацию.

«Здесь».

Предчувствие стало еще более острым. У Одрейд просто дыхание от него перехватило.

Чуть подавшись назад, она снова посветила фонариком и вытянулась в полный рост на полу, чтобы пристально приглядеться к основанию порога. ЗДЕСЬ! Являлось ли это место инструментом, которое, как рычаг, приподнимало порог? Нет... Про инструмент ничего не сказано. От всего этого отдавало Тираном, а не Преподобной Матерью. Она попробовала оттолкнуть порог в сторону. Он не сдвинулся.

К ощущению напряжения и опасности добавилось и разочарование. Одрейд встала и пнула порог, рядом с начертанным словом. И он сдвинулся! Что-то грубо заскрежетало по песку над ее головой.

Одрейд отпрянула в сторону, когда песок каскадом обрушился на пол перед ней. Глубокий рокочущий звук наполнил крохотное помещение. Камни затряслись у нее под ногами. Пол перед ней наклонился вниз и открыл проход в пространство под дверью и стеной.

И опять-таки Одрейд увлекло вперед, она заскользила вниз в неизвестное. Ее фонарик покатился вместе с ней, луч его света вращался и вращался. Она увидела перед собой горы темно-красно-коричневого. Запах корицы заполнил ее ноздри.

Она упала рядом со своим фонариком на мягкую груду меланжа. До отверстия, через которое она сюда провалилась, ей теперь никак не достать — оно метрах в пяти над ее головой. Она схватила фонарик. Луч света выхватил широкие каменные ступени, прорезанные в скале рядом с отверстием. Что-то было написано на этом подъеме, но она видела только, что это выход наружу. Паника прошла, но чувство опасности оставляло ее почти бездыханной, каждый вдох давался ей с трудом.

Она водила фонариком влево и вправо, освещая помещение, в которое провалилась: длинное, прямо под проходом, через который она прошла из огромного зала. И от одного конца до другого все заполнено меланжем!

Одрейд пошарила фонариком над головой и поняла, почему ни один охотник, простукивавший пол коридора над ее головой, не обнаружил этого помещения. Перекрестные скальные связки уводили простукивание в глубь каменных стен — никакого эха от пустоты, только звук основного камня возвращался к прослушивающему.

Одрейд снова осмотрела меланж вокруг себя. Она понимала, что стойт на сокровище, огромном даже для нынешних дней, когда цена меланжа подорвана тлейлаксанскими чанами. Запас этого хранилища измеряется многими длинными тоннами.

«В этом ли опасность?»

Чувство тревоги оставалось таким же острым. Запас меланжа Тирана — не то, чего ей следует страшиться. Триумвират сможет поделить этот запас поровну — на том и конец. Пожертвование в проект гхолы.

Нет, существовала какая-то другая опасность. От нее не отделаться!

И она опять посветила фонариком на груды меланжа. Ее внимание привлекла полоска стены над спайсом. Еще надписи! Еще одно послание, опять-таки на чакобсе, написанное резцом тонкими струящимися линиями:

«ПРЕПОДОБНАЯ МАТЬ ПРОЧТЕТ МОИ СЛОВА!»

У Одрейд все внутри похолодело. Она переместила луч фонарика направо, пробираясь сквозь горы меланжа ценой в империю. Там было добавление к этому посланию:

«Я ЗАВЕЩАЮ ВАМ МОЙ СТРАХ И МОЕ ОДИНОЧЕСТВО. ВАМ Я ДАЮ УВЕРЕННОСТЬ В ТОМ, ЧТО ТЕЛО И ДУША БЕНЕ ДЖЕССЕРИТ ВСТРЕТЯТ ТУ ЖЕ СУДЬБУ, ЧТО И ВСЕ ДРУГИЕ ТЕЛА И ДУШИ».

Справа ее привлек еще один параграф этого послания. Она пробралась сквозь заслоняющий меланж и остановилась, чтобы прочитать:

«ЧТО ЕСТЬ ВЫЖИВАНИЕ, ЕСЛИ ВЫ НЕ ВЫЖИВЕТЕ В ЦЕЛЬНОСТИ? СПРОСИ ОБ ЭТОМ БЕНЕ ТЛЕЙЛАКС! ЧТО ЕСЛИ ВЫ БОЛЬШЕ НЕ УСЛЫШИТЕ МУЗЫКИ ЖИЗНИ? ПАМЯТЕЙ НЕ ХВАТИТ, ЕСЛИ ТОЛЬКО ОНИ НЕ ПРИЗЫВАЮТ ВАС К БЛАГОРОДНОЙ ЦЕЛИ!»

Было продолжение надписи на узком конце палаты. Одрейд пробралась туда сквозь меланж и опустилась на колени, чтобы прочитать:

«ПОЧЕМУ ВАШ ОРДЕН НЕ СТРОИТ ЗОЛОТУЮ ТРОПУ? ВЫ ЗНАЛИ О НЕОБХОДИМОСТИ ЭТОГО. ВАША НЕУДАЧА ОСУЖДАЕТ МЕНЯ, БОГА-ИМПЕРАТОРА, НА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ЛИЧНОГО ОТЧАЯНИЯ».

Слова «Бог-Император» были написаны не на чакобсе, а на языке исламиата, где они имели второе значение, означавшее для любого владевшего этим языком: «Ваш Бог и Ваш Император, потому что вы меня таковым сделали».

Одрейд мрачно улыбнулась. ВОТ ЭТО и повергнет Ваффа в религиозный трепет! Чем выше он восходит, тем легче потрясти его безопасность.

Она не колебалась ни в точности обвинений Тирана, ни в могуществе его предсказания: Ордену может наступить конец. Чувство опасности безошибочно привело ее к этому месту. И сработало что-то еще. Черви Ракиса до сих пор двигались по древнему ритму Тирана. Он мог дремать бесконечным сном, но чудовищная жизнь каждого червя несла перлы его сознания точно так, как и предсказал некогда Тиран.

Что же это было, что он говорил Ордену в свое время? Она вспомнила его слова: «Когда меня не станет, они должны назвать меня Шайтаном, Императором Геенны. Колесо должно вращаться и вращаться по Золотой Тропе».

Да, это то, что имела в виду Тараза.

«НУ РАЗВЕ ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ? ОБЫЧНЫЕ ЛЮДИ РАКИСА ЗОВУТ ЕГО ШАЙТАНОМ БОЛЕЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ!»

Значит, Тараза это знала. Никогда в жизни не видя начертанных здесь слов — знала.

«Я понимаю твой замысел, Тараза. Теперь я понимаю ношу страха, которую ты несешь все эти годы. Я ощущаю ее так же глубоко, как и ты».

И потом Одрейд поняла, что эта тревога не покинет ее до тех пор, пока она сама будет жива, либо пока не развеется в прах Орден, либо пока не исчезнет опасность.

Одрейд подняла фонарик, встала на ноги и заковыляла через меланж к широким ступеням, выводящим ее их этого места. Подойдя к ступеням, она отпрянула. На каждой ступеньке тоже были высечены слова Тирана. Волнуясь, она читала их так, как они поднимались вверх к выходу.

«МОИ СЛОВА, ЭТО ВАШЕ ПРОШЛОЕ.

МОИ ВОПРОСЫ ПРОСТЫ:

С КЕМ ВЫ ОБЪЕДИНЯЕТЕСЬ?

С ПОКЛОНЯЮЩИМИСЯ САМИМ СЕБЕ ТЛЕЙЛАКСАНЦАМИ?

С БЮРОКРАТИЕЙ МОИХ РЫБОСЛОВШ?

С БЛУЖДАЮЩИМ ПО КОСМОСУ СОЮЗОМ?

С КРОВАВЫМИ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯМИ ХАРКОННЕНОВ?

С ЯМОЙ СОТВОРЕННОГО ВАМИ САМИМИ ДОГМАТИЗМА?

КАК ВЫ ВСТРЕТИТЕ СВОЙ КОНЕЦ?

НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ КАК ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО?»

Одрейд поднималась по этим вопросам, при подъеме перечитывая их во второй раз. БЛАГОРОДНАЯ ЦЕЛЬ? До чего же это всегда было хрупкой вещью. И как же легко искажалось. Но вот она, сила, которая разлита в непреходящей опасности. Она во всей полноте говорит со стен и со ступеней этого подземелья. Таразе это известно, без всяких сомнений. Значение слов Тирана ясно: «Присоединяйтесь ко мне!»

Когда Одрейд нашла узкий выступ и выбралась, то оглянулась вниз на обнаруженные ею сокровища. Она с удивлением покачала головой, думая о мудрости Таразы. Значит, вот как может кончиться Орден. Замысел Таразы ясен, все детали встали на свои места. Ничего определенного. Богатство и власть, все это в конце концов приходит к одному и тому. Благородный замысел начат, и он должен быть завершен, даже если это означает смерть Ордена.

«Какие же слабые инструменты мы выбрали!»

Девочка, ждущая там в подземелье глубоко под пустыней, девочка и гхола, подготовленный к Ракису.

«Я говорю теперь на твоем языке, старый Червь. У этого языка нет слов, но я постигаю самую его суть».

Наши отцы ели манну в пустыне,
В жарких песках разрушительной бури!
Спаси нас, Господь, от кошмарной земли,
Спаси, о! — спаси нас
От этой сухой и безводной земли!
Песни Гурни Хэллека, Музей Дар-эс-Балата

Тег и Данкан, вооруженные до зубов, выбрались из не-глоуба вместе с Луциллой в самое холодное время ночи. Звезды были как кончики игл над головами, воздух неподвижен, пока они его не потревожили.

Преобладающим запахом в ноздрях Тега были колючая мускусность снега, запах проникал в каждый вдох, а когда они выдыхали, густые облака испарений окутывали их лица.

На глазах у Данкана протупили слезы холода. Он много думал о старом Гурни, когда они готовились выходить из не-глоуба, о Гурни, с щекой, на которой был шрам от инквайновского хлыста Харконненов.

«Теперь нужны были бы доверенные соратники»,— подумал Данкан. Он не особенно доверял Луцилле, а Тег стар. Данкан не видел, как глаза Тега поблескивают в лунном свете.

Перекинув тяжелый древний лазерный пистолет через левое плечо, Данкан глубже засунул руки в карманы, чтобы согреть их. Он позабыл о том, как же холодно может быть на этой планете. Луциллу холод как будто вообще не трогал — она явно согревалась изнутри по какой-то из методик Бене Джессерит.

Посмотрев на нее, Данкан осознал, что всегда не слишком доверял ведьмам, даже леди Джессике. Легко было думать о них, как о ведьмах, не признававших никакой верности, кроме верности своему Ордену. У них вдосталь этаких дьявольских тайных уловок! Луцилла, однако же, отбросила свои замашки соблазнительницы. Она поняла, что у него слово не разойдется с делом. Он ощущал, как закипает ее гнев.

«Ну и пусть покипит!»

Тег стоял совсем неподвижно, взгляд был сосредоточен и устремлен вперед, он прислушивался. Правильно ли было доверяться единственному плану, разработанному им и Бурзмали? У них не было пути к отступлению. Неужели они приступили к осуществлению этого плана всего лишь несколько дней назад? Чувство было такое, что времени прошло больше, несмотря на то, что у них ни секунды не было присесть, сложа руки. Он посмотрел на Данкана и Луциллу. Данкан нес тяжелый старый лазерный пистолет Харконненов — длинноствольную полевую модель. Даже запасные обоймы были тяжелыми. Луцилла отказалась взять что-либо, кроме единственного крохотного лазерного пистолетика, спрятанного у нее за корсажем. Один лишь выстрел: вот и все, на что был способен такой пистолетик — игрушка убийцы.

— Мы в Ордене знамениты тем, что идем на битву, полагаясь только на наше мастерство, как на оружие,— сказала она.— Нас унижает, если нам приходится отступать от этого.

Однако у нее в ножнах на ногах были ножи. Тег их увидел. Он заподозрил, что они отравлены.

В руках Тег держал наперевес длинноствольное оружие — современный полевой лазерный пистолет, который захватил из Оплота; через плечо висел такой же лазерный пистолет, как у Данкана.

«Я должен положиться на Бурзмали — сказал себе Тег.— Я его подготовил, и знаю его способности. Если он говорит, что можно доверять этим новым союзниками, значит, мы им доверяем».

Бурзмали был явно вне себя от радости, найдя своего старого командира живым и невредимым.

Со времени их последней встречи выпал снег: он лежал вокруг них, чистая табличка, на которой будут четко отпечатываться все следы. Они не предполагали, что пойдет снег. Нет ли предателей среди контроля погоды?

Тег поежился. Воздух был холодным. От него тянуло зябкостью внепланетного пространства, сквозь пустоту которого звездный свет свободно проникал к склонам окружавшего их леса. Тонкий свет ясно отражался на припорошенной снегом земле и белой пыли на скалах. Темные силуэты сосен и голые ветки лиственных деревьев проступали чуть тронутыми белизной очертаний. Все остальное лежало в глубокой тени.

Луцилла подула на пальцы и, наклонившись к Тегу, прошептала:

— Разве ему не следует уже быть здесь?

Он понял, что в ее вопросе сквозит другое. «Можем ли мы доверять Бурзмали?» — таков был ее вопрос. Она задавала его тем или иным образом с тех самых пор, как восемь дней назад Тег объяснил ей весь план.

Все, что он мог ей сказать было:

«Я поставил на карту свою жизнь».

«И наши жизни также!»

Тегу тоже не нравились накапливающиеся неясности, но все планы, в конце концов, опираются на умение тех, кто их проводит в жизнь.

— Как раз ты и настаивала, что мы должны выбраться отсюда и отправиться на Ракис,— напомнил он ей. Он думал что она заметит его улыбку, которая вынимала жало из этих слов.

Луцилла была неспокойна. Тег никогда не видел Преподобную Мать явно столь нервничавшей. Она разволновалась бы еще больше, узнай о новых союзниках!

Конечно, действовало и то, что она не смогла полностью выполнить данное ей Таразой задание. Как же это должно ее уязвлять!

— Мы принесли клятву защищать гхолу,— напомнила она ему.

— Бурзмали принес точно такую же клятву.

Тег посмотрел на Данкана, молчаливо стоявшего между ними. Данкан никак не показывал, что слышал их спор или разделяет их нервозность. Древняя уравновешенность сохраняла черты его лица неподвижными. Тег понял, что он прислушивается к ночи, делая то, что следовало бы делать сейчас им всем троим. На его юном лице было странное выражение лишенной возраста зрелости.

«Если бы мне когда и были нужны доверенные лица, то теперь»,— думал Данкан.

Его ум устремился в прошлое, к Гиди Прайм, дням его истинного происхождения, к тому, что они называли «ночью Харконненов». В безопасность теплого укрытия доспехов на суспензорных буйках. Харконнены тешились в такие ночи охотой за своими подданными. Раненый беглец мог замерзнуть и умереть от холода. «Харконнены знали! Проклятие их душам!»

Луцилла перехватила взгляд Данкана, послав ему в

ответ взгляд, как будто говоривший: «Мы не завершили нашего дела — ты и я».

Данкан, обратил лицо к звездам так, чтобы ей уж точно стала видна его улыбка, его оскорбительный и понимающий взгляд, заставивший Луциллу внутренне напрячься. Он снял тяжелый лазерный пистолет с плеча и проверил его. Луцилла заметила чеканку на затворе и ствол оружия, древнего, но от которого до сих пор шло мощное излучение целенаправленной смерти. Данкан оперся стволом на свою левую руку, правой рукой держа приклад, палец на крючке, именно так, как Тег держал свою — современную — модель.

Луцилла стала поворачиваться к ним спиной, всеми чувствами вникая, что делается на склонах выше и ниже них. Она еще не закончила своего движения, как все вокруг загрохотало. Рокочущие шарики заполнили ночь — сильные раскаты, уходившие вправо, затем — тишина. Еще один громкий взрывоподобный звук снизу. Тишина. Сверху! Со всех сторон!

При первом звуке они все втроем спрятались в укрытие скал перед пещерой, входом в не-глоуб.

Нелегко было четко определить звуки, наполнившие ночь: навязчивое рокотание, механический грохот, попискивание, стоны и шипение. И вперемешку со всем этим — подземный барабанящий звук, от которого вибрировала земля.

Тег узнал эти звуки: на планете шло сражение. Ему было слышно отдаленное шипение лазерных лучей, видны скачущие сполохи бронированных лазерных пушек.

Что-то вспыхнуло над их головами, прочертив след из голубых и красных искорок. Еще и еще раз! Земля содрогнулась. Тег глубоко вдохнул через нос: запах жженой кислоты с привкусом чеснока.

НЕ-КОРАБЛИ! ИХ МНОГО!

Они шли на посадку в долину под древним не-глоубом.

— Назад, внутрь! — приказал Тег.

Еще не договорив, он уже знал, что слишком поздно. Люди собирались повсюду вокруг них. Тег поднял свой длинноствольный лазерный пистолет и навел его на склон холма в направлении самого громкого из навязчивых шумов и самого ближнего различимого движения. Было слышно, как там, внизу, кричат люди. Свободные глоуглобы парили над заслоняющими деревьями, освещая путь тем, кто оттуда пробирался, кто бы это ни был. Танцую-

щие лучи перемещались по склону в холодном ветерке. Темные фигуры передвигались в этом менявшемся освещении.

— Лицевые Танцоры! — буркнул Тег, узнав нападавших.

Эти блуждающие огоньки через несколько секунд выйдут из-за деревьев и достигнут их меньше, чем за минуту!

— Нас предали! — воскликнула Луцилла.

С холма над ними донесся многоголосый зычный крик «Башар!».

«Бурзмали?» — спросил себя Тег. Он оглянулся в том направлении, а затем посмотрел вниз на настойчиво приближавшихся Лицевых Танцоров. Не было времени разбираться и выбирать. Он наклонился к Луцилле.

— Над нами Бурзмали. Бери Данкана и беги!

— Но что, если...

— Это единственный наш шанс!

— Ты олух! — обвинила она его, хотя уже поворачивалась, повинуясь ему.

Согласие Тега никак не помогло унять ее страхи. Вот что значит зависеть от планов других!

У Данкана были другие мысли. Он понял, что Тег задумал пожертвовать собой, чтобы дать им двоим возможность спастись. Данкан заколебался, глядя на приближавшегося неприятеля под ними.

Заметив его колебания, Тег грозно на него напустился:

— Это боевой приказ, а я твой командир!

Это было самое близкое к Голосу, что Луцилла когда-либо слышала от мужчин. Она посмотрела на Тега с отвисшей челюстью.

Данкан же видел доподлинное лицо старого Герцога, приказывающего повиноваться. Это было уже слишком. Он схватил руку Луциллы, но перед тем, как он поволок ее по склону вверх, он крикнул:

— Мы откроем прикрывающий огонь, как только выберемся!

Тег не ответил. Он пригнулся за запорошенной снегом скалой, в то время как Луцилла и Данкан карабкались прочь. Он понимал, что теперь должен дорого продать свою жизнь и нужно сделать что-то неожиданное. Последний росчерк пера старого башара.

Нападавшие быстро приближались, обмениваясь возбужденными криками. Поставив свой лазерный пистолет на максимальный луч, Тег нажал на курок. Огненная дуга

полыхнула по склону под ним. Деревья вспыхнули пламенем и повалились. Закричали люди. Оружие недолго будет работать на таком уровне выпускания заряда, но пока оно работало, мясорубка, устроенная им, произведет необходимый эффект.

В коротком молчании после этого первого залпа, Тег сменил свою позицию и укрылся левее, за другой скалой, и вновь послал огненную пику в направлении темного склона. Лишь несколько глоуглобов осталось после его первой сметающей атаки, когда падали деревья и расчленялись тела.

Новые крики встретили его второй контрвыстрел. Он повернулся и стал карабкаться через скалы с другой стороны входа в пещеру, ведущую в не-глоуб. Там он дал залп сметающим огнем по противоположному склону. И опять крики снова языки пламени и падающие деревья.

В ответ огня не было.

«Они хотят взять нас живыми!»

Тлейлаксанцы готовы были пожертвовать столько Лицевых Танцоров, сколько понадобится, чтобы кончились все заряды в его лазерном пистолете!

Тег получше пристроил ремень старого оружия Харконненов на своем плече, чтобы было легко сразу сорвать его и пустить в действие. Он выкинул почти кончившийся заряд в своем современном лазерном пистолете, перезарядил его и пристроил оружие на скалах. Тег колебался: будет ли у него шанс зарядить второе оружие. Пусть те внизу думают, что у него кончаются заряды. Но у него было еще два харконненовских лазерных пистолета на поясе — последний резерв. Они будут убойными с короткого расстояния — вот пусть только подойдут ближе!

Тег осторожно приподнял свой длинноствольный лазерный пистолет со скалы и двинулся вспять, перебегая позади скал повыше, подаваясь влево и вправо. Он дважды задерживался, чтобы обдать огнем склоны под ним короткими залпами, словно сберегая заряд своего оружия. Не было смысла пытаться скрыть свои передвижения. Они наверняка уже поймали его в жизнеопределитель и кроме того, он оставляет следы на снегу.

Неожиданные! Сможет ли он их подманить совсем близко?

Высоко над входом в пещеру, ведущую в не-глоуб, он нашел более глубокую ложбинку в скалах, ее дно было закрыто снегом. Тег залег там, радуясь замечательному

полю для обстрела, которое предоставляла ему эта новая точка. Но он быстро осмотрелся: защищенная сзади высокими обрывами и открытая вниз по склону с трех сторон. Он осторожно приподнял голову и постарался увидеть, что там наверху, за скалами. А там только молчание.

Донесся ли этот крик от людей Бурзмали? Даже если так, то не было гарантии, что Данкан и Луцилла смогут достичь их в этих обстоятельствах. Теперь все зависит от Бурзмали.

«Так ли он изобретателен, как я всегда его считал?»

Не было времени прикидывать возможности или хоть что-нибудь менять в событиях, идущих своим ходом. Сражение началось. У него были собственные обязанности. Тег глубоко вздохнул и поглядел вниз по склону, через скалы.

Да, они пришли в себя и возобновили наступление. Безмолвно и без выдававших нападение глоуглобов в этот раз. Больше нет подбадривающих криков. Тег пристроил длинноствольный лазерный пистолет на скалу перед ним и сделал смертоносный залп, огненной аркой пройдясь слева направо в одной затянутой вспышке, разрешив ей угаснуть в конце.

Сняв с плеча старое оружие Харконненов, он подготовил его, молча выжидая. Они будут рассчитывать, что он побежит вверх по холму. Он пригнулся за прикрывающими его скалами, надеясь, что над ним наверху достаточно много движения, чтобы сбить с толку жизнеопределители. Ему до сих пор были слышны крики людей под ним на выжженном огнем склоне. Тег стал считать про себя, прикидывая расстояние, зная из долгого опыта, сколько времени понадобится нападавшим, чтобы подойти в пределы досягаемости смертоносного огня. И он внимательно прислушивался к другому звуку, который помнил из своих предыдущих столкновений с Тлейлаксом: резкие тявкающие звуки команд, издаваемые отвратительными голосами.

Они здесь!

Господины растянулись, держась дальше, чем он считал. Боязливые создания! Тег поставил старый лазерный пистолет на максимальный луч и внезапно приподнялся из своего укрытия в скалах. Он увидел дугу приближавшихся Лицевых Танцоров в свете горящих деревьев и кустарников. Пронзительные голоса командовавших слышались позади первой линии наступления далеко за танцующим оранжевым светом.

Нацелясь поверх голов ближних атакующих, Тег вгляделся за нагромождение языков пламени и нажал курок: прозвучало два долгих залпа. Он был на секунду удивлен силой и охватом разрушительной энергии столь древнего оружия. Это оружие — явно произведение великолепных мастеров, но ведь внутри не-глоуба не было никакой возможности его испытать.

На этот раз в криках прозвучала другая интонация: пронзительная и отчаянная.

Тег опустил дуло своего лазерного пистолета и смял первые ряды Лицевых Танцоров, позволив им ощутить полную мощь его оружия, открыв, что у него еще есть резерв. Он направлял смертоносную дугу туда и сюда, предоставляя нападавшим достаточно времени видеть, как слабеет заряд и превращается в последние плевочки.

Самое время! Один раз попавшись на удочку, они будут осторожней. Как раз сейчас у него появился шанс присоединиться к Данкану и Луцилле. С этой мыслью, наполнившей его ум, Тег выбрался из своего укрытия и пополз вверх по каменистому склону. На пятом шаге ему показалось, что он вбежал в горячую стену. У него было время, чтобы понять, что же произошло: страшный выстрел станнера, полный заряд в лицо и грудь! Он исходил прямо оттуда, куда он послал Данкана и Луциллу. Тега пронзила боль, и он рухнул во тьму.

У других тоже может быть про запас неожиданное!

Все религии сталкиваются с уязвимым местом, в которое мы можем проникнуть, переподчинив их нашим замыслам: как им отличить высокомерие от откровения?

Внутреннее учение Защитной Миссионерии

Одрейд осторожно отвела взгляд от холодной зелени, росшей прямоугольником внизу, где Шиана сидела с одной из обучавших ее Сестер. Сестра-учительница была самой лучшей и как раз подходила для этой фазы образования Шианы. Тараза очень внимательно отбирала их всех.

«Мы продвигаемся с нашим планом,— думала Одрейд.— Но предвидела ли ты, Верховная Мать, как может повлиять нынешнее случайное открытие Ракисе?».

Но было ли это открытие случайным?

Одрейд перевела взгляд на нижние крыши растянувшегося центрального Оплота Ордена на Ракисе. Радужные черепички накалялись в сверкающем полуденном солнце.

«Это все наше».

Она, конечно, знала, что их посольство — самое большое, которое жрецы дозволили в святом городе Кине. Ее присутствие здесь, в этом Оплоте Бене Джессерит, кидало вызов соглашению, которое она заключила с Туеком. Но это было до открытия съетча Табр. Кроме того, Туек на самом деле, больше по-настоящему не существовал. Туек, спокойно расхаживавший по всему жреческому комплексу, был Лицевым Танцором, рисковым актером, перевоплотившимся в эту роль.

Одрейд снова подумала о Ваффе, стоявшем возле дверей ее святилища в окружении двух Сестер-стражниц. На верхнем этаже святилища забранные пуленепробиваемым плазом окна отражали чудесное убранство комнаты черного цвета, с которым Преподобная Мать, облаченная в черное, сливалась так, что посетитель едва мог различить смутно мерцавшую белизну лица.

Правильно ли она вычислила Ваффа? Все было проделано тютелька в тютельку, по учению Защитной Миссионерии. Достаточную ли трещинку она создала в его психологической защите? Его надо подтолкнуть к тому, чтобы он быстрее заговорил. Тогда она будет знать.

Вафф стоял спокойно. Луцилла видела отражение его лица в плазе. Он не подавал никаких признаков понимания, что эти высокие темноволосые сестры по бокам от него находились здесь, чтобы не разрешить любого возможного насилия с его стороны, но он наверняка знает.

«Охраняют меня, а не его».

Он стоял, опустив голову, скрывая от нее свое лицо, но она заметила его робость. Это уж наверняка. Сомнения действуют так же, как голод на животное, и Одрейд славно подкормила этот голод сомнений. Он был уверен, что их вылазка в пустыню ведет к смерти. Его верования дзенсунни и суфи внушают ему сейчас, что его оберегала там Божья воля.

Хотя, конечно, Вафф пересматривает сейчас свое соглашение с Бене Джессерит, увидев, наконец, как он скомпрометировал свой народ, как он вверг свою драгоценную тлейлаксанскую цивилизацию в страшную опасность. Несмотря на то что внешнее самообладание и было

изношено донельзя, но только глаза Бене Джессерит различали это. Скоро наступит время, чтобы начать заново строить его сознание — по модели, более приемлемой для нужд Ордена. Пусть он еще чуть-чуть покипит на медленном огне.

Одрейд вновь вернулась к пейзажу за окном, этой задержкой еще больше поддерживая тревожное напряжение. Бене Джессерит не случайно выбрал для своего посольства северо-восточную часть старого города. Здесь расположено место, которое можно было застраивать вширь, перестраивать и изменять по собственному желанию широкие улицы для официальных шествий, узкие пешеходные улочки, транспортные магистрали и посадочные площадки орнитоптеров. Все это было изменено.

«Мы идем в ногу со временем».

Новые здания стояли ближе к зеленеющим проспектам, чьи высокие экзотические деревья впитывали огромное количество воды. Топтеры приземлялись теперь на посадочные площадки на крышах определенных зданий. Пешеходные улочки были тесно прижаты к подъемникам, прилаженным к сооружениям. В новых постройках были поставлены лифты — платные, на шифре и на системе опознования ладоней. Их светящиеся энергетические поля были забраны темно-коричневыми полупрозрачными покрытиями. Эти шахты-лифты смотрелись стрелками более темного цвета на однообразной серости камня и плаза. Люди были едва видны в шахтах-лифтах, и это производило впечатление чего-то нечистого, движущегося вверх и вниз в чистых во всем остальном механических приспособлениях.

«И все это ради модернизации».

Сзади нее Вафф шевельнулся и прокашлялся.

Одрейд не обернулась. Две Сестры-охранницы знали, что она делает, и не подали никакого знака. Нарастающая нервозность Ваффа была всего лишь подтверждением, что все идет как надо.

Но у Одрейд не было ощущения, что все на самом деле хорошо.

Она продолжала рассматривать вид из своего окна, как всего лишь еще один тревожный симптом этой беспокойной планеты. Туек, припомнила она, не любил этой модернизации своего города. Он жаловался, что надо найти какие-то иные способы это остановить и сохранить старые приметы местности. Заменивший его Лицевой Танцор продолжал гнуть ту же линию.

До чего же похож на самого Туека этот новый Лицевой Танцор. Думают ли Лицевые Танцоры сами за себя или просто играют свои роли согласно приказаниям своих Господинов? Они все еще бесплодные мулы? До какой же степени отличаются эти новые Лицевые Танцоры от полноценного человека?

Одрейд тревожило то, что было связано обманом.

Советники ложного Туека — те, кто были замешаны в так называемом «тлейлаксанском заговоре»,— высказывались за общественную поддержу осовременивать и открыто усмехались, что наконец они берут верх. Альбертус регулярно докладывал все Одрейд. Каждый новый доклад все больше ее тревожил. Даже явное раболепие Альбертуса заботило ее.

— Разумеется, советники не имеют в виду действительно общественную поддержку,— говорил Альбертус.

И она могла только соглашаться. Поведение советников сигнализировало о мощной поддержке их средним звеном жречества и теми карьеристами, которые на воскресных вечеринках отпускали остроты о своем Разделенном Боге... среди тех, кто был задобрен запасом спайса, найденном Одрейд в съетче Табр.

Девятьсот длинных тонн! Полугодовой урожай пустынь Ракиса. Даже треть такого запаса представляла значительный вклад в становление новых взаимоотношений.

«Я бы хотела никогда тебя не встречать, Альбертус».

ПРЕСМЫКАЮЩИЙСЯ ЛЬСТЕЦ!

Она прежде всего хотела восстановить в нем того, кто заботится. То, что она сделала на самом деле, легко распознавалось любым, владевшим знанием Защитной Миссионерии, которая разрушала людскую независимость. Такова, однако же, всегда была ее цель: делай последователей, послушных нашим нуждам.

Слова Тирана в тайном помещении жестко подхлестнули страхи Одрейд за будущее Ордена.

«Я завещаю вам мой страх и мое одиночество».

С расстояния в тысячелетия он посеял в ней сомнение так же уверенно, как она посеяла их в Ваффе.

Она ясно видела вопросы Тирана, словно они были начертаны светящимися красками перед ее внутренним взором.

«С КЕМ ВЫ ОБЪЕДИНЯЕТЕСЬ?»

«Действительно ли мы не больше чем тайное обще-

ство? Как мы встретим наш конец. В догматической вони, созданной нами самими?»

Слова Тирана ожогом запечатлелись в ее сознании. Есть ли «благородная цель» в том, что делает Орден? Одрейд почти слышала, как Тараза, глумясь, усмехается в ответ на такой вопрос.

«Выживание, Дар! Вот вся благородная цель, которая нам нужна. Выживание! Даже Тиран знал это».

Может быть, даже Туек это знал. И к чему это его в конце концов привело?

Одрейд испытывала неотвязное присутствие сочувствия к покойному Верховному Жрецу. Туек был отличным примером того, что может породить тесно замкнутая на себе семья. Даже его имя было ключиком: не изменившееся с дней Атридесов на этой планете. Основатель рода был контрабандистом, доверенным лицом первого Лито. Туек вышел из семьи, которая твердо держалась своих корней, говоря: «Есть в нашем прошлом кое-что достойное сохранения». Для Преподобных Матерей впрок был урок, который давал такой пример потомкам.

«Но ты потерпел неудачу, Туек».

Эти современные кварталы — признак неудачи-подачки тем набиравшим силу элементам в ракианском обществе, которые Орден так долго и усердно взращивал и укреплял. Туек видел в них предвестие того дня, когда слишком ослабеет политически, чтобы предотвратить подразумеваемое в такой модернизации: ритуал покороче и в более ударном ритме.

Новые песни в современной манере.

Изменения в танцах. «Традиционные танцы длятся так долго».

И страшнее всего, меньше вылазок в опасную пустыню для молодых послушников из могущественных семей.

Одрейд вздохнула и перевела взгляд на Ваффа. Крохотный тлейлаксанец жевал нижнюю губу. «Превосходно!»

«Черт тебя возьми, Альбертус! Я бы только приветствовала твой мятеж!»

За закрытыми дверями Храма уже обсуждали вопрос о передаче высшей жреческой власти. Новые ракианцы говорили о необходимости «идти в ногу со временем», но имели в виду: «Дайте нам больше власти!»

«Всегда так было и будет,— думала Одрейд.— Даже в Бене Джессерит».

И снова она не смогла избежать мысли: «Бедный Туек».

Альбертус докладывал, что Туек, как раз перед своей смертью и подменой его Лицевым Танцором, предостерегал своих родственников, что они могут не сохранить внутри семьи звание Верховного Жреца, если он умрет. Туек был потоньше и поизобретательнее, чем считали его враги. Его семья уже призвала своих должников, собирая все силы, чтобы удержать главную опору власти.

И Лицевой Танцор, заменивший Туека, многое открыл через свое мимическое действие. Семья еще не узнала о подмене, и каждый мог поверить, что настоящий Верховный Жрец не замешан, настолько замечателен был Лицевой Танцор. Зорким глазам Преподобных Матерей многое открылось из наблюдений за этим Лицевым Танцором в действии. Это, безусловно, было одной из причин, по которой сейчас ежился Вафф.

Одрейд резко повернулась на пятках и направилась к тлейлаксанскому Господину. «Пора заняться им!»

Она стала в двух шагах от Ваффа и грозно посмотрела на него. Вафф встретил ее взгляд с вызовом.

— У тебя было достаточно времени, чтобы задуматься о своем положении,— обвинила она его.— Почему ты молчишь?

— Мое положение? По-твоему, вы предоставляете нам выбор?

— «Человек — это всего лишь камешек, роняемый в пруд»,— процитировала она ему из его собственных верований.

Вафф сделал дрожащий вдох. Она говорила правильные слова, но что скрывалось за ними? Они больше не звучат верно, когда исходят из уст женщины повинды.

Когда Вафф не дал ответа, Одрейд продолжила цитату:

— «А если человек всего лишь камешек, то все его деяния не могут быть ничем большим».

Непроизвольная дрожь пробежала по Одрейд, вызвав взгляд тщательно замаскированного удивления от бдительных Сестер-охранниц. Эта дрожь не была задуманной частью игры.

«Почему я в этот миг думаю о словах Тирана?» — удивилась Одрейд.

«ТЕЛО И ДУША БЕНЕ ДЖЕССЕРИТ ВСТРЕТЯТ ТУ ЖЕ СУДЬБУ, ЧТО И ВСЕ ДРУГИЕ ТЕЛА И ДУШИ».

Эта заноза глубоко в нее проникла.

«Как это меня сделали такой уязвимой?»

Ответ выпрыгнул из ее сознания: «Манифест Атридесов!»

«Его составление слов под длительным руководством Таразы открыло брешь внутри меня».

Не могло ли это быть целью Таразы: сделать Одрейд уязвимой? Откуда могла Тараза знать, что будет найдено здесь, на Ракисе? Верховная Мать не однажды демонстрировала, что не только сама не обладает провидческими способностями, но и избегает этого таланта в других. В редких случаях, когда Тараза поневоле обращалась к Одрейд ради этого ее таланта, привычному глазу любой Сестры было заметно ее нежелание.

«И все же она сделала меня уязвимой».

Была ли это случайность?

Одрейд быстро произнесла про себя литанию против страха, всего лишь за несколько долей секунды, но за это время Вафф пришел к решению.

— Вы бы нам это навязали,— сказал он.— Но вы не знаете, какие силы есть у нас в запасе на такой момент,— он приподнял свои рукава, чтобы показать то место, в котором были спрятаны дротики — это всего лишь детские игрушки по сравнению с нашим настоящим оружием.

— Орден никогда в этом не сомневался,— заключила Одрейд.

— Между нами возможен вооруженный конфликт? — спросил он.

— Выбор за вами,— дала ответ Одрейд.

— Почему вы провоцируете нас на применение силы?

— Есть те, кто был бы очень счастлив увидеть, как Бене Джессерит и Бене Тлейлакс вцепятся друг другу в глотку,— ответила Одрейд.— Наши враги будут счастливы вмешаться в это, чтобы подобрать все кусочки, после того как мы достаточно ослабим друг друга.

— Ты приводишь довод за доводом, но не предоставляешь моему народу возможностей для переговоров! Возможно, твоя Верховная Мать не дала тебе полномочий вести переговоры!

До чего же соблазнительно было вернуть все назад, в руки Таразы,— именно так, как того хочет Тараза. Одрейд взглянула на Сестер-охранниц. Их лица — это маски, за которыми ничего не угадаешь. Что они на самом деле знают? Поймут ли они, если она пойдет наперекор распоряжениям Таразы?

— Есть ли у тебя такие полномочия? — настаивал Вафф.

«Благородная цель,— подумала Одрейд.— Наверняка Золотая Тропа Тирана демонстрирует по меньшей мере одно качество такой цели».

Одрейд решила прибегнуть к творчеству, создающему правду.

— У меня есть такие полномочия,— ответила она.

Высказанные вслух эти слова стали правдой. Приняв такие полномочия, она сделала для Таразы невозможным отрицать их. Одрейд понимала, конечно, что ее собственные высказывания заставляют идти курсом, отклоняющимся от последовательных шагов задумки Таразы.

«Независимые действия». Это было то самое, чего она ждала от Альбертуса.

«Но я сейчас на сцене, и я знаю, что нужно».

Одрейд посмотрела на Сестер-охранниц.

— Останьтесь здесь, пожалуйста, и последите, чтобы нас не тревожили,— сказала она Ваффу.— Мы может с тем же успехом устроиться поудобнее,— она указала на два песьих кресла, стоящих под прямым углом друг к другу в разных концах комнаты.

Одрейд подождала, пока он не усядется, перед те как продолжить разговор.

— Между нами сейчас требуется степень доверия, которую дипломаты редко себе позволяют. Слишком много сейчас лежит на весах, чтобы мы вдавались в поверхностные увертки.

Вафф странно на нее взглянул и сказал:

— Мы знаем, что раскол проник до самых высших ваших советов. Кое-кто осторожненько к нам подъезжал. Не часть ли этого твоя...

— Я верна Ордену,— сказала она,— даже те, кто заигрывал с вами, не имеют другой верности.

— Это еще одна уловка...

— Никаких уловок нет!

— Бене Джессерит без уловок никуда,— обвинил он.

— Чего, исходящего от нас, вы боитесь? Назови это.

— Может быть, я узнал от тебя очень много, чтобы вы позволили мне остаться в живых.

— Не могу ли я сказать то же самое о тебе? — спросила она.— Кто еще знает о нашем тайном сродстве? Здесь с тобой говорит не женщина повинды!

Она не без тайного страха осмелилась употребить это

слово, но эффект его не мог быть более открытым. Вафф был потрясен. Ему понадобилась длительная пауза, чтобы оправиться. Сомнения, однако, оставались, потому что она в нем их посеяла.

— Что доказывают слова? — вопросил он.— Вы, вероятно, воспользуетесь тем, что узнали от нас, и оставите мой народ ни с чем. Вы так и держите над нами хлыст...

— В моих рукавах нет никакого оружия,— сказала Одрейд.

— Но в твоем уме есть знание, которое могло бы уничтожить нас! — он сверкнул глазами на Сестер-стражниц.

— Они — часть моего арсенала,— согласилась Одрейд.— Следует ли мне их отослать?

— И в их умах все, что они здесь услышали,— сказал он. Он опять перенес настороженный взгляд на Одрейд.— Лучше будет, если ты ушлешь прочь все свои воспоминания!

Одрейд придала своему голосу самые убедительные интонации.

— Чего бы мы достигли, обнажив ваше миссионерское рвение до того, как вы будете готовы выступить? Пошло бы нам на пользу, запятнай мы вашу репутацию разоблачением, куда вы насадили ваших Лицевых Танцоров! О да, мы знаем об Иксе и о Рыбословцах. Как только мы изучили ваших новых Лицевых Танцоров, мы отправились на их поиски.

— Вот видишь! — его голос чуть не сорвался.

— Я не вижу никакого способа доказать наше сродство, иначе чем приоткрыть тебе нечто, равно угрожающее нам самим,— заметила Одрейд.

Вафф промолчал.

— Мы насадили червей Пророка на многочисленных планетах Рассеяния,— сказала она.— Что предпримет ракианское жречество, если ты им это откроешь?

Сестры-охранницы посмотрели на нее с едва скрытой веселостью. Они думали, что она лжет.

— При мне нет охраны,— сказал Вафф.— Когда только один человек знает опасную вещь, легко добиться, чтобы этот человек умолк навсегда.

Она подняла свои пустые рукава.

Вафф посмотрел на Сестер-охранниц.

— Отлично,— сказала Одрейд. Она взглянула на Сес-

тер и сделала им незаметный знак рукой, чтобы их успокоить.— Подождите, пожалуйста, снаружи, Сестры.

Когда дверь за ними закрылась, Вафф возвратился к своим сомнениям.

— Мои люди не проверяли эти помещения. Откуда мне знать, что здесь может быть спрятано и записывать наши слова?

Одрейд перешла на язык исламиата.

— Тогда, может быть, нам следует поговорить на другом языке, на том, который известен только нам.

Глаза Ваффа блеснули. На том же самом языке он ответил:

— Очень хорошо! Рискну сыграть в это. И я попрошу тебя объяснить мне настоящую причину диссидентства среди... Бене Джессерит.

Одрейд разрешила себе улыбнуться. Со сменой языка изменилась вся личность Ваффа, все его поведение. Он повел себя в точности, как следовало ожидать. Сам переход на этот язык гасил любые его сомнения. Она ответила с равной долей доверительности:

— Глупцы страшатся, что мы можем взрастить еще одного Квизаца Хадераха! Вот почему некоторые из моих Сестер выступают против.

— В подобном больше нет необходимости,— сказал Вафф.— Тот кто мог быть одновременно во многих местах, уже был и ушел. Он пришел только за тем, чтобы привести Пророка.

— Господь не посылает дважды подобного послания,— ответила она.

Это было то самое, что Вафф частенько слышал на своем языке. Он больше не думал, насколько же странно, что женщина может произносить такие слова. Знакомый язык, знакомые слова — этого было для него вполне достаточно.

— Восстановила ли смерть Шванги единство среди членов Ордена? — спросил он.

— У нас есть общий враг,— сказала в ответ Одрейд.

— Преподобные Черницы!

— Ты был умен, что убил их и многое у них выяснил.

Вафф наклонился вперед, попав в силки знакомого языка и течение их разговора.

— Они управляют сердцем! — возбужденно провозгласил он.— Примечательные техники усиления оргазмов!

Мы...— он с опозданием осознал, кто же все-таки сидит напротив него и слушает все это.

— Мы уже знаем такие техники,— успокоила его Одрейд.— Будет интересно сравнить, но есть явные причины, почему мы никогда не пытались достичь власти при помощи такого опасного инструмента. Эти развратницы как раз настолько глупы, чтобы впасть в такую ошибку!

— Ошибка? — он был озадачен.

— Они держат вожжи в своих руках! — крикнула она.— А по мере возрастания власти должен возрастать контроль над ней. Эта вещь разобьется из-за собственной инерции!

— Власть — это всегда власть,— пробормотал Вафф. Его поразила другая мысль: — Не говоришь ли ты мне теперь, что это то, как пал Пророк?

— Он знал, что он делает,— сказала она.— Столетия насильственного мира, за которым последовали времена Голода и Рассеяния. Послания прямых результатов. Помни! Он не уничтожил ни Бене Тлейлакс, ни Бене Джессерит.

— Что вы надеетесь обрести из союза между нашими народами? — спросил Вафф.

— Надежда — это одно, а выживание — совсем другое,— сказала она.

— Всегда прагматизм,— проговорил Вафф.— И некоторые из вас боятся, что вы можете в неприкосновенности возродить Пророка на Ракисе со всеми его силами?

— Разве я этого не сказала? — язык исламита особенно силен для вопросительных предложений. Груз доказательств лег на Ваффа.

— Значит, они сомневаются в том, что рука Господня сотворила вашего Квизаца Хадераха,— сказал он.— Сомневаются ли они также и в Пророке?

— Отлично, давай говорить все в открытую,— сказала Одрейд и двинулась заранее выбранным путем обмана.— Шванги и поддерживающие ее отпали от Великой Веры. Мы не питаем никакого гнева на Бене Тлейлакс за то, что они убиты. Бене Тлейлакс избавил нас от забот.

Вафф целиком на это клюнул. В данных обстоятельствах, ничего иного и ждать было нельзя. Он знал, что ему здесь многое открылось о чем лучше было бы промолчать, но все еще оставались вещи, которые не знал Бене Джессерит. И было то, что он узнал!

Затем Одрейд совсем его потрясла, сказав:

— Вафф, если ты считаешь, что ваши потомки из Рассеяния возвращаются к вам неизменными, значит, тупость превратилась в ваш образ жизни.

Он заставил себя промолчать.

— У вас в руках все кусочки,— сказала она.— Ваши потомки принадлежат развратницам из Рассеяния. И если ты думаешь, что кто-либо из них пойдет на соблюдение каких-либо соглашений, значит, ваша глупость выходит за пределы описуемого!

Реакция Ваффа показала ей, что она полностью им завладела. Все кусочки резко вставали на место. Она сообщила ему правду там, где требовалась правда. Его сомнения были переориентированы на их первоначальные истоки: против людей Рассеяния, и это было сделано на собственном его языке.

Он попробовал заговорить через комок в глотке и был вынужден помассировать горло, перед тем как к нему возвратилась речь.

— Что мы можем сделать?

— Это ясно. Затерянные рассматривают нас, как еще одну добычу для захвата. Завоевание будет означать, что позади себя они все оставят вычищенным подчистую. Обычная благоразумная предосторожность.

— Но их так много!

— Если только мы не объединимся, чтобы принести им поражение, они проглотят нас, как слиг проглатывает свой обед.

— Мы не может подпасть под скверну повинды! Господь этого не допустит.

— «Подпись»! Кто предполагает, что мы покоримся?

— Но Бене Джессерит постоянно использует свою древнюю отговорку: «Если не можешь побить их, соединись с ними».

Одрейд мрачно улыбнулась.

— Господь не допустит, чтобы вы покорились! Потвоему, он позволит это нам?

— Тогда в чем же твой план? Что ты сделаешь против таких огромных количеств?

— Именно то, что вы планируете сделать,— обратить их. Когда вы скажете слово, Орден в открытую выступит в поддержку Истинной Веры.

Вафф ошеломленно замолчал. Значит, она знает саму суть плана Тлейлакса. Знает ли она также, как Тлейлакс его подкрепит?

Одрейд, не скрываясь, разглядывала его.

Но что если проекция аналитиков Ордена неправильна? Тогда все эти переговоры окажутся просто шуткой. И было странное выражение в глубине глаз Ваффа. Намек на старую мудрость... мудрость, намного старше, чем его плоть»,— думала она. Одрейд заговорила уверенней, чем ощущала:

— За достигнутое вами с помощью производящих гхол чанов — за тайну, хранимую вами для самих себя — другие заплатят огромную цену, чтобы обрести то же самое.

Ее слова были как нужно завуалированными (слышат ли другие?), но Вафф ни на секунду не усомнился, что Бене Джессерит известно даже это.

— Потребуете ли вы соучастия и в этом? — задал он вопрос. Эти слова со скрежетом вырвались из его пересохшего горла.

— Во всем! Мы потребуем соучастия во всем.

— Каков будет ваш вклад в это великое сопричастие?

— Проси.

— Все ваши книги племенного учета.

— Они твои.

— Выводящих Матерей по нашему выбору.

— Назови их.

У Ваффа перехватило дыхание. Это было намного больше того, что предложила Верховная Мать. Это было как цветок, раскрывавшийся в его сознании. Она права насчет этих Преподобных Черниц — и, конечно, насчет потомков Тлейлакса из Рассеяния. Он никогда им целиком не доверял. Никогда!

— Вы, естественно, захотите неограниченного источника меланжа,— выговорил он.

— Да.

Он воззрился на нее, едва веря в размах своего везения. Акслольтные чаны предлагали бессмертие только поддерживавшим Великую Веру. Никто не осмелится напасть только ради захвата того, что всем известно, Тлейлакс скорей уничтожит, чем потеряет. И сейчас! Он приобрел услуги самой могучей и выносливой миссионерской силы, когда-либо известной. Здесь ясно видно провидение Божье. Ваффа сперва охватил благоговейный страх, а затем вдохновение. Он тихо заговорил с Одрейд.

— А ты, Преподобная Мать, как ты назовешь наше согласие?

— Благородная цель,— ответила она.— Ты уже знаешь слова Пророка из съетча Табр. Сомневаешься ли ты в них?

— Никогда, но... Но есть тут одно: что вы планируете сделать с этим гхолой Данканом Айдахо и с этой девушкой, Шианой?

— Мы их скрестим, конечно. И их потомки будут говорить за нас со всеми потомками Пророка.

— На всех тех планетах, куда вы их доставили!

— На всех тех планетах,— согласилась она.

Вафф откинулся в кресле.

«Теперь ты моя! — думал он.— Мы будем править в этом нашем союзе, а не вы. Гхола не ваш, он — наш!»

Одрейд заметила тень затаенности в глазах Ваффа, но она понимала, что уже и так зашла слишком далеко. Еще большее вновь возбудит сомнения. Что ни произойди, она вынудила Орден действовать таким путем. Тараза не сумеет теперь избежать этого союза.

Вафф расправил плечи, слишком юношеский жест, резко противоречивший выражению древней мудрости смотревших на нее глаз.

— Да, и еще одно,— сказал он, полностью Господин Господинов, говоривший на своем родном языке и приказывавший всем, кто его слышит.— Поможете ли вы нам также распространить этот... этот «Манифест Атридесов»?

— Почему бы и нет? Его написала я.

Вафф рванулся вперед.

— Ты?

— По-твоему, его мог бы написать кто-то с меньшими способностями?

Он кивнул, убежденный без дальнейших доводов. Это поставило окончательную точку в их союзе. Могущественные умы Преподобных Матерей будут советовать Тлейлаксу на каждом повороте событий! Какое имеет значение, что их превосходят числом эти развратницы из Рассеяния? Кто сможет соперничать с таким соединением мудрости и непревзойденных вооружений?!

— Название Манифеста вполне законно,— сказала Одрейд.— Я истинный потомок Атридесов.

— Станешь ли ты одной из наших скрещивающихся? — осмелился он задать вопрос.

— Я уже почти вышла из возраста скрещивания, но я — к вашим услугам.

Помню войны, забытые всеми, и наших друзей боевых.
Наши раны болят, будто вечная память о них.
Будто вечная боль, что от битв нам осталась былых.
Были славные битвы, хоть мы и не жаждали их.
Что утратили, что обрели мы в тех днях роковых?

Из песен Рассеяния

При составлении своего плана Бурзмали основывался на всем лучшем, чему научил его башар, самостоятельно обдумывая различные варианты, заковырки и возможности отступления. Такова привилегия командующего! Конечно, он никак не мог не изучить, насколько возможно, всю топографию планеты.

Во времена старой Империи и даже под управлением Муад Диба область вокруг Оплота Гамму была лесным заповедником — высокогорьем, вознесшимся высоко над остатками нефтепромыслов, которые укрывали земли Харконненов. В этом заповеднике Харконнены выращивали свой чудеснейший пилингитам — дерево, бывшее твердой валютой, всегда ценившееся необыкновенно высоко. С самых древних времен понимающие толк предпочитали окружать себя его чудесной древесиной, а не искусственными материалами массового производства, известными тогда, как поластайм, полаз и пормобат (позже: тайм, лаз и бат). Отсюда еще во времена Старой Империи произошло уничижительное прозвище для толстосумов средней руки и Малых Домов, определяющее их по ценности этой редкой породы дерева. «Он — три ПО»,— говорили о них, имея в виду, что такой человек окружает себя дешевыми копиями, сделанными из никчемных суррогатов. А богатеи из богатеев, когда только они бывали вынуждены использовать одни из таких «трех ПО», то маскировали это где только возможно под ЕП (единственное П) — пилингитам.

Бурзмали узнал это и еще многое другое, послав своих людей на исследование расположенного в стратегически важной местности пилингитамника, возле не-глоуба. Лес из этих деревьев обладал многими качествами, привлекавшими к нему искусных мастеровых: свежесрезанный, он позволял работать с ним, как с мягкой древесиной. Высушенный и состарившийся он сохранялся, как твердые породы дерева. Он вбирал в себя многие краски и по завершении работы краска выглядела природной частью фактуры дерева. И, что еще важнее, пилингитам обладал антигрибковыми свойствами, и не было известно насеко-

мых, которые когда-либо посчитали бы его подходящим обедом. И последнее, он был устойчив к огню. Старые деревья разрастались вверх и вширь, внутри них расширялось пустое трубчатое пространство.

— Мы должны сделать неожиданное,— сказал Бурзмали разведчикам.

Он заметил отчетливую линию зеленой листвы пилингитама во время своего первого облета региона. Леса Гамму всегда подвергались набегам, вырубались во все времена Голода, но почтенные ЕП постоянно имели заботливый уход среди всех вечнозеленых и деревьев твердых пород, которые были вновь посажены по распоряжению Ордена.

Разведчики Бурзмали разузнали, что один такой ЕП возвышался над гребнем, неподалеку от не-глоуба. Он распростер свои листья почти на три гектара. В полдень решающего дня Бурзмали расставил там приманки для отвода глаз на отдалении от этой позиции и проложил тоннель из мелкого низинного болотца в просторную пустоту внутри ствола пилингитама. Здесь он расположил свой командный пункт и предпринял все необходимое для ухода.

— Дерево — это форма жизни,— объяснил он своим людям.— Оно закроет нас от жизнеопределителей живого.

Неожиданное. Развивая свой план Бурзмали и не мечтал, что его действия пройдут незамеченными, он, насколько мог, расширял свою неуязвимость.

Когда началось нападение, он увидел, что оно словно бы развивается по предсказанному варианту. Он предвидел, что нападающие будут полагаться на не-корабли и свое численное превосходство, как это было при их нападении на Оплот Гамму. Аналитики Ордена уверили его, что угроза будет исходить от сил Рассеяния — потомков Тлейлакса, направляемых зверскими, жестокими женщинами, называвшими себя Преподобными Черницами. Он видел в этом сверхсамоуверенность, а не дерзость. Настоящая смелость была в арсенале каждого ученика башара Майлса Тега. Помогало также то, что Тег мог полагаться на небольшие изменения в пределах плана.

Через свои дисплеи Бурзмали наблюдал отчаянное бегство Данкана и Луциллы. Воины в боевых шлемах с линзами ночного ви́дения, размещенные на отвлекающих позициях, приступили к активным действиям, пуская врагу пыль в глаза, в то время как Бурзмали и его отборные резервы внимательно наблюдали за нападавшими, никак

не выдавая своих позиций. Передвижения Тега легко прослеживались по его яростному отпору, данному атакующим.

Бурзмали с одобрением подметил, что Луцилла не замедлила, когда услышала, что звуки боя усилились. Данкан, однако, порывался остановиться и чуть не погубил весь план. Луцилла уловила момент, чтобы пальцем ударить Данкана в болевую точку и прорычать: «Ты не можешь ему помочь!»

Достаточно ясно слыша ее голос сквозь усилители в своем шлеме, Бурзмали выругался под нос. Другие ее ведь тоже могли слышать! Нет сомнения, что они ее уже и так выслеживают.

Бурзмали отдал субголосовую команду через вживленный в шею микрофон и приготовился покинуть свой пост. Он сосредоточил бóльшую часть внимания на приближении Луциллы и Данкана. Если все пройдет, как задумывалось, его люди спустятся к этой паре, в то время как двое воинов, одетых так же, как беглецы, продолжат бег по направлению к ложным позициям.

Тем временем Тег продолжал свои уничтожения, прокладывая восхитительную дорожку, через которую мог бы пробраться граундкар.

Помощник Бурзмали пришел с докладом:

— Два нападающих совсем близко позади башара!

Бурзмали отмахнулся от докладывающего. Он не мог много думать о шансах Тега. Все должно быть сосредоточено на спасении гхолы. Мысли Бурзмали были напряжены до предела, пока он наблюдал: «Ну, давай же! Беги! Беги! Беги, черт тебя возьми!»

Мысли Луциллы были похожими, когда она понукала Данкана продвигаться вперед, держась вплотную позади него, чтобы прикрыть его с тыла, полностью готовая к самому жестокому сопротивлению. Все из ее подготовки и тренинга было задействовано в эти моменты. «Никогда не сдаваться!» Сдаться — перелить свое сознание в Жизни-Памяти своей Сестры по Ордену или в забвение. Даже Шванги освободила себя под конец, обратившись к полному сопротивлению и умерла восхитительно в традициях Бене Джессерит, сопротивляясь до конца. Бурзмали доложил об этом через Тега. Луцилла, собрав все свои бессчетные жизни, думала: «Я могу сделать не меньше!»

Она поспешила за Данканом в неглубокое низинное болотце рядом со стволом гигантского пилингитама, и

когда на них выскочили из темноты люди, чтобы их захватить, она чуть не отреагировала на манер берсеркеров, но голос произнес в ее ухо на чакобсе: «Друзья!». Это на миг ее притормозило — и в это время она увидела, что переодетые беглецами воины-приманки подхватили их бег от болотца. Затем произошло то, что больше всего другого показало ей весь замысел и дало возможность разобраться, кто же держит их прижатыми к богатой запахами листьев земле. Когда эти люди толкнули Данкана и ее в тоннель, ведущий к гигантскому дереву, и (все тоже на чакобсе) велели им прибавить ходу, Луцилла разглядела в этом перехвате дерзость, достойную самого Тега.

Данкан это тоже понял. На выходе из тоннеля он узнал ее по запаху и постучал по ее руке, передав ей сообщение на древнем боевом языке Атридесов.

«Пусть они нас ведут».

Этот способ передачи посланий на миг поразил ее, пока она не осознала, что как же гхоле не знать этого способа связи.

Ничего не говоря, люди вокруг них забрали увесистые древние лазерные пистолеты Данкана и поторопили беглецов в люк к какому-то транспортному средству, которого она не могла опознать. Короткий красный огонек зажегся в темноте.

Бурзмали субголосом прокричал своим людям: «Движутся!»

Двадцать восемь наземных машин и одиннадцать флиттер-топтеров стартовали с отвлекающих позиций.

«Отвлечение на уровне»,— подумал Бурзмали.

Луцилла ощутила давление на барабанные перепонки и поняла, что это захлопнулся люк. Опять вспыхнул и погас красный огонек.

Взрывы потрясли громадное дерево вокруг них и их средство передвижения, теперь она поняла, что это бронированный граундкар, взмывавший вверх на своих суспензорах и реактивных двигателях. Луцилла могла наблюдать за курсом только по вспышкам огня и по крутящимся созвездиям, видимым через овальные иллюминаторы, забранные плазом. Окружающее суспензорное поле делало все движения сверхъестественными, воспринимаемыми только зрением. Они сидели, запихнутые в пластальные сиденья, а их аппарат на всей скорости, виляя и петляя на ходу, несся вниз, прямо туда, где держал оборону Тег. Ничего из этих диких движений не передавалось людям, находящимся в

корабле. Они видели только танцующие расплывчатые пятна деревьев и кустарников,— некоторые были объяты огнем — и звезды.

Они перевалили лесоповал, устроенный лазерными пистолетами Тега. Только тогда она решилась надеяться, что, вероятно, они смогут освободиться. Вдруг их аппарат сбросил скорость так резко, что задрожал. Видимые звезды, окаймленные крохотными овалами плаза, подпрыгнули и затмились внезапным препятствием. Вернулась сила гравитации, потом появился тусклый свет. Луцилла увидела, что Бурзмали распахнул люк слева от нее.

— Наружу! — резко приказал он.— Не терять ни секунды!

Данкан впереди, а затем Луцилла выбрались из люка на землю. Бурзмали хлопнул ее по спине, схватил руку Данкана и торопливо повел их от аппарата.

— Скорее! Сюда!

Они продрались сквозь высокие кустарники к узенькой мощеной дороге. Бурзмали держал теперь за руки их обоих и помчался вперед через дорогу, а потом бросил навзничь в придорожной канаве. Он накинул на них одеяло жизнеутаивающего поля и поднял голову, чтобы посмотреть в том направлении, откуда они пришли.

Луцилла взглянула мимо него и заметила отблеск звездного света на заснеженном склоне. Она ощутила, как рядом с ней зашевелился Данкан.

Далеко на склоне набирал скорость граундкар, его модифицированные реактивно-подушечные двигатели виднелись на фоне звезд, вот он приподнялся в плюмаже красного, карабкаясь, карабкаясь, карабкаясь... карабкаясь. Внезапно он метнулся вправо.

— Наш? — шепнул Данкан.

— Да.

— Как он добрался туда, не выдав...

— Заброшенный водопроводный тоннель,— прошептал Бурзмали.— Аппарат запрограммирован, ведется автоматически.

Он продолжал всматриваться в отдаленный красный плюмаж. Внезапно гигантский выброс голубого света взметнулся прочь от отдаленного красного следа. Вслед за этой вспышкой немедленно последовал тупой удар.

— Ах,— выдохнул Бурзмали.

Данкан заговорил тихим голосом:

— Они, конечно, подумают, что ты не справился с управлением.

Бурзмали метнул удивленный взгляд на лицо юноши, мертвенно-серое в звездном свете.

— Данкан Айдахо был одним из лучших пилотов на службе Атридесов,— сказала Луцилла.

Это был изотерический кусочек знания, и он подействовал как нужно. Бурзмали немедленно понял, что два беглеца — это не беспомощная обуза. Его подопечные обладали способностями, которые он сможет использовать по необходимости.

Голубые и красные искры рассыпались по небу там, где взорвался граундкар. Не-корабли обнюхивали этот отдаленный шар горячих газов. К какому выводу после этого обследования придут враги? Голубые и красные искры оседали за освещенными склонами огромных холмов.

Бурзмали повернулся на звук шагов по дороге. Данкан так быстро приготовил ручной пистолет, что у Луциллы перехватило дыхание. Она положила свою руку ему на руку, удерживая, но он стряхнул ее. Разве он не видит, что Бурзмали признал своего?

На дороге над ними проговорил тихий голос:

— Следуйте за мной. Быстро.

Говоривший, двигавшийся расплывчатым пятном тьмы, отпрыгнул и лег рядом с ними, а потом пополз через дыру в кустах, окаймлявших дорогу. Темные пятна на заснеженном склоне, позади заслоняющих кустов, оказались по меньшей мере дюжиной вооруженных людей. Пятеро из этой группы сосредоточились вокруг Данкана и Луциллы, молча понукая их двигаться вперед по запорошенному снегом следу рядом с кустами. Остальные открыто бежали через снежный склон к темной линии деревьев. Приблизительно через сотню шагов пять безмолвных фигур образовали правильную фалангу: двое впереди, трое сзади, беглецы укрыты между ними, Бурзмали их ведет, Луцилла вплотную позади Данкана. Вскоре они достигли расщелины в темных скалах и замерли под выступом, прислушиваясь к грохоту других модифицированных граундкаров в воздухе позади них.

— Обманки поверх обманов,— зашептал Бурзмали.— Мы перегрузили их всем для отвода глаз. Они знают, что мы должны бежать в панике как можно быстрее. А теперь мы будем ждать поблизости в укрытии.

Позже мы продолжим движение дальше медленно... Пешком.

— Неожиданно,— прошептала Луцилла.

— Тег? — это был Данкан, его голос чуть громче шепота.

Бурзмали наклонился вплотную к левому уху Данкана:

— По-моему, они захватили его.

В шепоте Бурзмали звучала глубокая печаль.

Один из его замаскированных сотоварищей проговорил:

— Теперь живее. Вон туда, вниз.

Их провели через узкую расщелину. Кто-то поблизости чем-то хрустнул. Руки заторопили их в закрытый проход. Треск раздался позади них.

— Закройте как следует дверь,— проговорил кто-то.

Вокруг них загорелся свет.

Данкан и Луцилла огляделись и увидели большую, богато обставленную комнату, явно вырубленную в скале. Мягкие ковры устилали пол — тепно-красное и золотое с фигурными узорами — повторяющиеся зубцы башен, разбросанные на бледно-зеленом. Хаотичная груда одежд лежала на столе рядом с Бурзмали, который сейчас тихим голосом переговаривался с одним из их сопровождения: белокурым мужчиной с высоким лбом и пронзительными зелеными глазами.

Луцилла внимательно прислушалась. Слова были понятны, они относились к тому, как расположена охрана, но акцент этого зеленоглазого мужчины был такой, какого она раньше никогда не слышала, набор гортанных звуков и согласных, отщелкивающихся с удивительной резкостью.

— Это не-палата? — спросила она.

— Нет,— ответил мужчина позади нее, говоривший с таким же акцентом.— Нас защищает алгая.

Она не повернулась к ответившему, вместо этого взглянула на светлую желто-зеленую алгаю, покрывавшую толстым слоем стены и потолок. Всего лишь несколько пятен темной скалы были заметны возле пола.

Бурзмали прервал разговор.

— Мы здесь в безопасности. Алгаю выращивают специально для этого. Жизнеопределители доложат только о присутствии растительной жизни и ни о чем другом, что прикрывается алгаей.

Луцилла резко повернулась на каблуках, рассматривая по очереди всю обстановку комнаты: грифон Харконненов,

инкрустированный хрустальный столик, экзотические ткани на стульях и кушетках. Стойка для оружия возле одной из стен, на ней два ряда длинных полевых лазерных пистолетов такого образца, которого она прежде ни разу не видела. У каждого из них был широкий раструб и на курке был завиток золотого предохранителя.

Бурзмали вернулся к разговору с зеленоглазым мужчиной. Теперь они занялись обсуждением, как следует замаскироваться. Она слушала это только частью своего ума, изучая двух членов их эскорта, оставшихся в комнате. Остальные трое разместились в проходе возле оружейной комнатки, отверстие закрыто густо свисавшими поблескивавшими серебряными нитями. Данкан, она видела, осторожно наблюдает за ее реакцией, его рука на небольшом лазерном пистолете у пояса.

«Люди из Рассеяния? — удивилась Луцилла.— Чему они верны?»

Она небрежно подошла к Данкану и, используя язык прикосновений, поделилась своими подозрениями.

Оба они поглядели на Бурзмали. Предательство?

Луцилла опять принялась разглядывать комнату. Наблюдают ли за ними невидимые глаза?

Помещение освещали девять глоуглобов, создавая свои особенные островки сильного сияния. Свет достигал обычного уровня рядом с тем местом, где Бурзмали до сих пор разговаривал с зеленоглазым мужчиной. Часть сверканий исходила непосредственно от плавающих глоуглобов, все они настроены на густо-золотой, а часть более мягко отражалась от алгаи. Из-за этих многократно отраженных отблисков целиком исчезали всякие тени, даже под мебелью.

Серебряные нити внутреннего прохода раздвинулись, и в комнату вошла старуха. Луцилла воззрилась на нее. У женщины было морщинистое лицо, темное, как старое розовое дерево. Лицо взято в четкую узкую рамку растрепанных седых волос, ниспадавших ей почти до плеч. На ней было надето длинное черное одеяние, на котором золотом были вышиты мифологические драконы. Женщина стала позади кушетки и положила на спинку кушетки руки с выступающими венами.

Бурзмали и его собеседник прервали свой разговор на полуслове.

Луцилла перевела взгляд со старухи на свое собственное облачение. Кроме золотых драконов, одежды были

сходного пошива. И капюшоны одинаково откинуты на плечи. Только лишь боковая прорезь и то, как она открывалась спереди, отличало ту одежду, на которой были вышиты драконы.

Когда женщина не заговорила, Луцилла посмотрела на Бурзмали, чтобы он объяснился. Бурзмали поглядел на нее в ответ взглядом напряженной сосредоточенности. Старуха в свою очередь продолжала безмолвно разглядывать Луциллу.

Напряженность этого разглядывания наполнила Луциллу беспокойством. Данкан это тоже чувствовал, увидела она. Он держал руку на маленьком лазерном пистолете. Длительное молчание, пока глаза ее изучали, усилило ее беспокойство. Было что-то почти бенеджессеритское в том, как старуха просто стояла и смотрела на нее.

Данкан нарушил молчание, требовательно спросив у Бурзмали:

— Кто она?

— Я одна из тех, кто спасет ваши шкуры,— ответила старуха.

У нее был тонкий, чуть надламывавшийся голос и все тот же странный акцент.

Иные Памяти Луциллы предложили ей многозначительное сравнение с одеянием этой старухи: «Оно похоже на то, что носили древние гетеры».

Луцилла покачала головой. Без сомнения, эта женщина слишком стара для такой роли. И фигуры мифических драконов выполнены на ткани, отличавшейся от тех, что предлагала ей память. Луцилла снова перевела взгляд на старое лицо: глаза мутные из-за болезней старости. Сухая корочка залегла в морщинках внутренних уголков век. Слишком уж стара для гетеры.

Старуха повернулась к Бурзмали.

— По-моему, она сможет носить это вполне нормально,— она начала разоблачаться из своей накидки с драконами. Луцилле она сказала: — Это для тебя. Носи с уважением. Мы убили, чтобы достать это для тебя.

— Кого вы убили? — спросила Луцилла.

— Послушницу Преподобных Черниц! — в сиплом голосе старухи звучала гордость.

— Почему мне надо в это облачаться? — вопросила Луцилла.

— Ты обменяешься одеждами со мной,— ответила старуха.

— Не без объяснений,— Луцилла отказывалась принимать протянутую ей одежду.

Бурзмали шагнул вперед.

— Ты можешь ей доверять полностью.

— Я подруга твоих друзей,— сказала старуха. Она потрясла своим одеянием перед Луциллой.— Ну бери же.

Луцилла обратилась к Бурзмали:

— Я должна знать задуманный вами план.

— Мы оба должны его знать,— сказал Данкан.— По чьему повелению мы должны доверять этим людям?

— Тега,— ответил Бурзмали. Он посмотрел на старуху.— Можешь сказать им, Сирафа. У нас есть время.

— Ты будешь носить это одеяние, сопровождая Бурзмали в Ясай,— пояснила Сирафа.

«Сирафа»,— подумала Луцилла. Это имя звучало почти в духе Линейного Варианта Бене Джессерит.

Сирафа внимательно разглядела Данкана.

— Да он еще достаточно мал. Его можно замаскировать и доставить отдельно.

— Нет! — крикнула Луцилла.— Мне приказано охранять его!

— Ты валяешь дурака,— сказала Сирафа.— Они будут высматривать женщину твоей внешности, сопровождаемую кем-то с внешностью этого молодого человека. Они не будут высматривать гетеру из Преподобных Черниц со своим спутником на ночь... ни тлейлаксанского Господина с его свитой.

Луцилла облизнула губы. Сирафа говорила с твердой уверенностью прокторши Дома Соборов.

Сирафа повесила одеяние с драконами на спинку кушетки. Она стояла, облаченная в туго обтягивавшее черное трико, не скрывавшее ничего из ее до сих пор гибкого, подвижного и даже хорошо округленного тела. Тело выглядело намного моложе, чем лицо. Пока Луцилла смотрела на нее, Сирафа положила ладони на свои лоб и щеки и провела ими назад, разглаживая лицо. Морщины старости стали меньше и начало проступать лицо помоложе.

«Лицевой Танцор?»

Луцилла во все глаза уставилась на женщину. Не было больше ни одного четкого признака Лицевого Танцора. И все же...

— Снимай свою одежду! — приказала Сирафа. Теперь ее голос был моложе и даже повелительнее.

— Ты должна это сделать,— взмолился Бурзмали.—

Сирафа займет твое место, как еще одна приманка. Это для нас единственно возможный способ выбраться отсюда.

— Выбраться отсюда куда? — спросил Данкан.

— В не-корабль,— ответил Бурзмали.

— В какой не-корабль? — вопросила Луцилла.

— В безопасность,— ответил Бурзмали.— Мы начинены шиэром, но мы не можем сказать больше. Даже шиэр изнашивается, слабеет со временем.

— Как я замаскируюсь под тлейлаксанца? — спросил Данкан.

— Доверяй нам, все будет сделано,— ответил Бурзмали. Он перевел взгляд на Луциллу.— Преподобная Мать?

— Вы не оставляете мне выбора,— проговорила Луцилла. Она расстегнула легко поддавшиеся застежки и скинула свою одежду. Затем она извлекла из корсажа маленький лазерный пистолет и швырнула его на кушетку. Ее трико было светло-серого цвета, и она заметила, что Сирафа обратила на это внимание точно так же, как и на ножи в ножнах на ее ногах.

— Мы иногда носим черное нижнее трико,— сказала Луцилла, надевая облачение с драконами. На вид ткань была тяжелая, но на самом деле оказалась легкой. Луцилла повернулась и почувствовала, как ткань затрепетала и прилегла к ее телу так, словно одеяние было сделано специально для нее. Чуть-чуть терло шею. Подняв руку, Луцилла провела там пальцем.

— Это там, где ее поразил дротик,— проговорила Сирафа.— Мы действовали быстро, но кислота чуть-чуть подпортила ткань. Глазу это не заметно.

— Вид у нее как надо? — Бурзмали задал вопрос Сирафе.

— Отличный! Но мне надо ее проинструктировать. Она не должна совершить никаких ошибок, или они вас обоих схватят за милую душу! — чтобы подчеркнуть свои слова Сирафа хлопнула в ладоши.

«Где-то я видела такой жест?» — спросила себя Луцилла.

Данкан коснулся правой рукой спины Луциллы, его пальцы передали ей быстрое секретное послание: «Этот хлопок руками! Узнаваемый жест Гиди Прайм».

Иные Памяти подтвердили это Луцилле. Была ли эта

женщина частью изолированной общины, сохранившей архаичные обычаи?

— Юноше следует теперь идти,— сказала Сирафа. Она указала на двух оставшихся членов их сопровождения.— Отведите его на место.

— Мне это не нравится,— сказала Луцилла.

— У нас нет выбора,— проворчал Бурзмали.

Луцилле оставалось лишь согласиться. Она понимала, что могла опираться только на клятву верности, которую Бурзмали принес Ордену. Данкан не дитя, напомнила она себе. Его реакции прана-бинду развиты старым башаром и ею самой. В гхоле есть такие способности, с которыми мало кто вне Бене Джессерит может сравняться. Она беззвучно наблюдала, как Данкан и двое мужчин удалялись за отливавший сверканием занавес.

Когда они ушли, Сирафа обошла кушетку и встала перед Луциллой, держа руки на бедрах. Их глаза были на одном уровне.

Бурзмали прокашлялся и указал на груду одежды на столе рядом с ним.

В лице Сирафы, особенно в глазах, было что-то примечательно повелительное. Никакие линзы или какие-нибудь другие искусственные приспособления их не прикрывали.

— У тебя есть право посмотреть вокруг себя,— сказала Сирафа.— Помни, что ты особый вид гетеры и Бурзмали твой клиент. Никакой обычный человек не будет к вам приставать.

Луцилла ощутила в этом скрытый намек.

— Но есть такие, которые могут и пристать?

— Сейчас на Гамму находятся посольства великих религий,— ответила Сирафа.— С некоторыми из них ты никогда не встречалась. Они — из Рассеяния, как вы это называете.

— А как вы это называете?

— Искание,— Сирафа умиротворяюще подняла руку.— Не бойся! У нас общий враг.

— Преподобные Черницы?

Сирафа повернула голову налево и сплюнула на пол.

— Посмотри на меня, Бене Джессерит! Я была подготовлена только для того, чтобы их убивать! Это моя единственная функция, мое единственное назначение!

Луцилла осторожно проговорила:

— По тому, что нам о вас известно, вы должны быть очень хороши.

— В кое-чем я, вероятно, получше тебя. Теперь слушай! Ты сексоманка. Ты понимаешь?

— С чего бы вмешиваться жрецам?

— Ты называешь их жрецами? Ну, что ж... да. Они не станут вмешиваться ни по одной из причин, которые ты можешь вообразить. Секс ради удовольствия — враг религии, да?

— Неприемлемы никакие подмены священной радости,— ответила Луцилла.

— Танкрус защити тебя, женщина! Есть разные жрецы из Искания, есть такие, которые не возражают против экстаза сейчас вместо обещанного после.

Луцилла почти что улыбнулась. Неужели эта дилетантка, убийца Преподобных Черниц, считает, будто ей есть чему поучить Преподобную Мать насчет религии?

— Есть здесь люди, которые расхаживают переодетыми в жрецов,— продолжила Сирафа.— Очень опасно. Самые опасные из всех — последователи Танкруса, провозглашающие, что секс — единственный способ поклонения их Богу.

— Как я их узнаю? — Луцилла услышала искреннее беспокойство в голосе Сирафы.

— Пусть это тебя не заботит. Ты никогда не должна вести себя так, будто ты распознаешь подобные различия. Твоя первая забота — убедиться, что тебе заплатят. Тебе, по-моему, следует запрашивать пятьдесят саляриев.

— Ты не сказала мне, почему они могут пристать к нам? — Луцилла вновь взглянула на Бурзмали. Он разложил другую одежду и снимал свой боевой наряд. Она опять перевела взгляд на Сирафу.

— Некоторые следуют древнему соглашению, которое дает им право расторгнуть твою сделку с Бурзмали. В действительности некоторые будут испытывать тебя.

— Слушай внимательно,— сказал Бурзмали.— Это очень важно.

Сирафа продолжила:

— Бурзмали переоденется в полевого рабочего. Только так удастся представить естественными его мозоли от оружия. Ты будешь называть его Скар, обычное имя здесь.

— Но как мне быть, если пристанут жрецы?

Сирафа вытащила из своего корсажа небольшой кошелек и передала его Луцилле, которая взвесила его в руке.

— Здесь двести восемьдесят три салярия. Если кто-нибудь обратится к тебе как к божественной... ты запоминаешь? Божественной...

— Как бы я могла об этом забыть? — в голосе Луциллы почти прозвучала насмешка, но Сирафа не обратила внимания.

— Если кто-либо такой к вам пристанет, ты вернешь назад пятьдесят саляриев Бурзмали со своими извинениями. Здесь же, в этом кошельке, твоя карточка гетеры на имя Пиры. Дай мне услышать как ты произносишь это имя.

— Пира.

— Нет! Намного больше сакцентируйся на «а»!

— Пира!

— Это неплохо. Теперь слушай меня с особым внима нием. Ты и Бурзмали появились на улицах поздно. Будет считаться само собой разумеющимся, что у тебя были клиенты и до него. Должно быть доказательство этому Следовательно, ты будешь... развлекать Бурзмали перед тем, как уйти отсюда. Ты понимаешь?

— Такая деликатность! — сказала Луцилла.

Сирафа восприняла это как комплимент и улыбнулась, но это было жестко контролируемое выражение. Ее реакции так чужды!

— Только одно,— сказала Луцилла.— Если я должна буду развлекать божественного, как я потом найду Бурзмали?

— Скара!

— Да, как я найду Скара?

— Он будет ждать поблизости, куда ты ни пойдешь. Скар найдет тебя, когда ты освободишься.

— Замечательно. Если вмешивается божественный, я возвращаю сотню саляриев Скару и...

— Пятьдесят!

— По-моему, нет, Сирафа,— Луцилла медленно покачала головой.— После того, как я его развлеку, божественный поймет, что пятьдесят саляриев — слишком малая сумма.

Сирафа поджала губы и взглянула сквозь Луциллу на Бурзмали.

— Ты предупреждал меня насчет ее сорта, но я не предполагала, что...

Используя Голос лишь чуть-чуть, Луцилла произнесла:

— Ты не предполагаешь ничего, пока ты не услышишь этого от меня!

Сирафа нахмурилась. Она явно смутилась от Голоса, но ее интонация осталась такой же надменной, когда оправилась.

— По-твоему, мне следует предположить, что тебе не нужно объяснений насчет сексуального разнообразия?

— Никчемное предположение,— ответила Луцилла.

— И мне нет надобности рассказывать тебе, что твое облачение определяет тебя, как послушницу пятой ступени Ордена Хорму?

Настал черед Луциллы нахмуриться.

— А что если я проявлю способности свыше этой пятой ступени?

— Ага,— сказала Сирафа.— Значит, ты будешь продолжать слушать мои слова?

Луцилла коротко кивнула.

— Очень хорошо,— сказала Сирафа.— Могу я думать, что ты способна исполнять вагинальную пульсацию.

— Да, способна.

— В любой позе?

— Я могу контролировать каждый мускул своего тела!

Сирафа поглядела мимо Луциллы на Бурзмали.

— Это правда?

Бурзмали проговорил совсем близко от Луциллы:

— Иначе бы она так не говорила.

Сирафа задумалась, глядя на подбородок Луциллы.

— В этом, по-моему, есть трудности.

— Чтобы не возникло неправильного представления,— проговорила Луцилла,— способности, которые у меня развиты, не выносятся на обычный рынок. У них иное назначение.

— О, я уверена, что это так и есть,— сказала Сирафа.— Но сексуальная живость, это...

— Живость! — Луцилла вложила в свой голос все негодование Преподобной Матери. Неважно, что, может быть, именно этого Сирафа и надеялась достичь, ее следовало поставить на место! — Живость, ты говоришь? Я могу контролировать температуру гениталий. Я знаю и способна возбуждать пятьдесят одну эрогенную зону. Я...

— Пятьдесят одну? Но ведь их только...

— Пятьдесят одна,— огрызнулась в ответ Луцилла.— А по последовательностям и количеству сочетаний — две

тысячи восемь. Более того, сочетание с двумястами пятью сексуальными позами...

— Двести пять? — Сирафа была явно потрясена.— Ты, наверняка, говоришь о...

— На самом деле их даже больше, если считать вариации. Я Геноносительница. Это означает, что я владею тремястами ступенями усиления оргазма!

Сирафа прокашлялась и облизнула губы.

— Тогда я должна тебя предостеречь, чтобы ты себя обуздала. Держи свои способности на привязи, или...— она опять посмотрела на Бурзмали.— Почему ты меня не предостерег?

— Я предостерегал.

Луцилла ясно расслышала насмешку в его голосе, но не оглянулась, чтобы увериться в этом.

Сирафа два раза глубоко вдохнула и выдохнула.

— Если тебе начнут задавать хоть какие-нибудь вопросы, ты скажешь, что как раз готова к испытанию на переход в следующую ступень. Это снимет подозрения.

— А если меня спросят об испытании?

— О, это легко. Ты загадочно улыбнешься и промолчишь.

— А что если меня спросят об этом Ордене Хорму?

— Тогда пригрози спрашивающему, что доложишь об этом своим вышестоящим. Вопросы сразу исчезнут.

— А если не исчезнут?

Сирафа пожала плечами.

— Сплети какую-нибудь историю, если захочешь. Даже Видящую Правду повеселят твои увертки.

Луцилла сохраняла выражение задумчивости на лице, размышляя над сложившейся ситуацией. Она слышала, как Бурзмали — Скар! — зашевелился за ее спиной. Она не видела серьезных трудностей в том, чтобы осуществить такой обман. Это могло бы даже предоставить ей забавные возможности, о которых она позже отчиталась бы на Доме Соборов. Сирафа, она отметила, улыбается Бурз...— Скару! Луцилла оглянулась и поглядела на своего клиента.

Бурзмали стоял обнаженный, его боевая амуниция и шлем аккуратно сложены рядом с небольшой кучкой грубых одежд.

— Я вижу, Скар не возражает против твоих приготовлений к этому приключению,— сказала Сирафа. Она пока-

зала рукой на его жестко стоящий пенис.— Значит, я вас покидаю.

Луцилла услышала, как Сирафа удаляется через отсверкивающий занавес. Все мысли Луциллы захлестнуло гневной волной: «На этом месте сейчас должен бы быть гхола!»

Забывчивость — вот твоя судьба. Все, чему прежде учила жизнь, ты теряешь и обретаешь, снова теряешь и обретаешь.

Лито II, Голос в Дар-эс-Балате

— **В** о имя нашего Ордена и нерушимого единства его Сестер этот отчет признан достоверным и достойным помещения в хроники Дома Соборов.

Тараза вгляделась в слова на проекции дисплея с выражением отвращения на лице. Утренний свет отбрасывал рябь желтых отражений на проекцию, и от этого в отпечатанных словах смутно брезжила какая-то загадочность.

Сердитым выражением Тараза оттолкнулась от проекционного столика, встала и подошла к южному окну. День еще только начинался, и во внутреннем дворе лежали длинные тени.

«Следует ли мне отправиться туда лично?»

При этой мысли она ощутила явную неохоту идти куда-то. Эти покои навевают такое чувство... безопасности. Но то было глупостью. Бене Джессерит провел здесь более четырнадцати сотен лет, но все равно планета Дома Соборов считается лишь временной.

Она положила левую руку на гладкую раму окна. Каждое из окон этой комнаты располагалось так, что перед ним открывался замечательный вид. Сама комната — пропорции, обстановка, цвета — все отражало характеры и таланты архитекторов и строителей, создававших ее с единственной мыслью: вызывать в ее обитателях чувство надежной опоры.

Тараза попробовала погрузиться в это ощущение, но не сумела.

Только что закончившаяся дискуссия оставила в ней чувство горечи, которое возникло из-за слов, произнесенных в самых мягких и спокойных тонах. Ее советницы

упрямы, и (она согласилась без обиняков) по вполне объяснимым причинам.

«Превратить нас самих в миссионеров? Ради выгод Тлейлакса?»

Она коснулась контрольной пластинки рядом с окном и открыла его. Теплый ветерок, напоенный запахами весеннего цветения из яблоневого сада, полетел через комнату. Орден гордился своими фруктовыми садами, росшими здесь в самой сердцевине сердцевин всех их Оплотов. В населенном космосе Старой Империи ни на одной планете, которые паутиной своих Оплотов и Зависимых Соборов охватывал Бене Джессерит, не было садов, прекрасней этих.

«По плодам ты их узнаешь,— подумала она.— Некоторые из старых религий до сих пор могут поставлять мудрость».

Таразе с ее точки широкого обзора была видна вся южная часть растянувшихся зданий Дома Соборов. Тень ближней дозорной башни протягивалась длинной неровной линией через крыши и внутренние дворики.

Когда она думала над этим, то понимала, что в таком удивительно малом месте сосредоточена столь мощная власть. За кольцом фруктовых садов и огородов шли расположенные аккуратной шахматной доской личные резиденции, каждая окружена своей плантацией. Ушедшие на покой Сестры и избранные верные семейства занимали эти привилегированные поместья. По западным пределам тянулись заостренные зубцы гор. Космодром был расположен в двадцати километрах к востоку. Все вокруг сердцевины Дома Соборов оставалось открытыми равнинами, где паслись специально выведенные породы скота, столь чувствительного к чуждым ароматом, что он утробным ревом реагировал при малейшем вторжении людей, не отмеченных местными запахами. Самые глубокие дома внутри их огороженных посадок были заложены одним из первых башаров таким образом, чтобы ни днем ни ночью никто не смог пробраться незамеченным через извилистые, вровень с землей, каналы.

Все представлялось каким-то хаотичным и случайным, и все же во всем этом был жесткий порядок. И это, знала Тараза, олицетворяло Орден.

Покашливание позади нее напомнило Таразе, что одна из самых ярых спорщиц на сегодняшнем Совете продолжала терпеливо ждать ее у открытой двери.

«Ожидая моего решения».

Преподобная мать Беллонда настаивала, чтобы Одрейд была «немедленно уничтожена».

На Совете ни к какому решению не пришли.

«На сей раз ты и вправду хватила через край, Дар. Я рассчитывала на твою независимость. Я даже желала ее. Но такое!»

Беллонда — старая, толстая, цветущая, с холодными глазами, прямо рисовавшаяся своей природной злобностью — хотела, чтобы Одрейд была осуждена как предательница.

— Тиран бы немедленно ее сокрушил! — доказывала Беллонда.

«Разве это все, чему мы от него научились?» — подивилась Тараза.

Беллонда доказывала, что Одрейд не только Атридес, но так же и Коррино. Среди ее предков большое количество императоров, вице-регентов и могущественных управляющих.

«Со всей жаждой власти, неотъемлемой от таких кровей».

— Ее предки выжили на Салузе Второй! — все время повторяла Беллонда.— Разве мы ничему не научились из наших селекционных экспериментов?

«Мы научились тому, как производить таких Одрейд»,— думала Тараза.

После преодоления Спайсовой Агонии Одрейд была послана на Ал-Ханаб, эквивалент Салузы Второй, где очень тщательно поддерживалось состояние планеты постоянных испытаний: высокие обрывы, сухие ущелья, горячие ветры и леденящие ураганы, то слишком много влаги, то слишком мало. Считали, что это как раз подходящее место для пробы любого, кого судьба должна была привести на Ракис. Те, кто там выживал, приобретали особо жизнеустойчивую закалку. Высокая, гибкая и мускулистая Одрейд была одной из самых закаленных.

«Как могу я разрешить эту ситуацию?»

В самом последнем сообщении Одрейд говорилось, что любой мир, даже тысячелетия насильственного миротворчества Тирана излучает ложную ауру, которая может стать роковой для тех, кто слишком ей верит. Это вместе и усиливало, и подрывало доводы Беллонды.

Тараза подняла глаза на Беллонду, ждавшую в дверях.

«Она слишком толста! Она щеголяет этим перед нами!»

— Нам также нельзя уничтожать Одрейд, как и гхолу,— сказала Тараза.

Голос Беллонды прозвучал тихо и уравновешенно:

— Они оба слишком опасны для нас. Доклад Одрейд о словах из съетча Табр ослабляет тебя!

— Ослабило ли меня послание Тирана, Белл?

— Ты знаешь, что я имею в виду. У Бене Тлейлакса нет морали.

— Перестань менять тему, Белл. Твои мысли мечутся как пчелы среди цветов. Что ты здесь на самом деле чувствуешь?

— Тлейлаксанцы! Они изготовили этого гхолу для своих собственных целей. И теперь Одрейд хочет, чтобы мы...

— Ты повторяешься, Белл!

— Тлейлаксанцы выбирают кратчайший путь. Их взгляд на генетику не наш взгляд. Это не человеческий взгляд. Они производят чудовищ.

— Ты думаешь, они на самом деле занимаются этим?

Беллонда переступила через порог, обошла вокруг стола и встала рядом с Таразой, закрыв Верховной Матери вид на нишу, в которой стоял бюст Ченоэ.

— Союз со жрецами Ракиса, да, но не с Тлейлаксом,— одежды Беллонды зашуршали, когда она взмахнула сжатым кулаком.

— Белл! Верховный Жрец сейчас подменен Лицевым Танцором. Ты хочешь вступить в союз с ним?

Беллонда сердито затрясла головой.

— Верующих в Шаи-Хулуда — целый легион! Ты увидишь их повсюду. Какова будет их реакция на нас, когда станет ясно, какую роль сыграли мы в этом обмане?

— Ну уж брось, Белл! Мы постарались, чтобы здесь оказались уязвимыми только тлейлаксанцы. В этом Одрейд права.

— Не права! Если мы вступаем с союз с ними, то мы оба уязвимы. Мы будем вынуждены служить замыслам Тлейлакса. Это будет хуже, чем наше долгое повиновение Тирану.

Тараза заметила злобный блеск в глазах Беллонды. Вполне понятная реакция. Каждую Преподобную Мать по меньшей мере пробирает озноб, стóит ее взору обратиться к рабскому существованию Ордена под властью Бога-Императора, когда гонимый хлыстом против своей воли

Бене Джессерит никогда не бывал уверен, доживет ли до следующего дня.

— Ты думаешь, что мы этаким глупым союзом обеспечили для себя запас спайса? — вопросила Беллонда.

Все тот же прежний довод, заметила Тараза. Без меланжа и без преображающей Агонии, даруемой им, не может быть Преподобных Матерей. Меланж и то, чем Бене Джессерит через него обладает,— на сто процентов одна из целей этих развратниц из Рассеяния.

Тараза вернулась к столу и опустилась в песье кресло, откинувшись, пока кресло принимало ее очертания. Это проблема. Особенная проблема Бене Джессерит. Хотя они все время ведут научные исследования и эксперименты, Орден так и не смог найти искусственную замену спайсу. Космический Союз может хотеть меланж для погружения в преобразующий транс своих навигаторов, но навигатора ведь можно заменить икшианским механизмом. Икс и его подсобные службы конкурируют на рынках Союза. У них-то есть выбор.

«А у нас его нет».

Беллонда подошла к столу Таразы с другой стороны, положила оба кулака на его гладкую поверхность, наклонилась вперед и посмотрела на Верховную Мать.

— Мы до сих пор не знаем, что Тлейлакс сделал с нашим гхолой!

— Одрейд выяснит это.

— Это недостаточная причина, чтобы простить ее предательство!

Тараза тихо проговорила:

— Мы ждали этого мгновения поколение за поколением, а ты хочешь взять да вот так покончить со всем проектом,— она слегка хлопнула ладонью по столу.

— Этот драгоценный ракианский проект не считается больше нашим,— сказала Беллонда.— А может, он никогда им и не был.

Собрав в жесткий фокус все свои немалые умственные способности, Тараза заново пересмотрела все привходящее в этот ставший уже привычным спор. И на дошедшем до перебранок Совете не раз повторялось то же самое.

Уж не сам ли Тиран запустил в действие проект гхолы? Если так, то что они могли теперь с этим поделать? Что им следовало с этим делать?

Во время долгого спора доклад меньшинства был у всех в мыслях. Шванги, может быть, и мертва, но ее фракция

жива, и похоже на то, что Беллонда сейчас к ним присоединилась. Не слеп ли Орден в своей тяге к роковой вероятности? Отчет Одрейд о послании, спрятанном на Ракисе, мог быть истолкован как зловещее предупреждение. Одрейд подчеркнула это, доложив, как она прислушилась к внутреннему чувству тревоги. Ни одна Преподобная Мать не способна была бы несерьезно отнестись к такому предчувствию.

Беллонда выпрямилась и скрестила руки на груди.

— Мы никогда целиком не избежим учителей нашего детства и тех образцов, что они в нас заложили, правильно!

Это был довод, свойственный спорам в Бене Джессерит. Он напоминал каждому о его собственной особой уязвимости.

«Мы — тайные аристократы, и от предков к потомкам наследуется у нас власть. Да, мы уязвимы в этом, и превосходнейший тому пример — Майлс Тег».

Беллонда нашла прямой стул и села, глаза ее оказались вровень с глазами Таразы.

— В наивысший момент Рассеяния,— сказала она,— нас покинули приблизительно двадцать процентов неудач.

— Те, кто теперь возвращается к нам назад — это не неудачи.

— Но Тиран, без сомнения, знал, что это произойдет!

— Рассеяние было его целью, Белл. Это было его Золотой Тропой, способом выжить для человечества!

— Но мы знаем, как он относился к тлейлаксанцам, и все же он их не уничтожил. Он мог бы это сделать и не сделал!

— Ему-то хотелось разнообразия.

Беллонда стукнула кулаком по столу:

— И уж конечно, он этого достиг!

— Мы снова и снова пережевываем все те же доводы. Белл, я до сих пор не вижу способа, чтобы уклониться от того, что сделала Одрейд.

— Подчинение!

— Вовсе нет. Были мы когда-либо полностью подчинены кому-либо из императоров до Тирана? Даже Муад Дибу?

— Мы до сих пор в ловушке Тирана,— обвиняюще проговорила Беллонда.— Скажи мне, почему Тлейлакс все время продолжал и продолжает производить его любимого

гхолу? Тысячелетия — и все равно гхола выходит из их чанов, как заводная кукла.

— По-твоему, тлейлаксанцы до сих пор следуют секретному приказу от Тирана? Если так, то это довод в пользу Одрейд. Она создает нам прекрасные условия, чтобы мы могли это расследовать.

— Ничего подобного он не приказывал! Просто сделал именно этого гхолу особенно привлекательным для Бене Тлейлакса.

— И не для нас?

— Верховная Мать, мы должны выбраться из ловушки Тирана, немедленно! И самым действенным методом.

— Решение буду принимать я, Белл. Я все равно склоняюсь к осторожному союзу.

— Тогда хоть, по крайней мере, позволь нам убить гхолу. Шиана детородна. Мы могли бы...

— Наш проект не является сейчас — и никогда не был — чисто селекционным!

— Но мог бы быть таким. Что если ты не права по поводу силы, таящейся за предвидением Атридесов?

— Все твои предложения ведут к отчуждению и от Ракиса, и от Тлейлакса, Белл.

— Орден мог бы содержать пятьдесят поколений на наших теперешних запасах меланжа. Просто более строго распределять и контролировать.

— По-твоему, пятьдесят поколений — долгий срок, Белл? Разве ты не понимаешь, что именно из-за такого подхода к делам не ты сидишь в этом кресле, а я?

Беллонда резко оттолкнулась от стола, ее стул с громким скрипом отъехал по полу. Тараза увидела, что Беллонду убедить не удалось. Беллонде нельзя больше доверять. Она может оказаться одной из тех, кому придется умереть. И где же в этом благородная цель?

— Это заводит нас в никуда,— сказала Тараза.— Оставь меня одну.

Когда Белл удалилась, Тараза еще раз подумала над посланием Одрейд. Зловещее предвестие. Легко понять, отчего Беллонда и другие прореагировали так яростно. Но это разоблачает в них опасную нехватку самоконтроля.

«Еще не время писать последнюю волю и завещание Ордена».

Странным образом страх Одрейд и Беллонды имел один и тот же источник, но этот страх вел их к разным выводам. То, как Одрейд истолковывала это послание, высеченное в

камнях Ракиса, содержало старое предупреждение: и это пройдет.

«Выйдет ли наш срок теперь, падем ли мы, сокрушенные хищническими ордами Рассеяния?»

Но секрет акслольтных чанов — почти в пределах досягаемости Ордена.

«Если мы это заполучим, то ничто нас не сможет остановить!»

Тараза окинула взглядом обстановку комнаты. Власть Бене Джессерит до сих пор здесь. Дом Соборов скрыт за кольцами не-кораблей, его координаты не зафиксированы нигде, кроме умов подчиненных Таразы. Невидимость.

Но невидимость не навечно! Бывают и несчастные случаи.

Тараза расправила плечи. Принимай меры предосторожности, но не живи в их тени вечным беглецом. Литания против страха приносит большую пользу, когда избегаешь теней.

Если бы предостерегающее послание с его тревожным внутренним смыслом, что Тиран до сих пор ведет их по своей Золотой Тропе, было бы от кого угодно, а не от Одрейд, оно бы страшило намного меньше.

Этот дьявольский талант Атридесов!

«Не более тайного общества?»

Тараза от досады скрипнула зубами.

«Воспоминаний недостаточно, если только они не призывают тебя к благородной цели!»

А что если верно, что Орден больше не слышит музыки жизни?

«Черт его возьми!» Тиран все еще способен их задеть за живое.

«Что он пытается рассказать нам?» Его Золотая Тропа в полной безопасности. Рассеяние это обеспечило. Люди распространились вовне по бесчисленным направлениям как семена одуванчика. Было ли у него видение возвращающихся из Рассеяния? Неужели он предчувствовал эту ежевичную поросль у подножия своей Золотой Тропы?

«Он знал, что мы будем подозревать его силу. Он знал это!»

Тараза подумала о бесконечно множащихся докладах о Затерянных, возвращавшихся к своим корням. Замечательное разнообразие людей и изделий, сопровождаемое необычайной степенью секретности и почти правдивыми свидетельствами о заговоре. Не-корабли особой конструк-

ции, оружие и предметы — такие сложные, что дух захватывает. Разнообразные народы и обычаи.

«Некоторые на удивление примитивны, по крайней мере, так кажется на первый взгляд».

И они хотят намного больше, чем просто меланж. Тараза распознала особенную форму мистики, заставляющую возвращаться людей Рассеяния:

«Мы хотим ваши самые старые секреты!»

Заявление Преподобных Черниц также были достаточно ясными: «Мы возьмем все то, что захотим».

«Одрейд все должным образом держит в своих руках»,— подумала Тараза.

У нее есть Шиана. Скоро, если Бурзмали преуспеет, она получит гхолу. В ее распоряжении тлейлаксанский Господин Господинов. И она сможет заполучить даже сам Ракис!

«Если бы только она не была Атридес».

Тараза взглянула на проецируемый текст, продолжающий танцевать над поверхностью стола: сравнительное сопоставление нынешнего гхолы Данкана Айдахо со всеми убитыми. Каждый новый гхола немного отличался от своих предшественников. Это было достаточно ясно. Тлейлаксанцы все время что-то совершенствовали. Но что? Спрятан ли ключик в этих новых Лицевых Танцорах? Тлейлаксанцы явно стремятся создать таких Лицевых Танцоров, которых нельзя засечь, мимикрия которых достигает полного совершенства, которые будут копировать не только форму и не только поверхностные воспоминания своих жертв, но также их глубоко сокрытые мысли и самую личность. Эта форма бессмертия даже более привлекательна, чем та, которую тлейлаксанские Господины используют в настоящее время. Вот, разумеется, почему они следуют этим курсом. Ее новые анализы сходились с большинством ее советчиц: такая мимикрия сама станет копируемой личностью. Отчеты Одрейд о Лицевом Танцоре Туеке наводили на весьма многозначительные размышления. Даже тлейлаксанские Господины, возможно, не смогут вышибить такого Лицевого Танцора из той мимикрии, в которую он вжился.

И их верования.

«Будь неладна эта Одрейд!» Она загнала свой Орден в угол. А у них нет выбора, кроме как танцевать под ее дудку, и Одрейд знает это!

Откуда ей это знать? Опять этот неподконтрольный талант?

«Я не могу действовать наугад. Я должна узнать».

Тараза выполнила хорошо знакомый ей комплекс гимнастических упражнений, чтобы снова обрести спокойствие. Она не осмеливалась принимать важные решения в расстроенных чувствах. Помог долгий взгляд на бюст Ченоэ. Поднявшись из песьего кресла, Тараза опять подошла к своему любимому окну.

Ее часто успокаивало созерцание из окна этого пейзажа: как на протяжении дня при движении солнца меняются дальние виды, как происходят резкие смены хорошо регулируемой погоды планеты.

Она почувствовала, что голодна.

«Я поем с послушницами и успокою сегодня Сестер».

По временам ей доставляло удовольствие собрать вокруг себя молодых и потрапезничать с ними. Это напоминало о вечности Бене Джессерит и наполняло Таразу новыми силами.

Мысли о жизни восстановили равновесие Таразы. Язвительные вопросы пока отошли в сторону. Она должна взглянуть на них бесстрастным взором.

Одрейд и Тиран правы: без благородной цели мы ничто.

Не уклонишься, однако, от того, что кардинальные решения принимаются на Ракисе той, которая заражена наследственными изъянами Атридесов. Одрейд постоянно проявляла типично атридесовскую слабость. Она явно благоволила к грешащим послушницам. Подобное благоволение способствует развитию личных привязанностей!

Опасных и затмевающих разум привязанностей!

Это ослабляло других, с которыми потом приходилось работать компетентным Сестрам — искореняя разболтанность, приструнивая заблуждавшихся послушниц и выправляя их слабости. Да, безусловно, благодаря поведению Одрейд изъяны послушниц становились явными. С этим нужно согласиться. Может быть, Одрейд действовала умышленно.

Когда ее мысли потекли таким образом, что-то неуловимо могущественное вошло в ощущения Таразы. Ей пришлось побороть глубоко язвительное чувство одиночества. Меланхолия могла быть такой же затмевающей разум, как и привязанность или даже любовь. Тараза и ее бдительные Сестры-Памяти приписывали такие эмоциональные всплески осознанию собственной смертности. Она была

принуждена смотреть в глаза тому факту, что однажды она станет не больше, чем набор воспоминаний чьей-то еще живущей плоти.

Памяти и случайные открытия, она видела, сделали ее уязвимой. И как раз тогда, когда ей стали нужны все мыслимые способности!

«Но я еще не мертва».

Тараза знала, как привести себя в чувство. И она знала также о последствиях. После таких приступов меланхолии она всегда даже с еще большей твердостью цеплялась за жизнь и свои цели. Слабости Одрейд, отражавшиеся в ее поведении, были источником силы Верховной Матери.

Одрейд знала это. Тараза мрачно улыбнулась, думая о том. Авторитет Верховной Матери над ее Сестрами всегда становился сильнее, когда она приходила в себя после меланхолии. Другие этого просто замечали, но только Одрейд знала о ярости.

Тараза поняла, что натолкнулась на угнетающие семена своей досады.

Благодаря нескольким случаям Одрейд явно раскусила самое сокровенное в характере Верховной Матери: громадный вал ярости против того, как другие используют ее жизнь себе на пользу. Сила этого подавленного гнева была ужасна, хотя никогда не находила способа выхлестнуться наружу. Этому раздражения никогда не пройти. Как же это ранило! То, что Одрейд все понимала, делало боль даже еще сильнее.

Такая, как эта, боль, конечно, выполняла предписанную задачу. Обязательства Бене Джессерит развивали определенные умственные мускулы, возводя слой за слоем ту черствость, которую никогда нельзя открывать постороннему. Любовь — одна из самых опасных сил в нашем мироздании. Сестры обязаны защищаться от нее. Преподобная Мать никогда не может стать окончательно частной личностью, даже на службе Бене Джессерит.

«Симуляция: мы играем нужную роль, которая спасает нас. Бене Джессерит выстоит!»

Сколько им придется пробыть в подчинении на этот раз? Еще тридцать пять сотен лет? Что ж, черт их всех возьми! Это тоже будет всего лишь временным!

Тараза повернулась спиной к окну и успокаивающему пейзажу. Она действительно пришла в себя. Ее наполнили новые силы. Их стало достаточно, чтобы преодолеть это

гнетущее желание, которое удерживало ее от принятия важнейшего решения.

«Я направлюсь на Ракис».

Она не могла больше закрывать глаза на источник своего желания.

«Мне, быть может, придется сделать то, чего хочет Беллонда».

Инстинкт самосохранения, сохранения жизни рода и жизни окружающей среды — вот что движет человечеством. Можно понаблюдать, как на протяжении жизни у человека изменяется оценка степеней важности разных вещей? Что является для данного возраста предметом заботы? Погода? Пищеварение? Заботит ли это в действительности его (или ее)? Это все различные желания, что плоть ощущает и надеется удовлетворить. Что еще может вообще иметь значение?

Лито II — Хви Нори, Его Голос в Дар-эс-Балате

Очнувшись во тьме, Майлс Тег понял, что его тащат в парящем на суспензорах гамаке: он заметил слабое излучение окружавших его крохотных шариков.

Во рту у него был кляп, руки надежно связаны за спиной, но глаза завязаны не были.

«Значит, их не волнует, что я увижу».

Кто они такие, он сказать не мог. Подпрыгивающие движения темных теней вокруг него заставляли думать, что они спускались по неровной поверхности. След? Подвесные носилки мягко покачивались на своих суспензорах. Он расслышал их слабое жужжание, когда отряд остановился, чтобы обсудить, как миновать трудный проход.

То и дело он видел помаргивающий свет над головой. А вскоре они подошли к освещенному месту и стали. Он увидел один-единственный глоуглоб приблизительно в трех метрах над землей, подвешенный на шесте и слабо покачивавшийся под холодным ветерком. В его желтом свете он заметил хижину в центре грязной вырубки, множество следов на истоптанном снегу. Он разглядел кусты и редкие деревья около вырубки. Кто-то прошел мимо с более ярким ручным фонариком, свет которого скользнул по его лицу. Никто не произнес ни слова, заметил руку, указывавшую

на хижину. Ему редко доводилось видеть такую развалюху. Она смотрелась так, словно готова рухнуть от малейшего толчка. Он был готов спорить, что крыша протекала.

И опять вся группа пришла в движение. Его понесли к хижине. В тусклом свете он разглядывал своих сопровождающих: лица, закутанные до самих глаз, рты и подбородки закрыты. Капюшоны скрывали волосы. Под безразмерными одеждами видны только самые общие движения рук и ног.

Подвешенный на шесте глоуглоб потемнел. Раскрылась дверь в хижину, на вырубку брызнул яркий свет. Его сопровождение заторопилось внутрь и оставило его перед дверью. Он услышал, как позади них закрылась дверь.

Внутри после тьмы было ослепительно светло. Тег поморгал, пока его глаза не привыкли к этой перемене. Со странным чувством неуместности он осмотрелся. Он ожидал, что интерьер хижины будет соответствовать ее внешности, но здесь была опрятная комнатка, почти свободная от мебели — только три кресла, небольшой столик и... он резко вздохнул: Икшианская Проба! Разве они не учуяли запах шиэра в его дыхании?

Если они не осведомлены об этом, то пускай воспользуются своей Пробой. Для него это будет мучительно, но они ничего не извлекут из его ума.

Что-то щелкнуло позади него, и он услышал движение. В поле его зрения вошли трое, встали вокруг изножья его носилок. Они молча на него уставились. Тег пробежал взглядом по всем троим. Тот, что слева — мужчина в темном синглсъюте с открытыми лацканами. Квадратное лицо, которое Тег видел у некоторых уроженцев Гамму — небольшие глаза-бусинки, смотревшие прямо на Тега. Это было лицо палача, того, кого не тронет никакая мука. Харконенны завезли много таких сюда в свое время: типы, сосредоточенные на одном, причиняющие боль, ни капли не изменяясь в лице.

Стоявший прямо в ногах Тега был в бесформенной одежде черных и серых тонов, сходной с той, что была на доставившем Тега отряде, но капюшон был откинут и открывал невыразительное лицо под короткостриженными седыми волосами. Лицо ничего не выдавало, да и одежда мало о чем говорила. Не скажешь даже — мужчина это или женщина. Тег зафиксировал в памяти лицо: широкий лоб, квадратный подбородок, большие зеленые глаза над

острым носом, маленький рот, поджатый в гримасе недовольства.

Третий член этой группы дольше всего удержал внимание Тега: высокий, хорошо скроенный черный стилсъют с грубой черной курткой поверх него, сидит идеально. Дорогая одежда. Никаких орденов или знаков отличия. Явно мужчина. Казался он скучающим, и это позволило Тегу сразу же его определить. Узкое надменное лицо, карие глаза, тонкогубый рот. Скучающий, скучающий, скучающий! Все, что здесь происходило, было ненужной тратой его весьма драгоценного времени. У него были жизненно важные дела, и эти двое, эти мелкие сошки, должны понять.

«Это официальный наблюдатель»,— подумал Тег.

Скучающий послан владельцами этого места, чтобы наблюдать и сообщать об увиденном. Где же его фактограф? А вон он, прислонен к стене. Эти чемоданчики для сбора данных — отличительный признак таких чиновников. В своих инспекционных поездках Тег видел таких людей, расхаживавших по улицам Ясая и других городов Гамму. Маленькие тонкие чемоданчики. Чем важнее чиновник, тем меньше его чемоданчик. В этот как раз войдет несколько записывающих катушек и крохотный телеглаз. Он никогда не расстается с телеглазом, связывающим его с начальством. Тонкий чемоданчик: это значит важный чиновник.

Тег стал гадать, что скажет чиновник, если Тег спросит его: «Что ты им доложишь о моем спокойствии?»

Выражение скучающего лица было крайне наглядным: он даже не ответит; он здесь не для того, чтобы отвечать. Когда ему придет время уходить, он удалится размашистой поступью, весь охваченный тайным знанием о тех мощных силах, к которым лежит его путь. Он будет похлопывать чемоданчиком по ноге, напоминая себе о своей важности и привлекая внимание других к этому свидетельству своего высокого положения.

Крупная фигура в ногах Тега заговорила. Властный голос, судя по вибрирующим интонациям, женский.

— Видите, как он держится и наблюдает за нами? Его молчание не сломить. Я говорила вам об этом до того, как мы вошли. Вы напрасно теряете наше время, а у нас не так уж его много на подобную чушь.

Тег взглянул на нее. Что-то смутно знакомое в голосе.

Подобная властность может быть у Преподобной Матери. Возможно ли это?

Тяжелолицый уроженец Гамму кивнул.

— Ты права, Инокесса. Но не я здесь распоряжаюсь.

«Инокесса? — задумался Тег.— Имя или название?»

Все поглядели на чиновника. Он отвернулся и наклонился за своим фактографом. Вынул из него небольшой телеглаз и встал за экраном, загораживающим его и от странной парочки, и от Тега. Телеглаз загорелся зеленым свечением, отбрасывавшим болезненный отсвет на лицо чиновника. Его самодовольная улыбка исчезла. Он беззвучно шевелил губами, слова формировались только для того, кто наблюдал через этот телеглаз.

Тег скрыл свое умение читать по губам. Всякий тренированный Бене Джессерит мог читать по губам почти с любого угла, откуда они видны. Этот человек говорил на одной из разновидностей старого галаха.

— Это доподлинно башар Тег,— сказал он.— Я произвел опознание.

Зеленый свет заиграл на лице чиновника, когда он всматривался в экран. Кто бы там ни связывался с ним, но этот собеседник был в возбужденном состоянии, если этот дрыгающийся свет хоть что-нибудь означал.

И опять губы чиновника беззвучно зашевелились:

— Никто из нас не сомневается, что он закален против боли, и я чувствую запах шиэра от него. Он будет...

Он снова примолк, когда зеленый огонек опять заплясал на его лице.

— Это не отговорки,— его губы осторожно складывали слова старого галаха.— Вы знаете, что мы испробуем все, что только можем, но я советую, чтобы мы использовали со всей возможной энергией все другие способы перехвата гхолы.

Зеленый огонек мигнул и погас.

Чиновник пристегнул телеглаз к поясу, обернулся к своим напарникам и один раз кивнул.

— Т-Проба,— сказала женщина.

Они надели Пробу на голову Тега.

«Она назвала это Т-Пробой»,— подумал Тег.

Он посмотрел на капюшон, который на него надели. На нем не было символа Икса.

У Тега возникло странное чувство ложной памяти, такое, будто он не раз прежде оказывался в точно таком же плену. Не единичное ложное воспоминание, а навяз-

чиво знакомое: пленник и его тюремщики — эти трое... Проба. Он почувствовал себя опустошенным. Откуда он мог знать об этом моменте? Он никогда лично не задействовал Пробу, но изучил ее действие полностью. Да, Бене Джессерит частенько использовал боль, но больше всего полагался на Видящих Правду. И кроме того, Орден явно считал, что слишком активное использование механического оборудования от Икса, станет знаком слабости, признанием, что Сестры не могут обойтись без презренных приспособлений. Тег даже думал, что в этом отношении было нечто вроде похмелья Бутлерианского Джихада, мятежа против машин, которые могут воспроизводить самую суть человеческих мыслей и воспоминаний.

Ложная память!

Логика ментата задала вопрос: откуда мне известен этот момент? Он знал, что никогда раньше не был пленником. Смешная перемена ролей: великий башар Тег — пленник? Он почти улыбался. Но все равно оставалось глубокое чувство повторения происходившего раньше.

Его тюремщики разместили колпак прямо над головой и начали высвобождать медузообразные контакты один за другим, прикрепляя их к его голове. Чиновник следил, как работают его подручные, проявляя легкие признаки нетерпения на почти бесстрастном лице.

Тег пробежал взглядом по трем лицам. Кто из них будет выполнять роль «друга»? Да, понятно, та, что называется Инокессой. Прекрасненько. Тип ли это Преподобной Черницы? Но никто из других не проявлял к ней того уважения, какое, как слышал Тег, проявляют к этим возвращавшимся Затерянным.

Однако это люди из Рассеяния — кроме, быть может, вот этого квадратнолицего мужчины в коричневом синглсъюте. Тег внимательно разглядывал женщину — глянец седых волос, тихое спокойствие в широко расставленных зеленых глазах, чуть-чуть выдающийся подбородок, навевавший ощущение солидности и надежности. Она верно выбрана на роль «друга». Лицо Инокессы было самим воплощением респектабельности — лицом того, кому можно доверять. Тег понял, однако, что за этим скрывается. Она из тех, кто будет тщательно наблюдать, ловя момент, когда нужно будет начать действия. Наверняка она подготовлена, по крайней мере, Бене Джессерит.

«Или Преподобными Черницами».

Они закончили прикреплять контакты. Похожий на

уроженца Гамму повернул пульт управления Пробой в необходимое положение, откуда все трое могли следить за дисплеем. Экран дисплея был закрыт от Тега.

Женщина вынула кляп изо рта Тега, подтвердив его суждение. Она будет источником утешения. Его лицо и грудь до сих пор немного вялы от того станнера, который поверг его наземь. Как же давно это было? Но если верить безмолвным словам, произнесенными чиновником, Данкан ускользнул. Уроженец Гамму посмотрел на чиновника.

— Можешь начинать, Яр,— сказал чиновник.

«Яр? — удивился Тег.— Занятное имя». Звучит почти по-тлейлаксански. Но Яр не Лицевой Танцор и не тлейлаксанский Господин. Слишком велик для одного и нет признаков другого. Как всякий подготовленный Орденом Тег был в этом полностью уверен.

Яр прикоснулся к пульту управления под дисплеем Пробы.

Тег услышал свой собственный крик. Ничто не приготовило его к столь огромной боли. Они, вероятно, включили эту дьявольскую машинку на максимум для первого воздействия. В этом не приходится сомневаться! Они знали, что он ментат. Ментат умел освобождать себя от некоторых требований плоти. Но происходящее было сущей пыткой! Он не мог от этого улизнуть. Агония сотрясала все его тело, грозя опустошить и сознание. Поможет ли от этого прикрытие шиэра?

Боль понемногу уменьшилась и растаяла, оставив только мучительное воспоминание.

И снова!

Он внезапно подумал, что, наверное, те же муки вызывает Спайсовая Агония у Преподобной Матери. Наверняка, более сильных стадий быть не может. Он боролся, чтобы сохранить молчание, но слышал, как хрипит и стонет. Все способности, которым он когда-либо учился как ментат и Бене Джессерит, были пущены в действие, удерживая его от слов о пощаде, обещания рассказать что угодно, если они только остановятся.

И опять боль сначала уменьшилась, а затем вернулась вновь.

— Достаточно! — крикнула женщина.

Тег искал в памяти, вспоминая ее имя. Инокесса!

Яр брюзгливо проговорил:

— Он напичкан шиэром, которого ему хватит, по меньшей мере, на год.— И указал на экран дисплея.— Пусто.

Тег дышал мелкими судорожными вздохами. Невыносимая мука! Она продолжала нарастать, несмотря на требование Инокессы.

— Я сказала: довольно! — обрубила Инокесса.

«Какая же искренность»,— подумал Тег. Он ощутил, как боль уменьшалась, уходя из него, словно каждый нерв удаляли из тела, вытаскивали прочь, нити вспоминаемой боли.

— То, что мы делаем — отвратительно,— сказала Инокесса.— Этот человек...

— Он такой же человек, как и любой другой,— возразил Яр.— Не следует ли мне установить особый контакт на его пенисе?

— Нет, пока я здесь! — заявила Инокесса.

Тег почувствовал, что почти купился на ее искренность. Последние нити агонии покинули его тело, и он лежал с таким ощущением, словно растекся на поверхности, его поддерживавшей. Чувство нереальности происходившего осталось. Он был сейчас и здесь, и не здесь. Он раньше и бывал здесь, и не бывал.

— Они не одобрят, если мы потерпим неудачу,— сказал Яр.— Ты готова предстать перед ними, потерпев еще одну неудачу?

Инокесса резко встряхнула головой. Она наклонилась так, чтобы ее лицо оказалось в поле зрения Тега между медузообразными переплетениями контактов Пробы.

— Башар, я жалею о том, что мы делаем. Верь мне. Это не моя затея. Умоляю тебя. Я полна отвращения. Скажи нам теперь то, что ты знаешь, и позволь мне утешить твою боль.

Тег улыбнулся ей. Она очень хороша! Он поднял взгляд на наблюдавшего чиновника.

— Передай от меня своим хозяевам: она прекрасно справляется.

Лицо чиновника покраснело от прихлынувшей крови. Он насупился угрюмо.

— Задай ему максимум, Яр,— заговор он обрывистым тенорком, не знавшим голосовой тренировки, столь явной у Инокессы.

— Пожалуйста! — сказала Инокесса. Она выпрямилась, но продолжала смотреть в глаза Тега.

Учителя Бене Джессерит учили Тега: «Следи за глазами! Следи, как изменяется их фокус. Когда фокус устремляется наружу, сознание уходит внутрь».

Он умышленно сосредоточился на ее носе. У нее не безобразное лицо. Весьма заметное. Он старался узнать, что за фигура может скрываться за такими бесформенными одеждами.

— Яр! — это голос чиновника.

Яр отрегулировал что-то на своем пульте управления и нажал кнопку. Агония, хлынувшая в тело Тега, доказала, что предыдущий уровень, конечно, был меньше. С этой новой болью пришла странная ясность. Тег почувствовал, что почти способен отстранить свое сознание от этого вторжения. Пытали кого-то другого. Он нашел спокойную гавань, где мало что его трогало. Вот есть боль. Даже мука.

Он принимал отчеты об этих ощущениях. Это, безусловно, частично воздействие шиэра. Он понимал это и был благодарен.

Вмешался голос Инокессы:

— По-моему, мы его теряем. Лучше облегчить страдания.

Ответил другой голос, но звук растаял в тишине, до того как Тег смог разобрать слова. Он обнаружил внезапно, что у него нет якоря, чтобы зацепить свое сознание. Безмолвие! Ему померещилось, что он слышит, как бешено колотится от страха его сердце. Бум-бум! Бум-бум! Было ощущение движения, но не было никакого звука. Он не мог определить что это за источник.

«Что со мной происходит?»

Сквозь тьму на оболочке его глаз заиграли великолепным сиянии слова: «Я очнулся на одну треть».

— Оставь на этом. Посмотрим, не сможем ли мы считать его через физические реакции.

— Может ли он еще нас слышать?

— Бессознательно.

Ни в одном руководстве Тега не говорилось, что Проба совершает свою дьявольскую работу при наличии шиэра. Но они называют это Т-Пробой. Возможно ли, чтобы телесные реакции давали ключ к подавленным мыслям? Существует ли такое, что можно выведать через снятие физиологических данных?

И вновь в уме перед глазами Тега заплясали слова: «Он до сих пор в отключке?»

— В полной.

— Убедись в этом. Погрузи его поглубже.

Тег постарался возвысить свое сознание над страхами.

«Я должен сохранять контроль над собой!»

Что может открыть его тело, если нет контакта с ним? Он не мог представить, что они делают, и его мозг зарегистрировал панику, но плоть этого не чувствовала.

«Изолировать подопытного. Погрузить в никуда, чтобы зарегистрировать его личность».

Кто сказал это? Кто-то. Ощущение «это было» вернулось с полной силой.

«Я — ментат,— напомнил он себе.— Мой центр — это мозг и его работа». Он обладал опытом и воспоминаниями, на которые центр способен прочно опереться.

Боль возвратилась. Звуки. Громкие! Слишком громкие!

— Он опять слышит,— это голос Яра.

— Как такое может быть? — спросил тенорок чиновника.

— Может быть, вы погрузили его слишком низко,— это голос Инокессы.

Тег постарался открыть глаза. Веки ему не повиновались. Тогда он припомнил. Они называли это Т-Пробой. Это не икшианское изобретение. Это что-то из Рассеяния. Он смог определить, где оно проникло в его мускулы и чувства. Похоже на то, будто посторонний человек внедряется в его плоть, завладевая преимущественным правом на свои собственные реакции. Он разрешил себе проследить за работой этого машинного вторжения. Чудовищное устройство! Оно могло приказать ему моргнуть, поперхнуться, пукнуть, облегчиться, помочиться — все, что угодно. Оно могло командовать его телом, словно его мышление в управлении им ничего не значило. Ему было отведена роль наблюдателя.

Его преследовали запахи — омерзительные запахи. Он не мог приказать себе нахмуриться, но думал о том, чтобы нахмуриться. Этого вполне хватало. Эти запахи источались Пробой. Они играли на его чувствах, изучали их.

— Ты достаточно получил, чтобы считать его? — вопросил тенорок чиновника.

— Он все еще нас слышит! — крикнул Яр.

— Черт возьми всех ментатов! — раздался голос Инокессы.

— Дит, Дат и Дот,— сказал Тег, припоминая марионеток из зимнего шоу его детства на давнем-предавнем Лернаусе.

— Он разговаривает! — снова прозвучал голос чиновника.

Яр возился с чем-то за пультом. Тег почувствовал, что его собственное сознание заблокировано машиной. Но неподвластная машине логика ментата напомнило ему существенно важное: эти трое всего лишь куклы. Только кукловоды важны. Движение кукол — дело рук кукловодов!

Проба продолжала вторжение в него. Но, несмотря на всю силу, задействованную в этом вторжении, Тег ощутил, что его сознание на равных борется с ней. Она его изучала, но и он тоже ее изучал.

Теперь он понял. Весь спектр его чувств мог быть скопирован в эту Т-Пробу и идентифицирован, разобран по косточкам, чтобы быть вызванным, когда нужно. Машина могла проследить органическую цепочку реакций, существовавшую внутри Тега, словно бы создавая его дубликат. Шиэр и его сопротивление ментата препятствовали вхождению в область воспоминаний, все остальное могло быть скопировано.

«Это не будет думать, как я»,— успокоил он себя.

Машина не будет тем же самым, что его нервы и плоть. У нее не будет воспоминаний Тега и жизненного опыта Тега. Она не будет рождена женщиной. Она никогда не совершала путешествия по каналу рождения и не вторгалась в сказочный космос.

Часть сознания Тега приложилась к вехам памяти, открывая ему кое-что о гхоле.

«Данкан был извлечен из акслольтного чана»,— эта мысль пришла к Тегу с внезапным резким вкусом кислоты на языке.

«Опять Т-Проба!»

Тег разрешил себе поплыть через множественные параллельные сознания. Он следил за работой Т-Пробы и продолжал развивать свои наблюдения за гхолой, все время прислушиваясь к действиям Дита, Дата и Дота. Три куклы были странно молчаливы. Да, ждут, пока их Т-Проба выполнит свою задачу.

Г х о л а: Данкан — это продукт развития клеток, которые были выношены женщиной, оплодотворенной мужчиной.

Машина и гхола!

Н а б л ю д е н и е: Машина не способна быть полноценной роженицей она способна лишь воспроизвести процесс и опыт родов отдаленно напоминающим способом, при котором теряются важные личностные нюансы.

Точно так, как она прямо сейчас упускает из виду подробности его жизни и сознания.

Т-Проба проигрывала запахи.

С каждым навязчивым запахом на Тега наваливались воспоминания. Он чувствовал огромную скорость Т-Пробы, но его собственное сознание жило отдельно от этого стремительно мчащегося вперед поиска. Оно было способно обволакивать его сетью призываемых в данный момент воспоминаний так долго, как ему было угодно.

«Вот оно!»

Горячий воск, которым он капнул себе на левую руку, когда ему было только четырнадцать лет и он был учеником школы Бене Джессерит. Он вспомнил школу и лабораторию, будто это было его единственным жизненным опытом на данный момент. Эта школа располагалась на Доме Соборов. Но, будучи допущенным туда, Тег узнал, что в его жилах течет кровь Сионы — ни один ясновидец не мог его выследить.

Он увидел лабораторию, почувствовал запах воска — сложную смесь искусственных эфиров и натурального пчелиного продукта тех пчел, которых содержали неудавшиеся Сестры и их помощницы. Он вернул память к моменту, когда наблюдал за пчелами и людьми в лаборатории и за их работой в яблоневых садах. Работа социальной структуры Бене Джессерит представлялась очень сложной, пока взгляд не различал за ней основополагающих посылов: еда, одежда, тепло, связь, обучение, защита от врагов (подраздел инстинкта самосохранения). Нужно было разглядеть методику приспособления Бене Джессерит, чтобы выяснить, как структуры Ордена работали на самосохранение целого. Они не производили потомства ради человечества в целом. Никакого безнадзорного расового вмешательства! Они производили потомство для того, чтобы расширить собственную власть, продолжал Бене Джессерит, рассматривая это в качестве достаточного вклада в служение человечеству. Может быть, так оно и было. Мотивация к воспроизведению потомства уходит вглубь, а Орден целостен.

Новый запах обрушился на него.

Он узнал запах мокрой шерсти своей одежды, когда вошел в командный пункт после битвы при Монсьярде. Запах наполнил его ноздри, забивая озон от приборов в отсеке, запах пота от находившихся там людей. Это — шерсть! Орден всегда находил немножко странным то, что

он предпочитал природные ткани и избегал синтетику, продукцию подневольных фабрик.

Не трогали его и песьи кресла.

«Я не люблю запахи угнетения в любой форме».

Эти три куклы — Дит, Дат и Дот,— сознают ли они, сколь они угнетены?

Логика ментата насмешливо хмыкнула. Разве шерстяные ткани — продукт не тех же подневольных фабрик?

Нет, это совсем другое.

Часть его доказывала обратное. Синтетика может храниться бесконечно долго. Нескончаемо она сохранялась в нуллентропных ларях харконненовского не-глоуба!

— И все равно, я выбираю шерсть и хлопок!

Пусть так оно и будет!

— Но как я пришел к такому предпочтению?

— Это предубеждение Атридесов. Ты унаследовал его.

Тег отмел запахи в сторону и сосредоточился на целостном движении навязчивой Пробы по телу. Скоро он обнаружил, что может предсказывать ее действия. Он обрел новый мускул. Он разрешил себе согнуть его, продолжая в то же время изучать вызываемые воспоминания ради ценных прозрений.

«Я сижу перед дверью моей матери из Лернаусе». Тег отстранил часть своего сознания, наблюдая за этой сценой, ему одиннадцать лет. Он разговаривает с маленькой послушницей Бене Джессерит, прибывшей с частью свиты какой-то важной особы. Эта послушница — совсем крохотная светло-рыжая девчушка с кукольным личиком. Вздернутый носик, серо-зеленые глаза. Важная особа — облаченная в черное Преподобная Мать, с внешностью действительно глубокой старухи — прошла туда, за эту дверь, вместе с матерью Тега. Послушница, зовут ее Карлана, старается опробовать свои незрелые способности на юном сыне этого дома.

Не успевает Карлана произнести и двадцати слов, как Майлс Тег распознает всю схему. Она пытается выудить из него информацию! Это один из первых уроков тонкого проникновения, которые преподала ему мать. Ведь могут быть, в конце концов, люди, которые начнут спрашивать маленького мальчика о хозяйстве Преподобной Матери, пытаясь таким образом приобрести информацию, годную к продаже. Всегда есть рынок для продажи данных о Преподобных Матерях.

Его мать объясняла ему: «Ты выносишь суждение о рас-

спрашивающем тебя и подстраиваешь свои реакции согласно его уязвимости».

Никакие объяснения не могли бы помочь полной Преподобной Матери, но против послушницы, особенно против такой!

Для Карланы он разыграл поддельный отпор. Карлана имела преувеличенное мнение о своей привлекательности. После долгих ухищрений и демонстрации ее силы, Тег позволил ей преодолеть сопротивление и выдал ей груду лжи. Повтори она эту ложь кому-нибудь важному, наподобие особы в черном за закрытой дверью — и ей бы не сдобровать.

Слова от Дита, Дата и Дота:

— По-моему, теперь он наш.

В этом голосе, пробудившем его от давних воспоминаний, Тег узнал голос Яра.

«Подстраивай свои реакции согласно уязвимостям».

Тег услышал эти слова, произносимые голосом его матери.

Куклы.

Кукловоды.

Теперь говорил чиновник:

— Спроси симуляцию, куда они дели гхолу.

Молчание, затем слабое жужжание.

— Я ничего не могу выжать,— послышался голос Яра.

Тег услышал их голоса с болезненной чувствительностью. Он заставил себя открыть глаза, несмотря на противоположные приказы Пробы.

— Смотрите! — крикнул Яр.

Три пары глаз воззрились на Тега. Как же медленно они движутся — Дит, Дат и Дот — их глаза моргают... моргают... по меньшей мере, минута между морганиями. Яр потянулся к чему-то на своем пульте управления. Его пальцам нужны будут недели, чтобы достичь цели. Тег рассмотрел путы на своих руках и ногах. Обыкновенные веревки! Используя время, он выкрутил пальцы, нащупывая узлы. Они ослабли, сначала медленно, затем разлетелись. Он добрался до ремней, удерживавших его на подвесных носилках. С этим легче — простые скользящие замки. Рука Яра даже и четверти пути не проделала к пульту управления.

Мигают... мигают... мигают...

В трех парах глаз отразилось слабое удивление.

Тег освободился от медузообразного переплетения контактов Пробы.

«Пок-пок-пок!» — слетели с него фиксаторы. Он подивился, заметив, как медленно начинала кровоточить тыльная сторона правой ладони, где он зацепился за контакты, смахивая их.

Проекция ментата: «Я двигаюсь с опасной скоростью».

Но теперь он уже покинул носилки. Чиновник медленно потянул руку к своему нагрудному карману, в котором что-то лежало. Ударом руки Тег перерубил ему горло. Чиновнику больше никогда не коснуться этого небольшого пистолетика, который он всегда носил с собой. Вытянутая рука Яра не проделала еще и трети пути к пульту управления. В его глазах застыло изумление. Тег засомневался, заметил ли этот человек руку, которая сейчас сломала его шею. Инокесса передвигалась чуть быстрее: левая нога поднялась вперед, когда Тег опередил ее всего лишь на миг. Все равно слишком медленно! Голова Инокессы откинулась назад, обнажая горло для рубящего удара ребра ладони Тега.

Как же медленно все они падали на пол! Тег осознал, что весь покрылся испариной, но у него — ни секунды времени, чтобы беспокоиться об этом.

«Я знал каждое движение, которое они сделают, до того, как они действительно его совершили! Что со мной произошло?»

Проекция ментата: «Агония Пробы вознесла меня на новый уровень способностей».

Он понял, насколько истощена его энергия, потому что его начал мучить странный голод. Медленное возвращение к нормальному измерению времени, отогнало эти чувства. Три тупых хлопка — тела, наконец, упали на пол.

Тег посмотрел на пульт управления. Явно не икшианский. Однако сходная система. Он закоротил систему накопления данных и все стер.

«Освещение»?

Управление за дверью снаружи. Он выключил свет, сделал три глубоких вдоха. Неистовый вихрь движения выбросил его в ночь. Доставившие его сюда, облаченные в свои широченные балахоны, защищавшие их от зимнего холода, только успели обернуться на странный звук, как неожиданный вихрь смел их.

На этот раз Тег скорее вернулся в нормальное течение времени. В звездном свете он увидел дорогу, идущую вниз

по склону через густой кустарник. Он скользнул туда, оскальзываясь на снегу, смешанном с горелой грязью, ища местечко, чтобы не разъезжались ноги, и с интересом отметил, что предвидит все изменения ландшафта, что заранее знает, куда сделать каждый шаг. Вскоре он оказался на открытом пространстве и посмотрел на долину.

Огни города и огромный черный прямоугольник здания в центре города. Он узнал это место — Ясай. Кукловоды там.

«Я свободен!»

Жил кто-то, каждый день сидевший и смотревший на узкое вертикальное отверстие, где недоставало доски в высоком деревянном заборе. Каждый день мимо узкого отверстия проходил дикий осел пустыни — сначала нос, потом голова, затем передние ноги, далее длинная коричневая спина, задние ноги и, наконец, хвост. Однажды этот кто-то вскочил, свет открытия зажегся в его глазах, и закричал всем, кто мог его услышать: «Это же ясно! Следствием носа является хвост!»

Притчи Потаенной Мудрости, из Устной Истории Ракиса

Несколько раз со времени прибытия Одрейд на Ракис ее заполняло воспоминание о древнем живописном полотне, занимавшем такое видное место на стене покоев Таразы на Доме Соборов. Когда приходило это воспоминание, она чувствовала, как хочется взяться за кисть. Ее ноздри жадно вдыхали соблазнительные запахи масел и красок. Ее чувства обрушивались на холст. Каждый раз Одрейд пробуждалась от этого воспоминания с новыми подозрениями: является ли Шиана ее холстом?

«Кто из нас рисует другую?»

Сегодня утром это случилось вновь. Снаружи, за стенами помещения в Ракианском Оплоте, которое она занимала вместе с Шианой, все еще было темно; неслышно вошла послушница, чтобы разбудить Одрейд и сообщить ей, что скоро прибудет Тараза. Одрейд посмотрела на мягко освещенное лицо темноволосой послушницы, и молнией вспыхнуло в ее сознании воспоминание о картине.

«Кто из нас действительно создает другую?»

— Пусть Шиана еще чуть-чуть поспит,— сказала Одрейд перед тем, как отпустить послушницу.

— Подать вам завтрак до прибытия Верховной Матери? — спросила послушница.

— Нет, мы дождемся, пока Тараза не окажет нам удовольствие к нам присоединиться.

Поднявшись, Одрейд совершила быстрый туалет и оделась в свое лучшее черное облачение. Затем она прошла к восточному окну общей комнаты своих роскошных апартаментов и посмотрела на космическое посадочное поле. Множество движущихся огней, казалось, сверкали на темном небе. Она активизировала все глоуглобы в комнате, чтобы вид за окном смотрелся поприглушенней. Глоуглобы отразились золотыми звездами на толстой пуленепробиваемой плазе окон. Сумрачная поверхность отражала и темные очертания ее лица, ясно видела морщины усталости.

«Я знала, что она приедет»,— подумала Одрейд.

Только она подумала, как над подернутым пылью горизонтом взошло ракианское солнце: как детский оранжевый мячик, брошенный вверх. И сразу же обрушилась жара, которую отмечали все ракианские наблюдатели. Одрейд отвернулась от окна и увидела, как открывается дверь холла.

Шелестя одеждами вошла Тараза. Чья-то рука закрыла дверь позади нее, оставив их наедине. Верховная Мать направилась к Одрейд, черный капюшон был накинут, окаймляя лицо. Вид совсем не безмятежный.

Заметив тревогу Одрейд, Тараза сыграла на этом.

— Что ж, Дар, по-моему, мы, наконец, встречаемся как чужие.

Одрейд потрясло, как на нее подействовали слова Таразы. Она верно истолковала их как угрозу, но страх оставил ее, вышел как вода, вытекающая из кувшина. Впервые в своей жизни Одрейд точно определила момент, через который прошла разделившая их линия. Это была линия, о существовании которой, по ее представлению, познали очень немногие из Сестер. Перейдя ее, она поняла, что всегда ей было известно ее местонахождение: место, где можно ступить в пустоту и свободно парить. Перейдя эту линию, Одрейд потеряла уязвимость. Ее можно убить, но нанести ей поражение уже нельзя.

— Значит, больше нет Дар и Тар,— заключила Одрейд.

Тараза, услышав четкий и раскрепощенный тон Одрейд, истолковала его как самоуверенность.

— Может быть, никогда и не было Дар и Тар,— ледяным голосом сказала она.— Как вижу, ты считаешь, что вела себя до сих пор чрезвычайно умно.

«Силы сошлись в битве,— думала Одрейд.— Но я не буду занимать позицию прямо на пути ее удара».

Одрейд сказала:

— Альтернативы союзу с Тлейлаксом были неприемлемы. особенно, когда я поняла, к чему ты, в самом деле, стремишься.

Тараза почувствовала внезапную усталость. Это все-таки было слишком: путешествие долгое, несмотря на прыжки ее не-корабля сквозь космические подпространства. Тело всегда знало, когда его выбивают из привычных ритмов. Она выбрала мягкий диванчик и уселась, вздохнув от удобства этой роскоши.

Одрейд обратила внимание на усталость Верховной Матери и ощутила немедленное сочувствие. Они вдруг стали двумя Преподобными Матерями с общими Проблемами.

Тараза это тоже почувствовала. Она похлопала по подушке рядом с собой и подождала, пока Одрейд присела.

— Мы должны сохранить Орден,— сказала Тараза.— Вот это — единственно важно.

— Конечно.

Тараза задержала изучающий взгляд на знакомых чертах Одрейд.

«Да, Одрейд также утомлена».

— Ты все это время провела здесь, тесно соприкасаясь с людьми и с Проблемами,— сказала Тараза.— Я хочу... нет, Дар, я нуждаюсь в твоих взглядах.

— Тлейлаксанцы внешне целиком готовы к сотрудничеству,— промолвила Одрейд,— но есть в этом лицемерие. У меня возникло несколько тревожных вопросов.

— Например?

— Что если акслольтные чаны вовсе не... чаны?

— Что ты имеешь в виду?

— Вафф ведет себя так, как случается, когда семья старается скрыть ребенка-урода или сумасшедшего дядюшку. Клянусь тебе, он смущается, когда мы затрагиваем тему чанов.

— Но что они только могут...

— Суррогатные матери.

— Но они должны были бы быть...— Тараза замолчала, потрясенная возможностями, которые открывало подобное решение вопроса.

— Кто когда-нибудь видел тлейлаксанскую женщину? — спросила Одрейд.

Ум Таразы заполнили возражения... «Но точный химический контроль, необходимость ограниченных вариаций...» Она откинула свой капюшон и встряхнула волосами, освобождая их.

— Ты во всем права: мы должны докопаться до всего. Хотя, однако же... это ужасно.

— И он до сих пор не говорит полной правды о нашем гхоле.

— А что он говорит?

— Не более того, что я уже докладывала: вариация исходного Данкана Айдахо соответствует всем запросам прана-бинду, которые мы оговаривали.

— Это не объясняет, почему они убили или хотели убить наши предыдущие приобретения.

— Он клянется святой клятвой Великой Веры, что они так действовали из стыда, потому что одиннадцать предыдущих гхол не соответствовали требованиям.

— Откуда они могли знать? Намекает ли он, что у них есть шпионы среди...

— Он клянется, что нет. Я обвинила его в этом, и он ответил, что соответствующий требованиям гхола на сто процентов породил бы среди нас заметное смятение.

— Что за «заметное смятение»? Что он...

— Он не скажет. Он каждый раз возвращается к заявлению, что они в точности выполнили свои контрактные обязательства. Где этот гхола, Тар?

— Что... да. На Гамму.

— До меня дошли слухи.

— Бурзмали полностью овладел ситуацией,— Тараза плотно поджала губы, надеясь, что это правда. Самые последние сообщения не давали такой уверенности.

— Вы, наверняка, обсуждали, не следует ли убить гхолу,— сказала Одрейд.

— И не только это!

Одрейд улыбнулась.

— Значит, это правда, что Беллонда стремится, чтобы одновременно устранили и меня.

— Откуда тебе...

— Дружба может быть по временам очень дорогим приобретением, Тар.

— Ты идешь по опасной почве, Преподобная Мать Одрейд.

— Но не спотыкаюсь на ней, Преподобная Мать Тараза. Меня неотступно одолевают тяжелые мысли о том, что открыл мне Вафф об этих Преподобных Черницах.

— Поделись со мной своими мыслями,— непримиримая решимость слышалась в голосе Таразы.

— Давай не будем заблуждаться,— сказала Одрейд.— Они превзошли сексуальное мастерство наших Геноносительниц.

— Развратницы!

— Да, они используют свое мастерство таким образом, который в итоге явится роковым для них самих и для других. Они ослеплены своей силой.

— Это все, о чем ты долго и тяжко размышляла?

— Скажи мне, Тар, почему они напали на наш Оплот на Гамму и стерли его с лица земли?

— Вероятно, они охотились за гхолой Айдахо, хотели захватить его в плен или убить.

— С чего бы ему быть для них таким необходимым?

— Что ты мне стараешься сказать? — вопросила Тараза.

— Не могли ли развратницы действовать, исходя из открытого им тлейлаксанцами? Тар, а вдруг секретная программа, введенная народом Ваффа в нашего гхолу — это нечто делающее гхолу мужским эквивалентом Преподобных Черниц?

Тараза подняла руку ко рту и быстро ее уронила, когда поняла, что слишком много выдает этим жестом. Слишком поздно. Неважно. Они все равно остаются двумя Преподобными Матерями, действующими заодно.

Одрейд сказала:

— А мы приказали Луцилле сделать его неотразимым для большинства женщин.

— Как долго Тлейлакс ведет дела с этими развратницами? — осведомилась Тараза.

Одрейд пожала плечами.

— Лучше задать вопрос так: как долго они имеют дело с их собственными Затерянными, возвращающимися из Рассеяния? Тлейлаксанец разговаривает с тлейлаксанцем, при этом многое тайное может стать явным.

— Чудесное предположение с твоей стороны,— ска-

зала Тараза.— И чем оно, по-твоему, может быть ценно на практике?

— Ты знаешь это не хуже меня. Это объясняет многое.

Тараза заговорила с резкой горечью.

— И что ты теперь думаешь о нашем союзе с Тлейлаксом?

— Он еще более необходим, чем раньше. Нам нужно быть с внутренней стороны. Мы должны быть там, где сможем влиять на участников открытой борьбы.

— Богомерзость! — обрубила Тараза.

— Что?

— Этот гхола будто записывающее устройство в человеческом облике. Они подсадили его внутрь нашего Ордена. Если Тлейлакс наложит на него свои руки, то узнает многое о нас.

— Это было бы крайне неприятно.

— И весьма типично для них.

— Я согласна, что есть и другие подводные камни в нашей ситуации,— сказала Одрейд.— Но все эти доводы лишь говорят, что мы не сможем убить гхолу до тех пор, пока сами его не изучим.

— Это может оказаться очень поздно! Черт возьми твой союз, Дар! Ты предоставила им возможность ухватить нас... и дала нам возможность ухватиться за них — и никто из нас не решается разжать хватку.

— Разве это не идеальный союз?

Тараза вздохнула.

— Как скоро мы должны предоставить им доступ к нашим книгам племенного учета?

— Скоро. Очень скоро. Вафф подгоняет дело.

— Тогда, мы увидим их акслольтные... чаны?

— Это разумеется, тот рычаг, который я и использую. Он нехотя дал свое согласие.

— Все глубже и глубже в карманы друг друга,— проворчала Тараза.

Тоном полной невинности Одрейд заговорила:

— Идеальный союз, именно как я и сказала.

— Проклятие, проклятие, проклятие,— пробормотала Тараза.— А Тег разбудил исходную память гхолы!

— Но разве Луцилла...

— Я не знаю! — Тараза повернула к Одрейд угрюмое лицо и пересказала ей самые последние сообщения с Гамму: Тега и его отряд засекли, самые краткие сообщения

о них, но ничего насчет Луциллы, составляются планы, чтобы вызволить их оттуда.

При этом пересказе Тараза ощутила, как в голове ее возникает неприглядная картина. Что же такое этот гхола? Они всегда знали: Данканы Айдахо — это необыкновенные гхолы. Но сейчас с увеличенными способностями нервов и мускулов да плюс неизвестное, запрограммированное в него Тлейлаксом,— и он превращается в дубинку, которую держишь в руке, потому что знаешь, что она очень даже может понадобиться для сохранения жизни, но пламя при этом бежит к твоей плоти на ужасающей скорости.

Одрейд задумчиво проговорила:

— Старалась ли ты когда-нибудь вообразить, что это такое — быть гхолой, внезапно пробужденным в обновленной плоти?

— Что? Что ты...

— Осознавать, что твоя плоть выращена из клеток кадавра,— объяснила Одрейд.— Он ведь помнит свою собственную смерть.

— Айдахо никогда не были обыкновенными людьми,— сказала Тараза.

— Так же, как и тлейлаксанские Господины.

— Что ты пытаешься сказать?

Одрейд потерла лоб, выдав момент, чтобы пересмотреть свои мысли. Так трудно иметь дело с отвергающей привязанность, с той, чей взгляд на мир диктуется скрытой неугасимой яростью. В Таразе нет... нет отзывчивости, способности сочувствовать: она способна только выразить плоть и ощущения другого через логические построения.

— Пробуждение гхолы — это, должно быть, смертельное для него переживание,— сказала Одрейд, опуская руку.— Устоять в нем может только обладающий гигантской устойчивостью.

— Мы предполагаем, что тлейлаксанские Господины — это нечто большее, чем они представляются.

— А Данканы Айдахо?

— Конечно. С чего бы еще Тирану покупать их у тлейлаксанцев одного за другим?

Это направление спора представлялось Одрейд не имеющим цели. Она сказала:

— Айдахо были известны преданностью Атридесам, и мы должны помнить, что я — Атридес.

— По-твоему, верность привяжет этого гхолу к тебе?

— Особенно после Луциллы...

— Это может быть слишком опасным!

Одрейд откинулась на угол дивана, Тараза жаждала определенности. Жизни серийных гхол — это как меланж, обладавший разным вкусом в разных условиях. Откуда они могут быть уверены в своем гхоле?

— Тлейлаксанцы путаются с теми силами, которые произвели нашего Квизаца Хадераха,— пробормотала Тараза.

— По-твоему, именно поэтому они и требуют наши книги племенного учета?

— Да не знаю я, Дар, черт тебя возьми! Разве ты не видишь, что ты наделала?

— По-моему, у меня не было выбора,— сказала Одрейд.

Тараза изобразила холодную улыбку. Одрейд играла превосходно, но ее следовало поставить на место.

— По-твоему, я бы сделала то же самое? — спросила Тараза.

«Она так до сих пор и не видит, что со мной произошло»,— подумала Одрейд. Тараза конечно ожидала, что чуткая к ее тайным пожеланиям Дар станет действовать независимо, но размах этой независимости потряс Верховный Совет. Тараза отказывалась замечать, как она сама к этому приложила руку.

— Практика, основанная на обычае,— заметила Одрейд.

Эти слова изумили Таразу, словно пощечина. Только крепкая закалка Бене Джессерит удержала ее от яростного выговора Одрейд.

ПРАКТИКА, ОСНОВАННАЯ НА ОБЫЧАЕ!

Сколько раз сама Тараза находила в этом источник своего раздражения, своей тщательно сдерживаемой ярости? Одрейд часто это слышала.

А теперь Одрейд процитировала саму Верховную Мать:

— Неподвижный обычай опасен. Враг может докопаться до модели и обратить это против тебя.

Тараза произнесла с усилием:

— Это слабость, да.

Наши враги думали, что имеют представление о наших обычаях,— сказала Одрейд.— Даже ты, Верховная Мать, считала, будто знаешь те пределы, внутри которых я буду действовать. Я казалась тебе Беллондой, все слова и поступки которой тебе известны заранее.

— Так что мы допустили ошибку, не поставив тебя

надо мной? — спросила Тараза. Она проговорила это с глубокой верностью долгу.

— Нет, Верховная Мать. Мы идем по деликатной тропинке, но нам обеим видно, куда мы должны идти.

— Где сейчас Вафф? — спросила Тараза.

— Надежно охраняется и спит.

— Призови Шиану. Нам нужно решить, не оборвать ли эту часть проекта.

— И чтобы нам бока намяли?

— Скажем так, Дар.

Шиана все еще была сонной и терла глаза, когда вошла в общую комнату, но все же успела плеснуть водой на лицо и одеться в чистое белое облачение. Волосы ее все еще были влажными.

Тараза и Одрейд стояли у восточного окна, повернувшись спинами к свету.

— Это Шиана, Верховная Мать,— сказала Одрейд.

Шиана наконец пробудилась и напряженно выпрямилась. Она слышала об этой могущественной женщине — Таразе,— которая правит Орденом из далекой цитадели, называемой Дом Соборов. Яркий солнечный свет, лившийся из окна, ослепляя, светил прямо в лицо Шиане. На его фоне фигуры Преподобных Матерей, стоявших спиной к окну, угадывались черными силуэтами с подрагивавшим контуром и едва различимыми лицами.

Наставницы-послушницы подготовили ее к этой встрече: «Ты будешь стоять со вниманием перед Верховной Матерью, говорить почтительно. Отвечай, только когда она тебя спросит».

Шиана стояла в напряженном внимании, точно так, как ее учили.

— Как мне сообщили, ты, возможно, станешь одной из нас,— сказала Тараза.

Обе женщины заметили эффект, который произвели этими словами на девочку. Теперь, когда Шиана стала более полно понимать достижения Преподобных Матерей, могущественный луч правды сфокусировался на ней. Она обратилась к огромному количеству знаний, которые Орден накопил за тысячелетия. Ей уже рассказали о селекционной передаче Памятей, о том, как работает Иная Память, о Спайсовой Агонии. И сейчас она стояла перед самой могущественной из всех Преподобных Матерей, той, от которой ничто не может укрыться.

Когда Шиана не ответила, Тараза спросила:

— Тебе нечего сказать, девочка?

— Что мне тут говорить, Верховная Мать? Вы уже все сказали.

Тараза кинула на Одрейд изучающий взгляд.

— У тебя есть еще для меня маленькие сюрпризы, Дар?

— Я же говорила тебе, что она превосходна,— ответила Одрейд.

Тараза вновь перенесла свое внимание на Шиану.

— Ты гордишься этим мнением, девочка?

— Оно меня страшит, Верховная Мать.

Все еще стоя неподвижно, насколько это возможно, Шиана вздохнула чуть посвободнее. «Говори только самую правду, которую ты можешь ощутить»,— напомнила она себе. Эти предостерегающие слова воспитательницы несли теперь большее значение. Она смотрела слегка в сторону глазами, устремленными в пол, перед двумя женщинами, избегая смотреть на самое яркое полыхание солнечного света. Она продолжала ощущать, что ее сердце колотится слишком быстро, и понимала, что Преподобные Матери это заметят. Одрейд много раз это показывала.

— Так тому и следует быть,— сказала Тараза.

— Ты понимаешь, о чем здесь с тобой говорится, Шиана? — спросила Одрейд.

— Верховная Мать хочет знать, полностью ли я посвящена Ордену,— сказала Шиана.

Одрейд взглянула на Тразу и пожала плечами. Больше объяснений не требовалось. Так складывался обычный путь, когда становишься частью одной семьи, как это принято в Бене Джессерит.

Тараза все еще безмолвно изучала Шиану. Взгляд ее был тяжелым, выматывающим для Шианы, знавшей, что должна хранить молчание, беспрекословно терпя опаляющий осмотр.

Одрейд подавила ощущение сочувствия. Шиана так во многом остается самой собой — юной девушкой. Поверхность охвата ее интеллекта все расширяется — как раздувается накачиваемый воздушный шарик. Одрейд припомнила, как восхищались таким же строением ума ее учителя,— но оставались при этом настороже, точно так же, как теперь насторожена Тараза. Одрейд раскусила настороженность, когда была еще намного моложе Шианы и не испытывала сомнений, что и Шиана сейчас видит. У интеллекта есть свои преимущества.

— Хм,— вымолвила Тараза.

Это короткое хмыканье, отражавшее раздумья Верховной Матери, Одрейд расслышала в параллельном потоке. Собственная память Одрейд отхлынула назад. Сестры, которые приносили Одрейд ее еду, когда она долго засиживалась за уроками, всегда задерживались, чтобы своим бенеджессеритским глазом еще чуть-чуть за ней понаблюдать — точно так, как за Шианой велось непрестанное наблюдение через дисплеи. Одрейд знала об этом особом, специфически развитом взгляде с самого раннего возраста. Это было, в конце концов, одним из величайших соблазнов Бене Джессерит. Хочешь тоже достичь таких эзотерических способностей — старайся. Шиана явно обладала такой жаждой, мечтой каждой послушницы.

«Чтобы стало возможным и для меня!»

Наконец Тараза вопросила:

— Так чего, по-твоему, ты от нас хочешь, девочка?

— Того же самого, верно, чего хотелось вам, когда были в моем возрасте, Верховная Мать.

Одрейд скрыла улыбку. Природная независимость Шианы здесь проявилась почти дерзостью, и Тараза, наверняка, это заметила.

— Ты считаешь, что это будет надлежащим использованием дара жизни? — спросила Тараза.

— Это единственное использование, которое я знаю, Верховная Мать.

— Я высоко ценю твою искренность, но советую тебе остеречься, хочу, чтобы ты была осторожна в этом использовании,— сказала Тараза.

— Да, Верховная Мать.

— Ты уже много нам должна, и будешь должна еще больше,— сказала Тараза.— Помни об этом. Наши дары не достаются дешево.

«Шиана даже самого смутного понятия не имеет о том, чем она должна заплатить за ваши дары»,— думала Одрейд.

Орден никогда не дозволял вступившем в него забывать, каков их долг, который они обязаны воздать сторицей. Любовью здесь не расплатишься. Любовь опасна — и Шиану уже учат этому. Дар жизни? Дрожь пробежала по Одрейд, и она чуть откашлялась, чтобы ее унять.

«Жива ли я? Может быть, когда меня увезли от мамы Сибии, я умерла. Я была живой тогда, в том доме, но жила ли я после того, как Орден меня забрал?»

Тараза сказала:

— Теперь ты можешь нас покинуть, Шиана.

Шиана повернулась на одной ноге и покинула комнату, но раньше, чем Одрейд успела заметить улыбку на юном личике. Шиана поняла, что она выдержала экзамен Верховной Матери.

Когда дверь за Шианой закрылась, Тараза сказала:

— Ты упоминала ее природное дарование владеть Голосом. Я это, конечно, слышала. Прекрасно.

— Она крепко держит это в узде,— сказала Одрейд.— Она усвоила, что на нас этого пробовать нельзя.

— И что нам здесь светит, Дар?

— Может статься, получим однажды Верховную Мать необыкновенных способностей.

— Не слишком ли необыкновенных?

— Будущее наверняка покажет.

— Как, по-твоему, она способна убить ради нас?

Одрейд не скрыла своего потрясения.

— Уже теперь?

— Да, конечно.

— Гхолу?

— Тег ведь не выполнит этого,— сказала Тараза.— Даже насчет Луциллы сомневаюсь. По их отчетам хорошо видно, что гхола способен накладывать могущественные узы... внутреннего сродства.

— Даже на таких, как я?

— Даже сама Шванги оказалась не совсем крепкой для него.

— Какая же благородная цель в подобном поступке? — спросила Одрейд.— Разве не об этом предостережение Тирана...

— Разве он сам не убивал множество раз?

— И расплачивался за это.

— Мы платим за все, что забираем, Дар.

— Даже за жизнь?

— Никогда, ни на секунду не забывай, Дар, что Верховная Мать способна принять любое нужное решение ради выживания Ордена!

— Значит, так и быть,— заключила Одрейд.— Забирай то, что хочешь, и плати за это.

Ответила Одрейд как положено, но этот ответ увеличил в ней ощущение ее новой силы — свободы поступать по-своему в новом мироздании. Откуда же взялась такая неподатливость? Было ли в этом что-то из жестокой подго-

товки Бене Джессерит? Было ли это от ее предков, Атридесов? Она не стремилась обманываться: нет, ее новое состояние не от решения следовать в вопросах морали лишь собственному руководству. Ощущаемая ею сейчас внутренняя устойчивость — точка опоры ее нового места в мире — напрямую не связана. Не было и бравады. Одной лишь морали и бравады недостаточно.

— Ты очень похожа на своего отца,— сказала Тараза.— Обычно, наибольшая доблесть закладывается с женской стороны, но на сей раз, я считаю, она передалась от отца.

— Доблесть Майлса Тега поражает, но, по-моему, ты слишком упрощаешь,— сказала Одрейд.

— Может быть и упрощаю. Но я всегда бывала права насчет тебя, Дар, с тех еще пор, когда мы считались начинающими ученицами.

«Она знает!» — подумала Одрейд.

— Нам нет нужды объяснять это,— сказала Одрейд. И подумала: «Это происходит от того, что я родилась такой, какая я есть, и натренирована и подготовлена так, какая я есть... так, как мы обе были: Дар и Тар».

— Есть кое-что в линии Атридесов, что мы не до конца проанализировали,— проговорила Тараза.

— Не генетические случайности?

— Я гадаю порой, бывала ли хоть одна случайность со времен Тирана в самом деле случайной,— сказала Тараза.

— По-твоему, он в своей Твердыне вытянул шею аж настолько, что прозрел через все эти тысячелетия вплоть до сей секунды?

— Насколько далеко назад ты можешь проследить свои корни? — спросила Тараза.

Одрейд проговорила:

— Что в самом деле происходит, когда Верховная Мать приказывает Разрешающим Скрещивание: «Возьмите эту и скрестите ее вон с тем?»

Тараза изобразила на лице холодную улыбку.

Одрейд вдруг ощутила себя на гребне волны, осознание того, что на нее нахлынуло, вознесло ее в новое царство. «Тараза хочет моего бунта! Она хочет, чтобы я была ее оппонентом!»

— Желаешь ты теперь увидеть Ваффа? — спросила Одрейд.

— Я хотела бы узнать, какую ты даешь ему оценку.

— Он рассматривает нас как бесподобный инструмент

для сотворения «тлейлаксанского господства». Мы — дар Божий для его народа.

— Они очень долго этого ждали,— сказала Тараза.— Так усердно лицемерить, все эти эпохи!

— У них наш взгляд на время,— согласилась Одрейд.— Это оказалось последней точкой для убеждения, что мы тоже исповедуем Великую Веру.

— Тогда откуда же несуразность? — вопросила Тараза.— Они совсем не глупы.

— Это отвлекало наше внимание от настоящего процесса производства гхол,— сказала Одрейд.— Кто бы мог поверить, что глупый народ способен на такое?

— И что они создали? — спросила Тараза.— Только образ греховной глупости?

— Достаточно долго изображай глупца, и ты им станешь,— сказала Одрейд.— Усовершенствуй мимикрию своих Лицевых Танцоров — и...

— Что бы ни происходило, мы должны покарать их,— сказала Тараза.— Я ясно это вижу. Приведи его сюда.

Пока они ждали после распоряжений Одрейд Тараза сказала:

— Гхола стал сильно опережать составленную для него программу образования еще до того, как они бежали из Оплота Гамму. Он на лету схватывал, усваивая все на несколько уроков вперед, не успевали его учителя рта раскрыть, и делал это на возрастающей скорости. Кто знает, чем он стал к данному моменту?

У историков огромная власть, и некоторые из них ее понимают. Они вновь творят прошлое, меняя его так, чтобы оно соответствовало нашим интерпретациям. Поэтому они не меньше изменяют и будущее.

Лито II, Его Голос из Дар-эс-Балата

Данкан шел за своим проводником в свете зари на убийственной скорости. Проводник, возможно, и выглядел стариком, но был прыгуч, как газель, не подвержен усталости.

Всего лишь несколько минут назад они сняли очки ночного видения. Данкан был рад от них отделаться. Все вне пределов досягаемости очков представлялось полной чер-

нотой в тусклом звездном свете, просачивавшемся через тяжелые ветви. Вне пределов охвата очков не существовало мира перед ним. Вид с обеих сторон подергивался и пролетал мимо: то кучка желтых кустов, то два дерева с серебристой корой, то каменная стена с прорубленными в ней и охраняемыми помаргивающей голубизной сжигающего поля пластальными воротцами, то изогнутый мостик, вытесанный из цельной скалы, весь зеленый и черный под ногами. Все там из полированного белого камня. Все конструкции представлялись очень старыми и дорогими, и содержание их стоило, без сомнения, недешево, поскольку требовало ручного труда.

Данкан понятия не имел, где находится. Ничто из ландшафта не откликалось на его воспоминания о давно прошедших днях Гиди Прайм.

С зарей они увидели, что продвигаются по укрытой деревьями звериной тропе вверх по холму. Склон стал крутым. Тут и там сквозь просветы между деревьями с левой стороны виднелась долина. Нависший туман стоял, охраняя небо, оглаживая расстояния, охватывая их со всех сторон пока, они карабкались. Мир становился все меньше и меньше, лишаясь связи с большим мирозданием.

Во время короткой остановки, но не для отдыха, а для того чтобы прислушаться к лесу вокруг них, Данкан оглядел эти укрытые туманом места. Он ощущал себя выдернутым из своего мира, из того мироздания, где были небо и яркие черты, привязывавшие один мир к другим планетам.

Его маскировка была проста: тлейлаксанские одеяния для холодной погоды и подкладки под щеки, чтобы его лицо выглядело покруглей. Его кудрявые черные волосы выпрямили с помощью горячей химической развивки. Затем волосы выбелили до пшенично-рыжеватых и скрыли под темной шапочкой. Все волосы на его гениталиях были выбриты. Он еле-еле узнал себя в зеркале, когда ему это зеркало подали.

«Грязный тлейлаксанец!»

Искусницей, осуществившей это превращение, была старуха с поблескивавшими серо-зелеными глазами.

— Теперь ты — тлейлаксанский Господин,— проговорила она.— Тебя зовут Воолс. Проводник доведет тебя до следующего места. При встрече с незнакомыми обращайся с проводником, как с Лицевым Танцором. Во всех других случаях — делай то, что он прикажет.

Его вывели из катакомб по петляющему проходу, стены

и потолок которого были густо покрыты мускусной зеленой алгаей. В освещенной звездами тьме, его вытолкнули из прохода в морозную ночь в руки невидимого мужчины — приземистой фигуры в стеганой одежде.

Голос сзади Данкана зашептал:

— Вот он, Амбиторм. Доставь его.

Проводник ответил с гортанным выговором:

— Следуй за мной.

Он пристегнул ведущий поводок к поясу Данкана, надел очки ночного ви́дения и отвернулся. Данкан ощутил натяжение поводка, когда они двинулись.

Данкан понял, зачем поводок. Не для того, чтобы держать его вблизи. Он вполне различал Амбиторма сквозь очки ночного видения. Нет, он предназначался для того, чтобы при опасности мигом бросить Данкана наземь. Нет нужды отдавать приказ.

Долгое время они пробирались через небольшие замершие водные потоки, равнины. Свет ранних лун Гамму регулярно проникал сквозь укрывавшие их леса. Они выбрались, наконец, на невысокий холм, откуда открывался вид на заброшенную, поросшую кустарником землю, всю серебряную в лунном свете от снежного покрова. Они вошли в эту кустарниковую поросль. Кустарники, хоть и вдвое выше роста проводника, так грузно изгибались над звериными тропами, что образовывали проходы только чуть больше тоннеля, из которого они начали свое путешествие. Здесь было теплей, тепло исходило от груд компоста. Почти никакой свет не доходил до земли, губчатовязкой из-за сгнившей растительности. Данкан вдыхал грибковые запахи разлагающейся растительной жизни. Очки ночного видения показывали ему казавшееся бесконечным повторение толстых густых зарослей по двум сторонам. Проводок, присоединявший его к Амбиторму, был напряженной хваткой чуждого мира.

Амбиторм отверг все попытки разговорить его. Он произнес «да», когда Данкан спросил, правильно ли он запомнил его имя, потом: «Не разговаривай».

Вся эта ночь была для Данкана одним беспокойным путешествием.

Ему не нравилось, что собственные мысли отбрасываю его назад. Особенно навязчивы были воспоминания о Гиди Прайм. Это место не имело ничего общего с тем, что он помнил по его настоящей юности. Он гадал, откуда Амбиторм знает дорогу через эту местность и как он ее помнит.

Данкану одна звериная тропа казалась ничем не отличающейся от другой. Они двигались мерным подпрыгивающим шагом, и у Данкана было достаточно времени на отвлеченные раздумья.

«Можно ли разрешить Ордену использовать меня? Что я им должен?»

Еще он подумал о Теге, о доблестном поступке башара, позволившем ему и Луцилле ускользнуть.

«Для Пола и Джессики я сделал то же самое».

Это связывало его с Тегом, и в Данкане проснулась печаль. Тег был верен Ордену. «Купил ли он мою верность этим своим последним мужественным поступком? Черт возьми Атридесов!»

За эту ночь физической активности Данкан еще больше освоился со своей новой плотью. Какое же молодое у него тело! Небольшой крен памяти — и ему ясно представился последний миг его первоначальной жизни: ощущение сардукарского клинка, обрушивавшегося ему на голову — ослепительный взрыв боли и света. Твердое знание, что он умер, а потом... ничего, вплоть до момента, когда он увидел перед собой Тега в не-глоубе Харконненов.

Дар еще одной жизни. Это большее, чем дар, или нечто меньшее? Атридесы требуют от него еще одной платы.

Перед самой зарей Амбиторм повел его прерывистым бегом через узкий поток, ледяной холод которого проходил сквозь водонепроницаемые, наглухо закрытые ботинки тлейлаксанских облачений Данкана. В течении реки отражалось затененное кустарниками серебро света предутренней луны, висящего над ними.

Дневной свет застал их на звериной тропе побольше, которая была прикрыта деревьями и взбиралась по крутому холму. Это проход привел их к узкому скальному выступу под гребнем заостренных валунов. Амбиторм вел его за укрытием мертвых коричневых кустарников, на верхушках которых лежал грязный снег. Он отстегнул поводок от пояса Данкана. Прямо перед ними была неглубокая расселинка в скалах, похожая на пещеру, Данкан увидел, что в ней можно хоть как-то укрыться, если только из-за кустарников на них не обрушится очень сильный ветер.

В глубине этого подобия пещеры снега не было.

Амбиторм отошел в глубь расселинки, осторожно снял слой ледяной грязи и несколько камней, за которыми

открылось маленькое углубление. Вытащив оттуда круглый черный предмет, он начал с ним возиться.

Данкан присел на корточки под нависающей скалой и стал разглядывать своего проводника. У Амбиторма было впалое лицо, с кожей такой темной и обветренной, что она представлялась дубленой. Да, его черты вполне могли быть чертами Лицевого Танцора. Глубокие морщины, прорезанные в коже вокруг карих глаз. Морщинки расходились и от углов его тонкого рта, прорезали широкий лоб. Они разбегались по краям плоского носа и углублялись на ямочке узкого подбородка. Морщины времен расходились по всему лицу.

Дразнящие аппетит запахи донеслись от черного предмета перед Амбитормом.

— Мы здесь поедим и переждем немного, а после продолжим путь,— сказал Амбиторм.

Он говорил на старом галахе, но с тем гортанным выговором, которого Данкан прежде никогда не слышал, ставя странные ударения на дифтонгах. Был ли Амбиторм из Рассеяния, или он уроженец Гамму? Конечно, со времен Дюны Муад Диба не могло не произойти больших перемен. Теперь, когда Данкан смог сравнить, он знал, что все люди Оплота Гамму, включая Тега и Луциллу, говорили на галахе, видоизменившемся по сравнению с языком ранних лет его первоначальной жизни.

— Амбиторм,— проговорил Данкан.— Это гаммуанское имя?

— Ты будешь называть меня Тормса,— ответил проводник.

— Это кличка?

— Это то, как ты должен меня называть.

— Почему же там мне представили тебя «Амбиторм»?

— Потому что это имя, которое я им сообщил.

— Но с чего бы тебе...

— Разве, прожив под властью Харконненов, ты так и не научился, как изменять свою личность?

Данкан замолк. Что это? Еще одна маскировка.

Амби... Тормса не изменил свою внешность. Тормса. Было ли это тлейлаксанское имя?

Проводник протянул Данкану чашку с горячим напитком.

— Питье восстановит твои силы, Воолс. Выпей быстро. Это тебя согреет.

Данкан взял чашку обеими руками. «Воолс. Воолс и

Тормса. Тлейлаксанский Господин и Лицевой Танцор, его сопровождающий».

Данкан приподнял чашку перед Тормса в старинном приветствии боевых соратников Атридесов, потом поднес ее к губам. Горячо! Но питье согревало его, проникая внутрь; оно чуть отдавало сладким ароматом и привкусом каких-то овощей. Он подул на него и выпил точно так, как это сделал Тормса.

«Интересно, что я не заподозрил, нет ли яда в этом напитке»,— подумал Данкан. Но в этом Тормса и во всех других, которых он встретил в нынешнюю ночь, было что-то от башара. Жест здравицы боевым соратникам вырвался у него естественно.

— Почему ты так рискуешь своей жизнью? — спросил Данкан.

— Ты знаешь башара — и еще спрашиваешь?

Данкан изумленно умолк.

Тормса наклонился вперед и забрал у Данкана чашку. Вскоре все свидетельства их завтрака были запрятаны под камнями и в промерзшей земле.

«Припасенная еда свидетельствует, что все продумано заранее»,— сказал про себя Данкан. Он повернулся и присел на корточках на холодной земле. Туман все еще держался за прикрывавшие их кусты. Безлиственные ветки вырывались из тумана диковинными кусочками и обрывками. Пока он смотрел, туман, стал развеиваться, открывая размытые очертания города на дальнем краю долины.

Тормса присел на корточки рядом с ним.

— Очень старый город,— сказал он.— Место Харконненов, смотри,— он вручил Данкану маленький моноскоп.— Вот куда мы должны прийти к вечеру.

Данкан поднес моноскоп к левому глазу и постарался навести на фокус масляные линзы. Управление было неизвестным ему, совсем не тем, которому он учился в юности своей исходной жизни, и не тем, с которым его знакомили в Оплоте. Он убрал моноскоп от глаза и осмотрел его.

— Икшианский? — спросил он.

— Нет, его сделали мы,— Тормса наклонился и показал на две крохотные кнопочки, выдававшиеся на черной кромке.— Медленное, быстрое. Нажми левую, чтобы трубка раздвинулась, нажми правую — трубка сократится.

Снова Данкан поднес моноскоп к глазу.

Кто мы такие, сделавшие эту штуковину?

Прикосновение к быстрой кнопке — и в мгновение ока

он ясно увидел всю местность. Малюсенькие точки превратились в город. Люди! Он добавил усиление. Люди стали небольшими куклами. Взяв их за масштаб, Данкан, выяснил, что город на краю долины просто огромен... и намного дальше от них, чем он думал. Громадное, единственное прямоугольное здание возвышалось в центре города, его вершина терялась в облаках. Просто гигантское.

Данкан догадался, что́ это за место. Окружение изменилось, но центральное сооружение было твердо зафиксировано в его памяти.

«Сколь многие из нас исчезли в этой адской черной дыре и никогда не вернулись?»

— Девятьсот пятьдесят этажей,— заключил Тормса, видя, куда направлен взгляд Данкана.— Сорок пять километров в длину, тридцать километров в ширину, все построено из пластали и бронированного плаза.

— Я знаю.— Данкан опустил моноскоп и вернул его Тормсе.— Он назывался Барони.

— Ясай,— сказал Тормса.

— Так его называют теперь,— сказал Данкан.— Я знаю несколько названий этого города.

Данкан вздохнул глубоко, подавляя старую ненависть. Все эти люди давно мертвы. Только здания еще стоят. И его воспоминания. Он осмотрел город вокруг этого огромного сооружения. Место представляло собой переполненный народом лабиринт. Зеленые пространства были разбросаны тут и там, каждое из них за высокими стенами. Личные резиденции с частными парками, как сказал ему Тег. В моноскоп он увидел охранников, расхаживавших по верхушкам стен.

Тормса сплюнул на землю перед ним.

— Место Харконненов.

— Они построили это, чтобы люди чувствовали себя маленькими,— сказал Данкан.

Тормса кивнул.

— Маленький, и нет в тебе силы.

«Проводник стал почти болтливым»,— подумал Данкан.

Данкан всю ночь постоянно нарушал приказ молчать, стараясь завязать разговор.

— Какие животные натоптали эти тропы?

Казалось вполне логичным задать этот вопрос, раз уж они рысцой передвигались по несомненно звериной тропе, где даже держался мускусный запах диких зверей.

— Не разговаривай! — прикрикнул Тормса.

Затем Данкан спросил, почему они не могли раздобыть какое-нибудь транспортное средство и ускользнуть на нем. Даже наземный транспорт был бы намного лучше этого жестокого броска через местность, где один маршрут так похож на другой.

Тормса остановился тогда в пятне лунного света и посмотрел на Данкана, будто заподозрил, что его подопечный внезапно выжил из ума.

— Транспорт можно выследить!

— А что, никто не сможет нас выследить, когда мы идем пешком?

— Тогда преследователям также придется двигаться пешком. А здесь они будут убиты, они это знают.

До чего же удивительное место! До чего первозданное место.

Под прикрытием Оплота Бене Джессерит Данкан и не ведал, какова природа окружавшей его планеты. Позже в не-глоубе, он был отрезан от всех контактов с внешним миром. У него были воспоминания исходной жизни и воспоминания жизни гхолы, но насколько же они здесь оказались ненужными! Думая сейчас об этом, он понимал, что ведь существовали подсказки, по которым он мог бы кое о чем догадаться.

Было ясно, что контроль погоды на Гамму лишь начал развиваться. А Тег говорил ему, что орбитальные телеспутники системы планетарной обороны — самые лучшие.

Все для защиты, чертовски мало для комфорта! В этом отношении было что-то от Арракиса.

«Ракис»,— поправил он себя.

Тег. Выжил ли старик? Попал ли он в плен? Что означает для него попасть в плен в его возрасте? В старые дни Харконненов это значило бы зверское рабство. Бурзмали и Луцилла... Он взглянул на Тормсу.

— Мы найдем в городе Бурзмали и Луциллу?

— Если они доберутся.

Данкан осмотрел свою одежду. Достаточно ли этого маскарада? Тлейлаксанский Господин и его сопровождающий? Люди, конечно, будут принимать сопровождающего за Лицевого Танцора. Лицевые Танцоры опасны.

Мешковатые штаны сшиты из какого-то материала, которого Данкан никогда ранее не видел. На ощупь он был как шерсть, но чувствовалось, что этот материал искусственный. Когда он поплевал на него, плевок не задер-

жался, и запах был не шерстяной. Его пальцы определили однообразие текстуры, какой не могло быть ни в одном натуральном материале. Высокие мягкие сапоги и шапка были из того же материала. Одежды свободные, кроме как на лодыжках. Не стеганые, но без утепляющих прокладок. Они были как-то по-особому хитроумно пошиты, и воздух, наглухо задерживаемый между слоями материи, обеспечивал достаточное тепло. Материя была выкрашена в зеленосерую крапинку — великолепный маскировочный цвет для этой планеты.

Тормса также обряжен в сходные одежды.

— Сколько нам здесь ждать? — спросил Данкан.

Тормса покачал головой, призывая к молчанию. Проводник теперь присел, склонив голову к торчавшим коленям и обхватив их руками, глядя вперед на долину.

За время ночного странствия Данкан почувствовал, что их одежда на удивление удобна. Кроме того единственного случая в воде, его ногам ни разу не становилось холодно, но не было и перегрева.

Брюки были просторны, как рубашка и куртка, поэтому телу было легко двигаться. Ничто нигде не терло.

— Кто делает такие одежды? — спросил Данкан.

— Мы их делаем,— проворчал Тормса.— Помолчи.

«Никакой разницы с днями до пробуждения в Оплоте Ордена»,— подумал Данкан. Тормса как бы говорил: «Тебе нет надобности знать».

Вскоре Тормса встал на ноги и выпрямился. Он вроде бы расслабился и взглянул на Данкана.

— Друзья в городе подали мне сигнал, что у нас над головой охотники.

— Топтеры?

— Да.

— Так что мы должны делать?

— Ты должен делать то же, что делаю я, и больше ничего.

— Ты просто сидишь здесь.

— Пока что. Скоро мы двинемся в долину.

— Но как...

— Когда ты пересекаешь местность, похожую на эту, ты становишься одним из обитающих здесь животных. Выглядывай следы, смотри, куда они ведут, где они ложатся на отдых.

— Но разве не могут охотники различить разницу между...

— Если животное обгладывает ветки, ты тоже обгладывай ветки. Если приблизятся охотники, продолжай делать то, что и делал, что делало бы любое животное. Охотники будут высоко в воздухе. Это удачно для нас. Они не смогут отличить человека от животного, если только не спустятся.

— Но разве они...

— Они доверяют своим машинам и тем движениям, которые видят. Они ленивы, летают высоко — так быстрей идет поиск. Они полностью верят, что их мозги, считывая показания приборов, безошибочно установят, где животное, а где человек.

— Так что они просто минуют нас, если подумают, что мы дикие животные?

— Если они усомнятся, они еще раз проверят нас. Мы не должны изменять образа движений после того, как нас проверят первый раз.

Это была слишком длинная речь для обычно молчаливого Тормса. Вот теперь он внимательно разглядывал Данкана.

— Ты понимаешь?

— Как я пойму, что они нас проверяют?

— У тебя защиплет в желудке. В желудке у тебя появится ощущение, будто ты выпил газированный напиток, которого не стал бы пить ни один человек.

Данкан понимающе кивнул.

— Икшианские сканеры.

— Пусть это тебя не тревожит,— сказал Тормса.— Животные здесь привыкли к этому. Иногда прерываются на секунду, потом продолжают заниматься своим делом, как будто ничего не происходит. Что до них — то полная правда. Ведь произойти что-то плохое может лишь с нами.

Затем Тормса встал.

— Скоро мы отправимся в долину. Следуй вплотную за мной. Делай в точности то, что делаю я, и ничего больше.

Данкан шел шаг в шаг за своим проводником. Вскоре они были под укрывшими их деревьями. Где-то во время их ночного передвижения, понял Данкан, он начал воспринимать это место так, как его воспринимают здесь живущие.

Новое чувство завладело его сознанием. И было также возбуждение, подстрекаемое любопытством.

Каков же тот мир, каким он стал после времен Атридесов?

Гамму. Каким же странным местом стала эта Гиди Прайм.

Медленно, но отчетливо новые грани проступили перед ним, и каждая новая открывала вид на большее, чем он мог бы постичь. Он ощущал, как проявляются за происходящим четкие модели. «Однажды,— подумал он,— все модели соединятся в единую, и тогда станет ясно, почему его воскресили из мертвых».

Да, это по принципу открывающихся дверей, думалось ему. Стóит открыть одну дверь, и она выведет в помещение, где есть другие двери. В этом новом помещении выбираешь одну из дверей и исследуешь, что за ней есть. Потом могут наступить времена, когда придется опробовать все двери, но чем больше дверей открываешь, тем убежденней делаешься, что за каждой дверью появится следующая. Наконец, одна из дверей выводит в знакомое место. И тогда можно сказать: «Да, это все объясняет».

— Охотники приближаются,— сказал Тормса.— Мы теперь животные, обгладывающие ветки,— он подошел к укрывавшему их кусту, сорвал зубами небольшую веточку.

Данкан повторил то же самое.

Я должен править и глазом и когтем так, как ястреб среди меньших птиц.
Утверждение Атридесов (источник: Архивы БД)

Утром на рассвете Тег выбрался из-за защитных щитов вдоль главной дороги. Дорога была широкой и ровной трассой — лучевой прокатки, свободной от растительности. Десять рядов, прикинул Тег, пригодных и для пешего, и для транспортного передвижения. Движение в этот час было, в основном, пешим.

Он стряхнул почти всю землю со своей одежды, еще раз удостоверился, что на ней нет воинских знаков отличия.

Его седые волосы были не так опрятны, как обычно, но он ведь мог использовать как расческу только свои пальцы.

Движение по дороге шло по направлению к городу Ясай — многие километры через долину. Утро было безоблачным, откуда-то с оставшегося далеко позади него моря тянуло легким ветерком.

За ночь он добился некоторого равновесия со своим новым сознанием. Перед второй половиной его двойного зрения пропархивало то одно, то другое видение: он с опережением отмечал, что должно произойти, отчетливо понимал, куда ему нужно ставить ногу при каждом следующем шаге. За этим опережающим время зрением скрывался таинственный реактивный спусковой крючок, который, он знал, только рвани́ — и скорость его тела возрастет до таких сногосшибательных величин, которые вроде бы ни для какой плоти невозможны. Рассудком этого нельзя было объяснить. У него возникло такое чувство, что он осторожно идет по лезвию ножа.

Как он ни старался, он не мог понять, что же произошло с ним под Т-Пробой. Было ли это сходно с тем, что испытывают Преподобные Матери во время Спайсовой Агонии?

Но он не чувствовал постепенного пробуждения в себе все новых и новых Иных Памятей. И он никак не предполагал, что Сестры способны на такое, как он. Это двойное ви́дение, заранее сообщавшее ему, чего ожидать от каждого следующего движения, было совсем новой способностью познания правды. Учившие его на ментата всегда уверяли, что существует форма «жизни-правды», которую не пришпилишь простым методом выведения доказательств из выстраиваемых фактов. Она иногда содержится в притчах и поэзии и часто прямо противоположна влечению страстей, так ему говорили.

«Самая трудноприемлемая проверка для ментата»,— говорили они.

Тег всегда с легким недоверием относился к таким заявлениям, но сейчас он был вынужден с ними согласиться. Т-Проба бросила его через порог в новую реальность.

Он не знал, почему выбрал именно этот миг, чтобы выбраться из укрытия — разве что момент показался вполне подходящим, чтобы тихо влиться в поток людского движения.

Большинство идущих по дороге были земледельцами, тянущими высоченные корзины овощей и фруктов. Эти корзины поддерживались позади них на дешевых суспензорах. Сознание того, что эта еда послана для того ему, чтобы утолить муки голода, вспыхнуло и погасло. Во время своей долгой службы в Бене Джессерит он бывал и на самых примитивных планетах, и здешняя человеческая

деятельность представилась ему мало отличавшейся от деятельности фермеров, погоняющих навьюченных животных. Движение по дороге показалось ему странной смесью древности и новизны — фермеры идут пешком, а их продукция парит позади них на донельзя привычных технологических устройствах. Не будь суспензоров, эта сцена могла бы случиться в любой день самого древнего прошлого человечества. Тягловое животное — оно тягловое животное всегда, даже если сошло с конвейера икшианской фабрики.

Пользуясь своим новым двойным зрением, Тег выбрал одного из фермеров, коренастого темнокожего человека с тяжелыми чертами лица и руками в грубых мозолях. Он нес восемь огромных корзин, нагруженных дынями в грубой кожуре. От их запаха у Тега потекли слюнки изо рта, когда он набрал скорость, чтобы пойти рядом с фермером. Тег несколько минут шагал молча, затем осмелился заговорить:

— Это лучшая дорога на Ясай?

— Это долгий путь,— ответил мужчина. Голос у него был грудным, и в нем прозвучала осторожность.

Тег взглянул на нагруженные корзины.

Фермер искоса посмотрел на Тега.

— Мы идем на центральное место рыночного сбора. Оттуда другие заберут нашу продукцию в Ясай.

Пока они разговаривали, Тег понял, что фермер направляет его, чуть ли не настойчиво подталкивая к самому краю дороги. Фермер оглянулся и слегка качнул головой — короткий кивок. Еще три фермера подошли к ним и встали, окружая Тега и его попутчика так, чтобы высокие корзины закрыли их от всего другого движения.

Тег напрягся. Что они замышляют? Он не чувствовал, однако, никакой угрозы. Его двойное зрение не находило ничего опасного в таком близком соседстве.

Тяжелый транспорт проехал мимо у них над головой. Тег понял, что он проехал, только по запаху сгоревшего топлива, ветерку, покачнувшему корзины, по рокоту мощного мотора и неожиданному напряжению в его попутчиках. Высокие корзины полностью скрыли пролетевший транспорт.

— Мы выглядывали тебя, чтобы защитить, башар,— сказал фермер рядом с ним.— Многие охотятся за тобой, но среди нас нет ни одного такого. Тег бросил на человека изумленный взгляд.

— Мы служили у тебя при Рендитае,— пояснил фермер.

Тег сглотнул. «Рендитай?» Ему понадобилось мгновение, чтобы это припомнить — только небольшая стычка в его долгой истории конфликтов и переговоров.

— Сожалею, но я не знаю твоего имени,— сказал Тег.

— Радуйся, что ты не знаешь наших имен. Так оно лучше.

— Но я благодарен.

— Это наша маленькая услуга, которую мы рады тебе оказать, башар.

— Я должен добраться до Ясая,— сказал Тег.

— Там опасно.

— Всюду опасно.

— Мы догадались, что ты пойдешь на Ясай. Кое-кто тут должен скоро подоспеть и отвести тебя в укрытие. А вот и он. Мы тебя здесь не видели, башар. И тебя здесь не было.

Один из фермеров забрал возвышавшийся груз своего попутчика, соединив два ремешка корзин, тогда как фермер, которого выбрал Тег, поспешно пропихнул Тега под бечевку и в темный граундкар. Тег мельком увидел сверкающие пласталь и плаз, когда транспорт лишь на секунду замедлил, чтобы подобрать его. Дверь резко закрылась за ним, и он оказался в одиночестве в мягком обитом кресле на заднем сиденье граундкара. Машина набрала скорость и вскоре далеко обогнала пеших фермеров. Окна вокруг Тега были затемнены так, что все, проносившееся снаружи мимо него, Тег видел как бы в сумраке. Водитель был затемненным силуэтом.

Это — первый шанс расслабиться в теплом уюте с момента его пленения, почти заманивший Тега в сон. Он не чувствовал никакой угрозы. Его тело до сих пор болело от перегрузки и от мук, испытанных при Т-Пробе.

Но он сказал себе, что должен оставаться бодрым и настороже.

Водитель наклонился вбок и заговорил через плечо, не оборачиваясь:

— Они ищут тебя уже два дня, башар. Некоторые считают, что ты покинул планету.

«Два дня».

Станнер и что там еще они с ним сделали, лишило его сознания на долгое время. Это только добавка к его голоду. Он постарался проиграть перед глазами вмонтиро-

ванный в его плоть хронометрический датчик, но его показания лишь на миг порхнули перед взором, как это происходило каждый раз, когда он старался проделать это со времени Т-Пробы. Его ощущение времени и все взаимосвязи с ним необычайно изменились.

«Значит, некоторые думают, что я покинул Гамму».

Тег не спрашивал, кто за ним охотится. В нападении и в последующей попытке участвовали и тлейлаксанцы, и люди Рассеяния.

Тег осмотрел свой транспорт. Это был один из старых прекрасных граундкаров времен до Рассеяния, на нем был отпечаток прекраснейшего икшианского производства. Он никогда не ездил на таком, но много слышал о них. Реставраторы находили их, чтобы восстановить, собрать вновь — что бы они ни делали, это возвращало древнее ощущение качества. Тегу говорили, что такие автомобили нередко находят заброшенными в старых местах: в разрушенных зданиях, в штольнях, запертыми в складах механизмов, на сельскохозяйственных полях.

И опять водитель слегка отклонился вбок и проговорил через плечо:

— У тебя есть адрес в Ясае, куда бы тебе хорошо было попасть, башар?

Тег перебрал в своей памяти контакты, перепроверенные им в первой инспекционной поезде по Гамму, и назвал адрес одного из таких людей.

— Ты знаешь это место?

— Там в основном место встреч и питейные заведения, башар. Я слышал, там подают неплохую еду, но любой туда может войти, если у него есть деньги.

Не зная, почему он выбирает именно эту явку, Тег заявил:

— Вот там мы и попытаем счастья.

Он не считал нужным объяснять водителю, что по этому адресу находились отдельные обеденные кабинеты.

Упоминание о еде вызвало мучительные терзания голода. У Тега тряслись руки, и ему стали необходимы несколько минут, чтобы вернуть спокойствие. Активность нынешней ночи почти его опустошила, понял он. Он оглядел всю внутренность автомобиля: нет ли в нем отделения для еды и питья? Реставрация автомобиля была выполнена с любовной заботой, но он не увидел никаких тайных отделений.

Такие автомобили совсем не редкость в некоторых

кварталах, знал он, и все они — показатели богатства. Кому же принадлежит этот?

Не водителю, конечно. По водителю ясно видно, что он — профессионал. Но если было послано сообщение доставить этот автомобиль, чтобы забрать его, значит, и другие также знают о местонахождении Тега.

— Нас не остановят и не обыщут? — спросил Тег.

— Не эту машину, башар. Она принадлежит Планетарному банку Гамму.

Тег молчаливо это переварил. Банк был одним из его контактов. Он очень внимательно изучил ключевые звенья во время инспекции. Воспоминание об этом сразу же заставило его подумать о своей главной ответственности — за гхолу.

— Мои попутчики? — осмелился спросить Тег.— Они...

— Этим занимаются другие, башар. Я не могу сказать.

— Нельзя ли передать словечко...

— Когда будет неопасно, башар.

— Разумеется.

Тег откинулся на подушки и стал разглядывать то, что его окружало. Эти машины строились с применением большого количества плаза и почти неразрушимой пластали. С возрастом портилась внутренняя обшивка, управляющая электроника, суспензорные установки, обводные вентилирующие трубки. И сцепления портились, как ни пытались их уберечь. Реставраторы придали этому граундкару такой вид, будто он только что вышел с завода — всюду приглушенное поблескивание металла, обивка слабо поскрипывает на сиденьях. И запах — неопределимый аромат новизны — смесь полировки, изящных тканей с примесью пощипывающего озона от плавно работающей электроники. Нигде здесь, право, не было запаха пищи.

— Сколько до Ясая? — спросил Тег.

— Еще полчаса, башар. Есть ли проблема, которая требует большей скорости? Я не хотел бы привлекать...

— Я очень голоден.

Водитель посматривал налево и направо. Вокруг них больше не было фермеров. Дорога почти пуста, кроме двух тяжелых транспортных коконов справа, увлекаемых тракторами, и большого грузовика, тянущего парящий на суспензорах автоматический фруктосборщик.

— Опасно очень задерживаться,— сказал водитель.— Но я знаю место, где, по-моему, смогу гарантировать тебе, по крайней мере, быструю миску супа.

— Все было бы хорошо. Я не ел два дня и очень устал физически.

Они добрались до перекрестка, и водитель свернул налево, на узкую дорогу мимо высоких, ровно разбросанных сосен. Вскоре он повернул на однорядную дорожку сквозь деревья. В конце ее показалось низкое здание, построенное из темного кирпича с крышей из черного плаза. Окна были узкими, и на них поблескивали сопла защитных выжигалок.

Водитель сказал:

— Одну минуту, сэр.

Он вылез, и Тег впервые увидел лицо мужчины: слишком худое лицо с длинным носом и крохотным ртом. Кружева морщин на щеках — знакомое доказательство хирургического восстановления. Глаза светились серебром, явно искусственным. Он отвернулся и вошел в дом. Вернувшись, он открыл дверь Тега.

— Пожалуйста, побыстрее, сэр. Тот, кто внутри, вам греет суп. Я сказал, что вы банкир. Платить нет необходимости.

Земля морозно поскрипывала под ногами. Тегу пришлось чуть пригнуться, проходя в дверь. Он вошел в темный холл со стенами, отделанными деревянными панелями, и с хорошо освещенной комнатой в конце. Запах пищи тянул его туда как магнит. Его руки опять задрожали. У окна, из которого открывался вид на перекрытый и отгороженный сад, был накрыт небольшой столик. Кустарники, густо усыпанные красными цветами, почти закрывали каменную стену, огораживавшую сад. Желтый и горячий плаз поблескивал над этим пространством, купавшимся в искусственном летнем освещении. Тег благодарно опустился на единственный стул у стола. Белая скатерть, увидел он, с рельефной каймой. Одна суповая ложка.

Справа скрипнула дверь, и вошла коренастая фигура, неся чашу, от которой поднимался пар. Мужчина заколебался, увидев Тега, затем поставил чашу на стол и подвинул ее Тегу. Настороженный этой нерешительностью Тег приказал себе забыть о еде, искушающий аромат которой коснулся его ноздрей, и сосредоточился вместо этого не вошедшем.

— Это хороший суп, сэр. Я сам его приготовил.

Искусственный голос. Тег увидел шрамы по бокам челюсти. Вид какой-то древнемеханический у этого мужчины: голова почти без шеи, присаженная к толстым пле-

чам, руки, которые кажутся странно соединенными и в плечах, и в локтях, ноги, которые вырастают, как будто только из бедер. Сейчас он стоял недвижимо, но то, как мужчина чуть дернулся, входя, говорило, что он почти весь из заменяющих искусственных деталей. Невозможно было избежать его страдальческого взгляда.

— Я знаю, что некрасив, сэр,— проскрипел мужчина.— Я был раздавлен при взрыве Аладжори.

Тег понятия не имел, что это может быть такое — взрыв Аладжори,— но явно предполагалось, что он это знает.

«Раздавлен».

— Не могу вспомнить, не встречались ли мы,— сказал Тег.

— Никто здесь не знает другого,— ответил мужчина.— Ешьте суп.

Он показал вверх — на спиралеобразный кончик неподвижного снуппера, тот светился, указывая, что нигде поблизости им не выявлено никакого яда. Еда здесь безопасна.

Тег взглянул на темно-коричневую жидкость в миске — в ней виднелись большие куски мяса — и потянулся за ложкой. Он дважды старался ухватить дрожащей рукой ложку, но даже потом расплескал бо́льшую часть жидкости, не успев даже приподнять ее. Поддерживающая рука крепко схватила запястье Тега, и искусственный голос тихо проговорил ему в ухо:

— Я не знаю, что они с вами сделали, башар, но никто вам здесь не причинит вреда, не перещагнув сперва через мой труп.

— Ты знаешь меня?

— Многие отдали бы за вас жизнь, башар. Благодаря вам жив мой сын.

Тег разрешил, чтобы ему помогли. Это было все, что он мог сделать, чтобы проглотить первую ложку. Жидкость была наваристой, горячей и успокаивающей. Его рука вскоре окрепла, и он кивнул мужчине, что можно отпустить его запястье.

— Еще, сэр?

Тег только тогда понял, что дочиста съел всю миску. Было искушение сказать «да», но ведь водитель говорил, что им надо спешить.

— Благодарю́ тебя, но я должен идти.

— Вас здесь не было,— проскрипел мужчина.

Когда они опять оказались на главной дороге, Тег

откинулся на подушки аппарата и задумался над занятным смыслом, подспудно звучавшим за словами раздавленного. Те же самые слова, что употребил и фермер: «Вас здесь не было». Возникло ощущение, что это общий ответ, говоривший о переменах, произошедших на Гамму с тех самых пор, как Тег осматривал планету.

Скоро они добрались до предместий Ясая, и Тег задумался: не стоит ли ему попробовать маскировку? Раздавленный быстро его опознал.

— Где сейчас за мной охотятся Преподобные Черницы? — спросил Тег.

— Повсюду, башар. Мы не можем гарантировать твою безопасность, но кое-какие шаги предприняты. Я кого надо извещу, куда я тебя доставил.

— Они не говорили, почему охотятся за мной?

— Они никогда не объясняют, башар.

— Сколько времени они уже на Гамму?

— Слишком давно, сэр. С моего детства. Я был в чине балтерна при Рендитае.

«По меньшей мере, лет сто,— подумал Тег.— Достаточно времени, чтобы собрать множество сил в свои руки... если доверять страхам Таразы».

А Тег им доверял.

«Не доверяй никому, на кого могут повлиять эти развратницы»,— сказала ему Тараза.

Однако в нынешней ситуации Тег не чувствовал угрозы для себя. Он не настаивал на бóльших подробностях.

Они основательно углубились в Ясай. Черная громада древнего харконненовского оплота времен Барони периодически мелькала у него перед глазами через случайные просветы между стенами, ограждавшими огромные личные резиденции. Аппарат повернул на улицу небольших коммерческих учреждений... Дешевые здания, сооруженные по большей части из случайных остатков, свидетельством чему была их плохая пригнанность друг к другу и дисгармоничные цвета. До ядовитости яркие вывески, сообщавшие, что у них все товары самые отменные, что ремонтные услуги у них лучше, чем где-либо еще.

«Это не значит, что Ясай приходит в упадок или даже совсем ветшает»,— думал Тег. Развитие превратилось здесь в нечто еще хуже уродства. Кто-то предпочел, чтобы это место было уродливым. Это был ключ к большому числу того, что он видел в городе.

Время здесь не останавливалось, оно пошло вспять. Это

не был современный город, полный ярких транспортных коконов, самообеспечивающихся утилиформенных зданий. Это были джунгли, разбросанные наугад древние строения, соединенные с еще более древними строениями, некоторые построенные по индивидуальному проекту, а некоторые возводились ради давно минувшей необходимости. Все постройки в Ясае теснились одно к другому в беспорядке, который едва умудрялся избегать хаоса. Что выручало, как понимал Тег, так это заложенная с самого основания схема основных магистралей, вдоль которых и сооружалось все это беспорядочное нагромождение. Хаос удерживался в границах, хотя в разбивке улиц нельзя было углядеть никакого одного руководящего плана. Улицы встречались и пересекались под странными углами, но редко прямыми. Видимое с воздуха, это место представлялось безумным, сшитым из клочков одеялом, где только огромный черный прямоугольник древнего Барони говорил о какой-то организации. Остальное было архитектурным бунтом.

Тег вдруг увидел, что это место является слоем, наложенным на другие слои, основывающиеся на предыдущих слоях, и такая бешеная смесь, что они никогда не смогут добраться до полезной правды. Все Гамму двигалось по этому пути. Откуда же такое безумие взяло свое начало? От Харконненов?

— Мы на месте, сэр.

Водитель подрулил к краю тротуара перед фасадом здания без окон. Вся поверхность — черный ровный пласталь, единственная дверь на уровне земли. Никакого барахольного материала в этом сооружении. Тег узнал это место: та надежная нора, которую он выбрал. Нечто неопределенное промелькнуло перед двойным зрением Тега, но он не почувствовал непосредственной угрозы. Водитель открыл дверь Тегу и встал сбоку.

— Здесь не слишком-то много народу в этот час, сэр. Я бы на вашем месте поскорее проник внутрь.

Не оглядываясь назад, Тег метнулся через узкий тротуар в здание и очутился в небольшом ярко освещенном фойе, отделанном полированным белым плазом, где только ряды телеглазов встретили его. Он нырнул в шахту лифта и набрал памятные ему координаты. Этот лифт, он знал, идет под углом через все здание к пятьдесят седьмому этажу, к задней его части, где есть окна. Он помнил уединенную столовую, отделанную темно-красным, с увесистой коричневой мебелью, и женщину с жестким взглядом, с

ясными признаками подготовки Бене Джессерит, но не Преподобную Мать.

Лифт доставил его в комнату, которую он помнил, но там никого не было, чтобы встретить. Тег оглянулся, ища солидную коричневую мебель. Четыре окна у задней стены были призакрыты толстыми темно-красными шторами.

Тег заметил, что его увидели. Он терпеливо ждал, используя свое новоприобретенное двойное зрение, которое заранее показало бы ему опасность. Не было никаких признаков нападения. Он занял позицию сбоку от выхода из лифта и еще раз огляделся вокруг. У Тега была теория о взаимной связи помещений с их окнами — количеством, расположением, размерами, высотой от пола, пропорциональным соотношением между размерами собственно помещения и его окон, высотой потолков. Для него имело значение — легкие занавески на окнах или тяжелые шторы. Все это давало пищу для ментатных выкладок, которые опирались на знание формального предназначения того или иного помещения, из мелочей слагалась до изощренности развитая система, в ее тонкую упорядоченность вписывалось любое помещение. Смысл окон мог выламываться из этой системы, если их использовали по-особому в аварийных случаях, но и у аварийных случаев была своя надежная система.

Отсутствие окон в комнате высоко над землей имело свой особенный смысл. Если люди занимали такую комнату, то это не обязательно означало, что их главная цель — секретность.

В учебных заведениях ему приходилось видеть безошибочные признаки того, что классные комнаты без окон были убежищем от внешнего мира и особым проявлением неприязни к детям.

Эта комната, однако, представляла что-то другое: обусловленная секретность плюс необходимость вести периодическое наблюдение за внешним миром. «Защищающая секретность, когда требуется». Его мнение окрепло, когда он пересек комнату и отдернул одну из штор. На окнах — тройной бронированный плаз. Вот как! Наблюдение за внешним миром могло вызвать нападение. Это было мнение того, кто велел обустроить комнату подобным образом, кто бы это ни был.

И снова Тег отдернул занавеску в сторону. Он выглянул в угловое окно, на котором были установлены призматические рефлекторы, позволявшие в увеличенном виде

проглядывать все соседние стены от угла до угла и от земли до крыши.

«ОТЛИЧНО!»

При его предыдущем посещении у него не было достаточно времени для более тщательного изучения, но теперь он сделал более уверенную оценку. Очень интересная комната. Тег задвинул занавеску и вернулся как раз вовремя, чтобы увидеть высокого человека, выходящего из отверстия лифта.

Двойное зрение Тега снабдило его четким опережающим видением незнакомца. В этом человеке затаилась опасность. Но прибывший был явно военным — то, как он держал себя, его живой взгляд, схватывавший все подробности, которым мог обладать только тренированный и закаленный офицер. И было что-то такое в его поведении, что заставило Тега застыть на месте. Это был предатель! Наемник, доступный тому, кто предложит наивысшую цену.

— Ужасно плохо они с тобой обошлись,— приветствовал мужчина Тега.

Голос его был глубоким баритоном с бессознательным убеждением в своей личной силе, звучавшей в нем. Выговор его был такой, какого Тег никогда ранее не слышал. Это кто-то из Рассеяния! Башар или эквивалент башара, прикинул Тег.

Все равно, не было никаких признаков скорого нападения. Когда Тег не ответил, мужчина продолжил:

— О-о, прости, что не представился. Я — Муззафар. Я Джафа Муззафар, региональный командующий силами Дура.

Тег никогда не слышал о силах Дура.

Вопросы заполонили ум Тега, но он оставил их при себе. Что он здесь ни скажи — это может дать ключик к его слабостям.

Кто же были эти люди, которые встречались ему на пути?

«Почему я выбрал это место?» И это решение принято с такой внутренней уверенностью!

— Пожалуйста, чувствуй себя уютно,— предложил Муззафар, указывая на небольшой диванчик и низкий сервировочный столик перед ним.— Уверяю тебя, ничего из случившегося с тобой не является моим деянием. Я пытался остановить их, когда узнал об этом, но ты уже... покинул сцену.

Теперь Тег услышал в голосе Муззафара и другое: осторожность, граничащую со страхом. Значит, этот человек либо слышал о произошедшем в хижине и на вырубке, либо видел это.

— Чрезвычайно умно с твоей стороны,— сказал Муззафар,— выжидать, скрывая свою истинную силу, пока захватившие тебя не сосредоточились на попытках выжать информацию. Они что-нибудь узнали?

Тег молча покачал головой. Его так и подмывало переключиться на свою сверхскорость для нападения, но все же он не ощущал здесь непосредственной угрозы насилия. Для чего здесь эти Затерянные? Но Муззафар и его люди сделали неправильный вывод о том, что произошло в комнате Т-Пробы. Это ясно.

— Пожалуйста, садитесь,— сказал Муззафар.

Тег сел на предложенный диванчик.

Муззафар сел в глубокое кресло напротив Тега под небольшим углом, с другой стороны от него помещался сервировочный столик. В Муззафаре ощущалась приглушенно-напряженная бдительность. Он был готов к сражению.

Тег с интересом рассматривал мужчину. На Муззафаре не было никаких особенных знаков различия — только командующий. Высокой мужчина с широким мясистым лицом и большим носом. Глаза серо-зеленые и смотрели чуть ниже правого плеча Тега, когда кто-нибудь из них заговаривал. Тег когда-то знал шпиона, который глядел так же.

— Ну-ну,— сказал Муззафар.— Со времени прибытия сюда я очень много читал и слышал о тебе.

Тег продолжал безмолвно его рассматривать. Волосы Муззафара хорошо подстрижены, над левым глазом фиолетовый шрам, длиной миллиметра три. Одет он в открытую полевую светло-зеленую куртку и такие же брюки — не вполне мундир, но во всем этом есть опрятность, говорящая о привычке аккуратно следить за своим внешним видом. Ботинки это только подтверждали. Тег подумал, что, если он наклонится поближе, можно будет увидеть свое отражение в их надраенной светло-коричневой поверхности.

— Никогда, разумеется, не думал, что встречусь с тобой лично,— проговорил Муззафар.— Почитаю это за великую честь.

— Я знаю очень мало о тебе, кроме того, что ты руководишь силами из Рассеяния,— сказал Тег.

— Хм! На самом деле, тебе не так уж много известно.

Опять Тег ощутил мучительный голод. Его взгляд устремился к кнопке рядом с выходом трубокамеры — кнопки вызова официанта, как ему помнилось. Это место, где работу, обычно отдаваемую автоматам, выполняли люди: предлог для того, чтобы держать большую силу все время собранной и поблизости.

Наверно поняв интерес Тега к трубокамере, Муззафар сказал:

— Пожалуйста, не думай о том, чтобы сбежать. Сейчас подойдет мой личный медик, чтобы осмотреть тебя. Должен появиться через минуту. Буду очень признателен, если ты станешь спокойно ждать его прибытия.

— Я просто подумал о том, чтобы заказать еду,— сказал Тег.

— Советую подождать до тех пор, пока тебя не осмотрит доктор. Станнеры иногда оставляют очень противные последствия.

— Значит, ты знаешь об этом.

— Знаю обо всем этом чертовом провале. Ты и твой человек — Бурзмали — это та сила, с которой необходимо считаться.

Не успел Тег ответить, как из трубокамеры явился высокий человек в красном синглсъюте и куртке, настолько худой и костлявый, что его одежда легко болталась на нем. Ромбовидное клеймо доктора Сакк на его высоком лбу было оранжевого цвета, а не привычного черного. На глазах медика — поблескивающие оранжевые линзы, скрывавшие истинный цвет.

«Наркоман, приверженный к чему-нибудь?» — задумался Тег.

От него не исходило запаха знакомых наркотиков и даже меланжа. Был, однако, едкий запах, нечто очень похожее на фрукты.

— А, вот и ты, Солитц! — вскричал Муззафар. Он указал на Тега.— Как следует его осмотри. Позавчера он был сбит станнером.

Солитц вытащил привычный для докторов Сакк сканер, компактный и умещавшийся в одной руке. Сканер тихо жужжал: работало его поле снятия показаний.

— Значит, ты доктор Сакк,— сказал Тег, указав взглядом на оранжевое клеймо на лбу.

— Да, башар. Мои обучение и подготовка прекрасные, в древних традициях.

— Я никогда не видел опознавательный знак такого цвета,— сказал Тег.

Доктор провел сканером вокруг головы Тега.

— Цвет татуировки не имеет значения, башар. Имеет значение то, что скрывается за ним,— он опустил сканер до плеч Тега, потом провел по всему его телу.

Тег ждал, когда прекратится жужжание.

Доктор отступил назад и обратился к Муззафару:

— Он в полном здравии, Полевой Маршал. Вполне здоров, учитывая его возраст, но нуждается в подкреплении сил.

— Да... тогда все чудесно, Солитц. Позаботься об этом. Башар — наш гость.

— Я закажу мясо, поскольку это больше всего сейчас ему нужно,— сказал Солитц.— Ешьте его медленно, башар.— Солитц скорчил бодрую гримасу, затем его куртка и брюки опять затрепетали и захлопали на ходу. Его поглотила трубка лифта.

— Полевой Маршал? — спросил Тег.

— Восстановление древних титулов в Дуре,— сказал Муззафар.

— В Дуре? — переспросил Тег.

— Как же глупо с моей стороны! — Муззафар извлек небольшую коробочку из бокового кармана своей куртки и вынул из нее тоненькую папку.

Тег узнал голостат, похожий на тот, что он сам носил при себе во время долгой службы — голографические снимки дома и семьи. Муззафар поставил голостат на стол между ними и нажал контрольную кнопку.

Полноцветный образ зеленой кустарниковой протяженности джунглей появился как живой в миниатюре над столом.

— Дом,— сказал Муззафар.— Здесь, в центре,— каркасный кустарник,— палец указал на него в проекции.— Первый, который когда-либо подчинялся мне. Люди смеялись надо мной, когда я первым моим кустарником выбрал такой — и так к нему привязался.

Тег, смотревший на проекцию, разобрал в голосе Муззафара глубокую печаль. Указанный кустарник был долговязым пучком тонких веточек с ярко-голубыми шариками, танцующими на их кончиках.

«Каркасный кустарник?»

— Знаю, вид у него никудышный,— сказал Муззафар, отводя указывающий палец от проекции.— Совсем не гарантирует безопасности. Мне самому приходилось защищать себя несколько раз за первые месяцы после его посадки. Очень, однако, к нему привязался. Они на это, знаете ли, откликаются. Это самый лучший дом теперь во всех Глубоких Долинах, клянусь Вечной скалой Дура!

Муззафар взглянул на озадаченное выражение лица Тега.

— Черт возьми! Ведь у вас, конечно, нет таких кустарников. Ты должен простить мое ужасающее невежество. Мы, по-моему, много чему можем научить друг друга.

— Ты назвал это домом,— сказал Тег.

— О да. Под правильным управлением, как только они научились подчиняться, разумеется, каркасный кустарник сам себя выращивает в чудесную резиденцию. Это занимает только четыре или пять стандартных лет.

«Стандартных,— подумал Тег.— Значит, Затерянные до сих пор пользуются понятием стандартного года».

Раздалось шипение в трубке лифта, и в комнату спиной вперед вошла женщина в голубом облачении обслуги, ведя за собой плывущий на суспензорах термококон, который она остановила перед столом Тега. Одежда ее была того типа, который Тег видел во время первой своей инспекторской проверки, но когда она повернула к нему свое приятное округлое лицо, то оно было незнакомым. Ее череп выбрит, и всюду по нему тянулись выдающиеся вены. Глаза ее были водянисто-голубыми, а в позе что-то робкое. Она открыла крышку термококона, и прямые запахи еды поплыли в ноздри Тега.

Тег насторожился, но не почувствовал непосредственной угрозы: своим опережающим зрением он видел себя поедающим принесенное без дурных последствий.

Женщина расставила перед ним на столе ряд блюд и аккуратно разложила сбоку все нужные приборы.

— У меня нет снуппера, но я попробую еду, если хочешь,— предложил Муззафар.

— Нет необходимости,— ответил Тег. Он знал, что это посеет подозрения, но ведь наверняка эти подозрения сведутся к тому, что он — Видящий Правду.

Взгляд Тега был прикован к еде. Он даже сам не успел заметить, как наклонился вперед и начал есть. Знакомый с голодом ментата, он удивился своим собственным реакциям. Работа мозга в модуле ментата потребляла калории

на чудовищном уровне, но сейчас им двигала другая необходимость. Он ощущал, как его собственный инстинкт выжидания контролирует его действия. Этот голод был превыше всего, что он когда-либо испытывал в жизни. Суп, который он съел с некоторой осторожностью в доме раздавленного, не возбуждал в нем такой требовательной реакции.

«Доктор Сакк выбрал правильно»,— подумал Тег. Все меню было составлено по результатам полного обследования, сделанного сканером.

Молодая женщина продолжала доставать и доставать блюда из термококонов, поступавших через трубокамеру.

Тегу пришлось сдаться на середине трапезы и уйти для облегчения в туалет при обеденном кабинете, осознавая, что и здесь спрятанные телеглазы будут держать его под наблюдением. Он понял по своей физической реакции, что пищеварительная система тоже убыстрила свою работу, отвечая на новый уровень запросов тела. Когда он возвратился к столу, то чувствовал себя таким же голодным, словно вообще нисколько не поел.

Официантка начала выказывать признаки удивления, затем тревоги. И все равно продолжала поставлять и поставлять еду по его требованию.

Муззафар смотрел с возраставшим интересом, но ничего не говорил.

Тег почувствовал, как еда проникает в его клетки, восстанавливая силы: точная регулировка калорий, как о ней распорядился доктор Сакк. Количества, однако, они и помыслить не могли. Девушка продолжала выполнять его заказы, двигаясь как в шоке.

Муззафар наконец проговорил:

— Должен сказать, никогда прежде не видел, чтобы кто-то съедал так много в один присест. Мне не понятно, ни как ты это делаешь, ни почему.

Тег, наконец удовлетворенный, откинулся, зная, что возбудил вопросы, на которые нельзя отвечать правду.

— Это потому, что я ментат,— соврал Тег.— У меня было очень напряженное время.

— Поразительно! — сказал удивленно Муззафар и поднялся.

Когда Тег хотел встать на ноги, Муззафар жестом велел ему оставаться на месте.

— Нет нужды. Мы приготовили для тебя помещение

сразу за этой дверью. Для тебя безопаснее никуда пока не ходить.

Молодая женщина удалилась с пустыми термококонами.

Тег внимательно всмотрелся в Муззафара. Что-то изменилось во время трапезы. Муззафар смотрел на него холодным меряющим взглядом.

— У тебя есть скрытый мини-коммуникатор,— сказал Тег.— Ты получил новый приказ.

— Твоим друзьям не советовали бы нападать на это место,— сказал Муззафар.

— По-твоему, в этом и есть мой план?

— А каков же твой план, башар?

Тег улыбнулся.

— Отлично.

Взгляд Муззафара сделался рассеянным, пока он прислушивался к мини-коммуникатору. Когда он опять перевел взгляд на Тега, в его глазах появилось выражение хищника. Тег ощутил этот взгляд, как ударную волну, и понял, что кто-то еще приближается к этому помещению. Полевой Маршал думал об этом новом развитии событий, как о чем-то очень опасном для своего гостя, но Тег не видел ничего, могущего нанести поражение его новым способностям.

— Ты думаешь, что я твой пленник,— сказал Тег.

— Вечной скалой клянусь, башар, ты не то, что я от тебя ожидал!

— Эта Преподобная Черница, которая стремится сюда, на что она рассчитывает? — спросил Тег.

— Башар, предупреждаю тебя, не принимай с ней такого тона. Ты не имеешь ни малейшего понятия о том, что с тобой вот-вот случится.

— Со мной вот-вот случится Преподобная Черница,— сказал Тег.

— Я желаю, чтобы у тебя с ней все кончилось хорошо!

Муззафар обернулся всем телом и удалился через лифт.

Тег пристально посмотрел ему вслед. Перед его вторым, опережающим время зрением что-то быстро вспыхнуло — будто свет, мигнувший вокруг выхода трубокамеры. Преподобная Черница здесь, но еще не готова сюда войти. Конечно, она должна посоветоваться с Муззафаром. Полевой Маршал не в состоянии рассказать этой опасной женщине что-нибудь в самом деле важное.

Память никогда не воссоздает реальности. Всякая реконструкция меняет оригинал, делается вечным каркасом взаимоотсылок, которые неминуемо оказываются недостаточными.

Руководство Ментата

Луцилла и Бурзмали вошли в Ясай с юга, в кварталы низших сословий с их редкими уличными фонарями. Всего только оставался до полуночи, и все равно улицы этого квартала были заполнены людьми. Некоторые шли тихо, некоторые в наркотическом опьянении чесали языками, некоторые лишь выжидающе наблюдали, ошиваясь на углах и привлекая завороженное внимание проходившей мимо Луциллы.

Бурзмали ее все время торопил — жадный клиент, охочий до того, чтобы остаться с ней наедине. Луцилла продолжала украдкой разглядывать людей.

Что они здесь делали? Эти люди, стоявшие в дверях, кого они ждали? Рабочие в тяжелых фартуках, возникшие из широкого прохода, сбоку от Луциллы и Бурзмали, почти поровну мужчин и женщин. От них шел густой запах нечистот и пота. Все они были высокими, тяжеловесными, с толстыми руками. Луцилла и представить себе не могла, какое у них может быть занятие, но достаточно одного лишь взгляда на них, чтобы осознать, как же мало она знала о Гамму.

Рабочие переговаривались и сплевывали в водопроводный желоб, выходя в ночь. «Очищают себя от чего-то заразного?» Бурзмали наклонился к уху Луциллы и зашептал:

— Это рабочие — борданос.

Она решилась оглянуться на них, когда они уходили в направлении боковой улочки. Борданос? Ах да... люди, специально выведенные и натасканные на работу с компрессорной машинерией, работающей на энергии газов от нечистот. Порода, при селекции которой убрано чувство обоняния, а мускулатура плеч и рук усилена. Бурзмали увел ее за угол, и борданос исчезли из виду.

Из темного дверного прохода около них появилось пятеро детей и выстроились в линию, следуя за Луциллой и Бурзмали. Луцилла заметила, что их руки что-то сжимали. Они следовали за ними со странной настойчивостью. Бурзмали, внезапно остановившись, обернулся. Дети тоже

стали и поглядели на него. Луцилла поняла, что дети замышляют что-то плохое.

Бурзмали сложил перед собой руки и поклонился детям. Он произнес:

— Гулдур!

Когда Бурзмали повел ее дальше по улице, дети больше за ними не следовали.

— Они могли забросать нас камнями,— сказал он.

— Почему?

— Это дети из секты, которая носит название Гулдур — местное название Тирана.

Луцилла оглянулась, но детей больше видно не было. Они отправились на поиски другой жертвы.

Бурзмали повел ее за другой угол. Сейчас они были на улочке, заполненной мелкими торговцами, торгующими с лотков на колесах — еда, одежда, небольшие инструменты, ножи. Крики сливались в единый напев, заполнявший воздух: торговцы старались привлечь покупателей. В их голосах звучала приподнятость, свойственная концу рабочего дня,— фальшивая яркость, состоявшая из надежды, что сбудутся прежние мечты, и все же подкрашенная сознанием, что жизнь для них не переменится. Луцилле подумалось, что люди на улицах преследуют ускользавшую мечту и что им нужно даже не то, чтобы эта мечта сбылась, но погоня за ней — за легендой, за которой они приучены гнаться, точно так, как натасканные гончие бегут по безграничному кругу беговой дорожки за механической приманкой.

На улице прямо перед ними возникла плотная фигура в толстом подбитом пальто, вовлеченная в громкий спор с купцом, предлагавшим прыгучий мешочек, полный темно-красными шариками кисло-сладких фруктов. Фруктовый запах все окутывал вокруг них. Торговец жаловался:

— Ты крадешь еду изо рта моих детей!

Объемистая фигура говорила тонким голосом с выговором, слишком знакомым для Луциллы.

— У меня тоже есть дети!

Луцилла с трудом овладела собой.

Когда они отошли достаточно далеко от торговой улочки, она зашептала Бурзмали:

— Этот человек в толстом пальто, вон там — это тлейлаксанский Господин!

— Не может быть,— возразил Бурзмали.— Он очень уж высок.

— Их двое: один на плечах у другого.

— Ты убеждена?

— Уверена.

— Я видел похожих со времен нашего прибытия, но я ничего не заподозрил.

— Много охотников на этих улицах,— сказала она.

Луцилле все больше не нравилась повседневная скотская жизнь обитателей этой скотской планеты. Она больше не доверяла объяснениям, почему гхола был доставлен сюда. Из всех планет, где могли воспитывать их драгоценного гхолу, почему Орден выбрал именно эту?

И был ли этот гхола в самом деле драгоценным? Не может ли быть так, что он простая наживка?

Почти перегораживая узкий проход аллеи, рядом с ними был мужчина, призывавший к высокому устройству из вертящихся огоньков.

— Живи! — восклицал он.— Живи!

Луцилла замедлила шаг, чтобы взглянуть на прохожего, отошедшего в аллею и бросившего монетку зазывале, а затем наклонившегося к тазику, в котором ярко светились огоньки. Зазывала также взглянул на Луциллу. Она увидела человека с узким темным лицом туземца Келадана, лишь немногим выше тлейлаксанского Господина. На этом меланхоличном лице было презрение, когда он подобрал деньги клиента. Клиент поднял лицо от тазика, вздрогнув, потом покинул аллею, слегка спотыкаясь, глаза его были стеклянными. Луцилла узнала это устройство: пользователи называли его гипнобонг, и он был запрещен во многих цивилизованных мирах.

Бурзмали поспешил увести ее прочь от меланхоличного владельца гипнобонга.

Они оказались на боковой улочке пошире, где на углу была дверь в здание, пересекавшее их дорогу. Все вокруг передвигались пешком, ни одного транспортного средства не было видно. На ступенях этой угловой двери сидел высокий мужчина, подобрав колени к подбородку. Его длинные руки охватывали колени, тонкие пальцы были переплетены. На нем была надета черная шляпа с широкими полями, затемнявшими его лицо от уличных светильников, но по одному лишь двойному блику среди теней, отбрасываемых полями его головного убора, Луцилла поняла, что никогда раньше не встречала людей подобной породы. Это было то, о чем Бене Джессерит знал лишь понаслышке.

Бурзмали подождал, пока они не отошли на порядочное расстояние от сидевшей фигуры, чтобы удовлетворить ее любопытство:

— Футар — вот как они себя называют. Они только недавно появились здесь, на Гамму.

— Тлейлаксанский эксперимент,— догадалась Луцилла и подумала: «Ошибка, возвратившаяся из Рассеяния».— Что они здесь делают? — спросила она.

— Колония торговцев, так объяснили местные жители.

— Не верь этому. Это охотничьи животные, которые скрещены с людьми.

— Но, вот мы и на месте,— сказал Бурзмали. Он провел Луциллу через узкую дверь в тускло освещенную харчевню.

Это было частью их маскировки, поняла Луцилла: делай то, что делают все другие в этом квартале, но ей отнюдь не светила перспектива поесть в этом месте — нисколько, если судить по доносящимся запахам.

Здесь явно только что было много народу, но, когда они вошли, харчевня уже начинала пустеть.

— Эту забегаловку очень хвалят,— сказал Бурзмали, когда они сели за мехаслот, ожидая появления проекции меню.

Луцилла наблюдала за уходившими клиентами. Ночные рабочие с ближних фабрик и контор, подумала она. Они казались встревоженными в своей спешке, быть может, боялись того, что с ними могут сделать, если они опоздают.

Луцилла загрустила: в Оплоте она была полностью отрезана от всей жизни планеты. Ей не нравилось то, что сейчас узнавала о Гамму. До чего же убогое местечко эта забегаловка! Табуреточки у стойки справа от нее были поцарапанными и потрепанными. Стол, многократно вытертый и продраенный пескодральщиками, уже никаким вакуумным очистителем (сопло которого виднелось рядом с ее левым локтем) невозможно было привести в должный вид. Не было даже признака самого дешевого соника для поддержания чистоты. В царапинах стола скапливались остатки еды и прочая гадость. Луцилла содрогнулась. Она не могла избежать чувства, что ошиблась, отделясь от гхолы.

Она заметила, что перед ними проявляется проекция меню, и Бурзмали уже изучает его.

— Я закажу и для тебя,— сказал он.

Бурзмали говорил так, будто он не хочет, чтобы она

совершила ошибку, заказав нечто такое, что женщина Хорм должна избегать.

Ее уязвило чувство своей зависимости. Она ведь Преподобная Мать! Она обучена давать приказания в любой ситуации, быть хозяйкой своей судьбы. До чего же все это изнурительно. Она показала на грязное окно слева от нее, где были видны люди, проходящие по узкой улочке.

— Я понесу убытки, если мы будем медлить, Скар.

«Вот так! Это очень подходит к роли».

Бурзмали чуть не вздохнул. «Наконец-то! — подумал он.— Она опять стала действовать как Преподобная Мать». Он не мог понять отстраненного отношения, охватившего ее при взгляде на город и его население.

Из подвального люка на стол выскользнули два молочных напитка. Бурзмали выпил свой одним глотком. Луцилла попробовала питье сначала кончиком языка, определяя его содержимое. Поддельный кофект, разведенный соком, ароматизированным ореховым запахом.

Бурзмали показал подбородком вверх, указывая ей, что это надо быстро выпить. Она повиновалась, скрыв гримасу отвращения от химических ароматов. Внимание Бурзмали было приковано к чему-то за ее правым плечом, но она не осмеливалась обернуться. Это было бы вне роли.

— Пошли,— он положил монетку на стол и заспешил на улицу.

Он улыбался как жадный клиент, но в глазах его был страх.

Темп жизни на улицах изменился. Стало уже меньше народу. Затененные двери источали более серьезное чувство угрозы. Луцилла напоминила себе, что она по роли представляет могущественную гильдию, чьи члены недостижимы для обычной жестокости городского отребья, и немногие люди, которых они все-таки встречали на пути, в самом деле уступали ей дорогу, взирая на драконов на ее облачении с явным благоговением.

Бурзмали остановился в дверях.

Эта дверь была совсем такой же, как и другие вдоль этой улицы — чуть отстоящая от тротуара, такая же высокая, что казалась у́же, чем была на самом деле. Старомодный засов перекрывал вход. Ничто из более новых систем не проникало в эти трущобы. Сами улицы, приспособленные только для граундкаров, свидетельствовали об этом. Она сомневалась, что в целом этом районе найдется хотя бы одна крыша-подушка. Не было видно или слышно ни

флиттеров, ни топтеров. Однако доносилась музыка: слабое шуршание, напоминавшее симуту. Что-то новое у приверженцев симуты? Это, несомненно, такой район, где наркоманы должны чувствовать себя как дома.

Луцилла с торопливостью взглянула на фасад здания, Бурзмали же двинулся вперед и дал знать об их присутствии, отомкнув дверной засов.

Фасад здания был без окон. Только слабо сверкали телеглазы здесь и там в тусклом отсвете древней пластали. Это были старомодные телеглазы, отметила она, намного больше современных.

Дверь, расположенная глубоко внутри теней, повернулась вовнутрь на безмолвных петлях.

— Сюда,— Бурзмали подался вперед и принудил ее идти за собой, потянув за локоть.

Они вошли в тускло освещенный холл, в котором витали запахи экзотической еды и горькой эссенции. Ей понадобился лишь миг, чтобы определить некоторые из запахов, ударивших в нос. Меланж. Ни с чем не спутать этот густой запах корицы. И конечно, симута. Она узнала также жженый рис и соли хигита. Кто-то маскировал нечто другое под видом приготовления пищи. Здесь производили взрывные устройства. Она вначале хотела предостеречь Бурзмали, но передумала. Ему нет надобности знать об этом, и в ограниченном пространстве могли быть уши, которые услышат все, что она скажет.

Бурзмали двинулся по затемненной лесенке с тусклым глоускрипом вдоль косой несущей доски. На вершине лестницы он нашел спрятанный выключатель, скрытый за одним из пятен перепачканной стены. Не раздалось ни звука, когда он надавил на этот выключатель, но Луцилла почувствовала перемену в движениях всюду вокруг них. Тишина. Это был новый вид тишины в ее опыте: настороженно притихшая готовность к бегству или к насилию. Хоть в лестничном пролете и было холодно, но озноб, пробравший ее, был не от холода. За дверью с замаскированной пятном кнопкой раздались шаги. Выглянула седоволосая карга в желтом халате, открыла дверь, глянув на них сквозь нависавшие кустистые брови.

— А, это вы,— дрожащим голосом сказала она, отошла в сторону и пропустила их.

Луцилла быстро оглядела комнату, услышав, как позади захлопнулась дверь. Это была комната, которую ненаблюдательный человек мог бы посчитать ветхой, но

это было лишь внешнее впечатление, скрывавшее высокое качество. Сама ветхость и неряшливость были для маскировки. Мебель и маленькие безделушки выглядели чуть заношенными, но здесь не возражали против этого. Чья это комната? Старухи? Она с трудом ковыляла по направлению к двери слева от нее.

— Нас не нужно тревожить до зари,— сказал Бурзмали.

Женщина остановилась и обернулась.

Луцилла внимательно в нее вгляделась. Нет ли кого другого под лживо преклонным возрастом? Нет. Возраст настоящий: каждое движение отмечено ненадежностью — дрожащая шея, непослушное мускулам тело.

— Даже если кто-нибудь важный? — спросила старуха дрожащим голосом.

Ее глаза дернулись, когда она говорила. Рот приоткрывался лишь чуть-чуть, чтобы издать необходимые звуки, выпуская слова, словно зарождавшиеся глубоко внутри. Ее плечи, согнутые годами, проведенными над какой-то повседневной работой, не могли выпрямиться достаточно, чтобы она могла взглянуть в глаза Бурзмали. Она вместо этого посмотрела мимо — странная, уклончивая поза.

— Какую важную персону ты ждешь? — спросил Бурзмали.

Женщина вздрогнула, и ей понадобилось время, чтобы понять.

— Очень важные фигуры заходят сюда,— ответила она.

Луцилла распознала сигналы ее тела и сказала Бурзмали:

— Она с Ракиса!

На Луциллу устремился пытливый, пристальный взгляд старухи. Древний голос произнес:

— Я была жрицей, леди Хорму.

— Конечно, она с Ракиса,— сказал Бурзмали. Его тон предостерегал Луциллу не задавать вопросов.

— Я не причинила вам зла,— прохныкала карга.

— Ты до сих пор служишь Разделенному Богу?

Вновь понадобилась долгая пауза, прежде чем старая женщина ответила.

— Многие здесь служат великому Гулдуру,— произнесла она.

Луцилла, поджав губы, еще раз осмотрела всю комнату. Эта старуха резко упала в ее глазах.

— Я рада, что не обязана убивать тебя,— сказала Луцилла.

Челюсть старухи отпала в пародии на удивление, а по губам потекли слюни.

Потомок ли она Свободных? Луцилла почувствовала, как ее пробирает дрожь отвращения. Эта неприкаянная нищенка была рождена от людей, ходивших с высоко поднятой головой, гордой походкой, от людей, которые умирали мужественно. Эта могла умереть только хныча.

— Пожалуйста, доверяйте мне,— прохныкала старая карга и быстро покинула комнату.

— Зачем ты это сделала? — спросил Бурзмали.— Это те самые, кто доставят нас на Ракис!

Луцилла просто взглянула на него, почувствовав в вопросе страх. Это был страх за нее.

«Но ведь я не кодировала его»,— думала Луцилла.

С чувством потрясения она осознала, что Бурзмали разглядел в ней ненависть.

«Я ненавижу их! — подумала Луцилла.— Я ненавижу людей этой планеты!»

Это была опасная эмоция для Преподобной Матери. И все же она жгла ее. Эта планета преобразила ее таким образом, которого она не хотела. Она желала осознания того, что могут случаться подобные вещи. Понимание разумом — это одно, а жизненным опытом — совсем другое.

«Проклятье им!»

Но они уже среди проклятых.

В груди у нее заболело. Отчаяние! Нельзя убежать от этих новых мыслей. Что же приключилось с этими людьми?

«С ЛЮДЬМИ?»

Оболочки были здесь, но они больше не могли называться полностью живыми. Хотя опасны, слишком опасны.

— Мы должны отдохнуть, пока возможно,— сказал Бурзмали.

— Я не должна отрабатывать свои деньги? — спросила она.

Кровь отлила от лица Бурзмали.

— То, что мы сделали, было необходимо! Будь счастлива, что нас не остановили, но это могло бы случиться!

— А это место безопасно?

— Настолько безопасно, насколько я смог это обеспе-

чить. Каждый здесь проверен либо мной, либо моими людьми.

Луцилла выбрала длинную кушетку, от которой пахло старыми духами, и устроилась на ней, чтобы усмирить опасную ненависть. Там, где возникает ненависть, может появиться и любовь! Она услышала, как Бурзмали вытянулся на подушках у противоположной стены, чтобы отдохнуть. Вскоре он задышал глубоко и ровно, но Луцилле не спалось. В ней продолжали тесниться бесчисленные воспоминания, навязываемые теми иными, кто продолжал свою жизнь во внутренних хранилищах ее сознания. Вдруг внутреннее ви́дение провело пред ней короткой вспышкой улицы и лица людей, двигавшихся в ярком солнечном свете. Ей понадобилось время, чтобы осознать, что видит она все это с какого-то непривычного угла, что ее баюкают на чьих-то руках. Только тогда она поняла, что это одно из ее личных воспоминаний. Она не могла узнать того, кто держит ее на руках, отдавая теплое биение своего сердца ее щекам.

Луцилла ощутила соленый вкус своих слез. Она поняла, что Гамму задела ее намного глубже, чем любой жизненный опыт со времени первых дней в школах Бене Джессерит.

Сердце, скрытое за крепкими преградами, становится льдом.

Дарви Одрейд: довод на Совете

Все собравшиеся испытывали сильное напряжение: Тараза (тайная кольчуга под ее облачением, и она тщательно позаботилась предпринять и другие меры предосторожности), Одрейд (проявлявшая всю бдительность, ведь здесь вполне могло дойти до насильственных действий), Шиана (от нее не скрывали, что́ здесь могло произойти; двигавшиеся за ней три Матери Безопасности прикрывали ее, как живой доспех), Вафф (мучимый тревогой, что Бене Джессерит затуманит его рассудок какими-нибудь своими таинственными средствами), лже-Туек (всем видом показавший, что он вот-вот взорвется от ярости) и десять ракианских советников Туека (каждый зол и вовлечен в отчаянную борьбу по захвату власти для самого себя или своей семьи).

И вдобавок к этому пять телохранительниц-послушниц, мастериц боевых искусств, которые выведены Орденом целенаправленным скрещиванием, они стояли вплотную к Таразе. Вафф появился с равным количеством новых Лицевых Танцоров.

Все собрались в покоях верхнего этажа над музеем Дар-эс-Балата. Это было длинное помещение, где сквозь плазовую стену открылся вид на запад, за сад на крыше, заросший кружевной зеленью. Обстановка представляла собой мягкие диванчики и экспонаты из не-палаты Тирана высокой художественной ценности. Одрейд выступила против присутствия Шианы, но Тараза осталась твердой как камень. Воздействие девочки на Ваффа и некоторых жрецов давало Бене Джессерит большое преимущество.

Вдоль длинной стены с окнами стояли долбановые ширмы для защиты от самого сильного сияния идущего на запад солнца. Даже то, что окна смотрели на запад, являлось для Одрейд определенным показателем — там простиралась сумеречная страна, где Шаи-Хулуд вкушал свой сон. Это было помещение, сосредоточенное на смерти.

Она восхитилась стоящими перед ней долбанами. Это были плоские черные филенки в десять молекул толщиной, вибрирующие в прозрачном жидком связующем. Эти лучшие, саморегулирующие икшианские долбановые ширмы принимали заранее определенный и допустимый уровень света, так что немногое исчезло из виду. Одрейд знала: художники и древние дельцы предпочитали их поляризующим системам, потому что долбаны оставляли полный спектр света. То, что они были здесь, говорило о предназначении помещения — выставочный зал самых ценных экспонатов из собрания Бога-Императора. Да, здесь было платье его несостоявшейся суженой.

Жрецы-советники жарко дискутировали между собой в одном из концов комнаты, не обращая внимания на лже-Туека. Тараза стояла неподалеку и прислушивалась. Ее лицо явно выражало, что она считает жрецов дураками.

Вафф со своей свитой Лицевых Танцоров стоял возле широкой входной двери. Его взгляд перебегал с Шианы на Одрейд и Таразу, и только изредка на спорящих жрецов. Каждое движение Ваффа свидетельствовало о его неуверенности. Действительно ли его поддержит Бене Джессерит? Смогут ли они все вместе мирными средствами преодолеть ракианскую оппозицию?

Шиана и прикрывавший ее эскорт стали возле Одрейд.

В девочке до сих пор были резкость и поджарость, отметила Одрейд, но она полнела, и мускулы обретали очертания, свойственные Бене Джессерит. Ее высокие скулы смягчились под оливковой кожей, карие глаза светлели, но оставались рыжие штришки в ее каштановых волосах. То внимание, которое она уделяла жрецам, доказывало, что она взвешивает сейчас, насколько ощутимо то, во что она посвящена и насчет чего проинструктирована.

— Они в самом деле будут сражаться? — прошептала она.

— Прислушайся к ним,— сказала Одрейд.

— Что сделает Верховная Мать?

— Внимательно наблюдай за ней.

Они обе посмотрели на Таразу, стоявшую в окружении отряда мускулистых послушниц. Тараза, продолжавшая следить за жрецами, выглядела повеселевшей.

Ракианская группа начала свой спор в саду на крыше. Они вошли с ним внутрь, когда тени удлинились. Они сердито пыхтели, порой бормотали, а потом опять повышали голоса. Разве они не видят, как фальшивый Туек наблюдает за ними?

Одрейд перенесла свой взгляд на горизонт, видимый за садом на крыше: никакого другого признака жизни во всей пустыне. В каком направлении ни смотри от Дар-эс-Балата, увидишь лишь один песок. Люди, рожденные и выросшие здесь, обладали другим взглядом на жизнь и на свою планету, чем большинство этих советников-жрецов. Это не Ракис зеленых поясов и полных водой оазисов в более высоких широтах, словно цветущие пальцы, указывавшие на долгие пути пустыни. Из Дар-эс-Балата открывалась Срединная Пустыня, протянувшаяся, как крестная всех пустынь, вокруг целой планеты.

— Достаточно я выслушал этой чуши! — взорвался лже-Туек. Он грубо отпихнул одного из своих советников в сторону и вошел в середину спорящей группы, поворачиваясь всем телом, чтобы взглянуть каждому в лицо.— Вы все что, с ума посходили?

— Один из жрецов (Господи, это же старый Альбертус!) посмотрел через зал, ища Ваффа, и окликнул:

— Вафф! Не будешь ли ты так добр, унять своего Лицевого Танцора?

Вафф заколебался, а затем направился к спорящим; его свита — вплотную за ним.

Поддельный Туек повернулся всем телом и направил палец на Ваффа:

— Эй, ты! Стой, где стоишь! Я не потерплю тлейлаксанского вмешательства! Ваш замысел открыт мне как на ладони!

Одрейд наблюдала за Ваффом, когда заговорил ложный Туек. Неожиданность! Никто никогда так не обращался к Господину Бене Тлейлакса. Какое потрясение! Черты его лица исказились от ярости. Из его рта вырывались жужжащие звуки, подобные звукам рассерженных насекомых, модулированный шум, который явно был каким-то видом языка. Лицевые Танцоры его свиты застыли как вкопанные, но лже-Туек просто опять перевел взгляд на своих советников.

Вафф перестал жужжать. Было видно, что он объят смятением и ужасом! Его Лицевой Танцор Туек не бежит к ноге! Он направился к жрецам. Фальшивый Туек опять это заметил и вновь ткнул в его сторону подрагивающим пальцем.

— Говорю тебе, держись подальше! Ты, быть может, и способен уничтожить меня, но не оседлаешь со своей тлейлаксанской скверной!

Это решило дело. Вафф остановился. К нему пришло понимание. Он метнул взгляд на Таразу, увидел, что она поняла его трудности, и это ее веселит. Теперь у него была новая цель для ярости.

— Ты знала!

— Я подозревала.

— Ты... ты...

— Вы слишком хорошо справились,— заключила Тараза.— Это же ваше собственное создание.

Жрецы не обратили внимания на это препирательство. Они закричали на ложного Туека, приказывая ему заткнуться и убраться, обзывая его «Проклятым Лицевым Танцором!»

Одрейд внимательно изучала предмет их нападения. Насколько же глубоко проник отпечаток! Неужели он в самом деле убежден, что он и есть Туек!

Лже-Туек выпрямился, вдруг обрел спокойствие, приосанился с достоинством и метнул насмешливый взгляд на своих обвинителей.

— Вы все меня знаете,— сказал он.— Все вы знаете годы моей службы Разделенному Богу, который есть Единый Бог. Я отправлюсь к Нему, если к этому приведет ваш

разговор, но помните: он знает, что делается в ваших сердцах!

Жрецы как один, взглянули на Ваффа. Никто из них не видел, как Лицевой Танцор заместил их Верхового Жреца. Никого не было, чтобы увидеть это. Всеми доказательствами были доказательства человеческих утверждений, но ведь любые утверждения могли быть ложью. С опозданием некоторые взглянули на Одрейд. Ведь они поверили, услышав, как она об этом говорит.

Вафф тоже посмотрел на Одрейд.

Она улыбнулась и обратилась к тлейлаксанскому Господину.

— Нашим целям он отвечает на сто процентов, чтобы звание Верховного Жреца на данное время не переходило в другие руки.

Вафф немедленно усмотрел выгоду для себя. Таким образом, между жрецами и Бене Джессерит вбивается клин, исчезает одна из самых больших опасностей, при помощи которых Орден держит Тлейлакс.

— Это отвечает и моим целям,— сказал он.

Поскольку жрецы опять сердито возвысили голоса. Тараза подоспела как раз в срок.

— Кто из вас нарушит наше соглашение? — спросила она.

Фальшивый Туек оттолкнул двух своих советников в сторону и широкими шагами прошел через комнату к Верховной Матери. Он остановился только в шаге от нее.

— Что здесь за игра? — спросил он.

— Мы поддерживаем тебя против тех, кто хочет тебя заменить,— ответила она.— Бене Тлейлакс присоединяется к нам в этом. Это наш способ показать, что и мы тоже имеем голос при выборе Верховного Жреца.

Возгласы нескольких жрецов слились в унисон:

— Лицевой Танцор он или нет?

Тараза милостиво взглянула на стоявшего перед ней человека:

— Ты Лицевой Танцор?

— Нет, разумеется, нет!

Тараза взглянула на Одрейд, и Одрейд сказала:

— Кажется, здесь произошла ошибка.

Одрейд среди жрецов выхватила взглядом Альбертуса и задержала на нем взгляд.

— Шиана,— спросила Одрейд,— что следует сейчас делать Церкви Разделенного Бога?

Как ей и было предписано сделать, Шиана вышла из-за своего живого заслона и произнесла высокомерно:

— Им следует продолжать служить Богу!

— Кажется, дело, ради которого мы собрались, закончено,— сказала Тараза.— Если тебе нужна защита, Верховный Жрец Туек, то наш охранный отряд ожидает в холле. Это люди в твоем распоряжении.

Они увидели в ней и понимание, и согласие. Он стал созданием Бене Джессерит. Он не помнил ничего о своем происхождении Лицевого Танцора.

Когда жрецы и Туек ушли, Вафф выпалил единственное слово, обращаясь к Таразе на языке исламиата:

— Объясни!

Тараза вышла из-за своих охранниц, становясь словно бы ранимой. Это было рассчитанное движение, которое они обсуждали в присутствии Шианы. На том же языке Тараза ответила:

— Мы ослабляем хватку, которой держим Бене Тлейлакс.

Они ждали, пока он обдумает эти слова. Тараза напомнила себе, что название тлейлаксанцев для себя самих переводится, как «не имеющие имени». Часто такое выражение употреблялось при упоминании о богах.

Этот Бог явно не уразумел из открывшегося ему здесь, что может случиться с его Лицевыми Танцорами, насажеными среди икшианцев и Рыбословш. Значит, Ваффа еще ожидают потрясения. Однако же вид у него был донельзя удивленный.

Вафф столкнулся со множеством вопросов без ответов. Он не был удовлетворен пришедшими с Гамму сообщениями. Он вовлечен сейчас в опасную двойную игру. Не играет ли Орден в такую же игру? Но тлейлаксанских Затерянных нельзя отодвинуть в сторону, не навлекая нападения Преподобных Черниц. Сама Тараза остерегала их от этого. Представляет ли старый башар на Гамму силу, с которой до сих пор необходимо считаться?

Этот последний вопрос он задал вслух.

Тараза парировала вопросом:

— Как вы переделали нашего гхолу? Чего вы хотели достичь? — она была уверена, что уже знает. Но необходимо продолжать игру в неведение.

Ваффу захотелось крикнуть: «Смерть всего Бене Джессерит!» Но ведь ценность этих ведьм, какие они есть, неисчислима. Он замкнулся в угрюмом молчании, глядя на

Преподобных Матерей с меланхолическим выражением, от которого его личико эльфа стало смотреться более детским.

«Капризный ребенок»,— подумала Тараза. И предостерегла себя затем, что опасно недооценивать Ваффа. Тлейлаксанское яйцо разбиваешь только для того, чтобы внутри найти еще одно яйцо,— и так до бесконечности! Все вернулось к подозрениям Одрейд о тех яблоках раздора, которые еще могли привести к кровавому побоищу в этом зале. Действительно ли тлейлаксанцы до конца поведали то, что узнали от развратниц и других Затерянных? Был ли гхола единственным могучим тлейксанским оружием?

Тараза решила еще раз его кольнуть, используя разработки «Девятого Анализа» ее Совета. Все так же на языке исламиата она сказала:

— Опозоришь ли ты себя в стране Пророка? Ты не вошел с нами в открытое соучастие, хотя говорил, что войдешь.

— Мы рассказали вам о сексуальных...

— Вы не были откровенны до конца! — перебила она.— Это из-за гхолы, и мы это знаем.

Она видела его реакцию загнанного в угол животного. Такие животные очень опасны. Однажды она видела дворняжку, одичавшую, с поджатым хвостом, происходившую от древних собак Дана, которую загнала в угол группа молодежи. Животное накинулось на своих преследователей, прокладывая путь к свободе с совершенно неожиданным зверством. Двое остались калеками на всю жизнь, и только один избежал ранений! Вафф был сейчас похож на животное. Ей видно, что у него руки чешутся схватиться за оружие. Но Тлейлакс и Бене Джессерит обыскали друг друга с тщательной осторожностью перед тем, как подняться сюда. Она была уверена, что оружия у него нет. И все же...

Вафф заговорил. В голосе терзающая его тревога перед неизвестностью:

— По-вашему, мы не осознаем, как вы хотите править нами!

— Гниль, которую принесли с собой Люди Рассеяния,— ответила Тараза.— Гниль с головы.

Манера Ваффа стала иной. Нельзя игнорировать то, что подразумевается более глубоко под этой мыслью Бене Джессерит. Но не посеет ли она вражду?

— Пророк установил локатор, тикающий в уме каж-

дого человека, из Рассеяния он или нет,— сказала Тараза.— Он привел их назад к нам, вместе со всей их гнилью.

Вафф заскрипел зубами. Что она делает? Его мучили сумасшедшие мысли, что Орден затмил его ум каким-то секретным наркотиком, распрысканным в воздухе. Они знают то, в чем отказано другим! Он переводил взгляд с Таразы на Одрейд и опять на Таразу. Он знал, что очень стар из-за этих постоянных воплощений в плоти гхолы, но недостаточно стар, по сравнению с Бене Джессерит. Вот Преподобные Матери действительно стары! Они даже представить себе не смеют. У Таразы были похожие мысли. Она увидела вспышку более глубокого понимания в глазах Ваффа. Необходимость открывает двери рассудку. Насколько глубоко зайдут тлейлаксанцы? Его глаза так стары! У нее появилось ощущение: что бы ни происходило в уме этих тлейлаксанских Господинов, сейчас это что-то другое — голографическая запись, с которой стерты все ослабевающие эмоции. Она разделяла недоверие к эмоциям, которое, подозревала, есть и в нем. Не эти ли узы их свяжут?

«Ориентированность в одном направлении, благодаря общим мыслям».

— Ты говоришь, что вы ослабляете вашу хватку на нас,— проворчал Вафф.— Но я чувствую твои пальцы на своем горле.

— Значит, хватка на твоем горле останется,— сказала она.— Некоторые из ваших Затерянных к вам вернулись. Ни одна Преподобная Мать не вернулась к нам из Рассеяния.

— Но ты сказала, что вы знаете все о...

— У нас есть и другие пути приобретения знаний. Что, по-твоему, произошло с Преподобными Матерями, которых мы отправили в Рассеяние?

— Общая катастрофа? — он качнул головой. Это была абсолютно новая информация. Ни один из возвратившихся тлейлаксанцев ничего об этом не говорил. Это противоречие питало его подозрения: кому же верить?

— Они стали ренегатками,— сказала Тараза.

Одрейд, услышав, как впервые Верховной Матерью произносятся вслух всеобщие подозрения, почувствовала мощь, скрытую за этими простыми словами Таразы. Одрейд даже испугалась. Она знала ресурсы, планы на случай непредвиденных обстоятельств, импровизирован-

ные пути, которые Преподобная Мать могла использовать, чтобы преодолеть препятствия. Можно ли этим остановить что-то Оттуда?

Когда Вафф промолчал, Тараза продолжила:

— Вы пришли к нам с грязными руками.

— Ты смеешь так говорить? — осведомился Вафф.— Ты, которая продолжает подрывать наши ресурсы способами, перенятыми от матери вашего башара?

— Мы знаем, что вы можете разрешить себе потери, раз у вас есть ресурсы из Рассеяния,— сказала Тараза.

Вафф сделал дрожащий вздох. Значит, Бене Джессерит знает даже это. Он отчасти понимал, как они вызнали. Что ж, следует найти способ вернуть ложного Туека под свой контроль. Ракис — это в самом деле цена, которой доискиваются люди Рассеяния, и ее еще могут потребовать от Тлейлакса.

Тараза подошла поближе к Ваффу, одинокая и уязвимая. Она увидела, как еще больше напряглись ее охранницы. Шиана сделала маленький шажок по направление к Верховной Матери, и Одрейд оттянула ее назад.

Одрейд удержала взгляд на Верховной Матери, а не на вероятных участниках нападения. Действительно ли тлейлаксанцы убеждены, что Бене Джессерит будет служить им? Тараза проверила пределы этого убеждения, никакого сомнения. И на языке исламиата. Но она выглядит очень одинокой, отдаляясь от своих охранниц так близко к Ваффу и его людям. Куда могут привести Ваффа его очевидные подозрения?

Тараза содрогнулась.

Одрейд заметила это. Тараза была слишком худа — как ребенок — ни одной лишней унции жира. Это делало ее изощренно чувствительной к перепадам температуры, очень плохо переносящей холод. Но Одрейд не чувствовала в помещении перепада температур. Значит, Тараза приняла опасное решение — настолько опасное, что тело выдает ее. Опасное не для нее самой, конечно — опасное для Ордена. Вот в чем страшное преступление Бене Джессерит: измена своему Ордену.

— Мы будем служить вам всеми способами, кроме одного,— сказала Тараза.— Мы никогда не станем инкубаторами для гхол!

Кровь отхлынула с лица Ваффа.

Тараза продолжила:

— Ни одна из нас никогда не станет...— она сделала паузу,— ...акслольтным чаном.

Вафф поднял руку, намереваясь подать жест, который знала каждая Преподобная Мать: сигнал к нападению для своих Лицевых Танцоров.

Тараза указала на его поднятую руку.

— Если ты закончишь этот жест,— Тлейлакс потеряет все. Посланница Бога,— Тараза указала через плечо на Шиану,— отвернется от вас, и слова Пророка станут пылью в ваших устах.

Услышать такие слова на языке исламиата было для Ваффа уж чересчур. Он опустил руку, но продолжал угрюмо пожирать взглядом Таразу.

— Мой посол сказала, что мы поделимся всеми известными нам знаниями,— проговорила Тараза.— Ты подтвердил это. Посланница Бога слушает ушами Пророка! Что проистекло на Тлейлаксе?

Плечи Ваффа поникли.

Тараза повернулась к нему спиной. Ход хитрый, но она — как и другие Преподобные Матери, присутствовавшие здесь,— знала, что делает его сейчас совершенно безопасно. Взглянув через зал на Одрейд, Тараза позволила себе улыбнуться — зная, что Одрейд правильно поймет эту улыбку. Время для небольшого наказания со стороны Бене Джессерит.

— Тлейлакс жаждет Атридеса для выведения,— промолвила Тараза.— Я дарую вам Одрейд. Будут поставлены и другие.

Вафф пришел к решению.

— Может быть, вам и многое известно о Преподобных Черницах,— сказал он,— но вы...

— Развратницах! — Тараза повернулась всем телом.

— Как тебе будет угодно. Но есть то, что, как выяснилось из ваших слов, вы не знаете. Я закреплю сделку, рассказав тебе это. Они владеют искусством многократно умножать основу для оргазма, распространяя его по всему мужскому телу. Они задействуют все чувственное восприятие мужчины. Множественные волны оргазма творятся ими и могут быть растянуты... могут быть растянуты этими женщинами на очень длительный период.

— Полное задействование? — Тараза и не старалась скрыть своего изумления.

Одрейд тоже слушала в шоке, который, как она уви-

дела, разделяют все присутствующие Сестры и даже послушницы. Только Шиана, казалось, не понимала.

— Говорю тебе, Верховная Мать Тараза,— заговорил Вафф со злорадной улыбкой на лице,— что мы проиграли это с одним из моих собственных людей. Даже я сам участвовал! В гневе я приказал Лицевому Танцору, который исполнял... женскую роль уничтожить себя. Ни один... я говорю, никому нельзя иметь такую власть надо мной!

— Какую власть?

— Если бы это была одна из тех... из этих развратниц, как вы их называете, я бы повиновался ей, ни о чем не спрашивая,— он содрогнулся.— У меня едва хватило силы воли... уничтожить...— он растерянно покачал головой при этом воспоминании.— Меня спас гнев.

Тараза постаралась сглотнуть сухим горлом.

— Как?

— Как это делается? Отлично! Но перед тем, как я поделюсь с вами знанием, я предостерегаю вас... если кто-либо когда-нибудь попытается опробовать на нас такую власть, последует кровавое побоище! Мы приготовили наш домель, наш народ ответит убийством всех Преподобных Матерей, которых они смогут найти, при малейшем признаке вашего желания установить над нами такую власть!

— Ни одна из нас этого не сделает, но не из-за твоей угрозы. Нас удерживает понимание того, что это и нас уничтожит. Твоя кровавая резня не будет нужна.

— Вот как? Тогда почему же это не истребляет этих... этих развратниц?

— Истребляет! И истребляет всякого, кто к ним прикасается!

— Меня это не уничтожило!

— Тебя защищает Бог, мой Абдль,— сказала Тараза.— Как защищает он всех верных.

Убежденный Вафф осмотрел комнату и вновь перевел взгляд на Таразу.

— Пусть всем будет известно, что я исполню свой обет в стране Пророка, это будет путь, а затем...— он махнула рукой двум своим Лицевым Танцорам.— Мы вам покажем.

Много позже, оставшись одна в своих покоях, Одрейд гадала: было ли мудро позволять Шиане увидеть все представление? Что ж, почему бы и нет? Шиана уже посвящена Ордену. И пробудило бы подозрения у Ваффа, если Шиану удалили.

В Шиане ощущался явный чувственный подъем, когда

она наблюдала за спектаклем Лицевых Танцоров. Тренирующей прокторше придется раньше обычного срока призвать для Шианы спарринг-мужчин. Что тогда сделает Шиана? Постарается ли она опробовать это новое знание на мужчинах? В Шиане должны быть заложены запреты, чтобы предотвратить это! Она должна усвоить, что это может составлять опасность для нее самой.

Присутствовавшие Сестры и послушницы хорошо себя контролировали, накрепко откладывая в запасники памяти то, что они познавали. От этого зрелища и нужно строить образование Шианы.

Остальные полностью справились с внутренними силами. Наблюдавшие Лицевые Танцоры сохраняли непроницаемость, но на Ваффа стоило взглянуть. Он сказал, что уничтожит обоих исполнителей, но что он сделает сперва? Поддастся ли он искушению? Какие мысли проносились в его голове, когда он наблюдал за мужчиной Лицевым Танцором, корчившимся в уничтожающем рассудок экстазе?

Каким-то образом этот спектакль связался у Одрейд с ракианским танцем, который она видела на Великой Площади Кина. В коротком промежутке времени танец был специально аритмичен, но по мере развития в нем открывался долговременный ритм, повторявшийся примерно через каждые две сотни шагов. Танцоры растягивали ритм танца до удивительной степени.

Как это делали Лицевые Танцоры, давшие им это представление.

«Сиайнок стал сексуальной хваткой на бесчисленных миллиардах в Рассеянии!»

Одрейд подумала о том танце, о ритме, за которыми последовало хаотическое побоище. Возвышенная сориентированность Сиайнока на обмен религиозными энергиями обратились в другой вид обмена. Она вспомнила возбужденную реакцию Шианы, когда затронула в разговоре с ней тот танец на Великой Площади и спросила:

— Чем они там сопричащались друг с другом?

— Это же танцоры, глупая!

Такой ответ являлся непозволительным.

— Я уже предупреждала, чтобы ты оставила такой тон, Шиана. Ты хочешь тотчас же изведать, какое наказание для тебя может найтись у Преподобной Матери?

Слова, словно многозначащие призраки всплывали в уме Одрейд, смотревшей на сгущавшуюся тьму за верхним

этажом Дар-эс-Балата. Беспредельное одиночество заполонило ее. Все остальные ушли из этой комнаты.

«Только наказанный остается!»

Как же горели глаза Шианы в той комнате над Великой Площадью, сколько вопросов было у нее на уме.

— Почему ты всегда говоришь о боли и наказании?

— Ты должна усвоить дисциплину. Как ты сможешь контролировать других, когда не можешь контролировать себя?

— Я недовольна таким уроком.

— Никому из нас он особо не нравится... до тех пор, пока мы на опыте не познаем его ценность.

Как и предполагалось, Шиана долго переваривала ответ в уме. Наконец, она рассказала все, что знала, об этом танце.

— Некоторые из танцующих сбегут. Другие уйдут к Шайтану. Жрецы говорят, они идут к Шаи-Хулуду.

— Что с теми, кто останется в живых?

— Когда они очнутся, они должны будут присоединиться к великому танцу в пустыне. Если туда придет Шайтан, они умрут. Если Шайтан не придет, они будут вознаграждены.

Одрейд поняла общую схему. Дальнейшие объяснения Шианы были даже уже не нужны, хотя Одрейд и позволила ей продолжить. Сколько же горечи было в голосе Шианы!

— Их наградят деньгами, местом на базаре — всякое такое. Жрецы говорят, они доказали, что являются людьми.

— А те, что потерпели неудачу, те не люди?

Шиана на это промолчала, надолго погрузившись в глубокие размышления. Путь этих размышлений, однако, был виден Одрейд: испытание Ордена на человечность! Ее собственный проход в приемлемую человечность Ордена был уже в точности повторен Шианой.

Каким же мягким кажется этот проход, по сравнению с другими муками!

В тусклом свете верхних покоев Музея Одрейд подняла правую руку, посмотрев на нее, припомнила и ящичек муки, и гом джаббар, нацеленный в шею, готовый убить, если она содрогнется или вскрикнет.

Шиана тоже не вскрикнула. Но она знала ответ Шианы даже еще до ящичка муки.

— Они люди, но по-другому.

Одрейд заговорила вслух в пустой комнате с ее экспонатами из хранилища не-палаты Тирана.

— Что ты с ним сделал, Лито? Только ли ты Шайтан, говорящий с нами? К чему ты сейчас понуждаешь нас причаститься?

«Станет ли допотопный танец допотопным сексом?»

— С кем ты разговариваешь, Мать?

Это был голос Шианы. Он донесся от открытой двери в противоположном конце комнаты. Ее серая роба послушницы виднелась лишь смутным силуэтом, увеличивавшимся при приближении.

— Меня послала за тобой Верховная Мать,— сказала Шиана, подойдя и остановившись рядом с Одрейд.

— Я разговариваю сама с собой — сказала Одрейд. Она посмотрела на странно тихую девочку, вспоминая выкручивающее внутренности возбуждение того момента, когда Шиане задали опорный вопрос.

«Желаешь ли стать Преподобной Матерью?

— Почему ты разговариваешь сама с собой, Мать? — в голосе Шианы послышалась сильная озабоченность. Обучающим прокторшам придется приложить много усилий, чтобы устранить ее эмоции.

— Я припоминала, как я спросила тебя, хочешь ли стать Преподобной Матерью,— ответила Одрейд.— Это навело меня на другие мысли.

— Ты сказала, что я должна довериться твоему руководству во всем, не оставив позади себя ничего, ни в чем тебя не ослушиваться.

— И ты сказала: «И это все?»

— Я тогда не очень-то много знала, правда? И я до сих пор не очень-то много знаю.

— Никто из нас не знает, девочка. Кроме того, что все мы вовлечены в совместный танец. И Шайтан безусловно придет, если хоть кто-нибудь из нас потерпит неудачу.

Когда сходятся вместе чужестранцы, следует делать большую скидку на различия привычек и воспитания.
Леди Джессика, из «Мудрости Арракиса»

Последняя зеленоватая полоска света погасла за горизонтом, когда Бурзмали дал сигнал, что они могут двигаться. Было уже темно, когда они добрались до даль-

ней окраины Ясая и кольцевой дороги, которая должна была привести их к Данкану. Небо затмили облака, на которых отражались огни города, и отсвет этих огней падал на городские трущобы, через которые вели их проводники.

Эти проводники нервировали Луциллу. Они появлялись из боковых улочек, из вдруг раскрывавшихся дверей, шепотом разъясняя, куда двигаться дальше.

Слишком много людей знало о паре беглецов и о назначенном свидании!

Она выиграла бой со своей ненавистью, но следом ее осталось сильное отвращение к любому человеку, которого они встречали. Прятать это отвращение за обычными ухватками гетеры, идущей со своим клиентом, становилось все труднее.

Тротуар был весь в слякоти, налетевшей на него из-под проезжавших граундкаров.

У Луциллы замерзли ноги, они не прошли и полкилометра, как ей пришлось израсходовать дополнительную энергию, чтобы согреться.

Бурзмали двигался молча, с опущенной головой, якобы погруженный в собственные заботы. Луциллу этим не обмануть. Бурзмали слышал каждый звук вокруг них, видел каждую приближавшуюся машину. Он заставлял ее поспешно с сойти с дороги всякий раз при приближении граундкара. Граундкары со свистом проносились мимо на своих суспензорах, грязная слякоть летела из-под щитков и забрызгивала кустарники вдоль дороги.

Тогда Бурзмали бросал ее в снег рядом и ждал там, пока не становился уверен, что граундкар уже далеко. Хотя вряд ли едущие в них были способны разобрать что-то кроме звука своей собственной быстрой езды.

После двух часов пути Бурзмали остановился и оценивающе поглядел на дорогу перед ними. Местом их назначения была община на кольцевой, которую им описали как «совершенно безопасную». Луцилла сомневалась в этом — на Гамму не было совершенно безопасных мест.

Община перед ними приветливо светилась желтыми огнями, от отсветов которых наполнились внутренним светом облака. Их продвижение по слякоти привело им к тунелю под кольцевой дорогой и низкому холму, на котором было разбито что-то наподобие садика. Ветки неподвижны в тусклом свете.

Луцилла взглянула вперед. Облака таяли. У Гамму

было множество маленьких лун — не-кораблей, орбитальных крепостей. Некоторые из них размещены Тегом, но она заметила линии новых, тоже несущих охрану. Они были в четыре раза ярче самых ярких звезд и часто передвигались вместе; их отраженный свет был полезным, но неверным, потому, что двигались они быстро — через все небо и за горизонт всего лишь за несколько часов. Она посмотрела на цепочку из шести таких лун, видневшуюся в разрывах туч, гадая, не являются ли они частью защитной системы Тега. Секунду она думала над врожденной слабостью защитного менталитета. Тег был прав. Мобильность — вот ключ к военному успеху. Но она колебалась, что он имел в виду мобильность пехоты. Здесь, на белоснежном склоне, нелегко было бы спрятаться, и Луцилла почувствовала нервозность Бурзмали. Что они смогут сделать, если кто-нибудь на них наткнется? Слева от них, наискосок к общине показалось покрытое снегом углубление. Это была дорога, но ей подумалось, что на этом месте могла быть и простая тропа.

— Вот сюда,— сказал Бурзмали, уводя их в углубление.

Снег здесь доставал им до паха.

— Надеюсь, этим людям можно доверять,— сказала Луцилла.

— Они ненавидят Преподобных Черниц,— подтвердил он.— Для меня этого достаточно.

— Лучше бы гхола был здесь! — Луцилла сдержала более резкие слова, но не могла удержаться, чтобы не добавить: — Для меня их ненависть недостаточна.

«Правильнее ожидать самого худшего»,— подумала она.

Однако она успокоилась по поводу Бурзмали. Он похож на Тега. Никто из них не следует курсом, который может завести в тупик — нет, если они хоть как-то могут этого избежать. Она подозревала, что даже сейчас вокруг них спрятаны силы прикрытия.

Тропа, запорошенная снегом, перешла в мощеную дорожку, плавным изгибом уходившую от подножия холма и очищенную с помощью системы растопления снега. Посреди дорожки сочился ручеек. Луцилла сделала несколько шагов по дорожке, до того как поняла, что это магнитный желоб, бывший некогда путепроводом для древнего транспорта, которым доставлялись вещи и сырье на фабрику, располагавшуюся в этом месте до времен Рассеяния.

— Здесь становится круче,— предостерег ее Бурзмали.— Прорублены ступеньки, но будь осмотрительна. Ступеньки узкие.

Скоро они добрались до конца магнитного желоба. Он закончился у разрушенной стены, сделанной из местного кирпича поверх пластального фундамента. В тусклом свете звезд очистившегося неба проступила грубая кладка — типичное сооружение времен Голода. Стена была густо покрыта вьющимися растениями и пятнами плесени. Растительность почти не скрывала трещин и расколов в кирпичах, как и грубых попыток заполнить трещины цементом. Единственный ряд узких окон смотрел на то место, где магнитный желоб растворялся в массе кустарников и сорняков. В трех окнах светился электрический свет — свидетельство наличия жизни внутри, которая сопровождалась слабыми потрескивающими звуками.

— В былые времена здесь была фабрика,— сказал Бурзмали.

— У меня есть глаза и память,— огрызнулась Луцилла.

«Неужели этот ворчливый мужчина считает, что она полностью лишена разума?»

Что-то уныло скрипнуло слева от них. Это приподнялся кусок дерна и сорняков, открывая спуск в подвал, сквозь щель брызнул яркий желтый свет.

— Быстро! — Бурзмали повел ее быстрым бегом через густые заросли и вниз по пролету ступенек, открывшихся под приподнявшимся люком. Люк скрипнул механическим скрежетом, закрываясь позади них.

Луцилла увидела, что они очутились в большом помещении с низким потолком, освещенным длинными рядами современных глоуглобов, укрепленных на массивных пластальных захватах над головой. Пол был чисто выметен, но на нем виднелись царапины и признаки жизнедеятельности: здесь раньше, без сомнения, располагалась убранная теперь машинерия. В глаза бросилось движение вдали. Молодая женщина, одетая в такую же накидку с драконами, как и на Луцилле, рысцой направилась к ним.

Луцилла принюхалась. В помещении стоял кисловатый запах, и его оттенки говорили о чем-то грязном.

— Здесь была фабрика Харконненов,— сказал Бурзмали.— Интересно, чем они здесь занимались?

Молодая женщина остановилась перед Луциллой. У нее была гибкая фигура: элегантный силуэт, легкие движения под облегающим одеянием. Лицо ее светилось налитым

румянцем, что говорило о физической закалке и хорошем здоровье. Зеленые глаза, однако, так оценивающе смотрели на все вокруг, что выражение их было тяжелым и морозящим.

— Значит, они послали не меня одну наблюдать за этим местом,— сказала она.

Луцилла предупреждающе подняла руку, когда Бурзмали собрался ответить. Эта женщина не та, кем она хочет представиться. «Не больше, чем я!» Луцилла стала осторожно выбирать слова.

— Мы всегда знаем друг друга, похоже.

Женщина улыбнулась.

— Я следила за вашим приближением. Не могла поверить собственным глазам.— Она метнула насмешливый взгляд на Бурзмали.— Это — будто бы клиент?

— И проводник,— ответила Луцилла. Она заметила озадаченность на лице Бурзмали и взмолилась, чтобы он не задал неправильного вопроса. Эта молодая женщина грозила опасностью!

— Вы разве нас не ждали? — спросил Бурзмали.

— Да. Оно разговаривает,— со смехом проговорила молодая женщина. Ее смех был так же холоден, как и ее глаза.

— Я предпочитаю, чтобы ты не называла меня «оно»,— сказал Бурзмали.

— Я называю отребье Гамму так, как мне хочется,— ответила молодая женщина.— И не заговаривай со мной о том, что ты предпочитаешь!

— Как ты меня назвала? — Бурзмали устал, и в нем начал закипать гнев при этом неожиданном нападении.

— Я называю тебя так, как хочу: отребье!

Бурзмали довольно долго терпел. Не успела Луцилла его остановить, как он издал тихое рычание и отвесил молодой женщине тяжелую пощечину.

Пощечина не достигла цели.

Луцилла с восхищением наблюдала, как молодая женщина подпрыгнула при этом нападении, поймала Бурзмали за рукав, как можно поймать несомый ветром кусочек ткани, и в ослепляюще быстром пируэте, скорость которого почти скрывала его точность, нанесла Бурзмали такой удар, что тот навзничь рухнул на пол. Женщина полупригнулась на одной ноге, другой приготовилась ударить вновь.

— Сейчас я его убью,— проговорила она.

Луцилла, не зная, что может произойти дальше, согнулась, отклоняясь вбок, едва избежав быстрого удара ноги женщины, и ответила стандартным сабартом Бене Джессерит так, что та рухнула на пол, сложившись пополам, поскольку удар поразил ее в подбрюшье.

— Предположение, что ты убьешь моего проводника, неуместно, как тебя там ни зовут,— сказала Луцилла.

Молодая женщина судорожна вздохнула, обретая дыхание, и затем ответила, задыхаясь между словами:

— Меня зовут Мурбелла, Великая Преподобная Черница. Ты опозорила меня, сразив в столь медленном нападении. Зачем ты это сделала?

— Тебе надо было дать урок,— сказала Луцилла.

— Я лишь недавно облачена в Преподобные Черницы. Пожалуйста, прости меня. Я благодарю тебя за замечательный урок и буду благодарить тебя всякий раз, когда вспомню твою реакцию, которую я обязана усвоить,— она склонила голову, затем легко вскочила на ноги, озорная улыбка блуждала на ее лице.

Самым холодным голосом Луцилла спросила:

— Ты знаешь, кто я?

Уголком глаза она увидела Бурзмали, поднимавшегося на ноги с болезненной медлительностью. Он остался сбоку, наблюдая за женщинами, но гнев полыхал на его лице.

— По твой способности преподать мне такой урок,— я узнаю, кто ты — Великая Преподобная Черница. Забуду ли я? — озорная улыбка исчезла с лица Мурбеллы, она стояла со склоненной головой.

— Ты прощена. Приближается ли не-корабль?

— Так говорят, во всяком случае. Мы готовы его принять,— Мурбелла взглянула на Бурзмали.

— Он до сих пор для меня полезен, и необходимо, чтобы он меня сопровождал,— сказала Луцилла.

— Превосходно, Великая Преподобная Черница. Включает ли твое прощение и твое имя?

— Нет!

Мурбелла вздохнула.

— Мы захватили гхолу,— сказала она.— Он пришел с юга под видом тлейлаксанца. Я как раз собиралась возлечь с ним, когда появились вы.

Бурзмали подошел хромая. Луцилла увидела, что он распознал опасность. Это «совершено безопасное» место просто кишмя кишит врагами! Но враги до сих пор знают очень немного.

— Гхола не ранен? — задал вопрос Бурзмали.

— Он продолжает разговаривать,— ответила Мурбелла.— До чего же странно!

— Ты не возляжешь с гхолой,— сказала Луцилла.— Это мое особое задание!

— Давай играть по-честному, Великая Преподобная Черница. Я засекла его первой. Он уже частично поддался.

Она опять рассмеялась с потрясшим Луциллу черствым презрением.

— Вот сюда. Вон там место, из которого вы можете смотреть.

Дай тебе отправиться к праотцам на Келадане!
Древняя здравица

Данкан старался вспомнить, где же он находится. Он знал, что Тормса мертв, кровь брызнула из глаз Тормсы. Да, он ясно это помнил. Они вошли в темное здание, и внезапно всюду вокруг них вспыхнул ослепительно яркий свет. Данкан почувствовал боль в затылке. Удар? Он постарался пошевелиться, но его мускулы отказывались повиноваться.

Он припомнил, как сидит на краю широкого луга. Там шло нечто наподобие игры в шары: эксцентричные шары, которые подпрыгивали и метались без определенного замысла. Игроками были молодые люди в обычных костюмах... Гиди Прайм!

— Они учатся быть стариками,— сказал он. Он вспомнил, как он это говорил.

Его спутница, молодая женщина, взглянула на него безучастным взором.

— Только старикам следует играть на свежем воздухе,— сказал он.

— Вот как?

Был задан вопрос, на который не дашь ответа. Она взяла над ним верх самым простейшим способом.

«И в следующее мгновение выдала меня Харконненам!»

Да, значит, это из воспоминаний его исходной жизни, когда он был рожден впервые, а не гхолой!

Гхола! В его понятии промелькнул Оплот Бене Джессерит на Гамму. Библиотека: голографические фотографии и три фото Лито I, герцога Атридеса. Сходство Тега с герцо-

гом не было случайным: чуть повыше, но во всем остальном точно такой же — длинное худое лицо, нос с высокой переносицей, дар увлекать людей, которым славились Атридесы...

Тег!

Он помнил последний доблестный поступок башара в ночи Гамму.

«Где же я?»

Его сюда привел Тормса. Они передвигались по заросшей дороге на окраине Ясая.

Барони.

Они не прошли и двух сотен метров по заросшему тракту, как повалил мокрый и липкий снег. Холодный, несчастный снег, от которого через минуту у них стал зуб на зуб не попадать. Они остановились, чтобы надеть капюшоны и застегнуть куртки. Так стало теплее. Но скоро наступит ночь. И станет очень холодно.

— Есть что-то вроде убежища впереди,— сказал Тормса.— Мы переждем там до ночи.

Когда Данкан не отозвался, Тормса сказал:

— Там не будет тепло, но будет сухо.

Данкан увидел серые очертания этого места около трех сотен шагов от них, оно возвышалось на фоне грязного снега. Он узнал его немедленно: учетная станция Харконеннов. Наблюдатели здесь считали (и иногда убивали) проходивших мимо людей. Его слепили из породной глины — как бы один гигантский кирпич, сформированный так, как всегда лепят глинобитные кирпичи, а затем полностью подвергнутый обжигу одной из тех горелок с широким соплом, которыми Харконнены пользовались и для обуздания толпы.

Когда они подошли к этому зданию, Данкан заметил остатки полноохватывающего экрана Защитного поля, разрушенного лазером в местах входа в здание. Кто-то сокрушил эту систему уже очень давно. Извилистые дырки в сети защиты частично заросли кустарником. Но пробитые огненными пиками отверстия оставались открытыми. О да — чтобы находящиеся внутри видели всех, приближающихся ко входам.

Тормса помедлил и прислушался, с осторожностью оглядываясь.

Данкан посмотрел на учетную станцию. Он отлично ее помнил. То, что было перед ним, напоминало деформированный нарост, развившийся из первоначального семени.

Поверхность была обожжена до стеклянного блеска. Бородавки и выпуклости — свидетельствовали о сверхобжиге. Эрозия эпох покрыла здание сетью тонких трещин, но первоначальная форма сохранялась. Он взглянул вперед и узнал часть старой суспензорной системы подъема. Кто-то на скорую руку приспособил замок и заложил засов.

Значит, это отверстие через полноохватный экран Защитного поля сделано недавно.

Тормса исчез в том отверстии.

Словно бы переключили кнопку: видения памяти Данкана изменились. Он был в библиотеке не-глоуба, и вместе с ним Тег. Проектор показывал им серию видов нынешнего Ясая. Идея современного возымела на него загадочное действие. Барони был таким городом, если думать о современном как соответствии всем нормам жизни своего времени. Он полагался исключительно на суспензорные путеводные трассы для перемещения людей и материалов — и все эти трассы находились высоко. Нет никаких отверстий для входа на уровне земли. Данкан пояснил это Тегу.

План материализовались в его памяти, превратясь в город, который использовал каждый возможный квадратный метр вертикального и горизонтального пространства. Путеводные трассы были нужны только для станций универсальных транспортных коконов.

Тег проговорил:

— Идеальной формой была бы клубневидная с плоской крышей для топтеров.

— Харконенны выбирали квадраты и прямоугольники.

Это была правда.

Данкан припомнил Барони с такой ясностью, что содрогнулся.

Суспензорные тракты тянулись как норы червей — прямые, изогнутые, изгибавшиеся под косыми углами... вверх, вниз, вбок. Кроме прямоугольной абсолютности, наложенной по прихоти Харконненов, Барони строили по особому критерию для населенности: максимальная плотность при минимальном расходовании материалов.

— Плоская крыша была единственным приспособленным для человека пространством в этом проклятом месте,— он вспомнил, как говорит это Тегу и Луцилле вместе.

Там, на вершине, были богатые апартаменты и сторожевые станции по всем краям, парковкам топтеров, у всех доступов снизу, вокруг всех парков. Люди, живущие на

вершине, могли позабыть о массе плоти, корчившейся в дикой тесноте прямо под ними. Ни один звук или запах этого людского скопища не доходил до верха. Слуг принуждали принимать ванну и переодеваться в гигиенические одежды перед тем, как войти туда.

Тег спросил:

— Почему же так плотно стиснутые людские массы позволяли себе жить в такой тесноте?

Ответ был очевиден, и Данкан его пояснил:

— Вне города — опасная местность. Управляющие городом представляли ее даже более опасной, чем она на самом деле была. Кроме того, немногие знали о лучшей жизни за пределами города. Единственная лучшая жизнь, о которой они знали, была на вершине. И один-единственный путь туда лежал через абсолютно раболепную услужливость.

«Это произойдет, и ты ничего не сможешь с этим поделать!»

Уже совсем другой голос отдался эхом в голове Данкана. Он ясно его слышал.

Пол!

«До чего же странно,— думал Данкан. Было высокомерие в ясновидении, такое же как высокомерие ментата, который держится за свою колючую логику.— Я никогда прежде не думал о Поле как о высокомерном».

Сейчас Данкан смотрел в зеркало на свое лицо. Частью ума он понял, что это — одно из воспоминаний его исходной жизни. Вдруг зеркало стало другим — и отражение его лица в нем тоже стало выглядеть иначе. Смуглое округлое лицо начало приобретать более жесткие очертания, словно бы он достиг зрелости. Он взглянул в собственные глаза. Да, это его глаза. Однажды он слышал, как некто описывал его глаза, как «сидящие в пещере». Глубокие глазницы над высокими скулами. Ему говорили, что трудно понять, синие у него глаза или темно-зеленые, если только свет не падает прямо на них.

Это говорила женщина. Он не мог вспомнить эту женщину.

Он постарался поднять руку и прикоснуться к волосам, но руки ему не подчинялись. Затем он припомнил, что его волосы выбелены. Кто это сделал? Старуха. Его волосы больше не были шапочкой темных колечек.

И герцог Лито смотрел на него в дверном проходе обеденного зала на Келадане.

«Сейчас мы поедим»,— сказал герцог. Это был королевский приказ, но высокомерия не чувствовалось, поскольку его устраняла слабая улыбка, как бы говорящая: «Кто-то же должен это сказать».

«Что случилось с моим умом?»

Он припомнил, как идет за Тормса к тому месту, где, как сказал Тормса, их будет ждать не-корабль.

Это было большое здание, возвышавшееся в ночи. Вокруг главного здания разбросаны пристройки поменьше. Они вроде бы заселены, из них послышались голоса и звуки работающих машин. Ни одного лица не показалось в узких окошках. Ни одна дверь не открылась. Данкан уловил запах пищи, когда они проходили мимо самой большой из пристроек. Это напомнило ему, что они ели только сушеные полоски какой-то кожистой штуковины, которую Тормса называл «походной пищей».

Они вошли в темное здание.

Зажегся ослепительный свет.

Из глаз Тормсы брызнула кровь.

Мрак...

Данкан смотрел на лицо женщины. Он и раньше видел лицо, подобное этому: единичный трайд, вынутый из голографического фильма. Где же это было? Где же он его видел? Почти овальное лицо, чуть расширяющее ко лбу, отсюда легкий изъян в идеальности его изгибов.

Она заговорила:

— Меня зовут Мурбелла. Ты этого не запомнишь, но я доверю тебе мое имя, поскольку помечаю тебя. Я выбрала тебя.

«А я все же тебя помню, Мурбелла».

Зеленые глаза, широко расставленные под изогнутыми бровями, приковывали взгляд к ним одним, лишь позднее начинаешь рассматривать подбородок и небольшой рот. Рот был полным — из тех губ, которые складываются сердечком, когда хозяйка задумчива.

Зеленые глаза смотрели в его глаза. До чего же холоден взгляд! Но какая сила в нем.

Что-то коснулось его щеки. Он приоткрыл глаза. Значит, это не память! Все это происходит с ним сейчас. Происходит сейчас!

Мурбелла! Она сначала была здесь, потом его покинула.

Теперь вернулась снова. Он вспомнил, как проснулся

обнаженный на мягкой поверхности... на спальном матрасе. Да, его руки узнают этот матрас.

Прямо над ним раздетая Мурбелла, зеленые глаза смотрят на него с ужасающей напряженностью. Она коснулась его одновременно во многих местах. Тихое жужжание вырвалось из ее губ.

Он ощутил быструю эрекцию, жесткую до боли.

У него не было сил сопротивляться. Ее руки двигались по его телу. Ее язык. Жужжание! Ее губы всюду касались его тела. Соски грудей скользнули по его щекам, по его груди. Когда он увидел ее глаза, то в них был продуманный замысел.

Мурбелла вернулась, она опять это делает! Через правое плечо он мельком увидел широкое плазовое окно — и Луциллу с Бурзмали позади него. Сон? Бурзмали прижал ладони к плазу. Луцилла стояла со скрещенными руками, на ее лице смешанное выражение ярости и любопытства.

Мурбелла пробормотала в его правое ухо.

— Мои руки — огонь.

Ее тело закрыло лица за плазом. Он ощущал огонь повсюду, где только она его ни касалась.

Пламя уже захлестнуло его ум. Скрытые места внутри тела ожили. Он увидел красные капсулы, словно полоску сверкающих колбасок, проносящуюся перед его глазами. Он испытал горячку. Он был поглощен капсулой, возбуждение полыхало в сознании. Эти капсулы! Он узнал их: это был он сам, это были...

Все Данканы Айдахо, и первоначальный, и все гхолы один за другим возникали в его уме. Они были как взрывающиеся коробочки семян, отрицающие весь другой жизненный опыт, кроме себя самих. Он увидел, как его крушит огромный Червь с человеческим лицом.

«Проклятье тебе, Лито!»

Крушит, крушит и крушит... снова и снова.

«Проклятье тебе, проклятье тебе, проклятье тебе...»

Он погиб под сардаукарским мечом. Боль пронеслась яркой вспышкой, и вспышку эту поглотила тьма.

Он погиб в катастрофе на топтере. Он умер от ножа убийцы Рыбословши. Он угасал, угасал, угасал.

Памяти иных жизней затопляли его до тех пор, пока он не стал удивляться, как же он может вместить их все. Сладость новорожденной дочери, которую он держит на своих руках. Мускусный запах страстной супруги. Каскады аро-

матов славного данианского вина. Упражнения до одышки в гимнастическом зале.

АКСЛОЛЬТНЫЕ ЧАНЫ!

Он припомнил, как раз за разом выходит из них: высокие огни и мягкие механические руки. Эти руки крутят его, и несфокусированным зрением новорожденного он видит огромную гору женской плоти — громадную в своей почти неподвижной массивности... лабиринты темных трубок, опутывающие, приковывающие его тело к гигантским металлическим контейнерам.

АКСЛОЛЬТНЫЙ ЧАН?

Он задохнулся, охваченный этими воспоминаниями всех жизней, обрушившихся на него. Все эти жизни! Все эти жизни!

Теперь он вспомнил, что тлейлаксанцы вмонтировали в него спящие знания, которые ждали только этого момента соблазнения Геноносительницей Бене Джессерит.

Но это совершила Мурбелла, а она не Бене Джессерит.

Она, однако, оказалась под рукой, чтобы заработало запрограммированное тлейлаксанцами.

Данкан мягко замурлыкал и коснулся ее с потрясшей Мурабеллу живостью.

ОН НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ НАСТОЛЬКО ОТЗЫВЧИВ! НЕ ТАКИМ ОБРАЗОМ!

Его правая рука, трепеща пробежала по губам ее влагалища, в то время как левая рука ласкала основание ее позвоночникам, его рот мягко задвигался по ее носу, скользнул к губам, к впадинке ее левой подмышки. И все это время он тихо мурлыкал в ритме, который пульсировал через его тело, поднимаясь и ослабевая...

Она захотела оттолкнуться от него, но это лишь ускорило его ответные реакции.

«Откуда ему известно, что надо касаться меня именно в этот момент? И именно здесь! И здесь! О Святая Скала Дура, откуда ему это известно?»

Данкан ощутил, как набухают ее груди, увидел, как краснеет ее нос. Он увидел, что соски ее стали жесткими, вокруг них все потемнело. Она застонала и широко раздвинула ноги.

«Помоги мне, Великая Черница!»

Но единственная Великая Черница, о которой Мурбелла могла сейчас подумать, была надежно отгорожена от этой комнаты запертой дверью и барьером из плаза.

Энергия отчаяния затопила Мурбеллу. Она отвечала

одним-единственным образом, который ей был известен: касания, ласки, используя все техники, которые так тщательно осваивала за долгие годы своего обучения.

На все, что она делала, Данкан отвечал бешено стимулирующим контрходом.

Мурбелла обнаружила, что больше не может контролировать свои реакции. Она реагировала механически, из какого-то колодца знаний, который был глубже всех ее тренировок. Она почувствовала, как сжимаются мускулы ее влагалища и как быстро выделяется смазочная жидкость. Когда Данкан вошел в нее, она услышала собственный стон. Ее руки, ноги, ладони, все ее тело двигалось в двух одновременных системах реакций — тренированность до автоматизма и все более и более глубокое осознание других требований.

«Как он это сделал со мной?»

По мягким мускулам ее таза пробежали волны экстатических сжатий. Она ощутила его одновременный ответ — твердый шлепок его семяизвержения. Это увеличило ее собственную реакцию. Пульсация от сжатий ее влагалища распространялось по всему телу. По всему и вовне... По всему и вовне...

Все, что она испытала,— один сплошной экстаз. Под веками у нее полыхало и разрасталось ослепительное белое сияние. Каждый мускул трепетал от такого чувства, о котором она даже не мечтала и не считала когда либо возможным.

И снова волны потекли вовне.

Снова и снова...

Она потеряла счет повторениям.

Когда Данкан застонал, застонала и она, снова хлынули вовне волны.

И снова...

Исчезли ощущения времени и всего окружающего, осталась только эта безмерность продолжающегося экстаза.

Она желала и чтобы это продолжалось вечно, и чтобы это закончилось. Этого не должно случаться с женщиной! Преподобная Черница не должна испытывать такого. Это — те ЭТО — те ощущения, с помощью которых управляют мужчинами.

Данкан действовал по модели реакции, которая была в него заложена. Было еще что-то, что предполагалось, что

было задумано сделать ему. Он не мог припомнить, что же это такое.

«Луцилла?»

Он вообразил ее мертвой перед собой. Но эта женщина была не Луцилла, это была... это была Мурбелла.

Сил в нем почти не оставалось. Он присел, отодвигаясь от Мурбеллы, и умудрился подняться на колени. Его руки дрожали от непонятного ему возбуждения. Мурбелла постаралась оттолкнуть Данкана, но его уже не было. Ее глаза резко открылись.

Данкан на коленях стоял над ней. Она понятия не имела о том, сколько времени прошло. Она попыталась найти в себе силы, чтобы присесть, но это не получилось. К ней медленно возвращался рассудок.

Она пристально взглянула в глаза Данкана, понимая теперь, кто он такой, этот мужчина. Мужчина? Всего лишь юнец. Но он сделал такое... такое... все Преподобные Черницы были предупреждены. «Есть гхола, которого Тлейлакс вооружил запретным знанием. Этот гхола должен быть убит!» Она испытала небольшой прилив энергии в своих мускулах, приподнялась на локти. Задыхаясь, ловя воздух, постаралась откатиться от него и опять упала на мягкий матрас.

Святые Скалы Дура! Этому мужчине нельзя позволять остаться в живых! Это — тот самый гхола, и он может делать то, что дозволено только Преподобным Черницам. Ей хотелось напасть на него, и в то же время ей хотелось опять притянуть к себе его тело. Упоение! Она понимала, что сделает все, о чем он ее сейчас ни попросит. Она сделает это ради него.

«Нет! Я должна убить его!»

Вновь она поднялась на локти и уже с локтей умудрилась присесть. Ее ослабевший взгляд упал на окно, которым были отгорожены Великая Преподобная Черница и ее проводник. Они продолжали там стоять, глядя на нее. Лицо мужчины полыхало. Лицо Преподобной Черницы было таким же неподвижным, как и сама Скала Дура.

«Как она может просто так стоять, после того что она увидела? Великая Преподобная Черница должна убить этого гхолу!»

Мурбелла подала знак женщине за плазом и подкралась к запертой двери возле спального матрасика. Она едва умудрилась отпереть и распахнуть дверь перед тем, как рухнуть на спину. Ее глаза смотрели на коленопреклонен-

ного юношу. На его теле блистал пот. На его возлюбленном теле...

НЕТ!

Отчаяние подняло ее с пола. Она встала на колени, а затем, благодаря силе воли, на ноги. К ней возвратились силы, но ноги дрожали, и она спотыкалась возле подножия спального матрасика.

«Я сделаю это сама, не думая. Я должна это сделать».

Ее тело раскачивалось из стороны в сторону. Она постаралась встать попрочнее и нанести прицельный удар в его шею.

Она овладела этим ударом в долгие часы тренировок. Она разобьет гортань. Жертве перебиваются дыхательные пути.

Данкан легко уклонился от этого удара, но он был слишком медлителен, медлителен...

Мурбелла чуть не упала рядом с ним, но ее подхватили руки Великой Преподобной Черницы.

— Убей его,— задохнулась Мурбелла.— Это тот самый, о котором нас предупреждали. Тот самый!

Мурбелла почувствовала руки у себя на шее, пальцы, яростно нащупывавшие бугорочки нервов за ее ушами.

Последнее, что услышала Мурбелла перед тем, как потерять сознание, был голос Преподобной Великой Черницы...

— Мы никого не убьем. Это гхола направляется на Ракис.

Самый потенциально опасный соперник для любого организма происходит из его же собственной породы. Виды живых существ впитывают необходимое для жизни. Рост численности ограничивается тем необходимым, которого в данный момент имеется в наименьшем количестве. Уровень популяции контролируется наименее подходящим из требуемых условий. (Закон Минимума.)

Из уроков Арракиса

Здание, отгороженное деревьями и тщательно ухоженными живыми изгородями, отстояло чуть вглубь от широкого проспекта. Изгороди составляли лабиринт, и белые столбы в человеческий рост очерчивали район посадок. Ни одно из транспортных средств, въезжающее или

выезжающее, не могло на скорости пробиться к зданию. Своим умом военного Тег все это оценил, когда его бронированный граундкар доставил его к двери. Полевой Маршал Муззафар, единственный, кто был с ним на заднем сиденье машины, понял о чем думает Тег, и сказал:

— Мы защищены анфиладной лучевой системой.

Солдат в маскировочном мундире и с длинным лазерным пистолетом на наплечном ремне открыл дверь и щелкнул каблуками, приветствуя входящего Муззафара.

Тег пошел за ним. Он узнал место. Это был один из «безопасных» адресов, которыми снабдил его Отдел Безопасности Бене Джессерит. Ясно, информация Ордена устарела. Вполне возможно, однако, что устарела совсем недавно, поскольку Муззафар никак не давал понять, что Тег может знать это место.

Когда они подошли к двери, Тег отметил, что еще одна защитная система, которую он видел при своем первом объезде Ясая, оставалась неповрежденной. Столбы едва заметно отличались от тех, что шли вдоль барьера деревьев и живой ограды.

На этих столбах стояли шарящие лазеры, управляемые из помещения откуда-то в здании. Ромбовидные коннекторы считывали область между ними и зданием. Стоит лишь слегка коснуться кнопки в комнате наблюдателя — и шарящие лазеры превратят любую живую плоть, пересекающую их поля, в нарубленное мелкими кусочками мясо.

В дверях Муззафар замедлил шаг и посмотрел на Тега.

— Преподобная Черница, с которой ты вот-вот встретишься, самая могущественная из всех, которые когда-либо сюда прибывали. Она не потерпит ничего, кроме полной покорности.

— Я так понимаю, ты меня предупреждаешь.

— Я знал, что ты поймешь. Называй ее Преподобной Черницей. И никак больше. Мы заходим. Я разрешил себе вольность заказать для тебя новый мундир.

Тег при своем предыдущем визите сюда не видел того помещения, в которое провел его Муззафар. Небольшое и забитое тикающими ящиками и черными панелями, оно не оставляло пространства даже для них двоих. Все помещение освещал один-единственный глоуглоб под потолком. Муззафар протиснулся в угол, в то время как Тег сбросил запачканный и сморщенный стилсъют, который он не снимал с самого не-глоуба.

— Извини, что не могу предложить тебе еще и ван-

ну,— сказал Муззафар.— Но мы не должны задерживаться. Она становится нетерпеливой.

В мундире Тег предстал совсем другим человеком. Это было знакомое черное облачение, даже звезды на воротничке. Значит, он должен предстать перед этой Преподобной Черницей как башар Ордена. Занятно. Он опять был целиком башаром — для других, ведь его самого мощное чувство осознания собственного «я» никогда не оставляло. Мундир, однако же, стал завершающим его личность штрихом. В этом одеянии не было нужды подчеркивать каким-либо другим способом, кто ты такой.

— Так-то лучше,— сказал Муззафар, проводя Тега в переднее фойе и через дверь, которую Тег помнил. Да, вот здесь он встречался со своими «безопасными» агентами. Он вспомнил эту комнату, и вроде бы в ней ничто не изменилось. Ряды микроскопических телеглазов, тянулись на стыке потолка со стенами, замаскированные под серебряные подводящие ленточки для парящих глоуглобов.

«Тот, за кем наблюдают, не видит,— подумал Тег.— А у наблюдателей миллион глаз».

Его двойное зрение показало ему, что опасность здесь есть, но непосредственная.

Помещение приблизительно пяти метров в длину и четырех в ширину предназначалось для ведения самых важных дел. В торговых сделках деньги, как таковые, никогда не предъявляются. Договаривающиеся здесь видят только сильные эквиваленты чего угодно, выполнявшего роль валюты — меланжа, или, может быть, молочных сукамней размером почти с глазное яблоко, совершенно круглых, глянцевых и мягких на вид, но начинавших лучиться радужными переливами, если светить на них или если они прикасались к какому-либо телу. Это было место, где даникин меланжа или небольшой складчатый кошель сукамней воспринимались вполне естественно. Здесь из рук в руки переходили суммы на стоимость целой планеты — сделку скреплял один кивок, одно подмигивание, одно неразборчиво сказанное словечко. Здесь никогда не доставали бумажники с деньгами. Самым близким к этому считался тонкий транслуксовый дипломатик, из охраняемых ядом внутренностей которого могли быть вынуты тончайшие листочки ридуланского хрусталя с очень большими числами, нанесенными на них печатным устройством с защитой от любой подделки.

— Это банк,— заключил Тег.

— Что? — Муззафар смотрел на закрытую дверь в противоположной стене.— О да. Она скоро появится.

— Она, разумеется, за нами сейчас наблюдает.

Муззафар не ответил, но вид у него был угрюмый.

Тег огляделся. Изменилось ли что-нибудь с его предыдущего визита? Он не видел разительных перемен. Он удивился, претерпевают ли убежища, подобные этому, какие-нибудь большие перемены даже за целые эпохи. Появился новый Росистый Ковер на полу, мягкий, как брентдаун и белый, как подбрюшный китовый мех. Если смотреть на него, то видны блестки влаги — но это обман зрения. Босая нога (не то чтобы это место когда-либо видело босую ногу) встретит ласкающую сухость.

Был еще узкий столик приблизительно двух метров в длину почти в самом центре комнаты. Столешница его была по меньшей мере двадцати миллиметров толщиной. Тег предположил, что он сделан из дамианской джаккаранды. Темно-коричневая поверхность отполирована до блеска, который отражал взгляд и под которым проглядывали жилочки, похожие на речные потоки. Здесь было только четыре адмиральских кресла вокруг стола, сработанных искусным ремесленником из того же дерева, что и стол, с подбитыми подушками сиденьями и со спинками лировой кожи, точно такого же цвета, что и полированное дерево.

Только четыре. Больше — было бы излишеством. Он никогда раньше не сидел ни в одном из подобных кресел, и он не садился сейчас, потому что знал, что найдет там его тело — удобство, почти такое же, как в презренном песьем кресле. Не совсем до такой же степени мягкости и в подстраивания под форму садящегося, разумеется. Слишком много комфорта могло заставить сидящего расслабиться. Эта комната, ее обстановка говорили: «Чувствуй себя здесь удобно, но оставайся начеку».

«В этом месте надо не только иметь голову на плечах, но и огромную боевую силу за собой»,— подумал Тег. Он и в прошлый раз оценил это место таким образом, и мнение его не изменилось.

Окон не было, но те, что они увидели снаружи, полыхали танцующими линиями света — энергетические барьеры, препятствующие вторжениям и предотвращающие бегства.

Такие барьеры скрывали свои собственные опасности, знал Тег, но то, что они подразумевали под собой, было

важно. Одно лишь потребление энергии было таково, что за счет этой энергии целый огромный город мог бы жить время, равное сроку жизни самого большого долгожителя среди его обитателей.

Здесь не было ничего случайного в демонстрации богатства.

Дверь, на которую взглянул Муззафар, открылась с легким шелчком.

ОПАСНОСТЬ!

Вошла женщина в переливчатом золотом облачении. По ткани извивались красно-оранжевые линии.

ОНА СТАРА!

Тег не ждал, что встретит столь глубокую старуху. Лицо ее было морщинистой маской. Глаза, глубоко сидящие, зеленым льдом. Нос ее был вытянутым клювом, тень его касалось тонких губ и повторяла острый угол подбородка. Черная облегающая шапочка почти скрывала седые волосы.

Муззафар поклонился.

— Оставь нас,— сказала она.

Он удалился без единого слова через ту дверь, в которую она вошла. Когда дверь за ним закрылась, Тег проговорил:

— Преподобная Черница.

— Значит, ты узнаешь в этом банк,— в голосе ее было лишь слабое волнение.

— Конечно.

— Всегда есть средство передачи больших сумм денег или приобретения власти,— сказала она.— Я говорю не о той власти, которая правит фабриками, но о той, которая правит людьми.

— И которая всегда называется правительством, или обществом, или цивилизацией,— сказал Тег.

— Я подозревала, что ты окажешься очень разумным,— высказалась она, отодвинув стул, и села, но не предложила сесть Тегу.

— Я думаю о себе как о банкире. Это сразу же отсекает множество грязных и обескураживающих околичностей.

Тег не ответил. В этом, вероятно, не было нужды. Он продолжал ее внимательно разглядывать.

— Почему ты так на меня смотришь? — осведомилась она.

— Я не думал, что ты окажешься такой старой,— сказал он.

— Ха-ха-ха! У нас для тебя много сюрпризов, башар. Может быть позже Преподобная Черница помоложе и пробормочет тебе свое имя, чтобы пометить тебя. Восхвали Дура, если это произойдет.

Он кивнул, поняв не все из сказанного ей.

— Это к тому же еще и очень старое здание,— проговорила она.— Я наблюдала за тобой, когда ты в него вошел. Оно тебя тоже удивило?

— Нет.

— Это здание в основе своей остается без изменений несколько тысяч лет. Оно построено из материалов, которые продержатся еще намного дольше.

Он посмотрел на стол.

— О нет, это дерево. Но под этим есть поластин, полазы и пормобат. Три ПО, которые никогда не подводят, если только в этом случается необходимость.

Тег промолчал.

— Необходимость,— сказала она.— Возражаешь ли ты против каких-либо вещей, которые были с тобой сделаны?

— Мои возражения не имеют никакого значения,— сказал он.

Куда же она гнет? Изучает его, безусловно. Точно так же, как он изучает ее.

— По-твоему, другие возражали когда-либо против того, что ты им делал?

— Без сомнения.

— Ты прирожденный военачальник, башар. Думаю, ты будешь для нас очень ценен.

— Я всегда считал, что больше всего ценен для самого себя.

— Башар! Взгляни мне в глаза!

Он повиновался, увидел крохотные оранжевые крапинки, блуждавшие в ее белках. Чувство опасности стало острым.

— Если ты когда-нибудь увидишь мои глаза полностью оранжевыми, то берегись! — сказала она.— Это означает, что ты оскорбил меня так, что я этого уже больше не способна выносить.

Он кивнул.

— Мне понравится, если ты сможешь командовать, но ты не должен командовать мной! Ты командуешь грязью, это единственно назначение для таких, как ты.

— Грязью?!

Она махнула рукой. Это жест пренебрежения.

— Да, вон там. Ты знаешь их. Их любопытство сильно ограничено. Никаких великих соображений никогда не проникает в их разум.

— Надо так понимать, что вы именно к этому и стремитесь.

— Мы работаем на то, чтобы поддерживать все в таком виде,— сказала она.— Мелкий фильтр, исключает ненужное, кроме представляющего непосредственную ценность для выживания.

— Никаких великих дел,— сказал он.

— Ты оскорблен, но это не играет роли,— сказала она. Для тех, кто во внешнем мире, самое важное в чем? Поем ли я сегодня, будет ли у меня крыша над головой сегодня, под которую не вторгнутся нападающие или отребье? Роскошь? Роскошь — это обладание наркотиком или существом противоположного пола, которое может на время сдерживать зверя.

«А ты и есть — зверь»,— подумал он.

— Я уделяю тебе время, башар, из-за того, что понимаю, ты можешь быть для нас ты более ценен, чем даже Муззафар, А он действительно необыкновенно ценен. В текущий момент он получает от нас очередное вознаграждение за то, что ты доставлен к нам в восприимчивом состоянии.

Когда Тег вновь промолчал, она хихикнула.

— По-твоему, ты невосприимчив?

Тег держался тихо. Ввели они какой-нибудь наркотик в его еду? Он видел вспышки своего двойного зрения, указывающие на возможность насилия, но они таяли по мере исчезновения оранжевых крапинок в глазах Преподобной Черницы. Надо, однако, избегать ее ног. Они — оружие смерти.

— Все лишь потому, что ты неверно думаешь об отребье,— сказала она.— К счастью, оно до предела самоограничено. Они понимают это глубинными испарениями своего сознания, но не могут найти время ни на то, чтобы с этим разобраться, ни на что-либо, кроме непосредственной борьбы за выживание.

— И нельзя этого в них исправить? — задал он вопрос.

— Этого и не должно исправлять! О да, мы следим за тем, чтобы они продолжали смотреть на самосовершен-

ствование, как на огромную причуду, за которой, разумеется, нет ничего стóящего.

— Им нужно отказывать в роскоши,— сказал он.

— Никакой роскоши! Не существование! Это должно быть все время отгорожено барьером, который мы любим называть «Защитным Невежеством».

— То, чего не знаешь, не может тебе повредить.

— Мне не нравится твой тон, башар.

Снова оранжевые крапинки заплясали в ее глазах. Ощущение опасности насилия, правда, уменьшилось. И она опять хихикнула.

— То, чего ты боишься, есть противоположность тому, чего ты не знаешь. Мы учим, что новые знания могут быть опасными. Ты видишь, что отсюда с полной ясностью вытекает: всякое новое знание противоречит способности выживания!

Дверь за Преподобной Черницей открылась, и вернулся Муззафар. Это был изменившийся Муззафар, его лицо горело, глаза блестели. Он остановился за креслом Преподобной Черницы.

— Однажды я буду в состоянии разрешить тебе вот так стоять позади меня,— сказала она.— В моей власти такое сделать.

«Что же они сделали с Муззафаром»,— удивился Тег. Тот выглядел почти одурманеным.

— Ты видишь, что у меня есть власть? — спросила она.

Он откашлялся.

— Это очевидно.

— Я банкар, помни! Мы только что внесли депозит на нашего верного Муззафара. Ты благодаришь нас, Муззафар?

— Да, Преподобная Черница,— голос его был хриплым.

— Я уверена, ты понимаешь этот вид власти вообще, башар,— сказала она.— Бене Джессерит хорошо тебя подготовил. Они крайне талантливы, но, боюсь, не так талантливы, как мы.

— Мне говорили, что вы слишком многочисленны,— сказал он.

— Дело не в нашем числе, башар. Такие силы, как у нас, могут быть направлены так, что их можно контролировать небольшим числом.

«Она — как Преподобная мать,— по тому, как старается отвечать, не выдавая при этом многого».

— По сути,— сказала она,— такая власть, как у вас, позволяет становиться основой выживания для многих людей. Затем угроза, что мы заберем у них все это, толкает их к подчинению нашему направлению,— она посмотрела через плечо.— Хотел бы ты, чтобы мы забрали от тебя наши милости, Муззафар?

— Нет, Преподобная Черница,— он и в самом деле задрожал!

— Вы нашли новый наркотик,— сказал Тег.

Смех ее был непроизвольным и громким, почти сиплым.

— Нет, башар, у нас есть старый.

— Вы хотели бы сделать из меня наркомана?

— Как и у всех других, подчиняющихся нам, у тебя, башар, есть выбор: или смерть, или повиновение.

— Это довольно старый выбор,— согласился он. В чем же непосредственная угроза, исходящая из нее? Он не чувствовал угрозы насилия. Совсем наоборот. Его двойное зрение показывало ему обрывистые вспышки очень чувствительных оттенков. Не подумают ли они, что могут закодировать его по-своему?

Она улыбнулась ему — понимающее выражение с чем-то ледяным.

— Будет ли он нам хорошо служить, Муззафар?

— Я думаю, да, Преподобная Черница.

Тег задумчиво нахмурился. Было что-то глубоко греховное в этой парочке. Они шли против всей морали, которой определялось все его поведение. Неплохо помнить, что никто из них не знает о странной перемене в нем, ускоряющей его реакции.

Они как будто наслаждались его смятением.

Тег чуть-чуть успокоился от мысли, что никто из них двоих по-настоящему не радуется жизни. Он понял это, благодаря образованию, полученному в Ордене. Преподобная Черница и Муззафар позабыли или, скорее всего, отвергли все, на что опирается способность к выживанию веселых людей. Он подумал, что, наверное, они больше не способны находить настоящие источники радости в своем собственном теле. А их источники радости — в подглядывании, в роли вечных наблюдателей, все помнящих, как это было до того, как они обратились в то, чем стали. Даже когда они купаются в видимости чего-то, что когда-то означало вознаграждение, они должны будут достигать новых крайностей каждый раз, чтобы прикоснуться краешком своих собственных воспоминаний.

Улыбка Преподобной Черницы расширилась, обнажив ряд белых поблескивающих зубов.

— Взгляни на него, Муззафар. У него нет ни малейшего понятия о том, что мы можем сделать.

Тег слышал это, но он еще и наблюдал глазами, натренированными Бене Джессерит. Ни миллиграмма наивности не осталось в этих двух. Ничто, вероятно, не удивляет их. Никто не может оказаться для них в самом деле новым. И все равно они строят заговоры, что-то замышляют, надеясь, что эта крайность воспроизведет в них памятный им трепет. Они, верно, знают, что это произойдет, и рассчитывают извлечь из нового переживания только еще больше полыхающей ярости, с которой они сделают еще одну попытку достичь недостижимое. Вот как строится их мышление.

Лицо Тега расплылось в тонко рассчитанной улыбке, показывая все мастерство, которому научился у Бене Джессерит. Это была улыбка, полная сочувствия, понимания настоящей радости своего собственного существования. Он думал, что это будет самым смертельным оскорблением, которое он может им нанести,— и увидел, что попал в самую точку. Муззафар воззрился на него полыхающим взглядом. Преподобная Черница перешла от оранжевоглазой ярости к резкому изумлению, потом очень медленно к замерцавшей радости. Она этого не ждала. Это было что-то новое!

— Муззафар,— сказала она, оранжевые крапинки ушли из ее глаз.— Приведи ту Преподобную Черницу, которая выбрана, чтобы пометить нашего башара.

Тег, двойное зрение которого показало близкую опасность, наконец понял. Он увидел свое собственное будущее, бегущее вперед подобно волнам, в то время как в нем нарастала сила. Дикая перемена в нем продолжалась! Он испытал расширение энергии. Вместе с этим пришло понимание выбора. Он увидел себя в виде всесметающего вихря, несущегося через это здание — вокруг него рассеяны тела (Муззафар и Преподобная Черница среди них), и все здание напоминает бойню, когда он его покидает.

«Должен ли я это сделать?» — удивился он.

За каждого, кого он убьет, нужно будет убивать все новых. Он видел, однако, необходимость этого, увидел, наконец, весь замысел Тирана. Боль, которую он ощутил, чуть не заставила его закричать, но он ее подавил.

— Да, приведи мне эту Преподобную Черницу,— ска-

зал он, зная, что тогда на одну меньше ему придется искать и убивать где-то еще в этом здании. Вначале нужно будет разгромить комнату сканирования, управляющую лазерами.

О ты, знающий о наших страданиях здесь, не забывай нас в своих молитвах.

Вздох над Посадочным Полем Арракина (Исторические Записи: Дар-эс-Балат)

Тараза смотрела на порхающий снегопад осыпающихся лепестков на фоне серебристого неба ракианского утра. Прозрачное сияние неба, несмотря на все ее подготовительные изучения материалов по планете, оказалось для нее неожиданным. У Ракиса подготовлено немало сюрпризов. Запах лжеоранжа здесь, на краю сада на крыше Дар-эс-Балата, забивал все другие запахи.

«Никогда не верь, что ты постигла глубины любого места... или любого человека»,— напомнила она себе.

Разговор здесь закончен, но не смолкало в ней эхо высказанных мыслей, которыми они обменялись всего лишь несколько минут назад. Все, однако, сошлись на мнении, что сейчас время действовать. Вскоре Шиана будет «танцевать Червя» для них, еще раз демонстрируя свое искусство.

Вафф и новый представитель жрецов тоже будут лицезреть это «святое событие», но Тараза должна быть полностью уверена, что никто из них не поймет истинной природы того, чему им предстоит быть свидетелями. Наблюдение за ними уже в печенках сидит. В Ваффе до сих пор ощущалось раздраженное недоверие ко всему, что он видит и слышит. Это странно смешивается с подспудным благоговением от того, что находится на Ракисе. Катализатор всего, конечно, его ярость на то, что здесь правят очевидные дураки.

Одрейд вернулась из комнаты встреч и стала возле Таразы.

— Я очень обеспокоена докладами о Гамму,— сказала Тараза.— Есть у тебя что-нибудь новенькое?

— Нет. По всей видимости, там до сих пор царит беспорядок.

— Скажи мне, Дар, что, по-твоему, нам следует делать?

— Я все время вспоминаю слова Тирана, сказанные Ченоэ: «Бене Джессерит так близок к тому, чему ему следует быть, и все же так от этого далек».

Тараза показала на открытую пустыню за кванатом города-музея.

— Он все еще там, Дар. Я в этом уверена,— Тараза повернулась лицом к Одрейд.— И Шиана разговаривает с ним.

— Он так часто лгал,— сказала Одрейд.

— Но он не лгал насчет своего перевоплощения. Вспомни, что он сказал: «Всякая произошедшая от меня часть унесет частицу моего самосознания, запертую внутри нее, затерянную и беспомощную, перл моего «я», слепо движущийся по песку, пойманный в бесконечный сон».

— Ты возлагаешь огромную часть своей веры на силу этого сна,— сказала Одрейд.

— Мы должны разоблачить замысел Тирана. До конца!

Одрейд вздохнула, но не заговорила.

— Никогда не надо недооценивать силу идеи,— сказала Тараза.— Атридесы всегда были правителями-философами. Философия будет опасна, потому что способствует рождению новых идей.

И вновь Одрейд не ответила.

— Червь несет все это внутри себя, Дар! Все силы, которые он запустил в действие, до сих пор в нем.

— Ты пытаешься убедить меня или себя, Тар?

— Я наказываю тебя, Дар. Точно так, как Тиран карает до сих пор нас всех.

— За то, что мы не есть то, чем нам следует быть? Ага, вон идут Шиана и другие.

— Язык Червя, Дар. Это очень важно.

— Если ты так говоришь, Верховная Мать.

Тараза метнула сердитый взгляд на Одрейд, направлявшуюся вперед: приветствовать вновь прибывших. В Таразе ощущалась тревожащая мрачность.

Присутствие Шианы, однако, возродило целеустремленность Таразы. «Сообразительная малышка Шиана. Очень хороший материал». Шиана показывала свой танец прошлой ночью, исполняя его в большом музейном зале, на фоне гобеленов — экзотический танец на фоне экзотических произведений из спайсового волокна, на которых

представлены пустыни и черви. Она представлялась почти частью гобелена — словно сошла к присутствующим со стилизованных дюн и тщательно детализированных изображений проходящих червей. Тараза вспомнила, как каштановые волосы Шианы развевались, когда она кружилась в танце, взметаясь пушистым ореолом. Свет, падавший сбоку, подчеркивал рыжеватые проблески в ее волосах. Ее глаза были закрыты, но это не было лицо человека, грезящего наяву. Возбуждение в ней проявлялось в страстном выражении ее широкого рта, трепетании ноздрей, вздернутом подбородке. Внутренняя изощренность движений вступала в противоречие с ее слишком юным возрастом.

«Танец — это ее язык,— подумала Тараза.— Одрейд права. Мы выучим его, глядя на нее».

Вафф был сегодня как в воду опущенный, оказалось трудно определить: смотрят ли его глаза во внешний мир или обращены внутрь себя?

С Ваффом был Тулуз-хан, смуглокожий приятный ракианец, выбранный представитель жречества на сегодняшнее «святое событие». Тараза, встретившая его во время демонстрационного танца, обнаружила в Тулуз-хане необыкновенное свойство: он никогда не говорит «но», и все же это слово чувствовалось во всем, что он говорил. Законченный бюрократ. Он вправе рассчитывать, что пойдет далеко, но эти ожидания вскоре столкнутся с потрясающей неожиданностью. Она не испытывала к нему жалости, зная то, что знала. Тулуз-хан был мягколицым юношей, слишком немногих стандартных лет для того, чтобы занимать положение, требующее такого доверия. В нем было больше, однако, чем было видно на глаз. И одновременно меньше.

Вафф отошел в сторонку сада, оставив Одрейд и Шиану с Тулуз-ханом.

Естественно, молодой жрец не такая уж важная птица, им можно пожертвовать, если что. Это довольно-таки объясняло, почему именно его выбрали для этого мероприятия. Это дало ей понять, что она достигла нужного уровня потенциальной жестокости. Тараза, однако, не думала, что какая-либо из фракция жрецов может осмелиться покуситься на Шиану.

«Мы будем стоять вплотную в Шиане».

Всю неделю после показа сексуальных способностей развратниц они провели по горло в делах. Очень тревож-

ная неделя, уж если так к этому подходить. Одрейд была занята с Шианой. Тараза предпочла бы Луциллу для преподавания этих уроков, но надо опираться на то, что под рукой, и Одрейд была явно лучшей из достижимых на Ракисе для такого обучения.

Тараза опять посмотрела на пустыню. Они ждали топтеров из Кина и Очень Важных Наблюдателей. Эти ОВН еще не запаздывали, но запоздают, как с ними не раз бывало. Шиана как будто хорошо прошла сексуальное обучение, хотя Тараза не очень высоко оценила спарринг-мужчин, имевшихся у Ордена на Ракисе. В свою первую ночь здесь Тараза призвала одного из них. Потом она посчитала, что та маленькая радость забвения, которую это доставляет, не стоит таких хлопот. Кроме того, что ей следует забывать? Забывать — значит допустить в себе слабость.

НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАЙ!

Это, однако, именно то, что делают развратницы. Они торгуют забвением. И они не имеют ни малейшего понятия о том, как тираны держат хваткой человеческую судьбу, как нужно разорвать эту хватку.

Тараза скрытно подслушала разговор между Шианой и Одрейд, состоявшийся накануне.

«Для чего же я прислушивалась?»

Девушка и учительница были здесь, в саду на крыше, сидели друг напротив друга на двух скамейках, и переносной икшианский глушитель прятал их слова от любого, у кого не было кодированного переводчика. Парящий на суспензорах глушитель висел над ними, как странный зонтик: черный диск, создающий искажения, которые прячут истинные движения губ и звуки голосов.

Для Таразы, стоявшей в длинном зале собраний с малюсеньким переводчиком в левом ухе, это урок представлялся как равноискаженная память.

«Когда меня учили этому, мы не знали, что могут делать развратницы из Рассеяния».

— Почему мы говорим о существующей в сексе сложности? — спросила Шиана.— Мужчина, которого ты прислала сегодня ночью, все время это повторял.

— Многие считают, будто понимают это, Шиана. Может быть, никто никогда этого не понимал, потому что такие слова больше исходят от ума, чем имеют дело телом.

— Почему я не должна пользоваться ничем из того, что мы видели на представлении Лицевых Танцоров?

— Шиана, трудность прячется внутри сложности. По принуждению сексуальных сил творились и великие дела, и грязные. Мы говорим о сексуальной силе, сексуальной энергии и о таких вещах, как «всеодолевающий позыв страсти». Я не отрицаю, что такое бывало. Но то, чего мы здесь ищем — это сила настолько могущественная, что она может разрушить и тебя, и все ценное, чем обладаешь.

— Так вот почему я и пытаюсь понять. Означает ли это, что развратницы поступают неверно?

— Они игнорируют заложенное в человеческом роде, Шиана. По-моему, ты можешь уже это испытать. Тиран, наверняка, это знал. Что была его Золотая Тропа, как не предвидение сексуальных сил за работой беспрестанного возрождения человечества?

— А развратницы?

— Они в основном стараются контролировать миры своей силой.

— Да, кажется, они так и делают.

— Вот как. Теперь подумай о противодействии, которое они этим на себя навлекают?

— Я не понимаю.

— Ты ведь знаешь о Голосе и как им можно контролировать некоторых людей?

— Но не всех.

— Именно. Цивилизация, на которую очень долго воздействует Голос, приспосабливается к этой силе, уменьшая силу воздействия Голоса.

— Значит, есть люди, знающие, как не поддаваться развратницам?

— Мы видим безошибочные признаки этого. И это одна из причин того, почему мы на Ракисе.

— Прибудут ли развратницы?

— Боюсь, да. Они хотят контролировать самую сердцевину Старой Империи, потому что мы видимся им легкой добычей.

— Ты не боишься, что они победят?

— Они не победят, Шиана. Полагайся на это. Но ведь для нас они пойдут на пользу.

— Как это?

Голос Шианы вывел Таразу из шокового состояния, вызванного словами Одрейд. Сколько же подозревает Одрейд?

В следующий миг Тараза это поняла и задумалась: понятен ли весь урок этой юной девушке.

— Сердцевина статична, Шиана. Мы провели застылыми тысячи лет. Жизнь и движение были «вне нас», с теми людьми из Рассеяния, кто противостоят развратницам. Любым нашим действием мы должны как можно больше усиливать это сопротивление.

Звук приближавшихся топтеров вывел Таразу из задумчивости. Очень Важные Наблюдатели едут из Кина. Все еще на расстоянии, но звук ясно слышен в чистом воздухе.

Преподавательский метод Одрейд хорош, должна была признать Тараза, оглядывая небо, высматривая первые признаки топтеров. Они явно летели низко и с другой стороны здания. Не с той стороны, откуда должны были бы — но, может быть, они возили Очень Важных Наблюдателей на короткую экскурсию вдоль остатков Стены Тирана. Многие люди интересовались тем местом, где Одрейд обнаружила хранилище спайса.

Шиана, Одрейд, Вафф, Тулуз-хан спускались в длинный зал собраний. Они тоже услышали топтеры. «Шиана так и рвется показать свою власть над червями»,— поняла Тараза.

Послышался натруженный звук приближавшихся топтеров. Не перегружены ли они? Скольких наблюдателей они везут?

Первый топтер скользнул над крышей верхнего помещения и Тараза заметила бронированную кабину пилота. Она распознала предательство еще до того, как из топтера ударила первая дуга лазерного луча, отсекая ей ноги по самые колени. Тараза повалилась всем весом на растущее в кадке дерево. По ней рубанул еще один луч, под углом перерезав бедро. Топтер низко пролетев, резко взревел реактивными двигателями и сделал вираж влево.

Тараза цеплялась за дерево, включив технику подавления физических мук. Она смогла приостановить кровотечение из своих ран, но боль оставалась страшной. Не так велика, однако же, как боль Спайсовой Агонии, напомнила она себе. Это ей помогло, но она знала, что обречена. Она услышала крики и звуки многочисленных схваток по всему музею.

«Я победила!» — подумала Тараза.

Одрейд выскочила из верхнего помещения и склонилась над Таразой. Они ничего не сказали друг другу, но Тараза показала, что она все понимает, приложив свой лоб к виску Одрейд. Это был уже многовековой код Бене Джес-

серит. Тараза начала перекачивать свою жизнь в Одрейд — Иные Памяти, надежды, страхи... все.

Одна из них может еще спастись.

Шиана наблюдала из верхнего помещения, стоя там, где ей было приказано ждать. Она понимала, что происходило в саду на крыше: Величайшая Тайна Бене Джессерит.

Вафф и Тулуз-хан, уже вышедшие из помещения когда началось нападение, не возвращались.

Шиана содрогнулась от плохих предчувствий.

Одрейд резко поднялась и бегом кинулась назад. Глаза ее были неистовыми, но двигалась она целеустремленно. Подпрыгнув, собрала за черенки в охапку несколько глоуглобов, затем пихнула несколько охапок глоуглобов в руки Шианы, и та почувствовала, как ее тело становится легче, поднимаемое суспензорными полями глоуглобов. Захватывая все новые пучки глоуглобов, Одрейд поспешила к узкому концу помещения, где отверстие в стене указывало на то, что она искала. С помощью Шианы она отворила дверцы, открывшие глубокую воздушную шахту. Свет собранных пучками глоуглобов показал грубые стены внутри шахты.

— Держи глоуглобы как можно кучнее, чтобы эффект их поля был максимальным,— сказала Одрейд.— Выкидывай их по одному, чтобы снижаться. Мы спускаемся вовнутрь.

Шиана ухватила черенки глоуглобов потной рукой и спрыгнула с приступки. Она ощутила, как падает, затем испуганно уцепилась за глоуглобы, подтягивая их ближе. Свет над ней говорил о том, что Одрейд следует за Шианой.

На дне шахты они попали в насосную, где работало множество вентиляторов, и через них доносились отдаленные звуки битвы снаружи.

— Мы должны добраться до не-комнаты и затем в пустыню,— сказала Одрейд.— Все системы машинерии взаимосвязаны. Здесь будет проход.

— Она мертва? — прошептала Шиана.

— Да.

— Бедная Верховная Мать.

— Теперь я — Верховная Мать. По крайней мере, временно,— Одрейд указала наверх.— Это на нас напали развратницы. Мы должны спешить.

Наш мир — для живущих. Но кто же они?
Ради света во тьму мы рискнули лететь.
Она ветром была моим, дунь он в те дни,
В ее облике мне умереть довелось.
Падение ведомо тем, кто из плоти до духа воспрял.
Свет есть все, и свет слева границы земного прорвал.
Теодор Ретке (Исторические цитаты: Дар-эс-Балат)

Тегу почти не пришлось приложить сознательных усилий, чтобы превратиться в вихрь. Он понял наконец природу той угрозы, что исходила от Преподобных Черниц. Само это сознание вылилось в сверхскоростное движение — продукт нового мышления ментатов, соразвившегося вместе с неоднократно увеличивающейся скоростью.

Зловещая угроза требовала зловещего противодействия. Кровь текла позади него, когда он прокладывал путь сквозь здание штаб-квартиры, поражая всякого на своем пути.

Как он узнал от своих преподавательниц Бене Джессерит, величайшая проблема человеческого мироздания в том, как именно ты подходишь к вопросу продолжения рода. Он слышал внутри себя голос первой учительницы, пока производил опустошения по всему зданию.

— Ты можешь думать об этом, как о сексуальности, но мы выбираем более объемлющий термин — продолжение рода. У него много граней и разновидностей, и он обладает явно неограниченной энергией. Чувство, которое зовется любовью — это только небольшой его аспект.

Тег сокрушил глотку человека, будто замершего на его пути, и, наконец, добрался до комнаты управления системами защиты здания. Там сидел только один человек, его правая рука почти коснулась красного ключа на пульте управления перед ним.

Своей разящей левой рукой Тег почти перерубил мужчину надвое. Тело упало вперед в медленном движении, из отверстия в шее хлынула кровь.

«Орден прав, назвав их развратницами!»

Можно потащить человечество куда угодно, манипулируя громадными энергиями продолжения рода. Можно подтолкнуть человечество к действиям, которые оно никогда бы не сочло возможным. Одна из его наставниц сказала ему прямо:

— Энергия должна иметь свой выход, закупорь ее, и

она станет страшно опасной. Перенаправь ее, и она сметет все на своем пути. В этом высший секрет всех религий.

Тег прикинул, что, оставляя здание, он оставил позади себя более пятидесяти трупов. Последней его жертвой стал солдат в маскировочном костюме, стоявший в открытом дверном проеме, думая войти.

Пробегая мимо оцепеневших людей и транспортных средств, Тег своим переключенными на высшую скорость умом, успел поразмыслить над тем, что оставалось позади него. Успокоит ли его, что выражение неподдельного удивления было последним на лице Преподобной Черницы? Стоило ли ему поздравлять себя, что Муззафар никогда больше не увидит свой дом из каркасного кустарника?

Как и любому прошедшему Бене Джессерит, ему абсолютно ясна была необходимость совершенного им несколько секунд назад. Тег знал свою историю. Было множество райских планет в старой Империи, а в Рассеянии, конечно, еще больше. Люди всегда оказывались способными попробовать какой-нибудь глупый эксперимент. А на планетах с благословенным климатом в основном лентяйничали. Тег считал это дуростью. Вот почему сексуальная энергия всегда легко высвобождалась на этих планетах. Появление миссионеров Разделенного Бога или других подобных религий в одном из таких райских уголков всегда вызывало всепоглощающую ярость.

— Мы в Ордене об этом знаем,— объясняла одна из учительниц Тега.— Наша Защитная Миссионерия не раз разжигала или гасила пожар подобной ярости.

Тег продолжал бежать до тех пор, пока не оказался в аллее, километрах в пяти от бойни, устроенной им в штабквартире старой Преподобной Черницы. Он знал, что времени прошло еще очень мало, но осталось еще кое-что, требовавшее его внимания. Он убил не всех обитателей того здания. Остались глаза наблюдателей, знавших теперь, на что он способен. Они видели, как он убивал Преподобных Черниц, как упал убитый им Муззафар. У них остались свидетельства: горы трупов и записи его действий.

Тег прислонился к стене. На левой ладони кожа была ободрана. Он разрешил себе вернуться в нормальное время, наблюдая, как кровь сочится из раны. Кровь была почти черного цвета. «В моей крови очень много кислорода?»

Он страдал одышкой, но не такой сильной, как можно

было бы ожидать после подобной физической нагрузки.

«Что со мной случилось?»

Да, здесь наверняка сработало его происхождение Атридеса. Кризис выбросил его в другое измерение человеческих возможностей. Каким бы ни было его изменение, но он переменился полностью, обретя способности заглядывать вперед и видеть сущность вещей и событий. Люди, мимо которых он бежал в этой аллее, представлялись ему статуями.

«Буду ли я когда-нибудь думать о них, как об отребье?»

Он посчитал, что такое сможет произойти, если только он сам это позволит. Но искушение было при нем, и он с сочувствием подумал о Преподобных Черницах, повергших себя в грязь, не вынеся Великого искушения.

«Что же теперь делать?»

Он ясно видел основную линию своего поведения. Здесь, в Ясае, есть тот единственный человек, наверняка знавший всех нужных Тегу людей. Тег поглядел вдоль аллеи. Да, этот человек близко.

Сквозь тяжелый аромат цветов и трав иной запах волнами доходил до Тега откуда-то из глубины аллеи. Он направился на эти запахи, понимая, что они приведут его туда, куда нужно, и что он не испытает никакого нападения: там должна была тихая гавань.

Он вскоре добрался до источников запахов. Это была встроенная дверь, на которой помещалась вывеска из двух слов на современном галахе: «Персональное обслуживание».

Тег вошел и сразу узрел то, что искал. Это можно было увидеть во многих местах старой Империи: закусочные, уходившие корнями в древнейшие времена, автоматизированные от кухни до стола. Бóльшая часть из них были заведениями «для своих». Можно было рассказать друзьям со своем последнем «открытии», предупредив о том, чтобы они широко не распространялись о нем. «Не хочу, чтобы оно пришло в негодность из-за наплыва народа».

Эта мысль всегда забавляла Тега. Смешно рассказывать о тех местечках, притворяясь при этом, будто сообщаешь строго по секрету.

Запахи пищи, от которых текли слюнки, доносились из кухни в задней части закусочной. Прошел официант, неся окутанный паром, будто обещание чего-то очень хорошего, поднос.

Молодая женщина в коротком черном платье и белом фартуке подошла к Тегу.

— Вот сюда, сэр, пожалуйста. У нас есть свободный столик в углу.

Она подала ему стул так, чтобы он мог сидеть спиной к стене.

— К вам подойдут через секунду, сэр,— она подала ему жесткий лист дешевой бумаги двойной толщины.— Наше меню отпечатано. Я надеюсь, что вы не будете возражать.

Он посмотрел, как она уходит. Официант прошел другим путем по направлению к кухне. Теперь поднос был пуст.

Ноги Тега принесли его сюда, словно он бежал по заданной колее. Здесь — тот человек, который ему нужен, он обедает рядом с Тегом.

Официант остановился поговорить с человеком, о котором Тег знал, что у того есть ответы на все последующие ходы, которые нужно здесь сделать. Официант и этот человек вместе чему-то смеялись. Тег обвел взглядом остальное помещение: только еще три столика занято. Пожилая женщина сидела за столом в дальнем углу, отщипывая от глазурованного конфекта. На ней было надето облегающее короткое черное платье с глубоким вырезом на шее. Тег подумал, что это, должно быть, является последним криком современной моды. Ее туфли были такого же цвета. Молодая пара сидела через столик справа от него. Они не видели никого, кроме самих себя. Пожилой мужчина в хорошо подобранной старомодной коричневой тунике тщательно пережевывал блюдо из зеленых овощей. Он сидел рядом с дверью. Взгляд его был целиком сосредоточен на еде.

Человек, говоривший с официантом, громко рассмеялся.

Тег взглянул на затылок официанта. Пучки светлых волос торчали на ней, как сорванные кустики мертвой травы. Воротник официанта под взъерошенными волосами был истрепан. Тег опустил взгляд. Туфли официанта на каблуках. Кайма черной куртки была заштопана. Скупость бедности? Что, дела здесь идут ни шатко ни валко? Запахи из кухни исключали, что заведение бедное. Столовая посуда чиста до блеска. Нет ни одной потрескавшейся тарелки. Но полосатая красно-белая скатерть на столе

заштопана в нескольких местах, заплаты аккуратно подогнаны под общий цвет материи.

Тег еще раз осмотрел других посетителей. Они выглядели состоятельными людьми. Голодающих бедняков в этом месте не водилось. Тегу стала окончательно ясна суть этого места. Не просто местечко «для своих», кто-то намеренно рассчитывал именно на такой эффект. За всем заведением прятался умный замысел. Нечто наподобие ресторана, который перспективные молодые чиновники открывают для себя, чтобы назначить деловые свидания с надежными клиентами или ублажить начальника. Еда была отличной, порции щедрыми. Тег понял, что инстинкты привели его сюда верно. Потом он перенес свое внимание на меню, позволив, наконец, голоду проникнуть в его сознание. Голод был, по крайней мере, настолько же яростным, как в тот раз, что удивил покойного Полевого Маршала Музафара.

Официант появился рядом с ним с подносом, на котором стояла маленькая открытая коробочка и кувшинчик, откуда доносился пряный запах заживляющих мазей.

— Я вижу, что вы поранили руку, башар,— сказал официант. Он поставил поднос на стол.— Разрешите мне обработать вашу рану до того, как вы сделаете заказ.

Тег поднял раненую руку и посмотрел, как быстро и умело официант обработал рану.

— Ты знаешь меня? — спросил Тег.

— Да, сэр. И после того, что я слышал, мне странно видеть вас в полном облачении. Вот здесь,— он закончил обработку раны.

— Что ты слышал? — тихо спросил Тег.

— Что за вами охотятся Преподобные Черницы.

— Я только что перебил нескольких из них и многих их... Как бы их назвать?

Официант побледнел, но голос его был тверд.

— Рабы — вот подходящее для них слово, сэр.

— Ты был при Рендитае, правда? — сказал Тег.

— Да, сэр. Многие из нас осели здесь после этого.

— Мне нужно поесть, но я не могу тебе заплатить,— сказал Тег.

— Никому из ветеранов Рендитая не нужны ваши деньги, башар. Они знают, что вы отправились сюда?

— Полагаю, никак нет.

— Сейчас здесь только постоянные посетители. Никто из них вас не выдаст. Я постараюсь предупредить, если

вдруг появится какая-нибудь опасность. Чтобы вы желаете поесть?

— Как можно больше. Выбор предоставляю тебе. И чтобы было в двойном размере углеводов и протеина. Никаких стимулирующих.

— Что вы имеете в виду под большим количеством, сэр?

— Подавай мне еду, пока я не прикажу тебе остановиться... или пока не почувствую, что злоупотребил твоей щедростью.

— Несмотря на видимость, сэр, наше заведение совсем не бедное. Чаевые сделали меня богачом.

«Один ноль в пользу его расчетливости»,— решил Тег. Бережливость якобы бедности, сознательно бьющая на жалость.

Официант отошел и опять заговорил с человеком за центральным столиком. Тег принялся открыто рассматривать этого человека, после того как официант прошел дальше в кухню. Да, это тот самый. Едок, сосредоточившийся на блюде с макаронными изделиями под зеленым соусом.

«Видно, что за этим человеком нет женского присмотра»,— подумал Тег. Воротник его сидел криво, подтяжки перепутаны. Пятна зеленого соуса запачкали его левую манжету. Он вообще-то правша, но ест держа левую руку там, где разбрызган соус. Истрепанные манжеты брюк. Край одной брючины, немного отошедший от изношенной манжеты, волочился за каблуком. Носки разные: один голубой, а другой бледно-желтый. Все это его как будто нисколько не беспокоило. Ни мать, никакая другая женщина никогда не смотрели ему в спину с порога, приказывая, чтобы он привел себя в должный вид. Однако его отношение к себе явно говорило: «То, что вы видите, это вполне соответствующий вид».

Вдруг мужчина дерганым движением, словно его ущипнули, поднял глаза. Он провел карими глазами по помещению, по очереди задерживая взгляд на каждом лице, словно выглядывая кого-то определенного. Обведя всех взглядом, он опять перенес все внимание на еду.

Официант возвратился с бульоном, в котором плавали взбитые яйца и зеленые овощи.

— Пока готовят остальное, сэр,— сказал он.

— Ты прибыл сюда прямо после Рендитая? — спросил Тег.

— Да, сэр, но я еще служил вместе с вами на Аклайне.

— Шестьдесят седьмая Гамму,— проговорил Тег.

— Да, сэр!

— Мы спасли тогда много хороших жизней,— сказал Тег.— Их и наших.

Увидев, что Тег до сих пор не прикоснулся к еде, официант довольно холодно проговорил:

— Вы хотите снупер, сэр?

— Не тогда, когда ты меня обслуживаешь,— сказал Тег. Он в самом деле говорил искренне, но чувствовал себя немного мошенником, потому что его двойное зрение подсказывало ему, что еда безопасна.

Довольный официант стал отворачиваться.

— Одну секунду,— сказал Тег.

— Сэр?

— Человек за центральным столиком. Он один из постоянных посетителей?

— Профессор Делнай? О да, сэр.

— Делнай. Да, я так и думал.

— Профессор боевых искусств, сэр. И еще истории.

— Я знаю. Когда подойдет время подавать мне десерт, пожалуйста, спроси профессора Делная, не присоединится ли он ко мне.

— Следует ли мне сказать, кто вы, сэр?

— По-твоему, он еще не знает?

— Это, весьма вероятно, сэр, но все же...

— Осторожность там, где требуется осторожность,— сказал Тег.— Подавай еду.

Интерес Делная был на сто процентов возбужден еще до того, как официант передал ему приглашение Тега. Первыми словами профессора, когда он уселся за столик напротив Тега, были:

— Это самое чудесное гастрономическое представление, которое я когда-либо видел. Вы уверены, что сможете съесть десерт?

— Два-три десерта, по меньшей мере,— ответил Тег

— Удивительно!

Тег набрал полную ложку приправленных медом засахаренных фруктов. Он проглотил их, потом сказал:

— Это место — настоящая жемчужина.

— Я храню его в секрете,— сказал Делнай.— Кроме как от нескольких близких друзей, разумеется. Чему я обязан чести вашего приглашения?

— Были ли вы когда-либо... помечены Преподобной Черницей?

— Адские властительницы! Нет, я для этого не достаточно важен.

— Я мечтал попросить вас рискнуть жизнью, Делнай.

— Каким образом? — в голосе никакого колебания. Это успокаивало.

— Здесь в Ясае есть место, где собираются мои старые солдаты. Я хотел бы пойти туда и повидаться со всеми, с кем возможно.

— По улицам в полном обмундировании, так как вы одеты сейчас?

— Любым образом, каким вы сумеете это устроить.

Делнай поднес палец к нижней губе и наклонился вперед глядя на Тега.

— Вы не из тех, кого легко можно спрашивать, знаете ли. Однако же может быть способ,— он задумчиво кивнул.— Да,— он улыбнулся.— Только, боюсь, вам это не понравится.

— Что у вас на уме?

— Подушечки и другие кое-какие изменения. Мы вас проведем как борданос, сборщика нечистот. От вас, естественно, должно будет попахивать нечистотами. Но вы будете вести себя так, как будто этого не замечаете.

— Почему вы считаете, что это пройдет? — спросил Тег.

— О, сегодня вечером будет буря. Обычная вещь в это время года. Закладывает влагу для урожая следующего года. И наполнение резервуаров для подогрева полей, знаете ли.

— Я не понимаю ваших доводов, но, когда я доем следующий десерт, мы приступим к делу,— сказал Тег.

— Вам понравится место, где мы укроемся от бури,— сказал Делнай.— Я, правда, безумен, знаете ли, что на это иду. Но владелец вот этого заведения сказал, чтобы я или помог вам или никогда больше не смел показываться здесь.

Через час после наступления тьмы Делнай привел Тега на место встречи. Тег, облаченный в кожаные одежды и изображая хромоту, был вынужден воспользоваться всеми своими силами ментата, чтобы не замечать собственной вони. Друзья Делная облепили Тега нечистотами, а затем обдали его из шланга. Потом его высушили, чтобы осталось как можно больше летучих запахов.

Взглянув на установку дистанционного контроля погоды в дверях места встречи, Тег отметил, что температура снаружи за предыдущий час упала на пятнадцать градусов. Делнай прошел впереди него и поспешил в густо набитую народом комнату, где послышался сильный шум и звяканье стеклянной посуды. Тег задержался, чтобы посмотреть на установку считывания погоды. Он увидел, что порывы ветра достигают тридцати узлов. Барометр падал. Он взглянул на надпись над установкой: «К услугам наших клиентов».

Надо думать, услуга и для бара: уходившие клиенты вполне могли кинуть взгляд на эти показания и опять вернуться в теплую и дружескую атмосферу, только что ими оставленную.

В большом камине в уютном уголке дальнего конца бара горел настоящий огонь. Ароматическая древесина.

Делнай возвратился, сморщив нос на запах Тега, и повел его в обход толпы в заднюю комнатку, а затем через эту комнатку в личную ванную. Мундир Тега, выстиранный и выглаженный, ожидал его там на стуле.

— Я буду сидеть в закутке у камина, когда вы вернетесь,— сказал Делнай.

— При всех регалиях, да? — спросил Тег.

— Это опасно только на улице,— ответил Делнай. И он удалился тем путем, которым они пришли.

Тег вскоре вышел и пробрался к камину через группки людей, которые оборачивались и внезапно умолкали, как только его узнавали. За спиной послышалось приглушенное бормотание.

— Сам старый башар.

— О да, это Тег. Я служил с ним. Узнаю его лицо и фигуру где угодно.

Клиенты теснились у полузабытого тепла старого камина. Густой запах мокрой одежды и алкогольных испарений витал над ними.

Неужели только непогода собрала в баре эту толпу? Тег посмотрел на лица окружавших его людей: повсюду лица закаленных в битвах воинов. Неважно, что говорил Делнай. Ясно, что здесь все знают друг друга, и каждый рассчитывает встретить любого из присутствующих только здесь и именно сейчас.

Делнай сидел на одной из скамеек в уголке перед камином, держа в руке стакан с янтарным напитком.

— Ты замолвил словечко, чтобы нас здесь ждали? — спросил Тег.

— Разве это не то, ты желал, башáр?

— Кто ты, Делнай?

— У меня есть зимняя ферма в нескольких узлах к югу отсюда, и у меня есть несколько друзей среди банкиров, которые периодически одалживают мне граундкары. Если вы хотите, более конкретно — я, как и большинство людей в этом помещении, из тех, кто хочет скинуть Преподобных Черниц со своей шеи.

Человек сзади Тега спросил:

— Это правда, что вы убили сотню их сегодня, башар?

Тег сухо произнес, не оборачиваясь.

— Число сильно преувеличено. Нельзя ли мне выпить, пожалуйста?

С высоты своего огромного роста Тег обшарил взглядом комнату в то время, как кто-то подал ему стакан. Когда стакан оказался в его руках, то, как он и ожидал, в нем был данианский Маринет густо-голубого цвета. Старые солдаты знали, что он любит.

Выпивка в комнате продолжалась, но в замедленном ритме. Все ожидали, когда Тег изложит, зачем он прибыл.

«Склонность человека к общению в такие ненастные ночи прорывается естественным образом»,— подумал Тег. Собраться за огнем в пасти пещеры, сородичи по племени! Ничего опасного не произойдет нас, особенно если звери видят огонь. «Сколько других похожих собраний было на Гамму в такие ночи?» — задумался Тег, пригубив свое питье. Плохая погода может скрыть те передвижения, которые собравшимся здесь так желательно утаить. К тому же погода может задержать под крышей некоторых людей, которые иначе там бы не оставались.

Тег узнавал кое-какие лица из своего прошлого, офицеров и рядовых, смешанная компания. Некоторых из них он отлично помнил — надежные люди. Кто-то среди них сегодня умрет.

Шум опять начать возрастать, по мере того как люди расслаблялись в его присутствии. Никто не настаивал, чтобы он давал пояснения. Они знали, что Тег всегда соблюдал свой собственный график.

Звяканье стаканов, приглушенные разговоры, иногда тихие смешки. Это, должно быть, те, кто осознает свою личную силу. Делнай тихо хихикал.

Тег посмотрел вверх и углядел балки потолка, встроен-

ные сравнительно низко. Это создавало закрытое пространство, казавшиеся более вытянутым и более интимным. Тщательное внимание к человеческой психологии проявилось в этом. Это было то, что он смог наблюдать во многих местах на этой планете — забота о том, чтобы подавить свое неуютное в человеческом сознании — пусть чувствуют себя в безопасности.

Еще какое-то время Тег рассматривал напитки, которые раздавались поднаторевшими официантами: темное местное пиво и какое-то дорогое привозное питье. Вокруг стойки бара и на приглушенно освещенных столах стояли чаши, в которых были поджаренные до хруста, крепко посоленные местные овощи. Ход, читаемый как на ладони: возбуждать жажду, не будучи оскорбительно навязчивым. Органически и естественно для профессии кабатчика. Пиво тоже, наверняка, как следует подсолено. Они всегда подсаливают пиво. Пивовары знают, как достичь того, чтобы чем больше выпьешь, тем больше еще хотелось.

В некоторых из групп становилось шумнее. Напитки начинали оказывать свое древнее воздействие. Бахус был здесь! Тег понимал, что если этому собранию позволить идти естественным путем, то шум в комнате позже, ночью, достигнет апогея, а потом постепенно уровень пойдет на убыль. Кто-то должен выйти посмотреть на установку считывания погоды в дверях. В зависимости от того, что он увидит, это местечко либо все сразу оставят, либо продолжат тихую посиделку еще какое-то время. Тег сообразил, что в баре наверняка мухлюют с установкой считывания погоды, и показания она дает искаженные в нужную сторону. Это такой понятный способ еще чуть-чуть повысить доход, что в этом баре, конечно, его не проглядели.

«Замани их внутрь и держи там любыми способами, против которых они не будут возражать».

Люди в этом заведении столкнутся с Преподобными Черницами и глазом не моргнув.

Тег поставил стакан в сторону и обратился ко всем с вопросом:

— Не можете ли вы уделить мне внимание?

Молчание.

Даже все официанты застыли как вкопанные.

— Кто-нибудь — охраняйте двери,— попросил Тег.— Никто не должен войти или выйти, пока я не отдам приказ. И эти задние двери, тоже, будьте добры.

Когда это было улажено, он с большим вниманием оглядел все помещение, выбирая своим двойным зрением тех, в чью воинскую подготовку он мог поверить. То, что надо было сделать сейчас, виделось ему совершенно ясно. Бурзмали, Луцилла и Данкан были там, на грани его нового ви́дения, и Тег легко различал их нужды.

— Я считаю, вы можете добраться до оружия очень быстро,— сказал он.

— Мы пришли подготовленными, башар! — выкрикнул кто-то в комнате.

Тег расслышал в этом голосе пьяные интонации, но также и старую адреналиновую накачку, которую так ценили эти люди.

— Мы собираемся захватить не-корабль,— произнес Тег.

Это их вдохновило. Никакие изделия цивилизации не охранялись так тщательно, как не-корабли. Эти корабли прибывали на посадочные поля или другие места и удалялись. Их бронированные поверхности были усеяны оружием. Команды, расположенные в уязвимых точках, находились в состоянии постоянной боевой готовности. Захват мог обеспечить только какой-нибудь трюк, открытое нападение не давало шансов на успех. Но здесь, в этом помещении, Тег достиг нового уровня сознания, им двигали необходимость и дикие гены его атридесовского происхождения. Ему открылось расположение не-кораблей на Гамму и вокруг нее. Яркие точки заполнили внутренний взор, и, будто по нитям, ведущим от одного яркого светлячка к другому, его двойное зрение увидело путь через этот лабиринт.

«О, но я не хочу идти»,— подумал он.

Но от дома нельзя уклониться.

— А именно мы хотим захватить не-корабль из Рассеяния,— сказал он,— Их не-корабли считаются одними из лучших. Ты, ты, ты и ты,— он указал, определяя каждого.— Вы останетесь здесь и проследите за тем, чтобы никто не вышел отсюда и ни с кем не связывался за пределами этого заведения. Считаю, вы подвергнетесь нападению. Продержитесь столько, сколько сумеете. Все остальные берите оружие и следуйте за мной.

Правосудие? Кто жаждет правосудия? Мы осуществляем свое правосудие. Осуществляем здесь, на Арракисе: победи или умри! Так давайте не браниться на правосудие, пока у нас есть оружие и свобода им пользоваться.

Лито I: Архивы Бене Джессерит

Не-корабль шел на посадку над ракианскими песками. Его движение взметнуло пыльные вихри, вьющиеся вокруг пока он с хрустом опускался, потревожив дюны. Посеребрившееся желтое солнце опускалось за горизонт, который весь долгий жаркий день беспокоили дьяволы жары. Не-корабль опустился, немного скрипнув,— поблескивающий стальной шарик, присутствие которого видно и слышно только в непосредственной близости, но ни ясновидец, ни прибор дальнего слежения не обнаружат его в просторах космоса. Двойное зрение Тега предупреждало: их прибытие не замечено и не вызывает тревоги.

— Мне нужны бронированные топтеры и бронетранспортеры, чтобы они были здесь не позднее десяти минут,— сказал он.

Люди позади него начали действовать.

— Вы уверены, что они здесь есть, башар? — это голос того подвыпившего из бара на Гамму, надежного офицера с Рендитая, в настроении которого больше не чувствовалось захватывающей горячности юности. Он повидал, как гибнут старые друзья в битве на Гамму. И как большинство других, кто остался в живых и прибыл сюда, он оставил семью, судьба которой оставалась ему неизвестна. Был оттенок горечи в его голосе, словно он старался убедить себя, что уловкой втянут в эту авантюру.

— Они скоро будут здесь,— сказал Тег.— Они прибудут на спине червя.

— Откуда вы это знаете?

— Все заранее условлено.

Тег закрыл глаза. Он мог не смотреть на закипевшую вокруг него деятельность, настолько все было похоже на многие другие командные пункты, которые он занимал в своей жизни: овальное помещение, набитое приборами и людьми, которые ими управляют, офицеры, ждущие приказаний.

— Что это за место? — спросил кто-то.

— Вон те скалы, к северу от нас,— ответил Тег.—

Видите их? Когда-то это было высоким обрывом. Оно называлось ветроловушкой. Там был съетч Свободных, сейчас он чуть больше пещеры. Там живет немного ракианских первопроходцев.

— Свободные,— прошептал кто-то.— Боги! Хочется мне увидеть, как появится червь. Я в жизни не думал, что когда-нибудь такое увижу.

— Еще одна из ваших неожиданностей, подготовленных заранее, да? — спросил тот офицер, в голосе которого возрастала горечь.

«Что бы он сказал, если бы я открыл ему мои новые способности? — подивился Тег.— Он может подумать, что я скрывал свои цели, и будет прав. Этот человек на грани откровения. Останется ли он верным, когда его глаза откроются?»

Тег покачал головой. У офицера почти не было выбора. Ни у кого из них нет другого выбора, кроме как сражаться и умирать. «И это верно,— подумал затем Тег,— что улаживание конфликтов включает в себя одурачивание больших масс. До чего же легко впасть в такое же отношение к людям, как Преподобные Черницы. Отребье!»

Одурачить — это не так уж трудно, как думают некоторые. Большинство хотят, чтобы ими руководили. И этот офицер рядом с ним тоже этого хотел. Такое желание идет еще с глубинных времен могущественного и бессознательного племенного инстинкта. Понимание того, что тобой кто-то с легкостью управляет, ведет к поискам козлов отпущения. Этот офицер тоже ищет такого козла, чтобы обвинить его в собственной глупости.

— Бурзмали желает вас видеть,— сказал кто-то слева от Тега.

— Не сейчас,— ответил Тег.

Бурзмали мог и подождать. Вскоре он получит возможность принять на себя командование. А пока что он только отвлекает внимание. Для него наступит время позже, чтобы проскользнуть в опасной близости от роли козла отпущения.

Как же легко производить козлов отпущения, с какой же охотой их понимают! Это особенно верно, когда альтернативой является признание себя самого либо виновным, либо глупым, либо и тем, и другим. Тегу захотелось сказать всем окружавшим его: «Выглядывайте, где вас одурачивают! Тогда вы будете понимать наши настоящие намерения!»

Офицер связи слева от Тега сказал:

— Теперь эта Преподобная Мать вместе с Бурзмали. Они настаивают, чтобы им позволили увидеть вас.

— Передайте Бурзмали, я хочу, чтобы он оставался с Данканом,— сказал Тег.— И пусть он присмотрит за Мурбеллой, полностью отвечая за ее безопасность. Луцилла может пройти сюда.

«Так должно было случиться»,— подумал Тег.

В Луцилле все возрастали подозрения насчет перемен в нем. Можно не сомневаться, что Преподобная Мать заметила различия.

Луцилла быстро вошла, ее платье со свистом шелестело, подчеркивая разгоряченность. Она была разгневана, но хорошо сумела это скрыть.

— Я требую объяснений, Майлс!

«Очень хорошо сразу брать быка за рога»,— подумал он.

— Объяснений чего! — спросил он.

— Почему мы попросту не отправились в...

— Потому что Преподобные Черницы и их тлейлаксанские союзники из Рассеяния завладели большей частью ракианских центров.

— Откуда... откуда ты...

— И они, знаешь ли, убили Таразу,— сказал он.

Это остановило ее, но ненадолго.

— Майлс, я настаиваю, чтобы ты объяснил мне...

— У нас мало времени,— сказал он.— Следующий дозорный спутник покажет нас в этом месте на поверхности.

— Но защитные системы Ракиса...

— Настолько же уязвимы, как и любые другие защитные системы, когда они становятся статичными,— пояснил он.— Здесь семьи защитников. Возьми их, и у тебя будет эффективный контроль над защитниками.

— Но почему мы здесь в...

— Чтобы забрать Одрейд и эту девушку с ней. О да, разумеется, их червя тоже.

— Что мы будем делать с...

— Одрейд будет знать, что делать с червем. Она, знаешь ли, теперь Верховная Мать.

— То есть ты собираешься согнать нас в...

— Вы сами себя сгоните! Я со своими людьми останусь, чтобы отвлечь их силы на себя.

После этого заявления во всем командном управлении воцарилась мертвая тишина.

«Отвлечь,— подумал Тег.— Какое же неподходящее слово».

То сопротивление, которое он задумал, должно было вызвать истерику среди Преподобных Черниц, особенно когда их заставят поверить, что гхола здесь. Они не только контратакуют, они, в конце концов, прибегнут к стерилизации. Почти весь Ракис превратится тогда в выжженные руины. Здесь вряд ли останется кто-либо живой, не выживут ни черви, ни песчаная форель.

— Преподобные Черницы все это время стараются безуспешно засечь и захватить червя,— сказал он.— Я в самом деле не понимаю, как они могли быть настолько слепы в своем понимании того, как вы транспортируете одного из них.

— Пересадить? — Луцилла запуталась.

Тег редко видел Преподобную Мать в такой растерянности. Она стремилась собрать воедино услышанное от него. Он уже замечал, что члены Ордена имели ряд способностей ментата. Ментат может прийти к достоверному решению без достаточных данных. Он подумал, что будет слишком далеко от нее или любой другой Преподобной Матери, когда она наконец увяжет все данные, во всем разберется. Потом будет отчаянная борьба за создание его потомства! Они заберут Димелу, сделав ее Выводящей Матерью в руках Разрешающих Скрещивание, разумеется.. И Одрейд. Она этого тоже не избежит.

У них есть и ключ к тлейлаксанским акслольтным чанам. Теперь будет только делом времени, чтобы Бене Джессерит преодолел угрызения своей совести и воспроизвел источник спайса — его производит человеческое тело!

— Значит, мы здесь в опасности? — спросила Луцилла.

— В некоторой опасности, да. Беда Преподобных Черниц в том, что они очень богаты. Они совершают ошибки богатых.

— Испорченные развратницы! — воскликнула она.

— Я предлагаю тебе подойти к выходному люку,— сказал он.— Скоро здесь будет Одрейд.

Она покинула его, не проронив ни слова.

— Вся бронетехника уже развернута здесь,— доложил офицер связи.

— Предупреди Бурзмали, чтоб он был готов принять командование,— сказал Тег.— Остальные из нас скоро отсюда выйдут.

— Ты ждешь, что мы все присоединимся к тебе? — спросил тот, кто искал козла отпущения.

— Я выхожу,— сказал Тег.— Я пойду один, если это нужно. Присоединится ко мне только тот, кто этого пожелает.

«В конце концов, все они пойдут,— подумал он.— Давление равенства мало понимают те, кто не прошел подготовки Бене Джессерит».

На командном пункте настала полная тишина, кроме слабого жужжания и пощелкивания приборов. Тег задумался об «испорченных развратницах».

«Неправильно называть их испорченными,— подумал он.— Иногда сверхбогатые действительности становятся испорченными. Это происходит из-за веры в то, что деньги — власть — могут купить все и вся. Почему бы им не верить этому? Они видят, как это происходит каждый день. Так легко поверить в абсолютность. Надежда прорастает вечно и вся прочая чушь! Это как иная вера. Деньги купят невозможное. Затем приходит испорченность».

С Преподобными Черницами было совсем не так. Они в некотором роде вне пределов испорченности, они прошли сквозь нее, ему это было видно. Но сейчас они вошли во что-то другое, Тег удивился, в самом ли деле он понимает, что это такое. Знание, однако, было при нем, и его новому сознанию никуда не деться от этого.

Никто из Преподобных развратниц ни на секунду не заколеблется подписать мучительный приговор целой планете, если это сулит личную выгоду. Или если в обмен получишь некое воображаемое удовольствие, или если мука подарит еще несколько мгновений жизни.

Что доставляет им удовольствие? Что удовлетворяет? Они как симутоманы. Что не стимулирует для них удовольствия, им этого требуется каждый раз все больше.

«И они знают про это!» Как же у них должно все внутренне кипеть от ярости! Попасть в такую ловушку! Они все видели, и ничего не было для них достаточно — ни добра, ни зла. Они совсем потеряли чувство умеренности.

Но они опасны. И вероятно, он не прав в одном: возможно, они больше не помнят, на что все было похоже до

страшной трансформации, которую их стимулянт с едким запахом выразил оранжевыми пятнышками в их глазах. Воспоминания воспоминаний могли быть искажены. Даже ментат сверхчувствителен к такому изъяну в самом себе.

— Червь идет! — закричал офицер связи.

Тег повернулся на стуле и посмотрел проекцию на миниатюрном экранчике, показывавшем местность к юго-западу. Червь с двумя крохотными пятнышками восседавших на нем людей представлялся отдаленной двигающейся полоской.

— Доставьте сюда Одрейд одну, когда они прибудут,— сказал он.— Шиана, юная девушка, останется сзади, чтобы помочь завести червя в трюм. Вы будете ей подчиняться. И чтоб Бурзмали обязательно находился совсем рядом и наготове. У нас будет не много времени для смены командования.

Когда Одрейд вошла на командный пункт, она все еще тяжело дышала и от нее пахло пустыней: смесью меланжа, кремния и человеческого пота. Тег, было похоже, отдыхал, сидя в кресле. Его глаза оставались закрытыми.

Одрейд подумала, что застала башара в нехарактерном для него состоянии тихой, почти печальной задумчивости. Затем он открыл глаза, и она увидела в нем перемену, о которой Луцилла успела сделать ей только небольшое предостережение вместе с несколькими торопливыми словами о трансформации гхолы. Что же случилось с Тегом? Он почти рисовался перед ней, позволяя разглядеть изменения в нем. Его подбородок был тверд и чуть-чуть вздернут в обычной позе наблюдения, узкое лицо с сетью старческих морщин не утратило своей живости. Длинный тонкий нос, очень характерный для его предков Коррино и Атридесов, еще чуть удлинился с преклонными годами. Но его седые волосы оставались густыми, и небольшой хохолок на лбу привлекал взгляд смотрящего... Привлекал к его глазам!

— Откуда ты узнал, что нас надо встречать здесь? — спросила Одрейд.— Мы понятия не имели, куда червь нас везет.

— Здесь, в Срединной Пустыне, немного населенных мест,— ответил он.— Ставка игрока. Это казалось наиболее вероятным.

«Ставка игрока»? — она слышала это выражение ментатов, но никогда не понимала его.

Тег встал с кресла.

— Берите этот корабль и отправляйтесь в место, которое вы лучше всего знаете,— приказал он.

Дом Соборов? Она чуть не произнесла это вслух, но подумала об окружавших ее, о незнакомых военных, которых набрал Тег. Кто они такие? Краткое объяснение Луциллы ее не удовлетворило.

— Мы несколько изменяем план Таразы,— пояснил Тег.— Гхола не останется здесь. Он должен ехать с вами.

Она все поняла. Им понадобятся новые таланты Данкана Айдахо, чтобы противостоять развратницам. Он не был больше просто приманкой для разрушения Ракиса.

— Ему нельзя будет покинуть место своего заточения внутри не-корабля, без сомнения,— сказал Тег.

Одрейд кивнула. Данкан был виден наблюдателям-ясновидцам, таким, как навигаторы Космического Союза.

— Башар! — крикнул офицер связи.— Нас засек спутник!

— Отлично, вы, земляные свиньи! — взревел Тег.— Все наружу! Оставьте здесь только Бурзмали.

Распахнулся задний люк станции, ворвался разгоряченный Бурзмали.

— Башар, что мы...

— Нет времени! Принимай командование! — Тег поднялся с командирского кресла и взмахом руки приказал башару Бурзмали занять его.— Одрейд скажет тебе, куда лететь,— по мстительному наитию Тег схватил за левую руку Одрейд, притянул ее к себе и поцеловал в щеку.— Делай то, что ты должна, дочка,— прошептал он.— Этот червь в трюме, может быть, скоро окажется единственным во всем мироздании.

И тогда Одрейд поняла: Тег полностью знал замысел Таразы и намеревался выполнять распоряжения своей Верховной Матери до самого конца!

«Делай, что должна». Этим сказано все.

Мы смотрим не на новое состояние вещества, а на вновь понятые соотношения между сознанием и веществом, предоставляющие нам более полное проникновение в механизмы работы предвидения. Оракул лепит спроецированное внутреннее мироздание, чтобы выработать новые внешние вероятности из непонимаемых сил.

Нет нужды понимать эти силы до использования их для физического мироздания. У древних металлургов не было надобности понимать сложные молекулярные и субмолекулярные особенности их стали, бронзы, меди, золота и олова. Они изобрели мистические силы, чтобы объяснить неизвестное, в то время как сами продолжали работать с кузнечными горнами и молотами.

Верховная Мать Тараза: довод на Совете

Древние сооружения, при помощи которых Орден засекретил свой Дом Соборов, свои архивы, помещения своих самых священных руководителей, не просто издавали звуки по ночам. Эти звуки очень походили на сигналы. За многие годы, проведенные здесь, Одрейд научилась понимать эти сигналы. Особенный звук, напряженное поскрипывание — это деревянная балка в полу, замененная около восьми сотен лет назад. По ночам ее вело и коробило — вот она и поскрипывала.

У нее были воспоминания Тараз для расширения понимания таких сигналов, но они еще не полностью проникли в нее: прошло слишком мало времени. Здесь по ночам в прежней рабочей комнате Тараз Одрейд использовала все немногие удобные моменты, чтобы продолжить это проникновение.

Дар и Тар, наконец-то одно.

Она как будто слышала комментарии Тараз.

Обладание Иными Памятями — это как существование в нескольких планах одновременно: некоторые из них очень глубоки, но Тараза оставалась близ поверхности. Одрейд позволила себе опуститься в глубь множественных существований. Скоро она распознала то «я», которое сейчас дышало отдаленно, в то время как другие требовали, чтобы она погрузилась в многосложные видéния, заполненные запахами, прикосновениями, эмоциями — всем, что первоначальные существования сохраняли в неприкосновенности внутри ее собственного сознания.

«Из колеи выбивает, когда презишь мечтами других».

Это опять Тараза.

Тараза, которая вела такую опасную игру, где ставка — будущее всего Ордена! Как тщательно она просчитала утечку слова развратницам о том, что Тлейлакс вмонтировал в гхолу опасные способности. И нападение на

Оплот Гамму подтвердило, что информация дошла до цели. Сама зверская природа этого нападения предостерегла Таразу, что у нее немного времени. Стало совершенно ясно, что развратницы, наверняка, соберут силы для полного уничтожения Гамму просто для того, чтобы убить этого одного гхолу.

Тут она рассчитывала на Тега.

Она увидела башара в своем собрании иных Памятей: отец, которого она никогда хорошо не знала.

«Я так до конца и не узнала его».

Погружение в эти памяти ослабляло, но она не могла избежать требований такого манящего резервуара.

Одрейд подумала о словах Тирана: «Жестокие поля моего прошлого! Ответы разбегаются стадом испуганных овец, затемняя небо моих неизбежных воспоминаний».

Одрейд держалась как пловец, балансирующий точно под поверхностью воды.

«Меня, скорее всего, сместят,— подумала Одрейд.— Вероятно, меня даже будут клясть».

Беллонде, конечно, нелегко согласиться на новое положение дел с командованием. Неважно. Спасение жизни всего Ордена — вот все, что должно касаться любой из них.

Одрейд выплыла из Иных Памятей и подняла взгляд, чтобы посмотреть на затененную нишу в комнате, где стоял бюст женщины, освещенный слабым светом глоуглобов. Бюст показался смутой тенью в темноте, но Одрейд хорошо знала это лицо: Ченоэ, защитный символ Дома Соборов.

«Здесь лишь по милости Господней...»

Всякая сестра, прошедшая сквозь Спайсовую Агонию (а Ченоэ через нее не прошла) говорила или думала то же самое, но что это на самом деле означало? Тщательное скрещивание и продуманное воспитание производили удачных в необходимом количестве. Где же в этом рука Божья? Бог, без сомнения, не червь, которого они привезли с Ракиса. Неужели присутствие Бога чувствуется лишь при удачах Ордена?

«Я оказываюсь жертвой претензий моей собственной Защитной Миссионерии!»

Она знала, что это сходно с мыслями-ответами, которые слышала в этой комнате много раз.

Бесплодно! И все равно она не могла заставить себя убрать этот бюст из ниши, куда его так давно поставили.

«Я не суеверна,— сказала она себ.— Я никого не принуждаю. Это вопрос традиции. Такие вещи имеют ценность очень хорошо известную всем нам. И разумеестя, никакой мой бюст никогда не будет столь почитаем».

Она подумала о Ваффе, его Лицевых Танцорах, погибших вместе с Майлсом Тегом в этом жестоком уничтожении Ракиса. Не годится слишком приковывать мысли к кровавой истощенности, от которой страдает старая Империя. Лучше подумать о мускулах возмездия, сотворяемых ошибочной жестокостью Преподобных Черниц.

«Тег знал!»

Недавно завершившаяся сессия Совета разошлась в усталости не придя к твердым решениям. Одрейд считала себя счастливой, что отвлекла внимание на новые насущные заботы, столь важные для всех.

Возмездие — оно и занимало их какое-то время. Исторические прецеденты — воплощение анализов Архива в удобоваримой форме. Эти скопления людей, объединявшихся с Преподобными Черницами, были обречены испытать неожиданный удар.

Икшианцы, безусловно, сверхраспространили себя. Они не имели ни малейших дурных предчувствий что соперничество с Рассеянием сокрушит их.

Космический Союз спихнут на обочину, он дорого заплатит за свой меланж и свою машинерию. Союз и Икс, вместе отброшенные, вместе и падут.

Рыбословш сто́ит большей частью просто игнорировать. Сателлиты Икса, они уже тают в прошлом, которое отвергнет человечество.

И Бене Тлейлакс. Ах да, тлейлаксанцы. Вафф уступил Преподобным Черницам. Он никогда этого не признавал, но правда была как на ладони. «Всего лишь однажды и с одним из моих собственных Лицевых Танцоров».

Одрейд мрачно улыбнулась, припоминая горький поцелуй своего отца.

«Я велю устроить еще одну нишу,— подумала она.— Я велю установить еще один бюст: Майлс Тег, Великий еретик!»

Подозрения насчет Тега очень ее встревожили: действительно ли он под конец стал провидцем, способным видеть не-корабли? Что ж, Разрешающие Скрещивание смогут разобраться в этих подозрениях.

— Мы залагерились! — обвиняла Беллонда.

Всем им известно значение этого слова: они удалялись в позицию обороны на долгую ночь развратниц.

Одрейд обнаружила, что она не очень беспокоится о Беллонде, о том, как она периодически смеется, обнажая широкие тупые зубы.

Они долгое время обсуждали образцы клеток Шианы. «Доказательства Сионы» в них были. Она обладала предками, которые экранируют ее от ясновидения, и она может покинуть не-корабль.

Насчет Данкана — неизвестно.

Одрейд обратилась мыслями к гхоле, находящемуся в приземлившемся не-корабле. Поднявшись с кресла, она подошла к темному окну и посмотрела в направлении дальнего посадочного поля.

Не рискнуть ли им, выпустив Данкана из-за защитного экрана не-корабля? Исследования клеток доказывали, что в нем смесь многих гхол Айдахо — среди них были и потомки Сионы. Но все же он отличается от оригинала?

«Нет. Он должен оставаться в заточении».

Что насчет Мурбеллы? Беременной Мурбеллы? Опозоренная Преподобная Черница.

— Тлейлаксанцы запрограммировали меня на убийство Геноносительницы,— рассказал Данкан.

— Попробуешь ли ты убить развратницу? — был вопрос Луциллы.

— Она не Геноносительница,— ответил Данкан.

Совет довольно долго обсуждал возможную природу связи между Данканом и Мурбеллой. Луцилла настаивала, что нет вообще никакой связи между ними и что эти двое остаются настороженными противниками.

— Лучше не рисковать, помещая их вместе.

Сексуальные доблести развратниц, однако, заслуживали того, чтобы их внимательнее изучить. Может быть, стоило рискнуть встречей Данкана и Мурбеллы в некорабле. С тщательными защитными мерами, разумеется.

Наконец Одрейд подумала о черве в трюме некорабля — червь, приближающийся к моменту своей метаморфозы. Небольшая, заполненная землей корзина, полная меланжа, ожидала этого червя. Когда наступит момент, Шиана заманит его в ванную меланжа и воды. Появившаяся в результате этого песчаная форель начнет свою долгую трансформацию.

«Ты был прав, отец. Все так просто, когда пристально на это посмотришь».

Нет необходимости искать планету-пустыню для червей. Песчаная форель сама сотворит обиталище для Шаи-Хулуда. Неприятно думать о том, что Дом Соборов превратится в огромные пустынные области, но это должно быть сделано.

Нельзя отвергать с недоверием «Последнюю волю и завещание Майлса Тега», которую он поместил в субмолекулярные системы хранения информации не-корабля. Даже Беллонда с этим согласилась.

Для Дома Соборов нужен полный переосмотр всех его исторических записей. От них требуется новый взгляд, из-за того, что Тег разглядел в Затерянных — в этих развратницах из Рассеяния.

«Вы редко узнаете имена в самом деле богатых и могущественных. Вы встречаетесь только с их представителями. Политическая арена создает немногие исключения для этого, но не позволяет разглядеть полную структуру власти».

То, что Бене Джессерит принимал как данность, ментат-философ прожевал в уме и переварил так, что все принималось в новом свете, не согласовываясь с уверенностью архивистов в непогрешимости и непритянутости их выводов.

«Мы знали это, Майлс, мы просто никогда не смотрели этому в лицо. Мы все только собираемся порыться в наших Иных Памятях на несколько следующих поколений».

Нельзя доверять фиксированным системам сохранения информации.

— Если вы уничтожите большинство копий, время позаботится об остальном.

Как же архивисты взъярились на это заявление башара!

«Писание истории — это, вероятно, процесс отвлечения. Большинство исторических отчетов отвлекает внимание от тайных влияний вокруг описываемых событий».

Это было то, что убедило Беллонду. Она приняла это на свой собственный счет, согласившись.

Тег перечислил некоторые такие процессы: «Уничтожить максимально возможное количество экземпляров, скрыть слишком разоблачительные отчеты под сукно, игнорировать их в центрах образования, пребывать в уве-

ренности, что они нигде не цитируются, и в некоторых случаях уничтожение авторов».

«Не упоминая о процессе поиска козлов отпущения, который приносит смерть более чем одному гонцу, доставлявшему неприятное известие»,— подумала Одрейд, вспоминая древнего хана, державшего пику наготове — убивать гонцов, приносивших плохие вести.

— У нас есть хорошая информационная основа, на которой мы построим лучшее понимание нашего прошлого,— доказывала Одрейд.— Нам всегда было понятно, что́ именно стоит на кону в конфликтах: кто в итоге будет контролировать богатство мира или его эквивалент?

Возможно, это и не совсем настоящая «благородная цель», но на нынешнее время она сойдет за таковую.

«Я избегаю главной темы»,— подумала она.

Что-то нужно сделать с Данканом Айдахо, и все они это знали.

Со вздохом Одрейд призвала топтер и приготовилась к короткой поездке на не-корабль.

«По крайней мере, тюрьма Данкана комфортабельна»,— подумала Одрейд, когда вошла туда. Прежде здесь были командирские апартаменты корабля, недавно их занимал Майлс Тег. Здесь до сих пор оставались следы его присутствия — небольшой голопроектор, дававший изображение его дома на Лернаусе: величественный старый дом, длинная поляна, река. Тег оставил портняжный набор рядом на прикроватном столике.

Гхола сидел в подвесном кресле, глядя на проекцию. Он слабым взором посмотрел вверх, когда вошла Одрейд.

— Вы просто оставили его там умирать, верно?— спросил Данкан.

— Мы сделали то, что были должны,— ответила она.— И мы повиновались его приказам.

— Я знаю, зачем ты здесь,— проговорил Данкан.— Тебе не удастся заставить меня передумать, я не чертов племенной жеребец для ведьм. Ты меня понимаешь?

Одрейд разгладила свое одеяние и присела на край кровати лицом к лицу с Данканом.

— Ты изучил ту запись, которую оставил нам мой отец? — спросила она.

— Твой отец?

— Майлс Тег был моим отцом. Я сообщу тебе его последние слова. Он был под конец нашими глазами там. Он

должен был увидеть смерть Ракиса. «Ум в своем начале», понимающий взаимозависимости и ключевые бревна».

Увидев Данкана озадаченным, она пояснила:

— Слишком долго мы оставались пойманными Пророческим лабиринтом Тирана.

Она почувствовала, как он оживился и выпрямился кошачьим движением, говорившим, что мускулы отлично годятся к нападению.

— Нет способа, которым ты мог бы живым ускользнуть с этого корабля,— сказала она.— И ты знаешь почему.

— Сиона.

— Ты для нас представляешь опасность, но мы бы хотели, чтобы ты прожил полезную жизнь.

— Я не собираюсь скрещиваться для вас — особенно, с этой маленькой насмешницей с Ракиса.

Одрейд улыбнулась, стараясь вообразить, как бы Шиана отреагировала на такую характеристику.

— Ты находишь это смешным? — спросил Данкан..

— Не в этом дело. Но мы, без сомнения, все равно получим ребенка Мурбеллы. Я так думаю, это нас удовлетворит.

— Я говорил с Мурбеллой по системе связи,— сказал Данкан.— Она надеется стать Преподобной Матерью и думает, что вы примете ее в Бене Джессерит.

— Почему бы и нет? Ее клетки прошли тест Сионы. Я думаю, из нее выйдет превосходная Сестра.

— Она в самом деле вас провела?

— Ты имеешь в виду, замечаем ли мы, что она воображает, будто пробудет с нами, пока не выведает все наши секреты, а затем сбежит? О, мы знаем это, Данкан.

— Ты считаешь, что она не сможет от вас сбежать?

— Данкан, однажды кого-нибудь приобретя, мы, на самом деле, никогда его не теряем.

— Ты думаешь, что вы не потеряли леди Джессику?

— В конце концов она вернулась к нам.

— Зачем же ты пришла увидеться со мной?

— Я думала, что ты заслуживаешь объяснения замысла Верховной Матери. Понимаешь ли, он был нацелен на уничтожение Ракиса. Чего она действительно желала, так это уничтожения почти всех червей.

— Великие Боги! Почему же?

— Эти перлы сознания Тирана, увеличенные их поголовьем,— они были Пророческой силой, державшей нас в путах. Он не предсказывал событий, он их творил.

Данкан указал в сторону задней части корабля.

— Ну как же этот...

— Этот? Он теперь один-единственный. К тому времени, когда от него произойдет достаточное количество, чтобы опять получить влияние, человечество уйдет далеко по своему пути. Мы к тому времени будем слишком многочисленны, будем делать слишком много различных вещей по нашему собственному желанию. Ни одна сила не сумеет больше полностью управлять всеми нашими будущими никогда снова.

Она встала.

Когда он не ответил, она продолжила:

— Пожалуйста, подумай, какую жизнь тебе захочется вести — внутри наложенных ограничений, которые, я думаю, ты признаешь. Я обещаю тебе помочь всем, чем только смогу.

— Почему ты?

— Потому, что мои предки любили тебя. Потому, что мой отец любил тебя.

— Любовь? Вы ведь не способны чувствовать любовь!

Она смотрела на него почти минуту. Высветленные волосы потемнели на корнях и опять начали завиваться колечками, особенно на его затылке, отметила она.

— Я чувствую то, что я чувствую,— ответила она.— И ты принадлежишь нам, Данкан Айдахо.

Она увидела, что увещевание Свободных произвело на него эффект, затем повернулась и вышла из комнаты вместе с охраной.

Прежде чем покинуть не-корабль, она спустилась в трюм и посмотрела на неподвижного червя, лежавшего на ракианском песке. Обзорный люк был расположен приблизительно на высоте двухсот метров. Рассматривая червя, она присоединилась к безмолвному смеху Таразы, все больше сливавшейся с ней.

«Мы были правы. А Шванги и ее люди не правы. Мы знали: это Он хочет освободиться. Он должен был хотеть этого после всего, сотворенного Им».

Она говорила вслух громким шепотом, не только для себя, но и для ближних наблюдателей, стоявших здесь для созерцания момента, когда в черве начнется метаморфоза.

— Теперь мы владеем твоим языком,— проговорила она.

В этом языке не было слов, только движения — танец приспособления к движущемуся, танцующему мирозданию.

Можно только говорить на этом языке, но перевести его нельзя. Значение, к которому необходимо прийти через опыт, даже когда значение меняется прямо на глазах. «Благородная цель» оказывалась в конце концов всего лишь непереводимым жизненным опытом. Но, смотря на грубую, неуязвимую для жары шкуру этого червя из ракианской пустыни, Одрейд поняла, что она видит зримое свидетельство благородной цели.

Она тихо его окликнула:

— Эй! Старый червяк! Каков же был твой замысел?

Ответа не последовало, но она ведь, конечно, и не рассчитывала на ответ.

КНИГО-
ТОРГОВАЯ
ФИРМА
«БУКС»

По вопросам реализации данной книги оптовым покупателям обращаться в книготорговую фирму «БУКС».
телефон: (095) 111-41-57

Фрэнк Херберт

ЕРЕТИКИ ДЮНЫ

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск
Ильгар Гусейнов

ЛР № 070335 от 28.01.92.

Сдано в набор 12.01.95. Подписано в печать 20.02.95. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. п. л. 26,88. Тираж 25 000 экз. Заказ № 2825.

Издательство «Амбер Лтд».
665830, Ангарск, 76—9.

Издание подготовлено при участии издательства «Сигма-пресс».

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Роскомпечати. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»